КОНТИНЕНТ

133

2007

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 133

Владимир Салимон

По ночам,
когда время становится
ощутимо физически
мной,
отчего, будто мне
нездоровится,
я сижу
совершенно больной?

Оттого, что не важно, наверное,
но до ужаса ясно одно:
время - не существо эфемерное,
каковым представлялось оно.

Виктор Шендерович

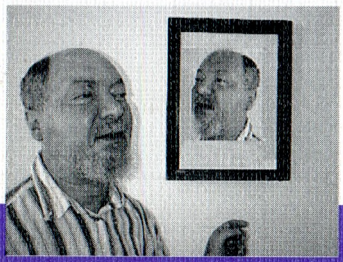
Решили власти в Ставрополе рубануть мемориальную рощицу. И тут народ поднялся на защиту зеленых насаждений и, не поверите, - остановил вырубку! Каким образом? А вот каким: активисты-пенсионеры повесили на березки портреты Путина, - и вырубка прекратилась, не начавшись. Ибо в нынешней России можно рубить под корень заповедники и засанделивать элитное жилье на месте Мемориала павшим, но трогать портрет Путина, – таких смельчаков нет!

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Статьи и очерки Левана Варази, Александра Запесоцкого, Юрия Каграманова, Галины Климовой, Виктора Копытько, Ольги Масловой, Андреаса Умланда, Натальи Шаровой

А также **«Дневник редактора» Игоря Виноградова, выпуск 5-й** и наш постоянный раздел

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»

Юрий Малецкий

Хочу подчеркнуть, что мы с вами разбираем дело Штайна, только Штайна, а вовсе не автора «Людмилы Улицкой» и уж никак не самой писательницы Людмилы Улицкой, и подавно – не человека с паспортными данными «Людмила Евгеньевна Улицкая». Думаю, нет нужды объяснять, что все это – совершенно разные юридические и физические лица.

Поздравляем

— замечательного русского прозаика, достойно представляющего сегодня традиции шестидесятнического вольнодумства, — и в то же время автора, умеющего быть злободневным, живо откликающегося на проблемы современного общества, члена редколлегии «Континента» с самого начала существования журнала

Василия АКСЕНОВА

с 75-летием

— христианского публициста, богослова, члена редколлегии журнала, нашего автора и друга

Александра КЫРЛЕЖЕВА

с 50-летием

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

133

2007, № 3
июль — сентябрь

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И.И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(495) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
http://continent-rus.ru/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В.Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Пауль ГОМА
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Оливье КЛЕМАН
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Виктор СПАРРЕ
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Евгений ЕРМОЛИН, Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
Ul Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Владимир САЛИМОН
На свете есть немало тайн. *Стихи* 9

Юрий МАЛЕЦКИЙ
Случай Штайна: любительский опыт
богословского расследования. *Роман о романе* 14

РОССИЯ И МИР

Юрий КАГРАМАНОВ
Будущее начинается в школе 251

Андреас УМЛАНД
«Неоевразийство», вопрос о русском фашизме
и российский политический дискурс 279

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ
Дмитрий Лихачев: личность и власть 286

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ
Комментарий к событиям российской жизни
/апрель — июнь 2007 г./ 303

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской современности
в русской сетевой и бумажной периодике
второго квартала 2007 г. 352

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Галина КЛИМОВА
Кантор из Харбина. *Из книги «Путеводитель*
по семейному альбому в стихах и прозе» 369

РЕЛИГИЯ

Основные события церковной жизни
в зеркале прессы (*июнь — август 2007*) 377

ГНОЗИС

Леван ВАРАЗИ
«Первая Мыровая» 385

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Философская, социологическая и политологическая мысль
в русской периодике второго квартала 2007 г. 405

ПРОЧТЕНИЕ

Наталья ШАРОВА
Старик и Бог 414

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Екатерина ИВАНОВА
Молодая поэзия в поисках живого слова 419

Ольга МАСЛОВА
Роман о любви сегодня. *Новый взгляд или вечное возвращение* . . . 430

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Художественная литература
Второй квартал 2007 г. 440

ИСКУССТВО

Виктор КОПЫТЬКО
Гибель стиля по Владимиру Вейдле,
или Трудная жизнь искусства 457

Игорь ВИНОГРАДОВ
ДНЕВНИК РЕДАКТОРА
Выпуск пятый. Июль–сентябрь 2007 г.

1. Вот и опять... 466
2. Все более обыкновенная история, к сожалению... 468
3. А если и десяти не сыщется?.. 477

Владимир САЛИМОН

НА СВЕТЕ ЕСТЬ НЕМАЛО ТАЙН

* * *

Небо голубое, беспощадное,
клочья облаков, летящих по ветру,
словно выражение злорадное
на лице своем,
заметил поутру
для меня довольно нетипичное
проявление бесчеловечности,
в зимнем небе нечто неприличное,
дерзкое, по отношенью к вечности.

* * *

Влекут меня злонравия плоды.
Но что-то заставляет поневоле,
когда взгляну на тщетные труды
крестьянина, поморщится от боли.

Картофелеуборочный комбайн,
каким-то чудом не утопший в глине —
на свете есть еще немало тайн —
как будто сфинкс посереди пустыни.

* * *

Чем-то явную обеспокоенность
легкий шорох листвы выдает,
и Вселенская необустроенность
нас с удвоенной силой гнетет.

Владимир САЛИМОН — родился в Москве в 1952 году. Окончил Педагогический институт. Автор тринадцати поэтических книг, в том числе: «Уличное братство» (1989), «Невеселое солнце» (1994), «Красная Москва» (1996), «Бегущие от грозы» (2001), «Возвращение на землю» (2002), «Опрокинутое небо» (2004), книги избранных стихотворений «Раз и навсегда» (2003), «Счастливым происшествиям свидетель» (2006). Живет в Москве.

По ночам, когда время становится
ощутимо физически мной,
отчего, будто мне не здоровится,
я сижу совершенно больной?

Оттого, что не важно, наверное,
но до ужаса ясно одно:
время — не существо эфемерное,
каковым представлялось оно.

* * *

Еще не наступил рассвет,
и на дворе потемки.
А питие — Руси во вред,
товарищи потомки.

Веселие — не есть удел
грядущих поколений,
как если б вдруг зазеленел
внезапно лес осенний.

* * *

Не странно ль человеческую речь
услышать там, где только грай вороний
грохочет среди ночи, как картечь.

Мир здешний, а не мир потусторонний
подчас пугает более всего.

Вдруг челюсть ни с того и ни с сего
отвалится и обнажит стальные
резцы, мои клыки и коренные.

* * *

К сильным мира сего возводил
я восторгом объятые очи,
и по собственной воле ходил
поглазеть на нетленные мощи.

Что покойника видел в гробу,
с полным правом могу утверждать я,
как, протискиваясь сквозь толпу,
бесконечные слышал проклятья.

* * *

Я вдруг представил так отчетливо,
что от волненья стиснул зубы —
речушка, сколь ни изворотлива,
а все ж ее загнали в трубы.

Существование бесславное
влачит, во тьме кромешной тускло
мерцает, но осталось главное —
она не поменяла русла.

* * *

Группа граждан из Индокитая
улучит свободную минуту,
но она, как рыбка золотая,
ускользнет, в умах посеяв смуту.

Лишь об окончанье перекура
возвестит надсадный рев мотора,
тотчас небо сделается хмуро,
очевидно, солнце сядет скоро.

Только огоньки электросварки
расцветут внезапно в полумраке,
в свете фар необычайно ярки
станут запрещающие знаки.

* * *

Я придумал себе развлеченье —
с молодежью сойдясь, делать вид,
что довольствуюсь без исключенья
всем, что время всучить норовит.

Целый вечер сижу, улыбаясь,
и вокруг с любопытством смотрю,
а когда ухожу, извиняюсь
и застенчиво благодарю.

Хлопья снежные сыплются с неба.
Свет струит в полумраке луна.
В Третьем Риме и зрелищ и хлеба
на сегодня хватает сполна.

* * *

В том, что дождь накрапывает часто,
в том, что подставляя ему спину,
морщусь чаще прежнего гораздо,
нахожу тоски своей причину.

Только в изысканиях подобных
вовсе нету никакого смысла,
словно в комментариях подробных,
от которых горько, либо кисло.

* * *

Острым, как бритва, железнодорожным
врезанная полотном,
будто движением неосторожным,
вспорота степь за окном.

Мерзлая глина на солнце дымится.
Вдруг у меня на глазах,
выскочив из бурелома, волчица
скрылась в ближайших кустах.

Разница между собакой и волком
в общем-то невелика,
не разобравшись в увиденном толком,
спутать мог наверняка.

* * *

Хочется молча присесть на песок
и, обнявшись, зарыдать.
Свет от оструганных льется досок.
Льется с небес благодать.

Может быть, предназначенье мое
в том, чтобы в небо глядеть,
может быть, в том лишь призванье мое,
чтоб за живое задеть.

Рану давнишнюю разбередить,
кровь, загустевшую, течь
заново в прежнее русло пустить,
дух на смятенье обречь.

* * *

Вот какая страсть кипит у нас
от Кремлевских звезд неподалеку,
вот как мужичонка щурит глаз,
уличивши в воровстве сороку.

Он одним движением с плеча
скинет захудалое ружьишко,
как сорока порхнет, стрекоча,
так сейчас сороке будет крышка.

Никого вокруг не огорчит
гибель без вины пропавшей птицы,
лишь окровавленной тушки вид
озадачит жителя столицы.

* * *

От счастья птицы машут крыльями,
как от восторга машут люди
руками потными и пыльными,
спешащие к речной запруде.

Местечко это облюбовано
давно для рыбной ловли ими,
земная твердь отполирована
их ягодицами тугими.

* * *

Свет неведомый поутру хлынет с небес
и накроет меня с головой,
и увижу я поодаль речку и лес,
если только останусь живой.

Если ветра порывом меня не сметет
с опустевшей внезапно земли,
не забросит в сугроб, не засунет под лед,
и не даст мне пропасть на мели.

Между речкой и лесом заснеженный луг,
посредине которого стог,
с наступленьем зимы мне откроется вдруг —
даст-то Бог, даст-то Бог, даст-то Бог!

Юрий МАЛЕЦКИЙ

СЛУЧАЙ ШТАЙНА: ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ БОГОСЛОВСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Роман о романе

От редакции

Предлагаемый читателю *роман о романе* Юрия Малецкого своим появлением обязан журналу «Новый мир». Это именно новомирским нашим коллегам пришла идея опубликовать подборку откликов на нашумевший роман Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик». Попросили высказаться на эту тему и Малецкого. Однако его «реплика» превзошла все ожидания и возможности новомирской подборки: мало того, что проделанный анализ «Даниэля Штайна» количественно едва ли не соперничал с самими романом Улицкой, выступление Малецкого по своей проблематике, ширине и глубине охвата превратилось в серьезный (и на наш взгляд, чрезвычайно удачный) опыт апологии Церкви «от противного». В итоге получилась вещь, сопоставимая с «Вечным Человеком» Честертона и «Просто христианством» Льюиса, из которой «Новым миром» была опубликована едва ли десятая часть[1]. Мы же печатаем труд Малецкого целиком — и помещаем его не в разделе «Религия» или «Литература и время», не в рубрике «Прочтение» или «У книжной полки», а непосредственно в «Литературной гостиной "Континента"», на законном месте художественной прозы. Потому что произведение Юрия Малецкого мы считаем не затянутой критической статьей и не богословским трактатом, а художественным произведением, очень своеобразного жанра, художественно-философской прозой — романом о романе, как и было сказано. И право отнестись к тексту Малецкого именно таким образом дает нам в числе прочего следующее обстоятельство: у Малецкого, как представляется нам, получилось то, что самой Улицкой удалось не вполне, — живой, объемный и по-своему симпатичный главный герой — *Даниэль Штайн, переводчик*.

[1] *Малецкий Ю.* Роман Улицкой как зеркало русской интеллигенции // Казус Даниэля Штайна // «Новый мир», 2007, № 5.

Юрий МАЛЕЦКИЙ — родился в 1952 году в Куйбышеве (Самара). Окончил Филологический факультет Куйбышевского университета. Под псевдонимом Юрий Лапидус в 1986 году дебютировал в «Континенте» (повесть «На очереди», № 47–48). Печатался в «Знамени», «Новом мире», «Согласии» и др. журналах. С романом «Любью» вошел в шорт-лист претендентов на Букеровскую премию. Постоянный автор «Континента». С 1996 года живет в Германии.

Оглавление

1. Удивительное — рядом 16
2. Ich liege Widerschpruch 18
3. Явление героя 21
4. Audiatur et altera pars 22
5. Бойтесь данайцев, дары приносящих 27
6. Опыт согласования шести углов могиндовида с тем, был ли Иисус Христос, когда Его еще не было 31
7. Как устроен Бог 38
8. Чему учат в Кракове 43
9. Гений перевода 51
10. Автора! 58
11. А если это любовь? 62
12. Во что верил Иисус 73
13. Туман полной ясности 86
14. Лента Мебиуса, или Время разграничивать камни 89
15. Без мазохизма! 102
16. Mea Culpa, или Кто виноват? 108
17. Како веруеши? 119
18. Vade retro 125
19. Об изобретателях велосипедов 130
20. Безо всякого Иакова 150
21. Тень отца 164
22. ...и тень Папы 168
23. Новый или расширенный? 175
24. Ихний кардинал и наш диакон 188
25. Идефикс, или Еще раз о еврейской простоте 193
26. Мост над пропастью 201
27. Очень своевременная книга 207
28. Или ожидать нам другого? 225
29. Камень на камень, кирпич на кирпич... или Камня на камне 231
30. А напоследок я спрошу 239
31. P. S. Хроника текущего расследования: Дело Руфайзена как прототипа Штайна 242
32. P. P. S. Хроника текущего расследования: последние новости 243
33. Приложение 248

Фридриху Дюренматту
и всем любителям детективного жанра

1. Удивительное — рядом

Роман «Даниэль Штайн, переводчик» — в своем роде роман-детектив: расследование рассказчиком дела «утраченного» фигуранта, с каковой целью и проводится сбор материалов о нем у очных или заочных его знакомых и родственников, а также его собственных показаний, данных им в прошлом, когда следы его еще не были утрачены.

Мой опыт расследования расследования — своего рода детектив о детективе. Как выяснилось неожиданно для меня, он не имеет конца.

Надо сказать, я, не утративший, вопреки текучке постоянного чтения (как верно заметил Саша Соколов, «*чтобы писать, надо читать*»), преданной любви к детективам, только один такой «висяк» и помню: роман Дюренматта «Обещание», где первоклассный сыщик, дав себе обещание найти преступника и сделав больше, чем в его силах, так и не может исполнить своего обещания. Детектив с открытым финалом, где порок так и не наказан, — оставляет по прочтении бóльшее впечатление, чем все остальные, именно из-за нарушения и жанровых правил игры, и потому, что так и не дает нам нравственного удовлетворения, которого мы всегда ждем от расследований мисс Марпл.

Герой же нашего романа — вовсе не преступник, напротив, он очень хороший человек, — но странность обстоятельств дела от этого меньшей не становится.

А теперь — *за мной, читатель.*

Книга «Даниэль Штайн, переводчик» — необыкновенна. Именно так. Не необычайна, а — необыкновенна. Временами она буквально потрясает.

Мне говорили, когда я возвращался на чужестранщину: вот удивительная книга — и притом так легко читается! Я прочитал. И действительно, легко читается. Настолько легко, что человек со стремительно развивающейся катарактой, я то есть, всего за неделю ее прочел.

И действительно — удивительная. Местами она просто «пробивает человеческое сердце». Не всякое человеческое сердце, но сердце читателя... ну, скажем, специфического. Вроде меня. Но и я тоже — читатель и человек. И пробить и мое сердце в числе прочих — только и хотел, кажется, скромный литератор Достоевский.

Он был из садистов садист и намеревался все время пробивать человеческие сердца одно за другим, ржавым гвоздем за гвоздем, — даже тех миллионов, которых и по имени не знал, и чтоб и будущих, когда уж ему будет без разницы, но все равно чтобы и их достать, — а там хоть и солнце не вставай.

Кто его знает, что он имел в виду, этот гений, кто их разберет, — но, довольно вероятно, покойный мог бы написать сам именно такую книгу, как вот эта. То есть не то чтобы мог, а с некоторой неизбежностью

написал именно вот эту книгу руками писателя Улицкой. В том смысле, что, согласно Борхесу, та книга не может быть признана настоящей, в которой не содержалось бы ее антикниги. Оставим раз и навсегда в покое дискутируемый вопрос, что-де антикнига — это книга с «антизарядом», но качественно конгениальная книге, в коей она скрывается. Это нас в данном случае завело бы... как раз недалеко. Этот-то вопрос решается слишком быстро и, увы, однозначно-преоднозначно; а роман «Даниэль Штайн» завел меня очень далеко, и значит, дело не в качестве, не в степени художественности, а в степени необычайности, неслыханной смелости самих идей, сих «открытий чудных», которыми «Даниэль Штайн» прост-таки преисполнен.

Вот только в смысле идейно-содержательной переполненности, и опять же только в том смысле, что у Достоевского «*очень много чего разного и неожиданного о христианской религии можно вычитать*». Вот только если в одном этом плане, не говоря о прочем, признать книги Достоевского настоящими (а я надеюсь, на пленарном заседании, когда и кворум подберется, мы их таковыми и признаем); вот только если — в порядке бреда — отделить идеи от образов, слова — от произносящих их персонажей, накал спора — от спорящих сторон, если невозможным способом вывести всю эту художественность за скобки, — то в его романах, в самой идейной гуще, и содержится их анти-роман «Даниэль Штайн», восхитивший меня.

С точностью до наоборот.

Когда после всех рекомендаций я убедился и впрямь, что роман продается в любом книжном лотке на Москве, чисто Маринина или Дашкова, то есть что это — и правда бестселлер, а потом еще увидел его в Самаре, за 1100 км от Москвы, на столь же почетном месте в книжных лотках, — я все-таки еще не понимал, какого уровня популярности эта книга. Только когда мой приятель поехал из Мюнхена в Ульм, — и первый, кто оказался его соседом, был русский, и не просто русский высокого элитного гуманитарного слоя: это был человек, переведший обе книги Й. Хёйзинги — «Осень Средневековья» и «Хомо Люденс», те именно, что издавались у нас в его переводе с фламандского на русский, — и вот элитный культуролог, знающий аж фламандский, он и говорит моему приятелю, а тот потом — мне: «*Я сейчас читаю изумительную книгу "Даниэль Штайн"— и весь мой круг читает ее с восторгом. Вот где, наконец, сказано, что такое настоящий священник, какой должна быть христианская любовь...*», — и все такое.

Тут наконец дошло и до меня: это уже сенсация. Книга о религии, о Церкви, ставшая бестселлером «*от потрясенного Кремля до стен недвижного Китая*», во всяком случае, до русской границы с ним, — ну, это превосходит тысячекратно успех какого-нибудь там «Отца Сергия»...

Жена моего друга, умная женщина, член Зарубежной православной русской Церкви (а сказать, что эта Церковь консервативна, — это сказать, что Пушкин — даровитый русский поэт), читает книгу Улицкой с восторгом. Не буду приводить весь список, только скажу: здесь за буг-

ром у нас, русских, эта книга повально косит восхищенные ею ряды, как в метрополии — фильм «Остров» (я сравниваю эти две вещи только как феномен совсем не коммерческого «посыла», ставший феноменом всеобщего восхищения).

После такого специфического успеха я уже «стопудово» понял, что имею дело с чем-то из ряда вон выходящим за последние 136 лет со дня смерти помянутого «нашего всего» Ф. М. Д. Вынужден согласиться — давно уже не появлялась такая художественно-внехудожественная книга на Руси, как эта, поющая гимн Христовой церкви.

Вот только — как поющая? Что поющая?

Загадочная книга. Подлинно загадочная. Как загадка Бермудского Треугольника.

Если в строчке из всем известной песни Высоцкого о помянутом Треугольнике чуточку изменить слова, то это и будет прямой характеристикой впечатления, полученного мной от новой книги Л. Улицкой: «*удивительное — рядом, и оно — разрешено*».

Впрочем, полученное впечатление целиком укладывается и в другие строки этой песни — от первых слов: «*Дорогая передача!.. Вся Канатчикова Дача...*», — до последних. И уже безо всяких изменений.

2. Ich liege Widerschpruch

Более чем уверен, поклонники романа, по замечательной нашенской поговорке «*не по хорошу мил, а по милу хорош*», не вчитываясь, по одной лишь интонации начнут упрекать меня в том и сем: в предвзятости и личной нелюбви к автору, доходящей до прямой злобы и обскурантизма, характерных для не лучших церковных кругов, в желании опорочить настоящую Церковь и настоящую церковную Любовь от лица начетчиков и догматиков, обозленных тем, что настоящая Церковь оказалась более конкурентоспособной и побеждающей, чем их традиционный, а на самом-то деле сектантский православный или католический церковный взгляд на церковную Любовь из темного угла закрытого для живых людей мирка и пр., и пр.

Поэтому спешу предварить их гнев и заявляю сразу, хоть это и вряд ли поможет, но все же, для очистки совести: да, я не поклонник этой книги, — но именно из любви к герою и автору, нормальной человеческой и хотя бы на грош христианской любви. И доказывается это очень просто: мне потому и не нравится роман, что я уважаю серьезную и честную писательскую работу, — и потому, нравится это сочинителю или нет, прочел книгу внимательно, а это и есть уважение на грани любви, — тогда как поклонники романа, в чем я убежден, люди чаще всего серьезные и умные, остаются его поклонниками потому, прежде всего, что прочли книгу невнимательно, не продумывая все, что там сказано, движимые одной лишь эмоцией «любви», стихией и стихийным бедствием «любви», — а стало быть, они-то, позволившие себе читать роман без усилий, не трудясь над его осмыслением, — они,

а вовсе не я, — и не являются носителями уважения и любви к герою и автору.

Дальнейшее и ставит себе не последней, хоть и не единственной целью, — это обосновать, осмыслив. А там — делай что должен, и будь что будет.

Сразу оговорю еще одно: нижеследующее — не рецензия, то есть не целостный... как это?... а, вот, «идейно-художественный анализ» романа. Я давно взял за правило не высказываться публично о своих собратьях по перу, памятуя пушкинское «*людей, о коих не сужу затем, что к ним принадлежу*». Зная по себе, что, как говаривали при встрече наши «Серапионы»: «*Здравствуй, брат, писать очень трудно*», — я отдаю этому дань и у собратьев по ремеслу.

Если я впервые решился в сторону товарища по оружию и несчастью (какое ж это счастье: ты трудно пишешь, а тебя легко толкует всяк кому не лень!) разинуть рот публично, то только потому, что, — режьте меня на куски, — на сей раз просто не могу молчать.

Если я решился разинуть рот на столь длительное время — написать по поводу прочитанного не отклик длиною в формат максимум критической статьи, а в формате небольшого этакого романа величиной так-этак с «Отцы и дети», — я бы сказал, «романа-трактата о романе», — то это только потому, как я убеждался все более в ходе писания всего нижеследующего, что конкретные возражения или опровержения всех многообразных извивов заветной идеи главного героя, — по мере их продумывания, по ходу текста романа «Даниэль Штайн», — ведут к пусть фрагментарному, пусть клочковатому, пусть не связанному до конца воедино, но — опыту современной апологетики христианской Церкви — «от противного». Апологетики, конечно, любительской: я не дипломированный теолог и вообще простой российский литератор, коему товарищ разве серый брянский волк.

Но, наблюдая с сокрушенным сердцем феноменальный успех «Даниэля Штайна», я понял, что любая мало-мальски мотивированная, обоснованная защита и разъяснение того, что на самом деле есть позиция Церкви, — просто насущно необходимы, и кто почувствовал в себе решимость это сделать, пусть со всеми частными неточностями и ошибками дилетанта, — пусть это буду даже я грешный, при всем помянутом тамбовском звере, как-никак 25 лет так или иначе живущий в Церкви (правда, не в католической, как наш герой, а в православной), пусть mit Ach und Krach, пусть временами на краю церковной ограды, «хуторянином», — тот и будет прав. И имеет право, если не обязанность, своим правом воспользоваться.

Соответственно все дальнейшее и пишется только для тех, кому интересно не столько то, чтобы Церковь, вообще христианство были такими, как автору «Штайна» или данному читателю хочется, — а то, какими они являются на самом деле. В числе последних — и сам ваш покорный слуга, пытающийся разобраться в этом деле, продумать его в первую очередь для самого себя. Это такая персональная апология, та-

кая помощь в собственном пути. Себе на дорожку. Но, может, и кому другому будет немного полезна. При вышеуказанном условии.

Остальным это будет скучно.

Дальнейшее не для «остальных».

Как это называется в судебно-канцелярско-чиновничьей практике Германии: «*Ich liege Widerschpruch*», — что буквально значит: «*Кладу возражение*».

Я возражаю. Всеми силами сознания, подсознания и сверхсознания. «Эго», «супер-эго» и «ид». Силами «коллективного бессознательного» во мне и личной со-вести во мне же.

Против чего? И почему?

Уж во всяком случае не потому, что книга плохо написана, — вовсе нет. С чисто профессиональной точки зрения все сколочено умело, все путем, разнородные отрывки писем, записных книжек, дневников и т. п., принадлежащих, наверное, трем десяткам персонажей, читать и правда легко: фикшн, заполированный под «нон-фикшн», да еще соединенный с древним жанром житийного, агиографического повествования, — знает сочинитель об этом или нет. Эта стихийная опять же попытка прорыва в новый, синтетический жанр сама по себе — и достаточно смела, и, в общем, умела.

Настораживает разве что язык: за исключением трех-четырех действующих лиц, все остальные и говорят, и пишут на каком-то едином-для-всех эсперанто — «общелитературном» русском языке. Араб или германец — все говорят гладким языком хорошего русского школьного сочинения.

Отсутствие речевой дифференциации дает ощущение некоторой монотонности, что и обеспечивает «легкое чтение»: скользя глазом по беззанозистому повествованию, даже при развивающейся катаракте, читаешь сравнительно легко. Да и, как выясняется постепенно, эта речевая гладь имеет свои плюсы, может, так и было задумано: отсутствие индивидуальной «*грамматической ошибки*», индивидуальной речи должно не отвлекать от главного героя книги, с которым так или иначе пересекаются пути всех переписывающихся, ведущих дневники и др., назначение которых — не довлеть себе, а в первую очередь вылепить, сделать рельефным центральный образ — путем пересечения их отзывов о нем и т. п. Причем, надо сказать, попытка удалась: главный-то персонаж как раз выглядит вполне живым, индивидуально говорящим и очень нестандартно ведущим себя. От начала до конца он верен себе, своей нестандартности — и своей идее.

Вот из-за нее-то, этой самой идеи, — и не могу молчать, ешьте меня с маслом. Против нее-то — и возражаю, чтоб меня намочило, отсохни язык, кроме шуток и без дураков.

Вот ради нее-то автором и написано более пятисот страниц. Это тот случай, когда литература откровенно тенденциозна, и суть книги воплощена не в художественной форме, а вообще нуждается в каком-либо

воплощении лишь «постольку-поскольку»: как-то же она должна быть выражена, а всего живей и доходчивей — высказать ее устами героя. Это ему доверено «*высказать правду, как я ее представляю*» (от автора, в послесловии — о цели романа).

Что ж, такую вещь как прямой «идейный посыл», что я лично вполне уважаю, — такую вещь мы и будем судить по правилам игры, то есть будем обсуждать саму эту ведущую идею, а не второстепенную в данном случае «художественность». А лучше сказать: будем «вертеть» идею, воплощенную или не-воплощенную в художестве такого рода-вида.

Для чего в первую очередь надо познакомиться с протагонистом романа.

3. Явление героя

Его зовут Даниэль Штайн. Представлю вкратце его не читавшим романа и напомню читавшим.

Конспективно — основная коллизия.

Ситуация: молодой католический священник (и монах-кармелит, то есть по-нашему, по «греко-российски», — иеромонах) приезжает в Израиль, чтобы служить в латинском Иерусалимском Патриархате католической Церкви. При этом служение свое он понимает специфически: как создание новой Церкви в рамках католицизма.

Какой же?

Это-то как раз и вопрос.

Дело в том, что Даниэль Штайн, по происхождению польский еврей, совсем молоденьким человеком прошел — удивительно, как и все в его жизни, — огонь, воду и медные трубы нацистской оккупации, настигшей его в Белоруссии. Переживая муки и гибель множества ни в чем не повинных людей, он сначала пытается спасти кого может от смерти (опять-таки в силу уже совсем уникальной ситуации, в которую ставит его жизнь: его принимают за не-еврея и вынуждают служить официальным переводчиком с немецкого на польский и белорусский в гестапо, стать каким-никаким гестаповцем, носить гестаповскую форму, — и вот эту-то ситуацию он использует не во зло, а во благо людям). В конце концов он спасает от гибели сразу триста обитателей местного гетто. После чего, разоблаченный, вынужден спасаться уже сам. Побег ему опять-таки удается, а по ходу побега он скрывается пятнадцать месяцев у католических монахинь, — и здесь, будучи до того не слишком религиозен (тем более, что его личный опыт подтверждает: Бога либо нет, либо Ему нет никакого дела до бесчисленных страданий и смертей человеческих «здесь и сейчас»), сообразуясь с собственными двумя совершенно чудесными для него спасениями от неминуемой гибели, он приходит к вере во Христа. Вот Он, его Бог, Бог страдающих и убиенных, Сам за них пострадавший и убитый! Он «*примиряется с Богом через Христа*» и принимает крещение.

В 1945-м он поступает в кармелитский монастырь в Польше, тем временем выучивается в семинарии (колледже, лицее ли) «на священ-

ника», дальше рукоположение, — и наконец он, по убеждению и собственной инициативе и с одобрения церковного начальства, уезжает на служение в Израиль, окормлять духовно евреев-христиан. Именно убеждения-то его и реализуются в попытке создания новой Церкви и строительстве нового храма на руинах разрушенной церкви Илии у Источника, где эта новая Церковь и должна иметь свое первоначальное вместилище.

Так вот, что же это за убеждение? Что за «*одной лишь думы власть*»? Какая такая звезда, которая поведет Штайна по всему его жизненному пути до самого смертного часа?

А это вот что: мысль о необходимости создания Еврейской национальной католической Церкви. Вот тут-то у него и начинаются проблемы — вплоть до запрещения его в служении в конце книги.

А у меня тут-то и рождаются вопросы.

Настолько серьезные, что, леди и джентльмены, я не намеревался, но вынужден затеять судебное дело по поводу многочисленных высказываний и общей деятельности господина Штайна не как частного лица, а как священника, как представителя католической Церкви. Поскольку же сам от себя, будучи героем литературным, он ничего не способен сказать ни в свою защиту, ни вообще, я беру на себя по совести быть не только следователем, не только его прокурором, но и его защитником, а также и Вами, господа присяжные. Оставляя, однако, роль судьи — читателю.

Хочу подчеркнуть, уважаемые товарищи господа, что мы с Вами разбираем дело Штайна, только Штайна, а вовсе не автора «Людмилы Улицкой», и уж никак не самой писательницы Людмилы Улицкой, и подавно — не человека с паспортными данными «Людмила Евгеньевна Улицкая» и далее. Думаю, нет нужды объяснять Вам, леди и джентльмены, что все это — совершенно разные юридические и физические лица, и если в случае необходимости и придется пригласить в зал заседаний для дачи показаний — автора, чтобы получить у него некоторые необходимые справки, то это не должно затронуть чести и достоинства человека и гражданина РФ Л. Е. Улицкой.

4. Audiatur et altera pars

Итак, что же это за враг и вредитель, запрещающий праведника и подвижника, как нынче выражаются, *по жизни*, в служении? И за что? За создание Еврейской национальной католической Церкви? То есть — это церковный антисемитизм?

Никак нет. Католики, оно конечно, плохие ребята, погрязшие в «латинской ереси», но вот чего у них давно уже не наблюдается, так это, — смешно сказать, — церковного антисемитизма. Достаточно сказать, что предшественником нынешнего своего преемника — епископом города Парижа, кардиналом Франции, был крещеный еврей Люстиже, глава епископской конференции католической французской Церкви. Это

только один факт, есть и многие другие, поверьте на честное слово. Ну хотя бы: в 2003-м или 2004 году, дай Бог памяти, Рим утвердил викарным епископом латинского Патриархата для евреев-католиков прелата Жана-Батиста Гуриона, крещеного еврея, чтобы на месте, добросовестно, заниматься именно с евреями-католиками, решать все их вопросы (а начальник его, — дивны дела Твои, Господи, — латинский Патриарх палестинец Сабах, и ничего, уживаются). К тому же существует и развивается Всемирная ассоциация евреев-католиков, с одобрения Церкви основанная отцом Элией Фридманом, — кстати, собратом Штайна по кармелитскому монастырю в Хайфе. Такова общая тенденция католицизма, — во всяком случае, после так называемого *Второго Ватикана*, собора 1962–1965 гг.

Да, этого позора Церкви, основанной на земле Иисусом Христом, по Своему земному происхождению несомненно евреем, Церкви Пресвятой Богородицы и Присно-Девы Марии, еврейки Мириам, Церкви апостолов Петра, Иоанна, Иакова, Андрея Первозванного, Филиппа и Варфоломея и остальных апостолов, поголовно евреев, христианской церковной первообщины апостола Иакова, Брата Господня, безусловно еврея, вышедшей за пределы «иудеохристианства» всемирной Церкви, созданной прозелитизмом бывшего фарисея Савла — апостола Павла, стопроцентного еврея по крови, уже в крещении продолжающего любить своих этнических собратьев, говоря, что не признавшие Йешуа — Машиахом, Иисуса — Христом, отвергшие и даже распявшие его евреи и в «ожесточении», и в ослеплении своем остаются избранным народом Бога, потому что «*обетования его непреложны*» и само падение и ослепление их произошло не без Его промысла, чтобы «*привить дикую маслину*» язычества к «*благородной маслине*» Единобожия (см. всю гл. 11 Послания апостола Павла к Римлянам), — народом, которому предстоит еще в конце времен принять истину и спастись... — словом, идейного, церковного антисемитизма на совести католической Церкви давным-давно уже нет.

Короче, нету у католиков антисемитизма, и все. Может, кому это не так чтобы очень, а мне симпатично.

Нет. Дело в другом.

Дело в том, что... В том — как эту новую Церковь прикажете понимать?

Если это еще одна поместная католическая Церковь, то с точки зрения католицизма-сегодня тут нет принципиальной, содержательной проблемы. Современный католицизм давно уже пришел к понятию «инкультурации», то есть к тому, что у нас, применительно к другой области, раньше называлось: «*интернационально по содержанию и многонационально по форме*». То есть католицизм сообразуется с национальными особенностями восприятия церковного учения каждым народом. Ты, в зависимости от национальных традиций там, где живешь, можешь служить на любом из национальных языков, можешь петь церковные песнопения и гимны в стиле спиричуэлс, пританцовывая, и т. п... Словом, согласно апостолу Павлу, «*буква убивает, а Дух животворит*».

То есть ты можешь все — при том, однако, условии, что ты в любой органичной для твоего народа форме исповедуешь церковный Символ Веры, «нераздельную и неслиянную» двуприродность Христа, не искажаешь при переводе на свой язык смысл и последовательность мессы, признаешь все таинства Церкви, совершаешь литургию по чину — и т. п...

Так какие проблемы?

При минимальной воле к согласию все или почти все можно согласовать. Хотите обрезываться, — в сущности, и это в ваших силах, парни: это воспоминание об историко-духовно-соматических корнях, о первом, Авраамовом, Завете, апостолом Павлом не запрещено, а всего-навсего не объявлено обязательным; да, исторического прецедента, кажется, нет, а в общем, кто его знает... Словом, подумаем над прецедентом, буде он возникнет. Не хотите есть свинину, — не ешьте. Не хочешь, чтобы тебе к пиву подавали «трефные» креветки, — будет вам кошерная вобла. Мы же не гоголевские запорожцы, для которых, чтобы быть принятыми в их Сечь, требовалось, чтобы ты не только в Троицу веровал, но и водку пил. В Св. Троицу католику верить обязательно, а водку пить — вполне факультативно, ad libitum, чтоб умнее выглядело...

Вот такие дела. Собственно, чем мотивировано в этом случае создание отдельной, поместной еврейской католической Церкви? Есть же и католический, латинский Иерусалимский Патриархат, и православный. И евреям-христианам никто не возбраняет быть членами той или другой Церкви. И места в храмах на всех хватит. Евреев-христиан и сегодня-то, по различным подсчетам, в Израиле около пяти тысяч, а сорок лет назад, когда Даниэль туда приехал, их было-то... И это — на всю страну, а не на один даниэлев приход. Места, повторяю, всем хватит. Если не сказать, что хватит еще и свята места, что, вопреки поговорке, остается пусто: всем — йюар вэлкэм!

Единственно что, служба ведется там — прежде всего на арабском, а тут — на латинском. А единственный язык, являющийся общепонятным для всех жителей Израиля, — иврит. А надо, чтобы служба была понятной.

Что ж, это мотивировка. Конечно, это вопрос, поскольку прецедента еще не было, — но, повторяем, в духе решений Второго Ватиканского собора (это признается и в романе) — это вопрос открытый и решаемый (а с тех пор, добавлю, уже и решенный: есть уже полная католическая служба на иврите). Перевод возможен: Новый Завет, например, уже переведен на иврит, значит, и все остальное возможно перевести, а уж ветхозаветные части службы, например, чтение псалмов и паремий из Ветхого Завета, — тут и переводить не надо, они на иврите и написаны. Очень возможно, Вам удастся перевести и всю мессу.

Не все так сразу, но думаю, мы совместными усилиями решим этот вопрос. А с Вами что же? Сколько у Вас, говорите, человек-то? Несколько десятков?.. Ну, хорошо, пробуйте, идите, переводите как можете и служите, а там видно будет, суждена ли новой поместной Церкви долгая жизнь, или она сама рассыплется, хотя бы по немногочисленности и этнической разнородности даниэлева прихода.

В том-то и парадокс, что ехал он окормлять духовно своих единоплеменников, а выяснилось, что иврит-то нужен в первую очередь не евреям-христианам, которых у Штайна — абсолютное меньшинство, а его французской, венгерской, немецкой, польской пастве, для которой на этой земле общепонятен только язык этой земли.

Вот такой примерно разговор произошел бы у Даниэля с его церковным начальством, если бы он так поставил вопрос. Мне, во всяком случае, так представляется, исходя из позиции католицизма после Второго Ватикана, в духе широты подхода к миссионерской деятельности, в духе универсальности Церкви. Тут я совершенно согласен с приведенным высказыванием эфиопского епископа в разговоре со Штайном: «*В поместной свободе — универсальность!*»

(В России же с Даниэлем скорее всего поговорили бы по-другому, и я опять-таки представляю — как. Но мы имеем дело с героем-католиком и должны, чтобы дело понять, представить себе его именно в его специфической ситуации.)

Так и повторяю: в чем проблема? Да нет ее, — или она вполне разрешима. Тогда из-за чего весь сыр-бор на пятьсот с лишним страниц?

А вот из-за чего.

Из-за того, что на самом деле Даниэль, как по мере чтения романа выясняется все более и более, пока, наконец, не выясняется совершенно, хочет совсем не того, о чем говорилось выше. И это не потому, что он лукавит, а потому, что он сам на наших глазах проходит «*тяжкий путь познания*» (впрочем, это слово в его случае нужно бы заменить каким-то другим, выражающим смысл прямо противоположный... «Познает» и вообще сознает, мыслит он как-то... Но об этом ниже), — не сразу уясняя даже себе, чего на самом деле хочет.

На самом деле Даниэль Штайн хочет не евреев-католиков (коих, напомню, в его общине — абсолютное меньшинство) окормлять в своем скромном приходе, отличающемся от других приходов только тем, что служба в нем ведется на иврите, — хочет он даже не возникновения новой, отдельной, Еврейской или Израильской католической поместной Церкви, которая тем самым была бы еще одной, находилась бы в ряду других поместных католических Церквей — французской, испанской, бразильской, а «на высшем уровне», как и все остальные, подчинялась бы Ватикану. Нет.

Он хочет, насколько возможно, «*вернуться к месту первоначального расхождения*», противостояния первоначальной «*иудеохристианской Церкви*» — иерусалимской общины под руководством первого христианского епископа Иакова, *брата Господня,* — и Вселенской, мировой. Универсальной для всех, но только не для евреев (согласно Даниэлю), которые, не без участия Иисуса Христа, Иешуа Машиаха — Самого еврея по человеческой природе, ее же и создали, а теперь — оказались отвергнуты своим же детищем, набравшим силу и вселенский размах — и отказавшимся от своей матери.

Этот первый «раскол» (по Даниэлю) на соборе 49 года в Иерусалиме берет начало в миссионерской деятельности и посланиях апостола

Павла. Он-то и создал мировую Церковь, — он-то предстал перед другими апостолами на соборе 49 года, где обсуждалась его радикальная реформа Церкви для язычников, то есть для всего остального мира. Этот *остальной* вне-иудейский мир не имел предписаний, обязательных для иудея, а потому и христианизировать его нужно было по духу, а не по букве шестисот тринадцати заповедей Торы, во-первых, в большинстве своем незнакомых и чуждых всем другим народам, а во-вторых, Новый Завет, Христов, потому и нов, что, хотя «*и йота из Закона не прейдет*», но понимать Закон нужно не на дисциплинарном уровне «*детоводительства ко Христу*», а на уровне духовном, который многие предписания не то чтобы перечеркивает, а — всего лишь не считает необходимыми, особенно для бывших язычников, которым правила иудейского Кашрута — незнакомы и чужды. Ничего не значит ни обрезание, ни не-обрезание крайней плоти, а значимо только — «*обрезание сердца*». Вот с Павла-то, пусть святого и «первоверховного» наряду с Петром апостола, но — с него-то, нужно прямо признать, все и пошло, вся эта чехарда и порча.

Господа и дамы, выслушаем Даниэля. Нам всем необходимо понять его, иначе мы будем преступно субъективны. Мы обвиним невиновного. Audiatur et altera pars — выслушаем *и другую часть*, противоположную сторону.

Итак, Даниэль считает, — подчеркиваю, совершенно искренно, — что это «расхождение» с 49 года и далее, и чем далее, тем сильней, значит вот что: первоначальная община апостола Иакова — это Церковь истинная, а вселенская Церковь, по мере своего сложения и распространения ставшая, по букве и духу не-еврейской, а «греческой», а затем еще и «латинской», — это Церковь неистинная, «исказившая» учение Христа.

А в чем же тогда, по Даниэлю, истинность первоначальной общины св. Иакова? А в том, что она, не мудрствуя лукаво, просто жила себе да жила — согласно заповедям и проповеди Христа. Спросим: что же такое — это учение Христа? Услышим ответ: Иешуа из Назарета «*ничему новому, что не содержалось бы уже в Торе, не учил*». В чем же тогда новизна Христова Завета, не по самому апостолу Павлу, а по Даниэлю? А — почти, совсем почти — в том, что Иисус пришел напомнить погрязшему в грехе человечеству, забывшему Бога, о необходимости соблюдать Божии заповеди. И напомнил об этом проповедью, а наипаче — «*личным примером*», Своею жизнью и смертью. То есть Новый Завет — это, получается, хорошо забытый — и хорошо напомненный Христом — Старый.

(**NB.** ***От автора***. Я считаю этот момент — важнейшим, кардинальнейшим для всего понимания и романа, и героя, и церковной истины, моментом действительного, а не мнимого расхождения, которым является не расхождение мировой Церкви с Церковью апостола Иакова, а «Церкви» и опорной идеи Даниэля — с опорной мыслью Церкви действительной. Зададимся вопросом: в самом ли деле Новый Завет — это хорошо забытый Старый? Или наоборот: сведе́ние Нового Завета к

Старому есть хорошее (то есть прочное) забвение плохо усвоенного, потому что не очень читанного Нового? Речь идет опять-таки о репутации — и ее расхождении с действительностью. Речь идет о прочно установившейся в «широких кругах» репутации, которую в разное время озвучивали примерно так: христианская Церковь все равно права в том смысле, что нужна; в том смысле, что она «*учит заповедям: не убий — и так далее*». Такова репутация учения Церкви. И, судя по всему, эта репутация верна и в глазах автора. Но неужели — и в глазах героя-христианского священника? Ужели, по-его, Благодать и Закон — одно и то же? Чему же его учили в семинарии, — и что он сам прочитал в Новом Завете — в Послании, скажем, апостола Павла к Римлянам? Или он его не читал? Интересное дело...

Настаиваю: это важнейший пункт расхождения между Даниэлем и исторической Церковью, и это еще как аукнется-откликнется во всем романе.)

5. Бойтесь данайцев, дары приносящих

В чем же, господа хорошие, неистинность исторической, позднейшей Церкви, начиная «*особенно с IV века*»? Почему «*греческая, византийская составляющая во многом исказила сущность первоначального христианства*»?

А вот тут и начинается кино, дамы и господа, — с моей прокурорской точки зрения.

Греческая составная «исказила» сущность христианства потому, что, как убежден наш последственно-подсудимый, «*до IV века о Троице вообще не говорили, об этом нет ни слова в Евангелии! Это придумали греки, потому что их интересуют философские построения, а не Единый Бог, и потому, что они были политеисты! И еще надо сказать спасибо, что они не поставили трех богов, а только три лица! Какое лицо? Что такое лицо?*».

В том же разговоре, чуть раньше: «*Я не могу читать "Кредо" из-за того, что оно содержит греческие понятия. Это греческие слова, греческая поэзия, чуждые мне метафоры! Я не понимаю, что греки говорят о Троице! Равнобедренный треугольник — объяснил мне один грек, и все стороны равны...*»; и потом еще: «*...я не хочу видеть в Нем сторону богословского треугольника. Кто хочет треугольника, пусть треугольнику и поклоняется*».

И наконец: «*...я ведь стараюсь больше молчать, но тут меня понесло!.. Этой высокомудрой болтовней непостижимый Творец ставится под сомнение. Они уже постигли, что есть три лица! Как электричество устроено, никто не знает, а как устроен Бог, они знают!*»

Простите. Мой долг — серьезно выслушать аргументацию подсудимого: иначе как его серьезно обвинить или защитить?.. Сейчас, сейчас я приду в себя. Только приму 130 капель эфирной валерьянки.

Все. Я успокоился. Это я понимаю. Понимаю уже как адвокат. Примите это без возмущения, благородное собрание непредвзятое жюри.

Вот это, заметьте, от души. От чистой души моего под-защи-тного, простите под-суди-тного.

«*Сорок душ посменно воют, раскалились добела — во как сильно беспокоят треугольные дела!*»

Вот и душа нашего Даниэля раскалилась добела. Роковой треугольник потряс ее как грушу.

Итак, для тех, кто не боится испачкать о чужую душу свои руки.

Вот он, представитель этих злосчастных, перед вами словно голенький. Защитим же его от того, кто доподлинно «*все мозги разбил на части, все извилины заплел*»: от грека. Посочувствуем нашему обвиняемо-защищаемому. Мог ли он, — еще раз подумайте, прежде чем ответить своей совести, — услышав от греков такое, от тех самых, чьи жены только и делают, что травят своих мужей, все эти Клитемнестры и Медеи, примазавшиеся к гадким грекам, — последняя, как я выяснил, чуть ли не грузинка; все эти прошман-вдовствующие Пенелопы... Нужно ли оглашать весь список, дружино и братие?

Итак, спрашиваю я, не спешите, не спешите с ответом, обратите свои взоры внутрь себя, — я спрашиваю, мог ли наш благородный, вот он стоит перед вами, бесхитростный, как открытая форточка, в которую уже не влетает птица, — я спрашиваю себя и вас, мог ли он не врезать сим пришедшим от «варягов» (вы их не знаете, потому что этих грабителей, их вообще-то и не должно знать приличному человеку), — да, мог ли он не дать грекам в ряху, когда их морда уже и кирпича не просит, а только: дай драхму! Дай статир! Дай талант на пропитание! Сами-то они не местные, господа люди, сами-то они приезжие. Чего ж он мог от них ждать, как не того, чего он от них ждал? И был, вмазавши им в пятак, весьма прав (кивок в сторону нашего многодрагоценного адвоката).

И ежели тут чего не так чтобы очень, господа наши дамы, то только потому, что должность прокурора обязывает подозревать всех без исключения (кроме тех, кто вне подозрения, потому как такие персоны подозреваемы уже настолько, что превосходят все пределы подозрения, почему и требуют персонального подхода).

В частности, я обязан заподозрить Штайна: то, в чем винит «греков» Штайн, то есть в заплетении всех мозговых извилин, в куда большей степени свойственно самому Штайну.

(Между нами, строго unter vier Augen, господа дамы, помню, как-то возил я, будучи адвокат-прокурором одного такого деятеля, который польской фамилией Малецкий напрасно пытается закамуфлировать свою галахическую родню, — мы запомним, мы всех помним поименно, и мы не простим, *мы сохраним тебя, русская речь*, великое русское слово, от таких трусливых мерзавцев! — да, так я возил этого самого псевдо-Малецкого на следственный эксперимент, на место происшествия, по местам его нетрудового экскурсоводческого бесславья. Мы приехали с ним туда, куда он возил, разлагая их по дороге, наших людей целых три дня, — в Рим, самый центр еретической латинской ереси.

И ему, когда я огрел его линем по хребту (случается, случается, благородное собрание, доводится, чего греха таить, прошу великодушно не морщиться, работа такая) и с первого же удара, как подобает профессионалу, содрал кожу с мясом до его позорных костей, — ничего не осталось ему, как сказать всю под-линную:

— Да, возил и сюда. И запишите, что я дал показания добровольно: среди самых преступных и мерзких моих деяний числится задание Мировой Закулисы — издевательство над русскими людьми: в частности, поездка в Рим. Именно же, во второй вечер повел я их от Пьяцца Навона к Тибру. Напротив нас, через мост по-над Тибром, Замок св. Ангела. Поодаль виден купол собора св. Петра. Его золотит начинающийся закат. Прозрачное небо. Октябрь. Температура всего +23. Я что-то такое провоцирую, а то за что мне деньжищи — огромные тыщи — плотят, а самому говорить-то не хочется — хочется стоять и смотреть. Халтурно замолкаю. Стоим и смотрим. Надо сказать, хотелось бы, чтобы плохо, но как-то хорошо на душе. И тут один из наших, от чистого русского православного сердца, угнетаемого и поруганного мною: «*Конечно. Они понастроили, а нам — смотри!*»)

Вот и греки понасочиняли, а брату Даниэлю — читай да разбирай. Понятно любому непредвзятому, братия и сестры сенат, что его, как он сам говорит, «*понесло*», и он такого наплел, что уже нам на скромную голову — разбирай. Но это наш долг, is it or not is it?

Такие, братья братья и братья сестры, дела, одно слово. Вот почему долго ходил я обалдемши и слова не мог сказать, слово-то — оно выводит вовне то, что внутри, а не хотелось бы. Ох, как не хотелось бы, вы ж понимаете: ну нет же никакой возможности хоть как-то рассудительно, в пользу или даже во вред «подсевшему на христианство» совершенно не подходящему для этого вида наркомании брату Даниэлю, — нет способа это размотать. Это не разматываемо, кладу руку на Библию. Нет возможности, как писал наш старый славный Курт Воннегут-младший, объяснить, что такое масло, тому, кого всю жизнь кормили маргарином.

Но я взялся за гуж (не зная, как мы все, что это за «*гуж*» такой, но наведя справки: это некая ситуация, образно говоря, когда, взявшись за дело, ты уже не имеешь права, да и возможности сказать, что «не дюж», то есть взялся не за свое дело, а за оголенный провод напряжением, скажем, в 380 вольт).

Начнем же, помолясь... Oh, mein Gott, bless me.

Во-первых, прошу великодушно извинить за долгое цитирование, но я хотел, чтобы вы, неподкупные, сами ожглись жаром и переполнились навалом сказанного, прикинули на себе критическую массу того, что оглоушивает голову дубиной, одновременно подвергая ее электрошоку. Долго потом приходишь в себя — и все равно ходишь «под балдой» (замечательнейшее выражение, именно вы-ражение, потому что оно выразительно безо всякого разъяснения своего смысла), приходишь да все никак не придешь, а только соображаешь: что это такое ты сейчас прочел? Это все и впрямь говорит католический священник? Тогда,

подумаем мы с вами, он в «ургентной ситуации»: сознание его расстроено, он не может связать элементарные концы с концами, к тому же у него частичная амнезия или полный склероз, — он забыл и не в силах вспомнить, чему его учили в краковской духовной семинарии, не говорю, — академии. Впору вызывать неотложку.

Но позволительно все же думать: коль скоро уж его учили, перед тем как рукоположить, ему какие-то необходимые сведения «по специальности» преподали — и убедились на экзамене, что представитель католической Церкви более или менее удовлетворительно уяснил католическое вероучение и сознательно согласен с ним. Да, господа жюри, так думать позволительно. Иначе как «выпускать» его к прихожанам — человека с расстроенным сознанием и богословски, и фактографически не то чтобы малограмотного, а как-то... обрывками, выборочно грамотного? Это самый опасный тип грамотности: никогда нельзя знать наперед, что «выборочно знающий» еще скажет и какую цитату из Писания приведет, не помня рядом стоящей.

Ведь прихожане-то будут думать: все, что он, даже по собственному признанию, *несет* (*«и тут меня понесло»* — конец цитаты), — это все точка зрения Церкви, от лица которой он и уполномочен говорить, учить. И, в пользу вменяемости моего под-боком-сидящего, он этого вроде как и хотел, и у его компетентного не было повода сомневаться, что он и будет этому учить.

Да, но вы спросите, как же тогда быть с тем, что то, чему он учит, с любой точки зрения, — это не то что не точка зрения Церкви, а это вообще никакая не точка зрения — as itself?

Да, скажете вы, назвать то, что он говорит, неправдой, было бы слишком хорошо: толковая неправда сопоставима с правдой по уровню мысли, изначально, «установочно» ложной, но продуманно-логичной и потому правдо-подобной. То, что приведено выше, — это... это... Ну, я не знаю, и вы, надеюсь, тоже... Это речь человека, начитавшегося французской континентальной второстепенной философии, которой до нашей прагматической мысли Пирса, Джеймса, Эмерсона, Лэйка и Палмера — что до неба пешком. Словом, это, как гласят темно-смысленные руны сибирских алтайцев и бурятских киргизов, речь это человека, *слышавшего звон*, что люди — это которые мыслят, следовательно существуют, *да не знающего, где он.*

Да, наш доблестный Штайн — человек с невероятно запутанными представлениями о вещах — и в то же время убежденный, что его суждения ясны, логичны и непогрешимы. Но ведь это же и есть высший цвет интеллектуализма, это цветы добра, а не зла. За что судили Бодлера? Флобера? Джойса? Эти позорные процессы — дело далекого прошлого, и мы по праву гордимся, что наша борьба с обскурантизмом все превозмогла. Преодолеем же наши вековые предрассудки и на этот раз.

Да, Штайн плохо информирован о предмете, который является делом всей его жизни: о христианской вере. Но ведь и мы — тоже. Это мне по долгу службы пришлось временно погрузиться во всякого рода

церковные материалы, не знакомиться с которыми я считал доселе обязанностью образованного человека. Но профессиональный долг превыше всего. Он обязывает въезжать и туда, куда мы, свободные от уз долга, никогда бы не полезли.

Так считает и наш добрый Даниэль, — посмотрите на его симпатичное лицо, загляните в его глаза: ему нечего бояться. Именно поэтому он заехал древнему пластическому вырожденцу-греку в морду...

Но мы должны быть честны и с нашими противниками, благородные мужи и в первую очередь вы, благородные жены, отпущенные сюда прямо с гинекею.

6. Опыт согласования шести углов могиндовида с тем, был ли Иисус Христос, когда Его еще не было

Итак, мне поступило одно любопытное письмо от дипломированного специалиста, которому я послал документы по делу Даниэля на экспертизу. Должен сознаться, я был неприятно удивлен. Этот человек безусловно честен и компетентен — и в то же время занимает не нашу с вами прогрессивную позицию, синтезирующую все «про» и «контра». Он даже не против позиции Штайна или нашей, а — вообще не принимает нас с вами и нашего под-защи-мого всерьез и в то же время относится к предмету, предложенному ему на экспертизу, совершенно серьезно.

Позвольте все же зачесть его ответ. Для полноты общей картины.

Итак, зачитываю фрагментарно, самое важное: ...тут у Вашего Даниэля Штайна что ни слово — то не пальцем, а могучей китайской петардой в небо. «Фойерферк». Начиная с «*равнобедренного треугольника, у которого все стороны равны*», то есть на самом деле равностороннего треугольника, продолжая тем, что Бог-Сын в общеизвестном сравнении Св. Троицы с равносторонним треугольником является, как и остальные два Лица (ипостаси) Единого Бога, одной из трех точек треугольника, а вовсе не «*сторон*», как говорит Штайн; равенство же сторон обозначает равенство этих трех различных не по природе, а по способу действования Лиц единого Бога, и полное единение их — в полной, однако же, «неслиянности»: единство отношения между ними — отношения равно-связующей всех троих любви, которая и есть сущность Триединого Бога, не только по высказыванию С. Аверинцева (вероятно, авторитетный теолог. — *Адв.-прок.*), а — согласно словам апостола Иоанна Богослова: «*...Бог есть любовь*» (1 Ин 4:8).

Восклицание: «*Что такое лицо? Я не понимаю, что такое лицо*!» — отдает то ли Фомой Опискиным (заметьте, друзья мои, не Фомой Аквинским или Фомой Кемпийским, а незнакомым мне третьим Фомой. Вероятно, раннесредневековая фигура, еще до Первого-Второго крестовых походов, если не понимает, что лицо — это то, что следует умывать каждым утром. — *Адв.-прок.*) интонационно, то ли — смыслово — Собакевичем: «*Мне лягушку хоть сахаром облепи, — в рот не возьму*»

(этот *Сабакевитц*, похоже, еще менее цивилизованный джентльмен, даже не знающий, что лягушачьи лапки готовятся без сахара. — *Прок.-адв.*); да и вообще злосчастный треугольник не есть предмет идолопоклонничества «*греков*», которые все до одного «*были политеисты*» (!), а всего лишь удачное «наглядное пособие», доходчивая иллюстрация сложного смысла догмата о Св. Троице, вовсе не претендующего на полное и исчерпывающее понимание «*того, как устроен Бог*», а только дающее определенное представление о Нем, отличающее для нас Его от всех остальных «богов», уясняющее для нас, Кто Он, каков Он — ровно настолько, насколько Сам Бог раскрылся нам как Бог Триединый.

Мы не можем знать всю неисследимую глубину Его сущности, но Он нашел нужным дать нам вполне определенное представление о Себе и Своей сущности, которая есть Любовь. И, поскольку слова Его непреложны, следует думать, что, хотя Он не сообщает всего о Себе (вероятно, еще и потому, что знает ограниченные возможности Им же сотворенного человеческого разумения, — посоветуйте, если Ваш совет для него что-то значит, Даниэлю прочитать внимательно «Критику чистого разума»: это самый капитальный и всегда своевременный труд о границах компетенции человеческой способности познания), но только то, что Он сообщает нам о Себе, — есть истина в той предельной полноте, в которой человек с его ограниченным, с нашей точки зрения, а с восточной ортодоксальной точки зрения, «*лже-именным разумом*» способен ее усвоить. И это не поверхностная, а весьма существенная правда.

По счастливой формулировке того же С. Аверинцева (фамилия повторяется, — почему, вы спросите? А я и сам не знаю, у эксперта какие-то свои авторитеты, и пресловутый «*Аферинтцефф*», видимо, особо компетентный среди специалистов специалист. — *Прок.-адв.*), а он всегда был счастлив в формулировках, что делает и меня счастливым: хоть кто-то да умел же, а значит, это в принципе возможно, сочетать почти педантичную аккуратность глубокой мысли с красотой ее изящного, свободного изложения, в точности соответствующей древней православной традиции, а также смыслу догмата о Св.Троице: «*Все от Отца* (ибо наделено от Него бытием)*, через Сына* (ибо вошло в бытие через Его смысловую оформленность, энергию смысла*) и в Духе* (ибо удерживается от распада внутри Его жизненно-органической целостности)».

Надеюсь, это доступно пониманию Вашего брата Даниэля. Если же он, вопреки своей учености, что, согласно Вашему письму ко мне, утверждается всеми, кто с ним встречался, — если он все равно не понимает, «*что такое лицо*», то не будем приплетать сюда опять Аверинцева или Мартина Мордехая Бубера, а попробуем обойтись своей простецкой головушкой: может, так Даниэлю Вашему созвучней будет. Итак, передайте ему в точности нижеследующее: «Лицо», брат (а кстати, почему он *брат*? К монаху-священнослужителю обращаются, как правило, «отец», но, допустим, теоретически возможно, Штайн для своей монастырской братии — брат, а для прихожан — отец, но раз уж привыкли, то пускай так и будет — «брат»; так оно и лучше, чтобы мы с Вами его по-братски поняли и по-

жалели), — так вот, «лицо» или «ипостась», брат, — это, чтобы не вдаваться в сложные греческие враки о соотношении «усии» и «ипостаси», это, скажем наприклад, — личность.

Ты теперь, конечно, спросишь: а что такое тогда личность? Отвечу по-своему-по-простому, чтобы не «гипостазировать» (поелику, брат, с тобой только начни — так загипостазируюсь, что того гляди, придется меня госпитализировать), как я это понимаю: личность — это такая индивидуальность (а кстати, это слово ему — понятно?), такое «*лица необщее выраженье*», которое отрицает свою индивидуальность, то есть в некотором смысле самое себя, — и постольку-то и является настоящей индивидуальностью, то есть уже — личностью. То есть не замыкается, не «торчит» на своей индивидуальности, непохожести на других, не пестует ее, а чувствует свою общность, общую природу себя и других непохожих индивидуальностей, природу, состоящую в том, что все мы — равно люди-человеки, смертные и так далее.

Поэтому личность не утверждает программно свою индивидуальность и исключительность, а, оставаясь собой неизбежно, — такая уж ей дана благодать, — просто живет — вместе со всеми остальными личностями, открыто, а не замкнуто для них, ибо они общи ей по природе, от которой никуда не денешься. Так что личность не сравнивает себя с теми, кто общи ей по природе, потому что «*живущий — несравним*», а просто живет в ладу с собой и другими — неповторимо и исключительно, как всякий человек, — и одинаково повторимо и типово, как всякий богозданный человек. И кто пришел к этому деятельному пониманию-раскрытию себя, — тот и есть состоявшаяся личность, а кто еще не пришел, — тот еще не состоялся как личность, но потенциально, глядишь, и состоится.

Вот такие, брат Даниэль, дела. Надеюсь, ты усек про «усию» и «ипостась», а если нет, — тут уже я бессилен, нужен кто поумнее, тот, кто сколь угодно сложные вещи умеет, не профанируя их, объяснить любому без исключения, — как совсем простенькие.

Что же до повального политеизма греков и до того, что они «*это все придумали*», тут уж хоть стой хоть падай.

Нет, в самом деле, я в полной растерянности: феномены настолько путаного сознания за всю мою долголетнюю практику не возникали на моей памяти ни разу. Да, буквально — ни одного прецедента. Это впервые.

Хотелось бы думать, что католический священник отрицает Св. Троицу не по-настоящему, а в угаре полемики (хотя угар и священство мало совместимы). Увы, ближе к концу книги мы узнаем из одного доноса, что Штайн и в спокойном состоянии отвергает Троицу, обосновывая это тем, что «*Иисус о ней ничего не говорил и что ее придумали греки*».

Ваш клиент безоговорочно отпускает столь фантастические утверждения, что я просто не знаю, как это понять. И в свою очередь хотел бы, — но после всей этой искренней нелепицы не знаю, ка́к, — объяснить Штайну вещи, для человека, мало-мальски теологически образованного (а Вы сообщаете, что он окончил католический теологический лицей, что уже совсем не «мало-мальски»), элементарные.

Именно же: те греки, которые «*все были политеисты*», — это одни греки, — ну, будем считать, классического «олимпийского» периода, хотя все это условно. А далее мы имеем дело с уже другими греками... Скажем, сказать, что Аристотель — политеист, это все равно что ничего о нем не сказать, а ведь на логике его «Органона» основана вся высокая католическая схоластика, и первый среди представителей оной — св. Фома Аквинат. А уж поздне-эллинистический «политеизм» — современник раннехристианской эпохи, «политеизм», скажем, Плотина или Прокла, а равно и Ямвлиха, не совсем грека, но могущего слыть таковым в интересующем нас смысле, — настолько символичен, умозрителен и «продвинут» от архаических и ранне-классических времен Эллады, что и политеизмом, по сути, не является. Это, вернее сказать, философский теизм, — хотя, так скажем, генетической благодарной памяти ради (ведь мы имеем дело с людьми весьма приличными), оставляющий, на нижних ступеньках учения, некоторых греческих божеств.

А вот греки, которые «*придумали*» догмат о Св. Троице, — это совсем, совсем уже «другие» греки. В том смысле, что приняли Христа, приняли крещение, — и с этого момента они никакие не поли-, а монотеисты, именно же — христиане. Это так и только так — и никак иначе. И чтобы увидеть это, надо только открыть написанное ими — и прочитать ровно по одной странице из каждого.

Заподозрить же их в том, что они приняли христианство лишь «*страха ради иудейска*», а в душе по сути оставались политеистами, никак не можно, просто потому, что — зачем бы это им было? Какая выгода была во II—III веках н. э. во времена гонений, св. Иустину Мученику (и заметьте, философу) или св. Иринею Лионскому, оставаясь в душе политеистами, принять крещение — и сложить именно за это и только за это — голову?

Но и с IV века, — от Константина и далее, во времена «разрешенной», а потом и официально государственной христианской религии, — можно ли думать, что, скажем, свт. Афанасий Александрийский (уж как только его ни гоняли и ни гнались за ним, а он всю жизнь уходил от преследований, а то и попадался, но от веры своей не отрекся ни разу, вот бы о ком почитал Ваш невиновно-вменяемый, а скорее виновно-невменяемый, — не все же только любимые им мидраши, — чтение, что ни говори, неплохое, — но надо же и кроме мидрашей что-то почитывать, чтобы соответствовать занимаемой тобой «должности»: это же не академически-скучная «история Церкви времен Вселенских соборов», наоборот, вся история Церкви времен Вселенских соборов — это прямо-таки «Граф Монте-Кристо»), — да, свт. Афанасий, а затем и великие «каппадокийцы» — свтт. Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский, гениальные умы и образованнейшие люди, — в душе, тайно, были политеистами?

Да пусть откроет любое из их творений (вас об этом не прошу, зная по себе, как трудно все это... Ну, это ладно, это личное. — *Адв.-прок.*) и быстро перестанет так думать. Да пусть еще вспомнит, что грек Иоанн по прозвищу Хризостом, то есть Златоуст, то есть из богословов богослов, был Патриархом Константинопольским «Вселенским», то есть у себя во

«Втором Риме» административно-равным Епископу Римскому — Папе, а по степени почета — вторым после Папы Римского, «*первенствующего в любви*», по самосознанию самой тогда еще единой, мировой Церкви, — вот он-то и был за свои обличения неправых властителей и жирующих за счет бедных богачей сослан в тмутаракань, глухую провинцию у моря, именно же — умер по ссыльной дороге в районе нынешних, неизвестно уже чьих там у них, русских да вроде не русских, как всегда у этих русских, Кутаиси-Сухуми-Гагры.

Я специально летал в Сухуми, — слава Богу, еще до очередной кровавой русской кутерьмы, что у них там в обычае, — чтобы увидеть его гроб в Сухумском храме; раку же с его мощами я гораздо раньше видел в соборе св. апостола Петра в Риме... Что: и где Сухум, и где — Рим? А вот на всем этом мировом пространстве так его почитают, не глядя, малы иль велики...

Он умер за действительную и деятельную Христову истину (и побольше бы, ИМХО[2], таких архиереев, как он, да вот еще, свидетельствуют документы, был однажды у русских ортодоксов некто митр. Филипп Московский Колычев, так тот, милое дело, самого царя Жана де Террибль не побоялся отлучить за четвертобрачие от Церкви), — и его ли заподозрим в политеизме?

А уж что все это греки «*придумали*» — это вообще «не пойми чего». Вот так ему и передайте (не передам, потому что не понимаю, что такое «*не пойми чего*», но думаю, не политкорректно. — *Прок.-адв.*). И чего это они такого, интересно, «*придумали*»? Да ничего.

Собственно, «*придумали*» все *э т о* (то есть Богооткровение как явление Бога-Сына на земле, во плоти, в человеческом обличии — именно богоизбранному народу), привнесли все это в мир — как раз евреи (с точки зрения «настоящих» иудеев, злостные еретики-сектанты и «придумщики»-обманщики, как и их Учитель, ересиарх «тоталитарной секты»), а вот уже то, что они «придумали» в виде нарратива, повествования с вводными притчами, историями-мидрашами и т. д., — то уже, приняв, продумали «*греки*» (включая сюда латинян, сирийцев, египтян, «огреченных» в диаспоре все тех же евреев и т. д.), и продумали — в виде понятийном, логически развернутом, эксплицитном.

Да, скажем, Даниэль прав, до IV века не было развитого понятийно, приобретшего форму догмата учения о Св. Троице. Ну и что? Оно, это учение, все равно берется не с потолка, а с Неба и содержит в себе совсем не пустые «*греческие поэтические метафоры*», которые так пугают брата Даниэля, а зря — попросту потому, что в «Кредо», Символе Веры, никаких метафор в собственном смысле слова нет.

А есть там высоко-красивая (ценители словесной дисциплины, которой я не обладаю, поэтому и люблю завистливо, меня поймут), четкая, почти

---

[2] Записанная русскими буквами аббревиатура IMHO (In my humble opinion, что означает «*по моему скромному мнению*») — популярное сетевое словечко. — *Ред.*

протокольная формула — плод трудной, длительной и напряженной работы мысли, в борьбе мнений, спорах, грозящих не согласившимся ссылкой и прочими гонениями, медленно, но верно выработанный — эксплицируемый смысл, имплицитно содержащийся в словах Самого Христа, хотя бы — в последней главе евангелия от Матфея: «*Идите и крестите все народы во имя Отца и Сына и Святого Духа*» (Мф 28:19). Самое смешное, что цитата сия приводится и в самом романе, то есть автор, безусловно, ее знает, поскольку кроме него никто роман не писал, а следовательно, цитату вставил именно он и только он. То есть автор признает, что слова сии — есть. (То есть как это — автор признает?! Вы издеваетесь над ним и над нами? Естественно, автор «*признает*». А точнее — он эти слова знает. Без знания Евангелия, по крайней мере, в ключевых Его местах, кто будет и садиться писать книгу о христианской Церкви и католическом священнике? Правда ваша. Но и неправда. Фактическая. Вы почитайте роман внимательно, а нет, — так следите за моим текстом далее, — и вы не то, что допустите, вы узнаете: автор, — судя по его герою, — читал Евангелие... Ну, скажем, выборочно). Однако ни он, ни его герой на эти краеугольнейшие слова Христа почему-то внимания не обращают. Слова эти их ни чему не обязывают...

Но — к «*грекам*». Они просто раскрыли понятийно то, что было в образно-повествовательном виде «закапсулировано» в евангельском Откровении. Они просто спекулятивно (нужно ли объяснять читателю, что философская спекуляция — это нечто совсем иное, нежели спекуляция джинсами и американскими сигаретами времен советской власти?) сняли крышечку с капсулы, так, чтобы все учуяли ни с чем не сравнимый аромат того самого, а вовсе никем не искаженного евангельского послания, чтобы Оно стало понятнее другому типу сознания, мыслящего не образами и афоризмами, как на востоке, а понятиями, суждениями и умозаключениями (как именуются все три типа высказываний в дисциплине «Логика» еще от Аристотеля, — что же, брат Даниэль, тебя и Аристотелю не учили, пусть не по тексту «Органона», но хотя бы вообще «о нем»?).

Этот-то «греческий» тип сознания и преобладает сегодня, не знаю детально, как там у самих современных греков, но, по крайней мере, у нас на Западе, включая сюда и Америку, и Европу, и Австралию. И что бы все эти мультимиллионные количества смертных, нуждающихся в Боге людей, — что бы они вообще понимали «*в Нем*», «*о Нем*» — без «*греков*», которые всего-навсего научили половину земного шара правильно мыслить, чтобы правильно понимать?!

А приняли «*греки*» еврейское Откровение, ИМХО, не потому, что вот попалась под руку новая идейка, которую интересно бы «прокрутить» да обсудить. (Странно представить, что лучшие греческие умы обсуждали бы чисто теоретическую, а то — софистическую проблемку, которую задали иудеи, — и обсуждали бы непрерывно и напряженно более 300 лет, и потом еще...) Они приняли Откровение потому, что, как и иудеи, хотели, ждали спасения, — как и римляне, обожествлявшие своих императоров именно в качестве Сотеров, спасителей (а до них так 3000 лет подряд, до

последней «фараонши» Клеопатры, поступали египтяне). Потому что такое уж это было время, духом своим имеющее мессианство, напряженное, раскаленное ожидание «Мессии уже сегодня» по всей ойкумене, *от самой Москвы до самых Петушков.* (Это еще что? Какие такие «*Петушки*»? Агенты влияния «*самой Москвы*»? Или, я слышал, так в российских тюрьмах называют пассивных гомосексуалистов? Какая все же варварская страна эта Россия, дамы мои господа! Но что, что же все-таки значат эти «*петушки*»?.. Боже, сколько в мире тайн, господа братья и сестры. — *Прок.-адв.*) Все уже было подготовлено к приходу Мессии — и полнота греховности, ухода от Бога, и — одновременно — страстная жажда воссоединиться с Ним.

Тут не место обсуждать, почему «*греки*» в ходе истории приняли в качестве Спасителя именно Иисуса, а не персидского Митру, или египетских Осириса и Исиду, или синкретического Гелиогабала... или... чтобы не перечислять: кандидатов на место Спасителя было «немало». Остановимся просто на факте: так или иначе, раньше или позже, но «*греки*» приняли слова Иисуса, что Он-то и есть Тот единственный подлинный Сын Божий, посланный Отцом, чтобы спасти человечество. Приняли Его слова «*Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего*» (Ин 18:37) за чистую правду. И пошли за Ним.

Но есть, примите во внимание и мое смиренное мнение, есть, я знаю это по себе, такой тип... — ну настырного, что делать, не убивать же? — человека, такая, извините, популяция: «Не знаю, как вы, а я должен понимать, за Кем я иду и куда. Я должен Его и Его учение философо-логически осмыслить, то есть исходя из того, что для меня является аксиомой, в данном случае — что спасение и Спаситель в самом деле есть, — я должен, исходя из этого, про-думать каждое мыслительное звено логически непротиворечиво и не пропуская звеньев в цепи рассуждения; и в конце ис-следования все следствия обретенной истины себе у-яснить. И вот когда я сочту, что все важное для себя выяснил и узрел некое согласованное целое, которое отвечает не только моему чувству, но и моему уму, дает ему "*семантическую удовлетворенность*", по слову Мандельштама (еще одна непроясненная, темная личность, — но ничего, все они пройдут нашу *проверку на вшивость*; кстати, еще одно их замечательное выражение, из тех, какими заражаешься, изучая дело Штайна. — *Прок.-адв.*), не противоречит, а усиливает мою "*интуицию Бога*" (Бердяев), — тогда и только тогда я скажу: "Да, это Он. По крайней мере для меня Его Откровение теперь еще и умо-зрительно достоверно, то есть теперь я вполне убежден, что это — именно Откровение, Благая, а не лживая весть, и теперь я готов взять из Его рук свой крест и идти за Ним до конца", — как "апостол Фома от интеллекта", вложившего, — хочется думать, это не кощунство, — персты логики в раны распятого и воскресшего Бога. *Поверить* их ужасно-прекрасную "*гармонию*" своей приставуче-честной "*алгеброй*"».

Что ж, «*греки*» оказались вот такими людьми. И это, дорогой фратер Данило, наше счастье, а не беда.

Наше счастье, что еврейское откровение попало в руки «*греков*», то есть людей, понимающих, что иного пути мыслить, просто мыслить, вообще и в частности, — иного пути, кроме логического, нет. Тот, кто отказывается мыслить логически, отказывается тем самым мыслить вообще. Это может быть логика формальная, диалектическая, логика парадокса, абсурда, кошмара, логика художественного высказывания и т. д., — но это всегда логика, где всякое построение есть тесная связь мыслей или чувств, железно вытекающих одно из другого.

Конечно, сама по себе логичность построения еще не свидетельствует о степени высоты или глубины оного. Это дело емкости нашего интеллектуально-духовного окоема. Логичность — это только нулевой цикл, только фундамент. Но без фундамента нет дома.

Презирающий логику тем самым презирает мысль, — хотя бы и думал больше других, что он — именно думает. Таков Даниэль, — и мы это еще увидим.

Когда-то Тертуллиан вопрошал риторически: «*Что общего между Афинами и Иерусалимом?*» Но это, кажется, единственный из больших богословов, который в некоторой мере стал бы союзником брата Даниэля, да и то сказать, он кончил сектой монтанистов. И кроме того, — я всегда дивился его гению-другу парадоксов, — кроме того, отрицая «хитроумие» греческих философов, он не отказывался от логического мышления, но строил его на логике по-своему гениального и, безусловно, «хитроумного» алогизма.

Не говоря уж о том, что, вопреки Даниэлю, латинское «Тринитас» (Троица) вовсе не в IV веке, а на рубеже II—III веков встречается впервые именно у Тертуллиана — лет более ста до Никео-Константинопольского Символа Веры. Так что, выходит, и Тертуллиан не оказался бы союзником Даниэля, поверьте эксперту...

7. Как устроен Бог

Время, однако, отдохнуть от судебного разбирательства. Вернусь от самому себе данной роли прокурора-адвоката — к себе, в свою собственную шкуру.

Да, историческое христианство совершило много ошибок. Оно и впрямь «*многое исказило*». Но — согрешило против себя же, исказило свою же истину. Не Церковь, живая во святых, не Небесная церковь — мистическое тело Христа — согрешила пред Богом, но земные представители исторической, неизбежно греховной Церкви: ведь земная Церковь состоит из земных же, падших людей. Эти-то люди, пусть заново рожденные в крещении, но несущие на себе печать земной порчи, согрешили против истины, данной им же и их же грехи омывающей своею любовью Церковью Небесной. Кто может судить земную Церковь? Только Тот, Кто ее «породил»: Иисус Христос; это Его, а не сочиненная какой-то самозвано возникшей организацией «постройка»; это Он говорит: «*...на камне сем создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее*» (Мф 16:18).

Вот ясное сознание дела: «*Церковь может понять только Церковь*» (о. Сергий Булгаков). Добавим: не в том смысле, что она эзотерична, а в смысле того, что во многих случаях практика является критерием истины. Это еще за 1800 с хвостиком лет до Маркса сказал Христос: «*По плодам их узнаете их*».

И вот Он же говорит: «*Мое учение не от Меня, но Пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно*» (Ин 6:16-17). Сначала войди ко Мне, в Церковь Мою, поживи по заповедям Моим — и только потом сможешь судить здание, в которое вошел. Утром, извините, стулья, а уж вечером — деньги.

Нецерковный же — «*взглянет без любви*». Да и ради Бога, имеет право. Только какова цена его «бесконечно внешнего» взгляда?

Христианство в лице не лучших его представителей согрешило непониманием тех именно истин веры, того учения, которое выработало само же — веками потно-кроваво-слезного труда лучших. Исказило вовсе не ложным хитроумием отцов Церкви, а ложным, пусть и искренним, пониманием этих «*философских построений*». Не ересью веры, а «ересью жизни».

Философия — не «философия». Не софистика. Это столь же ответственно-точная дисциплина, как, скажем, теоретическая физика или интегральное исчисление. Она начинается, как и всякая наука, с некоторых безусловных аксиом, с безусловного постулата, каковым здесь является, как известно, удивление. А искреннее удивление не бывает софистическим. Софистика ничего не порождает, потому что и не собирается порождать ничего, кроме софистики же. Удивление же — порождает искренний вопрос. А вдумчивый, последовательный и логически непротиворечивый ответ порождает следующий вопрос. И так возникает некая сумма вопросов и ответов, посильно внимательно, вдумчиво трактующая главное, целое.

Это не частный вопрос, вроде того, как «устроено» электричество. И это не «*высокомудрая болтовня, которой непостижимый Бог ставится под сомнение*». Под сомнение Бог ставится как раз братом Даниэлем, — и именно что удивительно, неряшливой по части смыслового наполнения его болтовней. Побывав пару раз на проповеди священника Даниэля Штайна, мало-мальски мыслящий и культурный агностик, услышав вот такой набор связанных разве что грамматически слов, узрев вот такое дикарское презрение к культуре мысли вообще и философской мысли, в частности, пораженный безапелляционным отрицанием того, чего отрицающий сам не знает толком, — такой человек, вышедший на «рубеж», на разделительную линию, где кончается область земной компетенции, и желающий узнать: а что дальше земного знания предложит ему христиански-церковная мысль? — такой человек только выйдет из храма и пойдет себе прочь, жгучим израильским солнцем палим, повторяя: «*Суди его Бог*». Добавляя «про себя»: если это и есть церковный Бог, ежели Церковь вот только то и так о Боге может сказать, что и как говорит этот полномочный представитель Церкви, — то и правильно, что мы ставим такого Бога под сомнение.

«*Какое лицо? Что такое лицо?*» — точно как у Довлатова: «*Не умничай. Так вроде человек как человек, а как начнешь — "ипостась, ипостась"*»... Но о людях какого уровня мысли, да и образовательного ценза писал Довлатов?! А на каком находится католический священник, знающий, я посчитал, что-то такое восемь — девять — десять языков?!

(Поистине, дикарство — не вопрос образовательного ценза, это вопрос иного порядка. Довлатов не был человеком высокообразованным, но чувствовал, что есть «*вещи, к которым нужно относиться серьезно*», есть тонкие материи, к которым нужно прикасаться бережно, даже если ты их толком не знаешь, но о них хоть что-то слышал. Потому, вовсе не имея тех высот философской мысли, которые ему ныне приписывают (вам самим-то не смешно, господа довлатоведы?), а — только удивительно нежный и наблюдательный подход к человеку, он и был человеком не масскультуры, а собственно культуры, превращая через «магический кристалл» умения видеть журналистский стилек — в художественный стиль...)

Что можно было бы такому человеку посоветовать в качестве противоядия? Ну... хоть, — раз уж речь зашла о католическом взгляде на вещи, — вслушаться в слова нынешнего папы Бенедикта XVI, недавно сказанные им в Регенсбургской речи (к сожалению, точного текста у меня нет, поскольку я нахожусь в тех местах, где нет текстов, кроме диагнозов, — так что пересказываю по смыслу, но уверен, что близко к тексту): «*Встреча данного иудеям Богооткровения* (Откровения Христа. — *Ю. М.*) *с греческой мыслью и привнесенным позднее латинско-римским элементом есть не историческая случайность, а провиденциальная основа христианства как синтеза веры и разума*».

Такова позиция Церкви еще с тех пор, когда она была едина, и в том или ином виде это позиция и западной, и восточной Церквей, в том числе и позиция Русской Церкви, — сколь бы ни старались некоторые «немалые» отечественные круги Русь-державников — Русь-православников, думая, что защищают учение Русской православной Церкви. Сколь ни стараются, не ведая что творят, ее обесчестить и опрокинуть во мглу вот этого вот всего: не рассуждать — и «с молитовкой» — молча — стоять, и чтоб у меня руки по швам, не то — нагрудным крестом да по башке... (Как говорил при мне один казак: «*У нас какая поговорка. С любовью — и до седла!*» Лучше не скажешь...)

И вот — коронное. Повторю: «*Как электричество устроено, никто не знает, а как устроен Бог, они уже знают!*» Убил. Наповал. Одним выстрелом — четверых: бл. Августин, св. Иероним Стридонский, св. Амвросий Медиоланский и св. Папа Григорий Великий, — все четверо учителей-святителей Западной Церкви (святые и по православному календарю: это время, когда Церковь была еще единой, хотя у Запада с Востоком намечались уже серьезные разногласия), все четверо падают — и не встают. Хоть их вместе и со всеми святыми — выноси.

Чтоб я так жил. Но чтоб я так не умер. Как сказал один поэт: «*Уж если умирать — как Мао умер,/ А если жить — как Чаушеску жил*». Как

сказал до него другой, несколько больший: «*Лучше сифилис, лучше жерла единорогов Кортеса*». Лучше приличная газовая комната-одиночка, чем эта пытка, когда тебя дубасят вдохновенно-неряшливым словом.

Помилосердствуй, брат Даниэль. Разве ж это уровень разговора?

Это вот роман «Даниэль Штайн, переводчик» «*устроен*» автором — и не так плохо в формально-структурном отношении; это автор романа, как и все остальные люди, как и вся вселенная, «*устроены*» Творцом — и удивительно искусно. А вот Самого Творца никто не «*устраивал*», Он тем и отличается, что сотворил, устроил все-все-все, а Сам не сотворен, не устроен. Выражаясь близким тебе «задушевно»-фамильярным слогом, *Творца не устраивает, чтобы кто-то Его устраивал.*

Зачем ты на Церковь напраслину возводиши, почто ее обижаеши, гражданин начальник? Почто аки скимен на нее рыкаеши, за что хулу на нее возводиши, зачем якоже неясыть некая, нахохлил си и словесами таковыми поносными при дамах, при Нотр-Дам, Даме нашей Госпоже Мириам, в присутствии Богоматери выражаеши ся? Чем Церковь тебе не матерь, чем тебя обидела, что ты аки нощный вран на нырище непщуеши, от возриновения велего? Ну куда, ну куда ты гониши ся? И почто порожняк гониши, дондеже не прейдеши?

Церковь никогда не говорила, что знает, как именно «*устроен*» Бог, — именно потому, что Церковь знает: Он вообще не «*устроен*», а попросту **есть** — всегда есть. А вот каким именно образом Он всегда — есть и каков Он на «последней» своей глубине, этого и Церковь не знает, — но «*знающим незнанием*», *docta ignorantia.* Ведь Бог есть и на последней Своей глубине любовь, но любовь Божия бесконечно превышает нашу. Так определил в классической для католиков формуле IV Латеранский собор (1215): «*Inter creatorem et creaturas non potest tanta similitudo notari quin inter eos maior sit dissimilitudo notanda*». («*Никакое подобие между Богом и сотворенным не может познаваться без того, чтобы не было познано еще большее неподобие*»... Ух! вот это, я понимаю, класс рассуждения! Захватывающий и восхищающий не менее баховской токкаты и фуги ре-минор!)

Бесконечный Бог открывает всего Себя без утайки, но разумная душа в силу ее конечности усвояет открытую святыню в бесконечном восхождении к Ней.

Да вот, Бог находится «*в начале*», а «до начала» ничего, даже пустого пространства, и того не было, чтобы Его «*устроить*». И когда Он говорит Моисею из горящего и не сгорающего куста, из Неопалимой Купины: «*Аз есмь Сый*», — это значит: Я есть тот, Кто — есть. И Я — единственный, Кто по-настоящему *есть*: всегда есть, всегда жив — до, после и во время «всего». Поэтому Церковь и не претендует на окончательное знание, не говорит, что знает Его — «досконально», как автомеханик автомобильный двигатель, а говорит только, что знает Его в ту меру, в какую человеческий разум, ограниченный по определению (читай, Даниэль, правильно тебе советовали, Канта, а лень читать толстенную «Критику чистого разума», возьми его маленькую «Пролегомены», там

все, что нужно, сказано сжато и ясно), способен Его Откровение «взять», у-своить.

А вернее сказать, Церковь вообще не говорит ни о постижимости Творца, ни о непостижимости Его. Она говорит, повторим слова святых отцов своими словами, если так будет яснее, о постижимой непостижимости, я бы сказал, «опознанно непостигаемой» — в том смысле, в каком каждый из нас не знает по существу, что такое любовь, как она «устроена», но каждый из нас испытывал любовь и постигал, что он любит именно этого человека, не другого кого, а вот этого; и при всем этом постижении любимый остается для любящего, ровно в ту меру, в какую он любит, неразгаданной тайной, бесконечностью. Бог, как тебе, братушка, известно, безосновен, Он Сам и есть Свое основание и лишь постольку и является и начальной, и окончательной основой всего, Им основанного.

Конечно, все это «*высокомудрая болтовня*», и это действительно непредставимо: Все — из Ничего, из абсолютного Ничто, даже не мировой пустоты; пустой черный ящик — это уже что-то, а полного *ничто* — чего-то, что меньше точки и больше мира... Я тоже, как и ты, не могу это зримо представить, но я могу это помыслить умо-зрением. Стало быть, «*философские построения*» не уводят меня от веры, а напротив, помогают мне верить; если же мы не верим в то, что зримо и чувственно непредставимо, а представимо лишь умозрительно, то нам нечего и делать в Церкви, для которой, по слову апостола Павла, «*вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» (Евр 11:1). Тогда нам надо честно уйти и заняться тем, что для нас представимо, — только не надо изобретать «своего Христа» и обзывать великих искателей истины, я бы сказал, узников философской совести, — *высокомудрыми болтунами*.

Да это еще бы ничего: допустим, ты такой же теолог, как Паскаль — биндюжник. Хуже другое — ты служишь Богу, Который, как известно из Писания, «*есть дух*» (1 Ин 4:24), а той простой и обязательной вещи не обучен, что... Ну, например, скажи мне, отрицательное число — есть или нет? Оно реально или нет? Более того, положительное число, скажем, «четыре», ты — образно представляешь? Не цифру «4» и не четыре лампочки, а *само число* как таковое?

Я лично — нет. Куда меньше, чем улыбку Чеширского кота. Ее я почему-то представляю, а вот число «четыре» — нет. Я не могу его вообразить, я могу его только помыслить умо-зрительно — и все. Но кто-нибудь на твоей памяти, — не только из математиков, а школьников, — сомневается, что не только число «четыре», но число «минус четыре» — реально? Что оно не только незримое, но и в отличие, скажем, от страха или совести, кои тоже незримы, но психологически реальны, — что оно, незримое и не подлежащее даже и эмоционально-психологическому чувствованию, оно некоторым образом — все же есть?

И если тебя не научили понимать, что само уже понятие «чего-то», если только оно правильно выведено из другого понятия, тоже правильно выведенного из... и т. д. вплоть до изначальной аксиомы, — если

ты не понимаешь таких простых вещей, как то, что правильно по-мышленное понятие есть уже реальность, — нам с тобою очень трудно будет говорить. А с теми, кто тобою восхищается не только как любящим, но и как мыслящим человеком, — еще труднее.

(Нет, все-таки, чему у них там в Кракове учат, не могу понять. Может, в семинарии что-то подправить?..)

8. Чему учат в Кракове

...Когда простым и нежным вздором ласкаешь ты меня, мой друг... А кому же не хочется ласки, а подавно — простой и нежной? Что может быть слаще, лучше ласки? Только простота. А лучше ее? Только воровство. Но ты этого не умеешь, — ты честен. Да и уж такого совершенства, брат, чтобы быть честным и воровать, я и от тебя не жду. Ты еврей, но ты же не ангел.

А — лучше воровства? Только вздор, делающий человека легким и счастливым. А вот тут ты преуспел. Тут тебе в подметки не годится и сам Венедикт Васильевич Ерофеев, сколько бы ни хвалился покойный, что уж чего-чего, а вздору он может нанести сколько угодно — и какого!.. И не соврал.

Но с вдохновенной непредсказуемостью твоего вздора, с совершенной свободой гения, самого устанавливающего законы своего беззакония в католическом служении, запросто отрицающего все, на чем стоит католицизм, плюя на это дело и от ненужности его для его же служителя, и от незнания его, и от презрения к нему по любви к нему же, — какой же Ерофеев сравнится? Тут наравне с тобою можно поставить разве Хлестакова. Столько счастливого вздору нанести уже и самая лучшая, самая любящая женщина не сумеет, это уже не ласка, это... Я становлюсь настолько счастлив сам, что готов тебе все простить за это, друг ты мой единственный, все, кроме одного: почему все-таки даже ты не можешь ласкать меня вздором нон-стоп и в твоем гениальном вздоре случаются перфорации, ты говоришь порой умные вещи, правда, я ни одной так почти и не нашел, но нутром чувствую иной раз: это уже не вздор, это что-то серьезное, — и тут же становлюсь несчастным: меня перестают ласкать.

Где нежность? Где твоя простота, что лучше всякого воровства, я спрашиваю? Почему ты меня оставил в покое? В кои-то веки желаю творческого непокоя, а где же ты, брат мой? Ведь если ты брат мой, то и я брат твой! Гряди — и кам тугезер райт нау овер ми. Не нужно мне это, но желанно.

Желаю, однако, забыв, что это поэзия должна быть глуповата, а мысль, если она мысль, должна быть собою — мыслью. То есть — умна. Иначе она по определению не мысль. И тут, согласен с тобой, я неправ: не век же тебе со мною одним нянчиться, надо и людям оставить. Все остается людям, когда жизнь, стыдно молвить, прошла мимо. А они, люди ети самые, покончав енти инъязы да тую классфилологию, они, историки и

ученые библеисты, от тебя просто тащатся в восхищении твоей ученостию и умностию, когда ты ласкаешь их не нежным вздором, а тем же, да любящим паче нежности взором — в отличие от меня, дурачка из 25-й куйбышевской средней школы, бедново-та, ой-беднава-а недоноска...

Н-да. Но все же, все же — перед нами художественное произведение, и это делает свое дело: мы потихоньку обживаемся в мире книги, содержащей множество живых реалий — подробности из жизни сегодняшнего Израиля и пр. И брат Даниэль становится нам все симпатичнее, несмотря на то, что порет ахинею. Во-первых, потому, что он зато «по жизни» праведник и подвижник, а во-вторых, он, как сказано уже, довольно живо вылеплен, а к живому — и отношение живое. Хочется уже не рвать и метать, а уж любопытно: ну-ка, что он еще отколет, наш любимец-анфантерриблъ. Милый друг, будь дерзок, дерзок. В порядке бреда и беспорядке стеба.

И он откалывает. Что-что, а это он умеет. Он предлагает нам эксклюзивный цирковой номер — стеб на церковную тему. Причем принятый им самим за крайне серьезную правду. Уж он нам очередную «Чучу» отчебучит, это будьте благонадежны. Долго ждать не придется.

Вот, например, о Деве Марии Богородице.

Коротко — никакого «непорочного» зачатия не было. Просто потому, что непорочных зачатий не бывает. Зачатие было самым обычным: Иисус *зачат был ночью порочной и явился на свет не до срока.* Рожден, как и все, не Девой от Святого Духа, а — праведной, «святой», но самой «нормальной» женщиной. Евреи вообще не могли бы назвать ее Богородицей, то есть «*родившей Бога*»: «*У благочестивого еврея от негодования отвалятся уши*». «*Что думали евангелисты о бессеменном зачатии?*» Да-да, именно — что они «*думали*»? А вот что: «*Да ничего особенного не думали!.. У Матфея слово "обрученный" перед именем "Иосиф" вставлено позже, когда начали обсуждать эту проблему... У Марка нет ни слова об этом, у Иоанна тоже нет. Есть только у Луки. Апостол Павел тоже никогда... он говорит о рождении Иисуса только, что Тот родился "от семени Давида"... Слова "Святой Дух" надо понимать в том смысле, что, по еврейским представлениям, Дух Божий участвует в каждом зачатии, освящая его. А вся эта легенда о непорочном зачатии родилась лет этак на 500 позже.* Раз «культ» возник не раньше VI века, см. следующий абзац; впрочем, если следовать опять-таки тексту, то параллельно возникает и вторая версия: «*...когда вдруг всем стала интересна брачная тайна Марии и Иосифа*» (буквально так — *Ю. М.*), и вероятнее всего у проклятых «греков» (другого просто не получается из текста) — и вот почему: «*...в искаженном сознании сексуальная жизнь непременно связана с грехом! А у евреев зачатие не связано с грехом!.. И все эти легенды о непорочном зачатии родились в порочном сознании, которое видит в брачном союзе мужчины и женщины грех. Евреи никогда так не относились к половой жизни, она освящена браком, и повеление плодиться и размножаться подтверждает это*».

Это — высокий пилотаж. Выше некуда.

Нет, вру, есть куда. Стоит прочесть дальше — и вот вам еще выше.

Культ Девы Марии, оказывается, «*в христианстве очень поздний, только в шестом веке он был введен <...> Легенда о рождении Иисуса от Марии и Святого Духа — отголосок эллинской мифологии. А под ним — почва мощного язычества, мира великой оргии, мира поклонения силам плодородия, матери-земли. В этом народном сознании присутствуют незримо женские богини древности... Культ земли, плодородия, изобилия. Всякий раз, когда я с этим сталкиваюсь, я прихожу в отчаяние*»... И под конец: «*Это же кошмар!*»

Точно. Кошмар.

Так и видишь сидящих на уютной московской кухонке двух дам — просто приятную и приятную во всех отношениях. И одна другой:

— Нет, ты представляешь?.. Мария-то с Иосифом... А говорили-то... А еще про нее-то: «Дева»!.. А ему-то «Обручника» присвоили — «Honoris», так сказать, «Causa»... А на самом-то деле — было дело. Выходит — это интерполяция!.. И так — с шестого века! А мы-то верим. Это же кошмар!

Таки никогда не унывающий Даниэль — приходит в отчаяние. И есть от чего. Читая все вот это самое, которого еще в романе — сорок раз по разу, кто хочешь, да и кто не хочешь придет в отчаяние: приехали. Темный лес. Темная почва мо-ощного язычества. Кругом одни богини плодородия, — другого кого не дозовешься, хоть волком вой. Да мертвые-то с косами стоят... Страшно аж жуть.

Да, распутать весь этот клубок, не ариаднова, увы, плетения, а — нескладух, заплетенных в нескладухи же, — да, прорубить просеку в столь массивно непроходимом темном лесу, — мягко говоря, не просто. Но попробуем, — авось получится...

Начали.

«*...в искаженном сознании сексуальная жизнь непременно связана с грехом! А у евреев зачатие не связано с грехом!..*»

Н-ну д-да. Как бы не так.

Это когда же настоящие-то иудеи наделяли полнотой святости и безгрешности пусть и брачную, но половую жизнь? Это где ты почерпнул? Окстись. Уж кто угодно, «*греки*» там, они святостью не наделяли, но и греха в совокуплении не видели, в том числе и с мальчиками, — просто за неимением понятия греха (которое в мир принесли именно евреи, как и понятие искупления греха; спасения искали все, но спасение, невозможное без искупления греха, — это еврейских голов и сердец дело, это уж «еврейские штучки». Христос и пришел потому, как мне кажется, — если я, вынужденный «богослов»-дилетант, неправ, пусть меня поправят знающие, — не в последнюю очередь, в мир к такому народцу, который был «богословски подготовлен», кто способен был уразуметь Его назначение как Спасителя-искупителя греха, не конкретных прегрешений только, — это мы находим уже в т.н. *Негативной исповеди* в египетской Книге Мертвых, — но самой их основы, целостного «живого», — в смысле активного, — греха как такового).

Именно евреи-то, с их — относительно других древних народов — неискаженным сознанием, необычайно остро чувствовали, после первородного грехопадения, порчи человеческой природы, теснейшую связь в падшей человеческой природе Эроса с Танатосом, половой любви — и смерти, которая и пришла в мир благодаря греху, и теперь в природе падшего человечества, сохранившего, однако, остатки безгрешного «*плодитесь и размножайтесь*» (ведь это сказано Богом еще до грехопадения, еще невинным Адаму и Еве, а «до» и «после»: это рыба до ее ловли в речке, и она же после того на сковородке); чувствовали, что «отныне», от изгнания на землю, любовь мужчины и женщины — имманентно и перманентно связана со смертью. Сам акт любви в его наивысшей точке есть, если подумать, некая малая смерть обоих любящих; в акте «последних содроганий» есть выхождение из себя вовне, из жизни — в смерть (как и наоборот, это выхождение из себя двоих умирает в рождении третьей жизни, ребенка), и смерть, порождение первоначального греха, всегда несет в себе грех, караулящий двоих у брачной кровати.

Даже освященный Богом брак в иудаизме лишь, скажем так, «относительно свят», ибо он хотя сам в себе и не имеет греха и действительно освящен Господним «*плодитесь и размножайтесь*», — но святость его находится в некотором... ну, так скажем, окружении греха. В тесной связанности с грехом, более того, с ритуальной нечистотой; привкус греха даже в брачном соитии сохранен Богом. Чтобы люди никогда не забывали, кем они были, кем могли бы остаться и по сей день — и кем стали.

Иначе с чего бы в года довольно отдаленные Псалмопевец, — кем бы он ни был, Давидом или «частично» Давидом, а «частично» давидовым современником, но безусловно — евреем, — с чего бы он написал один из пронзительнейших текстов, в христианстве приобретшем еще бóльшую значимость, — покаянный псалом 50-й, где говорится буквально: «*Ибо в беззаконии зачат я, и во грехе родила меня мать моя*». Вот так — и никак иначе. А есть ли у нас основания думать, что это относится лишь к безбрачному соитию? Думаем ли мы о Псалмопевце как о бастарде, вы-блядке, незаконнорожденном? Нимало. Не имея никакой точной информации, мы все же думаем о нем «благочестиво»: он (или они) все-таки создал (и) целый корпус Псалтири, священной и для иудеев, и для христиан, а еще точнее, мы вообще в данном случае ничего не думаем, кроме того, что, когда перед исповедью всегда читается именно этот псалом, то он и относится ко всем исповедующимся, то есть все мы, законно- или незаконнорожденные, равно зачаты не без греха, беззакония, нечистоты. Так чувствуют христиане.

Написавший псалом еврей, наверно, чувствовал это необычайно остро, еще острее, чем мы, если из сердцевины его души исторгнуты были именно эти строки, его словно вырвало ими — о потрясшем и проникшим весь состав его тела и души чувстве греховности и беззакония своего зачатия-рождения, а значит, и всю дальнейшую его судьбу, с самого зачатия переданном ему пожизненно чувстве беззакония и греха. Потому-то именно у евреев только мы и видим такое количество предписа-

ний, когда «это можно» и когда — «нельзя». Тщательно, до мелочей, разработанная практика «ритуального очищения» от ритуальной же нечистоты... Да вспомните, одна миква чего стоит, омовение, возведенное в ритуал, строго регламентированный и т. п. — и при этом имеющий какой-то мистический оттенок действительно происходящего полного очищения, а не простого омовения.

(Розанова читать надо, вот что я скажу; вот кто дело понимал, — как он чувствовал микву: не как еврей, больше — как еврейка; так, как он чувствовал... В общем, за то ему все и прощаешь, и если он говорит, что его книги замешены даже «*не на крови, а на семени человеческом*», то и это «*семя*» проглатываешь без отвращения и без извращения — единственный в своем роде куншток, это надо не уметь, а иметь в себе.)

Миква, водное очищение от всего, связанного с разными видами одного из ключевых понятий иудаизма — «нидда», нечистоты — после женского цикла и т. д., но обязательно после соития, ведущего к зачатию и деторождению, — в комментариях не нуждается.

Последнее подтверждается хотя бы тем, что Дева Мария (считаете вы ее Девой или нет), будучи выше Закона, так как родила — по человеческой Его природе — Самого Законодателя, свято соблюла Закон, явив пример послушания Ему, принеся на сороковой день во Храм «*в жертву по реченному в Законе Господнем две горлицы*», «*когда исполнились дни очищения их* (самой Марии и рожденного ею младенца) *по Закону Моисееву*» (Лк 2:22-24). Вам этот факт ни о чем не говорит, дорогой брат? Как думаете, от чего еврейский Закон предписывает женщине после рождения даже зачатого в законном браке — «очищаться»?.. Слышал я и такие слова от одного ученого иудея, что «*по существу весь иудаизм стоит на Торе — и микве!*» — прямо так и восклицал, и думаю, знал, что говорил. Это сегодня-то, — а 2000 лет назад? Конечно, и это гипербола, но отнюдь не бессмысленная...

Дорогой брат Даниэль, из романа о тебе известно, что все свободное время ты посвящаешь переводу Нового Завета с греческого на иврит. Дело архитрудное, батенька-братушка. Эта работа одна может занять все время высоко ученого специалиста. А у тебя, кроме этого, дел еще — вагон с прицепом. Ты и в храме служишь, и беседуешь с прихожанами, ты и экскурсии водишь, как все говорят, на высочайшем уровне... Но поделись своим ноу-хау: как же ты все-таки переводишь текст, — одновременно с тем не читая его? Как тебе удается невозможное по определению?

Как это у Матфея «*ничего нет*», когда там очень даже «есть»?!

Например, там сказано: «*Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого. Иосиф же, муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, — се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: «Иосиф, сын Давидов! Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родивше-*

еся в Ней есть от Духа Святого... Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою, и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего...» (Мф 1:12-25).

Это что — не свидетельство?

Кто ж тебе сказал, что «*обрученный*» — позднейшая вставка? А ты и поверил, католическая твоя головушка. А? А-а. Я за тебя поговорю с этим типом, свертывающим голову с шеи таким невинным младенцам. Ну сука он последняя, кто еще. Прости, я привык выражаться литературно, но, глядя на тебя бедного, завороженного-замороченного им, что о нем еще скажешь? Назови мне его, я с ним разберусь, с этим «источником» не информации, а диффамации, назови, — иначе я буду оставаться в убеждении, что ты, сам того не ведая, пользуешься приемами «религиоведов» эпохи советской власти, у которых все, что не «укладывается», — позднейшая вставка.

Да, и к тому же — объясни мне, в чем смысл этой вставки: какую цель преследовал «вставивший»? Какая ему выгода? Я, например, после этого твоего утверждения просто перестал понимать, на каком я свете. Слушай, ты человек горячий, я тоже заводной. Давай-ка, брат, перестанем горячку пороть, остановимся и хотя бы раз попробуем вместе, по шажочку продумать, — что может это значить?

Итак, отбрасываем позднейшую вставку «*обрученный*». Что остается? Первый вариант: на самом деле Иосиф Обручник не был обручен (тут все комментаторы сходятся: «обручен» в данном случае значит помолвлен) с Марией, то есть жил с ней в незаконном сожительстве — и прижил дитя от себя, с самого обыкновенного участия Св. Духа в каждом зачатии. Обычное дитя от обычных родителей, которое в момент рождения или позже, неизвестно когда и при каких обстоятельствах, получило беспрецедентный в истории человечества дар — стало Машиахом, Мессией, Христом Божиим. Дитя это, обыкновенно, семенно зачатое и рожденное, выросши, говорит о Себе, согласно Евангелию от Иоанна: «*видевший Меня, видел Отца*» (Ин 14:9), «*Я и Отец — одно*» (Ин 10:30). Почему мы, «воцерковленные», собственно, и говорим, и поем «*Единородный Сыне*». Буквально: один, единожды рожденный. Самим Отцом, пославшим для этого не благодать Св. Духа, а Самого Св. Духа.

Ты же, признавая Иисуса Господом, считаешь его по семенному происхождению совсем земным существом. Хорошо. В этом случае, действительно, как ты говоришь, «*тайна божественности Иисуса*» велика есть. Так велика, что превосходит своей таинственностью даже сказанное в Евангелии. Но ладно. Это тайна тайн, покрытая мраком мрака.

Но вот что скажи-ка мне теперь: как это, во-первых, сочетается с тем, что Иосиф, будучи, согласно Матфею, «праведен», жил с молоденькой девушкой внебрачно? А девушка на это согласилась так же запросто, как сейчас повсюду в Европе и Америке заводят бой-фрэнда и гёрлфрэнд. Ты же в Израиле живешь, — ты арабские семьи знаешь. Вот они сохранили семейные традиции Востока. Спроси у них, — ты же говоришь по-арабски, — возможно ли так поступить молодой арабской

девушке? Кто ей это позволит, — и что сделают с ней родители, если она позволит себе ослушаться их? Так «во время оно» было и в семье еврейки Мириам. Мало того, что это ставит ее святость под сомнение, — ставь, не стесняйся самого себя, — но эта незаконная связь грозила ей... Лучше не думать, чем.

Но и это ладно. А вот как это Иосиф, не обрученный муж, а стало быть, с тогдашней точки зрения, блудник-любовник, «*не желая огласки, хотел тайно ее отпустить*»? Что это значит? Если ты у всех на глазах живешь с молоденькой незаконно, то, во-первых, поздно уже думать о том, как избегнуть огласки, — поздно, братец, пить «Боржоми», когда почка отвалилась; а во-вторых, как это может любовник любовницу «*отпустить*»? Он не имеет над ней никакой законной супружеской власти!

Теперь — о самом «плоде». Согласно Матфею, отпустить ее Иосиф хотел, потому что она беременна. Его ребенком (согласно Штайну). И праведник, к тому же человек «ближневосточный», то есть попросту — «еврейский отец», что уже стало нарицательным, от своего кровного сыночка откажется, а не поспешит уладить это дело, обручиться задним числом или уехать далеко-далеко, туда, где их никто не знает и может поверить, что они законная семья?

Нет, пасьянс не складывается.

Не выходит, брат. Давай тогда попробуем второй вариант.

Снова: обручения не было, — Иосиф, живя во внебрачной связи с Мириам, «до сочетания» (даже писать все это страшно — верующему хоть на медный грош христианину, но приходится, нужно же как-то это происшествие, имевшее, между прочим, некоторое влияние на всю человеческую историю последних 2000 лет, — нужно его хотя бы на первый случай расследовать), хотел ее отпустить и тем самым отказаться от ребенка.

Но почему? Потому, что в отличие от первого варианта, у него были основания серьезно полагать: ребенок — не от него. Это как-то объясняет его поведение, — праведен-то праведен, а когда твоя любовница изменяет тебе с другим любовником — это уж извините, как говорят в Израиле: мы евреи, но мы же не ангелы. Да, поведение Иосифа это объясняет, но — что же мы тогда подумаем не то, что о праведности и святости, но об элементарной добропорядочности Мириам? Да она, получается, настоящая блудница — живет сразу с двумя, и с обоими — внебрачно. Даже сегодня мы так подумаем, а уж 2000 лет назад в Назарете? Ох, Восток — дело тонкое, — а каким тонким было это дело 2000 лет назад!

Хорошо, тогда третье...

А третьего-то, собственно, и не дано. То есть дано, — но именно так, как и стоит в Евангелии: законный Обручник, жених, однако же еще не муж во всех смыслах слова. Он только потом станет законным, но «платоническим» мужем, чтобы дать Мириам и Младенцу законный кров мужнина дома — и свое имя, чтобы присвоить Младенцу свое происхождение «*от семени Давидова*», то есть от семейной ветви Давида, — это тогда считалось «*настоящим происхождением от Давида по крови*»,

ну, вот как римские императоры для того, чтобы назначить следующего претендента на престол, перед этим назначали его своим «приемным сыном», чего требовало династическое право передачи власти.

(Кстати, о «*семени Давида*», — специально сообщаю, для Даниэля: род самой Мириам тоже возводят к «*семени Давида*», так что даже и без физического сочетания Иосифа и Марии апостол Павел вполне прав: достаточно одной из двух половин).

Итак, вот что выходит.

Увидев беременность своей, как он полагал, девственной невесты, то есть понимая, что это не его ребенок, Иосиф решил, что нехорошо это, греховно это, нельзя этого стерпеть, однако же и оглашать как-то немилосердно... И тут-то ему является Ангел во сне и объясняет, что ребенок от Святого Духа и чтобы Иосиф поэтому «*не боялся принять Марию, жену свою*» в свой дом. Это уже логичнее, это уже «что-то», да? Что, между прочим, согласуется со свидетельством евангелиста Луки: уж там девственность Марии утверждена отныне и вовеки — вдохновенным гимном, который поет св. Елизавета, а затем и сама Мириам. Гимном, который латинянам известен по первым словам как «*Аве, Мария*», а православным как «*Богородице, Дево, радуйся*» (Лк 1:41-55)...

Потом, что это вообще значит — «*только*» у Луки? Во-первых, не «*только*», а, как видим, и у Матфея, о чем ты сам тут же, противореча себе самому, сообщаешь. А во-вторых, чем же св. Лука умален перед другими евангелистами? Мы говорим о воскрешении Лазаря, об «уверении Фомы», наконец, о том, что «*в начале было Слово...*», и т. д., — мы говорим обо всем этом как о ключевых моментах Евангелия, а ведь все это и многое другое — есть «*только*» у Иоанна. И что ж теперь — уберем одно у «*только*» одного как позднейшую вставку, у другого «*только*» одного — другое как позднейшую вставку, и что в итоге останется?

Нет, но все-таки хоть ты меня удави, все равно не могу, не могу я понять, чем все-таки «*только Лука*» менее достоверен, чем «*только Иоанн*» или «*только Матфей*»? Напротив, свидетельства трех синоптических евангелий — и среди них от Луки — считаются никак не менее аутентичными, чем Евангелие от Иоанна, о которое какие только копья ни ломали и продолжают ломать, объявляя автора, только взявшего *литературный псевдоним* «Иоанн», греком, и все равно на сегодняшний день среди ученых библеистов преобладает уверенность, что Евангелие от Луки написано не позднее 80-х годов I века, от Марка — не позднее Первой Иудейской войны, то есть 70 года, от Матфея — как и от Луки, в 80-е, и, наконец, Евангелие от Иоанна — не позднее рубежа I — II веков (некоторые библеисты, и не без основания, передвигают «Луку» и «Иоанна» еще ближе, каждого на 20 лет, но все сходятся на датировке всех четырех Евангелий второй половиной — концом I века, то есть очень близко, проверяемо близко к тем событиям, о которых они повествуют).

И евангелист Иоанн, что бы о нем ни предполагать, принадлежит по всему «стилю» повествования и характеру мышления не к греческому, а именно к еврейскому кругу — к кругу христиан первого-второго поколения.

9. Гений перевода

Но все же — вернемся пока не поздно к Даниэлю.

Нет, в самом деле, брат Даниэль, я не знаю, как ты переводишь, не читая текста, который переводишь. До сих пор я о таких гениях не слышал. Мне неведомо, как сие возможно. Но ты, если ты и из них, ты все-таки во время перевода-то — возьми в толк хоть немного смысл тобою переводимого. А то ты так переводишь, судя по твоим же пост-переводческим «интерпретациям», что уж лучше б и не старался.

И, кстати, сведи концы своих утверждений с их же концами. Почему это, если евреи не видят никакого греха, вообще ничего особенного в половой жизни, по крайней мере брачной, — почему «*вдруг всем стала интересна брачная тайна Марии и Иосифа — а как это было на самом деле*»? Чем этот законный брак и всё отсюда вытекающее — «интереснее» в качестве темы для обсуждения, нежели все остальные браки по всей честной Эрец-Исроэль?

Ну, не хочешь говорить, — не надо. Я, честно говоря, тоже не чувствую себя достойным обсуждения этой темы.

А вот опять же о культе Девы Марии.

(Вообще-то правильнее, во избежание всяких обвинений в «идолопоклонничестве» и «человекобожестве», дабы долго не объясняться с протестантами разных деноминаций, следуя св. Иоанну Дамаскину, говорить: поклоняемся мы только Триединому Богу, тем самым и творим культ только Его, а почитаем — Деву Марию и всех святых; но так уж установилось и бытует, и ладушки, в таком радостном случае, пусть и с «*грамматической ошибкой*», отчего только живее на душе, мое место шестнадцатое.)

Если уже в конце I века евангелист Лука говорит «*Дева*», если епископ Игнатий Антиохийский (Богоносец), по преданию, ученик апостола Иоанна, в доме которого, по Евангелию от Иоанна же, жила Дева Мириам от крестной смерти Сына (по Писанию) до своего светлого Успения (по одному из двух Преданий), так что Игнатий вполне мог получить сведения о Мириам из первых рук от своего предполагаемого учителя (но, в любом случае, это текст не VI, а достоверно датированный началом II века, то есть опять-таки очень близко ко временам евангельским), — если в начале II века свт. Игнатий пишет, не вопросительно, а вполне утвердительно: «*Вы твердо уверены в отношении Господа нашего, Который воистину есть отрасль Давидова по плоти, Сын Божий по воле и могуществу Божию, воистину рожденный от Девы...*», — если, далее, вовсе не в VI, а в начале IV века (325 год) на Первом Вселенском Соборе, — это-то уж совсем, «стопудово» исторический факт, — девственность Марии и непорочность зачатия Иисуса были столь важны и принципиальны для отцов Церкви, что они сочли нужным вставить в Символ Веры: «*...нас ради человек и нашего ради спасения воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася*», — все это так, а это так, — то о каком таком «*очень позднем*» культе Девы Марии ведешь ты речь, братан?

Но вот еще что принципиально важно и принципиально же не понятно: читал ли Даниэль вообще хоть раз Библию? То есть хотя бы не Новый, а Ветхий Завет, Танах? Ведь, утверждая, что евреи не могли себе представить бессеменного зачатия и для них это было либо вздором, либо кощунством, он как-то недооценивает глубину еврейской диалектики, которая удивительно умела сопрягать, еще до земного явления Христа, строгое Единобожие с невероятными для строгого Единобожия вещами, — вероятно, потому, что горение мессианского сознания у некоторых значимых представителей Единобожия зашкаливало за даже немыслимое.

Так вот, давным-давно до Рождества Христова, в VII веке до н. э. великий пророк Йешайягу, еще т. н. *Перво-Исайя*, — Даниэль почему-то проходит мимо такого, чисто еврейского и довольно-таки авторитетного опровержения своих баснословий об обвисших ушах благочестивых иудеев, — так вот, пророк Исайя, безапелляционно один из четырех Великих пророков для иудеев и христиан, обетует, — точнее, Господь через него обетует: «*Будет вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит сына...*» (Ис 7:14), — и так далее, место из Исайи настолько известное, что нет нужды напоминать целиком.

Да, «есть мнение», есть серьезная иудаистская концепция, что пророчество Исайи говорит не о девственности родившей Сына, а о самом Сыне, Который возглавит борьбу с Ассирией во времена царя Ахава. Потому, с иудаистической точки зрения, маловажно, что пророчество Исайи приводит и Матфей, говоря, что непорочное зачатие лишь подтверждает обетование Бога, данное за много столетий ранее через Исайю. Матфей же вообще «*любил подгонять задним числом новозаветные факты под предсказания древних пророков*», как считают многие авторитетные религиоведы-библеисты, но далеко не все, во-первых, а во-вторых, — тут перед нами факт особенный.

Во-первых, даже считая, согласно иудаистической преобладающей точке зрения, что Исайя предсказывает здесь не девственное рождение Мессии, а рождение Езекии, благочестивого сына царя Ахаза, нельзя не видеть широкий мессианский контекст пророчества.

В девятой главе Исайи на обетованного младенца переносятся такие теофорные (бого-носные) имена, как «*Бог Крепкий*» и «*Отец вечности*». Это еще не тринитарная и не христологическая догматика, но сколь огненно обжигающее религиозное вдохновение иудейства, жаждущего Мессии как посредника, наделенного одновременно человеческой и Божественной природами, — сколь жгучий профетический огнь ощутим уже здесь, в VIII веке до Рождества Христова...

Во-вторых... Впрочем, что все спорить с молчащим Даниэлем? Поспорим-ка с собой, — посмотрим: у себя — выиграем ли?

Ставлю самому себе увлекательный вопрос: допустим, мы все же поверим добросовестности Матфея, но ведь его текст дошел по-гречески, а в еврейском оригинале у пророка Йешайягу стоит «*алма*», а это чаще читают как «отроковица» или «молодая женщина», — «алма», а не «*ветула*» — девственница.

Все так. Однако в иврите, как и в других языках, большинство существительных имеет несколько синонимов и «полусинонимов», некое колеблющееся поле значений. И слово «алма» тоже имеет несколько значений, и среди них, — согласно иврито-русскому словарю, — есть-таки и «девушка». Ну и что, скажете вы — и будете правы, это значение слова «алма» менее употребительно, чем «молодая женщина» (мы же вот привычно говорим какой-нибудь продавщице лет этак двадцати — двадцати пяти: «девушка», — тогда как та теоретически может быть и девушкой, но, скорее всего, является-таки женщиной), и почему вы и Матфей выбираете это как пророчество о Деве? Ваш выбор значения «Дева» — тенденциозен и не убеждает.

Имею право.

Но тут вот какое дело. Дело, прямо корреспондирующее именно с церковным пониманием вещей. А именно: кто переводил текст с иврита на греческий? Если бы греки, то и — победил Даниэль Штайн с его грекофобией.

Так вот нет же!

Перевод книги Танах (Библия, Ветхий Завет) с еврейского на греческий сделан не греками, а — самими благочестивыми евреями же. «Септуагинта», то есть «перевод семидесяти», сделан в III веке некоторым коллективом, условно говоря, семидесяти, но, во всяком случае, немалым количеством переводчиков-евреев — для общины александрийских евреев, забывших в диаспоре иврит, и, уж мы можем представить, какие отборные силы делали перевод, с каким уровнем ученого знания, языка, переводческой интерпретации сталкиваемся мы здесь: не что-нибудь, Танах, Писание переводят, и не для кого-нибудь — для могучей, богатейшей, весьма уважаемой даже римлянами александрийской общины (в частности, по некоторым сведениям, без их «немалой» финансовой поддержки Юлий Цезарь не победил бы своих «конкурентов»).

И вот, если из всего колеблющегося поля значений слова «*алма*», — если из всех значений слова «алма» переводчики-евреи для читателей-евреев выбрали греческое «*Парфенос*», то есть именно «Дева», то мы вольны, конечно, не считать это сбывшимся через несколько сот лет пророчеством, но все равно не можем же мы не признать, что задолго до рождения Иисуса вовсе не греки, а сами евреи-переводчики, иудеи, скорее всего, благочестивые, — кому бы доверили столь серьезную, почти священную миссию, перевод всего «Танах», — сочли возможным поставить «Дева», то есть помыслить так по-еврейски, — и *уши* у них не *отвалились*...

Что говорит опять-таки ни о каких ни греческих мифах плодородия, а о напряженности, удивляющем постоянстве накала именно иудейских мессианских чаяний на протяжении многих веков — и такой интуиции, что Машиах не может придти на землю «просто так», при обычных обстоятельствах зачатия и рождения: Он — персона чрезвычайная, из ВИПов ВИП, и его миссия, связанная с тем, что Он — Мессия, помазанник Божий, Спаситель, и Его приход на землю для исполнения

миссии от рождения будет чрезвычайным происшествием, самым необычайным событием на земле и обставлен будет до невероятности непредставимыми «деталями», — и все же это ЧП будет реальностью не только Небесной, но и земной.

А даниэлевы аналогии Девы Марии с «*женскими божествами*» — эти не стоят не то что полушки, но — семитки (имею в виду денежную единицу, а не то, что подумали), — ни лепты, ни обола. Это, простите-извините, детский садик, в который мы уже ходили и где советские религиоведы сочиняли такую точно небывальщину, но все-таки более грамотную. Их докторские степени куплены все же долгим сидением в библиотеках, иногда вполне серьезной, не мне и даже не Даниэлю чета, осведомленностью о предмете.

Аналогия — вообще самый легкий способ избавить себя от необходимости мыслить — тщательно и конкретно.

Впрочем, толковая аналогия если не проясняет дело, то, по крайней мере, требует вдумчивого ответа. Например, выведение культа Христа из культа Осириса на том основании, что Осирис — тоже умирающий и воскресающий бог, хотя бы осмыслено. Нужно подумать минуту, что бы такое на это внятно возразить.

А вот выведение «культа» Девы Марии, то есть самого неплотского, бессеменного, самого тонко-духовного — из культа земного, материально-телесно-плодородного — это, извините, еще больший вздор, чем осетрина второй свежести. Последнее, как известно, значит, что осетрина тухлая, а первое не значит вообще ничего.

И, разумеется, «*она не богиня*», «*она не Изида и не Астарта, она не Кали и никакая из других богинь плодородия*». Так ведь и христианство о том же говорит, только оно именно настаивает на этом, на случай, если какому-нибудь Даниэлю эта аналогия все же в голову придет; христианство отрицает саму возможность такой аналогии.

(А уж индуистская богиня Кали-Дурга, богиня смерти и разрушения, женская параллель бога разрушения Шивы, так сказать, негативная сторона Женской Силы, позитивом которой является жизнеутверждающая богиня Парвати, — она-то, прямая богиня Зла, уникальностью своею в мировой религиозной практике (поклонения Злу наряду, в одном ряду с поклонением Добру) восхищавшая гордившегося древней религией своей страны Вивекананду, — уж она-то к чему приплетена? Только к тому, что она тоже «*женское божество*»? А ты Медузу Горгону не забыл в честну эту компанию пригласить? Она ведь тоже некоторым образом женское — и опять же не сказать чтобы чисто человеческое — существо...)

А в прот-чем: «*Я очень люблю Мириам — вне зависимости от того, каково было ее зачатие. Она была святая женщина, и страдающая женщина...*» Неплохо сказано. Так это по-братски, фамильярно так. В буквальном то есть смысле слова: семейственно. Старший братец Даниэль любит свою сестрицу Мириам и великодушно прощает ей все, что бы там ни происходило, каким бы это ее зачатие там ни было.

Дальше тоже хорошо: «*...но не надо делать из нее родительницу мира*». Класс, правда? Одного не пойму, — а кто делает-то? Кто-нибудь из Отцов Церкви или просто представителей Церкви учил тому, что Мария — родительница ***мира***? Не помню такого. С общеизвестной церковной точки зрения, Дева Мария «всего-навсего» родительница Богочеловека по человеческой Его природе, полнота которой «*неслиянно и нераздельно, неизменно и неразлучно*» сочетается в Нем с полнотой Его Божественной природы. Эта двуприродность единого «лица» Христа, эти два сознания в одном самосознании — один из двух главных догматов Церкви; эти четыре «не» — чудо диалектической мысли и высочайшего, «горнего» полета духа отцов Четвертого Вселенского Собора 451 года в Халкидоне.

Но тебе и эта головокружительная диалектика наверняка представляется непредставимой — и потому пустой болтовней; а она и вправду непредставима, ее опять-таки можно только помыслить...

Возьми в разум, наконец, не устану повторять, это особая реальность такая: понятие, понимаешь. Его даже внутренними глазами увидеть нельзя, а только помыслить, да в том-то и фокус, что помышленное как существующее согласно законам правильного мышления, а не злого умысла, делает его никак не пустопорожним, а — безусловной реальностью, никак не меньшей, по крайней мере, чем видимая действительность. Но ты безусловно имеешь право думать иначе. Весь и вопрос-то — не в том, что ты думаешь ***иначе***, а в том, ***думаешь*** ли ты — иначе или не иначе?..

Повторительно, скажи только: «*Все это байки*», — и невозбранно найди себе другое занятие. Будь только честен, не занимай чужого места. Евангелисты говорят: «*Дева*»; «греки», уясняя себе Богочеловеческую двусоставную природу Христа, логически неизбежно, неотменимо выводят из этого «*Богородица*», родившая Иисуса по человеческой Его природе, — и какие тут могут возникнуть претензии?

Разве одно: Христос не Бог, Он только посланник Бога, — тогда и Мария не Богородица (этим мы еще займемся позднее). Так и скажи — и будь себе кем угодно: буддистом, агностиком, атеистом, называй себя даже «персональным христианином», — только не священником. Быть священником Церкви, не разделяя ее веры во Христа как в Бога, — это, мягко говоря, странное занятие. Твои многочисленные таланты, брат Даниэль, достойны лучшего, более осмысленного применения.

Словом, убрать «Обручник» применительно к св. Иосифу ничего не дает убравшему, кроме разве одного — очернить Мириам (добиваясь прямо нежелательного тебе результата именно своей искренней попыткой сказать о ней хорошо), а следовательно, и ее Сына по человечеству, любым способом, — пусть, если по-другому не получается, таким вот бессвязным, шитым белыми нитками вздором, производящим впечатление разве что на подростков: им все равно, правда или кривда, они побегут за тем, кто их «новым словом» увлечет... Беда только в том, что таких подростков и у нас, и где угодно тьмы, и тьмы, и тьмы, — и самое изумительное, бóльшая половина таких подростков состоит из людей

по биологическому возрасту взрослых, а то и пожилых, да еще и получивших высшее образование...

Нет, вот ответьте, все-таки, есть ли еще на свете люди, которым простая правда важнее мечтательства и всякой интересной зажигательности? И которые поэтому учились и научились главному — внимательно читать, шаг за шагом мыслить? Вроде — всего-то...

Если угодно, спрошу: почему Шерлок Холмс, человек весьма ограниченный в познаниях, не знающий многого из того, что знает любой школьник, — почему он гений, а друг его Ватсон, широко осведомленный и мыслящий человек, более того, человек благородный и все такое, — почему он только рот раскрыв наблюдает за криминологическими действиями друга, а потом глядит тому в рот, когда Холмс объясняет, как раскрыл дело? А — только и только потому, что Ватсон может сказать о ступеньках прихожей их дома на Бейкер-Стрит, по которым он спускался и поднимался сотни раз, только то, что «*их много*», тогда как Холмс точно знает, что ступенек — семнадцать. Вот и все. И если каждый приучит себя всего-навсего к вниманию и будет считать ступеньки своего и чужого мышления, мы будем другими людьми совсем другой страны. Такой, где люди не охмуряют себя ни Штайном, ни сильной Российской империей с православными чекистами и воцерковленными комиссарами...

Словом, кто бы тебе это вот о «*позднем культе Мириам*» и все дальнейшее ни сказал, Даниэль, возьми да плюнь ты ему в бороду — даже не потому, что он кощунствует, а потому что кое-как, с грехом пополам тебя «консультирует».

Нет же, Штайн, как ему по-немецки и по фамилии положено, не слушая ничего, каменно стоит на своем — и не может иначе. И чтобы тверже стоять, для чего нужно прибавить себе весу, он авторитетно мимоходом роняет фразу о том, что «постоянно путают два догмата — поздний, о непорочном зачатии Девы Марии ее родителями Иоакимом и Анной, и догмат о бессеменном зачатии Иисуса». Мне прямо так и видится, как эта «богословски-продвинутая» фраза, брошенная просто так, по ходу разговора, заставляет трепетать даниэлеву помощницу Хильду (впрочем, она, немка, могла быть до встречи с Даниэлем и лютеранкой если не по вере, то по воспитанию, — тогда это вполне правдоподобно). Так и видишь, хотя автор ничего не сообщает о реакции Хильды, как она замирает от преклонения перед бесконечной образованностью учителя.

На самом же деле ИМХО — это аберрация зрения русского автора, нет-нет да «проглядывающего» сквозь своих нерусских героев. Боюсь, Даниэлю беспокоиться тут не о чем: ни один мало-мальски верующий католик, будь он немец, поляк или итальянец (будь он даже столь же невежествен, насколько невежественны все до одного прихожане нашего роднули), эти два догмата спутать не может. Потому хотя бы, что сходно они звучат разве что в *русском* языке, оттого-то поборники нашего национального православия эти догматы постоянно и путают, упрекая католиков в том, в чем они вовсе не виноваты. У католиков же — это

абсолютно различные вещи — уже и на уровне наименования. Девственное (бессеменное) зачатие Христа, определенное в Апостольском Символе Веры как «*Conceptus est de Spiritu Sancto, natus ex Maria virgine*» («*Зачатый от Духа Свята и рожденный от Марии Девы*»)[3], ничего общего не имеет, — повторюсь, даже и на терминологическом уровне, — с догматом о непорочном зачатии Богородицы (*immaculata Conceptio*), провозглашенным в 1854 г. Папой Пием IX.

Думаю, вполне уместно несколько подробнее остановиться здесь на *immaculata Conceptio* — догмате, крайне важном для католического сознания с его пламенным, слегка «взвинченным» культом Девы Марии, доходящем иной раз до экзальтации. Потому хотя бы, что у нас такого догмата нет (хотя о нем слышали все, кому не лень), — и утверждение Даниэля в России вполне могло бы в самом деле быть для кого-то (кому лень) новым, удивить и восхитить безднами познаний...

Да, это действительно... Я и сам был зачарован когда-то утверждением о. Сергия Булгакова, что католики в XIX веке выработали больше догматов, чем за всю предшествующую историю догматического богословия, и что догмат о непорочном зачатии самой Богородицы делает по существу Божество — не троичным, а четверичным, прибавляя к троичному еще и женскую ипостась.

Но, спасибо автору и Даниэлю, что они затеяли этот разговор, я-таки взял в руки «Полный католический Катехизис» (что делать, я, что называется, вдали от родины и не могу позволить себе найти столько консультантов, сколько указано пофамильно в конце романа Улицкой, — а там их десятка три; у меня только один консультант, приятель, окончивший теолого-философское отделение Мюнхенского университета, да еще последнее издание Полного католического Катехизиса под ред. кардинала Ратцингера, то есть нынешнего Папы Бенедикта XVI).

Прав Пушкин, стократ прав: вот же ленив и не любопытен российский ум. Лет 20 как я так себе и верил, что у католиков может быть вообще что-либо непродуманно, не логично, а «по собственному хотению», — взял, а там написано вот что.

Догмат о Непорочном зачатии Богородицы, провозглашенный в 1854 г. Папой Пием IX, исповедует: «*...Преблаженная Дева Мария была с первого мгновения Своего зачатия, по исключительной благодати и благоволению Всемогущего Бога, в предвидении заслуг Иисуса Христа, Спасителя рода человеческого, предохранена от всякой скверны первородного греха*».

То есть, иными словами, в догмате о непорочном зачатии речь идет вовсе не о непорочности *зачатия*, а о непорочности, незапятнанности (immaculata) *плода*.

---

[3] Впрочем, если среди читателей обнаружатся те, кто, подобно Даниэлю, не ставят ни во что Символ Веры, специально для них приведу легшие в основу этого догмата слова Нового Завета: «*ecce concipies in utero et paries filium et vocabis nomen eius Iesum*» (Lk 1:31) и «*dixit ei Spiritus Sanctus superveniet in te et virtus Altissimi obumbrabit tibi ideoque et quod nascetur sanctum vocabitur Filius Dei*» (Lk 1:35). Надеюсь, за переводом дело не станет. — *Ю. М.*

Ну те-с, что скажем? Остолопы ли католики?

Если да, то не больше, чем православные.

По-нашему выходит (ну, не могу я принести в больницу целую библиотеку, но уж поверьте или проверьте), что Пресвятая Богородица, как и все люди, земные тварные существа, по определению, имманентно не могла быть лишена греха... ну, скажем, в предзачаточном бытии-состоянии, но с момента зачатия (самым обычным, земным способом) в Ней столь преизобиловала благодатно данная добродетель, что к моменту, по крайней мере, рождения эта преизобилующая благодать «упразднила» — начисто — в ней первородный грех, а с ним и всю вытекающую из него какую-либо греховность вообще.

Тут можно, при воле к «доброй ссоре», отстаивать «свое», дискутировать, что-де наше понимание куда точнее — и отсюда выходят глубочайшие смысловые различия (тренированный человеческий мозг этот заказ-посыл спроворит за пять минут), а при воле к «худому миру», — что есть тут различие или нет, но «на выходе» мы имеем один и тот же результат: Дева Мария, по крайней мере, от рождения не имела в себе греха (или имела его, как все же тварное существо, но, скажем так, в аннигилированном виде, — если аннигиляция, сведение к нулю, чем-то отличается от не-существования; с моей немудреной кочки зрения — «нэ бачу отличия»). Во всем же остальном Мириам родилась, как человеку и положено, от двух земных родителей, Иоакима и Анны, то есть непорочное зачатие Ее сводится к Ее безгрешности, тогда как бессеменное рождение Христа — это совсем, совсем другое дело.

Это только и имеют в виду католики, говоря, что следует различать девственное рождение Иисуса, Его бессеменное зачатие и непорочное зачатие самой Девы Марии Ее родителями Иоакимом и Анной. В русском переводе эти три понятия почему-то, скорее всего, случайно, оказались созвучны и тем как бы отождествлены, — в чем надо винить переводчика или еще кого, но только не католическую Церковь, — а я бы еще, «въехав» по необходимости писать о католическом священнике в предмет, — я бы еще спросил теперь о. Сергия Булгакова, хоть он из моих любимых авторов и куда мне до него во всем-всем, но все ж, охолонувши на вольном воздухе и отвыкши от замираний, все же я бы его теперь спросил: «А ты, отче, зная латынь с гимназических времен, ты почему так некорректно рассудил, что из-за тебя, твоего авторитета более полувека русский интеллигентный православный народ — заблуждается?»

10. Автора!

Вот тут-то я заподозрил впервые, что автор, как бы это сказать... не слишком осведомлен о том, о чем устами своих персонажей ведет речь. Так что оставим пока Даниэля в покое. Скажем, — это один из тех случаев, когда это представляется необходимым, — скажем несколько слов о сочинителе.

А сочинитель сочиняет не слишком правдоподобно. Например, Толстой, — он никогда не понимал нерва церковной темы, сердца темы изнутри, но был очень хорошо осведомлен о том, что пишет в «Отце Сергии», извне. Иначе и быть не могло в то выученное в гимназиях время, да еще с весьма сильным и по-своему очень ответственным умом человека, который нипочем не стал бы писать на важнейшую для него тему, не «подготовившись» основательно.

Сочинитель «Даниэля Штайна», — именно сочинитель, — мягко говоря, не слишком детально представляет то, о чем пишет. Он привычно конструирует образы и характеры, пишет, сказал бы я, широкой кистью, просто мастихином, — сказал бы я, если б не знал, каких чудес достигал даже Курбе мастихином, а уж поздний Тициан, так и просто пальцем вмазывая краску в еще не просохшую другую, нарушая тем самым все правила живописания, что, как известно, позволено только гению. Они и были гении, все эти могучие парни, которые знали свое дело на все сто пятьдесят. Они не ошибались, «разбираясь с цветом», так, чтобы «попасть» цветом в свет, а не в «свет».

Сочинитель же «Штайна» просто, извините уж, «лепит горбатого». Берясь за тему священнослужительства, он не потрудился как следует побеседовать со священнослужителями — и вот не представляет себе толком особенности священнического «менталитета». Не понимает, насколько все это неправдоподобно (правда, среди консультантов в конце книги указан и священник, но... Нет, я не дерзаю предполагать что-либо негативное о лицах «в сане», наделенных священнической благодатью, тем более мне не знакомых, — и остается предположить, что «он» или «они» не слишком «раскрылись» пред сочинителем или не были последним внимательно наблюдены).

Просто потому, что человек не случайно же становится священником, католическим или православным. Если он идет в семинарию, чтобы «выучиться» на того или другого, значит, его уже до того притягивает, призывает именно данное исповедание Христа, — иначе он пошел бы к лютеранам, кальвинистам и пр. Ну, а «выучившись», он окончательно воспринимает именно данное вероисповедание как вернейшее во всех его важнейших пунктах (и даже если он, что бывает нечасто, пересматривает впоследствии свое мировоззрение и уходит в другую Церковь или вообще из Церкви, то это происходит не вдруг и не «легко», а после мучительных «*борений с самим собой*»), среди которых исповедание Марии Пресвятой Девой Богородицей — один из самых-самых главных и неотменимых.

Ну, а уж для польского ксендза, кем бы он этнически ни был, просто немыслимо столь спокойно-категорично отвешивать реплики о «Матке Боске» типа «*конечно же, какая она Дева, а Иосиф — Обручник*». Кто угодно может считать это предрассудками, но не польский священник: чем была бы Польша без Матки Боски Ченстоховской, когда и «Солидарность» шла под лозунгом «*Голосуем за Матку Боску*»? Для ксендза эту черту так запросто «не прейдеши». А если «прейдеши», то, повторяю,

он перестанет быть ксендзом и уйдет к другим христианам («христианам»): на свете много сек... простите, деноминаций.

«Ваяя» образ священнослужителя, сочинитель даже не отдает себе отчет, насколько серьезны, не пусты, насколько неотменимы для носителя и проповедника данной веры, человека сугубо религиозного сознания, понятия, кои для повествующего — что нуль без палочки.

Не зная толком столь специфического предмета, писать о нем «с себялюбимого», агностика-слегка-на всякий случай-«под-верующего» (см. реплики «от автора»), среди огромных трудов по написанию именно этой *принципиально важной для автора* книги (см. послесловие романа) не дать себе труда погрузиться в самое главное: в мир иного сознания, — это столь же непонятно и пагубно, как... Словом, «*помилуйте, ну разве это можно делать*»? — как совершенно справедливо и даже мягко выговаривал один много в чем компетентный, хотя и не совсем приятный господин Степе Лиходееву, смешавшему накануне много водки с большим количеством портвейна.

Это все, дорогие мои москвичи до самых до окраин, такая же сказка, как раввину в один прекрасный день встать с нужной ноги и отправиться прямиком, ни мало не колеблясь, в церковь — креститься от всего чистого сердца и незатрудненного сознания.

Немыслимо просто так проделать и все то, о чем пойдет речь ниже. Это лишено малейшего правдоподобия. Но автор судит по себе, танцует от «своей печки», ему все это до фонаря (так он — почти буквально — и говорит в конце книги, да и по телевидению утверждает то же самое).

Автор «лех-ко» награждает своим наплевательским безразличием такого героя, который не может быть к этому безразличен. Герой-священник не может быть безразличен к тому, что он священник, ставший таковым только в результате рукоположения в священники. В силу таинства священства. Для него это значит: он не священник, если епископ, рукоположивший его, уделивший ему свою преемственную апостольскую благодать, — не епископ. А такого епископа, первосвященника Церкви, который не разделял бы веру Церкви в то, что Иисус Христос — Богочеловек, и, значит, родившая Его по человеческой Его природе есть Божия Матерь, — такого епископа, если он вправду епископ, не было, нет и быть не может. И если Даниэль только скажет ему, что он раз и навсегда отвергает девственность Марии и бессеменность зачатия Иисуса, то — только в Церкви его и видели. А если не скажет, значит, он обманщик, «типа того»...

Вот спросим автора: а что Вы считаете «догматами», *противоположными*, по Вашим же словам, *милосердию и любви*? «*Догматами*», к тому же поставленными в ряд однородных членов предложения вместе с «*властью, могуществом и тоталитаризмом*»?

(А интересно, почему «могущество» непременно «тоталитарно»? Я не американофил, я человек Старого Света, но не могу не согласиться с тем, что Америка могущественна, — и в то же время никогда не соглашусь с тем, что она тоталитарна, — и ни один человек в своем

уме, если он не притворяется «евразийцем» и совсем уж запредельным «русским империалистом», с этим не согласится — просто потому, что тоталитаризм несовместим с индивидуализмом, рыночной экономикой и равенством всякого, включая президента страны, перед законом. Удручает не столько то, что автор мыслит такого рода «общими местами», ложными клише, — есть ведь и клише вполне справедливые, — то, что передает это своему герою — то есть штампами светского своего сознания наделяет священника, носителя совершенно иного типа сознания.)

Самоочевидно из текста: таковым ненужным, пустым и даже нелепым догматом Ваш герой, а он еще человек религиозного толка, считает (как и Вы, — и это тоже секрет полишинеля) в первую очередь главный — тринитарный догмат, догмат о Св. Троице, то есть трех ипостасях Бога во едином существе.

Сочинитель, — повторяю, ИМХО, — именно «лепит горбатого» (увы, точнее этой «фени» не подберешь), искренне и вдохновенно выпрямляя горбатых и «горбача» прямых, сам не всегда и не вполне отдавая себе отчет, кто из них — кто.

Чтобы неискушенному читателю была все же ясна степень неправдоподобия происходящего или говоримого в романе, позволю себе самый доходчивый в нашей криминальной стране пример: допустим, ты пишешь о неком уголовном деле. Есть три героя — подсудимый, прокурор и адвокат. Можно ли об этом писать повесть, не читавши или хотя бы не перелиставши УК РФ? Можно ли, не зная в подробностях статей, которые задействованы в романе, скажем, «разбой» (в старом, по крайней мере, УК РСФСР — ст. 146, ч. 2), «ваять» судебный процесс, создавая образы юристов, которые не знали бы толком той или иной статьи и просто плевали бы на все эти статьи какого-то вздорного пустого УК — и, соответственно, выступали бы на суде обвинителями или защитниками *вообще*, не «подводя» подсудимого именно под данную статью и такой-то срок, — согласно данной статье, — или не «отбивая» его именно от данной статьи и данного срока.

То есть один возглаголил бы семо: подсудимый разбойник, разбойник и еще раз разбойник, а потому за плохое дело посадим его лихого человека на цепь на минус сорок пять лет вечной смерти (с заменой ее через помилование на плюс сорок пять лет посмертной вечной жизни); а другой возопил бы овамо: вранье! Мой подзащитный не разбойник, не разбойник, не разбойник! Он грабил всякий раз не из злого умысла, а с сокрушенным сердцем повинуясь, — куда денешься, — своему основному инстинкту, а потому за органичное поведение дадим ему в награду сто фунтов шоколада-мармелада-винограда...

Никак не можно такого представить. И если один персонаж кого-то обвиняет в суде, а другой защищает в суде этого кого-то, придется поинтересоваться: а по какой статье, да еще и по какому параграфу данной статьи? Придется почитать в нескольких хотя бы местах УК, осмыслить эти места, а потом уже «ваять» сцену судебного разбирательства.

А в области священнослужительства — все, значит, можно, да? То есть к двум вещам, в которых, согласно Чехову, все всё понимают: медицине и литературе, — надо добавить третью — область «леригии»: священнослужительства там, всякого там богословия и все такое? Тут — свобода всем людям доброй воли, — в смысле: мели, уж извините, емеля...

Опять же, смотря, какой емеля. Помянутый выше Розанов провел «*около церковных стен*» время совсем не зря. На то он Розанов, он потому и был так долго только около стен, не часто заходя за них, он потому так болезненно едко критиковал христианство как веру жизнеотрицающую, что его и впрямь «*Бог всегда мучал*»...

А если тебя Бог не мучает, а только «еврейский вопрос» да «любовь», то нечего и Его мучать, а тем более понапрасну, всяческими небылицами о Нем. Я лично малограмотно убежден, что Бог хоть и долготерпелив, но при том терпеть не может неправды, и хотя Он, как известно, и бесстрастен, но, как известно же, бесстрастен Он как-то особо, «*Своею страстию бесстрастною*», и что до неправды, Он ею как-то бесстрастно возмущен, — боюсь, выражение: «*Не гневи Бога*», — не только образно.

11. А если это любовь?

Однако главное, согласно автору, — не то, что и как говорит Даниэль, а — *что он чувствует и что делает*. Главное — он *любит*. Нежной любовью, доходящей до фамильярности, то есть буквально — семейственности. Братец Даниэль любит сестрицу Мириам.

Любит всех. Потому, что он добрый, очень добрый. Этим он нам и нравится. Он симпатяга. Он сидит на стуле и болтает ногами, не достающими до пола. Чистый Карлсон. Так и хочется быть карлосоновой бабушкой и сказать: «Карлсончик, одень теплые носочки».

Нет, правда, он симпатичный. А поскольку человек больше, чем совокупность его верований, которые могут меняться (с другой стороны, человек как раз меньше своих верований, потому что последние и составляют его личностное ядро и определяют, в конце концов, его линию жизни и дальнейшую судьбу), то он нам нравится, как все живое и нестандартное.

Он любит евреев-христиан, едва ли не больше любит и румын, немцев, поляков, богатых и бомжей. А особенно, братски, любит христиан-арабов, понимая их, пожалуй, самое невыносимое положение в государстве Израиль. Их он любит как мало кого. Вот и «арапа заправляет», хотя и понимая, что сам — не арап, а еврей. Да камуфлируйся ты под кого угодно, хоть под японца с саксофоном, все равно выдают предательски торчащие уши с оттянутой мочкой. Не надейся, дорогой, что ты хотя бы в Израиле укроешься от гонения на японцев, не морочь нам голову...

Но он и не ждет спокойной жизни, он и не хочет ее, чисто парус одинокий, что не ищет счастия, — и надеется только на любовь, надеж-

ду и веру. И тут он, — уже без смеха, — тут он настоящий человек и христианин. Потому что действительно и деятельно любит. Почти до положения живота — не за себя, а за того парня.

Например, он хоронит польку-самоубийцу на арабском христианском кладбище, о чем и сообщает своему «коллеге» и бывшему соученику в письме, с горьким, скорбным чувством, — и только. А тот в ответ напоминает: имей в виду — это все-таки грех, самоубийство-то. Еще какой, добавим мы. Добровольно и сознательно лишить себя жизни, не тобой тебе данной и не тебе принадлежащий, — это грех такой же, как и убийство, и едва ли не тяжелее. Убийца имеет время для покаяния, а ты сам себя его лишил и идешь в мир иной нераскаянным. Поэтому Церковь и не хоронит его на своем кладбище и не молится за него: не потому, что она жестока и безлюбовна, а потому, что своей окончательной нераскаянностью самоубийца сам поставил себя вне Церкви, и она, не судя его, но и не имея больше компетенции в его отношении, не осуждая и не оправдывая, предоставляет решить «его дело» Самому Верховному Судии.

Из церковного понимания «казуса суицида» есть несколько исключений: скажем, самоубийца совершил свой поступок в невменяемом состоянии и потому не несет за него ответственности. Но именно поэтому все случаи похорон самоубийцы серьезно обговариваются, они совершаются только с разрешения правящего епископа. Штайн же ничего ни с кем не обговаривает, беря на себя серьезнейшую для священника ответственность, да и на письмо друга не отвечает. Ему все «лех-ко», «лех-ко» по любви, деятельной и милосердной. Да вот, а мы только на кухнях о любви, уж извините, «толкать фуфло» умеем...

Другой случай: его ближайшая помощница, Хильда, молодая немка, приехавшая на ПМЖ в Израиль, чтобы внести свою лепту в дело искупления вины немецкого народа перед евреями, полюбила здесь молодого красавца араба-католика, из даниэлева же прихода, и вступила с ним в связь, — при том, что он женат и имеет троих детей. Речь идет о верующих людях, нет надобности объяснять, как они переживают свой грех; однако любовь их «*сильна, как смерть*», и связь эта прелюбодейная продолжается около 20 лет. Не переживает лишь Даниэль, и на слова своей помощницы о том, что она хочет уйти в монастырь, чтобы хоть как-то «оторваться» от своей преступной любви, отвечает только что-то вроде того, что любовь, даже прелюбодейная, вещь серьезная и тонкая, и ее возможно только изжить, а не выжечь, чтобы не сломать человека в себе, так что нужны терпение и время, чтобы... а пока ступай не в монастырь, а работать! У нас с тобой, девочка, и тут работы невпроворот!..

Сказано в самом деле с любовью и пониманием, бережностью. Хорошо сказано. Но опять-таки: для любого «воцерковленного» читателя тут, помимо любви и человечности, встает вопрос, от которого никуда не денешься: она остается все эти 20 лет его ближайшей помощницей, кем-то вроде приходского старосты, значит, она только у Даниэля и

исповедуется, а это неотменимо значит, он непрестанно, хронически, 20 лет раз за разом отпускает ей смертный грех, нарушающий не только новозаветную, но еще и шестую из десяти Моисеевых заповедей, — и что же, он еще и причащает ее эти 20 лет, нераскаянную?

Ведь церковное покаяние — это не только слезы раскаяния. Это «метанойя», то есть изменение образа мысли — и образа жизни. Я тебя прощаю, но ты впредь иди и не греши — вот Христово отпущение греха. А сказать: властию, данною мне свыше, отпускаю тебе, рабе Божией, грех прелюбодеяния — и не запрещаю его впредь категорически, сей же момент, а «по умолчанию» разрешаю тебе так вот во грехе жить-поживать до тех пор, пока ты этот грех не изживешь, и буду причащать тебя все это время ожидания, когда жизнь возьмет свое... Нет, это не Христово отпущение греха. Двадцать лет грешить и каяться, чтобы заведомо — снова грешить, да еще и все эти 20 лет причащаться «неосужденно» — это очень комфортабельно устроиться. Церковь все-таки не люкс-отель «Шератон»...

Так как все-таки? Причащал эти 20 лет?

...Стоп. А у кого он сам, монах-кармелит, исповедуется? Нет, в самом деле, он не может же не исповедоваться у кого-то. Но в романе на это (как и, скажем, на монастырскую часть его жизни, а эта сторона жизни для монаха, мягко говоря, немаловажна) — и намека нет. А зря. Не может человек Церкви — ни мирянин, ни монах, ни священник, ни первосвященник — никому не исповедоваться. Так же как не может человек с утра зубы не чистить. А монах, «стопудово», исповедуется, за исключением особых случаев, у одного и того же священника, как правило, своего духовника, если не духовного отца.

Вот бы кого да и спросить для действительной полноты характеристики... не выдать тайну исповеди, Боже упаси, а так, невозбранно, слегка по-чекистски-гэбистски: что за человек Даниэль, по его мнению, не болен ли он душевно и духовно, нет ли у него умственного расстройства, да и вообще — настоящий ли он католический священник по всему, — или у него преобладают завиральные идейки и все такое... А главное — как же тот отпускает Даниэлю грехи, допускает до причастия и священнослужения, слушая абсолютно неприемлемый для христианского, да еще монашеского сознания в который раз все тот же нескрываемый и нераскаянный убежденный вздор (ладно, заблуждение) — хотя бы о Св. Троице и Деве Марии? Ведь Даниэль вовсе не кается в этом своем убеждении, а не кающемуся во грехе нельзя его и отпустить... Или Даниэль, понимая, в каком положении очутился, все-таки скрывает, по крайней мере в монастыре, свои взгляды? Но опять-таки он как священник не может не знать, что исповедуется не другому священнику, а Богу, священник же «*точию свидетель есть*», — а от Бога ничего не скроешь, чего зря стараться? Вопрос, еще вопрос...

Например. В романе, где десятки свидетелей слов и дел Даниэля в миру — ни одного монашеского голоса, голоса «соседа» по «общежи-

тельству» в кармелитском монастыре, где Даниэль, коль скоро он не расстрига, — а следов этого в книге нет, — минимум 25 лет, четверть века проводит большую-пребольшую часть своего времени, остающегося, увы, за пределами и сочинительского, и читательского окоема. Между тем для монаха, да еще монаха-кармелита неподалеку от горы Кармел (в честь чего и орден назван), где святому проку Илие пищу приносили в клюве вороны (см. Третью Книгу Царств), монастырь — это, скажем так, не просто так...

«Да что Вы все со своими формальностями и дисциплинарностями пристаете, как на допросе? Штайн поступил как любящий человека человек, не став вдаваться в процессуальные детали. Он мудрый, настоящий священник. А вы, "воцерковленные" — что предлагаете от лица Церкви? Какую такую любовь? Отвечайте, — и если Ваш ответ опять сведется к отпущению грехов по чину, всей вашей обрядовости и ритуалам, то мы в вашу Церковь — ни ногой»!

Ну, отвечу... Я ведь и сам все это на себе проходил... Да что там в Церкви, в обычной-то жизни нахлебались этих допросов, с которыми к тебе пристают... Да, я много всякого вот этого и в Церкви видел, и не сказать, чтобы было мне мило это в Церкви, как и во всей моей занятной, безотрадно-счастливой жизни...

И все же я бы ничего другого на месте Штайна не нашел, кроме как сказать, и как можно мягче, но предельно серьезно: «Ты все то время, пока не найдешь в себе сил отказаться от смертельной твоей любви, — у тебя ведь правда любовь, а не блудное желание, но это-то серьезного человека и губит почище всякого блуда, — ты все это время будешь здесь работать для Церкви, но причащать я тебя не буду. Я тебя люблю, доченька, то есть желаю тебе спасения, и я тебя знаю, потому-то, по любви знающей, и налагаю особую епитимью, только нам двоим и понятную. Епитимья, урок тебе будет — само это время без причастия, наполненное горечью раскаяния, пока оно не поможет изжить эту губительную страсть. Тогда я и причащу тебя. Иначе мне и тебе невозможно: твое причастие и тебе, и мне пойдет во осуждение. Не будет тебе причастия, но знай, что больше ни минуты по гроб жизни ты не будешь одинока: я всегда с тобою, помню о тебе и люблю, и кручинюсь с тобою вместе».

Да, это уж как вам понравится, есть в церковной Любви — любовь или одно холодное поджимание губ, произносящих: «Не положено — и по любви все равно не положено; не положено — и все», — но я ничего другого придумать не могу. Ну не положено причащать в этом случае — и все. Плох тот солдат, который не исполняет приказ. По крайней мере, осмысленный, необходимый и правильный приказ, а христиане в этой жизни — солдаты Христовой армии, принявшие присягу на верность Тому, у Кого не бывает дурацких и обходимых приказов.

И Даниэль лучше моего это должен знать: кто из нас двоих священник, в конце концов? Он или я? Это вопрос-ответ на ваш вопрос. Ведь, противопоставляя позицию Даниэля Штайна церковной позиции,

вы забываете, что он сам священник и, пока не перестал им быть, излагает свою позицию, предлагает свою любовь — не вопреки церковной любви и позиции, а его позиция и любовь — и есть церковные. Священник, пока он священник, всегда говорит не от себя, а от себя как лица Церкви. Ровно настолько, насколько вам люб и мил Даниэль как противопоставленное Церкви лицо, — ровно настолько он не священник и вообще не католик. Он частное лицо, а ведь среди наших ближних есть и любящие нас ближние, и мы спокойно можем найти в их сердцах любовь, не уступающую любви нашего случайного знакомого Даниэля. На свете много разных Даниэлей, — кто-нибудь из них, глядишь, отнесется с любовью и к нам...

Но он же не уходит — ни из священников, ни из монахов. А значит, я вправе задать вопрос: причащал или нет? Нашел ли али нет — необходимым так или иначе выйти из этого интересного положения?

Ни слова об этом. Такое впечатление, что ни самого Даниэля, ни автора вопрос причащения не интересует. Вот этого-то и не может быть. То есть для сочинителя, как мы убедились, — запросто, а для героя, священномонаха-кармелита, быть этого не может. По крайней мере, быть этого не может опять-таки «лех-ко», беспроблемно, если он не расстрига. А где следы этой проблемности? Ребята-девчата, беретесь вымышлять — вымышляйте, но — хоть как-то делая свои высокохудожественные выдумки-выкройки — все же по какому-никакому, но — портняжному лекалу. Хотя бы с малой, но — осведомленностью.

Итак, этой маловажной проблемы причастия для рассказчика и героя просто-запросто нет: они о ней как-то вообще забыли. Вот странное дело, а я знавал людей, которые говорили: в их жизни бывали долгие периоды такого сомнения, такой «богооставленности», что они ушли бы из Церкви, если бы не ощущали каждый раз «вкус» и действенность причастия... Какие все-таки люди разные. Впрочем, причащение в даниэлевом приходе носит столь странный характер, что, по мне, хоть и не причащайся. Впрочем, до этого мы еще дойдем.

(Кстати, я что-то не помню вообще, чтобы брат Даниэль употреблял в каком-то случае слово «грех», разве что в вопросе половой жизни, тоде евреи не видят в ней греха. Но у меня склероз; возможно, я запамятовал... Но все равно — странное дело: понятие греха и жажда его искупления, «оправдания» перед Богом — наиболее фундаментальное понятие и самое глубокое и новое чувство, которые иудаизм-то и привнес в мир, как отмечал еще атеист Бертран Рассел, говоря в своей «Истории западной философии», что несомненной — и, по его мнению, медвежьей — услугой евреев является то, что они на 2000 лет вперед заразили иудео-христианскую цивилизацию ложным понятием греха.)

Но странно это дело — только для таких зануд, начетчиков и ханжей, как я. Такие люди любить не умеют, вот и зловредничают, цепляются к каждому слову, всякое лыко у них в строку. А вот если человек по-настоящему умеет любить, для него ничего не странно.

Если любовь его к людям так безмерна, что еще почти юнцом, вынужденно служа в гестапо переводчиком, он так полюбил своего начальника эсэсовца майора Рейнгольда, что между ними установились отношения «*как между отцом и сыном*», то — на кого мы посмели руку поднять?

Мне, например, такая любовь и не снилась. Одно дело — понять и даже простить, и отнестись «объективно»: для военного человека приказ есть приказ и т. п., — и то это понятно задним числом, 60 лет спустя, — а каково было тогда, каково было жертвам и свидетелям этого массового убиения, забивания людей, как скота на бойне? Да, майор Рейнгольд не любит своей работы. Да, он живой человек, и его мучает совесть, чем он выгодно отличается от своих подчиненных — и немецкой «айнзацгруппе», и белорусских полицаев.

Ну и что же он делает, чтобы успокоить свою совесть? А он, по своей «*добропорядочности и добросовестности*» (слова Даниэля) не любит сам ездить на «акцию», а посылает других, а если все же приходится самому, то старается «*соблюдать хотя бы видимость законности*» (зачитывать, например, перед расстрелом самим расстреливаемым, что они сейчас будут расстреляны, но не просто, а по закону от такого-то такого-то, по указу о том, что лица, которые должны быть расстреляны потому, что они должны быть расстреляны, будут прямо сейчас расстреляны) и «*избежать излишней жестокости*» (вот это сказано так сказано: просто вмазать невинному пулю в лоб — это не излишне жестоко; это как-то кое-где у нас порой, может быть, сурово, но ведь и справедливо же, dura lex sed lex, закон суров, но это закон, а вот избить, раздеть и изнасиловать, а только потом уже расстрелять, — это уже за гранью добропорядочности).

Видимо, это чтение закона об убийстве перед самим убийством удовлетворит и совесть убийцы, и глубинное чувство справедливости у непосредственно убиваемых.

Вообще говоря, здесь даниэлево понимание добросовестности близко «логике кошмара» Кафки — роману, «типа того», «Процесс» и рассказу «В исправительной колонии»...

Ну хорошо, мы майора Рейнгольда должны понять: у нас, что ли, своих же не «приводили» очень даже задушевно «в исполнение», не сказать, чтобы такими уж малыми числами, а тут все-таки чужие... Короче, насколько хватит любви к ближнему: работа такая — тебя не спрашивают, тебе приказывают, и все такое прочее. Мы не можем полнообъемно судить тех, кто был поставлен обстоятельствами в такое положение; не можем знать о себе: понесли бы мы такое, отказавшись от ношения людоедской и позорной формы гестаповца и сопряженных с ней обязанностей, чем обрекли бы себя на верную скоротечную смерть... И опять-таки, возможно, среди вечно пьяных, совсем уже скотоподобных и зверски жестоких полицаев майор Рейнгольд кажется герою мало-мальски человеком, вызывающим в нем некоторое сочувствие и понимание.

Но. Но. Но... Впечатлительному юноше, на глазах которого день за днем происходит эта тотальная этническая зачистка, более того, человеку, которого вынуждает именно его непосредственный начальник, едет ли сам Рейнгольд убивать или шлет вахмистра, но *именно своей добропорядочностью*, то есть безукоснительной исполнительностью, он-то и вынуждает Даниэля всякий раз самому принимать участие в «акции». Просто потому, как я понимаю, что немецкий приказ о законно расстрельном расстреле просто некому понятно прочесть тем белорусам и местечковым евреям, которых сейчас будут убивать, некому — кроме Даниэля Штайна, переводчика!

Вот — положение. Тут герои Кафки уже отдыхают.

Майора Рейнгольда понять можно. Шестьдесят лет спустя. Труднее понять Даниэля — без срока давности.

Этого человека, который именно своей «добропорядочностью» вынуждает меня постоянно, безысключительно быть соучастником массовых убийств, смотря в глаза еще живым, а уже считай, мертвым, — но не раньше, чем я зачту им закон об их обязательной смерти! Именно сразу после того и только после того, как я — именно я — зачитаю этот закон им. Нет, неверно, не в глаза, — опустив взгляд в бумагу, чтобы не видеть их глаз, уставленных на меня!.. Этого-то человека, который постоянно вынуждает меня быть со-убийцей, я способен по-родственному, *как отца родного*, полюбить? Только за то, что он по сравнению с другими убийцами не имеет совсем людоедского вида? Да лучше б Рейнгольд его имел! Чтоб его черти взяли с этой его «добропорядочностью»! — тогда «акции» совершались бы не на моих глазах и без моего соучастия...

Вот что «интересно»: по словам Даниэля, эти расстреливаемые толпы, это время «крупных оптовых смертей», и по сей день мучают его, это всегда у него перед глазами, — но совесть его мучает только за то, что в одной из «акций» ему, чтобы спасти остальных, пришлось самому выдать на расправу двоих: одного сельского дурачка и другого — предателя, — а вот за остальное, за со-участие, пусть подневольное, пусть только переводческое, но все равно необходимое звено в железно-бесчеловечной цепи, — совесть не мучает? Мы ж с вами понимающие люди, юридически ты неподсуден (хотя как сказать, в иных странах, ну, хоть бы в Англии, если бы все описываемое происходило бы, представим на минуту, в ней, а не в Белоруссии, — в Англии тебя, учитывая то смягчающее обстоятельство, что ты не только соучаствовал в массовом убиении людей, но одновременно и спасал других людей от убиения, не повесили бы по суду, а только приговорили бы к приличному сроку, в полном соответствии не с «видимостью закона», а по всамделишному закону, — как гестаповца в форме, то есть в некотором важном смысле принесшего присягу на верность гестапо, Geheime Staatspolizei, что значит: тайная государственная полиция, — и чья? — враждебного государства нацистской Германии, — и, согласно присяге, регулярно участвующего в карательных акциях против мирного на-

селения, не пулею, правда, но зачитываемым словом приказа, без которого ни одна пуля не вылетит... Извини друг, придется-таки вкатить срок: *закон суров, но это закон*)[4], ты такой вот добропорядочный, как твой Рейнгольд...

Вспомним, господа хорошие, те, для кого все это съедобно и даже вызывает слезы восхищения, — вспомним: в гестапо Даниэль попал не как былинный богатырь Штирлиц, и перед нами вовсе не подвиг разведчика. Штайна не внедрили в гестапо с целью спасения людей, он согласился стать гестаповцем ради спасения своей шкуры, а только потом уже сообразил, что тут можно «людей спасать». Конечно, другой об этом бы не подумал, а этот — молодец. И в самом деле, если ты уже оказался по слабости и низости человеческой природы в девятом круге ада — и все-таки не потерял своей воли до конца, но и здесь усмотрел возможность «*взять на себя ответственность*» (слова Штайна) и использовать свое адское положение для спасения людей, — ты молодец. Обернул злое дело добрым и тем искупил зло. Ты шкурник, но ты и герой. И то правда, и это. Как тут судить? Пресложное дело...

Юридически, да и по-человечески, да и принимая во внимание, что взамен ты спасал других людей, а иначе не смог бы их спасти, — ты неподсуден. Я бы, будучи прокурором, принимая во внимание всю логику линии защиты, не взялся бы за «твое дело»; будучи же адвокатом, не взялся бы тебя защищать, имея в виду всю силу логики обвинения.

Сложный случай. Но есть еще простая совесть. Есть «*мальчики кровавые в глазах*». И каждого, вынужденного сотрудничать с самой злодейской изо всех злодейских властей, а их хватает в XX веке, — каждого соучастника истребления живых людей, каким бы боком и с какими бы целями он ни занимал в акциях свое маленькое, но необходимое место, — должна совесть мучить по ночам до конца его жизни... Пусть он без вины виноват, виноват только тем, что он человек, а чело-

---

[4] В подтверждение сказанного, чтобы не быть голословным: высокопоставленный нацист Вернер Бест, официальный юрист НСДАП, в 1942–1945 рейхскомиссар оккупированной Дании, стремился действовать относительно мягкими (по нацистским меркам) методами, чтобы привести датчан... к сотрудничеству. Его позиция в значительной мере уменьшила здесь последствия «окончательного решения» и позволила большей части датских евреев бежать в Швецию. Что, однако, не спасло Беста от датского суда, который в 1948 приговорил его к смертной казни, замененной позднее пятью годами тюремного заключения (Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996. С. 69). Структурное совпадение здесь самоочевидно. С точки зрения еврейского народа, Бест в еще большей степени, нежели Штайн, должен быть признан так называемым *праведным неевреем*: ему обязаны жизнью уже не несколько сот, а куда больше человек. Однако суд принял во внимание и это обстоятельство, и, несомненно, приводимые мотивы службы нацистскому режиму, которые, как и у Даниэля, оборачивались то спасением, то истреблением людей, — суд принял во внимание весь этот «маятник» ровно настолько, что заменил первоначальный смертный приговор тюремным заключением. — *Ю. М.*

век слаб и труслив, и мы люди, стало быть, слабы и трусливы, значит, не нам его судить, — но сам он не может спать и не видеть тех в кошмарных своих снах. Как они смотрят и смотрят на него, покуда он зачитывает расстрельный приказ — размером с коротенькое время величиною в вечность, что осталось им до пули... (Кому воссоздание описываемой ситуации в романе представляется правдоподобным, кто переживает виртуальную ситуацию как действительную, тот пусть посмотрит хотя бы книгу «Уничтожение евреев на территории Советского Союза в годы нацистской оккупации», Иерусалим, изд. «Яд Вашем», 1992. Пусть туда только заглянет, в воспоминания уцелевших жертв — и быстро перестанет переживать выдуманные рассказы о непридуманном. Пусть вспомнит, что Тадеуша Боровского, автора гениального «У нас в Аушвице», человека с европейской известностью, кошмар воспоминаний о том, как в ушах его, узника лагеря, а не гестаповского переводчика, и всех других, работавших на разгрузке и сортировке вещей, оставшихся от голых загазированных людей, стояли крики женщин, увозимых грузовиками на смерть: «*Помогите!*», — а они сильные здоровые мужчины, стояли и молчали, и делали свое рабочее дело, — этот навязчивый кошмар достал спустя четыре года после освобождения и привел к самоубийству в 1949-м...)

Чего-то не мучается ему как-то: такой счастливый дар забвения.

А если это и правда любовь? Если майор гестапо отвечает на нее тем, что дает шанс уже разоблаченному, уже, считай, мертвому Даниэлю, предавшему его доверие, очень серьезно «подставившему» его, сбежать из-под ареста, — это, вообще говоря, нестандартный поступок со стороны служаки-гестаповца: вот она, сила любви!

Но не всем же дано. Я вот, говорю же, вообще любить не умею, начисто, и это главная проблема моей глупой жизни, прошедшей мимо. Но и те, кому дано...

...Нет, но послушайте... Нет, но даже Сам Господь наш Иисус Христос такой любви от нас не требовал. Он учил нас любви деятельной в притче о милосердном самаритянине, Он сказал уже на кресте «благоразумному разбойнику»: «*Ныне же будешь со Мной в раю*», — Он заплакал, узнав о смерти Лазаря, потому что «*любил его*», — я сказал бы в манере, стилизующейся под штайновский, иногда юродствующий стиль: Господь Бог тоже был живой человек, но, при всем том, сказав: «*Заповедь новую даю вам: любите друг друга*», — при всем том самое большее, что Он к этому прибавил еще о любви, уже не требуя этого от учеников, но просто определяя абсолютную, высшую для человека «планку» любви: это что нет большей любви, чем отдать свою жизнь «*за искреннего твоего*», «*за други своя*», отдать себя — за другого.

Но такой бесконечной любви к карателю, который и тебя, повторительно, вынуждает быть «немножечко карателем», при всем-всем-всем, что можно сказать в защиту подследственного Рейнгольда, — но такого со-трудничества с *искренним своим* — такой фантастически всеобъемлющей любви даже Христос человеку не проповедовал.

А если это никакая не любовь, а простая выдумка сочинителя?

Я уже говорил, что образ Даниэля — единственный живой образ в романе. Живой, потому что — на фоне других — постоянно нестандартен. Но когда эта нестандартность зашкаливает за самое себя, ясно видишь: одной нестандартности иногда мало, а иногда слишком много.

Образ жив за счет своей простой противоречивости. Жив как неплохо сконструированный живой герой любого хорошего бестселлера; но конструкция предназначена лишь для определенной, не слишком большой нагрузки именно бестселлерного типа. Для меня пределом этой «живости» является образ Эдмона Дантеса, графа Монте-Кристо: зная, что все это неправдоподобно, я все-таки до сих пор вижу Дантеса «глазами» детской памяти... Но если бы я прочел это во взрослом возрасте. И если бы... и если бы... и еще раз если бы...

Но нагрузи образ Эдмона побольше, копай при помощи сконструированного тобой экскаватора поглубже, в реальную глубину бездонной человеческой души, — и бестселлерный «экскаватор» ломается. Гениальная конструкция Дюма очень быстро сломается там, где простая лопата Фолкнера копает все вглубь и вглубь, не тупясь и не отваливаясь от черенка. И, видя обломившуюся конструкцию «двигателя», «*устроенного*» автором, из которой торчат теперь всякие железяки, понимаешь: здесь — это опиралось на правду, здесь — только на дарование (несомненное) автора, а вот здесь — пошли «сочинялки», а здесь — что-то и вообще ни к селу ни к городу. Конструировать бестселлер тоже надо аккуратно — и не предназначать конструкцию для несения тяжелых, серьезных камней, действительных испытаний-потрясений души и ее действительного ответа на испытания-потрясения жизни.

Тут понимаешь, чем отличается фантазия от воображения. Бестселлер потому и легок и легко читается, что человек, наделенный некоторым даром фантазии, не вымышляет, а выдумывает, не во-ображает, представив себя на месте героя в предполагаемых вполне прозаических реальных обстоятельствах (как все сразу затрудняется, — правда? — только представь себе, как на твоих глазах падают люди с пулей в голову, каково тем, кому пуля разворотила кишки и не убила сразу; как убивают детей; как добивают стонущих и скулящих раненых, — и... трудно это пережить, и трудно писать, и читать как-то того... да? И потребуется прописать образ героя, во всем этом участвующего и отдающего отчет себе, что этого кошмара, незабвенного до конца дней, не было бы на его глазах, на его совести, в его кровоточащей памяти — без *добросовестного* Рейнгольда, — и какие к чертовой матери тут могут быть «сыновне-отеческие отношения»?!), а фантазирует, чеша фразу за фразой, — и тогда все, «само из головы себя выдумывая», и пишется абзацами-полосами — лех-ко.

Художественность не отрицает фантазии, но требует воображения. Тогда фантазия оживает и становится частью творческого дара — дара порождения жизни. Фантазия без воображения плоска, не объемна, как проглатывается, так и уходит. Лех-ко. Не жизненно, а «живенько».

Словом, такие истории сочинять можно быстро: чуть сведений набрал — и работай... Хотя раньше не доводилось встретить бель летр о гестапо или СС, ну, разве «Ночной портье», но это серьезный садомазохизм и вампиризм, с «начинкой», и образы там именно во-ображены и прописаны, а не просто сочинены и лех-ко сконструированы.

Временами образ героя — не живой, как сказано выше, а «живенький». Он умело причесан «под живое», но порою — то непохож на жизнь, что «неправдободобнее любого сюжета», то жизнь совсем непохожа на вымысел методом кройки и шитья.

Да, сочинять об этом — одно, а писать это — и прописывать многогранно и детально — другое... Вот бы Василя Быкова спросить, как ему это сочинение, — покойный вроде бы неплохо знал те места и неплохо писал их и все, что там происходило...

Суммирую: приведены все эти примеры даниэлевой любви не для того, чтобы «отчитать» героя. Вовсе нет: кто я такой и какое имею право? Да и откуда бы такое желание? Я ему не отец, чтобы пороть и ставить в угол. Все мы люди взрослые, а значит, пожили, а значит, почти наверняка кого-то предавали, «*ведением и неведением*», а значит, никто из нас другим не только не властелин, но и ни в малой мере не судья.

Нет, примеры приведены вот для чего: чтобы проницательный читатель убедился сам: перед нами — фэнтези. Фэнтези на церковно-христианскую тему. Я не поклонник этого жанра, мне становится скучно, когда об этом только еще заходит речь. Я не смог одолеть даже «Властелин колец»: скучно — и все. «*Д'Артаньян почувствовал, что тупеет*». Но я осведомлен, что Толкиен — гений, что это признано уважаемыми мною людьми. Да и остальные, Толкиены они там или не Толкиены, тоже, само собой, имеют право на жизнь — и в моем разрешении не нуждаются. Тем более аудитория у них — куда побольше моей.

Фэнтези так фэнтези... Но только не об этом. Покорнейше прошу, наконец, умоляю, заклинаю Христом-Богом, — не надо фэнтези об Иисусе Христе и Его Церкви! Не надо виртуального Христа, виртуальной Церкви и виртуальных священников, не выполняющих своих прямых священнических обязанностей, но зато одним своим небрежным «*поздним культом Девы Марии*» с ходу перечеркивающих все мариологические догматы своей же Церкви! Не надо этого всего небывалого, невозможного и ненужного: ведь отвечать придется перед Христом совсем не виртуальным. Перед Которым «*и лучшие из нас потупят голову*», — как говорил Николай Гоголь.

Пишите, ребята-девчата, о хоббитах, и чтобы там было свое подобие Церкви и свои друиды там подземные Даниэли Штайны хоббитские, — и все о'кей, и все путем... Базаров не будет. В параллельной действительности ничего нет, — стало быть, все может быть.

Ну хватит пафоса. Сам не люблю. Продолжим спокойно.

12. Во что верил Иисус

Итак, для настоящей любви нет невозможного. И представим, человек с огромным запасом любви к Богу и людям, продолжая свое стремление, как он сам говорит, «*спасать людей*», и в мирное время находит место этому занятию. Теперь речь идет о спасении духовном, сообразно тому, как учит Господь и святая Церковь. Даниэль едет в Израиль окормлять духовно евреев-христиан, которых там, по его замечанию, «*немало*». И молодец, как считают и его церковные власти, благословляя его в дорогу, и я, человек маленький, но все ж человек.

Так кто, вдругорядь, мешает? Католическая Церковь не чинит сейчас и не чинила сорок лет назад, когда Даниэль приехал в Израиль, евреям-христианам никаких препятствий, а были некоторые впервые поставленные вопросы, вроде службы на иврите, так и они разрешимы, имейте капельку терпения, да и вперед и с песней на слова Второго Ватикана. Кому ваш маленький приход мешает? Свободны (см. выше; вообще все по этому вопросу — см. выше). Словом, никто ничему и никому не мешает, — и нечего огород городить.

Так нет же, неймется ему, а что вдруг? Посмотрим. Может, что и поймем.

Повторяю, если брат Даниэль хочет образования еще одной поместной католической Церкви, Еврейской католической Церкви Государства Израиль, где и служили бы на местном языке — да на каком! — на языке Псалтири и Песни Песней, Книги Иова и пророков Исайи, Иеремии, Иезекииля и Даниила! — то в чем дело? Это не противоречит ни духу, ни букве нынешней позиции католицизма. Это в наших силах, парни, при всех непринципиальных препятствиях. Просите — и дано будет вам. Что Даниэля-то не устраивает? Если на сегодня нет той «*точки первоначального разделения*», к которой он призывает вернуться, чтобы «*многое понять и изменить*», если это «многое» и без него, до него уже понято и изменено: нет никакого отвержения католической Церковью евреев-христиан. Как в «Золотом теленке»: «*Евреи в советской стране есть, а еврейского вопроса нет*». Только у католиков — без дураков и кроме шуток.

Тогда что же его мучает? Ведь определенно же что-то его мучает. Остается предположить, что, хотя Даниэль искренне, — пусть непонятна именно эта его искренность, когда для его горечи из-за «незаживающей раны» больше нет причин, — призывает «*вернуться на место первоначального разделения*», чтобы «*устранить искажения*», уже устраненные до него, — хотя он к этому честно призывает, но на глубине его души есть и другая, более существенная причина; ее-то он и преследует своей «думой», но никак не может ее для себя, а потому и для читателя, ясно сформулировать, хотя она-то и есть истинная первопричина всех его раздумий, сомнений, внутренней борьбы.

Вот если бы он «*вернулся на место*» вчерашнего — сегодняшний, то есть священник Церкви, имеющей в своем необозримом духовном хо-

зяйстве и Св. Писание Нового Завета, и всю полноту накопившегося за 2000 лет Предания, как апостольского, так и богословского (католики, — см. все тот же Полный католический Катехизис, — разграничивают эти два вида Преданий, — разумеется, не в смысле умаления последнего перед первым): учения апостолов и их учеников, «мужей апостольских»; постановления Вселенских соборов, в первую очередь, выработанных на них догматов, таких как тринитарный (учение о Св. Троице как едином по существу Боге в трех различных ипостасях) и христологический (учение о двух природах Христа, Бога-Сына, — божественной и человеческой); труды Учителей Церкви (у католиков — мистика теоретическая) и труды «подвижников благочестия», отшельников и общежительных монахов, идущих путем аскезы, отказа от всего мирского ради любви к Единому Богу (мистика практическая) и так далее, — если бы он «*вернулся к первоначальной точке*» — не буквально в 49 год нашей эры на апостольский Собор, что невозможно, но *вернулся духовно*, обогащенный всем этим духовным сокровищем, неся с собой этот купленный «пóтом и опытом» десятков поколений ученейших, умнейших, мужественнейших людей — и при этом «в единомыслии исповедующих» 2000 лет подряд веру тождественную, «одну и ту же», идентичную самой себе в главном ядре, сквозь все временные различия и все-все-все, — то и хвала ему.

О храбрый, храбрый Пятачок! Дрожал ли он? О нет, о нет! Нет, он взлетел под потолок — и влез в «Для писем-и-газет»!..

Да только в том-то и состоят его «боренья», увы, не с самим собой, а с Церковью, которая его же и рукоположила, не зная, что пригрела на своей груди вовсе не премудрого змея, а удалого бездумного честнягу-симпатягу, глаголющего благоглупости, кои и змию, премудрому по определению, в умную голову не пришли бы и после третьего стакана Веничкиного коктейля «Сучий потрох», — в том-то и состоят эти самые боренья, что церковные догматы, то есть основные вероучительные утверждения, Даниэля совершенно определенно не устраивают.

Бессеменное зачатие Христа и девственность Марии он, как мы видели, уже категорически отрицает. А тут у него появляется еще вопрос, страшный, как «А если б он вез патроны»? Вот такой вопросец, на минуточку: «*Во что веровал Иисус?*» — и снова: «*Веровал ли Он в Отца, Сына и Святого Духа?*» — и в другой раз: «*Веровал ли Он в Св. Троицу?*» — этот вопрос преследует его все время, пока он, наконец, не решит его в тексте мессы, составленной им самим (!).

Давайте представим, что, например, в приходе о. Георгия Кочеткова последний составит и будет служить не обычную Литургию Иоанна Златоуста, — при том, что она составлялась не одним свт. Иоанном Хризостомом: даже он не считал возможным это индивидуальное творчество, когда дело идет о главном христианском богослужении, — нет, эта литургия составлялась не им одним, она обрастала молитвами и песнопениями на протяжении столетий (например, литургическое песнопение «Единородный Сыне» принадлежит императору Юстиниану, жившему на полтора столетия позже свт. Иоанна Златоуста), прежде чем

Церковь не сочла ее завершенной... Итак, о. Георгий служит не традиционную, а свою собственную, «литургию Георгия Кочеткова». А в это же время о. Тихон Шевкунов или о. Александр Шаргунов, ненавистному Кочеткову наперекор, — другую и третью свои собственные, а тем временем о. Валентин Асмус, чтоб всем тем троим неповадно было, служит свою, — и так дальше во всех московских сорока сороков... Офонареешь тут и спросишь только: «А это самое, извините... я так, бочком пройду спросить, а все-таки, это... кто-нибудь еще служит на Москве Златоглавой литургию Иоанна Златоуста, а по особым дням церковного года — литургию Василия Великого? А Великим Постом — литургию Преждеосвященных Даров Григория Двоеслова»?..

Но о даниэлевой мессе — позже: она столь незаурядна, что заслуживает отдельного разговора. Сейчас о самом вопросе.

Странный, на первый взгляд, вопрос, «*странный, чтобы не сказать большего*»: то есть как это Сын Божий — веровал ли в Самого Себя? То есть — Бог думает: «Есть ли Я?»? И как это, говоря: «*Кто видел Меня, тот видел и Отца. Я и Отец — одно*»,— и бесчисленное количество раз говоря о Боге как о Своем Отце, вообще возможно не сказать тем самым о безусловном существовании Сына этого Отца? Это-то уж по определению выходит.

У кого давно не болела голова и кто соскучился по головной боли, пусть ответит на даниэлев вопрос и на вопрос к вопрошающему Даниэлю: что сие значит — веровал ли Он в Сына? Когда Он Сам и есть — Сын?!

Но это только на первый взгляд — нонсенс. Стоит правильно поставить вопрос, как в нем обнаружится логика.

Вообще-то правильно ставить вопросы должен сам Даниэль, чтобы мы не думали, что герой окончательно рехнулся. Но что делать, в силу хронической неряшливости, приблизительности штайнова мышления — закономерно и изложение им своих мыслей — неясно и приблизительно.

(Отсюда, надеюсь, и все эти «отеческо-сыновьи» отношения между евреем и майором гестапо, и несусветная «*Родительница мира*», и «*ружья*» на вооружении советской армии, — трудно, что ли, справки навести в наш век Интернета? Да вот она, справка-то, только кликни: винтовки Мосина и винтовки СВТ, и автоматы ППШ и ППД, оказывается, были на вооружении Советской армии... Да, а боеприпасы-то? Даниэль, он что, когда вез на велосипеде «*ружья*» — берданки, надо думать, или там двустволки, — автоматные диски и полные обоймы — в карманы что ли рассовывал? Здорово же, должно быть, оттопырил карманы... Впрочем, это понятно: автор «Даниэля» в детстве был девочкой, в «войнушку» скорее всего не играл и оружием мало интересовался... Ну хорошо, ну славно, ну ладно... Отсюда и «*городок Загорск, который раньше назывался — Троице-Сергиева Лавра*», тогда как ребенку известно, что раньше — и теперь снова — городок назывался Сергиев Посад, а уж внутри него располагалась и располагается упомянутая Лавра, — как я ни пытался адвокатски истолковать это место как способ обозначить

чужой тип сознания, отсутствие русских сведений у девочки из Польши, ныне проживающей в Бостоне, то есть способ *косвенной характеристики героини*, а не неряшливости самого повествователя, — а все выходит, все кажется по всему, что повествователь это свое привносит в чужую душу, впрочем, кажется — это не аргумент, скорее всего, я неправ; и самоварное золото, «*которым рисуют иконы на Востоке*», — это презрительно говорит образованный священник, прекрасно разбирающийся в тонкостях древнееврейской запрещенной строгим иудаизмом изобразительной графики, — и пр. и пр.)

Да, живая и нетрафаретная штайнова манера говорить, столь выгодно отличающая его от остальных персонажей, имеет и свою обратную, минусовую сторону: она индивидуальна — очень часто из-за того, что индивидуально неряшлива, а это в области взвешивания очень тонких материй — непростительный недостаток, ибо мы тут и так находимся, словами Розанова, «*в мире неясного и нерешенного*», а тут еще герой от себя добавляет бог весть чего, думая, что проясняет дело, о котором имеет самое косвенное представление. Тут мы имеем не ту высшую простоту, которая — синтез всех сложностей, а ту косноязычную простоту, что хуже известно чего.

Вот и приходится снова и снова на свой страх и риск реконструировать текст так, чтобы понять его действительный смысл, или хоть какой-нибудь определенный смысл вообще, — приходится брести в тумане, чтобы взять из симпатии к Даниэлю его же под защиту — и выволочь из тумана в качестве все же вменяемого человека.

Попробуем.

Давайте поставим за Даниэля вопрос так: веровал ли бродячий проповедник Иисус из Назарета по своей человеческой природе — в полноту своей божественной природы? В то, что Он, бродячий равви Иешуа из захолустного городка Ноцри, в то же самое время есть не кто-нибудь, а — обетованный всему своему народу Машиах, да и бери выше — не только Машиах, не только посланник Бога, а непосредственно — Сам Бог, Бог-Сын, равный по природе Богу-Отцу и, более того, пребывающего с Ним в полном единстве? То же и о Св. Духе: веровал ли Иешуа, что Св. Дух — не «*всего лишь*» посланник Бога, а Сам является Богом?

То есть выходит — у нас три бога, притом это, позволим себе так запросто выразиться, не младший бог, средний бог и главный бог, а три равных друг другу бога. Но как тогда это сочетается с истинной еврейской верой в Единого Бога? Какая-то одна из этих двух вер должна быть верна, а другая тогда — «*искаженная*».

Вот что, ИМХО, не дает Даниэлю покоя, и этим своим сомнением, поскольку оно представляется Даниэлю глубоким настолько, что поверхностные отцы Церкви просто не доискались до глубины, а он доискался, — вот этим своим глубоким и неизбежным сомнением он наделяет Иисуса из Назарета. Говоря устами члена его общины, доносчика араба-католика, Даниэль (и это точно так, ибо Даниэль это и сам вдругорядь оглашает) не читает на литургии «Кредо», потому что во времена

Иисуса никакого представления о Св. Троице не было, и сам «*Иисус о Ней ничего не говорил*», а это, натурально, «*придумали греки*».

Да уж кому ж еще. В Греции все есть. Даже чего там нет.

(Точно говорю, ехал Грека, — мне-то всегда чудился тут то Феофан Грек, то Эль Греко, что, как известно, значит по-испански все тот же злокозненный «*Грек*», — через реку, так рак его за руку-то — цап, да в саму реку-то вряд ли затащил. А зря! И самого Греку, и всех прочих греков надо было в реку-то и затащить, да там их и оставить. *Скинуть*, так сказать, *в море*, как иные отдельные арабы думают о всех вообще евреях, а те, стало быть, в лице нашего роднули, — о греках, по принципу домино. Клево, да? Мне тоже нравится. Ну, а греки — о ком? Должно, — о турках-притеснителях. А те? Куда летят перелетные птицы? Догадайтесь с трех раз. Я-то думаю, летят эти птицы из НАТО, чтоб наше Батуми отнять.

Тогда, если, зараженно романом пофантазировать, вот что выйдет: наш Даниэль, «не рубя» в треугольниках, путая равнобедренные с равносторонними, то есть отрицая геометрию, сам не спросясь у себя, чуть что не строит не менее непостижимую и в то же время смысловую и символическую геометрическую фигуру — пентаграмму, фигуру, служащую, как известно, «оберегом» от дьявола, преграждающим ему вход, а вовсе не знаком самого дьявола, как полагают иные высокоученые конспирологи, взявшие на себя трудную, но благодарную работу — отыскивать везде что-то такое многоугольное и разоблачать эти многоугольные козни жидомасонов во благо и ко спасению всех русичей. Да только к чему она правоверному католику?

Подлинно, «*те, кто выжил в катаклизме, пребывают в пессимизме; их вчера в стеклянной призме к нам в больницу привезли...*»)

Вообще-то трудно спорить с людьми, оспаривающими церковный догмат тем, что о нем «*Сам Иисус Христос не говорил*». Трудно потому, что мы имеем дело не с простым и даже не сложным, а совершенно девственным для минимально культурного христианина сознанием, допускающим, что одно дело, что «*говорил Сам Христос*», а другое — что говорит Церковь, начиная с Евангельского Писания.

Помилуйте, отпустите душу на покаяние: кто же может точно, «медицински» знать, что «*говорил Сам Христос*», когда Он от Себя, от первого лица, «от автора» — ровным счетом ни одного подписанного Им Самим и скрепленного Его печатью слова: «Я, Иисус Христос, Йешуа Машиах, от такого-то и такого-то числа-месяца-года вашей эры имени Меня, ответственно заявлял то-то и то-то, что и удостоверяю Своею подписью и печатью», — ничего такого не оставил. Честно говоря, мне бы, — и думаю, не мне одному, — еще как хотелось увидеть Его подпись. Но чего нет — того нет.

Еще раз: почти всё, что мы знаем о Йешуа, и буквально всё, что мы знаем о Христе, а особенно о словах Его, мы знаем только в записи по свидетельству, «по слухам», то есть косвенно. Да, вот такая заморочка: хотя в Евангелии Он говорит прямой, цитируемой речью, но на самом деле это речь — косвенная, припомненная, процитированная и пр. кем-то из

свидетелей, а записанная в Евангелии. Это такая форма литературной записи, как нынче это называется, «докуромана», когда в уста героя вкладывается прямо все то, что записано со слов тех, кто слышал, что и как говорил герой... Иначе пришлось бы допустить, что евангелисты берут у Иисуса интервью, а Он отвечает на вопросы в диктофон, или же выпускает аудиокассеты со Своей проповедью, или, на худой конец, как у Булгакова, что «*кто-то*» (Левий Матвей) «*ходит*» за Ним «*и записывает*»...

(В том-то и действительная проблема, что нам на самом деле остались тексты, которые стопроцентно документально не подтверждены, почему у ученых и просто «сознательных» читателей действительно возникает вопрос: а насколько достоверно все то, что Иисус здесь говорит? Не выдумали ли очевидцы, свидетели все это? И насколько добросовестны сами евангелисты? Это действительный вопрос с двумя неизвестными, и каждый решает ее для себя по-своему. А то — как бы хорошо, если б Он оставил нам Свою собственную прямую речь за подписью! Тут бы сам Ленин уверовал, не сходя еще не то что с кремлевского, а еще с симбирского, в крайнем случае — с казанско-университетского места... Ей-богу, он в таком случае сам стал бы «*заигрывать с боженькой*» и в кошмарном сне не допустил бы, чтобы его указом или именем истребляли «*поповщину*».)

Ну нет, хоть ты что, вот незадача-то, нет решительно никаких высказываний Христа, — включая сюда и о Св. Троице, — помимо евангельски-церковных. Просто нет — и все! Если мы их отрицаем: де поскольку Сам Иисус о Св. Троице не говорил, то Ее и нет, — то помимо сектантского начетнического буквализма, — это куда ни шло в данном случае, это хоть не совсем абсурдно, — помимо того, это значит, что мы отрицаем тем самым... Ну, додумывать за тебя, дурья башка, умная твоя головушка, или ты уже сам уразумел, в каком порочным колесе сам обрекаешь себя вертеться белкой?..

Вот что на самом деле его, невольника не столько чести, сколько честности (я, как и он, последнее уважаю больше, потому как оно встречается еще реже, чем первое), вот что его изводит: можно называть себя сыном Божьим (это в Писании и иудаистической традиции распространенное название для людей избранных, пророков, царей, священников — вообще для людей, наделенных особой миссией), можно быть Христом, Мессией, Машиахом, то есть помазанником Божьим и Спасителем, и сознавать это. Можно даже быть неким небесным Существом, неким мистическим Сыном Человеческим, находящимся у Бога, совсем тесно при Боге, одесную Его, наделенным уже предикатами Бога, как читаем в Книге пророка Даниила: «*Вот, с облаками Небесными, шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого денми и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится*» (Дан 7:9-14). И все же это еще не значит вполне, однозначно, «математически точно», что Сын Божий и Сын Человеческий — Сам... даже сказать страшно.

Ты можешь быть наделен божественной благодатью в мере, превосходящей все мыслимое и немыслимое, ты можешь быть сверхчеловечен, «полубожествен» — и все-таки быть не Самим... страшно вымолвить. Вот ведь что Даниэль хочет на самом-то деле знать. Вот что не дает ему покоя, и тут я его уважаю, тут мы с ним близнецы-братья. Мне, по крайней мере, представляется так и никак иначе возможным придать какой-то смысл его вопросу.

Вот он — коротко: Сын Божий по человеческой природе веровал ли в Себя как в Бога-Сына по природе божественной? А если Он отдавал Себе отчет, что Он — Христос, Спаситель, Господь, но все-таки — не Господь Бог-Сын? Тогда и Бог-Отец — не буквально Отец, Сам родивший Бога-Сына, а Отец в некоем смысле, в котором, если смысл этот немного умалить, понизить, мы все называемся детьми Божьими. Тогда нет Бога-Отца и Бога-Сына и — подавно — Бога-Святого Духа, а есть просто Бог, Единый Бог, безо всяких там головоломных «греческих» «*ипостасей*», Бог — отец всего, что есть, и среди этого всего наделивший одно из существ, Им сотворенных, особой, неслыханной благодатной силой, энергией, «божественностью», — но божественностью не по природе Своей (как учит Церковь), а по благодати Божией (в этом смысле все мы призваны стать «*богами по благодати*», как гласит и псалом 82/83, и учение свт. Афанасия Александрийского, давшего восточному христианству эту восхитительную, заветную, сокровенно любимую мысль).

Можно так поставить вопрос? Да. Это тот не частый и потому особенно драгоценный случай, когда в Даниэле просыпается действительно мыслящий человек, хотя и не умеющий сказуемо излагать свои мысли, но на каком-то уровне последовательно, осмысленно мыслящий «*в очах души своей*». Куда, однако, девается эта способность во множестве других случаев, а потом опять появляется неровно мерцающее сознание, подобное мерцающей аритмии, чтобы потом опять сгинуть?..

Да, так вопрос поставить можно.

И исторически так он и был поставлен — в великой ереси IV века арианстве. И как ни странно, именно греками, вот только греками, плоско, рационалистически умствующими, и потому другими греками, умствующими совсем не плоско и не прямолинейно, такими как свт. Афанасий Александрийский, учение Ария и было опровергнуто.

Вот так наш Даниэль, сам того не ведая, попал в ненавистные ему «*греки*»... В том, разумеется, случае, если мы правильно реконструировали поставленный им вопрос. В противоположном же случае Штайна в «нео-арианстве», конечно, не заподозришь, да и вообще ни в чем, потому как вопрос, поставленный им в том виде, в каком он сам его поставил, этот вопрос бессмыслен и не дает повода заподозрить Штайна хоть в чем-то, что вообще — осмысленно...

Значит, так вопрос поставить можно. Уже неплохо. Как говорят в Германии, это больше чем нуль.

Так. Тогда сделаем следующий ход. Можно ли, при утвердительном ответе на поставленный выше вопрос, сказать, что Иешуа есть Машиах,

Иисус есть Христос, — но и «только»? Противоречит ли это мессианским чаяниям евреев, их строгому монотеизму?

Нет, не противоречит.

Напротив. Чая Мессию, Спасителя и Избранника Божия, помазанного Им на великое дело спасения Израиля, ожидал ли кто из иудеев, что помазанник Божий, когда Он явится своему народу, будет Сам... — боязно назвать вслух — ? Большой вопрос. Конечно, можно при желании именно так интерпретировать некоторые места из Писания, хотя бы тот же Псалом 82/83, или указанное место из Книги пророка Даниила, или вот еще... Но что ни вспоминай, все это будет большой натяжкой. Взятая целокупно, еврейская традиция даже в позднем, реформированном виде так не говорит. Вере в такого Машиаха, который был бы более Машиаха, был бы непосредственно Сам... Даже молчать об этом страшновато, — такому талмудическая традиция не учит. Талмудические тексты написаны учеными людьми, мудрыми, серьезно мыслящими людьми, но потому-то как раз — не безумными людьми.

Вот что мы имеем.

Господь Бог по любви Своей дал людям больше, чем обещал: они ожидали Его посланника, особого, большего, чем даже Моисей и пророки, но только посланника, помазанника, а Он им послал и принес ради них в жертву Своего единственного Сына в прямом смысле слова, то есть именно родного Сына, а поскольку Сын и Отец — «*одно*», то есть едины по природе (скажем так, — не слишком хорошо, но наглядно, — по «Божественной крови», той самой, которая — не вода), постольку Он принес ради людей в жертву Самого Себя. Целиком, во всей полноте — Себя Самого. Не то что невиданное — мыслимое ли дело?

Абсолютно трансцендентный, над-мирный и не-от-мирный Бог, больший, чем созданная Им вселенная, бесконечный Бог — низшел по любви к нам, «*нас ради человек и нашего ради спасения*», как гласит неприемлемый для любящего всех и вся брата Даниэля Символ Веры, «Кредо» (подлые умники *греки* нашли-таки словцо и для этого: Божественный «кенозис» — добровольное само-умаление, «истощение»), до вхождения — полностью! — в одно малое человеческое тело. Это компактное поселение Бога. Гетто. Добровольное — единичное и единственное не то, что в истории человечества, не то, что в космогонии, но онтологически не умо-постигаемое гетто.

Бог, Творец вселенной, — вочеловечился! На одной отдельно взятой, далеко не самой большой, планете из тьмы Им сотворенных планет.

Это само по себе — нонсенс. И, вочеловечившись, остался бóльшим, чем вселенная, — нонсенс вдвойне. Вот чем особлив от других теологов Тертуллиан: он, говоря все это, безумен в ту Нильс-Борову степень, в какую безумное — гениально. Без кавычек. То есть — истинно.

Могли ли ученые, отточено точно мыслящие люди, еврейские учителя и книжники, принять как истину двойной нонсенс? Кто знает. Люди действительно умные во все времена понимали, что есть безумие и аб-

сурд — клинические, а есть такое полное, настоящее безумие и настолько полновесный абсурд, который, если его диалектически продумать, — потому что все равно, все равно я буду отстаивать законы мысли и разума против всяких чепух типа «*есть что-то более главное, чем мысль*», — все равно и с ума, скажу я, пиша именно это в мюнхенском дурдоме Хаар, — и с ума надо сходить правильно, по законам истинного безумия: так только такой двойной-то абсурд и содержит нечто куда более истинное, чем самое правильное по законам нормального рассудка.

Факт, однако: те умные люди, которые рассматривали «казус Иисуса», не сочли Его безумное «самообожествление» истиной, может, и потому, что безумно-логичный тип сознания в принципе, невзирая на исключения типа Кафки, только подтверждающего правило рациональностью своего безумия, — такой тип сознания не есть в общем-то тип еврейской, прежде всего трезво-здраво-рассудительно-диалектической мысли, или как полярно противоположный — тип мысли пламенно-иррациональной, но не клинически безумной. Пророческий тип сознания. Который, как известно, не составляет большинства, — почему и «*нет пророка в своем отечестве*», почему во времена пророческие пророков пророками не признавали, а гнали куда подальше, о чем говорит и Йешуа из Ноцри в Евангелии (место, главу и стих — найдите, пожалуйста, сами: может, по ходу поисков прочтете и кое-что другое в Новом Завете, с пользой для себя).

Но пусть не Богом, а вот могли ли они признать Его по крайней мере Помазанником Божиим, Машиахом, Мессией, Христом, — не слишком сходя с ума? Думаю, могли. Иначе бы, по-моему по-глупому, и Христос, являясь на землю, сообразуясь с их мерой понимания, хотел бы от них большего, а Он, заметьте, «хотел» от них как раз в эту меру, не больше этого, того, что было им, стало быть, под силу: не хотите Богом — не надо, не берите на себя, но признайте Меня «*всего-то навсего*» Мессией, Помазанником, Христом именно в Вашем понимании — не больше; а там, по мере пути, стадиях этак в десяти тысячах, глядишь, вместе и разберемся, «проясним», Кто Я такой на самом-самом деле.

Увы, и этого не произошло, скорее всего все-таки потому же, что и предыдущего; не слишком-то не слишком, вот это мы уже как-то понять можем, а все равно слишком как-то это... «типа того»... экстравагантно, что ли. Да и политически не верно, если не гибельно для всего народа. Тут даже и Евангелие читать не надо, последнее достаточно ярко прозвучало в такой у-всех-на-памяти гениальной профанации Благой вести — профанации, крайне поверхностной, но не лживо-учительной, — как рок-опера «Иисус Христос — суперзвезда»: «*For the save of all nation this Jesus must dye!*»...

Так. Ладно. Рискнем теперь сделать следующий мысленный ход.

А могли ли простые люди, никак вообще не мудрствуя, увидев неслыханные от века чудеса, подумать не о строгой религиозной доктрине Единого Бога, да и вообще не думая, — просто стать захваченными, зачарованными виденным и слышанным — и последовать за Йешуа, не

разбирая, Бог ли, помазанник ли, а просто приняв на веру: Он и есть — Царь Иудейский?

Могли. Многие так и сделали. А другие, еще большие толпы «народных масс», ждали вынесения вердикта о том, кто такой Йешуа, от ученых и мудрых. Потому что простой человек на Востоке свое место знает, так что чудеса там — не чудеса, а подождем, пока выскажется высшая инстанция.

Ну. А высшая инстанция в лице Санхедрина, Синедриона, Верховного суда, известно, какой вердикт вынесла.

И может быть, даже не потому, что Иисус дает этой инстанции понять: Он и есть тот Сын Человеческий, то есть Господь, то есть «почти-Бог»... Нет, мы уже видели и у Даниила, и у Исайи (и у них ли только?), что мысль иудейская, ее заветная надежда, упование были, пусть вопреки даже буквальному Закону, столь дерзновенны, что почти допускали невозможное, даже кощунственное: буквально — наличие рядом с Богом как бы «младшего Бога», наделенного властью и святостью, предикатами Самого Бога, вполне... Нет, главное в их неприятии Иисуса за Христа, наверное, даже не в том, что Он «*соделывал Себя Богом*», а в том, что они представляли себе Сына Человеческого — действительно Царем Иудейским, грядущим на землю в царском пурпуре и золотой короне, одетым, как не одевался и царь Соломон, — и Ему будут воздавать царскую же почесть.

А Этот, ну который из Галилеи, то есть как бы из какого-нибудь провинциально-заштатного Осташкова, но, — этот «*царь иудейский*» — бомж, не знающий, где приклонить голову, весь в пыли пешком исхоженных дорог, в рабском виде, — кто не читал этого места, тот не знает, что такое, когда плакать хочется, — *раба Яхве* из Второ-Исайи (Ис 52:13–53:12), — не знающего порой, что будет сегодня есть, разве что плод смоковницы, то есть одну инжирину, «фигу» (вот пойдите на Черемушкинский рынок и съешьте одну инжирину — и насытьтесь, друзья мои, на целый день, а потом поговорим)... И это, когда и лисица имеет нору! И это, когда его гоняют и шлют на три буквы, куда бы он ни пришел, в Самарию ли, Иудею, Галилею или Капернаум, — и Он послушно уходит! Какой же Царь допустит, чтобы с ним обращались как с бомжем? Не было такого и не будет.

И Этот, какие бы исцеления ни творил, — разумеется, чтобы серьезно метить в Сыны Божии и Сыны Человеческие, нужно иметь какие-то не совсем обычные способности (к примеру, вот Распутин цесаревичу кровь заговаривал, то есть гемофилическое кровотечение, не останавливаемое по определению, словами останавливал, — виданное ли дело? — так не поставить ли как минимум — прямиком — вопрос об его канонизации? А что смешного: у нас уже имеются такие истинно русские энтузиасты), — этот, безусловно, очередной лжемессия, незапамятно какой по счету изо всех ходивших по Земле Обетованной самозванцев и шарлатанов, но некоторые из них хотя бы сознавали, что «*всякому безобразию есть свое приличие*»... А этот... что об этом говорить?

Вот такая, ИМХО, примерно штука.

(Как это удивительно прочувствовал Тютчев: именно «*в рабском виде Царь Небесный...*», — его сознанию, сознанию совсем даже не бедного и не простого звания, но — русского человека, никогда не отказывавшегося от сумы да тюрьмы, было почему-то естественно представить, что Царь Небесный придет именно *в рабском виде,* — вот она русская страшная парадоксалистика, у любого крепостного мужика на уровне Тертуллиана, вот она, святая блаженная родимая чернуха...)

Да, а вот ученым мужам Израиля в данном случае была свойственна не парадоксальная, а прямая, точная логика. Что отнюдь не делает ее менее высокой. Можно ли вменить человеку ученому, что он мыслит по законам мышления? Нет, конечно, — иначе мы уподобимся Штайну, упрекающему ученых «греков» в том, без чего они никак учеными ни считаться, ни быть не могли: в умении правильно мыслить.

Не потому ли и Христос, понимая, что задает им Самим Собою непосильную задачу, что они, — лучшие из них, — не лукавя, честно отвергают Его как Машиаха именно из-за высоты и строгости их умозрения, допускающего только такую веру в Единого Бога, — не потому ли Он говорит, что «*хула на Сына Человеческого*» им «*простится*», а вот на Духа Святого — не простится никогда. Потому как хула на Духа есть в некотором смысле отрицание даже своей логики и интуиции Единого Бога, Который «*есть дух*» (Ин 4:24).

Вот, ИМХО, истинная причина того, что авторитетные люди, книжники и фарисеи, ждущие Мессию, не поверили, что вот Этот — это Он и есть. А тем более если учесть, сколько уже лжемессий в Израиле было до Иисуса, — и все претендовали на место Машиаха, так что гуляй, Вася...

Они, не без исключений правда (вроде Иосифа Аримафейского, члена верховного суда, Синедриона-Санхедрина — и при этом тайного христианина «*страха ради иудейска*», — собственно, он и христианином вполне — человеком, открыто исповедующим Христа, невзирая ни на какие «страхи», — стал только тогда, когда открыто, вместе с учениками Иисуса снимал Его тело с креста), но в массе своей не увидели иной возможности помыслить, чем: утверждающий весь этот дважды вздор как безусловную реальность — скорее всего сумасшедший, а если нет, то обманщик, типа, что он «*видел Авраама*», тогда как Ему не было «*еще и пятидесяти лет*», этот (прости, Господи) ханурик либо «с ума спрыгнул» — «в его лета», либо, — что серьезнее, — преследует какие-то свои цели и, пользуясь действительно необычными, мы бы сказали, сверхэкстрасенсорными способностями или психотехникой, совершающий непостижимые «чудеса», популистски вербует для своих, может быть, политических, или других, но все равно злокозненных и погибельных для всего народа целей легковерные народные массы (но, сказали бы мы, когда-нибудь наука все прояснит и поставит ловкача на место, так что ему останется только разоружиться перед наукой).

Вот так они решили — и по-своему были правы. Да и не только по-своему, а *по-любому*, как выражаются нынче пока еще нестерпимо для

моего уха (но ничего: стерпится — слюбится), были правы. А мы бы с вами как на их месте решили, не так ли же?

Они абсолютно правильно решили, — только вот закавыка: из абсолютного правила возможно только абсолютное же исключение. Что и произошло. Но это мы с вами знаем, сообразуясь хотя бы с тем, что триста лет после этого «казуса» (триста! Это как от нас — до Петра Великого), триста лет подряд люди десятками тысяч слагали за безумно-хитрого самозванца животы при не самых, вы ж понимаете, благополучных обстоятельствах кончины, — да, за веру вот в этого шарлатана-самозванца. Триста лет — достаточный срок, чтобы человек, имеющий, как ему в любые самые отдаленные времена положено, довольно развитый инстинкт самосохранения, избавился от массового помешательства, да еще какого...

Да ведь и в знакомые нам годы были разные прецеденты вроде пресли-мании, битломании, джексономании и т. п., но кому-нибудь, кроме какой-нибудь девицы-другой, что-то проглотившей или понюхавшей, — кому-нибудь еще взбрело ли в голову отправиться вслед за любимым и мною Хендриксом — со словами: «*Я иду за тобой, Джимми!*»? Нет, мы можем нежно любить и Хендрикса, и Моррисона, и Дженис Джоплин, как я их до сих пор преступно-благодарной памятью люблю, — но почему-то нам в абсолютном большинстве их смерть не мешает, а напротив, приказывает долго жить.

Да. Но однажды в истории, две тысячи лет назад, всего-навсего на какие-то жалкие триста лет подряд, год за годом, день за днем, — умножим 365 на 300, — инстинкт самосохранения почему-то отказал.

Что-то случилось. Общечеловеческий предохранитель не сработал. Это не надо сравнивать с сегодняшними самоубийственными взрывами исламизма. По той причине, что собственная смерть христиан не уносила другие жизни. Раз. И потому, что это не было мгновенным экстатическим порывом, самоубийством юных романтических палестинских Вертеров. Два.

Все было немного иначе. Некоторое количество десятков тысяч людей коротко замкнулось на вере в безумного шарлатана — вполне взрослые, здравые люди, часто совсем не выученные в науке ненависти или взбесившиеся от своей гроша не стоящей жизни одиннадцатым ребенком нищей палестинской семьи, — офицеры Римской армии высокого ранга, как вмчч. Георгий, Евстахий или Димитрий Солунский, дочери знатных и богатых родителей, как Екатерина, Татиана и Варвара, уважаемая матрона София и ее дочери Фиде, Сперанца, Аманда (Вера, Надежда, Любовь) и т. п., люди, которым совершенно не было земной нужды менять веру; которым было от чего, от каких любимых вещей в жизни отказываться, люди, имевшие время подумать, рассудить: стоит ли? — некоторое количество десятков тысяч которых сгорели на трехсотлетней хроничности кострах и были скормлены львам и крокодилам. Странно, да? Особенно если учесть, что в начале этих трехсот у

перво-второго поколения адептов этой секты была возможность более-менее достоверно разузнать обстоятельства дела: было оно или не было? Было время допросить с пристрастием свидетелей и последователей свидетелей: а что вообще было-то? И решить, а стоит ли за все за это, не известно, бывшее или нет, класть свои головы львам и крокодилам в пасть на арене какого-нибудь из Колизеев по всей обширнейшей Римской империи...

Да. Что-то странное выходит — то, чего не может быть. До предела странное: никогда больше в истории не повторялась столь массовая и столь хронически долгая пандемия суицида, к тому же так слабо мотивированная такой нелепицей, как принятие в самом начале эпидемии очевидного лжемессии за Мессию истинного. Родоначальников-то еще можно понять: они были под впечатлением непосредственной встречи с харизматическим шарлатаном. Но за 300 лет все это должно было выветриться и вымыться из голов и сердец — сто раз по разу... Если только не считать, что в основе этого невозможного — что-то (или кто-то) и вправду было (был).

Да, нам, сообразуясь хотя бы с этим невозможно-возможным-только-в-одном-случае, — нам-то легко поверить исключению. А у них-то этого опыта 300-летнего исключения не было...

Вот вкратце история дела, лежащего в толстенном, самом знаменитом за всю историю всех на свете УК, досье. Все, что произошло затем — арест как мера пресечения и так далее вплоть до казни — знакомая нам история «тоталитарной секты» и ее то ли безумного, то ли слишком умного и коварного руководителя, которого надо остановить любой ценой, вплоть до ликвидации, — ибо «*лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб*» (Ин 11:50).

Но и когда Умерший — воскрес, люди, мыслящие логично, отвергли этот мета-медицинский факт, потому что сила традиции веры в Единого Бога как одну-единственную сверхличность оказалась сильнее, чем невероятный, но наличный факт. И они не поверили самим себе, — чтобы остаться верными самим себе, то есть истине и Богу, как они понимали Бога и истину. Понимаем ли мы их? Я, кажется, понимаю: вот ведь и я не верю сибирскому Виссариону как богу, потому что это отрицает всю мою целостную веру, которая обязывает, заметьте, к вер-ности твоему Богу, что бы тебе ни являли «на стороне».

А вот «греки»-то, клятые Даниэлем «политеисты», давно уже не верующие во множество богов буквально, зато готовые, по строгой философской выучке, мыслить не только формально-логически, но и диалектически-логично, может быть, — говорю в порядке чисто предположительном, опять-таки ИМХО, — может, потому-то как раз и увидели дело непредвзято. Не будучи связаны привычными для евреев представлениями о единобожии, о Едином как законченной и самодостаточной монаде (к чему они были подготовлены еще Парменидом: его Единое раскрывается во множественности), одной-одинешенькой (как

замечательно красиво — а в теологии, представляется, красота формулы столь же важна, как и в математике — выразился один из католических отцов: «*Бог один, но Он не одинок*»), — «греки» органично для себя увидели проблему в ином ракурсе: полную возможность иного «дискурса» — помыслить единство, раскрывающееся как единство в различии-трех.

13. Туман полной ясности

Вернемся. Подобно нашему Даниэлю, который тоже хочет «*вернуться*».

В отличие от книжников и фарисеев I века, он признает Христа — Христом, Машиахом. Если те готовы были признать Сына Человеческого и Царя Иудейского едва ли не богом, ну, и. о. Бога на земле, но не готовы были признать таковым именно Иисуса, то Даниэль, обратно, Христом Иисуса признает, а вот Богом, даже «младшим», — «*чтобы да, так нет*». И вот он предпринимает попытку вернуться туда, где верующие христиане еще помнили Иисуса чуть не вживе, а некоторые, как апостол Иаков, — и совсем вживе. Вот им-то можно верить: Бог-не-Бог, они и не рассуждая, понимали, что Он есть *единое на потребу*; вот к ним-то — и примкни, чтобы правда, пусть не выговоренная в словах, восторжествовала в современной Церкви. Итак, возвращаемся с Даниэлем к «*точке первоначального разделения*» и тем самым — первоначального «*искажения*».

Как сказано уже, если б это было возможно, да при этом — возвратиться не с пустыми руками, а с огромным караваном верблюдов, еле вмещающим драгоценно-тяжелую ношу Предания, — вот это было бы — да здравствует ура.

Да только — возможно ли это? И что это значит — в даниэлевом исполнении?

Люди, приученные к профессиональной историчности мышления о «временах» и «точках расхождения», скажут: нельзя. «*Плохая идея*», — как говорит герой Клинта Иствуда, видя револьвер врага, направленный на него (плохая, потому что герой Клинта Иствуда все равно выстрелит первым).

Вернуться через пару абзацев к написанному ранее можно. А вернуться на много-много сотен лет назад — и тем более буквально — нельзя. Это, как нынче выражаются российские юнцы и юницы, «*сто пудов*», а в Германии — «*айн хундерт процент*». Почему? Да потому же, почему и «почему» оканчивается на «у»: по определению. Per definitionem, так сказать. Потому как дважды в одну и ту же речную воду не войдешь: оригинальная мысль, да? А поди ж ты, верная.

Попробовав «*вернуться*» в Церковь «*до искажения*», человек как раз и исказит все. Есть сложные вещи, которые можно изложить просто и ясно, а есть сложные вещи, которые можно изложить ясно, но непросто: ясно в том смысле, что, пройдя долгий путь познания этих вещей, мы выйдем к их действительной ясности для нас. В случае же интеллекту-

альной путаницы, принятия второй формы ясности за первую и следующей за этим попытки просто объяснить то, что объяснить можно только непросто, это приведет лишь к тому, о чем говорил киношный гестаповец Мюллер Штирлицу: «*Ясность — это форма полного тумана*».

Человек, взявшийся сегодня «*просто вернуться*» всего на каких-нибудь полторы тысячи лет назад — так, как будто бы и не было этих полутора тысяч лет, просто чтобы прояснить то, что произошло тогда, в знакомые до боли полторы тысячи лет, просто чтобы устранить тогдашние искажения, — этот-то человек как раз и исказит все еще больше, запутает своей «простотой» все уже окончательно и безнадежно. Потому что, как говорил Пуанкаре, «*наблюдение уже есть вмешательство*», а, продолжив его мысль, прямое вмешательство — это уже кардинально-искажающее изменение всей картины.

Потому что он привнесет с собой в 1500-летней давности время все то, благодаря чему он есть тот, кто он есть. Весь состав его — духовный, душевный, интеллектуальный, информационный и т. п. — другой. А потому он и видит, и воспринимает все радикально иначе, чем жившие «тогда».

Хочет он или нет, он видит все не «до того», а «до того, но после того, как».

Самая простая тетя Шура из былинного ныне сельпо, не читавшая отроду ни Отцов Церкви, ни Паскаля, ни Достоевского, — даже не подозревая о том, верует во Христа-Бога нашего, как можно верить только после вышеперечисленных мыслителей или других, не перечисленных: ведь она слушает проповеди священника, и это влияет на весь ее — не Символ, но — образ Веры, а священник-то нынче пошел все чаще и чаще начитанный, читавший упомянутых или не упомянутых, а те-то, в свою очередь, сформировав его внутренний мир, так или иначе повлияли на его проповедь. Усвоенную гипотетической тетей Шурой.

(То, что «простая» тетя Шура — совсем не проста, а имеет в полном смысле слова интеллектуально-духовный состав строго наравне с просвещением своего века, всегда так явственно ощущается в Церкви. В том смысле, что истина Христова всегда открыта всем ровно в степень понимания этих «всех», простецов ли, сложнецов, именно данного времени.)

Ну так и вот же-с: современный человек, загруженный по полной программе, будь он трижды простецкий Даниэль, трижды сложнецкий Даниэль, непременно внесет свое «после» — в любое «до». И, как взрослый человек не может вернуться «в себя» же еще ребенком, так Церковь с выработанным, сложно и богато развитым догматико-вероучительным интеллектуально-духовным «багажом» не может вернуться неизменяемой к первообщине апостола Иакова.

Но если бы она смогла это сделать, оказалось бы, что размотанный клубок, возвращаясь в первоначально-смотанное состояние, «смотался» бы именно в «клубок» первоначальной Церкви апостола Иакова — и ни в какой другой. Это — Ариаднина нить, и она ведет назад — к Ариадне, а вперед — к выходу из лабиринта. Если сказать апостолу Иакову,

что его вера, его проповедь и его служение через 300 лет приведут к формуле христианского «Кредо», он сказал бы, ИМХО в кубе, что его поняли правильно. Что имплицитно он именно это: «теорию», доктрину веры во Христа не как только в Мессию, но именно как «*Бога истинна от Бога истинна*», утверждал всею своею «духовной практикой». В это и верил. И слава Богу, что всего через каких-то малых 300 лет все это поняли. Маранафа: Господь грядет. Всем остальным — анафема: да будет отлучен от истины тот, кто сам отлучил себя от нее.

У Даниэля и его общины нет нити, вверенной ему кем-то, кто, как Ариадна, знает выход из лабиринта. У Даниэля есть только нить собственного хотения (за которым, позволительно думать, стоит не в самой малой степени собственное хотение автора). Увы, эта нить при таком умении думать, какое на каждой третьей странице демонстрирует герой, ведет только к щучьему велению.

Человек, подобный Даниэлю Штайну, ступив в сегодняшнюю речную воду и считая ее той же самой, позавчерашней водой, только взбаламутит воду, в зеркальной глади которой еще минуту назад так неискаженно отражался его симпатичный лик.

Такое дело, брат, если ты поинтересуешься историей вообще и поймешь, что значит — «исторично», сколь важно это слово, то поймешь и обратное: «антиисторично» — не пустое слово. Это слово серьезное. Как писал тот же Довлатов: «*Если мама сказала "ноу" — это значит "ноу!"*».

Но Даниэль столь страстно желает достичь заветной цели, что это описуемо уже не Довлатовым, а не менее популярным Жванецким: «*Если нельзя, но очень хочется, то можно*». Такова уж сила любви, что она движет солнце и светила. Вот и Даниэлю под силу невозможное, возможно же было остановить солнце Иисусу Навину. Допустим, Даниэль вернулся. Да, невозможно, но — допустим. В порядке бреда. Но тогда — вернулся к кому или к чему?

Снова здорово, ну ровно как в «Сломанной шпаге» Честертона: «*Где умный человек хоронит лист? — В лесу*». Так повторяет патер Браун, а друг его Фламбо нетерпеливо дергает: «*Ну?*» (прошу прощения за неточность цитации: нет под рукой и Честертона, а жаль). Снова: какая Церковь истинная? А та, что «*до разделения*». А что послужило отправной «*точкой разделения*»? А известно что: Иерусалимский собор 49 года. Спор между апостолами, видевшими Церковь как национальную, «иудеохристианскую» общину, и апостолом Павлом, убежденным миссионером, согласно словам Христа: «*Идите и крестите все народы во имя Отца, и Сына, и Святого Духа*» (Мф 28:19). Дальнейшее показало, что Павел, с церковной точки зрения, был прав (это вовсе не значит, что его оппоненты были неправы: просто всему свое время), — и христианство стало мировым явлением.

А по Даниэлю выходит, что апостол Павел — это, оно конечно, не кто-нибудь, а апостол Павел (и не кто-нибудь, а сам Даниэль во мно-о-

гом с ним согласен), но в данном случае правота Павла — есть только правота победителя. Победителей не судят: хотел того Павел или нет, он, с одной стороны, оставаясь св. апостолом Павлом, человеком для Даниэля авторитетным, с другой, он-то и начал процесс, приведший к созданию вселенской Церкви, а та уж «*изгнала*» евреев-христиан. Без Павла дело еще неизвестно как повернулось бы; может, Церковь устроилась бы по-другому, как — мы не ведаем, но уж скорее всего, — это болевая точка Даниэля, — Рим не считался бы «матерью-Церковью», отринув Иерусалим, а только «сестрой» Церкви Иерусалима (тут я сказал бы: «А ты ступай к нам, православным, — мы так и считаем: все пять древних великих кафедр, включая и Рим — это именно сестры, среди которых Рим когда-то "всего лишь" (однако же по определению всех древних великих кафедр) "*первенствовал в любви*", а с 1054 года "официально" выпал из обоймы, уклонившись в "латинскую ересь"; а остальные кафедры, как-то Константинопольская, Антиохийская, Александрийская и Иерусалимская, — и по сей день сестры. Да только, боюсь, твоя доктрина и православная имеют в виду совершенно разное. Боюсь, тебя и у нас не поймут»). И глядишь, эта сестринская римская Церковь, в отличие от сегодняшней римской материнской, не отвергла бы сестер и братьев евреев-христиан хотя бы уже потому, что они-то все и «начали».

Конечно, можно тут поспорить со Штайном, точно ли Церковь (и особенно ее «*византийская составляющая*», как он утверждает, — опять пошли «сумерки богов», сумеречно-полубредовое состояние: виня во всем Византию — Второй Рим, наш герой в какой-то момент незаметно для себя, подменяя одно другим, начинает винить во всем Рим Первый, тогда как эти две главных кафедры древности без конца сами выясняли между собой отношения, и если уж «греки» отвергали кого от себя, их нередко, в противовес, начинали духовно опекать и подкармливать «латиняне») «*выбросила евреев*», или все происходило как-то иначе...

14. Лента Мебиуса, или Время разграничивать камни

Тут я поймал себя на том, что именно здесь пора остановиться и вникнуть: что — «*напротив*»?

Да, вот это Даниэлево: «*Церковь изгнала и прокляла евреев, и заплатила за это всеми последующими схизмами и разделениями, всеми схизмами*», — это заслуживает отдельного рассмотрения.

Это ключевой вопрос не только для героя, но и для «немалого» количества читателей.

...Эта трещина мира проходит и через мое сердце. Хотя мы с Даниэлем оба не поэты.

Это давным-давно стало аксиомой и общим местом: гонение евреев Церковью и все, из этого вытекающее. Правда, среди беллетристов, по крайней мере, никто еще не ставил столь глобально вопрос — и не отвечал на него так запросто, как и подобает беллетристу: ***всеми***

своими бедами во всей своей двухтысячелетней истории Церковь обязана тому, что *изгнала и прокляла евреев.*

То есть, например, зверское преследование иконоборцами иконопочитателей в Византии при династии Исавров — это из-за «отвержения» Церковью евреев... Или раскол 1054 г. на Западную и Восточную Церковь, где камнем преткновения стал вопрос о «Филиокве», ни в коем случае, казалось бы, не имеющий отношения к еврейскому вопросу... Или реформа доктора Мартина Лютера, начавшаяся с вопроса о недопустимости индульгенций... Все это, стало быть, — наказание за изгнание евреев.

М-да, вот ведь дело какое: в огороде расцвела бузина, а дядя-то в это время как на грех и в Киеве...

А впрочем, может, это и впрямь связанные между собой вещи. Вот, к примеру, такой аргумент: Бог наказал. И наказывал и продолжает и будет наказывать христиан чем ни попадя — за когдатошнее отвержение евреев.

Такое может быть. Если мы верим, что Бог наказывает некоторые народы за массовое богоотступничество и, более, богоборчество вперед на многие столетия, то и так можно рассуждать. При условии, что ты исходишь из действительных фактов — и действительно рассуждаешь.

Ну, а как я возьму да сформулирую такое вот: евреи отвергли Йешуа, сочтя Его за Лже-Машиаха, Лже-Христа, более того, они распяли Его, затем гнали до тюрьмы и смерти первых христиан — и ***за это*** заплатили ***в с е м и*** дальнейшими своими бедами и гонениями вплоть до Холокоста? Вам такое нигде, ни у кого не встречалось? Мне — не раз. А нравится? Мне — нет. А чем-нибудь смыслово-структурно, — вот это все, сформулированное сейчас мною, — отличается от высказываний самого Даниэля? Да ничем решительно. По логике самого Даниэля, — очень даже вполне. Именно так и рассуждали многие века, — и мы знаем результат. Согласна ли с ним, повторительно, сугубо, Ваша совесть?

Нет, нет и нет. И в частности, католическая Церковь в лице Иоанна Павла II вменила это в вину тем представителям Церкви, которые так и рассуждали — и поступали согласно таким рассуждениям, или хотя бы другим не мешали так поступать. То есть принесла за них покаяние. Что значит: с момента покаяния — этого возложения вины на весь еврейский народ и такой логики рассуждения не должно быть и не будет более в католической Церкви никогда. Ни сделано ничего такого не будет, ни сказано, ни даже помышлено. И это — исходя из действительного факта распятия, убиения Сына Божия и Сына Человеческого.

Ждут ли католики ответного не то, что покаяния, но извинения — со стороны иудаизма? Нет. Не ждут. Потому что Христова вера призывает каждого начать с себя. Признать *свою* вину, не ожидая того же в ответ. «*Что тебе до него? Ты иди за Мною*».

И, снова здорово, это при наличии «медицинского факта».

В то время как в утверждениях Даниэля факты...

Но лучше всего, понятнее всего для читателя начать вот с чего.

Главная кручина Даниэля Штайна на протяжении всего романа не проявлена отчетливо в его голове и сердце. С этим мы уже встречались: это конституирующая особенность мышления Штайна. Мысль его, невзирая на категоричность ее высказывания, все время переплетается сама с собою, она двоится, затягивая в свою канитель и себя, и читателя. Даниэль опять и себе, и читателю «*все извилины заплел*».

А именно: все начинается с отвержения мировой Церковью евреев-христиан — «*первоначального христианства*», которое церковный корабль «*сбросил с борта*», — но чем далее, тем больше оборачивается совсем другим: отвержением и гонением Церковью просто евреев. Евреев-иудеев, этнических евреев... Евреев вообще.

Причем этого перехода с внутренней плоскости на внешнюю и обратно, как и положено петле Мебиуса, не замечает ни герой, ни автор (судя по его высказываниям «от себя»), ни большинство читателей. Потому что война в Крыму, все в дыму и ничего не видно. Потому что евреев уничтожают и уничтожают (а это в истории и правда так, иначе думают только отечественные «жидомасоноведы», дописавшиеся до того, что Холокост придумали сами евреи; почитали бы просто перепись населения Амстердама или Вены *до* и *после*). Потому что чувство тут властно отодвигает мысль на второй план.

Но бывают еще люди, читающие сквозь катаракту. Это долгое дело. Они успевают и покручиниться, и все же кое-как померековать.

Итак, перед нами не один, а два вопроса. Первый, обязательный (для решения вопроса данной книги), — отвержение Церковью евреев-христиан. Второй, для данной книги факультативный, но крайне важный сам по себе, — отвержение ею просто евреев. Однако он заслуживает настолько большого отдельного рассмотрения, что мы ему поневоле посвятим заведомо не слишком много места.

Так вот, я утверждаю, что и то, и другое — не так. И то, что сегодня представляется аксиомой — общим местом всем «людям доброй воли», начиная с Даниэля Штайна, — на деле совсем не аксиома.

Именно факты-то, самый смысл этих фактов радикально противоречат этой «аксиоме». Причем настолько противоречат, что лучше и не пытаться им противоречить. Они — самоочевидны, если ты честен, — еврей ты, русский, итальянец или полинезиец, но интеллектуально честный человек, называющий своими именами то, что видишь прямо перед собой. Факты, никем не скрываемые, различимые, как огни взлетно-посадочной полосы, не виноваты в том, что люди не замечают их и не хотят замечать и далее.

Самоочевидно неоспоримые факты говорят, что все обстоит прямо наоборот: «в начале» не Церковь отвергла и гнала евреев, а евреи-иудеи отвергли и вовсю гнали Церковь евреев-христиан. Именно они и развязали эту войну.

Я понимаю (и на себе с детства — нанюхался и в свой адрес): любое плохое слово все равно о каких временах, когда не только гнали евреев,

а и сами евреи кого-то там гнали, — не политкорректно. Но политкорректность не входит в мою личную задачу, для меня, уж как хотите, она не является уврачеванием одной из главных трещин моего сердца. Таким уврачеванием для меня может явиться только правда, — и если я не прав «по факту», так и скажите мне: если это доказательно, — буду думать иначе. В этом отношении я доселе был честным человеком. Жду ответа, как соловей лета. А пока не дождался, — извините.

Пока же я мыслю традиционно, как все дети и все почти взрослые: *а кто первый начал*?

Я очень люблю германскую архитектуру. Германия вообще — очень красивая страна даже сейчас. А какой она была — это надо видеть десяток-другой небомбленых городов, вроде Бамберга или Гейдельберга. И я знаю, что уничтожение ее красы и гордости, довоенных Нюрнберга и Дрездена, Касселя и Мюнхена, Гамбурга и Кельна, снесение с лица земли тысячи тысяч зданий Вены, бомбежки Зальцбурга, Падуи, Равенны (последние — в чем виноваты? В чем виновата капелла Эремитани в падуанской церкви Оветари, едва ли не лучшая роспись Мантеньи «Житие св. Иакова», что весною 44-го от нее остались клочки по закоулочкам?) — это дело рук союзников — по инициативе прежде всего англичан, сердце которых куда более американцев горело отмщением за бомбежки Лондона и Ковентри. Но Германии в ответ досталось во сто крат более. И мировой культуре. Всемирное достояние человечества не должно быть заложником военного конфликта между чьими-то Тройственными и Двойственными союзами.

А между тем.

Да, жалко до слез. Но если меня спросить, то и я скажу, как все прочие: да, плохо, но — справедливо. Не лезь первым — не получишь по зубам. Не лезь, как ты лез, — не получишь по зубам стократ. Не начинай первым войну — и не узнаешь, что на войне как на войне.

Разумеется, дело усложняется, когда ты сам, начиная по искреннему «поревнованию» к истинной вере, к торжеству истины против лжи, как ты это понимаешь, — сам не знаешь, какую бучу ты поднимаешь и чем она продолжится лет через... и чем кончится — и кончится ли когда. Разумеется, все еще более осложняется, когда вдруг лет этак через триста те, кого ты некогда гонял, как зайцев, оказываются сильнее тебя и, помня твои притеснения и жаркую ненависть, раз навсегда решают, что ты в этом отношении никогда не изменишься. А ты, может, уже и поостыл бы, но, получив теперь в ответ такой сдачи, что запомнится на века, запылал еще большей ненавистью к тем, *кто*. И так далее. И этому 2000 лет. И теперь уже — кто их разберет, кто у них там неправ, а кто неправ еще более...

Но только стороне, начавшей это дело, не мешало бы это помнить, чтобы ее адвокаты не выставляли своих клиентов невинными жертвами, мирными бедными агнцами *от начала*. Помнить, что, — считают они себя правыми в этом конфликте или как, — но *они* его *начали*, переведя идейный спор в срез узилищ и каменований.

Итак. Не правда ли, вопрос, вообще, как таковой: кто первым начал? — небезразличен, немаловажен для оценки действий той или иной враждующей стороны в истории любой войны, любой вражды, начиная от семейной и кончая Второй мировой. Если бы Сталин начал войну с Гитлером первым, мы бы глядели сейчас на себя другими глазами (кто умеет смотреть на себя со стороны). Мы назывались бы и были бы — агрессоры (каковыми отчасти являемся по пакту Молотова—Риббентропа). Дальше продолжать — или согласимся с тем, что хотя бы в этом — нам повезло? У нас теперь — другая самооценка. В частности, помимо прочего, мы можем не уважать себя за пакт Молотова—Риббентропа (то есть кто хочет, тот, конечно, пусть себя и всех нас и за это уважает, у нас за что только не уважают — и за то же самое те же самые и в бороду плюют, у нас с незапамятных времен все — постмодерн, все homo, так сказать, ludens, так сказать), но уважать за ту часть Второй мировой войны, которая для нас была и есть — Отечественная. А начни все Сталин, то есть подожди Гитлер, — и не было бы у нас Отечественной, она называлась бы совсем по-другому...

Евреи-иудеи и евреи-христиане... Перед нами — *семейная* распря, *семейная* война. Что мы о ней знаем?

То, что не иудаизм по земному своему происхождению, родился в недрах христианства, а — наоборот. Первые христиане (то есть апостолы и их ученики, по крайней мере) считали себя правоверными иудеями, с той лишь разницей, что, по их убеждению, Мессия уже пришел, не противореча всем обетованиям пророков Танаха, а именно явив Собой точку, где скрестились и осуществились эти обетования. Да, они считали себя, грубо и упрощенно, неким «авангардом» иудаизма и потому проповедовали Христа тем иудеям, которые «еще не поняли», что Он пришел в лице Иисуса, или тем, кто это отвергал. Но во всем остальном они были вполне ортодоксально иудаистичны, то есть молились в Храме и соблюдали предписания кашрута и т. п. В любом случае, они жили мирно и никоим образом не собирались побивать никого каменьями или заточать в узилища.

Как вообще могли, по определению, евреи-христиане, осознающие себя особой, но только частью большой семьи, отвергнуть — «*изгнать*», «*выбросить*», «*сбросить с борта*», по терминологии Штайна, — всю остальную большущую семью? Отвергнуть можно только блудного сына, извергнуть его из семьи, или того, кто просится к тебе в семью, а ты ему камень кладешь в его протянутую руку.

Отвергнуть может сделать только отец семейства или вся семья целиком — свою малую часть: заблудших овец.

Именно отцами, именно целой большой семьей и осознавали себя и были иудеи. И именно они это и сделали, — вполне искренне и пылко отвергнув первых христиан. До убийства апостола Иакова, брата апостола Иоанна и заточения апостола Петра в темницу (и то, и другое Ирод Агриппа I сделал, «*видя, что иудеям это приятно*», — Деян 12:2-4), до каменования первомученика христианства диакона Стефана, до убие-

ния апостола Иакова, брата Господня и первого епископа первохристианской Церкви. Именно ученый фарисей Савл до своего обращения, в то самое время, когда «произошло великое гонение на Церковь в Иерусалиме» (Деян 8:1), гнал и заточал христиан, «*влача женщин и мужчин, отдавал в темницу*» (Деян 9:3), «*дыша угрозами и убийством*» (Деян 9:1). Епископа Иакова же убили саддукеи, по сообщению фарисея Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (и надо сказать, и сам Флавий, и, судя по всему, его окружение, это убийство осуждают). Но, так или иначе, обе главные религиозные партии Иудеи активно участвовали в первоначальных гонениях христиан. Далее, после Первой Иудейской войны, в 80-х годах I века, — полное отлучение евреев-христиан от синагоги, что значило постановку их вне закона, то есть превращение их всех в людей, гнать и убивать которых где-то очень даже правильно, едва ли не вменяется в обязанность. Далее — доносы римским властям на христиан, в первую голову, разумеется, на первоносителей заразы — евреев-христиан. Этих доносов-анонимок к началу II века накопилось столько, что все римское судопроизводство вынуждено было заниматься ими и ими, не успевая справляться с другими делами. А какие невообразимо-грязные и фантастические клеветы писались в этих доносах — почище, чем «*такой-то — японский шпион*» у нас году в 38-м.

И чем чаще всего кончались такие доносы? Кострами или колизеями по всей честной империи, где на арене скармливали христиан, не отказавшихся от Христа, зашитых в свежесодранную, пахнущую кровью звериную шкуру, крокодилам и львам, которых специально до этого не кормили несколько дней.

По замечанию Вл. Соловьева (вот уж кто, кажется, не был антисемитом: даже и предсмертная его молитва была — о евреях), евреи-христиане оказались между молотом и наковальней, между римскими властями и ожесточенными иудеями, перед которыми, по Соловьеву, стоял выбор: «*стать мучениками или стать бунтовщиками, и они выбрали второе*».

И они выбрали второе — стать бунтовщиками.

Не надо думать, что евреи тогда были народом малым и интеллигентски- или местечково-жалким и хлипким. Историки сходятся на том, что иудеев, как евреев, так и «прозелитированных» из числа язычников в Римской империи тогда было около 4 миллионов; это 6 или 7 процентов от общего населения Римской «ойкумены». Это была грозная сила — большое количество воинственно-свободолюбивых горячих ребят при немалых башлях, позволяющих закупить тогдашнее тяжелое вооружение.

Да, евреи, честь им и хвала, были куда более свободолюбивы и непокорны римскому человеку (поскольку покорны были Единому Богу), чем многие другие народы, колонизированные Римом. Они считали себя вправе бороться за независимость вооруженным путем — и сделали это в удобный момент: Траян воевал с парфянами; у евреев был шанс использовать военный конфликт, возможно, заключить союз с противниками Рима и т. д. Несомненно, по-своему они были правы. Несом-

ненно, по-своему были правы и римляне, наводя порядок и водворяя покой в пределах обширной империи. Империи без порядка не бывает. В таких делах прав только тот, кто победил, — и потому судят не его, а тех, кого он победил.

Персонаж романа рав Зусманович, перечисляя трагические события в жизни еврейства, пришедшиеся на 9-е Ава, отмечает: «*По свидетельству римского историка Диона Кассия, в сражениях той войны* (Второй Иудейской войны при императоре Адриане. — *Ю. М.*) *погибло пятьсот восемьдесят тысяч евреев*», и т. д. Но он почему-то не добавляет, что, согласно тому же Диону Кассию, евреев римляне убивали не из врожденного антисемитизма, а потому что евреи подняли восстание внутри уже давно «усмиренной» Империи.

(Плохо это или хорошо, как угодно, но, простого понимания ради, учась, то есть, понимать не только себя, войдем «в положение Рима» хотя бы в отношении Иудеи. Первая война была, напомню, за 65 лет до Второй, и, представим: генерал Ермолов на Кавказе, — опять-таки плохо или хорошо, — но свое сделал, Кавказ «усмирен», — и вдруг опять этот «*полный гордого доверия покой*» вдруг во мгновение ока как полыхнет аж через 65 лет после сдачи Шамиля, — что будет делать Российская империя? Разумеется, пошлет другого Ермолова «умиротворять». То же и Рим. Это ведь мы сейчас понимаем, что евреи-монотеисты — это единственный такой народ, и отношение к нему должно быть особое. А для Рима это был проклятый восточный народец, вечно мятежный, с непонятной стати неукротимый и почему-то дикарски не признающий цивилизованных латинских божеств и божественных Цезарей. Впрочем, римляне и про «особый народ» немного кумекали, недаром до самой Второй Иудейской евреи внутри римской державы были единственным привилегированным покоренным народом, избавленным от необходимости кланяться римским богам и императорам: уважили, то есть, и еще как! А те в ответ — восстание Бар-Кохбы, согласно рабби Акибе, Сыну Звезды; он же, согласно другим раввинам, не согласным с Акибой, — Бен-Косиба, Сын Лжи!)

Это как можно приличной империи таковой зловредный сепаратизм терпеть? Это же начало конца всякой империи! И ведь вправду так. И пошла писать губерния, — и восстание это обернулось резней евреями на Кипре и в Киренаике местного населения, всяких там греков. Согласно тому же Кассию, евреи вырезали тогда 220 000 греков и пр. (не приходится сомневаться, — и выселенных туда римлянами евреев, и не-евреев-христиан: уж если резать, так в первую голову не чужих язычников, а своих кощунников и богоотступников, «тоталитарную секту»). Подробности, приводимые Кассием, неудобоприводимы по патологической, на сегодняшнее восприятие, рвотно-страшной жестокости. Не хочется этому верить. Не хочется верить в эти 220 000 вырезанных — и еще как именно вырезанных!

Но тогда уж не верить Диону Кассию и в случае с 580 000 убитых римлянами в ответ евреев, и вообще нечего тогда верить Диону! И зачем рав Зусманович ссылается на Кассия как на *достоверный источник*?

Ясно, однако, одно: одни сражались с другими, а не так, чтобы одни, сильные, резали беззащитных и невинных просто так, как волк овец, — от слепой антисемитской кровожадности. Воля к независимости от презренных язычников столкнулась с волей имперского погашения любого сепаратизма. В эту ситуацию и «залетели» первые христиане, по идее не могшие примкнуть к бунту против «высших властей», а стало быть, безусловно, «пятая колонна» для иудеев. Со всеми вытекающими.

Положим, первые христиане, с точки зрения иудаизма, были радикальные сектанты. Но — мирные. Да, они занимались «христианским прозелитизмом», проповедовали, — но никогда никого пальцем не тронули и вообще не шалили, только починяли свой примус. Так что в те времена в Риме гонимы и беззащитны, как овечки, были не иудеи, а христиане. Иудеи как раз пользовались некоторыми серьезными привилегиями со стороны государства. Одной из них, повторю, была совершенно исключительная: для евреев отменялась обязанность поклоняться римским божествам. Этой же привилегией пользовались и первые христиане, почти поголовно — этнические евреи, разумеется. А настоящие евреи по многим причинам не хотели, чтобы их привилегии распространялись и на ненавистную злостную секту. И пошло-поехало...

Так кто же так активно помогал римским властителям закалывать это большущее «малое стадо»? Напомнить? Конечно, сектантов надо остановить, пусть их надо гнать подальше... Но «расстрельные» доносы...

А те, кто писали, прекрасно знали, что доносы эти — расстрельны.

И так 300 (триста!) лет.

Короче, не мытьем так катаньем, после всех мытарств, после того, как лет 200 с хвостиком для еврея принять крещение значило быть поставленным вне общины, вне народа, вне еврейского Закона, то есть для нормального, как мы с вами, житейского человека «выкреститься» — значит, 200 лет подряд только: *кругом пятьсот и наших нет.* В долго-долгом ходе столь сильной непрерывной традиции такого порядка вещей, — словом, вместе со всем и после всего к моменту начала IV века, когда Церковь перестает быть гонимой, евреев-христиан *очень давно уже* как почти не видно, они «вымываются» из истории, их остаются считанные единицы, буквально, даже если считать «церковным элементом» иудео-христианские секты типа эбионитов.

Так кого «гнать» победившим христианам, когда нет никого? А если появится такая фигура на горизонте, — так... Вот один еврей крестился где-то на рубеже IV–V веков, — и как же Церковь его отвергла? А самым зверским образом: поставила в епископы Кипра (свт. Епифаний Кипрский — и фигура немаловажная в истории Церкви, и епархия не из последних)... Или вот рав Зусманович вспоминает массовое изгнание евреев из Англии в конце XIII века. Да, было дело. Да, Церковь принимала в нем участие. Да, не вся, и уж, конечно, не Римская первопрестольная кафедра, а поместные, — но принимала. Но вот как раз евреев-христиан-то, о которых печалуется наш герой, это не касалось. В

Англии, скажем, в середине XIII века были серьезные антисемитские настроения, но крещеный еврей приветствовался, наделялся всеми правами, крещение его даже вменяли в заслугу крестившему — тому и деньги платили, что-то типа премиальных. И почти всюду так. Опять-таки — я не о том, хорошо или плохо так крестить и так креститься, я только излагаю факты. Или вот еще пример — крещеный еврей французский королевский астролог Мишель де Нострадамус (по-русски вышло бы — Михаил Богородицкий)...

Повторю еще раз, если не подменять все время, как в романе, одного другим, — евреев-христиан никто никогда от Церкви не отлучал, никто не гнал их. Они «вымылись» из истории сами уже к эпохе раннего Средневековья — и не в последнюю очередь при самой что ни на есть деятельной «помощи» самих евреев-евреев. Евреев-христиан осталось буквально считанные единицы. И что же тут могла «исказить византийская составляющая», когда и искажать-то к IV веку было нечего и не с кем?

История не слушает скороспелых и неряшливых обвинений.

Итак, евреи-христиане за 300 лет удвоенных гонений повывелись. Но появились другие христиане — из греков, сирийцев, римлян, египтян и пр. и пр. Их было слишком много, и у них не было таких сильных причин отвергнуть проповедь Христа, как традиция, отлучение от синагоги, и тэпэ. Всю «ойкумену», как известно, не перевешаешь. И вот эти христиане, дожив, наконец, до того момента, когда их перестали пачками ввергать в узилища и скармливать львам и крокодилам, — они-то не забыли тех, кто всего-то каких-то 300 лет не только считался, но и на самом деле был врагом и их, и Христовым. И каким сильным, каким горячим, каким до последней капли крови искренним врагом. И тогда они сами стали непримиримыми врагами своих врагов.

И ***если бы не христианство***, которое они исповедовали, это было бы не более, но и не менее оправданным делом, чем ненависть всех остальных людей и народов к своим врагам. И в первую очередь смертельная ненависть к самим христианам их врагов-иудеев. Но только все остальные в своей ненависти к врагам — по-своему правы, поскольку их вера этого им не «запрещает», а лишь велит это как-то ввести в «справедливое» русло. Христиане же — неправы, потому что Христос именно это и велит им делать: любить врагов, молиться за ненавидящих и благотворить обижающим. Именно это отличает христиан ото всех других. Должно отличать. Поэтому антисемитизм, особенно религиозный антисемитизм, и не красит — ни отдельного христианина, ни земную христианскую Церковь.

Нет сомнений, что и раннехристианская, и средневековая Церковь была настроена антииудаистично (а не антисемитски, — не этнически, а религиозно: все, что Церковь говорила о евреях, имело в виду иудеев, именно потому, что еврейство до куда более поздних времен массовой ассимиляции было понятием религиозным, а не этническим, и крещеные евреи составляли очень малочисленное исключение). Но между церковным антисемитизмом, отгораживающим евреев (повторяю: иуде-

ев), и участием в погромах, а тем более благословением на геноцид — расстояние в пропасть.

(За исключением печального и позорного для Испанской католической Церкви инквизиторского гонения на евреев вообще — до костра — и крещеных евреев-«маранов» — до изгнания — второй половины XV — первой половины XVII веков, когда жертвы гонения измеряются большими числами, нигде больше не было ничего подобного. Надо, впрочем, и здесь помнить, что это делалось вопреки Папской булле, запрещающей это делать. Это был чисто «испанский прецедент», когда, несмотря на Ватикан, во главу угла ставилась «*чистота кастильской крови*», которой и евреи-иудеи, и евреи-христиане были, естественно, лишены. Это — начало антисемитизма по чисто кровному, этническому принципу, скажем так, тотальная этническая «зачистка», нигде ранее в западно-христианском мире не слыханная[5].

Это не значит, что Испанскую Церковь на рубеже XV–XVI веков можно оправдать, в частности, тем, что испанская инквизиция была стопроцентно убеждена: евреи крестятся, только чтобы сберечь свою шкуру, а на самом деле остаются собой, врагами Христовыми, да теперь еще и «*подковерными*», пятой колонной. Это никого не оправдывает, повторяю, никоим образом. Но, повторяю, это один такой экстраординарный, небывалый прецедент. В основном, напротив, в странах Европы, как и в России в XIX веке (а до конца XVIII евреев в России просто не было как массового явления: мы ведь только 200 лет вместе), крестившийся еврей наделялся всеми правами, и гражданскими, и церковными. Впрочем, это правило, а из всякого правила есть исключения. Но все же, все же — вспомним, такие полукровки по материнской линии, то есть строго галахические евреи, как Валентин Серов или Илья Мечников, — кто-нибудь говорил, что они вовсе не гордость России, а скрытые масоны, — и их надо укоротить, выселить, например, за 101-й километр?)

Что касается второго вопроса — о преследовании Церковью иудеев, тут в целом надо согласиться: церковный антисемитизм исторически неоспорим. Неоспоримо и массовое изгнание евреев из Англии и Франции на рубеже XIII–XIV веков, и «испанский прецедент» конца XV — начала XVII века.

Можно многое вспомнить. Например, что во времена гонений евреев народными массами Церковь чаще всего брала их под защиту. В Германии и Италии находим много примеров мирного сосуществования христиан и евреев до великой чумы 1348 года, когда школяров и евреев-умников обвинили в отравлении колодцев — со всеми вытекающи-

[5] Даже погромы при Лютере основывались только на одном, все том же: евреи — враги Христовы. Поначалу, до категорического отказа немецких раввинов признать Иисуса Христом, Лютер испытывал самое почтительное отношение к ученым иудеям, видел в них некоторым образом союзников в своей борьбе с католической Церковью.

ми последствиями. Скульптуры Страсбургского и Бамбергского соборов «Церковь» и «Синагога» (XIII век) свидетельствуют, что Церковь считала иудаизм старшей сестрой, ожидающей прихода Мессии, но не принявшей Его приход в лице Иисуса, отчего истина и переходит к младшей сестре, а старшая отныне пребывает в заблуждении: копье в руке ее сломано, а на ослепших глазах — повязка. Но обе сестры изображаются прекрасными девами, и младшая только смотрит на старшую с торжествующей улыбкой.

Это — семейная сцена.

Но — да, Церковь виновата перед евреями во многих местах обитания средневекового христианства. Ей есть в чем каяться. Что католическая Церковь и сделала, — но только потому, что в Церкви существует само понятие покаяния, и потому, что Церковь должна в полной мере возлюбить и врага. С Церкви особый спрос: слишком высока планка, которую поставил ей Христос.

Да, она не предотвратила погромы, хотя сама очень редко бывала их вдохновительницей. С этим не поспоришь. Но я бы не стал спорить и с тем, что, если бы синагога оказалась в положении сильного, а Церковь в положении слабого, синагога гнала бы христиан, по меньшей мере, столь же интенсивно, о чем она заявила в полный голос еще в I веке. Церковь можно обвинить в том, что она поступила *«человечески, слишком человечески»*. Ведь начала-то, повторяю, не она...

К самим же евреям-иудеям и к остальным народам древности и Средневековья такие претензии обычно не предъявляют, говоря, что то было другое время и другие люди, смотревшие на вещи другими глазами, и враг есть враг, и на войне как на войне — особенно с теми, кто начал первым. Не предъявляют — и правильно делают: это называется исторический подход.

А к Церкви предъявляют — и тоже правильно делают, меря ее поступки ее же высшей, Христовой мерой. Но, предъявляя, надо все же помнить, что ее ты меряешь большей, нежели самого себя, мерой. Сверхчеловеческой в этом смысле мерой, не снисходя, как во всех остальных случаях, к слабости человеческой природы, к средневековому общему для всех остальных, «нормальному» пониманию дела: врагов надо бить и гнать, пока они сами тебя не забили и не загнали... Да, земным представителям и даже предстоятелям христианства есть, в чем виниться за своих предков — ***сообразно*** самому ***христианскому вероучению***, — и только. С прочих точек зрения, включая иудейскую, им каяться не в чем.

Винить представителей Церкви — можно. Но нельзя винить только Церковь. И множа тут и деля на сколько угодно, нужно всегда иметь в уме общий знаменатель. Памятуя, что в семейной ссоре, а особенно в хронически-долгой-предолгой, крайне редко бывает виновата только одна сторона, так, чтобы другая вся и все время была только в белом.

(Еще раз — хочется быть понятым правильно, а не огульно: «Ату его, наших бьют! И кто антисемит?! Сам же еврей! Тем более: ату и ату и ату!»

Снова и еще раз — не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам. А только...

Для начала проясним один момент. Назвать евреев-иудеев «*врагами Христовыми*» означает поддержать одно кровавое в веках недоразумение. Евреи-иудеи абсолютно честно вовсе не были врагами Христовыми. Напротив. Подобно тому, как первые христиане были уверены, что они остаются правоверными иудеями, — но **иудеями**, дождавшимися Мессию, точно так же иудеи могли бы с полным правом назвать себя истинными **христианами**, поскольку, не слушая никаких, с их точки зрения, сектантов, продолжали пламенно и верно ждать Христа, то есть Машиаха, приход которого предвещают все иудейские пророки.

То есть иудеи — враги не Христа. Они враги Того, Кто, по их искреннему убеждению, выдает Себя за Христа, а на деле есть Лже-Христос, Лже-Машиах, Который и продолжает Собой целую вереницу лже-Христов, что проходят через еврейскую историю. Иудеи — враги того, чтобы ложь принимали за истину, а лжепророка — за пророка, а тем более за Того, Кто больше пророка. Они не враги Христовы, а враги того, чтобы Христом, Машиахом называть Сына плотника из Ноцри: Сын плотника, Чье детство и юность прошли на глазах у всех жителей Назарета, ни при каких обстоятельствах не может быть Сыном Божьим. Сын Божий приходит по-другому, Его приход неслыхан и неожидан. И ни детство, ни юность Его, — если у Сына Божиего есть детство и юность, — не могут быть столь прозаичны, тривиально-общеизвестны. Иудеи в этом вопросе, как и христиане, совершенно честно ревнуют к истине и к тому, что есть истина, хотя их понимание того, что есть истина, тут диаметрально противоположны.

Христиане в это не вдавались до самого Лютера, — но это уже совсем другая история: слишком близка была во времени память всех разнообразных, прямых и «косвенных» гонений Церкви иудеями, потому и произошла вся дальнейшая историческая кровавая битва — с двух сторон. Но начали эту битву как кровавую, как требующую не духовных только, а телесных жертв, — именно иудеи.)

И надо уяснить, что это именно двусторонняя, осложненная многомного чем за долго-долгое время семейная трагическая распря, которая, — при условии, что мы действительно хотим ее понять, а не использовать в своих целях, — не допускает ни людоедского черносотенного пыла, ни лихого даниэлева налета на «*антисемитскую Церковь*», две тысячи лет ни с того ни с сего гонящую невинных. Следуя Даниэлю, мы просто ничего другого не можем представить себе, кроме как вот — бедные, беззащитные ребятушки-евреи-иудеи тянут свои детские ручки к матушке-Церкви: «Возьмите нас к себе, тетенька, будьте нашей мамой!» — а та только бьет и бьет по детским протянутым ручкам: «Пошли вон, оборванцы!» — и все отвергает и гонит, и изгоняет, и сбрасывает с корабля... Бред это все. Сивой кобылы это бред. Не надо ля-ля, ребята. Дайте и Синагоге, и Церкви по прокурору и по адвокату. И каждому из них — по полному досье в руки. И потом пусть будет суд. Два суда. И

кому они поверят[6]. Если оба наделены и умом, и честной совестью. И если обеим поверят, то пусть между собой полюбовно, а не ненавистнически утрясают. А мы пока подождем в теньке. Долго ждать? Зато так оно вернее будет. Чтобы наше наблюдение не переросло во вмешательство. Установление мира между Церковью и Синагогой, как и всякое толковое дело всерьез и надолго, не допускает нетерпения сердец благородных, но бестолковых Штайнов, Альенде и Че Гевар, а допускает лишь толк, истолкование, скрупулезно-кропотливую работу добросовестного сознания, сравнимую только с медленной, миллиметр за миллиметром, реставрационной работой по «раскрытию» за многими слоями позднейших «записей» иконной доски, скажем, XIV века.

И это, снова и снова — при условии обоюдной воли к миру и согласию. К обоюдному уважению. Длительной, хронической воли к уважению и терпению как деятельной любви.

Поэтому позвольте уж мне считать говоримое об этом в романе десятки раз от Даниэля и от автора — не правдой, но и не ложью, ибо последняя всегда — заведома; автор же и Даниэль — в свою меру (меру типового человека, толком не знающего дела, да и хотящего не столько знать его, сколько видеть так, как оно ему видится) честны. Посему

---

[6] На этом суде к делу должен быть приобщен любопытнейший документ: опубликованное в «Нью-Йорк Таймс» от 11 сентября 2000 года заявление «Дабру Эмет» («Говорить истину»). Это заявление принадлежит четырем видным профессорам иудаики из четырех видных американских университетов. В заявлении говорится о том, что иудаизм обязан честно ответить на приглашение к диалогу со стороны западного христианства, поскольку в 1965 году на II Ватиканском соборе было официально объявлено, что католическая церковь снимает с иудеев обвинение в коллективной вине и коллективной ответственности за распятие Христово (с какового момента, ИМХО, «*врагами Христовыми*» можно считать только тех иудеев, кто и СЕГОДНЯ сказал бы: «будь я в то время в Иерусалиме, я непременно проголосовал бы за распятие Иешуа»). По убеждению же этих четверых ученых иудаистов, следует, в свою очередь, снять с христианства в целом обвинения в коллективном участии в Холокосте. Инициаторами и вершителями Холокоста не были христиане. Более того, в «Дабру Эмет» говорится, что следует почитать христиан, которые именно в силу своих христианских убеждений стали противниками нацизма и отдали жизни, спасая евреев. Также авторы заявления признают, что и иудеи, и христиане веруют в Одного и Того же Бога — Бога Авраама, Исаака и Иакова. Однако образ поклонения Богу, принятый христианами через данное им Откровение, не является выбором иудаизма. Разногласие между иудеями и христианами, по мнению авторов заявления, столь принципиально, что решить его может только Сам Бог в конце времен... До означенного же конца и окончательного Суда иудаизму и христианству предлагается жить в мирном диалоге, то есть при принципиальном разногласии в полном уважении и равенстве спорящих сторон. К этому заявлению позже присоединились 120 раввинов из Америки, Европы и Израиля, представляющих основные течения иудаизма — ортодоксальное, консервативное, реформистское и «реконструистское». Лично я считаю это заявление началом принципиального поворота в сторону подлинного диалога и взаимного понимания.

позвольте мне назвать навязчивую мысль Даниэля — не лживой, но — криведной. Искренне-криведной. Праведно неправедной.

Это бывает. В том числе и со стороны католического священника Даниэля Штайна.

Вместо того чтобы сказать обеим сторонам сегодня, в наши продвинутогуманитарные времена: «*Простим друг другу, благородный Гамлет*», — а свое несогласие выяснять мирным путем, — священник Даниэль обвиняет Церковь — и только ее одну. Это маленькое обстоятельство радикально отличает позицию Даниэля от позиции Папы Иоанна II, поскольку тот *признает историческую вину* представителей земной, исторической, «воинствующей» Церкви, не вспоминая о вине еще кого бы то ни было (ибо покаяние иным и быть не должно и не может), тогда как Штайн именно обвиняет Церковь — в одностороннем порядке. Не понимая, что тем самым это активное «нарушение баланса» становится не покаянием, а хулой на Церковь. А для него, христианского священника, человека Церкви хула почему-то является аксиомой...

Тогда как это совсем не аксиома. Больше того, это попросту несправедливо.

Несправедливость — снова и снова — здесь не в том, что Церковьде не занимала антисемитской позиции. Занимала. Несправедливость именно в том, чтобы винить в антисемитизме Церковь *в одностороннем порядке*. Как пушкинский Сальери в одностороннем порядке отравил Моцарта, вовсе не собиравшегося отравлять Сальери.

Это не так. И надо всегда помнить, что это не так. И не морочить себе и другим голову.

15. Без мазохизма!

А теперь ответь мне, Даниэль: почему непременно и всегда обвинять в погромах именно Церковь? А, Даниэль?

Ладно в средневековые времена. Тогда по-разному дело складывалось в разных землях. Тогда другая логика была — а у некоторых даже и представителей клира ее и вообще не было. Как, впрочем, и сейчас.

Но в нашем-то, XX столетии? Ты меня извини, брат, но что вот это за безобразие: «*Церковь виновата перед евреями! В городе Эмске нас расстреливали между двумя храмами — католическим и православным. Церковь изгнала и прокляла евреев, и заплатила за это всеми последующими разделениями, всеми схизмами. И эти разделения покрывают Церковь позором до сегодняшнего дня. Где кафоличность? Где соборность?*»

Прости, брат, Христа ради, но тренировать свои извилины на способность справляться со своими прямыми обязанностями — ясно мыслить, чтобы ясно излагать, — нужно уже для того, чтобы тебя не обвинили в передергивании, то есть в шулерстве. Да и не потянули бы в суд за клевету. Ведь ты не мошенничаешь, правда? Ты же от чистого сердца, верно? А между тем, убежден на все 150, если бы сочинивший тебя сочинил бы все это в Америке и твоя филиппика направлена была бы

в сторону квакеров там или методистов, — сии немедленно повлекли бы твоего сочинителя в суд за диффамацию и оскорбление достоинства. Убежден также, что суд, рассмотрев дело, без никаких вкатил бы оному сочинителю такой штраф, что тот получил бы урок молчания о том, в чем он не только не компетентен, но... Да уж ладно... Словом, это был бы урок на всю жизнь.

Взгляни на то, что ты сейчас сказал, со стороны и рассуди сам.

Во-первых, если евреев города, скажем, Эмска и расстреливали между двумя храмами, — то делала это вовсе не Церковь, а «айнзацгруппе» или «зондеркоммандос», то есть совсем другая организация. Обвинить же Церковь в том, что кто-то, не имеющий к ней отношения, расстреливал людей между двумя церковными зданиями — это в очередной раз связать неразрывною связью киевского дядю и огородную бузину. На том весомейшем основании, что некоторое количество огородов, содержащих бузину, находится, возможно, и в Киеве. Ведь то, что в обиходе храм, церковное здание, называют церковью, не дает никакого основания винить Церковь в массовом убийстве. А именно это обвинение на всех нас, католиков и православных сразу, основывая его на сходстве слов, обозначающих разные вещи, тут повесил Даниэль. Или — кто?..

Между нашими двумя церквями расстреливали евреев — значит, обе наши Церкви в этом и виноваты. Класс.

Ты говорить-то говори, да не заговаривайся.

В зависимости от того, опять ли наш славный брат сболтнул, что в его искреннюю головушку искренне пришло (и если бы! Если бы эта клевета высказана была в состоянии аффекта; нет же — в данном случае Даниэль *просто должен был сказать то, что копил годами*), или это сознательное передергивание с самыми отъявленными клеветническими намерениями, я бы в первом случае назначил голубчику штраф... ну скажем в размере небольшом, но пожизненно-ежемесячном, чтобы научить его не болтать что ни попадя, а сначала думать (да, другому кому это бы сошло, будь я судьей, с рук, если бы он взял свои слова назад, оговорив, что это *меж двух церквей* — всего лишь «фигура речи» для большей экспрессивности, но Штайна я бы точно оштрафовал, из любви — дабы столь добросердечному человеку неповадно было «по жизни» вперед всех соотвествовать тому, что пишет его же любимец, первый епископ первоначальной Церкви апостол Иаков: «*А язык укоротить никто из людей не может: это — неудержимое зло*» (Иак 3:8); во втором же случае я как добросовестный судья вынужден был бы отправить его в тюрьму на определенный срок — в соответствии с УК того штата, где он возник бы со своей проповедью тиражом 150 000 (см. выходные данные книги)).

Продолжим спокойнее... Нет, но с ним никогда не выходит спокойнее... Нет, все же не понимаю, как церковные люди могут все это, в чем только их ни винящее — и восемь из десяти раз напрасно, — читать, принимать все за чистую монету — да радоваться? Я бы лично, как один нехороший-нечистый персонаж «*таким паспортов не выдавал*». За иди-

отизм со взломом. Серьезно говорю. Ведь он же нас с вами, всех православных и католиков — каких ни на есть, но не убийц же серийных — в геноциде винит, да как уверенно!

Я бы на его месте, если бы так безапелляционно был уверен в людоедстве христианства, ни за что бы в священники такой истребительной Церкви не пошел.

И все же — «укрощу» хотя бы *свой* язык, согласно почитаемому и Даниэлем, и мной епископу Иакову, брату Господню...

Пошли дальше.

Во-вторых, ты, брат, сам не замечаешь того момента, когда твое главное обвинение Церкви в том, что она отвергла евреев-христиан, — неуследимо подменяется обвинением Церкви в том, что она отвергла евреев-евреев, то есть иудеев (или просто этнических евреев, Бог его знает, верующих ли в кого вообще, как жители Эмска в 1942 году). А это два совершенно разные обвинения, и одно никак не может подтверждать другое. Тут обвиняемая Церковь должна сепаратно отвечать по двум различным пунктам или статьям, и свидетелями обвинения должны быть совершенно разные люди.

Кажется, это настолько очевидно, что только в спутанном, расфокусированном сознании можно искренне до полного неразличения смешать, «слить» две совсем разные группы людей, объединенные лишь магическим словом «еврей». Да как еще загипнотизировать-то читательскую массу — чтобы и она это проглядела! Это, наверное, потому, что загипнотизированные — не евреи. А я вот, будучи евреем, гипнозу с помощью слова «еврейский» — по родственности, фамильярно не испытываю. И ясно вижу, что в данном случае смешаны воедино совершенно разные вещи.

(Разрази меня гром, брателло, на этот раз ты меня-таки огорчил по-настоящему, и отсохни рука, если я, с места не сходя, не навешу на тебя пять или шесть серьезных обвинений согласно УК РФ на основании всего лишь пяти-шести твоих глупых, и не благо-, а зло-глупых фраз; а ведь у тебя их не пять, а пятьсот пятьдесят пять...)

В-третьих, тебе ли, кума, вместо того, чтобы *на себя оборотиться* (И. Крылов) и *начать непременно с себя* (Ф. Достоевский), обвинять Церковь в *схизмах и разделениях, покрывающих ее позором*, если, сочиняя свою собственную Церковь, отрицающую Св. Троицу и бессеменное зачатие Девой Марией Иисуса, сочиняя единолично собственную — и какую! — литургию, ты сам — безусловно, несомненно, безапелляционно, являешься и схизматиком, то есть раскольником, и еретиком-лжеучителем, откалывая и отделяя от своей же — вроде бы, католической — Церкви всех, кто последует за тобой? И что тебе в таком случае за дело до чужого «*позора*», если ты даже не задумываешься — уж не говоря о краснеть — о собственном?

Наконец, после всего, тобою сказанного и проделанного, более чем достаточного для того, чтобы тебя самый милостивый епископ не то что запретил в служении, а «изверг из сана» и просто закрыл бы перед

твоим носом дверь — и отправляйся на все четыре стороны со своею «*церковной общиной*», — после всего этого, я твои возгласы: «*Где кафоличность? Где соборность?*» — могу воспринимать только как... даже не демагогические, а вот как — коровьевское всхлипывание по поводу гибели Берлиоза: «*Хрусть — и пополам!*»... И я, вслед за ним (надеюсь, только в этом одном исключительном случае), должен немедленно принять триста капель эфирной валерьянки, пока ты не довел меня до сердечного приступа.

Да,кстати,а кому вот ты все это свое «*хрусть — и пополам*» излагаешь?

А — всего-навсего Папе Римскому. Не более не менее (вот специально укажу страницу: триста шестьдесят шесть).

А он — чего? Сказал тебе пару ласковых? Не-а. Он сказал: «*Я знаю, Даниэль. Я это знаю*».

Он — с тобой согласился?! Не может быть. Ты правду говоришь? Не врешь? Подумай, прежде чем ответить. Ведь этого не могло быть. А если было, то не только тебя надо гнать из священников за клеветническое обвинение двух вселенских Церквей в прямом участии в Холокосте, в благословении на геноцид, но и его гнать из Пап, если он с *этим* согласен. Он действительно был, тут ты прав, большой человек — и имел большую совесть, и покаялся от лица Церкви во многом-многом. Но брать на себя и на Церковь прямое участие в Холокосте!.. Будто не было ни энциклики Пия XI, ни оклеветанного, а теперь, слава Богу (что и в романе отмечено), восстановленного в своей чести борца за спасение итальянских евреев Пия XII, ни кардинала фон Галена, архиепископа Мюнстерского, ни католического пастора Руперта Майера, ни лютеранского пастора, впоследствии епископа Мартина Нимёллера, ни антинацистского движения лютеранской «Бекёнтнискирхе» (хотя в целом довольно большую часть лютеран, в отличие от католиков, и можно обвинить в коллаборационизме), ни многих и многих других, стоявших на своем и Христовом — до лагеря, а то и до смерти в нем.

И имей в виду, что если ты соврал сейчас, честняга-симпатяга, ты клевещешь на мертвого *Иоанна Павла Великого*, как называете его вы же, католики. Смотри, Даниэль, потом всю жизнь себе не простишь, не отмоешься. А мне позволь все же тебе не поверить.

Приди же ты в ум, наконец. Вини «христианизированные» государства, их неправедные власти и т. п. А не в последнюю очередь, повторительно, — вини древних иудеев, чье отношение к евреям-христианам, было исполнено столь праведным гневом и яростию благородной, вскипавшей, как волна.

Так почему ты, брат, все сваливаешь на христиан? Ты же ученый человек и всего сказанного не можешь не знать. Боишься дать оружие антисемитам? Да ведь все как раз наоборот: чем больше ты сам замалчиваешь, тем более у этой публики материала для обвинения: «Мало того, что эти подлюки натворили, — они еще это и скрывают...» А ты сам скажи это открыто, скажи: «Да, в семейной распре участвуют всегда все

члены семьи, и евреи времен почти двухтысячелетней давности тут хороши никак не менее христиан последующей давности», — чтобы на кровлях возглашали то, что делалось дома при свете свечи. Признай это, — и только интеллектуальный подонок обвинит тебя «со стороны», и главное — его отлично можно будет разглядеть, если мы сами не будем делать из своего прошлого тайны.

Нормальный человек не будет сегодняшних иудеев винить в том, что они «Бога распяли». Не будет винить в том, что происходило 2000 лет назад. Как и современные зеравшанцы не будут винить современных македонцев в своих сегодняшних бедах. Но картина вчерашнего не должна быть искажена. Ты ведь, кажется, против всяких искажений? Так не искажай и эту картину, повторяя послушно ложные общие места, которые если не опровергаются людьми учеными, то из политкорректных соображений. И соображения эти в целом верны, — я бы вообще закрыл «еврейский вопрос» лет на 100, чтобы о евреях забыли, а потом вспомнили на общих со всеми народами основаниях. Но не выходит. И я это тоже чувствую. Я же с тобой одной крови. Вот и не будем портить кровь ни себе, ни другим. Например, если хотим быть политкорректны по отношению к древним иудеям, будем политкорректны и по отношению к древней Церкви.

Лично я убежден, — а я внимательно прочитал роман (к чему ведет развивающаяся катаракта: всякое слово читаешь сквозь пленку, с усилием и это воленс-ноленс заставляет внимать; иногда мне кажется, что я внимательнее читал роман, чем автор его писал), что по всему — Штайн опять не совсем точно, или совсем неточно выражает то, что на самом деле имеет в виду, — и не по лукавству, а по стержневой своей особенности: не продумывать сначала все, что он говорит потом вслух, и потому опять и опять выражать свои мысли неряшливо-безответственно, зане сам мало ведает, о чем речет, — так что поди его еще пойми.

Это его свойство, неплохое для застольной беседы в кругу своих, уже знающих, что все, им сказанное, надо делить на 29 и умножать на плюс-минус 185 для истинного изложения его «думы», становится совершенно невозможным — для читателя, который действительно хотел бы его понять.

То есть для того, кто и не собирается понимать, а все только переживать-пережевывать трагическую судьбу европейского еврейства... Кто во всем романе поймет лишь свое-заветное, тот в очередной раз прольет скупую мужскую или щедрую женскую слезу, и тут он прав, я тоже плачу, читая «Треблинский ад» Гроссмана или подробности еврейского погрома в городе Фастове в 18-м году, или... Тот — Абрам, не помнящий родства, кто спокойно думает о Бабьем Яре, Треблинке или Майданеке.

Все так. Однако пора когда-нибудь остановиться — и, помня все вечной памятью на глубине души, одновременно прекратить это в актуальной жизни души — и жить вперед, по-взрослому, не регрессивно, а прогрессивно, как сказал Эрих Фромм, а он имел большой опыт «регрессивности» пациентов. Сошлюсь на этого великого еврея, чтобы меня

опять не упрекнули в антисемитизме. Да, надо жить вперед, иначе мы сделаемся мазохистами, болезненно, чуть ли не эротически «заклиниваясь», чуть ли не купаясь в слезах по Холокосту.

(Но *надо жить без мазохизма*, если позволительно перефразировать одну малоизвестную строку одного русского еврея).

...И вот тому несчастному, кто переживай-не-переживай, а отказывается верить в то, что совершенно неправдоподобно и чего он совсем-насовсем не понимает, — такому неблагодарному читателю приходится проделывать одну и ту же, тяжелую и нудную работу — пятьсот первый раз пытаться за героя реконструировать его предполагаемо-действительную мысль вопреки ее словесному выражению.

«А ты вот что: не любо — не слушай, а врать не мешай. Не мешай нам над правдивым вымыслом слезами обливаться».

Это верно. Это просто бессовестно с моей стороны. То есть это было бы бессовестно, если было бы верно. А это неверно — потому что вымышлять людям и Богу о Боге и Его... ну, скажем так, Его «удельных людях» — нехорошо. Вымышлять о просто-Марии — хорошо, если хорошо вымышляешь, а о Деве Марии — это брось. Тут не место вымыслам, тут ты (говорю опять-таки о католиках) имеешь только право оспорить «мариологические» догматы. Если, конечно, у тебя есть что сказать по делу, если у тебя на руках серьезные текстологические и фактографические «козыри»...

Только вот где они?

(Другое дело — сам пущу каменюгу в свой же огород: нечего такие штуки, которые враки, читать, коль уж несъедобно. Тут мне, дамы господа, и правда нет оправдания. Одно остается — подло свалить с больной головы на здоровую: меня «подписали» откликнуться — я сказал «да»; и вот я как порядочный человек обязан читать до конца — и непроизвольно откликаться, откликаться и откликаться... *Днем и ночью нет мне покоя*. О, если б знал, что так бывает, во что ввязываюсь... А теперь уж поздно — эта книга «заведет» и куда менее заводного человека.)

Поэтому придется-таки попенять опять же не герою, но автору — от лица некоторого малого количества «высоколобых», от хамских хамов, по-наглянке ждущих от фонтанирующего «мыслями» героя хоть одной действительной мысли, хоть одного точного слова, а от книги о Христе, Его Церкви и ее священнослужителях — пусть мало-мальского, правдоподобия. Работу автора не должен за него делать читатель. В том очевидном для читателя случае, когда перед нами не гималайский «восьмитысячник» словесничества, подобно творению Джойса или Музиля, а, пусть и довольно умело причесанный «под художественность», идейный бестселлер — своего рода «Что делать?», побивший в свое время еще большие рекорды читаемости и прямого воздействия.

Словом, это занятие только для полюбивших Даниэля до такой степени, что не лень всякий раз, — а этих раз сорок раз по разу да еще много-много раз, — додумывать: а что предположительно наш любимец на самом деле имеет в виду?

Говорю не от неуважения к автору. Отнюдь нет. Ему-то как раз со мною, читателем-прокуроро-адвокатом, повезло: я ведь нахожусь в одном странноприимном, в некотором малом отношении казенном доме, и вот представьте, как все-таки литературна судьба литератора, — нахожусь именно в палате № 6, честное слово. А поскольку все мои соседи — немцы, легко представить себе, до чего ж я соскучился по любой русской речи — и до чего привязался к нашему славному Даниэлю, почему и хочу быть его адвокатом, хоть и получается чаще — прокурором... Словом, я привык уже откапывать смысл в его часто несмысленных речах, привык понимать его, как врач-логопед привык понимать, что говорит ребенок, не произносящий половину звуков родного языка — или произносящий их неправильно.

Значится, я вот такой читатель, что мне это все не лень из любви к герою романа... Хотя, конечно, лень. Но — надо. Любовь обязывает.

16. Mea Culpa, или Кто виноват?

И вот что я вам скажу. Уже отмечено выше, что отношение (по Даниэлю) Церкви к евреям в книге напоминает ленту Мебиуса, — и я убежден, что на самом деле Штайн, как всегда того не замечая, неуследимо даже для себя переходит с одной темы на другую: печалуется не за отторжение Церковью евреев-христиан, а за отторжение и гонение ею евреев-евреев, иудеев или просто этнических евреев, которых что при Лютере, что при Торквемаде, что при Гитлере, что при Хмельницком, что при погромах в южнорусских, молдавско-украинских и т.д. местечках, что во время Первого и Второго крестовых походов и т. д. и т. д. и т. д. — изгнали, вырезали, расстреляли, загазировали и сожгли — не сосчитать сколько, как песка в море, куда «сбросить» их хотят и теперь. Но это уже совсем другая и не менее, если не более сложная история, история, к возвращению в точку первоначального церковного разделения прямого отношения не имеющая. Так что — в другой раз. Для этого надо писать о другой книге, а для этого она должна быть сначала написана, а их на самом деле уже столько понаписано — и по сравнению с помянутыми двумя сборниками рассказов Тадеуша Боровского «У нас в Аушвице» и «Прощание с Марией» — «воспоминания» Даниэля о тех временах... Ну, как бы это сказать? Ну, думаю, и говорить не надо. Человек, пишущий о концлагере или гетто, не живши там ни дня, всегда будет дилетантом по сравнению с тем, кто провел там некоторое количество времени и, написав всего два сборника рассказов, обретши, однако, и ими всеевропейскую известность, покончил в 49-м самоубийством — память достала...

В общем, достаточно уже сказанного — и пойти дальше, не занимаясь более историей отношений между христианами и евреями, в которой увязнуть легко, а вытащить себя из нее — трудно.

А все ж не могу утерпеть и не сказать хотя бы пары слов. Ведь и здесь, строго антр-ну, в давней семейной распре почему-то считают, что

именно Церковь — первая сама взяла и отвергла, а потом и преследовала евреев, а те были беззащитны и кротки, как агнец — символ как раз ненавидимого ими Иисуса. Чтобы далеко не ходить, послушаем нашего многоуважаемого, понимаете ли, м-м, Даниэля Штайна: «*Страх и недоверие иудеев к христианам имеет историческое обоснование, ведь Церковь часто выступала* ***организатором*** (выделено мною. — *Ю.М.*) *еврейских погромов...*»

Ну правильно — не начав с обвинения в организации погромов, трудно добраться чуть позже до обвинения в прямом участии в Холокосте (см. выше). Не все же сразу. И Штайн, значит, туда же — отвечая, заметим, в интервью, то есть высказываясь публично — и не приватно, а как христианский священник, то есть от лица Церкви же: *Церковь часто организовывала еврейские погромы.* Он произносит это как нечто само собой разумеющееся. А между тем это совсем не само собою разумеющееся — и католическому ли священнику повторять такое?

Да, погромы были. Да, часто городские власти использовали их как некий громоотвод. Но — не надо путать светскую власть и Церковь. За исключением упоминавшегося печального и позорного «испанского прецедента» — Церковь нигде не организовывала погромов. Напротив, очень часто пыталась их предотвратить. Погромы времен Первого-Второго крестовых походов к Церкви имеют вполне косвенное отношение. Это была «стихия народного движения», «народных масс». Две колоссальные рати — собственно крестоносцев и параллельно бредущая вот эта самая стихийная «народно-крестоносческая армия», — что Церковь могла им противопоставить?.. А между тем она находила-таки средства погромщикам кое-что противопоставить, даже в великом и страшном 1349-м, когда чума выкосила треть населения Европы, — и вот тогда-то и пошли погромы, которые были до той поры явлением спорадическим и совсем не повсеместным.

Я объездил две трети континентальной Европы — и, по крайней мере, в Германии и Италии — такая картина: до XIV века до-чумные еврейские поселения располагаются в самом центре города — не только дома, синагоги, но и школы, включая почти всюду школу бальных танцев. Это так, скажем, в Нюрнберге, Бамберге и Ротенбурге, но это так и в Падуе. Можно ли представить себе стабильно существующую школу бальных танцев, так это на пару-тройку столетий — там, где идут погром за погромом?

До 1348–1349 годов, когда самая великая чума средневековья привела к тому, что «народные массы» обвинили во всем умников — школяров и евреев. Тогда-то все и пошло, приведя уже в XV–XVI — к отгороженному городскому гетто. Само слово «гетто» появляется в Венеции в XVI веке, когда евреев, до тех пор живших на острове Джудекка, стали насильственно переселять в «систьере» (квартал) Каннареджио.

Но как все-таки вела себя Церковь? По-разному. Преобладающей тенденцией был протест христианского духовенства против погромов (они, кстати, коснулись не только еврейского населения; война вообще

занятие скверное и всегда неизбежно сопровождается мародерством) по ходу Первого крестового похода 1095–1099 годов, особенно в землях по Рейну. Здесь, где духовенство традиционно обладало и большой светской властью, например, в Майнце, местному архиепископу удалось обуздать всяческие «злоупотребления», схватив некоторых из зачинщиков погромительства и велев их казнить публично («христиан»!). В других местах случалось, что духовенство выступало против резни и разграбления евреев «народной армией» (надо, повторяю, помнить, что в движении крестоносцев участвовали две параллельных силы — «регулярная», рыцарская, и «самостийная», «крестьянская армия»; последние-то добры молодцы, как всегда и везде, и бесчинствовали в первую очередь), но, не обладая такой большой силой, вынуждено было само бежать из города от «народной расправы». В то же время крестоносцы-погромщики оправдывались (самая необходимость оправдываться говорит о том, что погромщики уже и тогда, в те далекие времена, догадывались, что деятельность их с христианством имеет мало общего) тем, что Папа Урбан, благословляя поход, призвал справедливо покарать не только мусульман, но и всех врагов Христовых (хотя, разумеется, это был общий риторический призыв, имевший в виду конечную цель похода — взятие Иерусалима и «справедливое наказание» врагов истины у самого Гроба Господня, — а вовсе не погромы по всем землям в ходе «движения»).

Да, в который уже раз, Церкви есть, в чем каяться. И она это признала. Но в куда большем числе случаев она громко выступала с кафедр, осуждая погромщиков, и зачастую как могла защищала евреев от геноцида. Так в Трире — древнейшей и авторитетнейшей католической кафедре Германии, в еврейском квартале, под Юденгассе, в самом-самом центре города был (и до сих пор остаточно сохранился) подземный ход, ведущий прямиком в епископскую резиденцию — на случай погрома. И епископ Трирский в чрезвычайной ситуации всегда (в том числе во время великой чумы 1348 — 49 годов) брал евреев под защиту. И так было и во многих других европейских городах.

То есть — почти всюду, где духовная и светская власть совпадали, были в одних и тех же руках князя-архиепископа, мы видим в той или иной форме защиту евреев. А вот там, где светская власть не была и церковной, — там часто дело обстояло по-другому: власть использовала стихийную «ярость масс», чтобы «выпустить пар»... О чем это говорит? Отгадайте с первого раза.

Разумеется, средневековый христианин, будь он и архиереем, считал евреев «*врагами Христовыми*» (что истине — см. выше — соответствовало не вполне. Однако — что ему оставалось — считать их *друзьями* Христа? Или мы будем требовать от средневекового человека знания фундаментальных теологических трудов XX столетия после Второй Мировой?) и особых симпатий к ним не испытывал.

Разумеется также, ничего хорошего в безобразиях крестовых походов и средневековых погромов нет. Все это ужасно и, повторяю, христиан не красит.

Но, повторяю и это: ничуть не больше хорошего в поведении иудеев в первые три столетия гонимой Церкви. Это евреев тоже совсем не красит, и, не бросая обвинения на всех прошлых, настоящих и будущих иудеев, по крайней мере объясняет причину ранне-церковного антисемитизма.

А сказать короче, это такая (повторю и это, чтобы уж вколотить в мозг, чтобы Даниэль помнил-не забывал) с е м е й н а я распря, в которой кто угодно ногу сломит, и для человека добросовестного есть только два выхода: либо расследовать это дело крайне тщательно, скрупулезно и непредвзято, принимая во внимание многообразнейшие стороны каждого прецедента, — либо замолчать об этом в тряпочку лет на сто, говоря себе, что не лезь в то, чего толком не знаешь, а там видно будет...

Короче, у земных представителей католической Церкви своих грехов хватает. И незачем вешать на нее еще чужие грехи.

Почему же сегодня она позволяет это делать, когда вокруг не виноватит себя никто: ни православные, ни иудеи, ни мусульмане? Кто ее знает. Не понимаю. Все в белом, один Папа Иоанн Павел II — по собственной воле... Зачем? Кто тебя поймет? Они еще скажут, типа того отец диакон А. Кураев (при мне было, когда он выступал в нашей аугсбургской общине), что каешься ты лицемерно. А ты все признаешь церковные вины. Зря. На православном Востоке признание своей вины — признак непростительной слабости. Все эти дьяки и дьяконы понимают только силу — и ставят ей на службу свой немалый интеллект и способности...

Я так думаю, наверно, потому, что я недобрый. Я ведь из еврейской горячей породы, которой только скажи: «А ваши-то и сами хороши со своими анонимками в Риме», — и тебе не спустят ни за что, а не то чтоб каяться. А Папа кается. У него брань на вороту не виснет. Вот кто был и добр, и честен, и совестлив.

...И все же католическая Церковь, имея в виду не лучших земных ее представителей, — виновата. Коли Папа Иоанн Павел II это признал (и никто его за язык не тянул, это была его инициатива, с 2000 по 2004-й, эти «десять признаний вины» по многочисленный конкретным пунктам самообвинения)[7], — то и я соглашусь. Чего мне впереди Папы соваться в ихнее католическое дело?

Да, Церковь не любила иудеев и, как она сама считала, вполне мотивированно. Но, как уже говорилось, от нелюбви до *организации* погрома — неблизко. В целом Церковь на Западе придерживалась учения бл. Августина: евреи — оно, конечно... Но — можно огораживать их, поражать в правах, но ни в коем случае не следует их истреблять: во-первых, по заповеди Христа о любви к врагам; во-вторых, потому что еврейство,

[7] Неоднократно повторяя: «Mea Culpa, mea maxima Culpa!» — Моя вина, моя вина велика! (*Ред.*)

ненавидящее Иисуса, тем самым является свидетелем Его не только Небесной, но земной реальности; в-третьих, в том смысле, в котором апостол Павел говорит: в конце времен «*весь Израиль спасется*», — следовательно, надо оставить им возможность спасения до конца времен. То же видим в постановлении Третьего Латеранского собора в 1179 году о том, что евреев необходимо «ограничивать» (чтобы от-граничить от христиан), но с ними из «гуманитарных соображений» следует обращаться «хорошо». Никаких, то есть, погромов. То же подтверждено Папой Иннокентием II (начало XIII века), указывающим, что евреев ни в коем случае не должно «громить», утеснять, отбирать имущество, потому что они хоть и враги Христовы, но среди прочего «*дают примеры добрых нравов*» — в семейной жизни и не только. Пример то есть подают христианам в их житейской «практике». И так далее.

Еще раз: я не говорю о том, что средневековый церковный антисемитизм хорош есть. Да только посмотрим лучше на отношения между Церковью и Синагогой сквозь призму истории, сколь возможно объективно и беспристрастно. Как «объективно» смотрим пьесу Шекспира «Венецианский купец», где еврей Шейлок изображен кровожадным злодеем. Это отношение тогдашнего христианина к тогдашнему еврею. То есть исторический предрассудок. Того времени. Которое прожито и пережито, и надеюсь, не для того, чтобы опять «вернуться» туда и продолжать ненавидеть друг друга, называя это верностью своей вере. У каждого времени свои задачи, и «последним временам» досталась не менее серьезная задача, чем «первым»: вместить в свою логику несколько логик и понять друг друга менее прямолинейно и более объемно-диалектично, чем несколько сот лет тому назад. И это вовсе не предательство своей веры, а углубленное понимание ее. Католической Церкви понадобился шок всех освенцимов, чтобы возникло «богословие после Освенцима». Не дай Бог, чтобы Православной Церкви было мало и освенцимов, и «дела врачей», и так далее.

Плохо: мы теряем время. Если что-то не изжито во времени, оно повторяется — и в личной жизни, и в жизни той или иной человеческой общности. Стало быть, вместо движения к цели, вместо векторного понимания времени, привнесенного в мир еврейской, а затем и христианской Библией, мы возвращаемся к античному, восточному, а затем греческому колесу Вечного Возвращения, крутясь белкой в этом порочном колесе и выпадая из исторического времени. Мы рвем связь времен и теряем еще сколько-то поколений в изнурительной войне с самими же собой — «до времени», конечно, но ведь неизвестно, до какого, сколько времени мы потеряем...

Да, Церковь считала евреев врагами Христовыми и не исполняла заповеди любви и благотворения врагам. И была *по-своему совершенно неправа* — там, где иудеи как раз *по-своему правы*: у них не было и нет заповеди любви к врагам, а у христиан есть такая заповедь. Этих слов Христа для любого христианина никто никогда не отменял.

Увы, в те поры еще не было доктрины о свободе совести, к ней еще предстояло придти (и не в последнюю очередь именно Церкви), выработать ее долгим и тяжелым историческим путем. В те же времена христианство прямолинейно-логично понимало дело так, что в христианском государстве врагов государственной религии этого государства и его «коренного населения» следует отделить от добрых христиан, не следует давать им равенство прав с христианами.

Да, это дискриминация, это поражение в правах. Это очень плохо.

Но — еще и еще раз — к погромам, к физическому истреблению еврейства Церковь не призывала и тем более не *организовывала* их. «*Это, граждане, случай так называемого вранья*». В случае же, если погромщики были людьми христианского вероисповедания (а больше некому) безо всякого благословения на то представителей духовенства, а тем более высшего духовенства, — то только с самих погромщиков и нужно спрашивать. Вот как бандитские похождения еврея Бени Крика и его еврейской бригады никак не бросают тень на раввина хоральной синагоги тогдашней Одессы, мир ему.

Что же, например, до более поздних времен и до более знакомой нам русской Церкви, — то, как известно, представители ее в качестве экспертов на деле Бейлиса категорически отрицали употребление евреями в ритуальных целях христианской крови — и именно благодаря им Бейлис был оправдан. Нигде в России начала XX века, — а раньше никаких погромов в Российской империи не бывало, — нигде русская Церковь не только не организовывала погромов, но гневно осуждала и погромы, и погромщиков.

Разумеется, были печальные исключения из правила, но именно — отдельные исключения из огромного территориально и населенчески правила всецелой Европы. Мне скажут, что эти «отдельные исключения» измеряются немалыми числами? Да. Вот и вините народ-богоносец, который все это творил, заодно бия смертным боем и никаких не евреев, а умников-русских врачей, если где начиналась какая холера.

Не хотите винить в этом весь русский народ? Горячо солидарен.

А всю русскую Церковь можно?

А всю католическую? Ведь это не католическая Церковь загоняла евреев в вагоны и отправляла в Треблинку и Собибор, в Майданек, Освенцим и Берген-Бельзен, не католическая Церковь расстреливала в Бабьем Яру и на Понаряй под Вильно, и в рижском гетто в районе Маскавас, и некоторое количество моей родни в Смоленске, и в Дрогобыче (или все-таки в Ужгороде? Склероз, склероз... Да, впрочем, и там уничтожали, и тут не без того), где во время охоты на евреев прострелили золотую голову Бруно Шульца... Это все делала совсем другая организация, и если какие-то члены ее и считали себя добрыми католиками, то вот с них и надо конкретно спрашивать. Церковь же, а точнее, не всю Церковь в ее Христовой сути — Церковь небесную, «незримую», «невесту Христову», «торжествующую» на Небесах во святых, — а конкретных членов земной, «воинствующей» Церкви, начиная с ее «выс-

шего руководства», можно и должно винить, если это «высшее руководство» благословляло в своих энцикликах, буллах и проповедях убивать евреев как врагов Христовых.

Но вот чего нет — того нет. На Западе, по крайней мере.

И если на Востоке, у ортодоксов, одно из ста двух правил так называемого Пято-шестого Вселенского собора «*иже в Трулле Царских палат*» запрещало общаться с евреями, обращаться к еврейским врачам и мыться с евреями в бане (из песни слова не выкинешь — а все ж не громить и не убивать), то на Западе Папа не счел этот собор, главным смыслом которого была экстремально антиримская направленность, вселенским и правила его — правильными, следовательно, обязательными.

Католической Церкви вменяется в вину, что она не противодействовала этому антихристианскому безобразию. Но тут надо помнить, что, во-первых, еще как часто противодействовала. Я уже называл имена архиепископа фон Галена Мюнстерского, мюнхенского отца Руперта Майера, отца Максимилиана Кольбе... Не буду продолжать, сей список журавлиный, это длинный список; словом, католиков в лагерях — и именно за свое противодействие режиму — сидело будь здоров. И далеко не все оттуда вернулись. И даже подписанный Ватиканом конкордат с Гитлером в 1933-м, когда было еще совсем не ясно, что это за новая правительственная партия в Германии, обещавшая к тому же католикам полное сохранение свободы совести, то позднее, когда характер нацизма проявился, Папа Пий XI в 1937-м выступил со знаменитой энцикликой «С глубокой озабоченностью»...

Во-вторых, не противодействие или слабое противодействие — это все же еще — не прямое участие, не действительный залог, а страдательный. Не противодействовать творящемуся злу или «*организовывать погромы*» — это две очень бо-ольшие разницы; а ведь Даниэль вслед за многими другими, не мудрствуя лукаво (я бы сказал: если мудрствовать — это лукаво, то ведь и не мудрствовать — бывает простотой, что хуже воровства; а посему — давайте-ка, если уж мы считаем себя интеллигенцией, соответствовать своему самоназванию, то есть именно мудрствовать — и не лукаво), винит Церковь именно в этом.

И вот еще какое соображение. Отнесясь к Церкви, ее учению и практике «без любви», зато с брутальным максимализмом, Даниэль не замечает, что сечет самого себя. Если к «гестаповской страничке» его жизни отнестись со свойственной ему точностью и трезвостью оценки, то есть, не вникая в тонкости его положения и дальнейший героизм, судить его уже за «страдальный залог» непротиводействия властям, то есть за «простое» ношение гестаповской формы, — его следует «пустить на полную катушку» и еще «навесить по рогам». Если же судить его за «актив», то есть прямое соучастие в еврейском геноциде и массовых убийствах населения при *добросовестном* отце родном Рейнгольде — тут, констатирую с горечью, дело пахнет не так, как мы, народ тонкий и участливый, раньше рассудили, а все-таки веревкой. Вот пусть Даниэль на себя и примерит, а потом о других высказывается с большевистской строгостью и прямотой...

Конечно, слава, слава героям... Тогда не мешало бы и спросить, например, русских православных, согласных с Даниэлем, — а почему мы, русские православные, все же, если не оправдываем, то «прощаем» Русской Церкви МП прямое сотрудничество с богоборческой большевицкой властью, то есть — прямое христопродавчество? Борьбу Церкви — с самой же собой, лагеря и ссылку лучших предстоятелей Церкви, таких как Кирилл Казанский (Смирнов), Петр Коломенский и Крутицкий (Полянский) и Агафангел Ярославский (Преображенский), — они-то и должны были, согласно программе, предусмотрительно выработанной в 20-м году, в случае изоляции патриарха Тихона, последовательно заменять его, будучи и. о. патриарха, а вовсе не митрополит Сергий (Страгородский), всего лишь глава администрации Патриархии, узурпировавший место патриарха с прямого содействия, наказа богоборцев-большевизанов. Ведь так или иначе, какие бы веские у него ни были причины, — он узурпатор, поставленный при прямом содействии богоборческих властей именно для того, чтобы она стала просоветской, христопродавческой.

А мы его и последующих за ним, с его поставления, все-таки *прощаем* и считаем, что, не глядя на это, Церковь русская МП — по милости Божьей «ради малых сих» все-таки благодатна.

К концу 30-х в Союзе на свободе оставалось только четыре (!) архиерея вместе с самим митрополитом Сергием Страгородским (по убеждению многих, вполне разделяемому мною — см. хотя бы вполне доказательную книгу Л. Регельсона «Трагедия Русской Церкви», — узурпатором патриаршего престола), и хоть раз он заступился за кого-то дабы вызволить из узилища, пока товарищ Сталин не дал команду в разгар войны и на свободу не вышли еще несколько, чтобы созвать Поместный Собор в 43-м в Саратове? Сие мне недоведомо. Может, и заступался; может, оправдается чем, дай ему Бог...

Так давайте простим и католицизму. Тем более, что он себя, в отличие от нас, сам не прощает — Иоанн Павел II не просто покаялся публично, но письменно и детально — за все, от самого начала Римской Церкви до сего дня: за все, все решительно, по каждому мельчайшему пункту, — за все взял на себя вину и ответственность, взвалил на себя и тех, увы, не малочисленных членов земной Церкви от самого ее начала, что творили зло. Не глядя на то, что, согласно общей доктрине, Небесная Церковь, иже жива во святых, омывает, «отстирывает» святой водой своей добродетели грехи Церкви земной, «обеляя» и «убеляя» их. Не глядя и на то, что, кроме нее, никто ни в чем не кается. Она «*начинает непременно с себя*». Как требовал от себя и от каждого человека великий ненавистник Ватикана Федор Достоевский.

Взгляд Даниэля на вещи логически ведет к тому, что деятели Церкви эпохи средневековья должны были, просто обязаны были опередить свое время лет на 600 и просветить еще в те времена народные толпы: смотрите мне, — мы творим историю, — так чтобы никаких эк-

сцессов! Чтобы мне враги Христовы не могли сказать, что мы не возлюбили их как врагов — и не благодетельствовали им, не молились за них. Что мы, словом, не поняли Христа вполне и всецело.

Неплохо бы.

Увы, так не было. Увы, представители земной Церкви в этом отношении были людьми своего времени — и оставили понять Бога во всем объеме представителям Церкви следующих веков, в конце концов нам.

Вот что мне с незапамятных времен было непонятно.

Меня учили, что всяческую критику надо начинать с себя. Это в целом мне было ясно уже в детстве, — хотя практически я вел себя как обычный ребенок, злясь на стул, о который ударился. Но вот я вырос. И в том числе ознакомился с историей антисемитизма. И с историей христианского антисемитизма, в частности. И подумал: да, Церковь повинна в церковном, религиозном антисемитизме на протяжении ряда веков — в утеснении евреев-иудеев, в поражении их в правах. Странное дело: первые христиане — поголовно евреи, начиная от самого Йешуа по земной Его природе и Его пресвятой Матери. И вдруг такая распря между евреями и евреями же — дело, как известно, нестандартное, хотя и не исключительное.

Но вот — кто же ее начал? Иудеи или христиане? «Посмотрим в историю».

А вот тут, воленс-ноленс, все ясно как дважды два. Хотелось бы, чтобы не так — а оно так (см. выше).

С детства было мне всегда как-то больно-обидно, когда кого-то оболгут и все такое. И никогда я не понимал всех этих политкорректностей. Почему одним можно, а другим нельзя? Почему если одного обидят, об этом кричит весь мир, а если другого, — то молчит и он, и весь мир. И причем тут, что я сам из обиженного народа? Дважды два остается четырьмя, еврей это утверждает или антисемит.

Но теперь, в свой полтинник с гаком, я понимаю, что политкорректность — наименьшая из зол. Что худой мир лучше доброй ссоры. Вот же ты, ёкорный бабай, щекотливый вопрос...

Что, опять же, до меня, я бы еврейский вопрос, повторяю, «*закрыл, слегка почистил*», лет на сто, — «*а потом опять открыл, обратно*». Слишком много крови протекло с трех лет, и все течет, и сколько еще потечет... Но, чисто теоретически, коль уже мы спорим, строго между нами...

Поймите меня правильно: я не за то, чтобы все могли всех безнаказанно обижать, а — за то, чтобы никто не мог другого обижать. И не только директивно, — разумеется, на государственном уровне это давно необходимо сделать, — а по совести. «Въехав» в суть дела. По крайней мере, чтобы он знал, обижая другого, что он — именно обижает и ничего хорошего в этом нет. И то же и в отношении евреев, они никакому исключению не подлежат. Бог избрал их не на то, чтобы они — всегда были неподвластны даже вполне справедливым обличениям, а на служение всему миру в несении Истины: Единого Бога и заповедей, которые из этой Истины следуют.

А следует из истины, данной именно евреям-то впервые с целью наделить их особой миссией, среди прочего-то как раз, что всякое дело они должны начинать с себя. Иначе Господь не наказывал бы их множество раз за то именно, что они уклонялись от своей избраннической миссии (см. весь Танах-Ветхий Завет-Библию).

В том числе и обвинения в чей-то адрес должны начинаться со своего адреса. Так или не так?

Вот с себя-то и начнем, согласно нашей богоизбранности. Имея на совести триста лет многие пачки доносов, за которыми стоят десятки тысяч смертей, зная, к чему ведет донос и все-таки пиша донос, как правило, анонимный (пока в начале II века император Траян, который был, как известно, суров, но справедлив, не запретил анонимки: христиан, поклоняющихся какой-то жуткой мерзости, согласно общему мнению, созданному в Риме авторитетными в этом чужом и малознакомом деле евреями, хорошо знающими своих компатриотов-христиан, — сурово преследовать, буде кто наречет себя таковым, но вот искать по доносу — это еще что? Нагружать римскую полицию невесть чем — не моги! Ей и без того дел хватает, а ты, возможно, соседу позавидовал, да и...), имея это самое на совести, а обвиняя как ни в чем ни бывало только противоположную сторону, мы поступаем — как? Косвенно или прямо мы виноваты перед христианами, которых убили по нашему доносу?

А сами виним Церковь в косвенных грехах, «*не замечая об себе*», — нет такой привычки. Ах, мы не знали? Верю. Кто ж историю раннехристианской Церкви, кроме церковных-то и знает? Да и церковные-то не все и не всегда...

Ну так потрудитесь узнать, нынче это проще пареной репы: в Интернете или в книжном магазине нынче полным-полно сведений по всемирной, и в том числе позднеримской и раннехристианской истории. А лень — так имеете право, каждому своей «специализации» хватает, — только уж тогда уж не судите о том, чего не знаете, не принимайте за аксиому то, что лишь — недоказанная (и не будет доказана) теорема.

А то я вот, стопроцентный еврей по крови и ортодоксальный христианин по вере, прямо спиной чувствую родное и до боли знакомое: сразу! сразу! не вникая в текст, сразу, почуяв, что дело пахнет антисемитизмом, начать бить в колокол: «Еще один еврей-антисемит!» — ну и все знакомое дальнейшее. Поэтому сразу и скажу, хотя это никого все равно не остановит, — кликуш среди евреев ничуть не меньше, чем среди русских, — но для очистки совести: в том, что я пишу, никакого антисемитизма нет, а есть только «*здравый смысл и жизненная опытность*». Ну нету во мне никакого антисемитизма уже потому, что я почитаю за честь, мною совершенно не заслуженную, быть одной крови с Богоматерью и апостолами Петром и Павлом, и Иоанном Богословом, — уже одно то, что все эти «первоверховные» христиане сами были евреи, — делает не только кровный, но и любой церковный антисемитизм, то есть распространение в любом случае — своего отрицательного опыта общения с евреями на все «*жидовское племя*», — делает его богохульным кощунством.

Да, нету во мне никакого антисемитизма, а есть простое желание честно видеть предмет с обеих сторон. Быть честным и объективным сначала по отношению к своему народу, а потом уже к другому. Вообще быть интеллектуально добросовестным, то есть признавать, что факт есть факт, даже когда он тебя или общность, к которой ты принадлежишь, не красит.

Никогда еще раскаяние не унижало — ни одного человека, ни целую нацию. Наоборот, заставляло уважать. Нам представляется правильным, что немцы по сей день каются за совершенное шестьдесят лет назад? Мне тоже. Некоторых из нас удовлетворяет принесенное Папой от лица Римской Церкви покаяние? Меня тоже.

Вот и сами так поступим, в свою меру прегрешений, конечно, пусть в малую, это за товарищем Гитлером и господином барином Сталиным — кто угонится. Или со всех спрашивать за давние дела — или ни с кого. Таково мое скромное мнение. Либо все перечеркнуть и выбросить на свалку истории — либо вспомнить все.

Таково мое нижайшее мнение. И пусть мне кто-нибудь объяснит, в чем порочность такого мнения и почему после этого со мной стыдно за руку здороваться. Только уж будьте добры, объясните это так, чтобы меня проняло, то есть на языке все той же дурацкой «логики». Без того, чтобы называть Деву Марию — *родительницей мира*. Сделайте это, пожалуйста. Или покайтесь — в свою малую меру, отдайте себе просто отчет, что вы на что-то такое ерундовое в истории своего народа не обращаете внимания. А вы обратите, — чтобы не было игры в одни ворота.

Чтобы не все только Церковь обвинять — да еще в том, чего она во времена-то уж Второй мировой, по крайней мере, не совершала. Да еще приписывать эти обвинения католическому ксендзу, будь он четырежды евреем по крови, — тогда тем более должен понимать и тех, и других. Чтобы сказать: ребята, наше покаяние будет уже в том, чтобы сделать первый шаг — признать, что в этой семейной распре, невзирая на сравнительные цифры пострадавших, которые «в нашу пользу», — мы виноваты тоже, хотя бы уж потому, что мы эту распрю начали. И если мы себя за давностию лет — или потому, что до сих пор считаем, что Йешуа — враг, с которым надо бороться любыми без лимита способами, — если мы себя в обоих случаях прощаем, если мы современные гуманисты, — то простим и христиан. Зачтем взаимно все старые обиды друг другу.

А если им не прощаем, — то не простим и себе. Все-таки массовые анонимные доносы... Мне это не то чтобы очень. А вам?

Мухи отдельно, котлеты отдельно. Память о Холокосте — это память о Холокосте. А обвинение Церкви в участии во всех «холокостах», особенно в последнем и самом страшном — это совсем по-другому называется: это не память, а ложная память. А собственное этому название — диффамация. Клевета. Почему-то обретшая репутацию аксиомы.

...Если, конечно, не заниматься одним-единственным продуктивным делом — подсчитывать число великих евреев, что так же умно, как русскому, чего бы он ни набедокурил, оправдываться всегда одним: «Я

принадлежу к нации Толстого и Достоевского». Помилуйте, но чем же виноваты Толстой и Достоевский, что этот человек, как и они, принадлежит к русской нации?

Признаем за собой хоть небольшую неправду. Безо всяких оргвыводов.

И тогда быстро придем к выводу, что у людей все как у людей, а Церковь не как «*мистическое тело Христово*», не как Небесная «*Невеста Христова*», а как земное сообщество едино-верующих (как вам известно, понятие «Церковь» объемно-двупланово) — состоит из земных же, падших, хоть — и это уже радикальное «кое-что» — и взыскующих искупления грехов и спасения людей. А у людей, если кого триста лет бьют беззащитного, так тот, в случае, если станет вдруг сильным, даже если он и «хороший», он не забудет, кто его бил так долго и так больно — и напомнит былому обидчику, кто есть кто. Так оно все началось, так и продолжилось. Как аукнется — так откликнется. Да, плохо это. Но разве по-другому бывает в обществе грешных людей? Разве кто-нибудь, не судя другого, считает неправым себя?

Бывает. Редко, но бывает.

Когда и где?

Да — в Церкви же. Хотя бы в католической, не моей. Чужой. Хотя бы «*после Освенцима*». Хотя бы при Иоанне Павле Великом.

17. Како веруеши?

Мне очень важно как-то выговорить, как-то обозначить одну вещь... Страшно молвить, поэтому очень прошу простить меня, если неточно выражусь. Мне бы только обозначить — как говорил хороший художник 60–70-х Виктор Попков спьяну другому художнику: «*Ты не слова — ты мою душу слушай!*» Хотя так бы сказал и Даниэль. Что, если уподоблюсь раз в сто лет и ему? Надеюсь, в отличие от него, не вовсе бессмысленно.

Так вот. Мы приняли православие — и с ним веру в неискаженность апостольского предания у нас, в Восточной, Греко-Российской Церкви. И это привело нас к убеждению, что их дело, христиан первого-второго поколения, было — веру принять. А наше — ее не исказить. Это так. Но принять веру — это еще и правильно сформулировать ее (см. выше). Что было сделано уже Отцами Вселенских соборов. А это еще несколько столетий. А наше — опять только принять и не исказить? Да. Но — не может быть такого, чтобы Господь упрощал задачу какому-то из христианских поколений. И не может быть такого, чтобы наша задача была менее сложна, чем «в начале». Первым векам — свое. Но и последним — свое. И нам задано — понимать, а значит, доформулировать, а значит, договорить то, что не было договорено Отцами. И у нас сегодняшних есть, или будут к таковым причислены, Отцы (думаю, что, например, владыка Антоний Сурожский будет одним из них), договорившие, уточнившие то, чего не договорили великие каппадокийцы, «халкидонцы» и другие великие. Уточнившие первопроходцев, не искажая их смысла, но продумывая его еще дальше, еще детальнее, еще тоньше.

Наша сегодняшняя душа — не просто так... не то чтобы тоньше или шире, или диалектичнее, нежели душа христианина эпохи бл. Августина или Василия Великого, но... Она — *другая*. Она в каком-то смысле объемлет более. Ей доступен принцип дополнительности и теория относительности применительно не только к физике и даже не только к метафизике, но — к жизненной, даже житейской оценке происходящего, человека в происходящем, веры человека, себестоимости его неверия и сомнения. И это не от лукавого. Это не без того, чтобы от Бога. Понимаете, что хочу сказать...

Это не пустяки. Человек изменился с приходом Христа. Религия личности сменила религии народов, включая даже монотеизм. Мировое единобожие евреев в каком-то смысле было и остается этнической религией, религией выживания и сохранения народа, и только с приходом Христа речь идет об *универсальной вере в личное спасение всех и каждого.*

Эта длительность изменения человека очень важна, раз она налицо. Ее за пояс не заткнешь. А потому наш век столь же ответствен не только за дело, но и за слово истины, как IV или V века. Последним не меньшая задана задача понимания, чем первым. Не только хранить, но — хранить творчески. Да. Ну и все такое... Если понятно выражаюсь. Не изменяя догматам, «рыть вглубь» догматов. Еще раз прошу покорнейше простить...

«*Отступления бывают порой скучны даже у Стерна*», — как-то вот так, помнится, сказал человек, соткавший затем гениальный роман в стихах процентов на 70 из отступлений.

Но это только он один и мог, ну, еще Стерн. По мне, так и его отступления не скучны. Но мне со Стерном не равняться, не говоря уж о... Опять одернем себя и усадим за прямую тему.

Итак, Даниэль хочет вернуться. Но куда и к кому все-таки?

Так ведь — ни к кому и никуда. Вот какая штука.

Вернется ли Даниэль Штайн, а за ним на марше, так сказать, «*когда святые маршируют*», и вся его община, если даже она вдесятеро увеличится, во сто раз, — и один человек для Бога — бесконечен, и миллион человек для человечества, это для пяти миллиардов 0,005%, — вернутся ли они к апостолу Павлу, чтобы стать частью единой вселенской, кафолической, мировой Церкви; или к до-Павловой первохристианской, «иудеохристианской» общине апостола и первого епископа Иакова, брата Господня; или еще раньше — к событию, положившему начало открытого, зримого явления Церкви пред всеми и распространению Евангелия чрез апостольскую проповедь: дню Пятидесятницы, схождения Св. Духа на апостолов зримо, в виде языков пламени, по одному над головой каждого из них (с чего и начинаются «Деяния апостолов»); или еще раньше, уж раньше некуда — ко времени земной жизни Иисуса и Его Воскресения на земле пред лицом Его учеников, — словом, в какие бы ранние, но христианкие времена, от самого Рождества Господа нашего Иисуса, от первого дня нашей эры, Anno Domini, — в какие бы времена

ни «вернулся» бы Даниэль со своим приходом, — ни его, ни всю его рать Тот и те, с кем из них Штайн и его чада захотят наконец воссоединиться, — не посчитают «своими» и не примут в свою Церковь.

Без исключения — никто.

Начиная с Самого Христа, говорящего апостолам: «*Идите и крестите все народы во имя Отца, Сына и Святого Духа*» (Мф 28:19).

Продолжая апостолами, от лица которых апостол Петр говорит Ему: «*Ты — Христос, Сын Бога Живого*» (Мф16:16), — здесь, по всему совокупному смыслу Евангелий, апостолами исповедуется вера во Христа именно как в Бога, доказательств чему по тексту не счесть, но, чтобы не удлинять и без того длинное, откроем и возьмем первое попавшееся... Вот, короткое: когда один из двенадцати, апостол Фома, убеждается окончательно, что перед ним — умерший на его глазах и вот теперь, на его глазах же, — живой, воскресший Учитель, он говорит Ему, склоняясь: «*Господь мой и Бог мой!*» (Ин 20:28), удваивая смысл своих слов, т.к. в эти времена слово «Господь» применялось уже почти безысключительно к Богу (как гласит, во всяком случае, все тот же полный католический Катехизис, и у нас нет оснований ему не доверять, а католическому священнику, в чьи обязанности входит и катехизация — «оглашение», и вовсе обязательно эту книгу знать); и заметим, ни один из бывших с Фомой «здесь и сейчас» (или «там и тогда») остальных апостолов, не возражает: «Нет, не Бог, а *только* Господь», чем, «по умолчанию», со-гласно, «единомысленно» они присоединяются к вероисповеданию Фомы.

(Включая, разумеется, и тех троих, Петра, Иоанна и Иакова, кого взял с Собой Иисус на гору Фавор и преобразился пред ними, так, что они, узрев: «*лице Его засверкало как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет*» (Мф17:2) и услышав «*глас из облака глаголющий*» (Мф17:5), — уразумели, чего и не таким, как они, люди простого звания, уразуметь невозможно: что Учитель имеет не только земную, но и какую-то иную, не виданную никем природу, а значит, не только свят и праведен, не только даже «*Сын Бога Живого*», но Он есть еще больше, когда больше уж и некуда, еще дальше, невозможно помыслить, но Он есть не кто иной как только и только — Сам... Страшно сказать, но это Он и есть — и Он-то Сам явился на землю в небольшом человечьем теле — и выбрал явиться им, почему-то именно им — когда есть люди не им чета... И это невозможное, но происходящее прямо пред их очами, — устрашило всех троих так, что «*они пали на лица свои*» (Мф17:6), — и теперь могли только свидетельски подтвердить: Фома прав буквально, воскресший на их глазах и стоящий сейчас пред всеми ними их убитый и похороненный Учитель — не Мессия только, не Господь даже, а Сам прямой истинный Бог.)

Не посчитал бы Даниэля «своим» и апостол Павел, говорящий о Христе, что в нем «*обитает вся полнота Божества телесно*» (Колос 2:9) или — Он, Христос, «*не почитал хищением быть равным Богу*» (Фил 2:6).

Ни ученики апостолов, «мужи апостольские», такие, как свт. Игнатий Антиохийский и свт. Поликарп Смирнский.

Ни следующее за ними поколение, в частности, свт. Ириней Лионский и св. Иустин Философ (Мученик).

Ни гениальные *греки* IV века: свт. Афанасий Александрийский, один из главных деятелей Первого Вселенского собора, выработавшего четыре пятых ненавистного Даниэлю «Кредо», а затем «каппадокийцы» свтт. Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский, греки по всему и особенно по блестящей философской выучке и мышлению, столь не любимые Даниэлем, что к этим он и сам бы не примкнул (а зря, между прочим — приличные, ИМХО, были люди, во всех отношениях).

Ни великие западные Отцы, бл. Августин, св. Иероним Стридонский, свт. Амвросий Медиоланский св. Папа Григорий Великий...

И вот так до XIII века на Западе, до высокой схоластики, до гигантской, в чем бы мы, ортодоксы, ни были с ним не согласны, толком его не зная, по всем последствиям его учения гигантской фигуры св. Фомы Аквинского, давшего полный синтез, «Сумму теологии» на Западе; и до VIII века на Востоке, до св. Иоанна Дамаскина, подведшего в своем фундаментальном труде «Источник знания или точное изложение христианской веры» итоги целой эпохи греческой патристики: церковного восточно-христианского творчества.

(Это вовсе не значит, что после XIII века на Западе и VIII века на Востоке кто-то когда-то где-то принял бы к себе общину Даниэля вместе с ним самим. А значит обратное: после Фомы Аквината на Западе и Иоанна Дамаскина на Востоке образовывается столь полная, ясная и строгая «сумма богословия», что Данеэлевой идефикс-церкви ни там, ни тут просто «нечего ловить». Ей с ее нескладными даже не ересями, а ересийками — в свете достигнутого Церковью богословски-философски-практического синтеза просто «ничего не светит».)

Да, свт. Иоанн Дамаскин... Речь о той самой «*византийской составляющей*», которая, по меткому замечанию Даниэля, «*многое исказила*», — это он о не читанных им книгах (уж коли человек Евангелия толком не знает, станет ли он хотя бы перелистывать тома чужой, восточной патристики, — впрочем, западная патристика ему не менее чужда, ему любая последовательно развитая, непутаная мысль чужда): Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Симеона Нового Богослова... Да что называть, времени не хватит всех назвать, кого Даниэль и по именам-то, Бог весть, знает ли...

Да, *византийская Церковь исказила*. Но то, что она исказила, не имеет отношения к евреям-христианам, — а ты же именно это ей «шьешь»? Между тем этого-то как раз не было. «Шить»-то надо — если вообще надо «шить» — куда более общее, пусть и преходящее, но до сих пор не проходящее: то, что византийская, а за ней и, в частности, русская Церковь поддалась на долгий — и все же только временный — соблазн «симфонии» между светской царской властью и властью церковной, которая «*не от мира сего*», о каковом «цезарепапизме», в отличие от западного «папоцезаризма», кто только ни писал, и вполне справедливо (если моя немногознающая оценка вообще может почитаться таковой), из самих же ортодоксальных богословов.

Да, и у нас со времен Петра и Феофана Прокоповича, а то и раньше, было так — и, к сожалению, частенько так и теперь: церковные «авторитеты», окормляющие и курирующие «воцерковленных комиссаров», своих «наших» и свою «молодую гвардию», со знанием дела смешивающие, казалось, еще вчера, невозможный (но нам и невозможное — возможно) новый *коктейль Молотова* из «белого» Солженицына и красных шарфиков... Да, эта церковно-политическая смычка, эта новая «симфония», этот разгул постмодерна, игровая духовная культура всерьез — впечатляют...

Ну и пусть себе будут. «*Неправедный пусть еще делает неправду*» (Откр 22:11). Пусть себе делает, говорит и делает неправду беззаконник в церковном «законе», человек Церкви, почти-почти-совсем-искренний (но видно-то и слышно со стороны — до самого-самого «совсем»!) апологет любви Церковной с помощью нецерковной ненависти... Все равно — все эти ребята (простите-извините, я «по человечеству», а не то, чтоб «дерзать против сана»), чьи имена на слуху, все наши пресловутые «ревнители» церковного благочестия до полной смычки с «обновленной» Чекою — за свои грехи и ответят. И они, и мы.

Не ими, hoffentlich («*надеятельно*», как мне нравится это, к сожалению, непереводимое грамматически немецкое слово), жива Церковь. И она есть. Она жива. И врата ада не одолеют ее.

При всех своих «искажениях» — *основы своего учения* византийская Церковь не исказила — напротив, именно в эти «симфонические годы» — ценой кровавого исповедничества Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина, и многих других — продумала их до полного — вневременного — совершенства.

И вот поэтому Церковь остается Церковью, живой во святых. Грехи представителей земной, зримой, «воинствующей» Церкви омываются святостью незримой Церкви Небесной, «торжествующей», — пока остаются в силе основные вероучительные истины-догматы, пока есть преемственность благодати, пока... Ну что, тебе учебник написать? Я не специалист. Возьми дореволюционный восьмитомник «История Греческой Церкви» прот. Лебедева. А вообще-то — это ты должен других просвещать, а не я, овечка-хуторянка, хорошо если еще, по грехам моим, пасусь внутри церковной ограды...

Церковь — это еще и, так скажем, Божий Дом синэргетического Божия и человеческого со-творчества — интеллектуального, душевного и духовного, и в том числе, первым номером — творчества вероучительного, то есть догматического, от которого христианский священник Штайн, ненавидящий догматизм и не могущий — до того противно — читать Символ Веры, бежит, как черт от ладана.

И так дальше, выше ли, ниже ли творческий потенциал Церкви в том или ином времени, но Благодать Христова — одна и та же во времена гонений, равно как и во времена «процветания», равно как и в любое другое время. Благодать Христова сохраняется неубывающей, потому, что «*не мерою дает Господь*», потому, что Он любит нас, а значит, не оставит

нас без Себя и Своей благодатной силы; Благодать Его с нами вплоть до сегодняшнего дня.

Так, от Христа к апостолам, от апостолов к епископам, от епископов к следующим епископам, первосвященникам — непрерывная двухтысячелетняя преемственность, традиция, буквально с латинского «пере-дача», а по-нашему Пре-дание, от одного к другому при возложении рук — двухтысячелетняя цепь, «благодать на благодать», где не пропущено ни одно звено, нет ни одного разрыва... И тем более такого разрыва, куда можно бы вставить Даниэля Штайна и его общину.

Потому что — по всей цепи, по каждому ее звену раздается одно и то же утверждение всего, отрицаемого Даниэлем: *Веруем во Отца и Сына и Святого Духа. Единомысленно исповедаем Троицу живоначальную и нераздельную. Веруем также в полноту божественной природы Иисуса Христа, Бога Логоса, Бога Сына, по человеческой Своей природе родившегося от Девы Марии...*

И не важно, что во времена первоначальной общины (тут Даниэль прав, только мучает это его напрасно, при такой-то занятости лучше не изводить себя вопросами, смысла которых не понимаешь) не было развито, понятийно сформулировано учение о Св. Троице и полноте двух природ в Иисусе Христе.

Потому что каждое время дает Церкви свои задачи, решать которые надо сегодня, а не завтра и не вчера. И у Церкви времен апостола Иакова была задача духовного земного строительства Церкви, в самой жизни своей во Христе хранящей истину Учителя и передающей ее дальше в живом Пре-дании о Нем. Да, они не разрабатывали стройное учение о Нем, теоретическое обоснование своей веры. Они во Христе — жили, во времена гонений, травли и страшной смерти только за то, что ты живешь во Христе, вот и прекрасно — вот и умри за Него. Им было «не до того». Они не разрабатывали догматы, и их первый (но вовсе не первый и последний, как фактически утверждает Даниэль) Символ Веры «*Дай кровь и прими Дух*», — и был столп и утверждение истины. Они утверждали своею кровью *ту же, и никакую иную истину*, которую потом, как ее ни интерпретируй, утверждали в развернутом виде — ученым словом или опытом многодесятилетней полной аскезы.

Да, догмат о Троичности Единого Бога, не сформулированный в первоначальной Церкви, а — лишь последующими поколениями, тем не менее — плоть от плоти тех, кто дал кровь и принял Дух — за себя и за нас.

Эти самые, вот эти, кого Даниэль называет (или обзывает) греками, включая сюда и латинян, и египетских пустынников, и сирийских мистиков, и прочих представителей «ойкумены» Первого Рима и второго Рима — Византии. «*Греки*» не оторвались от «*простой и прямой*» апостольской веры, как, по всему, полагает наш герой. «*Греки*» просто понятийно раскрыли и объяснили так, чтобы любой христианин, наученный «*греками*», если его спросить, мог внятно, сказуемо объяснить, *како он верует*, то есть в Кого и на каком основании. «*Греки*» просто (хотя это

очень даже непросто) безупречно философски и логически — эксплицировали то, что имплицитно несомненно содержалось, безусловно подразумевалось в Писании, а равно и в Предании первого и второго поколения христиан.

18. Vade retro

Но что мы все о «греках» да о «греках»? Им довольно воздали дани. Поговорим-ка с братушкой Даниэлем о второй «составляющей» его мороки, — составляющей позитивной, как он думает, — о еврейской первоначальной вере во Христа, которую Штайн считает простой и бесхитростной. А это — еще большой вопрос.

Была ли еврейско-христианская вера первоначально проста и простодушна? Да в том-то и дело, что — никак не проще «греческой». Трудно объяснить, почему Штайн, рассуждающий о еврее Филоне Александрийском, это отрицает и на каком основании игнорирует. Должно, просто так хочется видеть — и все. И он носится как с писаной торбой со своей идеей «*первоначальной Церкви*» — не той действительной первообщины еп. Иакова, а *своей* «первоначальной Церкви», совершенно зачарованный этим видением, так что и не может увидеть, что его идея — идефикс.

Ведь что такое, по его представлениям, истинная первоначальная, «апостольская Церковь»? Это община прежде всего такая, где не «мудрствуют», а просто — берут свой крест и несут. Выбирают вот так себе по плечу — и вперед, с полной выкладкой и не стонать, лева-ай! Это и только это — есть, в отличие от церковного, его личное «кредо».

Ни один христианин не станет отрицать слов Христа: «*Возьми крест свой и следуй за Мною*». Но к этому Благая Весть, вся целиком, — не сводится. Кроме того, повторяю, прежде чем брать на себя нечто вполне тяжелое, хотелось бы знать, елико возможно точно, в честь чего или Кого ты это на себя берешь — и согласиться или отказаться. То есть, христианство — это не просто несение некоего креста, а — осмысленное несение именно такого, а не иного креста.

Еще раз: была ли первоначальная Церковь на самом деле «*простой*», где простые и потому глубоко верующие люди не мудрствуют и потому сохраняют истину Христову? Да, Христос говорил, что те, кто не будет веровать, как дети, тем Царствия Небесного не видать. Но, когда двадцать с лишним лет читаешь ежегодно Великим Постом целиком все четыре Евангелия, трудно не заметить: Он многое говорил то так, а то ровно наоборот. Если уж земной гений — *друг парадоксов*, то можно только представить себе степень парадоксальности утверждений Сына Божия — Сына Человеческого.

Комментировать и интерпретировать Его высказывания можно только в их совокупности — и антиномичности. А то и в бесконечной перспективе сходящихся параллельных. Причем возможности интерпретации, заданные Им, всегда превосходят наши способности. Но интерпре-

тационные срезы бесконечной перспективы — это наша копилка, из которой — черпать и черпать.

Один из таких срезов — «добавление», комментарий апостола Павла к Христову «*аще кто не уверует как дети, не внидет в Царство Небесное*». Вот: «*Братия! Не будьте дети умом; на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни*» (1 Кор 4:20). То есть: будьте как дети незлобивы и отходчивы, а вовсе не детски интеллектуально развиты. Он же: «*Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые*» (Ефес 5:15). Его же: «*Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия*» (Ефес 5:17).

А вот и то, о чем говорено, — парадоксальность слов Самого Христа. Что по отношению к Его же «*аще кто не уверует как дети, не внидет в Царство Небесное*», — что тогда значит: «*Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*» (Мф 10:16)? Дети ли, хоть они и «*просты, как голуби*», — дети ли «*мудры, как змии*»?

Но как тогда это понять? А как умеем. Может быть, как голос во сне Пьера Безухова: «*Понять нельзя — а сопрягать надо*». Вот и попробуем сопрячь противоположности, в диалектическом единстве и борьбе которых, до всякого Гегеля, а тем более Маркса, — не теоретический, а живой Христос.

Снова и снова: было ли христианство хоть когда-нибудь — «*простым*»? В смысле — учением для простецов, «*опиумом для народа*»?

Нет. Безусловно, нет.

Начиная с Евангелий — и особенно с Евангелия от Иоанна — нам приходится, если мы читаем внимательно, иметь дело с высказываниями парадоксальными, часто противоречивыми, как кажется; с притчами, точный смысл которых не всегда разгадываем сразу; с некоторыми высказываниями, по сей день задающими загадку, которую не разгадать до конца, как ни разгадывай.

Потому что это вообще не загадка, а — тайна. А, как справедливо заметил некогда по другому поводу Андрей Битов, загадка — это, что можно и нужно разгадать, а тайна — это то, чего разгадать по определению нельзя, на то она и тайна. А Христос — это Тайна Тайн.

Приход Христа на землю совершался в атмосфере пламенных, крайне напряженных мессианских ожиданий. Фактически современная евангельским событиям Кумранская секта ессеев, мало нам знакомая, в найденных немногих рукописях Мертвого моря оставила тексты совсем не простые и местами удивительно схожие с мистическим четвертым Евангелием от Иоанна. Есть и другие пара-христианские тексты того времени, которые и «*грекам*» надо еще потрудиться, чтобы понятийно-доступно истолковать.

Само же по себе Евангелие от Иоанна, авторитетность которого Даниэль, кажется, не отрицает, кто бы ни написал его 21-ю главу, — да кто бы ни написал все это Евангелие, крайне сложно именно философо-мистически, с первой же фразы: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*» (Ин 1:1). Если не забывать, что «*Слово*» — по-

гречески «Логос», что, как общеизвестно, значит еще «разум», «закон» и «счет» (опять чисто еврейская греческая штучка), — то перед нами — сверх-«греческая» премудро-мудреная фраза. Но вот что характерно: именно это необычайно усложненное мистическое Евангелие современная библеистика находит наиболее еврейским, а вовсе не «греческим» по духу. Оно, с какого места ни читай, хотя бы в огромной сцене Тайной вечери, — оно-то, Евангелие от Иоанна, премудро и загадочно, опять-таки, ничуть не менее любого текста «*греков*».

Что там говорить, когда Аполлон Григорьев, человек куда менее образованный, нежели брат Даниэль (который, как известно, способен перевести все, что угодно, с греческого на иврит и обратно), пишет: «*Самое главное — примириться с проклятым Евангелием от Иоанна*». Покойный был запойным, что, однако же, не помешало ему отметить принципиальную разницу между Иоанном и синоптиками, и разницу именно в смысле мистической не-простоты, сильно затрудняющей «простую» бездумную веру; почему эта разница и названа им «*проклятой*»... И эта-то непростота — как раз вовсе не греческая, а еврейская непростота и есть.

А уж многочисленные послания апостола Павла, которого никто еще, даже сам Даниэль, не называл лжеучителем, — послания апостола Павла, пусть Даниэль откроет хоть «Послание к Римлянам», или оба «Послания к Коринфянам», или «К Галатам», — это совершенно виртуозная диалектика рассуждения, долгий-предолгий дискурс, который так и завивается кольцами, так и извивается бесконечной змейкой, — а все не заплетется в неразвязываемый узел, подобный тому, который представляют из себя «рассуждения» Штайна. Павел, — как сказал бы мой сын, фанат футбола, притом влюбленный в логику рассуждений апостола Павла, — один проводит свой мяч через все богословское футбольное поле, мастерским богословским дриблингом обводя одного за другим 10 игроков противника — и забивает свой гол в ворота, охраняемые первоклассным вратарем.

Да и не могла вообще первоначальная «иудеохристианская» община, живя в столичном, но небольшом городе Иерусалиме и посещая, как и остальные иудеи, Храм, — как бы сепаратно она ни жила, ни молилась, — не могла совсем уж не включаться в те бесконечные споры, которые велись между иудеями-ортодоксами во главе с Шаммаем и иудеями-реформаторами во главе со знаменитым книжником Гиллелем.

Не могла, потому что Сам их Учитель был реформатором иудаизма, самым главным и радикальным религиозным реформатором из всех — не только в истории иудаизма, но и во всей человеческой истории; однако же, утверждая, что «*ни одна йота от Закона не прейдет*», что «*не нарушить*» Он пришел Закон, «*но исполнить*» (тут мы с Даниэлем — заединщики, до тех пор, пока Штайн не утверждает в своей безапелляционной манере, что Иешуа не говорил ничего нового, такого, что ни говорили бы по существу Моисей и пророки: ни Моисей, ни пророки не говорили хотя бы, что «*не человек для субботы, а суббота для челове-*

ка», или что врага надо возлюбить, а не отмщать ему строго по справедливости — и многое-премногое другое).

Думаю, иерусалимская атмосфера богословского спора, всеобщего учительства и ученичества по накалу и «охвату населения» может быть сравнена в своей сфере только с Константинополем IV века, а в другой, художественной сфере — только с городской атмосферой Флоренции XV века, когда в городе, кажется, вообще не было никого, кроме художников, поэтов и философов-неоплатоников. И в такой обстановке оставаться простецом — это надо было быть совсем уже «Богом обиженным»...

Неслучайно апостол Павел, будучи еще фарисеем Савлом, был учеником именитого книжника рабби Гамалиила; поэтому, если даже считать двенадцать апостолов людьми совсем простыми и малограмотными (что, с точки зрения современных библеистов, весьма сомнительно. Во-первых, не все они рыбаки. Вот хоть мытарь Матфей. Сборщики налогов редко бывают малограмотными и уж совсем не бывают простецами. Во-вторых, и рыбаки не все малограмотны, а эти, судя по всему, далеко не самые простые и бедные рыбаки. Современная библеистика склоняется к тому, что перед нами — своего рода полусельский-полугородской, но «миддл класс», со всеми поправками времени и места, разумеется — но во всяком случае, это не самая простая и совершенно не обязательно малограмотная публика. Следует поэтому думать, что, постоянно дыша самим этим горячим воздухом интеллектуального спора и эмоционального напряжения, от которых просто некуда было деться (а тем более побродив года три, что-то такое более 1000 дней день за днем, — и все это долгое время ежедневно слушая Учителя, совсем не такого уж простецкого, что ни говори, равви из захудалого Ноцри-Назарета), ученики своего Учителя, вероятно, более, чем вероятно, — безусловно! — стали и впрямь *«мудры, как змии»*.

Недаром в «Деяниях апостолов» бывший рыбак Симон Петр уверенно — не в Галилее, а в самом ученом Иерусалиме (конечно, при содействии Св. Духа, но и не без своего духовно-интеллектуального «багажа» — в христианстве, как и в иудаизме, всякая «богодухновеность» понимается не как человеческая пассивность, используемая Богом как слепой инструмент в Своих целях, а как активное, сознательное синергетическое сотрудничество Бога и человека) — ведет проповедь-разговор о Христе перед, надо думать, в числе прочих и весьма богословски компетентными людьми.

Так что не моги и думать, брат Даниэль, что первообщинники епископа Иакова и он сам — это такие простые славные парни, что только знай строгают себе кресты по плечу, а потом берут да и несут их — и все путем, и все о'кей. Брось это дело, брат, пустое это все; почитай-ка лучше «Послание к Евреям», пусть оно, как полагают люди сведущие, не принадлежит самому Павлу, — смысл его от этого не становится менее глубоким, рассуждения — менее первоистинно-христианскими. Ты, правда, посмотри его — может, и согласишься, что слова мои не

голословны: именуя там постоянно Христа Богом, он, говоря «Господь», безусловно, подразумевает: «Бог», а то так прямо и говорит.

А ты все — греки да греки. Дескать, сынку, помогли ли тебе твои греки... Нет, брат, евреи, если ты еще этого не заметил, и сами не дураки диалектически порассуждать. Не все же притчи и мидраши.

...Да, а кстати, между прочим: думать что взять свой крест и нести до конца — это вполне ясно и без «*высокомудрой болтовни*», — так думать приходится тоже не совсем.

Взять хоть тебя. Греки помогли всем христианским душам осознать и уяснить данное евреям, но не только для самих евреев, а для всех жителей земли — Откровение. То есть сделали бесконечно сложное достаточно простым — не для познания, конечно, но для правильного пользования — во спасение. А именно — они объяснили всему остальному миру, кто Христос есть и кто не есть Христос, что бы последний о себе ни говорил. Это ведь не грек, а еврей Иоанн наставляет учеников: различайте духов, ибо не всякое духовное явление от Господа. Бывает, что и сатана принимает облик ангела света...

И, отправляясь, так скажем, на склад столь любимых тобою крестов, чтобы выбрать свой, по плечу, мы идем именно на Христов склад. А рядом — другой склад, но мы его обходим стороной. А ведь там тоже лежат вроде бы кресты, но они какие-то... не совсем, чтобы того... Христовы. И даже, может быть, и не кресты, а, допустим, похожие на крест свастики, или еще что-то такое, типа того, руническое, что ли.

А почему мы знаем, — что брать, а от чего отмахнуться? А потому, что это нам, допустим, выученные в семинариях или католических колледжах (где, возможно, самого Фому Аквинского и не открывали, как и мы с тобой, но суть его учения на лекциях в принципе усвоили, иначе быть не может в католической семинарии, поскольку оное учение есть незыблемый фундамент католического миро-воззрения; больше того, если есть на христианском свете какое не теолого- только, а именно мировоззрение в развернутом, всеобъемлющем виде — уж истинно оно вполне или не вполне, — то это учение Фомы и есть) священники и объяснили. В соответствии с учением Церкви. Поэтому мы и различаем, свой крест, то есть Христов, мы берем — или чужой, да и не крест. И так можем до самой смерти дожить, тяня, но не ломаясь от надрыва, как бурлаки на Волге. Потому только и песнопения наши стоном не зовутся.

А вот ты, не слушая Церковь, несешь крест, какой взял. И что мы имеем? Ты действительно тянешь тяжелую ношу, но не свою. Не твой, по всему, это крест, а чужой. Потому что это крест священника, а ты — никакой не священник, поэтому тебе это и непосильно, потому и не крест он тебе, а лямка. Пока ты, радостный добрый человек, делаешь вид, что и лямку радостно тянешь, — так тебе на самом деле, как и видим в романе, муторно и хмарно на душе, болящей от мучительных «раздумий». Хочешь, чтобы тебе стало хорошо? Чтобы ты чувствовал себя постоянно в своей тарелке? Прекрати раздумья и соответственно уйди

из священников, которые у вас, католиков, на раздумья обречены. Но и к нам, православным, не ходи: от раздумий тебя быстро избавят, а накажут за другое — за многочисленные искажения самой буквы веры, так что не успеешь понять и ее духа.

Тебе вообще не этим, ИМХО, надо заниматься. Твоя сила, как у Портоса была сила «*не в голове, а в руках и плечах*», твоя сила — в драгоценной еврейской жилистости без признаков бицепсов-трицепсов, и если бы ты правильно себя понял и занялся действительно своим делом, — тогда цены бы тебе не было, да и раздумья возникли бы простые, но действительно раздумья, толковые и дельные.

19. Об изобретателях велосипедов

Я снова на некоторое время становлюсь прокурором-адвокатом, но не светским, как вначале, а — посильно — церковным. Да, господа присяжные заседатели, я берусь утверждать, что Даниэль Штайн — не священник, не католической и не Церкви.

Берусь так же горячо, как и он говорит свое. Только я, в отличие от него, попытаюсь свое утверждение — обосновать.

Для этого хоть отчасти бывалому в храме человеку не надо и в двенадцать томов Иоанна Златоуста заглядывать. Достаточно посмотреть, как в любом деле, на даниэлеву богослужебную *практику*. То есть — как он совершает богослужение. А в нашем, совершенно из ряда вон выходящем, как вы сейчас убедитесь, случае — еще и *какую* он совершает службу. Речь идет ни много ни мало о главной церковной службе — литургии (мессе).

Все в этой книге удивительно, но самое удивительное в ней — тройное сальто-мортале невероятицы, этот единственный в своем роде текст. Мне во всяком случае, ничего подобного, даже приближающего к этому по степени... — как бы это точнее?.. по степени веры в Бога без веры в Бога, или еще так: по степени вдохновенной безблагодатности, или... — словом, ничего более удивительного по степени несовместимости с собой же — мне читать и слыхать не доводилось. Как вырвалось у довлатовской дамы, впервые угодившей в Нью-Йорк: «*Я знала, что в Америке говорят по-английски, но чтобы — до такой степени!*»

Начнем. Текст мессы, литургии, повторяю снова и снова, составлен единолично самим Даниэлем, что не только в Православии, но и у католиков — никак не возможно. В католической Церкви, в отличие от православной, возможно изменение принятой мессы, но это явление не ежедневное, и даже не ежегодное. Это серьезнейший прецедент, и текст мессы не составляется одним священнослужителем только для своего прихода и только по собственному хотению. Он составляется комиссией из уполномоченных компетентных церковных деятелей; причем комиссия эта назначается только Папой. Только им и может быть подтверждена, по окончании работы комиссии — как принятая к «пользованию»-служению от такого-то дня-месяца-года — новая месса. Да и со-

ставление ее заключается в обработке текстов, уже наличествующих в мессе старой, в смысле не изменения их, а только в перекомпоновке, в удалении каких-то текстов и введении других, но тоже — не сочиненных от себя, а — опять-таки текстов Св. Писания и святых Отцов.

Между тем Даниэль не только свою литургию спроста составляет единолично, но и отсебятины там, наряду с текстами Св. Писания, — более чем достаточно. И какой отсебятины (возьму вот и поставлю восклицательный знак)!.. Ну, тут уже я не могу: приводить сравнение текста общекатолической мессы и мессы даниэлевой — это нас отвлечет еще на полгода, но уж поверьте (а хотите — проверьте) — по всем правилам и по смыслу этих церковных правил священник, сотворивший все это комплексное нечестивое действо, просто должен быть не то что немедленно запрещен в служении, а — анафематствован, отлучен от Церкви, коль скоро уж он сам так вызывающе откровенно перечеркивает всю традицию понимания и служения литургии, а попросту — чихал он на все, что есть Церковь, со своей невысокой колокольни.

И что же? Несравненный, бес-подобный этот текст послушно повторяется за ним всей его общиной (то есть ни один его прихожанин не задает «по тексту» ни одного вопроса — то ли никем никогда прежде Даниэля не был «оглашен» — «катехизирован», то ли вообще в Священное Писание не заглядывал).

А между тем... не говоря уж о том, что там ни разу не поминается Дева Мария, — эти ханжеские предрассудки ученый Даниэль отвергает категорически, как мы уже проходили, — но... не может же этого... нет, все-таки — да. Да, может. И так оно и есть. Это же обалдеть, но это так!

Да, читатель, снова невозможное возможно, а тогда, разумеется, дорога дальняя в какую угодно сторону — «лех-ка».

Да, в том самом месте богослужения, где и у католиков, и у православных находится самое главное в самой главной службе — евхаристический канон, там, да-да, в том самом месте, где у католиков перед установительными словами Христа, а у нас после них, после великого и страшного: «*Берите, ядите, сие есть тело Мое, Нового Завета...*» и так далее, — нет совершенно обязательной части «анафоры» — «эпиклесиса» (и у нас, и у католиков принято это греческое слово, но в православно-русском обиходе чаще говорится: «*тайные молитвы*» священника (хотя они могут быть и явными, в том смысле, что священник читает их в алтаре не при закрытых, что бывает чаще, а при открытых Царских Вратах, мы видим молящегося священника и вместе с ним молимся)).

«*Анафора*», согласно все тому же Полному Катехизису, да согласно и православному пониманию, есть «*сердце и вершина богослужения*» (не поленюсь, слишком важно — Катехизис, стр. 327), и помянутая часть ее — эпиклеза — есть неотъемлемая ее, крайне важная часть.

Название это, идущее, заметим, от греков-ортодоксов, принято, по крайней мере, со Второго Ватикана 1962–1965 годов (это значит, признали восточную ортодоксальную мысль правильной и ввели даже греческое название). Ранее же, в разные времена и в разных диоцезах,

эпиклеза могла таковой не называться, а называлась «*молитвой предложения*», или «*призывательной молитвой*», где «префацио» не вычленено из эпиклезы. Но сама эта «усиленная молитва», само это призывание существовало издавна и непрерывно со времен очень отдаленных в качестве «призывательной молитвы» — пусть не Св. Духу, как сейчас и у нас, и у них, а — Богу Отцу, дабы Он преложил Св. дары, то есть превратил хлеб и вино в плоть и кровь Христову, Бога Сына, силою посланного Отцом Св. Духа (то есть по существу — это призывательная молитва Св. Троице), чтобы те, кто участвует в литургии, стали, причастившись, единым телом и духом Иисуса Христа, — само это призывание и является едва ли не главнейшим, во всяком случае совершенно неотменимым, настолько, что без него нет литургии (см. опять же «Катехизис»). Молитва Предложения (она же — Молитва о Жертве), то есть усиленная молитва о претворении хлеба и вина в плоть и кровь Господню — сердцевина литургической службы.

Этого-то «эпиклесиса», как бы он ни назывался, совершается ли он, повторительно, как у православных, после «установительных слов» Христа: «*Берите, ядите, сие есть Тело Мое...*» — и т.д., или перед «установительными словами», как у католиков, — этой точки, от которой исходят вовне все концентрические круги главной части литургии, этого-то сердца всей службы — в даниэлевой «литургии» и нет.

Момент пресуществления даров был веками предметом спора между восточной и западной Церквами, причем католики делали ударение на «установительных словах», а православные — на призывание Св. Духа в эпиклезе. Примечательно, что Второй Ватикан, воскрешая древнюю форму анафоры, ввел в текст католической литургии эпиклезу в явной и обязательной форме, хоть и, в отличие от православных, как уже говорилось, — *перед* установительными словами. Современные богословы Востока и Запада выражают мнение, что анафору следует воспринимать в ее молитвенной целостности. Стало быть, если Св. Троица в анафоре «по Штайну», сочинившему свою «литургию» уже много после Второго Ватикана, не призывается (а Она-таки не призывается, да Штайн и вообще, как известно, в Троицу не верит), то он — еретик. А в силу того, что он, никого не спросясь и не ставя церковные власти в известность, составляет с в о ю и только свою литургию, принципиально отличающуюся от общецерковной, он — к тому ж и раскольник, ***«схизматик»***[8].

И вот что не выходит у меня из головы: этот друг, вменивший святая святых Церкви ни во что и заменивший ее своей маловысокохудожественной самодеятельностью, имеет смелость винить Церковь «*во всех последующих схизмах и разделениях*» и доискиваться, куда это подевались «*кафоличность и соборность*» (что на самом деле тавтология —

[8] Для тех, кто, подобно одной ученой даме, возражает на это, что у католиков эпиклезы не было и нет и сейчас, — см. приложение 1; для тех, кто говорит, что ее, как бы она ни называлась, до Второго Ватикана у католиков е не было, — см. приложение 2.

«кафо-личность» («вселенскость») это и есть «соборность». Это синонимы)... Какую песню спеть этому безумству храбрых?!

И после всего этого... ну, так скажем, баловства — он продолжает беззаветно и немногодумно считать себя «настоящим» священником, а свою (или бывшую свою, коль уж скоро он лихо перечеркнул ее основные догматы чернильным карандашом) католическую Церковь обвиняет без зазрения совести *в схизмах и разделениях*... Это надо — не «уметь», а — «иметь». В душе. Не всякий «это»: стабильно-беззаветно-чистую совесть, чего бы ты ни натворил или ни наговорил, — имеет.

Ясное дело, для русского уха в этом «*раскольник*» звучит что-то завет-но-удалое. От раскольников в лесах и на горах, в Мещерах и пещерах — до Родиона Раскольникова в романе и Федора Раскольникова в жизни. А между тем чему не учит Церковь — так это удальству за счет смысла и истины, которая заключается в мире и любви — ибо «*Бог есть любовь*», — а потому блаженны вовсе не удальцы, а «*миротворцы, ибо они сынами Божьими нарекутся*».

«Опять вы со своими анафорами и эпифорами. Вы нам просто скажите, по-русски!»

Пожалуйста, говорю. По заказу.

Эпиклеза — это вот что. Это, — перелагая на прямой язык души, — это когда мы все-все вместе со священником буквально прямо так и просим, изо всех душевных сил: Господи, Возлюбленный наш и дорогой, дай нам самое главное — соединиться с Тобой. Ведь для любого любящего это только и есть главное — соединиться с любимым. А Ты же Сам сказал, что нас любишь. Вот и низойди к нам грешным, не по заслугам нашим, но по любви Твоей. Покажи, что нас любишь: преврати Духом Твоим, — Ты все можешь и Ты нам Сам разрешил обращаться к Тебе, Ты даже велел это совершать, то есть причащаться Тобой *в воспоминание Твое* и еще потому, что *не причащающийся не имеет в Тебе части*, — так преврати этот хлеб и это вино в Плоть и Кровь Твою. Пожалуйста. Пожалуйста! Ну пожалуй-ста!

На что Господь по ответной Любви к нам и нисходит, отвечая испрашиваемым у Него претворением, то есть только после этой усиленной Молитвы нечувственно, но мистически реально (а некоторым, отнюдь не блажным, дано еще и почувствовать) хлеб и вино, оставаясь видимо хлебом и вином, на самом деле превращаются в Его Плоть и Кровь. Иначе — чем же мы причащаемся, то есть становимся частью Христовой, а Он полностью входит в каждого из нас, — выходит, только самим хлебом и вином же? То есть это у нас такой эрзац-ужин по мотивам Тайной Вечери?

Без анафоры, а в ней — эпиклесиса, важнейшего момента в главной части главной церковной службы — нет литургии. Одних «установительных слов» Христа: «*Берите, ядите, сие есть Тело Мое...*», произнесения их священником (что добросовестно делает и Штайн), сколь бы это ни было важно, — «недостаточно». Надеюсь, я не буду кощунником (хотя, безусловно, профанирую столь высокую материю, да простит мне Гос-

подь), если в этой связи, просто для пояснения, напомню старый анекдот, где Господь уже приготовил место в раю для героя анекдота, но просит передать ему: «*Для тебя уже все сделано, но ты хотя бы купи билет!*» Ты, человек, соверши усилие по направлению к Богу, уже отдавшему за тебя Свою кровь и плоть, ты протяни свою молитвенную руку, чтобы Он взял тебя за руку — Своей — и вытянул вверх из могильной глины. Потому хотя бы, что «*Царство Божие усилием берется*» (Мф 11:12).

А Даниэль делает это так просто, не задумываясь: а действительно совершается ли «это» без «того»? Ему, как всегда, — что кажется, то и лех-ко. Он нарисует дом, а мы будем в нем жить. Он без ненужных занудных слов молитвы даст нам хлеба и вина, а мы причастимся Плоти и Крови Господней. Да он вовсе и не ставит себя в ряд «разрешаемых так служить», как он служит, а поступает всегда просто и отважно, ему все лех-ко и лех-че лех-кого.

Собственно, что происходит — согласно книге? Священник читает слова Христа — и раздает всем хлеб и вино как плоть и кровь Господню. Но кто может «сам собою», безо всяких человеческих молитв изо всех сил души превратить хлеб и вино во Христову Плоть и Кровь? Да только Бог. Только Сам Христос. А это значит, что господин брат-отец Даниэль Штайн, отвергающий эпиклезу и собственными силами претворяющий хлеб и вино в Святые Дары, и есть Христос, — занимающий место Христа на тайной вечери и. о. Христа, а община Штайна — это апостолы Христовы. В противном случае остается думать, что литургия в «Церкви» Штайна — это место-время, где ужинают вином и хлебом.

И тот, кто, как Штайн, именно «придумал» (как, по его, вражина-«грек»), кто самолично сочинил такое вместо веками совершающейся литургии, этой прямой лестницы в Небо (да, католики сократили, снисходя к слабости, иной «динамики жизни», да, применяясь ко времени, они укоротили эту лестницу, уменьшив количество ступенек, словно понизив высоту Неба по отношению к человеку, в отличие от Восточной, православной церковной ветви, оставившей Небо на постоянной высоте, — но ту меру, после которой месса, теряя центральный смысл, перестает быть мессой, католики никогда не переходили), — кто все это, очень мягко говоря, учудил, — тот, служа вместо главной службы «никакую службу», становится «никаким священником».

Да, именно никакую — коль скоро в ней нет не только призывательных молитв о пресуществлении Даров, но нет и обращения к Св. Троице. Она в «литургии» Даниэля вообще ни разу не упоминается (естественно, раз Даниэль в Нее не верует). Нет ни одного упоминания Св. Девы Марии, не говорю уж о песнопениях в ее честь (опять-таки естественно — по вышеназванной причине). В тексте «мессы» отсутствует Символ веры (опять-таки естественно — по все той же причине). Однако все эти «естественно» в скобках, будучи вынесены за скобки службы, делают службу, обращенную к Тому, Кого Штайн справедливо называет Непостижимым, то есть Сверхъестественным Творцом, — делают служ-

бу Сверхъестественному — не-службой. Нулевой службой. Хорошо хоть не анти-службой. Нет того, нет другого, нет третьего... Да там и четверто-пято-шестого нет. Все перечислять — загнешься.

Зато там есть много такого, чего ни в каких настоящих церковных мессах нет. Например, благодарение Бога за то, что Тот спас народ Израиля тогда-и тогда-то, дал ему то-то и то-то, и т. д. и т. п... Нет, действительно все это так и есть — для верующего, конечно. Господь и правда спасал Израиль тогда-то и тогда-то и избавил евреев от Египетского и Вавилонского пленений, и дал им и манну небесную, и землю Ханаанскую, и много чего еще... Более того, согласно апостолу Павлу, Он спасет и «*весь Израиль*» или «*остаток Израиля*» в конце времен (об этом ниже).

Но. Христианская литургия не этнична в принципе. По идее. Тем «доктринально» и отличается христианство от иудаизма (эту колоссальную разницу обоих Заветов, «приготовительного» и «полного», Даниэль-то, как мы знаем, отрицает), что идея личности решительно ставится Христом во главу угла, превалирует над столь сильной в иудаизме идеей народа, настолько, что не видеть этого — значит, ослепнуть. Нет «*ни еллина ни иудея*» во Христе! Ну нет и все. Есть только христианин во Христе — и вочеловечившийся Христос в христианине. И не надо путать христианскую цивилизацию народов, основанную на вере во Христа, с самой этой верой во Христа. Сколь бы — относительно — ни была важна первая, первостепенна, абсолютна лишь последняя.

А значит, и главная служба благодарения триединому Богу, литургия-месса, не должна и не может быть этно-центричной — в данном случае еврео-центричной. Кто бы ни собрался во Христовом храме, — пусть одни евреи, сорок тысяч одних евреев, пусть скифы, тьмы и тьмы и тьмы скифов, — служба должна быть универсальной — благодарением от всего без исключений многонационального мира в мире церковного «мира» — мировому Единому Богу, Святой Троице.

И так оно было, есть и будет — во всех настоящих литургиях всех настоящих Церквей. И если наш дорогой брат не может или не хочет даже этого взять в толк, то пусть оснует новую секту вроде уже имеющейся «Евреи для Иисуса», — и все дела (что он в конце концов и делает — но об этом опять-таки ниже, по ходу романного текста). Не было еще такой секты, которая бы признавала себя сектой. Всякий считает себя членом Церкви, например, Церкви Свидетелей Иеговы. И каждый находит для этого основания в Библии. Каждый читает свою Библию, говаривал еще патер Браун, и находит в ней все, что нужно для него.

И ты, брат Даниэль, найдешь все, что тебе потребно. Ты только подай в «отставку» в Латинский Патриархат, уйди «за штат» — и из монастыря; по-честному; остальное дело — в шляпе.

Но опять же, в случае с ох-непростым, сложным простецом, нашим подзащитным, допустим, как всегда, другую возможность. Эта другая может быть только одна, а именно: Даниэль буквально истолковывает

Христовы слова: «*Сие творите в Мое воспоминание*». В воспоминание — и только.

Однако если буквально понять эти Его слова, тогда другие, сказанные здесь же, Его слова: «*Сие есть плоть Моя...*», — и: «*Сие есть кровь Моя Нового Завета...*», — следует тогда, напротив, понимать чисто образно, метафорически. Потому как — если ты принимаешь в себя не метафорически, а и впрямь — ешь и пьешь действительную кровь и плоть Христа, — вряд ли это только «воспоминание».

Ну, правильно — Христос же никаких указаний на этот счет не оставил, как следует Его понимать — в строгом смысле слова буквально — или художественно-образно. А все, что не запрещено, — разрешено. Разве нет?

Значится, так.

Сотворив то, что ты сотворил, браток-отче, ты безусловно уходишь из католиков, приближаясь, условно говоря, к лютеранам. Это они понимают причастие как «воспоминание». Но и они не столь все же прямолинейны, как ты, простой как правда, а понимают, в отличие от некоторых, само это «воспоминание» — символически. А символ и художественный образ, скажем, метафора, хотя они часто скрещиваются, но все-таки — это вещи разные. В отличие от художественного образа, живущего в иной, художественной же реальности, символ, в данном случае символическое причастие — даже не только прямо указует на Реальность и не земную, и не художественную, а ту, которая — «на самом деле»: реальность Божества, но — крайне тесно с этой Реальностью связан, так, что Реальность сама просвечивает через символ, сама говорит устами символа.

Иными словами, где присутствует символ чего-то, — там в некоем важнейшем смысле присутствует и само это что-то. Или Кто-то.

Лютеранство не так просто, иначе не породило бы каких-никаких, а серьезнейших богословов уже в XX веке — К. Барта, П. Тиллиха или Р. Бультмана, с которыми тебе нечего и думать схватываться, брателло, а пусть это попробует, только не за глаза, как он привык: дуэлировать с отсутствующим противником, — пусть попробует хоть бы эрудированнейший полпред православия отец диакон Андрей Кураев...

Я же недостаточно подкован в теологии, чтобы с ними схватываться. Сколько бы я ни чувствовал, что это они «не то говорят», — а возразить им по всему фронту, нарываясь на их дальнейшие ученые и небезосновательные возражения, — это надо быть по меньшей мере столь же выдающимся католическим теологом вроде Х.У. фон Бальтазара, Анри де Любака или Р. Гуардини — или православным, вроде прот. Иоанна Мейендорфа или о. Александра Шмемана, или С. Аверинцева и Х. Яннараса.

Причем, что поразительно, Даниэль Штайн и тут, снова, как на уровне невозможности службы еврея в гестапо, как потом на уровне такой же, если не большей «технической» невозможности не знать всего под-

ряд текста, тобою же переводимого Евангелия с греческого на иврит (тут неизбежно вдумываешься во все трудности оптимально-точной передачи смысла чуть не каждого слова: в каждом языке есть поля смысловых значений одного слова — и вот при переводе нужно выбрать из всех значений одно, точнейшее и смыслово, и экспрессивно, и... Дудки, как можно не знать переводимый тобою же текст — и какой! — и с какого языка на какой!), — точно так же и здесь: Даниэль и тут умеет поставить себя в совершенно невозможное положение опять же по определению, ухитряется сделать то, что очень мало кому удавалось: оставаясь священником по неотменяемой благодати Божией, переданной ему епископом в рукоположении, в то же самое время собственноручно лишить себя священства — и даже не подумать, не почувствовать, что служить двум господам сразу — Господину Господу и господину-себе — невозможно.

Но даже и это — еще не все. В «мессе» Штайна Христос, как и Святой Дух, ни разу не именован Богом, а Бог-Отец — Богом-Отцом. И последнее логично, ибо если нет Бога-Сына, то нет и Его прямого Отца. Христос именуется Учителем, Спасителем, даже Сыном Божьим, даже Господом, но никогда — Богом. Потому что «*Сын Божий*» — это имя употреблялось в Писании в разных значениях, не синонимичных имени «Бог». Сложнее со словом «Господь». Есть понятие «Господь» (греч. *Кириос* и лат. *Доминус*) и есть понятие «Бог» (греч. *Теос* и лат. *Деус*), но к моменту евангельских событий, к I веку н. э. и далее слово «Господь», — согласно Католическому Катехизису, — в религиозно-духовном аспекте практически чаще всего подразумевает «Бог». Не нахожу причин не верить Катехизису на этом историко-религиозном срезе: добросовестность и скрупулезность его авторов и редактора, в частности, их весьма и весьма почтительное отношение к восточной ортодоксальной Церкви, позицию которой по тому или иному спорному вопросу авторы никогда не забывают уважительно привести, — просто бросается в глаза.

Разумеется, простой человек, обращаясь к Иисусу, употреблял это слово и в обычном значении слова: «Господи» как господин, властелин, «адона» (как и находим в Евангелии: раз Ты исцелил меня, а другие не могли, то Ты и есть мой господин). Но человек, богословски образованный, слово «*Господь*», «*Адонаи*» — употреблял именно как синоним слова «Бог», «Элохим» или даже табуированное собственное имя Господа Бога, т.н. Тетраграмматон, читаемый обычно как «Ягве»...

Вообще, чем так не нравится Даниэлю церковный Символ веры, который он не переносит настолько, что «*вывел его за скобки*» литургии? Ведь и там слово «Бог» употребляется только однажды: «*Верую во Единого Бога-Отца Вседержителя...*», — Христос же и Дух Святой именуются каждый только «*Господом*»? А тем, другого объяснения я, по крайней мере, не вижу, что «Господь» — это все-таки еще не «Бог», пока не введено слово «*Отец*», подразумевающее слово «*Сын*», да еще «*Единородный Сын*». Между тем, Даниэль, по всему, хочет сказать, что «Гос-

подь» — это посланник Бога, но не Он Сам. Один Бог и два Его посланника — вот что удовлетворяет сердце, со-весть брата Даниэля, причем настолько, что он сам себе противоречит, повторяя вслед за Церковью: «*Единственный Сын*». Что значит — единственный? А тоже — что и «едино-родный» в «Кредо», только Церковь это точнее выражает. То и только то, что хотя мы все — сыны Божьи, и среди нас бывали и «Сыны Божии»: пророки, цари и т.д., — но все мы, сыны и Сыны, Им только сотворены через наше земное зачатие-рождение; мы — тварные существа, то есть по природе своей только раз, в свое время пришедшие на землю и однократно, в свое же время, возвратимся в прах.

И лишь один-единственный Сын — тем только и уникален, что, в отличие от других сынов есть в прямом, не опосредованном, а в точном и полном смысле слова — Сын Бога Живого, собственный Сын Бога Отца. А это значит, что Бог его родил, а не сотворил, как всех других. Сам Бог не просто послал земным родителям Свою благодать, а через Господа Святого Духа непосредственно вошел в человеческую утробу Матери и так родил на земле, во времени, «по человечеству» ради человеческого же, нашего спасения — рожденного предвечно, «*прежде всех век*», предэонно, Бога-Сына, Бога Логоса Иисуса Христа, Второе Лицо Св. Троицы, Сына Божия и Сына Человеческого, обладающего всей полнотой Божественной природы (при всем земном несовершенстве, малом соответствии этого уподобления — как в земном сыне течет кровь отца).

Потому и говорится в «Кредо»: *Верую в Иисуса Христа как единосущного Отцу, «Имже вся быша»*. Если есть Бог-Сын, значит, есть и Бог-Отец, а не просто — Бог; и если по Своей природе Отец «был» и есть — всегда, «предвечно», то и наделенный в абсолютной полноте божественной природой Отца Сын — тоже предвечен, что и утверждается далее в Символе Веры: верую во Христа, рожденного Отцом «*прежде всех век*».

На этой «пре-экзистенции», вечном пред-существовании Христа и, следовательно, присущей Ему не частичной, а всей полноты божественности по природе, переданной Ему Отцом, всегда настаивала Церковь.

Повторяю, в «Кредо» нет никаких специфически греческих метафор, столь чуждых Даниэлю, а есть очень тщательно выстроенные определения нашей веры, где каждое слово, рождаясь у отцов Церкви, оспаривалось или принималось в напряженной работе мысли, в предельном духовном усилии и потому одно железно следует из другого, и ни одно слово не лишне.

А вот у Даниэля слово «*единственный*» не только лишне, но противоречит всему остальному в его литургии. Если уж он полагает, что Христос — не Бог-Сын, то надо было бы ему убрать и слово «единственный». Это уже какая-то несогласовка...

Вообще-то перед нами то ли все-таки нео-арианство (Сын как «тварный Бог»), то ли лжеучение унитариев (социнианство), учение о троичности в смысле — Единый Бог и два Его небесных посланника: Сын как высший пророк и Дух как образ и проявление божественной силы, — учение, бытовавшее на Западе в XVI веке и давно развенчанное като-

лической Церковью как ересь. Но сегодня говорить такие вещи как-то даже неудобно — читатель опять скажет, что это «пахнет средневековьем, обскурантизмом. Злой Вы и нехороший, к чему этот прокурорский тон в интеллигентном разговоре?»

Поэтому скажем комплиментарно: брат Даниэль приходит к этому представлению о вещах сам, автохтонно, — и это последовательная мысль, в ней уже есть связная логика построения, что Даниэлю чаще всего не свойственно, так что в этом смысле его можно поздравить. (Еще ремарка в сторону, чтобы не обидеть: впрочем, и здесь из-под колпака уши торчат, — что видно в нечеткости, несогласованности окончательных формулировок, во включении слова «единородный» в дальнейшее рассуждение, не допускающее этого — и пр.)

Да, это серьезная проблема: примкнуть к истинной апостольской Церкви, когда ты не есть член Церкви — и не христианин вообще, хотя называешь себя именно так. А разве нельзя, не будучи членом Церкви, быть «личным христианином»? Пусть не церковное — но христианство же. Можно так поставить вопрос? Да. А ответ на него? А вот ответ будет — это смотря как. Если, скажем, Толстой отрицал учение Церкви — и оставался при этом личным христианином, то, может, оно и так, хотя сомнительно — по всему смыслу его «христианства».

Но тут — пустяковая разница: Толстой в Церкви был только мирянином — и, уйдя из Церкви, мирянином быть перестал, да в общем, и действительным христианином, — но он имел право думать, что христианином остается. А вот священник Даниэль, отрицая церковные догматы и пишущий свою литургию, мы уже видели какую, — священником католической Церкви отселе «автоматически» не является, да и христианином себя считать не может, поскольку само рукоположение его неминуемо включало в себя то, что он теперь отрицает.

Значит, единственный путь для него остаться хотя бы субъективно «личным христианином» — уйти не просто из Церкви вообще, но — из священнослужителей Церкви, что автоматически значит: он перестает окормлять уже больше не его паству, стало быть, хоть как-то ее «учить», проповедовать свое учение. Отныне он — частное лицо, имеющее право называть христианством хоть вудуизм — но и только называть не с амвона, а наедине с самим собой. Если, конечно, он не хулиган и не пойдет в отринутую им (а только после этого закономерно отринувшую его) Церковь, проповедовать свое-свое-свое — *чужой* пастве, посторонним людям. Мешать им в Церкви слушать церковную же проповедь. Это уже наглость. Хамство. Надеюсь, нашему любимцу такое не свойственно.

Так и никак иначе. Назови себя хоть пирогом с гусятиной, только в рот не клади.

Ему теперь, после всех умных делов и слов, которые он насказывал-наворочал, невозможно никуда, ни в какую действительно Христову Церковь «вернуться»: до ли 49 года, или после него — всюду, в посланиях Петра, в посланиях Иоанна, послании его же любимого апостола

Иакова, в многочисленных посланиях Павла, — всюду слово «*Господь*» употребляется в значении не только «властелин» или «посланник», но и — чаще всего — «*Бог*».

Это очевидно по всему контексту, по смыслу всего корпуса Нового Завета (подробнее см. выше; но обращу внимание на то, на что ранее не обращал: Матфей, как мы помним, сообщает слова Христа: *Идите и крестите все народы во имя Отца, и Сына, и Святого Духа* (Мф 28:19), — где все слова — однородные, не соподчиненные члены предложения, то есть Отец, Сын и Дух равны друг другу; и заметьте — Христос говорит не «во имена», а «во имя» — «*то онома*»: одно имя у всех трех — Единый Триединый Бог).

Вот и Лука, и Матфей сообщают о девственности Богородицы, а Даниэль и им не верит, его уже и Евангелия не устраивают.

А вот и апостол Павел учит, вдругорядь, что во Христе «*обитает вся полнота Божества телесно*» (Колос 2:9). Так ведь наш герой же и Павлу не верит, ни Петру, ни Иоанну Богослову.

Но кому же он тогда верит, если искренне считает себя христианином? У него что — «другие любимые авторы»?

Вообще-то, любое «настоящее христианство», полное христианство — все-таки совсем-пресовсем мало возможно вне Церкви. И не потому, что Церковь «заведует Христом». А как раз наоборот — потому, что Христос «заведует» Церковью.

То есть Он всем «заведует», конечно, но в деле спасения, в деле человеческого пути к Себе, Христу, Он доверил всё — только Церкви.

Другому кому — Он, может быть, тоже кое-что действительно Свое доверил; Он, по любви Своей, «*и добрые намерения целует*», но всю полноту Христова учения он доверил только Церкви, Своей Церкви, которую Сам и основал на земле на камне Петрова исповедания от всех апостолов... Своей любимице, которая, несмотря на его «всем-заведание», все-таки выделена им в Свой особый, главный и интимно близкий удел, как Он и молится Отцу: «*...не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои*» (Ин 17:9).

Словом, христианство без Церкви — это христианство... как бы это?.. Христианство без Церкви — это куцее, редуцированное христианство, лишающее себя многих самых прекрасных и подлинно-доподлинно христианских вещей. И весь тут сказ.

Штайна жаль по-настоящему. В самом деле — священник, да вообще христианин, если он отвергает не только богословское Предание: учение отцов Церкви, постановления Вселенских соборов и т. п., не только, далее, Предание апостольское, но и самого Писания, во-первых, толком не знает, а во-вторых, и знать не желает, признавая его только выборочно, на свой глазок, а то и безоговорочно отрицает, не унижаясь до аргументации, — такой священник где найдет кров, где его *сердце успокоится*? Ведь у нашего горемыки, как сказано уже, места в существующей

исторической Церкви нет нигде. Ни католики, ни православные, ни даже лютеране и кальвинисты, к которым он все-таки ближе в своем «частичном» отрицании Предания, — даже они его своим не сочтут. Потому что и Лютер, человек весьма ученый и весьма, весьма логичный по-своему, — стоит почитать хотя бы его изданное на русском «О рабстве воли», — сохранил важнейшее в церковной традиции — например, все тот же догмат о троичности Лиц Единого Божества (то есть, в отличие от Штайна, он почему-то понимал, «*что значит лицо*») — и не только его, но и многое другое, что Даниэль запросто перечеркивает.

Такой христианской Церкви, которая согласна с Даниэлем, ни в настоящий момент, ни в прошлом — от самого Рождества Христова — такой Церкви, где балуются с Богом по своему хотению, — никогда не было, нет и не будет, и быть не должно и не может, пока Церковь хотя бы в каком-то смысле остается Церковью, то есть мистическим Телом Христовым, а не фэнтезийной креатурой автора, склонного почему-то именно в религиозной, а не в медицинской, скажем, области — к виртуальной фэнтезийности. «Фантазийными» бывают, как известно, духи, а Бог человеческим фантазиям о Нем — не поддается. Не мы Его сотворили, а Он — нас. Не мы Его избрали, а Он — нас. И знание Свое дал Церкви. И не нам ее «устраивать», если мы не члены ее и не знаем ее, и не понимаем, и, главное, не хотим понимать, — а тоже, понимаешь, туда же... Куда и Даниэль. Со вкусом судить-рядить о малознакомых материях и отвешивать свои безапелляционные приговоры тому, что от силы — перелистывал.

В свободное от перевода того же нечитанного текста время.

Ни один лютеранин не пойдет в общину Даниэля; и тем более ни один епископ католической или православной Церквей не рукоположит во епископы вновь образованной «Церкви» ни Даниэля, ни кого-либо еще. А без епископа, без канонически законного возглавления, как уже говорилось, Церковь — не Церковь. Ибо на епископе, первосвященнике почиет Христова благодать, которую Он передал апостолам, а те — епископам, а те — другим епископам, и так преемственно и не прерываясь ни на одно звено — до сего дня. Поэтому без епископа-«держателя» и «доверителя» благодати, вверенной ему, — Церковь безблагодатна. А безблагодатная Церковь — уже вовсе и не Церковь, а «самочинное собрание». Иначе говоря, хотя и не хочется грубиянничать, но, называя лопату лопатой, — даниэлева община — все-таки секта. Самая обычная, очередная по счету, порядковый номер .....ый.

«Вот-вот, вечно вы со своими канонами да постановлениями Соборов, начетничеством и законничеством! Со своим обрядоверием. Вы нам дайте любовь, как Даниэль ее дает. Вот он, настоящий дух христианства — свободы и любви. А не можете — так и оставайтесь в своем церковном углу, выросшем теперь именно что до красного угла всего государства, стойте в этом красном углу с бывшими партократами, а теперь — "подсвечниками"».

Да... сколько раз я слышал это. И могу только повторить — любому, кто ставит вопрос именно так или «типа того»: да, вы правы. Мы нахлебались этого, этой сатанинской пародии на Церковь, — досыта и допьяну... Вот и теперь, похоже, начнем хлебать уже по-новому. Прямо на глазах складывается подобие новой «симфонии» между «обновленной», пост-советско-пост-антисоветской, красно-белой властью (еще недавно казалось: все, это мы проехали, эту страницу истории уже сдали в архив, у нас какая-никакая, но свободная Россия — и... Это же волком от тоски выть хочется, это пятнадцать лет свободы коту под хвост, это опять по кругу вечного возвращения к абсолюту власти и презрения к человеку, это еще невесть сколько потерянных поколений, приученных лгать от доверчивости или от страха... Господи, смилуйся над нами, убери Ты этих симпатичных добрых парней, этих лжецов на голубом глазу, знающих и культивирующих только силу и власть, власть и силу (вернулись-таки к Оруэллу), этих переодетых в штатское голубых мундиров, спаси от самого себя — им, «под видом» Тебя, преданный народ...) — и объединенной Церковью во главе с Синодом, оставшимся безо всякого-якова от советских времен (и сейчас по выучке чувствующим себя в своей тарелке, в своей питательной среде)...

Кажется, вдоволь настоялись на посту № 1, подле открытых «нетленных мощей»; кажется, начитались святцев новоявленных героев, мучеников и исповедников большевизии, где одни и те же имена то вписывались в святцы, то вымарывались оттуда; наслушались двух десятков с хвостом партийных «соборов»-съездов с их догматами и канонами-постановлениями и пр. и пр... Вот и опять в программе «Время» нахваливают — всё божья им роса — труды и дни советской армейшщины, опять завлекают в виртуальную Великую Страну, которой никогда не было, молодняк, и дня не живший в той реальной стране...

Неужели опять будут актуальны песни новоявленного Галича? Ужели опять станем писать эзоповым языком и гордиться тем, как мы умело играем в эту игру? Боже, как невыносимо скучна наша Россия...

Да и сами представители Церкви, какой бы конфессии она ни была, по всему свету, имеем мы право ее судить или нет, виноваты в том, что она — самое главное, самое интересное, потому что самое высокое и самое глубокое на земле — приелась, наскучила, перестала восприниматься всерьез, внимательно и с интересом. Это, увы, тоже медицинский факт: если главное для человека — не умереть «всему», — перестало его волновать в том месте, где только и можно получить об этом более или менее достоверные сведения, — значит, виновато само это «место».

Значит, плохо воспитывали, скучно учили, давили авторитетом, дисциплинарно вместо того, чтобы увлечь совершенной новизной смысла. Да и к тому же — это уж наша, российская посткатастрофная ситуация XX века: ох, трудно поверить в веру и верность тех, кто десятки лет на наших глазах проводил в жизнь своими, так сказать, ноу-хау — безбожную и богоборческую линию советских властей. Кто поверит, что «красные епископы» — это и в самом деле первосвященники, достойные вести

«напрямую» молитвенный разговор с Богом, — кто не отвернется от таких епископов? А ведь без них и правда Церковь — не Церковь, они — «доверенные лица», «держатели» Благодати на земле...

Но если герою фильма «Белое солнце пустыни» не нравится черная икра, потому что он только ее и ест — без хлеба, она ему надоела хуже горькой редьки, — это вовсе не значит еще, что черная икра сама по себе невкусна. Само слово «канон» не виновато в том, что оно нам не по душе.

Каноны — это всего-навсего правила, не соблюдая которые, очень трудно впрямь достичь действительно поставленной цели. Если цель и назначение человеческой жизни — ответить на любовь Бога своей любовью и так — спастись, то любовь «не по правилам», как и игра без правил, спроста может оказаться не спасительной Любовью, а гибельной «любовью». Анна Каренина всего-навсего «любит не по правилам», — и чем все это кончается? Катерина в «Грозе», сколь ни объясняй ее поступок домашней тиранией и т. д., «любит не по правилам» — чем все кончается?

Вы на Волге, на крутом откосе когда-нибудь стояли? Я на волжском крутом берегу родился, стаивал там подолгу и представляю очень ясно, как эта чернеющая ночью водная громада страшно и безвозвратно затягивает. А всего-то — следствие «несоблюдения канонов».

Но это все лирика, а вот я приведу сейчас бесспорный пример: Старик Хоттабыч, впервые побывавший на футбольном матче (что мне все футбол на ум приходит? Это мне сын все уши прожужжал своим футболом; уж простите великодушно), понятия не имея, что за игра перед ним, пожалел футболистов, «по любви» и из чувства справедливости выдернул три волоска из своей бороды, — и на поле высыпалось сразу 22 мяча: чтобы каждому — по мячу, поровну. И вот что это будет, когда каждый начнет по полю бегать со своим мячом? Воплощение любви и справедливости? Нет. Такое воплощение любви и милосердия приведет к тому, что это будет просто не футбол. Все, что угодно, но не футбол. А старик Хоттабыч этого не понимает, потому что никогда с футболом дела не имел, он не понимает, что *по любви* — надо оставить этим ребятам возможность донести свой футбольный крест — до финального свистка...

И мы не хотим понимать смысла обязательности соблюдения правил, которые отграничивают Любовь — от «любви», Христа — от антихриста, литургию — от ее пустого подобия, а Церковь — от секты. Не хотим понять и принять канон, понять смысл того, что «обряд», ругательное слово «мыслящего» человека — чаще всего обозначает, знает он это или нет, — не «обряд», а таинство, совершаемое «по чину», в этом смысле — по обряду, что значит всего-навсего: люди благочестивые когда-то согласились все время совершать это именно так, потому что таинство совершает Сам Господь, по просьбе человека, по любви к нему, малюсенькому образу и подобию Господа, тогда как может, будучи абсолютно свободным, и не совершить. Церковь же не магия, чтобы га-

рантировать что-то, что якобы принадлежит не столько Богу, сколько ей самой, ее «умению» молитвой-ворожбой манипулировать Божественной силой и стопроцентно «привораживать» и «отвораживать», знай только петушиное слово... Церковь всего только молится, без гарантий, без лонжи, — она совершает молитву лишь в твердом уповании, что Господь — совершит, как Он уже совершал-совершал-совершал две тысячи лет, как один день...

И поскольку Он совершал это каждый раз в ответ на именно такую форму просьбы, верующие в Него решили, что, вероятно, лучше эту традиционную, «намоленную», освященную Церковью форму чина, обряда, если так угодно, — и не менять... Они со-гласились в этом между собой. Согласились давно — и не меняют, видимо, не случайно...

И вот все это непонимание — только потому, что те, кто толкует о пустых догматах и вздорных канонах, — они с Церковью, храмовой и внехрамовой церковной жизнью, дела-то вообще не имели. Или имели когда-то там, было время — была и мода, да труда себе не давали продумать, осмыслить, с чем — или с Кем — мы в Церкви имеем дело в целом и, исходя из целого, в частностях.

Так во имя фантома «истинной Церкви», не опирающейся ни на что, кроме собственного «а я вот так вижу», отец или брат Даниэль разрушает Церковь историческую, действительную, со всеми ее взаправдашними, а не вымышленными Даниэлем искажениями Христовой правды в «видимой Церкви» (иначе — «воинствующей»), впрочем, постепенно изживаемыми (а что? и подождем, ведь «*у Господа тысяча лет, как один день*», согласно апостолу Петру, и обратно, день — как тысяча лет; подождем — уж кто-кто, а мы-то на своей шкуре знаем, к чему приводит благородное «*нетерпение сердца*»), — и все-таки — со всей полнотой Христовой истины, которая жива в «Церкви Небесной», незримой, живой на Небесах — во Христе и Его святых.

Да, в существующей — и не только сегодня, а за все 2000 лет — церковно-христианской ситуации Даниэлю Штайну и его общине — негде приклонить голову, ни к кому не получается «примкнуть». А Даниэль продолжает находиться, перефразируя широкоизвестное название одного малочитаемого романа, в поисках никуда не прячущейся истины. А поскольку каждый ищущий — находит, смотря однако же по тому, как и что ищет, — Даниэль тоже находит нужное ему. Не понимая того, он изобретает велосипед с колесами-«восьмерками», никуда поэтому не везущий, да еще и не снабженный тормозами, чтобы с него, при попытке все же ехать, проще было бы упасть. И это когда рядом, нимало не прячась, уже стоит отличнейший велосипед с прямыми колесами, ручным и ножным тормозом и коробкой передач.

Во имя фантома «*первоначальной еврейской Церкви*» Даниэль Штайн рубит католический сук, на котором сидит, — ведь он же продолжает числиться католическим священником и монахом!.. Но он почему-то и этой самоочевидности в голову не берет, того, что, числясь, считая себя —

ведь если бы он был человек лукавый, заведомо «косящий под католика» для достижения своих корыстных целей, то хоть понятно, — так нет, же, он, как говорит Христос об одном евангельском персонаже, «*подлинно еврей, лишенный лукавства*».

Он и правда *праведен* орто-«праксически» (поведенчески) — внутри своей бесконечной и нелепой, главное, никому и ему самому не нужной *неправедности в отношении истины Христовой*. Хорошо звучит?

Можно сказать, что он праведен *помимо* своего же христианства. В сущности, все, что он делает, любой очень добрый, замечательный человек может спокойно, если уж он «случайно» уродился таким, делать безо всякой Церкви, безо всякого вообще Иакова. Поэтому, когда автор в конце книги «от себя» говорит, что быть хорошим, достойным человеком можно, будучи «*кем угодно*», и поэтому автор, что сквозит в интонации, даже несколько удивлен, что «*выбором Даниэля был — Иисус*», — то в этом удивлении есть свой резон: а и впрямь, если ты уже уродился достойным человеком с феноменальным запасом самоотверженной любви в душе, а христианство, как и любое учение, только и учит, что «достойному поведению», если ты уже врожденно праведен, — так зачем тебе именно Иисус, Который ведь «*не к праведным пришел, а к грешным*»? И вообще кто-либо? Ты и без них — добрый и будешь творить добро по собственной удобосклонности, не нуждаясь ни в какой иной санкции...

Но нет же, сильна охота числить себя именно христианином, больше — христианином церковным, больше — христианским священником и руководителем церковной общины... Да, такого без пол-литра польской «Выборовой» не понять: числясь по-прежнему ксендзом, в какой-то незаметный для него самого момент он перестает называть свою «Церковь» еврейско-католической, ни там еврейско-православной, а — «*Еврейской христианской Церковью*».

Эта претензия одной-единственной общины, да еще такой, где абсолютное большинство прихожан — не евреи, а арабы, румыны, поляки плюс немка-помощница Хильда, где, кажется, единственный еврей — сам Даниэль... Такая претензия, чтобы и в пир, и мир, и в добрые люди явилась не новая поместная Церковь, еврейская католическая или еврейская православная (с точки зрения католиков, по крайней мере, почему нет (см. приложение 1)?), а, коль скоро она не подчиняется никаким кафедрам ни Запада, ни Востока, — новая «вселенская» (по крайней мере, с 1054 года с разделения всей Церкви, какая есть, если не считать еретических коптов-монофизитов и т. п., — разделения всей Церкви ровно на Западную и Восточную ветви)... Эта невиданная и неслыханная со времен первой, апостольской, Иаковлевой Церкви (ладно, согласимся с Даниэлем, что мы тут одно и то же имеем в виду, а то так не кончить никогда) Церковь: по смыслу — эти «*пятьдесят, шестьдесят, ну, может быть, сто человек*», как говорит сам Штайн (повторим — не имеющие законного епископского возглавления, а значит, и апостольской преемственности и благодати), — эта «дикая» самостийная «церковная дивизия» равна и всей «*вселенской*» (соборной) *католической* (собор-

ной же) и всем пятнадцати автокефальным поместным восточным Церквам вместе взятым — то есть *всей «вселенской»* (кафо-лической) *православной* Церкви!.. Нет, я остановлюсь, а вы вдумайтесь...

Впрочем, если вам лень, я попробую вдуматься сам. «*Католическая*» и «*ортодоксальная*» — это не привычная нам титулатура, присвоенная обеим ветвям Церкви — западной и восточной; это одно и то же, поразному в русском языке зафиксированное понимание себя, самосознание обеих Церквей: каждая после раскола 1054 года считает себя вселенской, полной, соборной, а противоположную — оторвавшейся от этой «вселенскости», отколовшейся. И все же и та, и другая сторона осознает гипотетически отколовшуюся — частью единой, «полной», вселенской Церкви. С точки зрения католицизма, существуют в полном смысле слова только две настоящие Церкви — католическая западная и ортодоксальная восточная. И то мы, ортодоксы, с их точки зрения, — «схизматики», раскольники (хотя, опять-таки с 60-х, со времен Второго Ватикана принято говорить о восточных, православных Церквах-«сестрах» западной), а уж лютеране и кальвинисты — те считаются не вполне Церквами — а только «*церковными общинами, содержащими в себе немалый элемент церковного наследия*», — как это и было подтверждено покойным Иоанном Павлом II в энциклике «Господь Иисус» (Dominus Jesus), писать которую ему помогал нынешний Святой Отец, тогда кардинал Ратцингер. А уж дальше лютеран и кальвинистов, с католической точки зрения, вообще секты на сектах стоят и сектами погоняют.

Точка зрения православных, в общем, такова же — с той только поправкой, что некоторые православные круги, и их «немало», считают, что католики — сами-то схизматики-раскольники, да еще и еретики, даром что Христова-апостольская благодать на них почиет преемственно. Да, — к великому сожалению преобладающих в России церковных кругов, — благодать Божия, Божии дары непреложны и, значит, неотменимы, — почему эти круги вынуждены признать одновременно две взаимоисключающие вещи: католическая Церковь одновременно преемственно благодатна, как и наша, — и безблагодатна, поскольку уклонилась в ересь «латинства»... (Да, но вот почему-то же свт. Филарет (Дроздов), авторитетнейший русский богослов, к тому же архиерей, говорил же, что считает невозможным проведение Вселенского собора без присутствия на нем представителя Римской кафедры... Да что он, когда вся восточная Церковь «заморозила» Вселенские соборы после Седьмого именно по причине отсутствия на них после раскола главной, «*первенствующей в любви*», по очень древнему определению, всех древних великих кафедр, Епископа Римского (Папы).) Вот и сведи тут концы с концами...

В общем, некоторые круги православных полагают, что есть на сей день только одна настоящая-настоящая Церковь, непогрешимо хранящая апостольскую веру. Отгадайте с первого раза, какая...

Надо, впрочем, признать, остыв и покумекав, елико возможно для живого-страстного существа, беспристрастно: и те, и другие имеют серь-

езные основания считать так, как они считают. Но так или иначе каждая из двух главных ветвей исторического христианства признает, что либо в ней одной, либо в них двух сосредоточилась вся полнота преемственно-апостольской, полно-истинной, полно-благодатной, полно-христианской Церкви. И помимо них никакой иной церковной полноты нет и быть не может; стало быть может какая-то новая Церковь возникнуть не как новая, а как входящая в какую-либо из этих двух, где первосвященник будет рукоположен, «поставлен» какой-либо из них: православной или католической. И третьего не дано. И не может быть дано. Третье есть секта и только секта: «самовольное собрание», не обладающее никакой благодатью. И я тут зазора в рассуждении не вижу.

Так что даниэлева мегало-претензия не то чтобы неправомочна, или неосуществима, или утопична, а вообще... как бы это опять сказать, чтобы не обидеть, говорит о... Ладно, и тут замнем. Нельзя обижать — и не хочется. Все о'кей — хоть и не скажешь, что все — путем...

Не скажешь.

Потому что откуда ни возьмись, с даниэлева прекраснодушного, но недолгомысленного «*нарисуем — будем жить*», — в этой печальной, действительно трагической, может быть, самой трагической — после трагедии первоначального грехопадения-богоотступничества, трагичнейшей из всех трагических ситуаций за все время существования человечества — появляется новая, «до-раздельно-после-раздельная», не православная и не католическая, а «*просто христианская*» Церковь. В данном случае еврейская (существа дела это, по-моему, не меняет — ставь на это место хоть арабскую или испанскую «*просто христианскую*», — все то же наверняка выйдет из этой затеи, вопреки даниэлеву взгляду).

Эта Церковь, согласно ее основателю Даниэлю, как раз и призвана объединить «примирить» иудаизм и христианство. Но, смыслово-логически неизбежно это значит, что Даниэлева община выступает от лица *всего* христианства, *всей* Церкви, *всех разделенных ныне* Церквей, пусть они этого, — того, что их уже без их ведома «примирили» и объединили, — и не знают и не согласны с Даниэлем, но его община вмещает в себя всю истину, всю «соль» христианства. Именно так понимает дело Даниэль, сомневаться не приходится; он явно представляет себя именно вернувшимся к первоначальной общине апостола Иакова. Едва ли внутри него не отождествляются он сам и апостол Иаков, как Людвиг II Баварский отождествлял себя с Людовиком XIV и Людовиком XV. Значит, в своем сознании, на базе «*первоначального неразделения*» Штайн объединяет и примиряет своею общиной все враждующие христианские, скажем, «деноминации». Вот она, первоначальная «*Еврейская христианская община*», которая была «отвергнута» исторической Церковью, а теперь вновь создана, чтобы, как любящая мать, примирить всех своих детей!..

«Вот это любовь, а Вы говорите!»

Да, говорю. Только это не я, а все мало-мальски «сознательно-церковные» люди всего мира, услыхав такое, возопили бы единым гласом:

среди всех твоих виртуальных изобретений-выдумок, брат Даниэль, эта — едва ли не худшая.

Возьми, наконец, в толк хоть что-нибудь. Слушай сюда.

Любой католик или православный скажет — и будет прав: вне зависимости от того, кто когда и кого «отверг», на сегодняшний день дело выглядит так: это очень плохо, что мы разделились, но факт есть факт. Да, первоначально Церковь была еврейской по происхождению, да, это была, если вам так угодно (мне лично неугодно, и не по причинам национальным или еще каким, а по причинам чисто логического свойства — но об этом ниже, это серьезней некуда), «иудеохристианская» Церковь, но потом в нее влились другие национально-этнические силы, и в итоге, не порывая с первоначально-еврео-христианами, соединившись с ними, включив их, своих отцов-матерей по родо-начальничеству, в себя, «детей», но детей, непредставимо многочисленнейших, — образовалась мировая, универсальная Церковь, чего Сам Христос и хотел, для чего Он всю первоначальную еврейско-христианскую Церковь и основал и на что благословил, наделив ее, Церковь Христову, «не мерою», а сполна Своею благодатью.

Это бесспорно так, поскольку явствует из Его неоднократных слов (читайте Евангелие, братья и сестры, и все узнаете, что нам надо знать; а кто Евангелие уже прочел, — тот со мной и спорить не будет).

Ну, а потом, по разным причинам, к самой Церкви, как уже говорилось, имеющим отношение вполне косвенное, евреев-христиан почти совсем не стало, и тут, в этой констатации итога первых нескольких веков Церкви, ты, брат, и сам со мной согласен. Мы тут с тобой разошлись только в причинах этого факта, а не в его наличии.

А еще потом единая мировая Церковь распилилась пополам, что плохо и архиплохо, но — полная благодать Христова, данная Церкви, все равно осталась только в этих двух половинах.

Потому, снова и снова, что только в этих двух есть первосвященники-епископы, то есть преемственность благодати.

На чем же ты, брат, собираешься основать новую единую «*просто христианскую*» Церковь? На том основании, что первоначальная община была еврейской? Но благодать не передается по этническому признаку. Благодать не биологична, она духовна. Апостола Иакова больше нет с нами здесь, на земле, но если бы он был здесь, он сказал бы тебе то же самое. Без епископа, опять говорю, нет церкви, потому что она тогда безблагодатна. А кто пойдет к вам в епископы? Они есть только у этих двух, а больше их ни у кого нет. Епископы просто так, извини, на дороге не валяются.

Но, еще и еще, ни один из архиереев, тех и других, не пойдет к тебе возглавить твою Церковь, хотя бы уж потому, что ты называешь твою общину новой *Еврейской просто христианской Церковью* (коль скоро тут служат литургию и прочее, хотя от твоей литургии и прочего у нас «*уши отвалились*»,) — и ваша практика, сама ее возможность — для человека Церкви может значить безусловно только одно: у вас уже есть епископ — иначе почему вы называетесь Церковью?

Но кто же пойдет епископом к отрицающему Символ Веры любого без исключения епископа? Что-то тут нам недоведомое, несерьезное, скажем мягко... Так что извини, брат-отец Даниэль...

«Но почему так нельзя, если очень нужно, — почему бы хотя бы не попробовать? Хотя бы не помечтать? Ведь это так нужно, так хорошо — примирить все Церкви, и если нашелся в кои-то веки человек, который нашел наконец пусть невероятную и перечеркивающую все ваши каноны и пр., изыскал хоть какую-то возможность собрать Церковь воедино, пока ваши епископы ни мычат ни телятся, то что главнее — церковное единство или все ваши "невозможности"»?..

Всем, начиная с Даниэля, так думающим, я бы, если бы меня спросили, посоветовал почитать одну простую и интересную книжку.

Даниэль, во времена твоей юности тоже в Польше жил один тоже польский еврей. Он был врач, а заведовал сиротским домом для детей — евреев и неевреев. Потом, когда пришли немцы, то он даже эсэсовцев расположил к себе до такой степени, что один из них предложил старому доктору спасти его, увезти из варшавского гетто, но тот отказался и вместе со своими воспитанниками отправился на прогулку в любопытное местечко Треблинку — с тех пор ни его, ни детей этих что-то никто не видал...

Да, так вот он еще перед войной написал сказку для детей, которая очень полезна и для взрослых. Герой ее, десяти- или двенадцатилетний Матиуш, вступив после смерти своего отца-короля на престол, задумал всякие изменения и спрашивал у министра юстиции: а это можно сделать? А вот это? И тот отвечал: да, можно. Тогда вы будете называться «Король Матиуш-Реформатор». А однажды маленький король спросил министра: а можно ли посадить детей в министерские кресла, а если взрослые министры заупрямятся, то нельзя ли их — в тюрьму? И тогда тот грустно ответил: Можно. Но тогда Вы должны будете называться не «Король Матиуш-Реформатор», а «Король Матиуш-Тиран». То есть — можно и такую «Церковь» образовать, но надо ясно отдавать себе отчет, что тогда ее следует назвать: «Церковь имени Даниэля Штайна по мотивам известного автора Иисуса Христа».

Этого хотите? Тогда — мечтайте. Но об этом ли мечтаете? Когда вы это получите — а получите вы только это и ничего другого, — вы не расстроитесь? Прекрасно. Тебе в дорогу, романтик. Единственное, что спрашивается со взрослого человека, — мечтай, дерзай, делай что хочешь, но при этом отдавай себе ясный отчет: чего ты на самом деле хочешь и что делаешь. Не удивляйся, если получишь не то, чего хотел, а бог его знает что.

(Пенять на себя, отдавать себе отчет: твоя мысль, если она мысль, не позволяет шуток с собой, потому как мечтаемое, помысленное уже есть дело, обратить которое очень трудно, — это одно только «пенияние-на-себя» — и есть то, чему разучилась многомиллионная шестая часть света. И вот пока она этому пустяку, «*единому на потребу*», эта шестая часть

(или пусть одна шестая этой шестой, ее политическая и культурная элита) не научится заново, — ничего ни хорошего, ни даже ясного, четкого плохого, — ничего у нее ни в чем не получится, объявляй госатеизм или православие, капитализм или социализм, монархию или республику, — все едино, «*опять какие-то пустяки получатся*», как говаривал Зощенко... Иначе, я боюсь, произойдет следующее: пока страну опять пугают кознями и агрессией Запада, реальный Запад рано и ли поздно поймет, что он и так без нас обойдется — мы ведь занимаем только *одну* шестую часть света, а есть еще целых пять шестых... Он просто вежливо, никаких больше уступок от нас не требуя, сам закроется от нас и будет себе жить-поживать, оставив дырочку для того, чтобы нефть-газ-электричество продолжали течь куда положено, но и платя же за них по мировым ценам. А не надо забывать, что не только Запад зависит от нас, но и наоборот: если они не будут у нас ничего покупать, то ведь и мы тем самым ничего никому не продадим, — а вот тогда и посмотрим, чего на самом деле стоит «Великая Россия» в ее сегодняшнем озвучании... Впрочем, боюсь, нам это скоро надоест, скучно станет вариться в собственном котле (а тем-то без нас совсем не скучно, а вполне привычно, без нас так и комфортнее), и мы чего-нибудь такого затеем на свою умную голову, что и нам, и всем мало не покажется...)

20. Безо всякого Иакова

Ладно. Так все-таки — на чем же ты тогда хочешь основать свою Церковь? На себе самом? У тебя ведь и фамилия Штайн, что значит «камень»; то есть тебя автор уподобляет апостолу Петру, на камне веры которого Господь основал Церковь. Ты — второй Петр. Да? Подожди тогда уж и Второго пришествия Христова; может, Он сочтет нужным наделить тебя Своею благодатью, как он дал ее первому Петру, — для основания твоей новой Церкви,

Да, объединяться надо. Но Ваше приглашение к себе, ситуайен Штайн, не созиждет общее целое, не объединит католиков и ортодоксов, а только разрушит их церковное самосознание: для того, чтобы пойти к тебе, надо признать твое а-догматическое учение истинным, а это — духовное самоубийство всего католического в католиках и всего православного в ортодоксах. А заодно всего ортодоксального в католиках и кафо-лического в ортодоксах.

Именно так — и никак иначе. То, что предлагает Даниэль, это не путь к действительному объединению Церкви. И дело в принципе даже не в абсурдной утопичности именно «иудеохристианской» церковной идеи (в самом деле, выведем за скобки слово «еврейская», — речь ведь идет об опыте «второначального» соединения всей расколотой, некогда единой мировой Церкви; уберем «еврейская», — что останется от идеи Штайна? — общая, единая «*просто христианская Церковь*»; так все равно же — те же вопросы). Это «*просто христианская*», адогматическая «Церковь» только кажется открытым выходом, а на деле как раз — ту-

пиковая ветвь, лишь называющая себя — пусть искренне — христианской. «Созданная» по воле одного человека, опирающегося только на свое хотение.

Вот только щучьего веления ему не дано.

И потому, когда этого одного человека не станет, его «Церковь» неминуемо развалится. Что и происходит с ней в итоге, как говорит сам повествователь. Только это не следствие, как он полагает, отсутствия таких, как Даниэль, а следствие того, что когда его не стало (мир ему, жаль его, сроднились с ним), — но только все равно, когда не стало ересиарха, отрицающего все главное в Церкви, автора всей этой путаницы, чепухи чепух и всяческой чепухи вместо стройного продуманного от альфы Христа до Его же омеги учения Церкви, тогда и суггестивный гипноз его прошел у членов бывшей общины, они, думаю, довольно быстро пришли в здравый смысл — и отправились, кто в «нормальную» Церковь, а кто просто стал летом ягоды собирать и варить варенье, а зимой — есть его и ребятишек баловать, как советовал пламенным головам поступать тот же Розанов.

Потому как в после даниэлевой кончины в его «Церкви» не только не стало преемственной благодати, но, если бы даже он сам был епископом и мог кого-то рукоположить во священники себе в замену, — то кого? Помощница Хильда еще как-то вразумительна, но у католиков женщина не может стать священником. Остальные же и вовсе... Некому и никому здесь нельзя ничего путевого, — а тем более благодать — передать.

Ну, понял наконец, браток? Ведь жалко же тебя. Ты и впрямь ведь добрый и любящий, но надо что-то делать со своею головой-то, больной на самую себя; что-то делать, чтобы твое «*сердце не забегало вперед головы*». Это такая церковная — и не только — болезнь, свойственная вообще-то не евреям, а неким русским, от которой их еще когда, тому лет сто пятьдесят, когда б не более, очень ученый и умный их митрополит Филарет Московский (Дроздов) предостерегал, как от «*веры, аще не по разуму*». Но ты-то — вроде как еврей, ты-то употреби голову по назначению врача.

Однако автор утверждает уже прямо от себя, что Даниэль Штайн — собой, своим телом стал «*единственным мостом между иудаизмом и христианством*», перекрыл пропасть между ними.

Шутите Вы, что ли, в самом-то деле?

Бросьте.

Вы что, не понимаете: между иудаизмом и христианством в самом деле — *пропасть*?

Извините, что не удержался на срезе «героя, а не автора», но — никакой он у Вас не иудеохристианин. Он вообще не иудей и не христианин.

То есть «по человечеству», как частное лицо он — может быть, и иудей, и христианин, поскольку самоотверженно любит своего ближнего. Это же Моисеева заповедь, и она-то как раз не «снимается», а прямо «подтверждается» и даже доводится до nec plus ultra — до «положения

живота» — в Новом Завете. Стало быть, соблюдающий эту важнейшую заповедь может быть причислен иудеями к себе, а христианами — к себе. Впрочем, в этом, частно-человеческом смысле, он может быть признан на тех же основаниях и буддистом, и последователем Ганди, безапелляционно положившим живот свой за искренних своих — всю Индию своих искренних, и даже римским сотником-язычником, живущим, однако же, по своей вере и по совести, как повествует в «Деяниях апостолов» евангелист Лука.

А вот «по священству» как вероучитель своей паствы, утверждающий то, что считает истиной, — от такого «христианства» (а если б он был и буддистом, и зороастрийцем, то и там преуспел бы в новаторах-активистах, предложив свои теологические ноу-хау, не глядя на глуповатых Гаутаму и Заратуштру, это уж будьте благонадежны), по «священству» он столь отважен, размахивая мечом-кладенцом, что от него — только бежать сломя голову, именно чтобы та оказалась цела.

Вернусь на секунду к уже помянутому: в свое время апостол Петр, согласно «Деяниям апостолов», был приглашен на обед римским сотником — и собирался отказаться: как это — сидеть за одним столом с «политеистом», есть некошерную пищу (апостолы строго соблюдали правила кашрута)?! Словом, только было он отказался, как был ему глас: не гнушайся никем, даже язычником, если он живет по своей совести, если он по-своему праведен. Так вот этот сотник, как видим, угоден Богу, хотя и не поклоняется Ему. Так бы и Штайн, когда бы не одна мелочь: сотник не был священнослужителем; он никому ничего не проповедовал, не учил о том, чего не знал (например, о том, что Св. Троица — это выдумка греков, а младенец Йешуа прижит Мириам от Ее законного мужа Иосифа). Он был язычником, но чувствовал в Петре присутствие истины и Бога истинна. Вот и все — и этого для римского язычника в данном случае достаточно.

А вот ежели теперь без оглашения поставить славного сотника во иереи, а он как начнет искренние и прекраснодушные, но, увы, невежественные, небывалые вещи с кафедры баснословить... Что тогда?

Ничего хорошего? И я того же мнения.

...Ни в каком случае, в кого бы ни думал он, что верит, Даниэль Штайн как проповедник и вероучитель — не христианин. Ну и уж само собой — не иудей. Ни тот ни другой — согласно его же максиме: главное — знать, в кого или во что веришь. А он не знает — ни того, ни другого. Думает, что знает, а сам пророка Исайю не читал. А это нельзя. Ни у тех, ни других.

А человек он хороший, это да — и вот растянулся всем телом, упершись ногами в один край пропасти и цепляясь руками за другой, и так думает быть мостом, по которому предположительно пойдут люди с одного края на другой в обе стороны, прямо по его живому хребту; но не зная, как богословские мосты правильно строить согласно «религиозному сопромату», чтобы они держались. Не имея точного понятия, а

потому и не умея, он просто сам на наших глазах все больше провисает, чтобы неминуемо свалиться туда, в пропасть. На наших глазах. Это страшно видеть и больно, потому что, невзирая на все его глупости, успел, сто раз не устану повторять, привязаться к нему, полюбить его за карлсоновы ножки, — так и хочется спеть: «*Но трогать его не моги за его малый рост, малый рост*», — за родную безалаберность, за радостную открытость.

Страшно видеть, как человек срывается в пропасть, однако все это — плод его же самоотверженного, но ничего путного не желающего слышать безумия. Не христианского, того, которое — «*для Иудеев соблазн, а для Еллинов — безумие*» (1 Кор1:23), не безумия-сверхразумия прп. Симеона Нового Богослова, а простого, почти медицинского... Да еще и других туда, вниз, тащит; как слепой, ведущий слепых в яму.

«*Все почти с ума свихнулись, даже кто безумен был,— и тогда главврач Маргулис телевизор запретил*».

Именно. В конце романа церковные власти все-таки запрещают Даниэля в служении. «*Прибежали санитары — зафиксировали нас*». Бывает. И правильно сделали на сей раз. Как и врач Маргулис. Поиграились добрые дети в «*христианскую Церковь*» — и будет. Натешили душу — и ладушки. В сущности, его надо вообще не запрещать-отлучать, а сначала полечить у хорошего психотерапевта, а там и посмотреть, что он дальше сам выберет. У психотерапевта вроде Юнга, широко мыслящего и признающего мистическое начало не как форму помешательства, а как именно то, что от помешательства лечит. Но опять-таки лечит, беря в толк, что и сходить с ума, чтобы это было истинное схождение с плоского здравого ума, а не клиника, — сходить с ума, чтобы стать сверхразумным, а не недо-умком, надо, скажем так, по «разумным правилам безумия».

Да, наш пациент — прекрасный человек, но при этом «больной неадекватен». Это мой диагноз; конечно, он немногого сто́ит в том смысле, что я не дипломированный теолог, а равно и не психотерапевт и не психиатр. Боюсь, однако, диагноз этот совпадет и с диагнозом «специалистов», буде они возьмут на себя, при всей своей всегдашней занятости, прочитать роман в 500 страниц.

Правильно сделали, что запретили. Неправильно, что не запретили раньше. Поверьте, знающие меня подтвердят: я не моралист, не законник, я разгильдяй и пустой человек в высшей степени, но тем не менее говорю то, что говорю, — просто потому, что, как выразился еще Сумароков, «*противно то уму*». Противоречит, то есть, и уму моему, и совести — ведь и у пустого человека, бывает, есть совесть.

И если у Даниэля она тоже есть, более того, если у него, в отличие от меня-отщепенца, есть чувство ответственности за свое слово и дело — а оно, как уверяют все остальные герои, в нем в высшей степени развито, — он должен сказать своему начальству, что отныне не разделяет все основные воззрения католической Церкви, ее главные вероучительные утверждения, не понятные и чуждые ему, — и поэтому уходит из кар-

мелитского монастыря и просит, буде это возможно, снять с него сан священника. А если этого никак нельзя, если таинство священства неотменимо, то он сам себе запретит священствовать, говорить от лица католической Церкви. Да. Вот так и не иначе.

А он, Даниэль-то, чихать хотел на всякие «запрещения» и говорит своей ближайшей помощнице, я уж не помню его точные слова, все-таки 500 страниц, а искать по второму разу, так у меня с катарактой, будь она неладна, уже сил нет, — сам виноват, довел и себя, и меня до помрачения, — но по смыслу что-то «типа того», что-де если его запретят, то он один в углу, а служить будет.

Я так понимаю, в смысле: если его запретят, — *камни возопиют*. А что? И возопиют — у нас это очень даже лех-ко. Уж вы мне поверьте, я его знаю, я о нем пятьсот с лишним страниц прочел — и как еще внимательно, мне бы так Библию читать. Знаю я его — будет служить. Такой уж человек упрямый, вроде меня, прости Господи. Он, запрещенный в служении, будет продолжать служить, а я буду вослед продолжать об этом его служении писать, что думаю. Хотя давно пора остановиться.

Но как же тут остановишься, когда человек отрицает Св. Троицу и одновременно считает себя самым настоящим католическим священником? Вот чудак-человек. Это до того загадочно, что... Нет, но все-таки — «*кому все это мешает*»? Почему догмат о Св. Троице так мешает Штайну, что буквально доводит его до по-мешательства? Нормально работающее сознание может быть и атеистическим, и буддистским, и иудейским, и христианским; но христианское нормальное сознание не может, вопреки логике христианского мышления, признавая Иисуса — Христом, Мессией, Господом, единственным в собственном смысле слова Сыном Божьим, не признать Иисуса Христа не только Господом и Сыном Божьим, но и Господом Богом-Сыном, в Котором «*обитает вся полнота Божества телесно*» (Колос — см. выше).

Мне это совершенно непонятно — в системе и структуре христианского мышления, повторяю. В любой другой системе и структуре, это о чем говорить — тогда и сам вопрос не возникает.

А вот автору понятно. Он не то что разделяет позицию своего героя — он ее считает единственно верной христианской позицией. Даниэлева жизнь, проповедь и служение Богу и людям — в этом и только в этом авторское «кредо». Больше того, автор идет куда дальше своего героя.

Почти в самом конце книги, говоря уже от себя, автор восклицает: «*Бедное христианство! Оно может быть только бедным: всякая торжествующая церковь, и западная, и восточная, полностью отвергает Христа. И никуда от этого не денешься. Разве Сын Человеческий, в поношенных сандалиях и бедной одежде, принял бы в свой круг эту византийскую свору царедворцев, алчных и циничных, которые составляют сегодня церковный истеблишмент? Да и Он им зачем? Они все анафематствуют, отлучают друг друга, обличают в неправильном «исповедании» веры. А Даниэль всю жизнь шел к простой мысли — веруйте как хотите, это*

ваше личное дело, но заповеди соблюдайте, ведите себя достойно. Между прочим, чтобы хорошо себя вести, не обязательно даже быть христианином. Можно быть даже никем. Последним агностиком, бескрылым атеистом. Но выбор Даниэля был — Иисус...»

Тут уж оторопеет, думаю, и сам Даниэль. А всякие мизантропические типы вроде меня только руками разведут... Все та же песня Высоцкого.

«Разошелся, так и сыпет: Треугольник будет выпит, будь он параллелепипед, будь он куб, ядрена вошь!»

Притом, как известно, всяк, выпив, тем самым — выпьет, да не всяк, выпив, после того крякнет. А от приведенного пассажа крякнет — каждый всяк.

Потому как, *«Если бога нет, то какой же я после того капитан?»* Вот это — правильно поставленный самому себе вопрос (что ни говори, если Достоевский гений, — то не в последнюю очередь потому, что, как правило, правильно ставит вопросы, чем подводит читателя к простому или сложному, но всегда релевантному ответу на релевантный вопрос), который потому имеет и правильный ответ: а если я не капитан, то это не только снимает с меня права капитана, но и избавляет от капитанских обязанностей. С какой такой стати буду я тогда не только соблюдать чьи-то «заповеди», но вообще думать, что я кому-то что-то «должен»?! Я ни у кого никакими заповедями не одалживался — и никому такому, кого нет, ничего не должен. Насколько я наслышан, соблюдать какие-то там заповеди — это, бывает, нелегкий и не всегда приятный, да и не слишком благодарный труд. А на кой он мне, извините, хрен, когда я больше не капитан с санкции несуществующего Бога?

Так-то ведь и скажет, — и возразить ему я, например, не сумею. Внутри его атеистической (да пусть и агностической) логики рассуждение его безупречно.

Уважаемый, кем бы Вы ни были, хоть *«последним агностиком»*, хоть окрыленным атеистом, создатель романа, вот это вот все предыдущее *«от автора»*, то есть, уж извините, ни на кого другого в данном случае грешить никак не возможно, — все вот это, сказанное Вами здесь, — вообще ни к Церкви, ни ко Христу, ни к чему иному, кроме нравственного учения Сухомлинского и других сухомлинских, «имеет никакое отношение». Это не значит, что я Сухомлинского или Макаренко не уважаю. Уважаю, при всей своей предубежденности против их коммунистически окрашенной педагогики. Они все равно были серьезны, талантливы и впрямь хотели добра своим воспитанникам. И вправду многому их научили. Не говоря уж о Януше Корчаке, человеке безапелляционно святом, хоть и неконфессиональном. Все конфессии отступают перед той Христовой любовью, когда человек, имевший возможность выжить, предпочел быть загазированным и сожженным вместе со своими воспитанниками, подбодряя и утешая их, воспитывая их до смертного «душа» (в гестапо же, если бы судьба поставила его перед Даниэлевым выбором, он, кажется, все же не пошел бы, — например, надев

черную форму, войти к собственным, приютским еврейским детям и прочесть им приказ, что сейчас их законно расстреляют всех до одного... Нет, не могло этого ни в каком сослагательном наклонении быть!). Да, этот человек не только положил живот за други своя, — он саму смерть превратил не только в испытание, но и — в воспитание смертью...

Но, во-первых, зачем писать 500 страниц и проделать, судя по всему, автором же сообщенному, долгую и трудную работу — чтобы *вернуться* к «марксистско-ленинской этике» — к Сухомлинскому или пусть даже Корчаку? О последнем и так пишут и ставят фильмы. Но на какого лешего, спрашивается, нам второй Сухомлинский, когда и первый — стоит на полке в любой библиотеке: читай и поучайся? Вообще если, по-Вашему, «*можно быть кем угодно*», лишь бы общие заповеди соблюдать, даже «*бескрылым атеистом*», — то какой смысл вкладывают в свою многоразличную веру миллиарды людей? Если заповеди эти общи, вытекают из естественного закона и сами собой разумеются, — из-за чего они свое отстаивают, «враждуя»?

В самом деле, если все так, как автор считает, то единственная причина, почему все, включая даже Даниэля, говорившего: можно верить, можно знать, но *главное — знать, в кого веришь*, — тогда единственная причина того, что люди верят каждый в своего Бога и отстаивают свою веру вплоть до последней черты, отделяющей жизнь от смерти, состоит в том, что все действительно верующие люди — агрессивные глупцы.

А ну как все не совсем так? А если дело в той простой вещи, что каждый, даже и умный, образованный и мыслящий человек видит серьезный смысл именно в своем представлении об истине — и его-то и защищает как самое жизненно-важное против другого, столь же насущного, но неприемлемого для него смысла у верующего в другое или в Другого?

Вот, опять же, ветхозаветная заповедь гласит: око за око, зуб за зуб. А еще точнее: «*Око под око, зуб под зуб*». То есть буквально — выбил ближнему глаз — получай в ту же степень в глаз. Убили одного еврея — надо в идеале убить одного убийцу. Это справедливо? Да. Это самый справедливый закон возмездия, который я знаю. А вот Христос говорит о любви к врагам, о том что до́лжно молиться за гонящих тебя и благословлять тебя обижающих, и благотворить тебя ненавидящим... Это кто-нибудь еще сказал из великих учителей древности? Что там древности, когда и сейчас человек христианского вероисповедания ***этого*** почти не может. И то, и другое совершает, а ***это*** получается мало у кого.

Потому что то, чему учит Христос, *не* справедливо. Учение Христово (не замечали?) противоречит человеческому представлению о справедливости, границах любви и возможности «благородной ярости». Но Он именно этого требует: никаких ограничений любви и никакого оправдания ненависти, и если никто этого не исполняет — значит, всем нам, называющим себя христианами, грош цена. Но мы хотя бы познаем из учения Христа и своего неисполнения Его учения, что нам как христианам грош цена. А это уже дорогого стоит...

...Да, а что если это не «*высокомудрая болтовня*» о разных смыслах, в которых на самом деле заложено одно и то же, а если эти смыслы — разные действительно, до последней глубины, до скончания века, до мозга костей, до самого страшного суда, который только и определит, чей смысл — смысл, а чей — недомыслие? Если все это — не только от неумения любить и миром решать даже не решаемое? Но это от века положено, не приемлемое нами, а все равно так до скончания века и останется, и вовсе не без серьезных причин. Я, как и автор, не вижу в причинах этих ничего «хорошего», но признаю, что они есть и что они очень серьезны по существу, по содержащемуся в них действительному смыслу.

А не просто дело в злой и корыстной воле. А не — взял да сел за стол переговоров или так это на минуточку перекрыл своим телесно-духовным мостом пропасть. Пропасть — это пропасть. А такая пропасть — буквальная пропасть, то есть без конца, без дна. Бездна. Нет даже слов для ее описания — а не то чтобы что еще...

Если же и у Даниэля, как у его создателя-автора, преобладала мысль, что достойное поведение — это ***всё***, чему учит Церковь; если вероучение ее сведено им к прикладному земному нравственному учительству, — то чего, опять спрашивается, Штайн пошел в священники, почему его выбор — был «*все-таки Иисус*»? Да куда лучше бы он учил людей просто хорошо себя вести с самого детства, что и надежней. Да и каким бы славным воспитателем в детском саду он был — при его любви к детям и умении с ними обращаться! Я серьезно: если б у нас в детских садах работали такие, как Даниэль, жизнь вокруг была бы просто «зоной земного Рая», зоной учтивости, открытости к людям, безысключительной любви к каждому. Радостная, мирная, вежливая жизнь вокруг была бы, а уж криминала там какого — мы бы и не знали, что это...

(«Дорабатывая» полный текст, я тем временем получил некоторые отклики на «дайджест», опубликованный в 5-м номере «Нового мира». В частности, очень интересным мне показался один отклик, где среди прочих был поставлен вопрос: зачем нападать на роман о Штайне, зовущий к единению всех людей доброй воли на основе «*добрых чувств*» и «*достойного поведения*»? Выступать же против такого объединения — значит, лить воду не мельницу путинского режима. Меня такая постановка вопроса огорошила: нас снова призывают *взяться за руки, чтоб не пропасть поодиночке.*

Допустим. Но примите во внимание, что такого рода объединения имеют дело всегда с короткой жизнью во времени — до смерти. И принцип земного объединения для этой цели на любой основе типа «*давайте говорить друг другу комплименты*» — подходит. Для этой цели подходит КСП и все вытекающие из него поездки за туманом и за запахом тайги. За туманом «добрых чувств» в тайге «мудрых мыслей». А когда речь пойдет о самом главном — о вечной жизни, то можно чихнуть на нее и сказать: Бога нет — это медицинский факт. Можно все.

Но зачем же для земного объединения *использовать* Христа и Его Церковь, имеющую дело именно с вечностью, не с «вечными спутни-

ками» нашей культуры, а с *самой вечностью*? Как и всякая строгая наука, как и всякое высокое искусство, как и всякая серьезная духовная практика, действительное христианство — бескорыстно, а точнее имеет одну высокую корысть — спасение; и делать из него прикладной инструмент «заединщины», хороша она или плоха, думая, что всякая вера относительна, а абсолютно важны лишь «*чувства добрые*»... Друзья, мы-то вас понимаем, а вы нас нет. Вы нас своей меркой мерите. А это неправильно. У верующего мерка другая. А если вы этого в толк брать не хотите, то хотя бы объединяйтесь и беритесь за руки «на базе» другой какой, а не церковной, ва-а-ще не понятной и неприятной вам «платформы». На базе, например, неприятия нынешнего политического режима, и кое-кто из нас, я, например, буду с вами вполне заединщик. Но в понимании главного наши пути все равно разойдутся. Что не помешает нам быть добрыми друзьями. Но в понимании главного — мы... И так далее.

Словом, ставить вопрос так — это думать, что и те, которые в Церкви, стоят там *условно*. Верят в Бога и жизнь вечную условно, ввели в понятийный обиход «абсолютную истину» относительно — чтобы хорошо вести себя (а зачем? Ты скажи, зачем?) в земной жизни, а то есть — вовсе не верят, ну точно как и ты, в Бога; не верят, как и ты, что у Бога есть определенное имя, — и вовсе не занимаются тем, что называют и призывают Его по имени, а... Что? Слушай, чем они там, в этой своей Церкви занимаются, не знаешь? Вот и я не знаю, почему это роман о Церкви и священнике зовет людей объединиться на основе неких туманноликих *добрых чувств*, которые всеми, в том числе и Путиным (а я думаю, что и он искренне хочет кому-то какого-то добра), понимаются по-разному, а не на основе точных истин веры... Что этот Штайн в Церкви делает, если все, что он делает, можно сделать и без Церкви, и без Христа Иисуса, — как, впрочем, и без Иисуса-не-Христа, а Иисуса Навина или Иисуса сына Сирахова?..

Во-вторых, все-таки о Церкви, раз уж автор ее «от себя» упоминает. Я и хотел бы согласиться с автором, что только бедная Церковь — более, я бы еще добавил: только гонимая Церковь — права и является Церковью. Мне это чувство симпатично, я из-за него в 1982-м ушел в «катакомбы» — советские, конечно (куда нам до мучеников и исповедников), а именно — это была Зарубежная русская православная Церковь, «карловаты», «белая, а не красная» — как угодно, но тогда ее в СССР запрещали до как минимум увольнения с работы, — чепуха, но неприятная, как комариный укус, — а то и посылали за Можай. И потому мы покупали всякие пустые пятистенки в деревнях за Торжком или Коломной, стоившие до смешного мало тогда, километров за семь от шоссе, вглубь леса, где в дальней деревне было трое-четверо жителей, а дальше уже кончались всякие столбы-столпы цивилизации, а с ними электрический свет, да на болоте кто-то ухал-икал — филин, наверное, да выпь какая ни то, а зимой на опушке леса вечером горело много

красноватых глаз — волки, кому ж еще, — а мы знай себе служили всенощную, переходившую в литургию, чтобы ночь постояв, под утро по одному идти к шоссе искать попутку... Словом, есть что вспомнить.

...И тем не менее сегодня, 25 лет спустя, невзирая на все мои симпатии-антипатии, невзирая на то, что меня лично до крайности удручает почтительно-послушно-молчаливая позиция сегодняшней Церкви по отношению ко всей той циничной красно-белой лжи, что так и льется опять с самого верха, промывая бедные мозги любимых-презираемых властью народных масс, — невзирая на все, я вынужден признать: Церковь не может ориентироваться только на бедность и гонимость, она должна считаться с реальным положением вещей, и если сейчас ее не гонят, а наоборот, — то, как ни противно, действительно, видеть в Церкви солнцевскую братву или членов правительства, еще недавно... чего тут говорить? И все же Церковь, бедная или там богатая, не должна быть бедной искусственно (это все тот же даниэлев артефакт «возвращения», утопически-искусственной реконструкции первоначальной Церкви), — и она должна принимать каждого, даже того, у кого открыто-бывшекомсюковская стойка и узнаваемое с первого взгляда лицо — из тех, которые Пастернак называл «*свиноподобными рожами*».

Но они не свиньи. Они люди. Не только бандиты, но даже чиновники. Даже члены государственной Думы. Даже номенклатура, включая господ-товарищей из министерства обороны. И для того, чтобы они перестали походить на свиней и стали в полном смысле людьми, несущими в себе образ и подобие Божие, Церковь должна принять в себя и их. Церковь верует и должна веровать, что и у таких все же есть совесть, не может не быть: со-весть — это весть от Бога в душе, внутренний голос, и как бы ни затаптывал ее в себе человек, но она, вложенная в душу каждого, до конца неистребима. Значит, и у этих есть шанс... Такой же, какой у нас. Точнее, у каждого-меня.

И уж никак нельзя утверждать, что «*торжествующая Церковь, западная и восточная, полностью отвергает Христа*» — и «*никуда от этого не денешься*».

Во-первых — денешься. Если захотеть, всегда найдешь, куда «деться». Я без напряга, навскидку, готов назвать имена священников, к которым могут быть претензии в том-этом, но которые, безусловно, не отвергают Христа — ни полностью, ни даже частично. И это я — одиннадцатый год живущий в Германии, бывающий в Москве раз в году по месяцу; а сколько за это время подросло священников, имена коих мне неведомы, — но уверен, среди них есть такие, что Христа не отвергают никоим образом.

Кроме того (в который уже раз!), пиша о Церкви, нужно иметь какой-никакой церковный багаж, быть о чем-то серьезно осведомленным. Я склонен думать, что некоторый «медицинский багаж» серьезно помог автору «Казуса Кукоцкого»... по крайней мере, сделать книгу — книгой, о которой спорят, а не... Ладно. Словом, будучи при багаже, не станешь использовать церковную терминологию в прямо обратном

смысле, набивая оскомину у людей, имеющих хоть какие-то сведения о Церкви. Так, «*Торжествующей*» (она же незримая, «Небесная»), эксклюзивно для Вас, уважаемый сочинитель, и называется, и является как раз не Церковь *алчных византийских царедворцев, составляющих сегодня церковный истеблишмент*, и проч. белиберда, а Церковь, живая во Святых, и ее благодатью омываются грехи членов Церкви земной, «*воинствующей*».

Если угодно, можно сказать так: истеблишмент самого разного и чаще всего неблагообразного рода в России — есть, но в том момент, когда представители оного входят в храм, они истеблишментом остаются разве в своем самосознании (и пусть какие-то служители Церкви выделяют им особо почетное место, это их грех), — но в Церкви как мистическом «теле Христа», по апостолу Павлу, — в этой Церкви сильные мира сего — лишь рядовые мира иного, и сознают, пусть пока не вполне, они это уже потому, что молятся прпп. Сергию Радонежскому или Серафиму Саровскому, не имевшим порой в пищу и куска хлеба, а только сныть-траву; да и участвуют они в службе, литургии свт. Иоанна Златоуста, который, как уже напомнено, будучи Патриархом Константинопольским, «Вселенским» (вторая после Рима по степени почета древняя кафедра), променял все на Христову свободу говорить Христову правду в лицо и властям, и византийскому истеблишменту, за что и умер по ссыльной дороге от лишений пути. Вот я и думаю, готов, то есть, допустить, что и эти «подсвечники», пусть один из пяти, осознают, наконец, в полную меру, кому они молятся и чьими молитвами — и поймут, чего стоит душа их грешная со всеми материальными прибамбасами — перед нищетой этой святой голи перекатной, чего стоит их сила по сравнению с невзрачным смирением бомжей Антония Египетского и Макария Великого и многих славных, ночевавших в скальных пещерах Египта — большей частью разграбленных фараоновых захоронениях, в краю, где летним днем — температура за плюс тридцать, а ночью — плюс два-три...

Я и хотел бы думать иначе. Мне, может, и хотелось бы, чтобы те, кто мне нравится, только бы и спаслись, а с ними и я грешный, а эта богатая и наглая шелупонь, возомнившая о себе бог весть что, — вот вся эта придворная гвардия не спаслась бы, чтобы не мешать хорошим радоваться в раю, — точь-в-точь как Гекльберри Финну хотелось только в такой рай, где он встретит Тома Сойера, а иначе рай для него — скучнейшее место.

Но я себя, в отличие от Гека Финна, останавливаю тем, что и этих джентльменов и леди сотворил Тот же, во все времена Один и Тот же Господь — по образу Своему и подобию, как и нас с Вами, а стало быть, на кого я бочку качу? *Трудно человеку идти против рожна*, как сказал Господь с неба свирепому Савлу-гонителю христиан. «*Не может глина судиться с горшечником, который ее вылепил*», — как потом любил повторять сам Павел. Я должен, я просто обязан, я просто не могу их не любить! Я их уже люблю, даже чекистов младшего-среднего-стар-

шего звена, то есть, поставив, разумеется, и в сознании своем, и в жизни четкий предел, желаю им, как и себе, сотворенному по тому же образу и подобию, спасения...

А в-третьих, это, мягко говоря, сильно сказано. Смело. Настолько смело, что застываешь, читая, — а потом думаешь: интересно, а готов ли написавший и опубликовавший такое, с тою же смелостью отвечать на Суде Божьем, *где и лучший из нас...* — как уже говорилось? Ведь сказанное — прямая хула на Христа, а хуже того — и на Св. Духа. По той самоочевидной причине, что Он сказал: *«...созижду Я Церковь, и врата ада не одолеют ее»* (Мф 16:16-17). Сказанное же автором попросту отрицает слова Христа: врата ада уже одолели ее — безо всякого-якова, «стопудово» — коль скоро Церковь — вся — полностью отвергает Христа. То есть если Христова Церковь полностью отвергает Христа — то она не Христова, а значит, и не Церковь, а она... Слов нет. А это безапелляционно значит, что в ней нет и не может быть Св. Духа, а есть в ней дух прямо противоположный.

А на это — что Христос говорит? А вот что: *«Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем»* (Мф 12:32).

И тогда приходит в дурную голову всякая всячина; и в итоге всего этого «ментального шума» остается одно объяснение, простое, как дверь. Именно же: автор вообще в Бога не верит, потому и Суда Его не боится. Извините, но я не вижу альтернативы.

И пусть. Каждый выбирает по себе. Но в таком случае опять все тот вопрос: зачем садиться не в свои сани и сбивать честной народ с панталыку? Зачем, даже обзаведясь тремя десятками консультантов, но не чувствуя нерва темы и не понимая ее до сокрушения сердца, — а иначе ее толком и не понять и «не раскрыть», — зачем писать о Боге, Церкви и догматах веры? Зачем выводить «культ» Девы Марии из культа богини зла и разрушения Кали и прочее столь же мало основательное?

Это все очень, знаете ли, тонкие материи, и нельзя, имея в своем распоряжении вместо скальпеля нож для разделки мясной туши, делать сим предметом операцию даже аппендицита. Нельзя: *Богородица не велит.* Сколько ни отрицай Ее девственность.

Надо, впрочем, сказать: у интеллигенции, как и вообще у населения всей «ойкумены» земного шара — накопился и впрямь серьезный список обвинений, предъявляемых членам Церкви. Конечно, Церковь, по крайней мере, католическая, может сказать, что католики признали весь список. Папа принес от лица членов земной, исторической Церкви, повторяю, — такие вещи не грех и повторить, что бы кто ни говорил, я лично вижу в этом образец для подражания, — публичное покаяние за все грехи католицизма, от начала — едва ли еще не со времен гонимой Церкви, подробно-подробно, включая то, о чем никто сейчас и не вспоминает. Он сделал все, что мог, больше, чем мог, — *пусть, кто может, сделает больше.*

И все равно секулярный человек имеет оправданные претензии к Церкви, потому хотя бы, что он хочет любви, а сам ее не имеет и ждет от Церкви, которой ее Создатель дал заповедь любви как главнейшую; стало быть, не «мир» обязан «полюбить первым»: он не научен этому, а Церковь с ее двухтысячелетней практикой соблюдения заповеди любви.

Да вот, именно так я ставлю вопрос, понимая, что «*на грубость нарываюсь*». Или: если в романе читаем от автора: «*В России церковь отвыкла за советские годы быть победительной... Но вот что произошло — с переменой власти наша церковь пала на спину и замурлыкала государству: любите нас, а мы будем любить вас. И воровать, и делиться... И церковный народ принял это с ликованием*», — что, это неправда? Нет, братцы и сестрицы, что правда то правда. По-моему нижайшему мнению, это горестная и позорная для Русской Церкви правда.

И то, что любой человек имеет право и возможность это сказать, а не так чтобы заткнуть его, «вырубив» на-счет-раз: «Не дерзай, чадо», «Не благословляю, чадо», «Кто ты такой, чтобы самих первосвященников судить, чадо? Имей уважение к сану. На них благодать почиет, на архиереях, — а ты кто такой?»

На это сегодня ответит любой, кто неравнодушен к Церкви, «воцерковлен» он или нет: «Кто я? Я — человек, сотворенный Богом по Его образу и подобию, — пусть и искаженным мною, — как и любой архиерей». Конечно, я понимаю, кто я и кто он. Но и он должен же понимать, что *кому больше дано, с того больше и спросится*. В XV веке в России это понимали, и ни один архиерей не посягал на право изображать на иконе «Страшный суд» неправедного царя и неправедного патриарха или митрополита, первыми идущих во ад.

Человек «воцерковленный» может еще добавить: «Кто я еще? Я — христианин, пусть трехкопеечный, но христианин, а значит, по слову апостола, при всей моей падшести, до тех пор, пока я не выхожу за пределы церковной ограды, принадлежу к "*роду избранному, царственному священству... людям взятым в удел...*" (1 Петр 2:9), — как и любой первосвященник, и, значит, имею полное право со всем смирением, но твердо говорить, что думаю, при том условии, что я именно так честно, без лукавства думаю — и никого не "поджигаю", не "уклоняю" в раскол и создание новой Церкви, а просто хотел бы, чтобы наша Церковь была, наконец, честна и сняла бы с себя этот позор. Дабы я мог "послушаться" церковным властям без тяжкого сомнения и с чистой совестью».

То, что любой имеет право и возможность сейчас открыто это говорить, — это правильно, это хорошо есть, это есть и «проверка на вшивость», и подлинная свобода со-вести, — как и право современного мира не принимать Церковь.

И Церковь должна принять этот «вызов» «малых сих», включая и представителей секулярного сознания, если это сознание — действительно со-знание. Она должна, если хочет быть добросовестной, перестать быть «священной коровой», перестать снисходительно или враждебно, отмахиваться — и «*выслушать и противоположную сторону*». И

ответить последней честно, совестливо и от-зывчиво, а не так чтобы: «Не дерзай, чадо!» Не так чтобы: «Разговорчики мне в строю!» Ее самосознание должно быть не «закрытым для врага», а открытым для всего мира, ее взгляд должен быть взглядом радостно любящего человека на другого человека, а не обороняющимся от всего нецерковного мира. И ее ответ должен нести свет и любовь, а не только и делать, что отстаивать свою несомненную правоту от всех несомненно неправых. Короче, мысль и дело Церкви должны быть конструктивными, а не деструктивными. И ее обязанность жить так, свидетельствовать о Христе — собой так, чтобы мир принял Церковь, всею душою ощутив, что она и есть то «*единое на потребу*», чего он сам себя лишает, — и сам, не из-под палки, вошел бы в нее.

И если это сделает сама Церковь, она докажет, что в ней более чем достаточно места для творческой, созидательной любви и доброты и нет места для сумрачно-враждебного, недоброго взгляда исподлобья. Тогда и не будут рождаться на свет Божий «церкви Даниля Штайна». Их появление — первый, если уже не второй сигнал тревоги. Полундра на полубаке.

И все же справедливое обличение не должно перерастать в огульное неприятие. Потому что первое справедливо и подтверждено самою нашей жизнью, а второе — малограмотно и не соответствует действительности.

Потому что есть два пути в Богопознании (не считая оккультного «пути») — поднять себя до понимания церковного Христа — и низвести Христа до своего «*человеческого, слишком человеческого*» понимания. Современный секулярный мир пошел по второму, псевдопути — пути наибольшего сопротивления Логосу и наименьшего сопротивления своему хотению и щучьему велению. Кто в этом виноват?

Да сам секулярный мир и виноват, скажут православные; но и католики скажут так, — правда, меньшее их число. Это оборотная сторона прекрасного обретения западного человечества: уважения к абсолютной свободе богоподобной личности — вплоть до полного суверенитета, до свободы отказа в себе от божественного образа и подобия, без которых ты не человек, но и не животное, а вообще неведома зверушка.

Да, меньшинство католиков (но это все равно очень много — десятки миллионов) и большинство православных, — да, скажут они, пусть потрудятся, «употребят усилие», это стоит дорого и должно стоить дорого — истина Христова не должна быть легкой и доступной. Это так.

Но правы ведь и те, кто говорят: Церковь земная немало потрудилась, где кострами и гароттами, где тоже кострами да «темными и холодными», да оправданием крепостничества уже в XIX просвещенном веке, да и согласием со времен Петра и еп. Феофана Прокоповича — открывать тайну исповеди, если налицо злоумышление на Государя и т.п. Немало она потрудилась над плохим и, видимо, мало потрудилась над хорошим — действительно просветить светом Христовой истины и ув-

лечь ко спасению в жизни вечной большинство тех, чьих предков крестили еще король Хлодвиг Меровинг и князь Владимир Киевский.

Много и мало, чтобы мы еще подумали как следует — вступить ли в нее, в Церковь? В ней ли истина, которая сама должна заявлять, просто кричать оттуда, где она есть; а что-то слышен не столько крик истины, сколько выкрики и окрики... И ведь это так, так оно и есть — и тогда позиция: «Пусть сначала сами потрудятся, чтобы нас понять», — выглядит высокомерной и закрытой «для внешних».

Да, надо помнить, если человек ищет истину, но сомневается в том, что она в Церкви, — сомнения его, увы, обоснованы.

Но «позиционировать» дело так, что одна только Церковь и виновата, а кто сбоку-припеку — всегда прав... И опять эта «*византийская свора царедворцев*»... простите, но вынужден напомнить, как бы это ни казалось скучно, — была, была при константинопольском дворе свора алчных, хитрых и коварных царедворцев. Была — куда она денется с подводной лодки. При каком же приличном царе не бывает царедворцев...

Но разве предстоятели Церкви всегда состояли в оной своре? Еще раз: свт. Иоанн Златоуст был Патриархом Константинопольским, выше некуда, но разве ж он — царедворец, а не «потерепевший» от своего анти-царедворчества? Или — прп. Феодор Студит? Или прп. Максим Исповедник? Эти были монахами, но не самыми простыми, и не последними людьми были не только в греческой Церкви, но — в византийском царстве-государстве.

Да что, уж простите, автор о Византии, а в частности, о верхнем, «царедворческом» эшелоне греческой Церкви византийского времени знает, кроме самых общих мест о «византийском коварстве»? Извините, но автор, — вероятно, по скромности своей, — иных знаний не выказывает; между тем, вешая сходу Лех-ко такие ярлыки нужно быть готовым к тому, что тебя спросят: а что ты знаешь о своих мишенях? Давайте проверим: пусть с ходу, не советуясь с консульнантами, коль уж автор пишет прямо от себя эту филиппику, вот навскидку, пусть обрисует хотя бы церковную политику — в очень сложном положении — знаменитейшего Патриарха Константинопольского VIII века Фотия, безусловно, царедворца. Дает ли этот царедворец основания считаться представителем некой «своры»? Или...

21. Тень отца

Впрочем, с кем я, собственно, спорю? Вместо самого Гамлета — не с тенью ли его отца? От этой тени до самого отца, а тем паче до его сына — приличное расстояние. Не все ли мои слова на ветер и — как от стенки горох? Ответит ли автор, прочтет ли это все автор, написавший сенсационную книгу? Не произойдет ли как в случае с Леонидом Андреевым по воспоминаниям Бунина, когда после сенсационного успеха одной из своих пьес Андреев зашел в ресторан (кажется, трактир Тестова), спросил щей, да и кинул в них смятую салфетку: «*Уже и щей не*

хочу. Больно велик аплодисмент сорвал!» Брось, Александр Герценыч, чего там — все равно...

Беда только в том, что, повторяю не для автора, а для читателя, — за слова «*церковь полностью отвергает Христа*», — то есть за оскорбление не личности, за которое раньше вызывали на дуэль, а за оскорбление сонма личностей — членов Тела Христова — придется отвечать не на суде чести, а на другом и куда более серьезном, и никакой аплодисмент, ни же тираж тут не поможет. И отвечать придется, увы, не Даниэлю, который, в отличие от его создателя-сочинителя, такого все же не говорил, да и к тому же вряд ли Господь судит еще и литературных персонажей, — а отвечать надо будет тому, кто это сказал «от себя». Отвечать перед тем самым «*Непостижимым Творцом*», о котором говорил герой. Сколько бы мы в земной нашей жизни в игрушки с «любовью» и грехом пополам ни играли, мы ведь с Вами, дорогая Людмила Евгеньевна, действительно *настоящие — и действительно смерть придет*, как выразился один смешной скандалист, но по смешной же случайности — гений.

И тогда мы, наверное, подумаем, что некоторые слова мы в своей «скоромимоходящей» земной жизни говорили напрасно; лучше, наверное, нам бы их и не говорить...

Извините, ради Бога, все-таки непривычное дело для меня — выговаривать что-то женщине, да еще свому «товарищу по оружию»... Извините, Христа ради, я и пишу в Прощеное Воскресенье, и прошу прощения у Вас от чистого сердца, без дураков, — а молчать все-таки не смог, как вот Ваш Даниэль перед самим Папой... Будем считать, что меня, как и его, «*понесло*». Ладно?

Я не буду Вас «обижать», а Вы не будете говорить всякое там невесть чего — вроде, что Даниэль учил личному христианству, а не ложному церковному христианству «*догматов и власти, могущества и тоталитаризма*». Потому что так-то уж не надо: противопоставлять одно другому на основании очень поверхностного сходства-различия; так, знаете, можно сказать, что, скажем, собака — из породы кошачьих. Ну да, у нее тоже четыре ноги и хвост, и она тоже домашнее животное... А на остальное и глядеть нечего. Так и тоталитаризм — он чисто внешне схож с Церковью в том, что и там, и там власть имеет некий центр, которому трудно прекословить. Но ведь это и все. Нужно отличать власть духовную от власти светской.

Тоталитаризм — это когда власть в руках государства, и не просто государства, а личного или коллегиального правления, которое каждому подданному предписывает одно — подчиняться без разговоров этому государству, контролирующему своих граждан ***во всем*** — всех сферах жизни. Даже в наши времена, когда, кажется, укреплять «вертикаль власти» дальше некуда, — это еще не тоталитаризм. Это — после Ельцина, который на сегодняшнем фоне кажется демократичнейшим из демократов (это уж другой вопрос, нужна ли России такая демократия, годится ли ей демократия вообще и пр. и пр.), — это, сказал бы я, попыт-

ка вернуться в советские времена «не до смерти». Тоталитаризм — это, по определению, то, когда всё — в одних руках. Руках центральной власти. А власть Церкви никак не касается ***всего***, например, политических взглядов, экономики и тем более тайной полиции. Власть Церкви распространяется лишь на то, «*како веровати*». Не говоря уж о подчинении и соподчинении — при всем авторитете Папы, раз уж мы говорим о католицизме, существующие поместные католические Церкви мира — весьма и весьма автономны, до такой иногда степени, какая «не-авторитарной» восточной ортодоксии и не снилась.

А то, что духовную власть Церковь и должна иметь — так тут о чем говорить; и то, что власть ее покоится на догматах — тут Вы правы. И то, что духовный авторитет святых учителей Церкви для меня — авторитет, а не «авторитет», — это точно так.

Но только это хорошо, это-то как раз хорошо, а не плохо. Это спасительно, а тоталитаризм губителен. Потому что, снова и снова, догмат Церкви — не догма пародирующей Церковь большевизии. Догмат — это точно продуманное формо-содержание. Как об этом сказал применительно к литературе все тот же смешной скандалист: «*Форма — это выжимка содержания*».

А то есть: церковный догмат, вероучительное утверждение, одна из основных, краеугольных истин веры, есть фундамент и несущие стены, которые если убрать, то все здание Церкви — дом Божий на земле — рухнет. Потому что догмат — это и есть вероучение Самого Христа, хотя бы даже и при жизни земной «*Он ничего об этом не говорил*». На самом деле — говорил. В «свернутом виде» именно об этом или о том и говорил, — а уж «церковники» только дали точную понятийную развертку Его слов, объединяющую всех христиан формулу, которая и позволяет христианам согласиться в главном — и вместе, «*единомыслием исповедовать*» общую — при всем ее индивидуальном чувствовании и понимании — веру.

Без догматов веры — просто вообще нельзя сказать внятно, во что или в кого мы веруем. Чем вера во Христа отличается от любой другой веры «во все хорошее». Неслучайно, что человек, отрицающий основные догматы, пришел и к отрицанию аналогии «культа» Девы Марии с культом богини зла Кали; отрицая аналогию, он тем самым допускает, что ее можно провести. Более того — не кому-нибудь, а ему самому она и приходит в голову, он «*сам из головы ее выдумал*», он ее приводит — и отрицает, подумав. Этого лишнего движения не было бы, если бы Даниэль разделял церковные догматы. Без них в голову лезет что угодно. Даже и это.

Вот парсизм, он же зороастризм; в нем уже — в VI — V веках до н. э. — существует триада добрых дел, слов и ***мыслей***. Перед нами, таким образом, одно из благороднейших, высочайших вероучений античности.

И тут я и спрошу: вне догматов христианского вероисповедания — как вообще различим парсизм и христианство?.. А еще точнее — вне формул веры — просто непонятно, чем А отличается от Б, а Б — от С.

Попросту — мы вне догматов не имеем, как сказал бы Гегель, той или иной «чтойности». Конкретно-смыслообразующих определений. Что же это будет такое — христианская вера без ее определений-догматов?.. Без них можно считать себя христианином, то есть «машиахистом», считая Мессией, Христом не Йешуа, а любого другого «претендента», скажем, Симона Бар-Кохбу... И так далее.

(Интересно, что и это уже сказано в романе — приведена большая цитата из «Еврейской энциклопедии» об иудаизме: «*Определение ереси в иудаизме затруднено отсутствием в нем официально сформулированных догматов и центральной инстанции, обладающей признанным авторитетом в религиозных вопросах*». Что это значит не в качестве конкретной характеристики иудаизма, а в самом общем смысле? А то и значит, что само понятие ереси, рáвно лжеучительства, вероучительной лжи, не может существовать без определения того, что в таком случае есть истина. А определение истины — как раз и есть догмат. Это и только это — он и есть. Простите, но зачем же учению, выработавшему, и вполне основательно, внутри собственной логики рассуждения, совсем не упрощенное, но четкое определение, дефиницию истины и лжи, догмат, — отказываться от него? Если с развитием «типа того» общей теории относительности — был сформулирован тот или иной ее закон (априорно, не прибегая к экспериментальной физике), ужели надо чихать на него с не сказать чтобы высокой колокольни — безо всякого апостериорного Якова?.. Но автору и герою, похоже, именно этого и хочется — в двадцать пятый раз.)

Сколь ни справедлив упрек в том, что Церковь стала «скучна» и что, как говорил еще Лесков, по-настоящему «*христианство на Руси еще не проповедано*», — но только когда («надеятельно») христианство на Руси будет проповедано по-настоящему, это в любом случае будет церковное, историческое христианство, великое и совершенное здание догматического христианства великих и премудрых *греков* свт. Афанасия Александрийского и Василия Великого, отцов Четвертого Халкидонского собора и прп. Иоанна Дамаскина. А не а-догматическое, виртуально-маргинальное «христианство» Даниэля Штайна.

Если ищешь «хорошего поведения», — достаточно и Сухомлинского. Спора опять же не будет. Но вот что делать тому, кто при всей своей малости, при всей порче разума и души, при всей падшей склонности ко всяческому безобразию — если в чем-то самом-самом, чего ты не отдашь ни за какие... ни за что, как негодяй во всех житейских смыслах слова Есенин ни за что не отдал бы свою лиру, — что делать тому, кто взыскует правды абсолютной и жизни вечной, то есть Христа, а не Сухомлинского? А Христос находится только в Его же, Им созданной Церкви, — при всех земных прегрешениях церковного люда до патриархов и понтификов, все равно только в ней, и врата ада все-таки не одолеют ее. Дай Бог, если Ему такое может быть угодно, Вам обрести Бога где-нибудь еще, а мне сказанного Им самим достаточно...

Да вот, сколь бы ни были погрешимы те или иные представители земной Церкви, сколь бы светский человек ни был прав в своих вопросах

к ним, составляя «список церковных прегрешений», — он будет прав — и неправ.

Потому что конечная правота — с точки зрения «религиозного сознания» — на стороне Церкви. Потому что покаяние омывает грех, потому, что Небесная Церковь, «*иже жива во святых*», омывает прегрешения земной. Потому, наконец, что Сам Христос, Его плоть и кровь, даны нам от Отца Св. Духом только в Церкви и причащаемся мы Христу — всему Христу, а не части Его, — только в Церкви.

А нам, стало быть, подавай кто в лес, кто по дрова? Ну давайте поиграем в анархию — мать порядка.

Вот, значит, и прочие слова-паразиты. Во-первых, очень полезно заглянуть все-таки в книжку, которую я уже упоминал: «Король Матиуш Первый». Там рассказывается, что вышло, когда на короткое время по воле Матиуша дети стали управлять страной.

Во-вторых, я уже поиграл — с меня хватит. И более того: если б я рассказал об этом Даниэлю Штайну, он бы первый меня понял и согласился. Потому что он — еще и экскурсовод и, говорят в книге, — классный. Я не знаю, насколько я классный экскурсовод, но дело свое, говорят, знаю не совсем плохо. И вот на чем более всего набил за годы и годы вождения шишек: на анархии во время экскурсии, отдав дань анархизму, поскольку сам не терплю ничьей человеческой власти над собой и не имею никакого вкуса к власти над другими. Я сам по природе анархист, но пришлось наступить на горло собственной песне. Вот и скажу как экскурсовод тому, кто создал образ экскурсовода: нет ничего более вредного в любой экскурсии, чем ложный демократизм, заигрывание экскурсовода с экскурсантами: итогом его и будет как раз — кто в лес кто по дрова, все разбежались, щелкают фото, тебя никто не слушает, а потом еще жалуются: «*Почему Вы нам ничего не рассказали?*» Это — самоубийство любой экскурсии.

И если мы не хотим самоубийства Церкви, то — да не будет в ней места анархии, столь же далекой от демократии, как с другой стороны подстерегающая демократию автократия, а то вот и Ваш тоталитаризм. Да не будет. Вне догматической формулы не каждый поймет и истинный смысл Христовых слов, да его в них для миллионов людей и не будет. Забудьте Вы об этом «*христианстве против догматизма*»: вне догматов Церкви нет содержательности Христова учения; а-догматическая Церковь может тогда говорить все, что угодно, «лепить», уж не вмените в вину, какого угодно «горбатого»: без догмата все равно что в лоб что по лбу: нет ничего абсолютно, непреложно, на веки вечные преподанного в учении — оно стоит разве что выеденного яйца.

22. ...и тень Папы

Но — к Штайну. Коль уж скоро он такой образец истинной веры и любви, то, разумеется, происходит обычное в таких случаях, именно же: будучи всегда на стороне своего героя, автор ему все время и помогает.

Ведь он нуждается в поддержке: в силу того, что для католического священника позиция его несколько экстравагантна, она не может не вызывать споры. А в спорах-то трудно сдюжить с такими познаниями всей вот этой, как ее... ну, Церковной Вести, воззвания, послания в мир — этой, как бишь ее... вспомнил: «керигмы». В чем она, типа — состоит «конкретно»?

Излюбленный прием (самый распространенный вид неотложно-скорой помощи): для того, чтобы позиция героя всегда выглядела в глазах читателя истинно христианской, автор играет в поддавки, — не находится ни одного собеседника, который бы Штайну хоть что-то по существу дела возразил. Возразить, как видим, не то, что легко, а легче легкого: открой Новый Завет да загляни, да и сразу появится вопрос, а ты его только задай — а он пусть-ка ответит. Нет же. Но на уровне общинно-приходском это объяснимо: прихожане Даниэля — в основном люди, знаниями не обремененные.

Куда труднее помочь герою — а ему нужно помочь, он в беде, господа защитники, полузащитники и нападающие, — куда труднее помочь ему в Риме, куда его за объяснениями вызвал Ватикан. Сначала он имеет дело с Префектом Конгрегации Вероучений Кардиналом Рокхаузом, а затем и с самим Папой Римским Иоанном Павлом II. И в том, и в другом случае Даниэль прямо и откровенно несет — как обычно, «не понимая того», что понимает любой семинарист-первогодок, — жутчайшую околесицу. Кардиналу Рокхаузу — ту самую, о *равнобедренном треугольнике с равными сторонами*, о непонимании того, «*что такое лицо*», о «*политеизме*» греков-отцов Церкви и пр.; а Папе, например, глядя прямо в глаза Иоанну Павлу II (вероятно, пользуясь тем, что когда-то в молодые годы они с Каролем Войтылой были товарищами, вместе служили в одном приходе, что-то такое приятельствовали вроде), ему-то Штайн и режет безбоязненно правду-матку (этого высказывания я еще не приводил, а ведь это «гвоздь программы» — и вот он дождался своего часа), в ответ на которую Папа только безобидно-дружески улыбается.

Покойный понтифик, если верить роману, видимо, в общении с давними приятелями вел себя иначе, чем в качестве Главы католической Церкви. Или уж полюбил Даниэля не как старого друга, а именно как противника, то есть повел себя, если хотите, *слишком* по-христиански. Потому что именно со старым другом-то Папой-то Римским Даниэль договаривается уже до откровенного детского лепета, однако лепета недетской силы.

Итак, приготовьтесь — начали: «*У иудеев, как и у христиан, человек стоит в центре, не Бог. Бога никто не видел. В человеке надо видеть Бога. Во Христе, человеке, надо видеть Бога*».

Вот это уже серьезно: что — и перед кем стоя, — что ты несешь? Опомнись, возьми свои слова назад, а дальше будешь говорить только по моей подсказке. Итак: какая первая заповедь у иудеев, да и у христиан? Неужто забыл?

Хорошо, тебе повезло — у тебя есть суфлер.

Повторяй за мной главную еврейскую молитву: «*Шма Исроэль: Адонай Элохэйну Адонай эхад. Слушай, Израиль: Бог твой есть Бог единый*». И далее: «*Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всеми силами твоими*». То есть — перед нами ничто иное, как первая и главная заповедь Моисеева декалога (Втор 6:4-5), сам лучше меня знаешь; и — дальше за мной: «Я оговорился с точностью до наоборот, Кароль. Сам понимаешь — у тебя ведь тоже дел хватает. Заморочило мне голову. Разумеется, я хотел сказать — не человек, а Бог находится в центре сознания верующего человека, как у иудеев, так и у христиан. Именно любовь к Богу только и делает возможной "*вторую заповедь, подобную первой*": возлюбить ближнего, как самого себя. Эти заповеди "подобны", равны, но первая — "еще равнее". Потому что вторая выводится из первой. Только любовь к Богу дает возможность, увидев в ближнем, человеке, как и ты, созданном Богом, образ и подобие Бога, как в тебе, — потому и полюбить его в ту же меру: как самого себя».

Повторяй за мной далее, сейчас мы с тобой вылезем из этой дурацкой лужи, в которую ты посадил себя перед старым товарищем: «И не в человеке надо видеть Бога, а "в Боге", "под знаком Бога" надо видеть человека, то есть как создание Его по Его же образу и подобию, потому как иначе любить другого как самого себя не получается, хоть ты что. Если не под этим скрипичным ключом, если не при этом общем знаменателе — видеть другого, то полюбить его больше чем на неделю вообще почти нельзя, — а если вдруг твоя симпатия к нему перерастет в антипатию, если вы не сойдетесь характерами, — тогда что? Что вас будет соединять, если не общий знаменатель образа и подобия Божия? Да ничего. Случайно встретились — случайно разойдетесь, и все при своих, и все друг другу чужие. Где тогда взять способность...», — эй, Даниэль, ты куда? Почему опять «от себя» говоришь, тебе это нельзя, вредно. Даню-Данюшко, мила-ай, остановися, дубина, придержи язык, он тебя уже столько раз подводил, а сейчас, перед самим Папой, ты залепил, как мальчонка из «Вождя краснокожих»: «*Почему ветер дует? Потому, что деревья качаются*!»

Думал выручить его, так ведь он сам себе враг. Куда его понесло? Кому, «*сбежав от нянек*», он понесся докладывать, «*что Бермудский многогранник — незакрытый Пуп земли*»? Даниэль, миленький, сейчас-сейчас, тута я, тут. Давай, обопрись на мое плечо, сейчас дойдем, потерпи, все будет хорошо...

Какое там! Договорившись до полного переставления всего с ног на голову, он еще и продолжает, не слушая подсказок, набирая силу. Силу голоса, не мысли. Итак, в центре у иудеев и христиан стоит человек, тогда как у... — кого? Правильно, отгадали — у *греков*! Ну, так что на сей раз у «греков»? Вот тут уже не отгадаете. Оказывается, если у иудеев-христиан в центре — человек, то у «греков» тогда — кто, что? Разумеется, вы скажете, по принципу бинарности: если у тех — человек, то у этих — Бог. Правильно? А вот я говорил же: не угадаете. Гений — непредсказуем. Оказывается: «*А у греков в центре — Истина. Принцип*

Истины. И человека ради этого принципа можно уничтожить. Мне не нужна такая истина, которая уничтожает человека», — и Даниэля, по его же словам, *понесло* дальше.

Но мы за Даниэлем не погонимся. Во-первых его легкость в мыслях действительно необыкновенна, быстрота ее сравнима только разве с финишной скоростию гепарда на охоте за трепетною ланью, а не со скоростью такой развалины, как я. Я набегался за сезон с экскурсиями по баварским лесам, как зайчик, и горам Шварцвальда и Вогезов, как козлик, и не собираюсь на законном отдыхе в дурке вставать из-за лэптопа, который мне и мать, и жена, — и снова чесать в темный лес. Во-вторых, поздно: он успел-таки наворотить всего такого, что теперь уж чего уж...

А не подумал: что теперь бедному Папе-то делать? Стоять или падать? Вот Папа и «*стал на хитрости пускаться — встанет, пробежится и назад*». И я его понимаю — таких нестандартных собеседников, которые, имея человечье индивидуальное лицо, не понимают, *что такое лицо* в его сходстве-различии с другим лицом, — таких смурных чуваков на Папином жизненном пути попадалось немного, вот он и бегает на месте, чтобы виду не показать.

И как же я покойному ныне Папе сочувствую в случае с тобой, тяжелый ты человек, — не передать... Очень уж я Иоанна Павла II, вопреки даже мнению о нем самого отца диакона Андрея Кураева, уважаю. Такой уж у меня-грешного личный «неправославный» вкус. Папа способен был, в отличие от вышепомянутого отца диакона, признать свою неправоту, свою и членов той Церкви, которую возглавлял, а уж если признавал, то и поступал в соответствии с этим признанием.

Мне эта черта невероятно симпатична, должно быть, потому, что я глубоко согласен с Достоевским в том, что *у нас в России слишком многие врут и врут искренно* — и хуже всего, что врут *особенно самим себе*... Пример обратного столь неожидан, для меня так уникален — на родине я такого простого подхода к жизни среди власть имеющих отродясь не видал, да и в Германии еще как поглядеть, — вот и обрадовался: возможно же такое, будь ты хоть последний агностик, хоть треклятый ламаист...

Нужно остановиться, перевести дух. Чтобы распутывать новый невообразимый клубок. Брат, братишка, брательник, ну что ты опять говоришь? Послушай себя со стороны. Слышишь?

Первое. Ты сказал: у иудеев, как и у христиан, такие-то представления о вещах, а у греков — противоположные. Не хочешь ли ты сказать этим, что христиане как таковые противоположны неким христианам-грекам, а не включают их самым натуральным образом, без помех, в свое число, основания для чего у христиан как таковых имеются более чем достаточные? Еще раз, открой все-таки как-нибудь на досуге Новый Завет и посмотри обще-малоизвестное место у апостола Павла, что во Христе, абсолютно вненациональном Боге, ибо Единый Бог на то и Единый, что сотворил всех и вся, — во Христе нет ни «*еллина*», ни «*иудея*».

Спрашиваю в десятый раз: кто из нас священник, ты или я? Кто кого должен учить? Ты же ведь здесь-то о греках-христианах говоришь, али забыл? О таких, как Иоанн Златоуст да Максим Исповедник и т. д. по всему списку, — а не о древних, так сказать, греках, которые — да, христианами не были, уж из-за одного того, что при Платоне и Аристотеле никакого христианства просто еще не было, — вот какая хитро-коварная заморочка: Христос, представляешь, уже был (и есть, и будет), — а вот Иисуса, Йешуа, то есть Того же Самого, Кто уже был, Его же еще не было, когда Он уже был, понимаешь, — не иначе греческая злая хитрость, хитрее всего, что ты о ней думаешь... Или это не греки, а сам я, пока читал про тебя, вдруг это обнаружил... прости, «придумал»? Тогда уж и не знаю, что обо мне сказать еще худшего, кроме как меня же поздравить.

Но вряд ли, далеко мне до греков в их худшем, куда мне, я-то еще, мягко говоря, хороший, потому и мал еще с ними тягаться. Нет, это их дела, точно. Виноват, недооценил коварство греков, не послушал тебя, а надо было согласиться. Подаю тебе пример признания своей неправоты в отношении и греков, и тебя...

Да, ну так по твоей логике выходит, во-первых, коль скоро ты соединяешь тут соединительным союзом «и» «*иудеев*» и «*христиан*», делая их тем самым однородными и противополагая «*грекам*», — по-твоему выходит, что иудеи христианам как таковым ближе, чем христиане-греки, то есть кровь не только не вода, но и сильней общей веры. Ну, это ты выводишь, по крайней мере, логично, исходя из общей твоей усмешки при словах «культура мысли». Это уже тебе похвала.

Но, увы, история этого не подтверждает. Она вполне доказательно — с фактами в руках — подтверждает обратное. Ты, наверное, что-то другое хотел сказать, да, братишка? Ты же дело-то знаешь, раз так солидно об этих самых греках: «*Византийская составляющая исказила...*», — я так и вижу тебя на кафедре. Ты дело, значит, знаешь, типа — византийское коварство и все такое, и я с тобой солидарен, хотя мало что знаю про этих басилевсов, но — ох, уж эти мне Исавры, Комнины, Македонцы да Палеологи — интригане-интриганцы, все бы им только свою прямую родню, претендентов на престол — ослеплять!.. Нет, ты прав, конечно, только правота твоя к другим делам других людей относится — это все от помрачения, это все придумал грек Черчилль *в восемнадцатом году*. Я-то тебя понимаю, я и сам тронулся вторично, пока о тебе читал — согласно все той же песенке: «*Все почти с ума свихнулись — даже кто безумен был*».

В сущности, делая слова «иудеи» и «христиане» однородными, ты тем самым утверждаешь, — даже если для себя не сформулировал это, — что иудеев и евреев-христиан соединяла некая кровная общность в понимании вещей, и эта общность по крови и типу ментальности объединяла евреев-христиан с иудеями сильнее, чем евреев-христиан и христиан-греков объединяла общая вера во Христа, общность мировоззрения, — сильнее, чтобы не сказать большего — до полного противостояния. Так правильно будет тебя понять? По-другому, извини, не получается.

Но все равно история, настаиваю, подтверждает обратное. Повторю: хотя кровь, конечно, не вода, и перво-вторые христиане, то есть христиане-евреи, наверное, симпатизировали каким-то евреям-иудеям, хотя бы своим родственникам, больше, чем отдельно взятым христианам-грекам (а другим отдельно взятым грекам, возможно, и не менее симпатизировали, чем своим сородичам-иудеям), но вот уж что иудеи евреев-христиан терпеть не могли почти с самого начала, как только разобрались, кто есть кто, — уж это точно. И гнали-то их, и «каменовали», и в тюрьмы-то заточали, а уж анонимных доносов пачками слали, сколько накатали — не сосчитать... Дескать, не лояльные они к власти иудеи, а враги Кесарю... А у «греков»-христиан христиане-евреи чаще всего находили помощь и поддержку. Так что пятьсот первое китайское предупреждение: думай — а потом говори. Особенно учтя, с кем говоришь.

А теперь второе, но главное. *Last*, так сказать, *but not least.*

Противопоставляя в своем утверждении человека, в котором надо увидеть Бога, — противопоставляя человека и Бога — Истине, ты сам не заметил, до чего докатился-допрыгался. Начать с того, что, с христианской точки зрения, — а ты говорил, сам того не сознавая, но я-то тебя слышал со стороны, о греках-христианах, — никакой «греческой» истины, отделенной от любви к Богу и человеку, нет. Такой истины нет не только у греков, но нет вообще — по крайней мере, в общехристианской системе мышления. И греческая богословская мысль, сколько тебе еще повторять (это не мое, это как дважды два — четыре), — греческая мысль только то и преследовала, чтобы — богословски осмыслить и точно выразить ***именно ту же истину*** отношения человека к Богу и человека к другому человеку как отношения абсолютной любви, которую принес на землю Иисус как Богочеловек, но высказал ее в притчах и «мидрашах», принес ее в парадоксальной, странной для многих, провоцирующей умы и души логике Своего поведения и Своих слов, а наипаче — Своею Смертью и Воскресением.

Иному лукавцу так и хочется сказать: говори что, на самом деле думаешь. А тебе, честняге, — думай, что говоришь. Только тогда мы поймем, что ты на самом деле хочешь сказать. Вот хоть сейчас.

Понимаешь, ты противопоставил друг другу — одно и то же. Сам Христос так не поступал. Он ни учености, ни духа свободного исследования Писаний, ни поисков Истины вообще не презирал, напротив, побуждал к этому (захочешь — поищи соответствующие высказывания в Евангелии вроде: «*Исследуйте Писания...*», нужное Евангелие, главу и стих сам найдешь, не все же мне за тебя делать). А об Истине, как не о противоположности, а именно сути Своего учения, высказался так: «*Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине*» (Ин 18:37).

А надо ли тебе напоминать, кому и где Он это говорил? Надо ли, когда ты сам вчера это же место у Иоанна вспоминал — в прямо обратном смысле: что-де «*идешь на исповедание веры*» к Кардиналу Рокхаузу, и,

хотя ты знал, что последний тем и «*отличается от Понтия Пилата, что никогда не задает риторического вопроса: "Что есть истина?"*» — и т.д., — но — все может быть... Словом, ты сам все помнишь.

Ты себя вчера представлял как бы Христом на допросе предполагаемого Пилата — благо, Кардинал Рокхауз оказался и впрямь совсем на Пилата не похож. Все обошлось вчера.

А сегодня, беседуя уже с самим Папой, ты, по существу, сам занял место Пилата, противопоставляя такие серьезные вещи, как Бог и человек, — снисходительно презираемой и гневно отвергаемой тобой якобы *греческой* истине, которая, по-твоему, губит людей, тогда как Христос утверждал, что Истина людей — спасает. Пилат так же не понимал, что такое истина, как ты не понимаешь, «*что такое лицо*»; ему, римскому военному и служивому человеку, префекту Иудеи такие интеллигентские «разговорчики в строю» были совершенно не интересны — возможно, он вообще в первый раз услышал о столь абстрактной вещи, как «истина», хоть человеком был умным, но умным «реально», как ныне говорят на Святой Руси.

Так вот, ты, католический священник, в этой беседе становишься на сторону Пилата! — с тем же презрением к абстрактной болтовне и философскому разуму, к Истине, тогда как Христос, напротив, защищает ее. А ведь это ты должен был сделать в разговоре с Папой, чтобы найти с ним действительно общий язык, а не Папа — и тем более не Иисус — должен был за тебя же объяснять себе — тебя... Хорошо хоть Папа по любви отнесся к тебе серьезно и даже, ты говоришь, принял твою идею насчет «*не нового, а — расширенного Израиля*» с восторгом.

Католик из тебя, прямо скажем, небольшой. Это еще в православии сошло бы, по не самым его просвещенным углам, которые так не по вкусу были тому же митрополиту Филарету Дроздову, — и это только на Руси и сочетается: предельное почитание митрополита Филарета — и именно из-за его учености — с не приемлемой им «*вере аще не по разуму*». И как славно, как широко-массово-то сочетается еще! А в католической-то церкви, там вообще привет, известное дело: ***фидеизм***, то есть вера без разума, есть ***ересь***, согласно учению Первого Ватиканского собора 1870–1871 годов.

Видишь, какие попадаются люди даже на Папском вахтерском посту: добрые, мирные. Нос не задирают, а всегда готовы поучиться своему прямому теологическому делу у любого прохожего... Да, браток, с кем — с кем, а с Папой тебе повезло. Очень, очень тактичный человек. Не каждый Папа будет столь учтив и кроток. Он-то же на то не кто-нибудь, а Папа. Папа Римский, чтоб я сгорел...

А вот этот дал себе добрую волю понять, что ты хороший, а говоришь так только по-мидрашному. Понял, что ты на самом деле хотел сказать, и не обиделся за Истину, поступив как врач, а не как Глава Церкви. Твоей католической Церкви, если помнишь еще... Он твой прямой начальник, а говорит с тобой как с равным, как друг, товарищ и брат...

И что интересно — в одной книге второстепенный персонаж шлет в печать статью, что-де следует «*ударить и крепко ударить по пилатчине*». Да, книга эта, с духовно-религиозной точки зрения, весьма сомнительна — но чего в ней нет, так это апологии Пилата. В книге все сложнее, и если какая-то апология там и есть, то вовсе не Пилата...

А вот ты, Даниэль, являешься именно живой, ходячей пилатовой апологией — ведь ты же главный и положительнейший герой романа, ты авторитет для многочисленных твоих читателей-поклонников и протагонист твоего создателя-автора, а говоришь об Истине презрительно, точь-в-точь как Понтийский Пилат.

А хотел-то ты, опять-таки предположительно, сказать, что есть Истина, которая спасает человека, и «истина», ради которой *человека уничтожают*, и ты против второй, но за первую; верно? Ну и сказал бы. Всего и дел-то — поставить слово «истина» в кавычки и написать с маленькой буквы, и все кругом, а не только Папа — в другой раз такого понимающего собеседника поискать, — поняли бы тебя правильно, «типа того»: ты говоришь с иронией, переходящей в сарказм...

А о греках — брателло, послушай меня хоть раз: о греках не говорил бы ты лучше никогда ничего вообще. С ними у тебя всякий раз — опять же «типа того»: чтобы да — так нет...

(Вот только не надо, если кому придет в голову, — не надо, ИМХО, вспоминать сходное высказывание Достоевского в пресловутом письме к Фонвизиной: там Достоевский выводит глубокий парадокс, — удивительного остроумия был человек, удивительно порой неприятного тона — и все равно удивительного. Даниэль же, как всегда, прост, как неправда, и прям, как доска, он самоочевидно совершенно серьезно все это говорит, без каких бы то ни было иронических кавычек.

По-другому думаете, дорогие оставшиеся читатели? Так я только рад буду с вами согласиться, я так люблю Даниэля — ну вот как он «Мириам»: он святой мужчина, он страдающий и сострадающий мужчина, вот только не надо делать из него родителя Истинной Церкви... Нет, кроме шуток, переубедите меня, я сразу сдамся, мне самому хочется ему верить... Я так люблю проигрывать споры, потому что никакой я не хороший, а если покопаться, совсем плохой и о других плохо думаю, а если я оказываюсь неправ, значит, добро победило зло или, сказать наоборот, но все равно хорошо, когда «*добро торчит, порок наказан*»...)

23. Новый или расширенный?

Ну, будет. Станем вместе серьезно, потому что наступает один из самых ответственных моментов беседы. Именно перед Папой Даниэль ставит один из своих заветных вопросов, который на самом деле очень важен; может быть, не для всех даже и верующих, но для верующих мало-мальски церковно это один из важнейших вопросов — вопрос отношений между иудеями и христианами в другом ракурсе, нежели рассмотренный прежде.

А то есть — это давний спор о «Новом Израиле».

Тут я безо всяких шуток говорю Штайну спасибо. Спаси тебя Господь за то, что вообще привлек внимание к этому спору и соответствующим словам апостола Павла. Почему-то все антисемиты их минуют, как будто и не было этих слов. Мало наших религиозных антисемитов — сам Лютер, антисемитом не бывший, но ставший — именно на религиозной почве, такое впечатление, что слов этих не читал. А ведь апостол Павел для Лютера — несомненно, второй после Господа Бога. Буквально — второй по силе воздействия учитель после Христа. А ведь слова эти не скрыты и принципиально важны — в том смысле, что быть после них церковным антисемитом — никак нельзя. А быть христианином, не согласным с ключевыми местами св. апостола Павла, с текстом Нового Завета, — тоже никак не выходит. Быть церковным антисемитом можно, только не замечая этих слов. А они — вот они. И спасибо тебе, что ты напомнил чрезвычайно важный для самого Павла, а стало быть, для всей вселенской, кафо-лической Церкви дискурс «Послания к римлянам».

Хотя, как всегда, ты понял апостольские слова весьма своеобразно.

Но чтобы понять своеобразие штайновой интерпретации, сначала напомним существо вопроса.

Обычно считается, что к Новому Израилю относятся только те евреи, что приняли крещение. Новый «вместо» Ветхого. То есть получается логически, что когда апостол Павел говорит, что «*остаток Израиля спасется*», и даже когда он говорит: «*И так весь Израиль спасется*», — то имеется в виду — весь тот Израиль, который составят евреи-христиане. Познавшие истину, обетованную пророками и составляющую цель и смысл всего мессианского народа, а именно — признавшие Христа в Иисусе, Машиаха в Йешуа. С достижением же теперь этой истины израильтянин, став христианином, только и становится полностью израильтянином. Не принявшие Христа в Иисусе с момента Его пришествия на землю — уже и действительными, полными израильтянами считаться не могут. Израильтянину-не христианину — войти в число «остатка», который «спасется в конце времен», — надеяться на это особенно нечего...

А вот Штайн прочел апостола Павла по-другому: согласно его убеждению, Павел учит тому, что «*Церковь есть вечный союз с Богом евреев, возобновленный в Иисусе Христе как союз с Богом всех народов, последовавших за Христом, и тем самым* ***подтверждение верности первому, Моисееву Завету*** (подчеркнуто мною. — *Ю. М.*). *Христианские народы вовсе не Новый Израиль, они — Расширенный Израиль. Все вместе мы... стали Новым Израилем, не в том смысле, что отвергли Старый, а в том, что Израиль расширился на весь мир. И речь идет не о доктрине, а только об образе жизни <...> Павел понимал, что языческие народы — это дикая ветвь, которую привили к природной маслине (послание к Римлянам 9:14)! Израиль раскрылся, чтобы принять новые народы. Это не Новый Израиль, отделенный от Старого, это Расширенный Израиль. Павел и представить себе не мог, что будет Церковь без евреев!*»

Интересно. Давно я 9-ю главу не перечитывал. Да и соседние главы. Давайте и вы со мной.

Посмотрим, что стоит у Павла.

Не так все просто, не так сразу. Имейте терпение.

Во-первых, в значащейся согласно ссылке главе девятой Послания к Римлянам приведенных слов **нет**. Это просто изумительно: даже когда наш любимец хочет быть точным, настолько, что в живой беседе с человеком (и без того, в отличие от нас с вами, знающим Павла наизусть) делает ссылку на такой-то стих и главу, — и тогда, в случае совершенно излишней пунктуальности, небывалой в живом диалоге, он все равно — ошибается или промахивается. Он верен себе и тут — в своей скрупулезной неряшливости.

А есть эти слова вовсе не в главе девятой, стих 14, но в главе одиннадцатой, стих 17. На общий смысл это, конечно, не влияет, но занятно же — следуя за Даниэлем по пятам, обязательно сядешь в лужу. Даже на сухом месте.

Стало быть, читаем. «*Итак спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак... Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал... И в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток... Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили, а прочие ожесточились... Итак спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность... Если же падение их богатство миру, и оскудение их богатство язычникам, то тем более полнота их... Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них? Ибо, если отвержение их примирение мира, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых? Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносись пред ветвями; если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень — тебя. Скажешь: «Ветви отломились, чтобы мне привиться». Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя... Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силен опять принять их. Ибо, если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более они природные привьются к своей маслине. Ибо я не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей,— чтобы вы не мечтали о себе,— что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников, и так весь Израиль спасется... В отношению к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божии ради отцев. Ибо дары и призвание Божие непредложны. Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать*» (Рим11:1-32).

Прошу прощения за столь длинную цитату, но это необходимо для понимания Павловой мысли. Я и так, что, ИМХО, не строго обязательно, купировал.

И, испросив прощения, тут же приведу из «Римлянам» же, из главы девятой, еще фрагмент для серьезного уточнения чрезвычайно серьезной мысли апостола. Понимаю, что оправдания мне нет, но я и не ищу оправдания, а только помилования. Итак, для тех, кто еще в силах:

«*Я желал бы быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть, Израильтян, которым принадлежат усыновление и слава, и заветы и законоположения, и богослужение и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь... Но не то, чтобы слово Божие не сбылось. Ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля, и не все дети Авраама, которые от семени его... То есть, не плотские дети суть дети Божии; но дети обетования признаются за семя... Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе, над нами, которых Он призвал не только из Иудеев, но и из язычников? Как и у Осии говорит: «Не мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную — возлюбленною; и на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живого». А Исайя провозглашает об Израиле: "Хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется"*» (Рим 9:3-8, 22-27).

Что до меня — «нэ бачу логики» в выводе Штайна; по крайней мере, выводе из только что приведенного текста, на который Штайн опирается (впрочем, он, как мы уже видели, может ссылаться на что угодно, не зная толком никакого этого самого «чего угодно»).

Перечитав под воздействием Штайна это место, все, что могу сказать: брат, повторю еще раз: думай, что говоришь. Есть те, кто добросовестно читал Ветхий Завет, — и не слишком добросовестно читал Новый; таков, похоже, в данном случае твой консультант. И есть такие, кто добросовестно читал Новый Завет — и не слишком добросовестно читал Ветхий. Всякую там «Книгу Есфирь» и прочие злонаремеренные и подрывные филосемитские штучки. Этим только подавай — евреев выводить на чистую воду.

А есть те, кто просто не слишком внимательно читал то и другое. Ты — из них.

Но это еще полбеды. Поскольку в том, что ты, воспарив духом, говоришь в данном случае, есть и своя мысль, и своя правда. Они в том, что, несомненно, апостол Павел, «агент влияния Христа», выйдя за пределы Израиля и создавая мировую Церковь, себе Церковь без евреев не мыслил. И в том, что христианская Церковь есть союз с Богом, возобновленный как союз с Богом не только евреев, но всех народов мира.

Но какой союз? Только ли он подтверждает верность Первому союзу с Богом, и больше ничего? Тождественен ли смысл Завета Христова — Завету, данному через Моисея?

Вопреки словам Даниэля, что «*речь идет не о доктрине, а только изменении образа жизни*», речь идет как раз о радикальном изменении «доктрины», что влечет за собой и изменение образа жизни. «Ортопраксии» (любит же герой умные словечки, убедившись, видимо, в своем кругу, что они действуют на слушателя просто гипнотически), вопреки Даниэлю, не бывает без «ортодоксии», потому что без орто-доксии, невозможно даже помыслить: а как, «в какую сторону» менять нашу жизнь, не говоря уже о самом изменении ее.

Извини, дорогой, жизнь снова не подтверждает твоей мысли. С какой стати буду я менять привычный образ жизни ради неведомого мне Бога? Куда ни глянь — всюду то же: *утром стулья* (изменение доктрины, то есть объекта веры и образа и способа веры), *а вечером деньги* (изменение образа жизни). И никак не можно иначе — настоящая вера не допускает «артефакта веры», постмодерной вторичности как первичности. Не могу я поступать по вере, не зная, *в чем моя вера*...

Да, слушай, а ты не знал, что христиане, как и иудеи, как и мусульмане, поступают хорошо или плохо не вообще, не абстрактно, а хорошо или плохо — по своей вере?

Не знал? А ты посмотри, как живут те и другие и третьи — почувствуешь разницу. А вытекает-то она из разницы доктрины...

Впрочем, я и до Даниэля слышал, и многажды, что христианство ничего нового не внесло такого, что не содержалось бы уже в заповедях Торы, а Новый Завет — это... Ну, скажем, это некий «извод» иудаизма для язычников, вообще для других народов, некий «агент влияния» иудаизма, чтобы все народы привести сначала ко Христу, а там уже и по-настоящему воевреить.

Надо сказать, по-своему эта точка зрения логична. Похоже, именно ее придерживался «черный рыцарь» XX столетия господин Гитлер, иначе бы в своей беззаветно искренней борьбе с мировым еврейством не сажал столько христиан — католиков и протестантов, тех из них, что были противниками режима, сходившимися по крайней мере в одном: гнать и убивать евреев — не по-христиански. Безусловно, те католики и лютеране были «агентами влияния» сионских мудрецов.

Но эти самые разные люди, плохие и хорошие, по крайней мере, не вдавались в детали. Они представляли свою точку зрения суммарно, видимо, чувствуя, что стоит вдаться в нее, — войдешь в темный лес... А ты решил ее аргументировать. Смело. Это вызов христианству от лица христианского священника. Ново. И еще какой вызов этот твой тезис, твоя заветная идея (вот тут мы и возвращаемся к тому, что сказали где-то в начале; там был пароль — тут отзыв): Новый Завет есть всего-навсего подтверждение *верности Ветхому, первому заветy с Моисеем*. Потому речь и идет вовсе не об изменении «доктрины», а только об — напомнить, чтобы не забывали соблюдать заповеди Моисеевы. Снова: Новый как еще один, второй Старый. Новый потому, что *после* старого. И больше нипочему.

И вызов этот, по всем твоим словам Папе и даже ссылке на источник, пусть неточной, опирается в первую очередь на апостола Павла.

Тогда держись. Это уже не полбеды, а беда. Больше-то нельзя и вляпаться, братан. Раскольников не был столь прозрачно виновен для Порфирия Петровича, как ты здесь прозрачно... не слишком, извини, умен, опираясь в доказательство это фэнтезийного тезиса на совершенно не читанного, по всему, тобою Павла — и, в частности, цитируемого тобою Послания к Римлянам.

Потому, что никто не писал о новизне Христова Завета так много, так программно и так захватывающе смело, как именно цитируемый тобою апостол Павел. Больше того, сам этот тезис принадлежит ему. И, пригласив его в союзники, ты подписал самому себе приговор.

Ведь Павел-то — и никто другой — как раз и сформулировал впервые сам вопрос отношения Закона и Благодати — как не отмены одного другим, но — как полного «замещения» закона Самим Законодателем, вочеловечившимся Христом. Законодателем, «властелином» не только «субботы», но и всего Им же данного Закона. Именно Павел и осознает этот поставленный им же вопрос как важнейший, краеугольнейший — и отвечает на него радикально как никто другой. В «замене» благодатной духовной свободой (содержащей в себе закон в «снятом виде» — как закон «*духа, а не буквы*») дисциплинарного подчинения закону как раз и состоит едва ли не в первую очередь земная миссия Йешуа Машиаха. Ветхозаветный закон имеет не абсолютное, а приготовительное значение («*детоводительство ко Христу*» (Галл 3:25), он, безусловно свят, но, как сказал бы С. Аверинцев, с приходом Христа *святое уступает место святейшему.* Соответственно и детское приготовительное — взрослому полному, а плоское буквальное — объемно-духовному, сокровенно-внутреннему. Подлинный смысл закона и можно понять только в Духе Святом, в благодатной духовной свободе.

Итак, исходя из Павла, истинный смысл закона парадоксально не может быть понят законнически, а только благодатно. Благодать Христова, благодать Бога Логоса (одно из значений слова «Логос» — как раз «закон») — это и есть закон, только взятый совершенно в новом, не законническом модусе. Новый Завет, Завет Духа, а не буквы — это не отмена, но «тотальное» переосмысление закона на неизмеримо большей духовной глубине, нежели Штайново плоское «*подтверждение верности Первому Моисееву Завету*».

Тема радикальной новизны Христова Завета — главная тема Посланий апостола Павла.

Новый Завет на то и Новый; он так называется не только потому, что приходит после Ветхого, но в первую голову в силу радикальной новизны содержания. Приход Нового как иного, «замещающего» собой Старый, — предрекал еще в VI веке до н. э. пророк Иезекииль (см. Иез 36:24–27, желат. с подробным комментарием), — как и то, что он требует от нас меньшего буквально-формально-бытового, но куда большего духовного усилия.

(И об этой же неслыханной новизне в XX веке говорит известный иудейский богослов раввин Нойснер, крайне уважительно относящийся к фигуре Йешуа, но подчеркивающий, что учение Его столь радикально расходится с учением, основанным только на Торе, что иудаизм отказывается его «вместить». Что, безусловно, льет воду на мельницу христианства, и Папа Бенедикт XVI в своей последней книге «Иисус из Назарета», т. 1, дискутируя с выводами Нойснера удивительно открыто-доброжелательно к не-христианскому взгляду на вещи и вместе с тем твердо и уверенно, не преминул это отметить.)

И, в частности, но главной частности, он требует признания Иисуса не только Христом, но Богом и предупреждает устами Иисуса: «*Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет*» (Мк16:16).

Стало быть, спасется именно «*остаток Израиля*», о котором говорят и Павел, и до него — Исайя. Это те избранные, которые приняли Христа; остальные же «*пали*» и «*ожесточились*». Это те «*ветви природной маслины*», что «*отломились*». На их место была привита «*дикая маслина*» — язычники, ставшие христианами. «*Дикая маслина*» привита именно вместо «*природной*», да и «*природные ветви*» отломились именно для того, чтобы на их место привили дикие. Самое же «*падение*» и «*ожесточение*» (то есть уклонение от истины, неприятие Иисуса как Бога) «*произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников, и так весь Израиль спасется*». То есть во всем этом есть некая цель, «тайна» которой в том, что падение и ожесточение избранного Богом народа произошло не без Его промыслительного попущения.

Так или иначе, речь безусловно ведется не о «следующем», не о «Втором» или «Третьем», а о принципиально Новом Завете — и, соответственно, Израиле, об Израиле духовном, а не плотском, Израиле по вере во Христа, а не по крови. И в этом смысле абсолютно справедлива традиционная точка зрения, что Новый Израиль, состоящий из того «остатка», что примет Христа и христианизированных язычников, — станет на месте Старого, вместо Старого.

С другой же стороны, этот Новый Израиль будет, разумеется, и Израилем Расширенным — за счет вхождения в него «*полного числа язычников*». Но очевидно, что расширенным — *именно в силу новизны* его и «в модусе» этой новизны. Речь идет не о количественном только прибавлении, а о качественном изменении понятия «Израиль». Об его преображении в Новый, христианский Израиль. И вовсе не Старый Израиль «*раскрылся*», чтобы принять остальных, а Новый расширился до мирового. Церковь Нового Завета Христа Бога нашего раскрылась, чтобы принять в себя все народы, и еврейский, и все бывшие языческие.

Но это не есть только подтверждение Первого Завета. Это в первую очередь — преображение всех народов (и израильского, безусловно, тоже) — в Завете Новом. Потому как Первый Завет дан Богом через Моисея и пророков, а Новый принесен Самим воплотившимся и вочеловечившимся Богом, Богом Сыном, Сыном Божьим и Сыном Челове-

ческим. То есть это подтверждение верности, скажем так, всему духовному вектору Ветхого Завета — сохраненному в радикальной отмене многих-премногих его установлений. И не в простой отмене, а в замещении дисциплинарного закона — творчески-свободной благодатью. Это не эволюция, а неслыханно смелая духовная революция. Мы, уже 2000 лет как привычно-«благодатные», даже представить себе не можем, как до дикости ново — и не для кого-нибудь, а даже для апостола Петра — было то, чему учил Павел, отменяя как несущественные обрезание и правила кашрута!

Вот о чем говорит Павел, разумеется, *не мысливший Церкви без евреев*, хотя бы без самого себя, Павла, но совершенно не сводимый, не редуцируемый к «*еврейскому вопросу*».

Это его, Павла, слова, что во Христе нет «*ни еллина, ни иудея*», что во Христе ничего не значит «*ни обрезание, ни не-обрезание*», и что «*буква убивает, а Дух животворит*». И что «*все мне позволительно, но не все полезно*», и — «*к свободе призваны вы, братия...*», и «*итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства*» (причем здесь идет речь не о рабстве греху, а рабстве именно закону) и др. и др. (надеюсь, мне поверят на слово, чтобы не искать сноски в процитированном по памяти, что — слова эти в посланиях апостола Павла имеются).

Это он, Павел, говорит более других о Благодати, что выше Закона, а главное — имеет иную природу, чем Закон (чему посвящено и дивное «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, развивающее мысль не кого-нибудь, а апостола Павла).

Это им, Павлом, написано Второе Послание к Коринфянам, третья глава которого вся есть протокол отличий Нового Завета от Ветхого, Моисеева — и в то же время это гимн Новозаветного сердца, заканчивающийся словами: «*Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода*» (2 Кор 3:3-17).

Это, повторяю, он, Павел, по своему рассуждению, «на свой вкус», вкус Христовой свободы, отменил и обрезание, и предписания кашрута для обращаемых им язычников — и понудил силой своей аргументации Иерусалимский апостольский собор 49 года к тому, чтобы по крайней мере для не-евреев-христиан, бывших язычников, правила кашрута были не отрицаемы, но, скажем, «элиминированы»: хочешь не есть — не ешь, не хочешь не есть — ешь. (А между тем, предписания кашрута — это не второстепенное дело, а одно из главных для Моисеева завета «прещений»: есть, скажем, «удавленину», то есть мясо, из которого не выпущена кровь, равно принятию в себя, говоря современным квази-понятным языком, «животной информации», то есть низведению себя до животного, осквернению себя; это все та же «нидда» — ритуальная нечистота и порча.) И вот теперь представим Павлову отмену Моисеева запрета — слыханное ли дело? — все равно как покуситься на субботу, а ведь Павел, в отличие от Христа, не «*господин*» ни субботы, ни обрезания, ни кашрута! Это какое же надо иметь дерзновение — «антизаконно-своеволь-

ное», революционное, а не эволюционное, как ни суди, то есть нет тут «*подтверждения верности Первому Завету*», а есть — едва ли не треск разрыва с ним...

Наконец, это у него, Павла, в подтверждение того, что Благодать и благодатная Любовь Христова выше Закона, мы находим вдохновенный гимн Любви, которая «*никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится*» (1 Кор 13: 8), — гимн, оканчивающийся словами: «*Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше*» (1 Кор 13:12-13). О любви ли сказал бы Моисей, если бы его спросили, что главное в этом мире «теперь» и должно пребыть в ожидании «тогда», до самого его прихода?.. Нет, он ответил бы: Закон, Закон и еще раз — соблюдение Закона Божия.

И снова штайновский пасьянс или «паззл» не складывается.

И не складывается в самом главном, заветном и для Павла, и для Штайна — в их совершенной противоположности. Штайн не договаривает до конца, когда судит-рядит об образовании апостолом Павлом мировой Церкви. И совсем уже непонятен, когда ссылается на Павла как на высший авторитет.

Штайн должен именно отрицать Павла, программно отторгать все павлово учение. Очень даже есть из-за чего.

Потому что не кто иной, как апостол Павел первый среди учеников Христовых, первый в Его Церкви проводит программно четкий водораздел между Заветом Закона и Заветом Благодати — и, тем самым, между иудаизмом и христианством. То, что еще не очевидно даже двенадцати, усердно посещавшим Храм, соблюдавшими субботу и правила кашрута, то есть считавшим себя правоверными иудеями и вместе с тем христианами, то *после* Павла приобретает вид законченный и четкий. И вовсе не в том, есть или не есть, обрезываться или не обрезываться. А в том, что — как хотите, так и делайте, но именно потому и как хотите, что отныне, с приходом Христовой благодати это уже не заповеди, а — не более чем обычаи. Заповеди же — это... (см. выше). А этот выход из подчинения, «*рабства закону*» (павловы слова, ученого фарисея!) есть прямой вызов иудаизму, где «буква» и «дух» — тождественны (и в этом высота строгого иудаизма, в этом — все гегелево «*форма содержательна, а содержание оформлено*»; но в этом и ограниченность, по Павлу, иудаизма-закона как «*детоводителя ко Христу*», как приготовительного класса). После Павла уже нельзя быть не только объективно, но и субъективно, так сказать, простым и цельным иудео-христианином. Павел по существу впервые ставит вопрос ребром: совместимы ли — в подлинном, полном смысле этих двух слов — иудаизм и христианство?

Даниэль, как нам известно, отвечает на вопрос Павла утвердительно. Ему проще нет перевоплотиться в апостола и епископа Иакова, словно и до сих пор Церковь (Даниэль же мыслит себя истинным — едва ли не единственно истинным — членом Церкви) живет во времени до 49 года

по Рождеству Христову, словно и не было радикальнейшей церковной реформы Павла, движимого именно ново-заветной отвагой благодати Духа Святаго.

Мне, и не мне одному, все это не так просто, не так Лех-ко. Более того, я прихожу к прямо противоположному выводу, ответу на вопрос апостола Павла, нежели Даниэль. Но дам его ниже. Сейчас закончим с вопросом, ставимым Даниэлем перед Папой. Новый Израиль или «Расширенный»?

Точнее, с тем, что вопрос этот высосан из пальца. В том смысле, в каком Штайн говорит «*расширенный*», по Павлу, безусловно — «расширенный *как принципиально Новый*». Тут нет вопроса, повторяю. И зря Даниэль морочит голову и себе, и Папе, и нам.

Штайново «*расширенный вместо нового*» хромает, как минимум, на одну ногу.

А вот на вторую — оно хромовато, да не хромо. И еще раз — огромное спасибо Даниэлю, что он привлек внимание читателя к этому месту из апостола Павла.

Потому что это отличное противоядие от «*церковного антисемитизма*», который внушается кем-то кое-где у нас порой, а именно некоторыми, что греха таить, даже очень известными и влиятельными апологетами христианства и при этом — в сане, то есть говорящими не от себя, а «от Церкви», что внушает многим и многим неприязнь и отторжение вместо любви, чего в Христовой Церкви быть никак не должно.

Еще раз: мысль Павла не сводима к «еврейскому вопросу». Но и этот вопрос среди прочих у него «имеет место быть».

И «по данному вопросу» апостол Павел абсолютно безапелляционно говорит о том, что... Но, чтобы не изобретать велосипед, сошлюсь на комментарий к Библии почтенного пастора, англичанина Ч. И. Скоуфилда 1909 года, приведенный в современном баптистском издании Библии на русском языке, — и не потому, что он лучший или я, боже упаси, симпатизирую англиканам или «старокатоликам», а просто потому, что только это издание Библии у меня в больнице оказалось под руками, и, будь пастор Скоуфилд англиканином, «старокатоликом» или католиком, а все едино он просто вычитывает из слов Павла то, что в них содержится, — не более, но и не менее.

Впрочем, читатель сам может сличить комментарий и апостольский текст — и убедиться, лжет Скоуфилд или нет.

Итак, комментарий к главе одиннадцатой: «*Израиль не отвергнут навсегда... 1) Спасение Павла подтверждает, что остаток сохраняется (ст. 1). 2) Подтверждает это и учение об остатке (ст. 2–6). 3) Неверие Израиля в настоящем было предусмотрено (ст. 7–10). 4) В этом неверии — залог духовного прозрения язычников (ст. 11–25). 5) Израиль отсечен от благородной маслины — Христа (ст. 17–22). 6) Он будет привит опять (ст. 23–24). 7) Обещанный Избавитель придет от Сиона, и народ будет спасен (ст. 25–29)*».

Осмелюсь добавить от себя: совершенно очевидно по тексту Послания, что у Бога ... ну, скажем по-простому, у Него (не по-моему, а по апостолу Павлу) какие-то особенные, «свои» отношения с народом, который Он Сам избрал, — и это избранничество понималось и понимается Церковью не как некая привилегия одному из всех неизвестно за что и почему, а это избрание народа, предназначенного Богом к исполнению четырех целей: 1) свидетельствовать о Едином Боге в мире, исповедующем язычество; 2) демонстрировать перед народами счастье служения истинному Богу; 3) принять, сохранить и передать другим Св. Писание; 4) быть народом, от которого родится по плоти Мессия, — и «*падение*» и «*ожесточение*» которого, его слепота духовная — явление временное, совершившееся не без промысла Божия, Его попущения: «*Неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам...*»

Конечно, это определение избранничества грешит неправославным, нецеломудренным делением на якобы известные нам пункты и подпункты. Оно дробит смысл на подсмыслы — и тем какие-то важные смыслы, возможно, и упускает. Но оно не грешит хотя бы против тех смыслов, которые оно обнаружило.

Бог (опять-таки не по-моему, а по апостолу Павлу) не оставит народ Свой никогда и нипочем. Никогда-никогда и ни за что-ни за что. Следовательно, даже и в его падении, даже в его неприятии истины, даже в его: «*Распни, распни*» Бога (это не содержится в тексте, но следует самоочевидно из хронологической последовательности событий — Павел стал апостолом Христа, как известно, уже после известных событий, которых он не мог не знать), они могут быть слепы, они могут возненавидеть, они могут быть неверны Ему, именно думая, что они верны, — но Он верен Своему слову всегда, «*ибо дары и призвание Божие непреложны*». И потому в конце времен Он «*снимет с них грехи их*», дабы они прозрели. И они прозреют и примут Христа, и спасутся, а до той поры «*остаток Израиля*» остается и останется на Земле, и, даже если он враг «*в отношении к благовестию*», то это «*ради вас*», а в «*отношении к избранию*» он и в отречении от Того, Кого не признал Мессией, — он «*возлюбленный Божий ради отцев*», то есть ради патриархов и пророков, несших миру свет истины. Скажем возможно проще: «*по заслугам отцов*» и благоволению Бога к «*отцам*» — помилованы дети. Никак не в меньшей степени, нежели остальные народы: «*Так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать*».

Можно много толковать о правомочности церковного антисемитизма, о действительном, историческом смысле слов: «*Кровь Его на нас и на детях наших*», — на которые и опираются всякого рода религиозные юдофобы (мне довелось, из чистого, надеюсь, любопытства, и в этом покопаться, и я узнал немало интересного; но это уведет нас совсем уже далеко от романа; впрочем, желающим могу в эксклюзивном порядке выслать «информацию к размышлению», а она очень занимательна своею

неоднозначностью историко-политико-религиозной и даже, представьте, географической... Скажем, неоднозначностью в научном, фактографическом плане — и совершенной однозначностью в оценочном плане, а то есть: это обвинение с еврейского народа как народа, независимо от того, еврей-христианин перед нами, еврей-иудей или обрусевший (онемеченный и т. д.) еврей-атеист — давно пора снять, такой уж вышел вполне обоснованный манифест: «*Кто кому должен — на том крест*»).

Можно, но не нужно. Ибо, как ни судили бы мы-рядили, — это место из апостола Павла совершенно безоговорочно говорит, что, как бы ни погрешал против Него Им же избранный народ, несмотря на всё, всё без исключения, совсем всё, в чем они согрешили и в чем не повинны, а это мы им приписываем, но пусть и это на них! — все равно евреи остаются возлюбленным народом Божиим, Его «удельным народом». Это им «принадлежат» (не «принадлежали» до прихода Иисуса и отвержения, и убийства Его, а «принадлежат», хоть ты чего делай, хоть в газовую камеру засунь, а «принадлежат»!) усыновление и слава, и заветы, и законоположения, и богослужение, и обетования. Их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, *благословенный во веки.*

Это Им даны Его непреложные обетования, и потому только Он может решать, насколько прогневили они Его и все прочее, а ты, дьякон или отче, сюда промеж них не лезь; это только Ему *принадлежит возмездие и Он воздаст.* Так или не так? Или оно, это возмездие, тебе принадлежит?

А Он, согласно апостолу Павлу, в качестве возмездия-то — дав всем, а уж евреям никак не меньше, чем другим, кровавые испытания, — Он, по Павлу, в конце концов возьмет и «*всех помилует*». Это Его Сына они распяли, а не твоего; и что говорит после этого апостол Павел? «*Всех помилует*». И их тоже. А что еще говорит апостол Павел? Бог их после всего-всего продолжает любить. Нет, ты вчитайся, вчитайся! — любить не меньше других Своих созданий.

(Вот и спрашивается — если Он милует, то ты — кто такой, чтобы казнить? Если Он — любит, то ты кто такой, чтобы ненавидеть? Если у Него — какие-то явно особые виды на этот народ и Он попускает не без промысла о спасении всех ожесточение некоторых, а Сам не ожесточается, то ты — кто такой и почему ожесточен? Если Бог к ним добр — почему ты зол?

Я понимаю, не любишь ты их — и все. Ну и не люби, кто мешает, дома за обедом. Не люби, но терпи, смирись с их не подвластным тебе существованием: их терпит Тот, кто не только их, но и тебя создал — и терпит. А ты, часом, никогда Бога не распинал злым словом или умыслом на кого, типа — на целый народ? В глаза мне, в глаза...

Ты, главное, не строй лукавых иллюзий, что всякому выдашь свою науку ненависти за науку церковной любви. Не то чтобы — дураков нет. Дураки есть — но не все же дураки.

Ты, главное, не думай, что дело это можно решить эрудицией и умелой тасовкой колоды. Что ты что-то конкретно накопаешь-надыбаешь

из «Книги Есфирь» и тэпэ. Не нужно даже и разбирать все эти итэпэ, потому что мне — и, надеюсь тебе, — апостол Павел говорит в одном из главнейших своих Посланий: ни-ни. Все заранее учтено, все уже имплицитно сказано: а вот-де из XX века поступит к нам еще вот такая антисемитская телега, и она уже нами в I веке рассмотрена, и говорим сразу заранее обо всем прошло-настояще-будущем антисемитском «отстое», для всякого нелукавого ума — и в сказанном сказано: что бы ни происходило, чего бы кто ни говорил и ни делал, вешайте все только на того, кто тогда-то и там-то это говорил и делал, а не на всех; и даже если он сам вешает все это не только на себя, но и на «*детей наших*», то это заявление не христианина, а ветхозаветного иудея, и может быть вменено христианами в вину только тому «дитю», которое согласится со своим отцом, то есть присоединится к отцову «*распни его!*». Относительно же всех прочих евреев, иудеев или не иудеев — нет и даже теоретически не может быть причин для христианского антисемитизма.

Не любишь их. Тяжело тебе. Понимаю.

Что делать, друг, терпи. С тобою ведь тоже тяжело. Можно подумать, тебя все любят. Не все же гордятся твоей дружбой, как доблестный Дмитрий Быков. Но — терпят же. Смиряются с твоим существованием — и только думают: как бы это все-таки... тебя такого полюбить? Сложная задача. Но, не решив ее, не станешь даже трехкопеечным христианином.

Так что, друг, из церковной любви говорю: вспомни и не забывай: наше дело — сораспинаться Христу, а не других, кто бы там, по-нашему, они ни были, распинать. Не посылать вперед Батьки других в пекло, самому при этом метя в рай. Вот сколько надо будет, сколько Ему угодно их терпеть, хоть до конца времен, — вот столько и будешь терпеть. Ты — их, а они — тебя. Причем, заметь, то, что они тебя не любят, не обозначает, что они изменили заповедям Торы, там не написано, что врагов надо любить; а вот обратное, что ты их ненавидишь, — обозначает, что ты ко Христу имеешь, вроде меня, по грехам моим, самое косвенное отношение. Как бы ты, по-твоему, Его ни любил.

Да и этого-то уж можно не говорить, о любви к врагам и все такое; и так достаточно. Либо ты отвергаешь учение апостола Павла в одном из его фундаментальнейших Посланий и одном из краеугольнейших камней Нового Завета, либо Павла признаешь, а продолжаешь упираться в свою тугую тугу, «русского Христа» и тэдэ и тэпэ. В обоих случаях ты перестаешь быть христианином и становишься, если так позволительно выразиться, «христианским язычником», человеком с «*необрезанным сердцем*», верующим во Христа, как вот твои предки в Перуна, не глядя, что́ Твой Бог тебе заповедовал.)

Мало того, отвергая Павла, ты отвергаешь всемирную, вселенскую, соборную Церковь — и «возвращаешься», подобно Даниэлю, ко временам иерусалимской первообщины апостола Иакова — либо ни к чему вообще. К нулю, внутри которого ты даже не нуль без палочки, а вообще кто его знает кто. Без апостола Павла, если позволительно на секунду помыслить историю в сослагательном наклонении, такой отдельно

взятой вещи, как очень удаленная от Иерусалима Русская православная Церковь, вообще не существовало бы, а это стопроцентно ведет к тому печальному для тебя обстоятельству, что ты никак не мог бы быть ее священником или диаконом. Возможно, тебе пришлось бы переквалифицироваться в управдомы. Подумай об этом — и либо принимай Новый Завет целостно и возлюби даже нечеловечьих иудеев, как любил их Павел, а значит, прекрати свои умные бредни, либо будь никем и осознавай это и не выступай, раз уж отрицаешь Павлову универсальную Церковь, а стало быть — и себя как представителя одной из поместных ее Церквей.

Вот такие дела.

То есть *беззаконник пускай еще творит беззаконие*, но пусть он знает, что это он не Христа защищает от злобных евреев, а это он самый-то именно — и творит беззаконие. И пусть не обманывается, — выражаясь в его кавалерийском «богословском» стиле, — шапка на нем горит синим пламенем, его видно за версту, кто он такой, если даже его книжки-статейки и кассетки и лежат повсюду на церковных книжных прилавках. Тут вопрос не в том, кто он, а в том, почему они там лежат, и кто их, будучи первосвященником, не «запретил в апологетическом служении».

...Словом, сердечное спасибо Даниэлю. Не уверен, что это самое спасибо сказал ему — или сказал бы — Папа, как это происходит в романе: Иоанн Павел II говорит на все на это: «*Извини, я ошибался. Я счастлив это сказать*»; то есть он счастлив извиниться и высказать благодарность Штайну за то, что тот открыл ему глаза на «*расширенный, а не новый Израиль*». Не думаю, чтобы Папа был благодарен за истолкование, противоречащее смыслу слов апостола, делающее к тому же Павла, скажем так, проповедником расширенного иудаизма, расширенного до усеченного христианства — т.е. «христианства как агента влияния иудаизма». Этого просто быть не могло, вот я что скажу, — и если эта страница романа имеет хоть какое-то фактическое основание, если Папа когда-то кому-то вот это самое сказал в ответ на вот это самое, — пусть приведут: что, где, когда. И я буду счастлив сказать: извини, я ошибался. Что, конечно, не равняет меня с Папой.

А вот я говорю Даниэлю сердечное спасибо. Спасибо, что ты привлек внимание к девятой и одиннадцатой главам Послания к Римлянам, напомнил это ключевое место; а то как-то все забываешь, даже и то, чего забывать нельзя.

24. Ихний кардинал и наш диакон

Ладно. Теперь по делу нашего фигуранта проходит еще один свидетель.

В его лице мы имеем дело с совсем серьезным персонажем — в каком-то смысле более серьезным, чем Иоанн Павел Великий. Более серьезным только в одном, чисто психологическом смысле: Папа Иоанн Павел II, как известно, в молодости был и артистом, и поэтом, и музыкантом, так что при всей своей всем известной серьезности мог иногда

и хорошо, артистически пошутить, а может и повалять маленько дурака в беседах с разными Даниэлями. Во всем же остальном новый фигурант нашего расследования не более, но и никак не менее серьезен, чем покойный Папа. Он серьезен почти всегда, думаю, даже во сне. Столь серьезен, что... В общем, тут такое дело, что надо знать дело, чтобы понять, в чем дело и насколько серьезно это дело. В романе Даниэль Штайн еще до беседы с Папой беседует целый час с Префектом Конгрегации Вероучений Кардиналом Рокхаузом. Вот ему-то Даниэль как раз и несет какую ни на есть ахинею о пресловутом *равнобедренном треугольнике*, а также о том, что он лично не может читать Символ Веры потому, что там «*греческие слова, греческая поэзия, чуждые метафоры*».

Я лично из уважения к даниэлеву мнению — ведь это мнение человека, знающего добрый десяток языков, любящего их, и, значит, ежели какой из них, ну там греческий, ему все же чужд, то есть за что, — считаю нужным запретить печатать даже в переводах на свой прекрасный родной язык (у кого какой в его стране), а тем более на низкопробном, чуждом не-греку низкопробном языке оригинала следующих письмэнников: Гомера-гесиода, Эсхила-софокла-еврипида, Сократа-платона и платона-платона, и еще платона-аристотеля, а особенно метафоричествующих рифмоплетов Пиндара, Алкея-архилоха-анакреона — и пожалеть только Сапфо, потому что ей тяжело быть старой девой и лесбиянкой одновременно, а когда тяжело быть представителем нетрадиционной сексуальной ориентации, — Даниэль таких жалеет (читайте роман — найдете). Как, впрочем, и я грешный.

Больше того, Св. Писание христиан, Новый Завет, дошло до нас полностью только на греческом, — стало быть, запретить и его с его греческой метафорикой. Запретим Евангелие в Церкви — и ничего, будем служить, прецедент уже есть: мы с Даниэлем на литургии не читаем греческий Символ веры даже в переводе.

И ничего, обходимся же.

И кардинал выслушивает весь этот бред сив... эти правдивые, пусть несколько максималистские слова — спокойно, опять-таки с улыбкой, ничего не отвечая по существу. Правда, потом у них завязывается часовая беседа, о содержании которой, однако, ни Даниэль, ни автор ничего конкретно не сообщают, а только Даниэль замечает, что речь шла о тонких материях и что кардинал — «*человек глубокий и высокообразованный*». Еще бы не придти к такому выводу, если знаешь, с кем именно беседовал Даниэль Штайн.

В книге его зовут кардинал Рокхауз, но, живя в Баварии, трудно не знать, что должность Префекта упомянутой Конгрегации Вероучений с 1980-го, то ли 82-го, но точно в 84-м, когда Даниэля вызвали, по тексту, в Ватикан, — и до самой смерти предыдущего Папы занимал в Ватикане бывший епископ Фрайзингский и Мюнхенский, он же затем этот вот Префект Конгрегации Вероучений Кардинал Йозеф Ратцингер, а затем преемник покойного Иоанна Павла II, нынешний Папа Бенедикт XVI.

Эти двое «в смычке» строгой образованности обоих при либеральном, но строгом же консерватизме одного и тоже строгом, но внезапно живом порыве вдохновенного «артистизма любви» другого (вспомним профессиональную артистическую карьеру молодого Войтылы) дополняли друг друга как нельзя лучше, как редко бывает. Ничего удивительного поэтому, что, кроме сих двух иноземцев, «*во всей честной Италии на Папу кандидата не нашлось*» дважды подряд.

Ничего удивительного и в том, что «Рокхауз» показался Даниэлю «*человеком глубоким и высокообразованным*»; так оно и есть. Похоже, таковым он показался даже, я бы сказал, едва ли не главному ревнителю интеллектуального, но строгого православия, чуть ли не официальному полпреду-апологету русской Церкви Московского Патриархата, уже упомянутому отцу диакону Андрею Кураеву. А ведь о предыдущем понтифике о. диакон заявил, когда выступал по приглашению в нашей аугсбургской православной общине и когда один из прихожан задал маститому апологету робкий вопрос, как русская Церковь относится к публичному покаянию Иоанна Павла II от лица всей католической Церкви за многие ее исторические вины и прегрешения, — о. диакон заявил тогда без обиняков: «*Кается, говорите? Знаем мы, как Папа кается! Небось не первый год замужем*». Я был там и сам это слышал, и это точная, закавыченная цитата, я за свои слова отвечаю. После этих слов я окончательно перестал интересоваться суждениями о. диакона. Вот бы он, в соответствии с принятым им стилем дискуссии, особенно когда противник отсутствует и не может дать сдачи, вот бы он, вместо того, чтобы говорить, что-де *одна песня Константина Кинчева* (это с тех пор, как Кинчев крестился) *сделает для проповеди христианства больше, чем все мои проповеди* (что-то вот такое — по смыслу, буквально — не совсем помню), вот бы он сказал: «Знаем мы, как Кинчевы крестятся!» — и т.д. А самое увлекательное, я готов пропустить любой спектакль, фильм, всё-всё, если бы, подлого подслушивателя, меня вместо этого завели за занавеску окна комнаты Патриаршей, скажем, Резиденции в Чистом переулке, где в этот момент отважный борец с ересью о. диакон говорит, глядя в глаза: «Знаем мы, как Ваше Преосвященство (а то и «Святейшество») кается! Небось не первый год замужем». Этой сцены, однако, быть не может почти по определению, потому как ни один из наших архиереев, проведших десятки лет под богоборческими «Советами», еще ни разу не каялся — публично, во всяком случае. Неужто так прямо и не за что? В какой счастливой стране при каком незапятнанно белом красном церковном возглавлении жили мы несколько малых десятков лет, господа хорошие...

А вот Папа покаялся — публично — от лица и своего, и всех христиан-католиков, ибо хотя Церковь в своем божественном плане как Тело Христово непогрешима и свята, но состоит она из народа Божия, который погрешим и даже очень. И если это и лицемерие (чего мы знать наверняка не можем, а стало быть, у Папы, пока не доказано обратное на строгом суде в присутствии обвиняемого и его адвоката, которым он

вполне в состоянии быть самому себе перед обвиняющей стороной в лице о. диакона, — до тех пор у Папы есть презумпция честности), но хотя бы сказано вслух, — то ты достигни в своей Церкви хотя бы уровня такого «лицемерного» покаяния, хотя бы сними со своей Церкви так, чтобы все видели, и чтобы покаяние высших чинов Церкви давало бы истинный пример низшим, — сними со своей Церкви пусть чисто формально, но открыто, словесно, но подписано кающимися, — сними так хотя бы сколько-то процентов греха семидесятилетнего, пусть «необходимого» для сохранения Церкви (это еще можно по-разному понимать, как известно некоторым), вынужденного, но все равно ведь «в какой-то степени» христопродавчества — и вот тогда уж суди ӧ другой стороне. Но и тогда — не в такой разнузданно-нахальной форме...

Да, так вот нынешнему Папе даже о. диакон Андрей, кажется, симпатизирует. По крайней мере, не упрекает его в необразованности, как Папу предыдущего (тогда же, у нас в Аугсбурге: «*Папа, призывая к объединению, не знает логического закона обратной пропорциональности объема и содержания понятия... А еще говорят, что Папа — образованный человек*»). Ну, Папа-то предыдущий не менее образован, чем нынешний. И это не «*говорят*», а так оно и есть: Кароль Войтыла, уже после того, как был профессиональным, «дипломированным актером», окончил богословское отделение Ягеллонского университета в Кракове, а потом преподавал нравственное богословие в Люблине. И если даже я, дурак дураком, окончив какой-то филфак заштатного советского университета, все же семестр изучал логику, заглядывал в «Органон» Аристотеля, решал задачки на построение больших и малых силлогизмов и, как ни странно, знаком с законом «обратной пропорциональности...», то Папа-то уж и подавно: он-то уж окончил настоящий, а не полуфиктивный университет, то есть уж на гимназическом-то уровне образование получил (вы вспомните, что до революции в любой симбирской гимназии предмет «Логика» был обязательно, коль уж скоро один симбирский гимназист имел всегда по логике, как известно, «четыре» — и с этими четырьмя всю страну перевернул и ухитрялся всегда строго логично при всей текучести своей диалектики выходить из самого безвыходного положения)...

Страшно молвить, но боюсь даже, образованность Иоанна Павла II не уступала безднам образованности о. диакона и Папа даже знал сам «закон обратной пропорциональности», но, думаю, он, призывая к объединению, видел и ставил вопрос в таком ракурсе, где объединению не мешает пресловутый закон. Может такое быть? Теоретически хотя бы — может? Да сообразно принятой установке-аксиоме что хочешь может быть — и всегда в полном соответствии со всеми законами логики!.. Ну вот, а о. диакон-то наш как-то незаметно для себя, будучи от природы человеком, лишенным лукавства, как-то так почти искренно, «слегка беременно» — *не первый же год замужем*, пора уже хоть чуть-чуть забеременеть — чуть-чуть, почти неуследимо, повернул дело так, что в новом ракурсе (приписанном почему-то Папе, а не самому фокуснику) все

повернулось так, что и впрямь — закон обратной пропорциональности вроде как мешает считать Папу образованным человеком... Да, боюсь даже, образованность Папы где-то по малому, но гамбургскому счету не только сравнима с образованностью нашего интеллектуального Ильи Муромца, которым по праву гордится Церковь МП, высылая его, ровно аки Пересвета нового, против всех инославных и иноверческих Челубеев — биться с ними и побеждать — в их отсутствии... Только, если конечно, не побьют вставшие за *«искреннего своего»* горой милосердные казаки, то позволю себе еретическое ощущение, что образованность Папы — сейчас переведу дух от такого допущения — кое в чем даже и превосходит образованность того ли да диакона-то Андрея... Подлинно дух захватывает — а ведь может, может быть и такое.

Потому что оный-то диакон Андрей — молодец среди овец, что на сегодняшнем уровне богословско-философского мышления и просто гуманитарного образования, в общем, дело элементарное: само умение мыслить логически и четко, иногда щегольски-стильно излагать — совсем не так альпинистски трудно (уж если интеллигенция от романа «Штайн» в восторге, чего ж ее одной левой интеллектуально не забороть). Тогда как покойный Папа был молодец не среди овец, а и среди молодцов молодец...

Но уж образовательный ценз нынешнего Папы, кажется, устраивает даже о. диакона. Хотя с чего бы, кажется? Не иначе — дан приказ ему на Запад... То есть так думается, но, учитывая и его презумпцию интеллектуальной честности, беру свои мысли назад.

Йозеф Ратцингер окончил всего-навсего богословское отделение Мюнхенского Баварского университета и затем преподавал догматическое богословие в Регенсбурге. Идет ли это в сравнение с нашей Лаврской Духовной Академией?! А вот поди ж ты, Ратцингер считается и является одним из самых образованных и выдающихся мыслителей-богословов нашего времени в мире, а не на отдельно взятой и закрытой, несмотря на всю открытость, шестой его части. Держась как бы за кулисами, он еще в начале 60-х был одним из главных вдохновителей Второго Ватикана (с его решениями можно не соглашаться, но очевидно — это было дело рук не полуобразованных богословски людей, выгодно отличающихся на фоне людей совсем необразованных).

Не удивительно, что «Кардинал Рокхауз» показался Даниэлю *«человеком глубоким и образованным»*. Удивительно, что после всего, что о нем и о Даниэле известно, Штайн говорит это в смысле похвалы.

В свете этого понятно и то, что Даниэль не сообщает конкретно, о чем они беседовали целый час и что именно кардинал «Рокхауз» возразил ему на все эти «треугольники», «чуждую образность Кредо» и прочую белиберду. Уж кому-кому, а «Рокхаузу» с его знанием предмета, с его удивительно ясной головой и удивительным умением говорить доходчиво о самых сложных вещах (говорю не понаслышке: на русском есть его «Введение в христианство», и это отменно ясная сколь и глубокая работа любого убедит в вышеозначенных качествах «Рокхаузова» интеллекта;

сейчас же вышел, пока только на немецком, 1-й том его двухтомника «Иисус из Назарета», и это тоже, не мне говорить, работа удивительная...), да еще если ему целый час времени дать на беседу, ничего не стоило самым учтивым образом, не по злобе, а по любви — вправить Штайну мозги, хоть и, так скажем, амбулаторно, но так надежно, что умственное расстройство прошло бы хоть на пару лет, — а там опять на лечебный сеанс к Кардиналу Рокхаузу. Штайн, уразумев, наконец, истинный смысл и связность церковного учения, бросил бы свои нескладухи, шитые ослепительно белыми нитками, и, глядишь, начал бы и впрямь *спасать* души, а не запутывать и себя, и своих малограмотных прихожан окончательно.

Почему же ни кардинал Рокхауз, ни Папа в тексте книги не высказываются по существу дела — сами от себя, как другие персонажи книги?

Или — или.

Или никакой Штайн-не-Штайн в беседе с этими двумя ничего такого не говорил.

Или говорил — и получил достойную отповедь дважды, если вся эта вышеприведенная чепуха на постном масле, добавь еще туда «*культ Девы Марии с шестого века*» и вообще все, что «*придумали греки*», достойна отповеди на столь серьезном уровне. Но автор книги при сем «свечу не держал», а сам не в состоянии реконструировать гипотетический ответ Штайну этих двоих ученых и рассудительных людей. Автор не представляет, что они могли бы ответить, чтобы сформулировать, сконструировать, вложить им в уста хоть какое-то серьезное возражение Штайну. Для симметричности общей картины.

Или — третье: автор и знает, и представляет, и может отлично сформулировать, да не хочет этого делать, потому что возражения Папы и будущего Папы автору представляются куда менее серьезными, чем поддержка истинного и несправедливо подозреваемого в ереси христианина-праведника Штайна. Еще бы — он дело делает, крест несет, а у них — «кабинет, кабинет», всё слова, слова, «анамнезисы» и «эпиклезисы»...

Да, при такой заботливой помощи автора, бравый Штайн, если уж он из схватки с Иоанном Павлом II и кардиналом Рокхаузом-Ратцингером вышел вроде как победителем, единственно отвагою, то есть хорохорочничаньем своим, на голубом глазу, «на таланте», во всяком случае, вышел не побежденным, не положенным на обе лопатки, — никогда и нигде не пропадет. Этому гиганту мысли и отцу внецерковной демократии — никто просто не в силах возразить.

Кроме одного человека.

25. Идефикс, или Еще раз о еврейской простоте

Этого персонажа зовут Ефим Довитас, он приехал в Израиль, чтобы стать священником в русской православной Церкви — потому, что дома ему чинят в этом препятствия. Этому верю. Бывало и так на моей памяти. Бывало и иначе. Словом, он приехал, и именно Даниэль, переубедив его и его жену, давшую монашеские обеты, но пребывающую в миру,

живущую с мужем как брат с сестрой и потому одолеваемую постоянно горячими эротическими видениями, — именно Даниэль устроил как следует их семейную жизнь. Просто взял и устроил все одним махом, напутствовав Ефима повторенным дважды — или трижды? — наказом-приказом. «*Иди,* — говорит, — *иди и спи со своей женой!*»

Молодец Даниэль, ничего не скажешь. Так и должно действовать священнику — где мерами кротости, а где и мерами строгости. И вообще евреи, если они даже, как Ефим, члены Русской православной Церкви, как известно от самого Даниэля, евреи — такой народ: не видят греха в половой жизни — и все тут. Сообразно со своей природой человек и должен поступать, и — никаких обетов, и забудь свои клятвы, в глазах Бога они ничего не стоят перед лицом правильно налаженной половой жизни...

Да, так вот этот Ефим — сам, значится, теперь священник, только русско-православный, да к тому же еще и специалист в области литургики, восточной прежде всего, но и в западной понимающий толк, — побывав у Даниэля на богослужении, сразу понял суть дела, настоящую, а не мнимую «*точку расхождения*» Даниэля с католической ли, православной — с любой из Церквей. И накатал на него телегу даниэлевым церковным властям. Там он коротко и ясно, вполне обоснованно, высказал убеждение, что то, что он увидел и услышал, несовместимо с позицией и практикой Церкви (и это он еще не слышал штайновой «мариологии» и еще много чего!). То, что он написал, — еще мягко написано.

Но вот какая незадача: это же — донос. Форменный донос, да еще на благодетеля. Хотя по очень серьезному поводу и по существу дела (автор, значит, представляет себе-таки позицию Церкви, противостоящую позиции Даниэля, хотя бы в чисто «законническом», формально-каноническом виде), пусть не анонимный, но донос. А я хорошо представляю себе отношение к доносам широких кругов русской интеллигенции, то есть кругов читателей данного автора, — я это отношение и сам вполне разделяю.

Да к тому же еще — у доносчика рождается сын с болезнью Дауна, а они с женой что-то такое накрутили вокруг младенца, что тот совершенно необычаен, что он-де «*Тот, кто Обетован*»...

Вот это да. Вот тут я, сидя за обеденным столом в дурке, вытаращил глаза так, что рядом сидевшие немцы — депрессивник и «зависимые» — и те на меня выпятили зенки. Решили, что воспоследует приступ. Тут ведь разные бывают иногда приступы. Но я взял себя в руки: подавись, Ганс, своим сочувствием к русскому карахтеру — и сомкнул, сидя прямо, веки. И они успокоились и принялись за тевтонскую питательную пищу.

А сам — нет, хочется, чтобы вы представили пейзаж ландшафта, картину типа «Лунная соната», в смысле — шедевр художника К.Д. Фридриха, богатыря немецкого романтизма «Двое, созерцающие луну». Только нас было не двое, а человек двадцать пять...

Итак. Сидит лысый седой дед, по-немецки когда цацки, а когда пецки, а у самого-то — новенькая серебряная птица — лэп-топ «Тошиба»,

и он на ней лэпает-топает день-ночь, на киррилиш! — это класс сложности ультра-си, вроде китайского, — и все, блин, топает, и все, майн Готт, лапает, день-ночь — месяц прочь, не глядя, что нам, здешним коренным арийским юношам и девушкам, о нем прикажете думать? Что он с луны свалился? Так это мы с гамбургской прескверной луны-то свалились, в дурдом, а он — он вообще откуда? И — тут-то его возьми и прихвати! Откинулся и смотрит в потолок. И поделом, чтоб неповадно было всяким на священной баварской земле!

А он (то есть, получается, я) — он, рёхнутый, все это время обалдело таращится. Не в силах понять.

Кто это — *Тот, Кто Обетован*? А?..

Второй Мессия, что ли? Или второе пришествие первого и последнего Мессии? Но ни второй Христос, ни второе пришествие Христа, которое будет видно всем «*как молния от края неба и до края неба*», в виде ребенка с болезнью Дауна от самых обычных земных родителей — уж для православного-то и образованного священника точно — не «*обетованы*». Да такого священника, к тому же специалиста в области литургики, который бы такое сморозил, и нет и не бывает. Это еще придумать надо. И какую фэнтезийную фантазию иметь надо!

Значит, этот Ефим болен на голову посильнее Даниэля, так далеко подвинулся рассудком, что уж с него — какой спрос. Его сюда, к нам надо. Какая такому вера?! И наш Даниэль опять, на фоне помраченного доносчика, выглядит хорошим. Не просто хорошим, а отличным. От других.

И чтобы подчеркнуть это и выделить в читательском сознании, автор делает своего героя — героем трагическим: устраивает Даниэлю Штайну автомобильную катастрофу. Герой поистине уподобляется новому апостолу Христову, взявшему свой крест и несущему его до конца: смерть застает его в дороге домой от смертного одра своего друга, на посту служения своей главной миссии — любить и «спасать людей». Глава о смерти Даниэля написана хорошо — не более, но и не менее.

Десять страниц из пятисотстраничного романа... И все равно — это целых десять художественных страниц.

Да и до того такие страницы были — а если и «маловысокохудожественные» — то зато интересно-познавательные. Мне, ни разу не побывавшему на Святой Земле, Земле Обетованной, в Эрец-Исроэль, были интересны и питательны многие реальности — от картинок пестрого разноверья на этой спичечнокоробковой территории до описаний израильской флоры. Это в сумме — немало. Как литератор я знаю, что труд наш рукотворен и не всегда в тексте все удается. Нужно быть благодарным Богу и за одну настоящую страницу. Если бы от «Записок из подполья» осталась одна первая часть — писатель все равно обогатил бы ею читательское сознание, увеличил объем наших сведений о человеке.

Да, целых несколько десятков хороших страниц... Чего ж мне боле?

А вот чего: обогащая меня сведениями о жизни, для «задания»-«послания» этой книги второстепенными, автор оставил меня, читателя,

совершенно неудовлетворенным в отношении главного: воззрений и жизнедеятельности ее главного героя; а ведь «из-за» них-то все остальное и написано. Прочтя не несколько десятков хороших страниц, а 500 страниц романа величиной почти с «Преступление и наказание», «Красное и черное» или «Моби Дик», я так и остался все в том же полном недоумении: почему именно данный герой в данных обстоятельствах говорит и ведет себя так, как ведет?

Почему образованный и верующий христианин, да к тому же священник католической Церкви отрицает Символ Веры в его главных пунктах?

Почему он, основывая свою веру на Евангелии, признает одни места Евангельской Вести истинными, а другие отрицает или не замечает, или игнорирует, говоря, что их там нет, тогда как они там есть и никуда не прячутся?

Почему точно так же он обращается со всеми Писаниями Нового Завета — «Деяниями апостолов» и апостольскими Посланиями?

Почему объявляет интерполяцией то-то и то-то, не глядя на то, что обратное засвидетельствовано достаточно многократно и для верующего человека достоверно?

Почему позволяет себе самому составить литургический текст, не осведомив об этом и не показав текст генералу ли монашеского ордена, правящему ли епископу, а буде те воспретят не глядя, — послав текст тому же кардиналу Рокхаузу, которому Штайн вроде как доверяет? И ведь это прямо по профилю деятельности кардинала Рокхауза.

Почему, далее, он в своей «мессе» считает ненужной эпиклезу? На каком основании считает, следовательно, что и «так сойдет»?

Почему, наконец, называя в своей литургии Христа не просто Сыном Божьим, а, вслед за Церковью, Единородным Сыном, он все равно избегает назвать его Богом, Богом-Сыном, а Бога-Отца, коль скоро у Него есть прямой, буквально родной Сын, именно Богом-Отцом?..

Короче, почему Даниэль, в отличие от продуманной и целостной церковной «керигмы», послания, возвещения — постоянно отрицает то, что сам же утверждает, и не замечает, что это нон-сенс — то есть буквально: бес-смыслица?

Да, видать, не напрасно Церковь считает необходимым, для таких вот Даниэлей, людей, как он сам о себе говорит, «*легкомысленных и не склонных к долгим размышлениям*» (и ведь правду говорит, думая, что шутит, — к чему-чему, а к размышлениям, долгим ни же коротким, он не склонен начисто), подчеркнуть в тексте «Кредо», что уж раз сказано «*Единородный Сын Бога*», — то из этого непременно выходит то и только то, что Единородный Сын Бога означает и то, что Он «*рожден, не сотворен*», что Он «*Бог истинный от Бога истинного*» и что Он рожден «*прежде всех век*», прежде всех времен. «*В начале было Слово, и Слово было Бог*» (Ин 1:1); то есть Иисус Христос, Иешуа Машиах есть Бог-Логос, Бог Слово, и Он был в начале всего, и Он был у Бога-Отца, Который и сотворил из начального Ничто, из начального молчания — Всё, сотворил Своим

творческим Духом Святым через Свое Слово, Своего Сына Логоса. Он же Иисус. Йешуа из Ноцри. Он же Машиах, Мессия, Христос.

Не понимаю; ничего не понимаю. В католической Церкви, где сейчас — полная свобода со-вести, исследования Писаний, библейской критики, — словом, всего без исключения, при одном условии: чтобы эти исследования, эта критика были бы аргументированными, вполне доказательными и честно, последовательно продуманными. Тогда — хоть на собор выноси, никто тебя при помощи опереточно-лампасных казаков изгонять из храма и запрещать в служении не будет. И твоим бумагам с новыми, прогрессивно архаичными теологуменами — почти наверняка дадут ход, они будут серьезно рассмотрены.

Но вернемся к первому-второму поколению христиан — к людям, достаточно видевшим и слышавшим. Собственно, за кого мы всех их принимаем? За безумцев, массово охваченных одним и тем же вирусом одного и того же помешательства?

Гениального логика и философа-богослова апостола Павла — за сумасшедшего?

Ну, давайте почитаем. *Понюхаем премудрость скучных строк.*

Ну, посмотрели толком оба Послания к Коринфянам? Или Галатам? Или к Римлянам?

Что скажем?.. Или мы их держим *за болвана в старом польском преферансе*, за придумщиков заведомо лживых баек? Да ведь они за эти байки, повторяю и готов терпеливо еще сто раз повторить, пока, наконец, глядишь, и дойдет, — заведомо ими же по этой версии, придуманные — свои же, не чужие байки, — отдавали жизни. Перед тобой выбор: смерть — или отказ от сочиненных тобою врак! Что выберешь?..

Ну, хорошо, ну, один случай помешательства, ну, два случая синдрома Кандинского-Клерамбо: внутренний там голос, психический автоматизм, все такое. Ну, еще пяток врунов, отпетых до того, чтобы своим же соседям — Иерусалим и сейчас-то не Лондон и не Москва, а тогда-то уж был совсем невелик, хоть густонаселен; все встречались если не на площадке у Храма, так в другом всем известном месте, — своим же соседям лить в уши то, что те, на том же основании, на каком эти вруны утверждают, запросто точно так же могли отмести: а мы там и тогда тоже были, и ничего из того, что эти вруны вам тут брешут, на наших глазах не происходило...

Ну, а остальные-то? Ведь, напоминаю, количество первых-вторых христиан измерялось по-настоящему большими числами. Это не даниэлева община. Крестившихся в день Пятидесятницы после необычайной апостольской проповеди, как сообщают «Деяния апостолов», было «*около трех тысяч*». Трудно не верить: при таком количестве участников было не меньшее количество свидетелей, могущих подтвердить или опровергнуть этот факт, кто-то из этих тысяч жил долго, то есть еще второму поколению христиан зеленая улица: десятилетиями спрашивай — отвечаем.

Ну и где эти возможные опровержения? В трудах каких известных историков древности или просто в любых найденных текстах того времени, переписки частных лиц и пр.? Нет их. Есть несколько известных (Тацит, Иосиф Флавий, Светоний) упоминаний о том, в основном, что в это время была некая секта, которая поклонялась некоему «*Хресту*», который тоже, скорее всего, был-таки, жил в Палестине во время, указанное в Евангелии. Есть в Талмуде подтверждение тому, что некто Иешуа из Назарета — историческое лицо (дальше там идет о нем такое, что и приводить не буду) — словом, по Матфею: «*И пронеслось слово сие* («обманщик» — *Ю.М.*) *между Иудеями до сего дня*» (Мф 28:15).

(Замечу, на всякий случай, хотя нет «защиты от дурака» — «*до сего дня*» в смысле времени Матфеева Писания, а не до сегодняшнего «сего дня», не то опять начнут во всем виноватить евреев нынешних как «врагов Христовых» — и пр. и пр.)

Но опровержения факта массового крещения на первый же ежегодный праздник еврейской Пятидесятницы после смерти (и — для христиан — Воскресения) Иисуса — этого опровержения нет и в Талмуде.

Да, скажут, ну а ***подтверждение*** массового крещения там — есть? И вообще где-нибудь — есть? Где подтверждение «Деяний»?

Его тоже нет, врать не буду.

Ну, что я могу сказать? Мое мнение таково, и пусть оно дубово, но все ж таки: римские историки не слишком-то интересовались тем, что происходило на окраине Империи, в глухой провинции у Мертвого моря — по крайней мере до Первой Иудейской войны. А те ниспровергатели «обманщика», кто был тогда в самом Иерусалиме, подтверждать то, что произошло, не хотели: это было не в их интересах, а опровергнуть не могли: это было у всех на глазах... Еще раз: я же не утверждаю; я свой выбор уже сделал, а «прозелитировать» никого не собираюсь; я только вот что: вполне предположимо нечто психологически мотивированное...

А все-таки — я именно утверждаю — и только одно: что бы там ни было, ***а что-то было — точнее, Кто-то был***.

Потому как дыма без огня не бывает, а такого дыма, что идет уже две тысячи лет и все дымит, и дым этот, по ходу своему в небо оставляет и на земле свои копченые следы — всю колоссальную иудеохристианскую цивилизацию, определяющую и по сей день (верим ли мы во Христа-Бога или нет) сам тип нашего восприятия, нашу ментальность, — такого дыма и подавно без огня — и какого — из какого «прекрасного далека» видного пожара! — не бывает.

Итак, был круг и центром этого круга был Кто-то, Кого не могло не быть, — иначе все дальнейшее в истории было бы непредставимо другим. Этот Кто-то, безусловно, говорил и делал что-то такое, что производило впечатление убедительно-необычайное и необычайно убедительное.

И стоило кому-то вдуматься во все странные обстоятельства земной жизни, проповеди, крестной смерти и воскресения Иисуса, как вдумывающийся последовательно и неотразимо приходил к вере в Иисуса как Христа и, более — как в Бога.

Еще о «еврейской простоте» — именно в связи с первоначальной Церковью: была ли она проста.

Ну, подумаем — какой-нибудь Кашпировский на стадионе среди многотысячной толпы укладывает в ряд человека за человеком людей около ста, как поленья, одним прикосновением пальца; я сам это видел по телевизору и видел, что это видят все сидящие на ступеньках битком набитого стадиона, — и что же, как-то существенно это повлияло на нас, простых или сложных?

Не в том смысле, что у Кашпировского не появились поклонники — они-то повалили гурьбой; но ведь — только лечиться. Кто-нибудь счел Кашпировского небесным посланником? Кто-нибудь верил не Кашпировскому, а — в Кашпировского? Запахло ли где-нибудь неким новым учением — «кашпировианством»? Нет и нет.

А почему думать, что тогдашние иудеи были проще, доверчивее и глупее нас? Люди эти были потомками тех, что вышли из Египта, мудрого, а паче — мудреного Египта, который знал уже т. н. *негативную исповедь*; из Египта, где найдены черепа додинастической эпохи, то есть рубежа IV и III тысячелетий до н. э., на которых обнаруживаются следы трепанации и золотые коронки на зубах; из Египта, где строили пирамиды без связующего цемента: например, 143-метровую пирамиду Хуфу-Хеопса — за 4500 лет до новодела, шпилей Кельнского и Ульмского соборов, самых высоких в христианском мире (или вот шпиль Страсбургского Собора, высотой как раз с Хеопса, — так примерно142 метра, законченный в конце XV — начале XVI века, натурально на связующем растворе — а как иначе: это же каменья розового туфа, а не стопка блинов)... А вот египтяне в XXVIII веке до н. э. знали: как иначе! А японцы лет тридцать, что ли, назад взялись повторить пирамиду Хеопса во вдвое уменьшенном масштабе — и без связующего раствора потерпели неудачу.

Без связующего вещества, ориентируя их строго по сторонам света, строя композицию трех великих пирамид в Гизе по «золотому сечению», да еще и вписывая, чтобы микрокосм включался в макрокосм, точки их основания и вершины в какую-нибудь альфу созвездия Центавра? Где число «Пи» было известно задолго до греков? Это все не оккультные выкладки-выдумки, а самые что ни на есть «обычно-научные» факты (интересующимся могу подсказать несколько приличных книжек только на русском).

...Люди, довольно долго жившие в египетском «рабстве», кое-чему научились у рабовладельцев, да и сами, как показало время, оказались не так чтобы хромы разумением.

У них не было сегодняшнего океана информации, технической и проч. оснащенности, но чисто интеллектуально, душевно и духовно они нам никак, по меньшей мере, не уступали. Книга Иова, Книги Царств, книга Премудростей Соломона... Екклесиаст, наконец, — найдется ли с тех пор что-либо горько-скептическое в ту же степень умудренности? И эти люди были легковерны? Те самые, которые сказали: «*И нет ничего нового под солнцем*»?..

Богоизбранный народ — это, понимаешь, уж для чего бы там ни избранный, но народец не простой... Судя по количеству и разнообразию антисемитской литературы, этот народец-инородец, это, если иных великих послушать, какое-то Бого-сатанинское отродье — не давало и не дает покоя не одному Достоевскому, а покойный был разумен и велик. И тоже вроде бы не только по своей, но и по Божьей воле. Как и народец, который его донимал не спросясь.

Собственно, пора бы быть скромнее. И стали бы, да не дают. То одного «делают антисемитом», то другой изобретает еврейскую «антисистему». И не был бы семитом, так сделают. Будь хоть хамитом — из твоего хамитизма все равно яфетиды достанут и обхамят за милую душу. Вот тут и начнешь, будто другим чем заняться не знаешь, назло еврейской своей антисистеме строить свою же еврейскую систему.

Этому «*племени*» (Федор Михайлович, ну Вы-то хоть... Вы же не чета этим умным интеллектуалам, Вы же на самом деле умный человек, а не так, погастролировать за счет православия вышли...), этому племени были даны — или они свято верили, что даны — величайшие чудеса и «обетования». Они верили — или были свидетелями чудес, какие Бог совершал через Моисея или Илию. Но, видели они это сами или верили тем, кто говорил, что видел, — никому в голову не приходило назвать Илию — Господом. Он был великий пророк, он у всех на глазах оживил только что умершего отрока (3 Цар 17:17-23), — но все равно был не «*больше пророка*». А здесь и сейчас, в Иудее и Галилее и сопредельных местах, где-то в первой трети I века, все вокруг заговорили о Том, Кто больше любого пророка. Заговорили о Нем как о Господе, о прямом Сыне Бога Живого... Ладно простые рыбаки — Петр и Андрей, но ученый фарисей Савл, свирепо гнавший христиан — и вдруг обратившийся и говорящий о Йешуа: «*Бог явился во плоти*»...

А Штайна все равно что-то такое важное тяготит; и мне хотелось бы знать, что. Может, я мог бы ему помочь. Что все-таки тяготит его? Что мешает ему образовать просто поместный приход, где для не знающих другого общепонятного языка служат на иврите? Служи себе, а в свободное время води свои изумительные, как все говорят (интересно бы послушать самому — рыбак рыбака...), экскурсии по всему Израилю на всех языках, чтобы заработать денег на строительство храма и пр., — или сиди за переводом с греческого на иврит, доводи перевод до ума, а сам по мере переводимого только углубляй свое понимание слов Нового Завета.

Что может быть лучше для священника, монаха, христианина, переводчика и прирожденного экскурсовода?

А вот Даниэля, хоть ты что, все равно все время что-то мучает.

Пока он не разрешит, как ему кажется, свои сомнения, в составленной им литургии.

Пока Церковь его за это не запретит в служении.

Пока он не умрет, оставаясь самим собой. Это поздняя, не «греческая», слава Богу, героика: «*Человека можно уничтожить, но его нельзя победить*». Альзо, шпрах Хемингвэй. Правда, в другом месте Хемингвэй шпрах: «*Победитель не получает ничего*». Та тоже жь...

26. Мост над пропастью

Но — снова и снова — почему все-таки? Что за загадка очередного Бермудского треугольника, каковых загадок в книге — что песка на дне морском? На сей раз — загадка психологическая.

Ответа на этот вопрос, как и на многие остальные, я в книге так и не нашел. Но, памятуя, что я взялся защищать Даниэля, насколько это возможно и пока это возможно, чтобы его не сочли уже тем «типа того» — «психическим», — попытаюсь опять предложить вероятные, возможные для моего разумения ответы на вопрос — «почему?».

Может быть, потому, что Даниэля на «своей земле», среди «своего народа» почти бессознательно тянет «в иудаизм»?

Но настоящий иудаизм есть учение развитое, разработанное на протяжении более 2000 лет настоящими книжниками, весьма сложное богословски и философски, а главное — разработанное чрезвычайно детально, ступенчато, законнически сухо, чего Даниэль, желая взять с наскока сразу все, и умом и сердцем, как известно, не переносит. Увы, иудаизм — это не только мидраши и не столько мидраши, так любимые Штайном. Он содержит в себе сложные комментарии к Торе (Мишна) и еще изощренные комментарии к этим комментариям (Гемара).

И если Даниэль, отчасти, будем надеяться, юродствуя, не может «вместить» простую аналогию между троичностью Единого Бога и равносторонним треугольником, если он не понимает смысла «Кредо» и не способен развернуть понятие «Единородный Сын», которое сам же употребляет, иначе как с «точностью до наоборот», — то как он собирается вместить учительство и рабби Гиллеля, и рабби Гамалиила?

Савл-Павел, пройдя выучку у Гамалиила, смог потом стать не только апостолом, а «первоверховным» наряду с апостолом Петром, потому что создал мировую Церковь; но потому-то он один и мог это сделать, что выучка его, мысль его отточена и виртуозно диалектична, он чувствует себя среди греков как дома, его философская рефлексия, пусть он и не употребляет этих «греческих» терминов, его аргументация столь безупречны, что он, если бы согласовать терминологию, свободно мог бы потягаться и с Плотином, и с Гегелем...

А Даниэль — с его пилатовским презрением к культуре мышления вообще и философского мышления, в частности — больше того, не понимающий, что есть мысль, что такое вообще мысль, мысль как таковая, то есть каковы необходимые общие законы, по которым живет-может мышление и без которых оно перестает быть мышлением, позволяя разве имитировать себя (что тоже — своего рода искусство,

требующее, согласно своему корню, некоторой искушенности, тогда как Даниэль — человек в этом смысле вполне девственный), — что может Даниэль? Не как частное лицо, человек-вообще — тут он как раз может главное: любить самоотверженно, — а как священнослужитель, полпред Церкви?

Только полуграмотную отсебятину пороть, только выдирать фразы из контекста, только отрицать то, что сам же утверждает, только думу думать нутряную...

Не думу надо думать, на то есть в далекой России члены Думы, и они, соколики, уже показали, какую можно думу в Думе думать и как долго думой этой продуманно зарабатывать себе на хлеб с мерседесом и ребятишкам на игрушки, — не думы тягучие некрасово-крестьянские и не думы про Опанаса думать надо по выдуманным поводам, а мысль надо про-мыслить, проследить до конца, согласно (повторяю для Даниэля снова и снова из занудной любви к нему же), согласно законам правильного, то есть последовательного и внутренне непротиворечивого мышления, к тому же получившего информацию к раз-мышлению в елико возможно полном целостном объеме.

Нет, серьезный иудаизм — и ортодоксов, и консерваторов, и реформаторов-либералистов — похоже, Даниэля вряд ли влечет.

А если не строгий иудаизм — тогда, быть может, это стремление создать некий вариант иудеохристианства?

Я-то, если, конечно, меня попросят выказаться, вообще считаю, что иудеохристианская цивилизация как долгий исторический континуум, возможно, и есть (то есть надо еще продумать, какие элементы иудаизма, не включенные в себя христианством, сами по себе оплодотворили европейскую, а потом и американскую, и т.п. цивилизацию; есть ли такие? Не берусь судить), а иудеохристианства как религии, как веры, всегда существующей в срезе «вечного сейчас» — вот здесь и сейчас, остановись и предъяви свою веру, свое иудеохристианство как таковое, — нет, и не было с самого начала. И быть не может.

Мы так это называем только ради удобства обозначения или в силу привычки.

Только дискутировать об этом хотелось бы не с Даниэлем, а с серьезным человеком, более меня и знающим и толковым, — и если он меня убедительно опровергнет, я соглашусь.

А мысль моя забубенная вот какая.

Либо — ***первое***: настоящий, развитый иудаизм, даже признав Иисуса Христом, Машиахом (что сейчас просто нереально — есть соглашение, конвенция всего израильского раввината, ортодоксального, консервативного, либерального, гласящая: каждый, признающий Иешуа — Машиахом, тем самым ставит себя в положение вне иудаизма), признает Его Мессией лишь в той мере, в какой его обетовали Пророки, то есть «только» как Помазанника Божия, наделенного особой миссией Спасителя и т.д. И тем самым он еще не станет христианством (налицо чисто терминологическое недоразумение, сходство разных по существу по-

нятий). «Христианством» иудаизм станет лишь в случае если он поверит во Христа ***не только*** как в Помазанника-Спасителя, но — ***как именно в Бога***, Самого Единого по существу и троичного в лицах Бога, а именно — во Христа как Второе Лицо Св. Троицы.

Потому что христианство по его же определению, есть именно вера не только в то, Йешуа есть Машиах, Иисус есть Христос, а в то, что Машиах есть более, чем Машиах, Христос есть Бог.

Бог Сын.

Вся разница в этой совокупности слов — даже не в их порядке, а всего-навсего в добавлении одного односложного словечка.

Ну-ка скажем так: Дантес был поклонником поэта Пушкина.

А теперь скажем так: Дантес был поклонником жены поэта Пушкина.

Что-нибудь изменится от введения одного короткого словца? Как рассудишь, брате?

По мне так много что изменилось бы — и в жизни поэта Пушкина, и в жизни его жены, а не вдовы, и в дальнейшей судьбе Дантеса, и в истории русской литературы. И вообще.

Вот так и христианство в полной его полноте — не просто вера в то, что Иисус есть Христос, а в то, что Иисус Христос есть Бог. Бог Сын. А это логически ведет к такому нахальному утверждению, что христианство есть не только вера во Христа, но ровно в ***ту же самую силу*** — в Св. Троицу. Потому как если есть Сын, то у Него есть... — и так далее.

Если иудаизм этого не признает, даже и признав Христа — Христом (но не Богом), то он не перетечет в христианство, а только достигнет полноты, завершенности, самодостаточности собственного вероучения. То есть останется — теперь уже стопроцентно — иудаизмом, только уже окончательным. Я бы назвал это, будь моя воля, как-то вроде «*Йешуамашиахизм как высшая и последняя степень иудаизма*», — чтобы как-то отграничить — пока что более чем гипотетическое — признание иудаизмом Иисуса Христом от христианского признания Иисуса Христа — Богом-Сыном, у которого стало быть, есть Отец. Бог-Отец.

Оно, конечно, по-русски не очень. Перекликается с «мазохизмом» и все такое. Но я же и не стою за название. Назовите не как мы, назовите лучше нас. Мне сама только ***разница*** названий, от-граничение понятий представляется принципиальной, потому что она обозначает принципиально различные смыслы. Двум, а тем более Трем Лицам одного Бога в иудаизме не бывать, а одного-Единого — не миновать.

С современной последовательно иудаистской точки зрения, то, что я, за неимением более подходящего слова, называю «машиахизмом», — вера в то, что Машиах не придет, а уже пришел, и имя ему — Йешуа, есть что-то типа иудейской секты. Примером такой секты является сегодняшняя израильско-американская секта «Евреи для Иисуса».

Либо — ***второе***: иудаизм признает Иешуа не только истинным Учителем по человечеству и даже Христом-Машиахом, посланником Божиим, но — и в этом главный камень преткновения — Самим Богом по

божеству, Богом-Сыном, что логически неизбежно ведет и к признанию Св. Духа — тоже Богом, тем же самым Богом по природе (чтобы не удлинять — см. внимательно хотя бы всю сцену Тайной вечери у Иоанна), стало быть, к признанию учения о Св. Троице, о «*Троице в едином Существе*», как поется в церковном песнопении.

В этом головокружительном случае, могущем произойти разве что в порядке счастливого сна, — иудаизм не остается иудаизмом, хотя и называя себя особой разновидностью иудаизма — иудеохристианством, а, напротив, в своем главном, необходимом и достаточном: в признании двух главных христианских догматов, тринитарного и христологического, становится не иудео-, а, ***целиком и полностью, безоговорочно — христианством***, стопроцентно вливаясь в христианскую Церковь на совершенно равных с остальными христианами. «*И так весь Израиль спасется*». Да, сегодня это счастливый сон, но апостол Павел свято верит, что в конце времен так и будет. Но сегодняшний иудаизм в целом, во всем его многообразии — кажется, не считает наше время концом времен...

Я сейчас не обсуждаю вопросы юрисдикции, а вопрос общего порядка. Станут в этом случае евреи православными или католиками, они все равно станут «просто» христианами, а не иудеохристианами, — а уж вопросы национально-этнических и даже религиозных традиций: соблюдения правил Кашрута и пр. — как-то решатся в рабочем порядке. Хотя бы как того хочет Даниэль, хотя бы как решались они «в начале», до 49 года, — и ничто никому не мешало. Все решаемо, если есть первоначальный импульс к «принятию за основу» главного, «*единого на потребу*».

Подводя итоги: христианство стоит не просто на признании Иисуса Христом, Машиахом, Мессией — помазанником Божиим, но на признании Иисуса, Йешуа — Богом-Сыном, второй ипостасью Триединого Бога — Св.Троицы. Это абсолютно принципиально. Это отличает всю монотеистическую теологию христианства от монотеизма иудаизма или ислама. Если иудаизм признает не только Йешуа — Машиахом, но Единого Бога как Триединого — он воссоединяется с христианством. И никакого иудеохристианства не будет — будет чистой воды христианство. Если иудаизм не признает Триединого Бога, все остается по-старому: этот берег — иудейский, тот — христианский. В случае признания — в таком вот интересном положении, при такой дислокации — Йешуа Машиахом, «иудеохристианство» будет вовсе не «*мостом между иудаизмом и христианством*», вовсе не отправной точкой для диалога между тем, другим и еще исламом, как полагает Даниэль (не он один — всякого рода «авраакмизм», «коранизм» — это все того же поля ягоды, у нас густо посеянные стараниями Гейдара Джемаля и пр. людей мыслящих и талантливых, — но почему-то считающих других людьми, не способными продумывать тезу до конца более-менее строго и вот тут лукаво ищущих — и, смешно сказать, находящих, — молодцы ребята! — свою аудиторию), а — как с точки зрения христиан (Штайн изобретает велосипед и тут: таких попыток хватает, хотя бы известные деноминации «Ев-

реи для Иисуса» и «Скала Израиля» — с последними я сам имел дело — см. мой рассказец «Привет из Калифорнии». — *Ю.М.*), так и с точки зрения иудеев, сектой и ничем иным. Причем, с иудейской точки, — сектой злостной, мало терпимой. Запросто могу их понять. Оставаясь вполне при своем.

Вот так — и ни к чему, следуя доброму католику и великому философу средневековья Вильяму Оккаму, никоим образом не греку, — ни к чему «*умножать сущности*», полагая, что из полу-иудаизма и полу-христианства, то есть из двух куцых, инвалидных существ, просто приклеив или приплюсовав их друг к другу (как Агафья Тихоновна хотела приставив одну к другой черты своих женихов, образовать лицо, ей универсально симпатичное), мы составим существо полноценное, некое целостное «иудеохристианство». То есть если, как делает это Даниэль, не формулируя, соблюсти, с одной стороны, строгое единобожие, отрицая Его троичность, Св. Троицу, то есть понимая Единого Бога как монаду, а Христа и Св. Духа — см. выше, а, с другой стороны, признать Иисуса — Христом, но не более, то «паззл»-таки «сложится». Не-а.

Нет. Сделав это, мы составим невозможного, несусветного кентавра.

Но почему это несуразное человекоживотное влечет к себе даниэлеву душу?

А по кочану. А — из проникновения в душу праведника Даниэля (ведь и «*праведники едва спасаются*») вируса, эпидемии нашего времени, вполне, впрочем растянувшегося на многие десятилетия назад, и все равно это наше время, наша реальная ситуация — не наивный «научный атеизм» XIX–XX веков, а возвращение к вере после всего миллиардоголового кровавого месива по всей планете, которое принес совсем не в последнюю очередь «научный атеизм» или возврат к древним Валькириям и Вотанам — возврат к вере, сохраняющий, однако, в себе все содержимое души до ее возврата — мечтательную, сентиментальную «любовь» в полнейшем ее обмирщении, в секуляризованном виде, принятую за ту самую Божественную Любовь, которая, по апостолу Иоанну, есть сущность Бога и только потому движет солнце и светила.

Это потребность в вере.

Но в такой, которая от тебя не требует большего, чем ты — как человек порядочный, «хороший», «человеколюбивый» — и так делаешь. То есть ты хочешь жить, как жил — и впрямь неплохо-порядочно, кому-то в чем-то помогая, никому не вредя, и т.д., — только теперь эта твоя нормальная жизнь в «добре и любви» уже называется: ты живешь по вере. В Иисуса Христа. И твоя привычная жизнь безо всяких лишних усилий получает санкцию и статус высокого, спасительного смысла, статус, наполняющий тебя до краев и вызывающий высокое самоуважение.

И тебе становится хорошо — от того же самого, что, не называясь христианством, вчера еще было для тебя просто привычной жизнью.

Если бы меня опять-таки спросили, что я думаю об этом, я бы сказал так: ты отождествляешь христианскую веру с христианской ци-

вилизацией. А на самом деле это вещи разные, хотя последняя выросла на основе первой; но, в ходе своего возрастания, она многое в себе видоизменила. В частности, вера стала «религиозностью», Любовь стала «любовью», совесть — корпоративной «честью», а добро — «порядочностью».

Ты уже не слышишь голоса, не отрицающего порядочности как необходимого атрибута цивилизованности, но зовущего «дальше порядочности», к тому, что выше (хотя и никак не ниже) порядочности... Нет, даже не — выше, а — вообще к чему-то совсем иного порядка, что так просто не определишь, но вкус и послевкусие которого известны каждому, кто хотя бы раз в жизни совершил хотя бы ничтожный, но истинно христианский поступок.

Вот этот малый и ничтожный, но истинный поступок, чувство, помысел — они и суть вкус действительного христианства во рту самого что ни на есть малого, трехгрошового, но — христианина: гражданина, подданного мира иного, не сего.

Кому этот вкус не известен — или просто еще не проявлен внутри себя самого, тот все равно хочет этого, но на свой знакомый глазок. Главный предикат этого «своего христианства» — привычная и столь воспеваемая многообразной рекламой комфортность.

В данном случае, не мягкая итальянская мебель, а — комфортность душевная. А что для этого нужно? А самая малость — слегка «понизить» и «разбавить» Христа, низведя его сначала до «*не только Бог, но и человек*» — с ударением на последнем, затем — до «*не столько Бог, сколько в первую очередь — человек*», а затем наконец — до нравственного учителя и праведника Иешуа из Назарета, который ничему новому не учил, а только пришел своей жизнью *напомнить всем старые вечные заповеди*.

Словом, живи хорошо, достойно, соблюдай нравственные заповеди своего учителя, праведника и Сына Божия. А Он — чему учил? Не рассуждать, а взять свой крест и нести.

...Дать нам «обыденного» Христа как образ нашего обыденного сознания и тем утвердить обыденное сознание как высшую меру-истину, доступную человеку. Понять Христа как «*не только, но в первую очередь*» человека Иисуса — и тем навязать Христу роль первого среди нас, почти равных...

Когда человек даже в идеале, «по идее» — отказывается перейти за пределы «*слишком человеческого*» и тем самым хотя бы в идеале, в пределе стать Человеком, «*Богом по благодати*» (свт. Афанасий Александрийский), «*не тем, кто он есть, а тем, кем он должен быть*» (С. Франк), — он тем самым отрезает себя от Бога и своего истинного пути-назначения.

Потому что время и человека своего времени судят не только по делам, но и по идеалам его и его времени.

Потому что — пока ты несешь в душе, при всей своей падшести и слабости, высший идеал, ты не мытьем так катаньем хоть на йоту да движим им. Ты — на пути к Богу. При всей своей падшей натуре. А когда ты низводишь Бога до себя, — то тебе и двигаться некуда.

Тут понимаешь Ницше. Отрицая Христа, он страдал и вынужден был все же ввести некую «экспонанту»: Ubermensch. Сверхчеловека. Какая же тоска посреди усредненного мира должна была обитать в нем!.. До сумасшествия.

Но мы с ума сходить не собираемся. Нам то и угодно в книге, что наша усредненность получила высшую санкцию.

И мы следом за Штайном и его Йешуа, «*берем наши кресты*», то есть живем нашей крестной привычной жизнью и несем, рассуждая в строю только о том, что не надо рассуждать. С полной крестовой выкладкой на марше.

27. Очень своевременная книга

Моя бы воля — жаль, бодливой корове Бог рог не дает — я бы запретил на какое-то обозримое время не только «еврейский вопрос», но еще некоторые вещи. Например, слово «нравственность» лет на ...дцать. Во-первых, набило всему честну миру оскомину до такой скуки, что повсеместно интересно стало совершать только безнравственные поступки. Во-вторых, в чисто нравственном смысле, в смысле личной порядочности и личного следования «общественному договору» — Моисея, Мохаммеда и Заратустру друг от друга, а Христа от них и от Сухомлинского — большими местами трудно отличить. А в-третьих...

В-третьих, самое главное, — безнравственность мешает услышать голос Бога, но «нравственность» — мешает этому еще куда, куда более. Ведь ты уже нравствен, порядочен, ты «праведен», а праведному — зачем Бог? Он потому и говорит: «*Не к праведным пришел я, но к грешным*», — хотя, разумеется, Он пришел ко всем без исключения, но знает: «праведные» могут Его просто не услышать.

Но вернемся к Даниэлю, к его пламенным речениям о прежде всего человечности Христа и прочим элементам его концепции (если язык повернется назвать это концепцией).

Сложно закрывающийся этот ларчик открывается просто. Так же просто (слишком просто), как просто (и тоже слишком) назначение даниэлева «христианства»: человеку очень помогает понять *человека Христа* и пойти за Ним родство по крови. Значит, лучше других могут уподобиться Ему и пойти за ним — евреи. С чем и связаны искренние человеколюбивые надежды Даниэля: отсюда все должно начаться — и победить во всем мире. Сложная по видимости «еврейская составляющая» книги есть на деле простейший проводник ее главной идеи: «*во Христе, человеке, надо видеть Бога*», — то есть нам должна быть важнее всего лишь одна из двух Его «составляющих»: человеческая — и едва ли не только она одна, да еще сведенная к нравственному учительству...

(Интересно, что Даниэль, как и его создатель в упор не замечают, что фразы, вроде вот этой: «*Католическая Церковь, порвав с иудейской традицией, утратила связь со своими и находится в состоянии болезни*» — не соответствуют ни христианской логике апостола Павла, согласно кото-

рой иудаизм, Закон, есть *детоводитель ко Христу*, а христианство, «*порвав с традицией*», вовсе не рвет с ней связи, а просто, восходя от детской стадии познания Единого Бога ко взрослой, перестает питаться молоком и начинает вкушать твердую пищу, — ни логике иудаизма, согласно которой Богом данный Закон — он и есть Закон, и ничего другого, более высокого, в ожидании еще не пришедшего Мессии, нам не дадено, а следовательно, требует строгого соблюдения и дисциплины — и никаких...

То есть: для одних христианство есть восхождение Богопознания от представления о Нем как о монаде к представлению *единства* Бога как Его *триединства*, раскрывающегося в любви. Для других христианство — просто радикальная иудейская секта, у которой есть разве один плюс — распространение на весь мир учения пусть искаженно, но несущего в себе ценности монотеизма. Для Даниэля же — сразу существует и то, и другое, равноправно и неизмененно, как точки на горизонтальной оси веры, якобы вполне согласующиеся между собой. И все это — от неразборчивости мысли,где штайново «*главное — понять, во что верил Иисус*» странным мебиусовым образом Лех-ко переходит в авторское: *речь идет не об истинах веры, не о доктрине, а только об ортопраксии, достойном поведении*. А все это — оттуда же: Новый Завет есть только «*подтверждение первого, Моисеева Завета*». Ох уны-ыло...)

Равно как и слова Штайна о том, что *Церковь не полна без евреев*, — кажущиеся столь простыми, ясными, вовсе не ясны, а предельно расплывчаты, ежели покумекать. Тут такое дело: Церковь Христова всегда неполна: ее назначение — спасти каждого, кого возможно спасти — то есть, в пределе спасти всех — без разницы, евреи то, чечены ли, французы... В этом смысле Церковь всегда разъята, разомкнута — неполна и живет напряженным чаянием полноты. Но ведь еще Кафка спрашивал в дневнике: почему чукчи живут на Севере, когда в любой другой точке земного шара им было бы куда лучше жить? И ведь это возможно; а все, что возможно, происходит. И сам себе отвечал: да, но происходит только то, что возможно. Эту «апорию Кафки» мы видим и в жизни Церкви. Да, она должна спасти всех. И это возможно. Значит, пока она не спасет всех, она неполна. Да, но она все равно может спасти только тех, кого возможно спасти. И эти и будут спасены, а кто, — мы не знаем. Мы знаем, что количество спасенных должно достигнуть определенной полноты числа, — и тогда наступит «кончина века». Но определено это число лишь Богом, а нами оно никогда не будет определено. Речь вообще идет о некоем числе «не нашего математического романа», так сказать. И уж подавно не измеряется оно тем, что будут спасены все (или столько-то) представители тех или иных народов. Это перенесение ветхозаветных представлений на христианские. Ведь в известном смысле, как говорилось уже, иудаизм — это религия *народа*. Христианство же — религия не народа, а *личности*.

В сотый раз: нет ни иудея, ни еллина во Христе. Христос-то и принес по существу впервые развернутое затем христианами понятие лич-

ности на землю. Потому до «*священных прав человека*» (а не народа) и «додумалась», «дошла» только христианизированная часть человечества.

Потому и Церковь говорит не о спасении *всех, а — **каждого**. Она ждет каждого — и **только через спасение каждого** из всех идет к спасению **всех каждых***. Недаром Иисус у апостола Иоанна в сцене Тайной вечери молит Отца: «*... не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне*» (Ин 17:9). Эти слова заслуживают того, чтобы подумать о них пристально минут так это целых пять...

Христианство существует во многих измерениях. Да, оно цивилизовало целые народы и государства и в этом смысле является чем-то предельно общим и главным в истории цивилизаций. Но сегодня цивилизации выработались вполне. Они противостоят друг другу во взрослом, совершеннолетнем возрасте.

И что может заявить христианство в споре с другими цивилизациями? В чем его коренное отличие (и, с моей маленькой точки зрения, насущнейшее преимущество)?

Да в том, что оно не только «народно» или «всенародно», или «универсально», а предельно личностно, персонально по самому определению. В нем между бесконечным Богом и песчинкой-человеком существует прямой неопосредованный посредник, прямо связующий Бога и человека, — полный Бог и полный человек Иисус Христос. И потому в число заповедей Христовых помимо высказанных Им Самим неотменимо и имманентно входит еще одна: быть не только послушным Богу, но в этом послушании быть свободной развитой личностью — как является ею Сам Тот, Кому мы должны послушаться, но послушаться, как и Он послушается Отцу, — в полной силе личностной свободы...

По всему по этому спасение даже одного есть уже утверждение полноты Церкви. Число истинно верующих, истинных членов Церкви может быть увеличено до миллиарда или уменьшено до двух человек, как прп. Максим Исповедник и свт. Папа Мартин Исповедник в VII веке в эпоху монофелитства. И в том, и в другом случае Церковь всегда неполна, потому что за ее оградой остается еще 4 миллиарда человек, — и всегда полна, поскольку она есть действительный «полпред» Христа, Его мистическое тело и таинства ее действительны и действенны, а значит, полно-ценно, полно-весно спасительны. Она не полна без евреев, как и без индонезийцев, но она полна и без евреев, она полна всего двумя евреями, если их имена — апостолы Петр и Павел. Это евреи неполны без Церкви, — с точки зрения христиан, конечно. И это, с их точки зрения, ужасно огорчительно, это трагично, — ведь именно им принадлежат «усыновления и обеты», от которых ведет свое земное начало Церковь, среди которых — Сама Пречистая и сам Йешуа... И кому же, казалось бы, как не им, быть в Церкви... Слезно жалко, да, да, но сейчас, 2000 лет Анно Домини, Церковь состоит из тех, из кого состоит на самом деле: из людей этнически каких заблагорассудится, но верующих во Христа как во Второе Лицо Св. Троицы. И если те, кто оставил самое дорогое наследство всему миру, не хотят войти в пользование им наря-

ду с остальными «пользователями», то что толку говорить о неполноте наследства, а не о неполноте завещателя... Ну, не может, не может Церковь никого спасти помимо и против его воли. Что ж, это плохо? Это — неполнота? Вот и вечно так: когда Церковь считала спасение «против воли» возможным и «*спасала душу, губя тело*», — тебе, брат, это не нравилось. Мне тоже. Теперь она так не считает — не зря, значит, жила много сот лет, училась, значит, кое-чему — потому и предоставляет давно уже дело собственного спасения свободному выбору каждого. А евреи, особенно у вас в Израиле, не идут всем скопом креститься — и опять, по-твоему, Церковь виновата, что она «неполна». Ну ничем тебе, брат Штайн, не угодить!

Все творимое Даниэлем из любви, только из чистой любви, большого и светлого чувства, конечно, замечательно. Есть только один негативный момент, пустячок, однако же неприятный: плоско все это и скучно до зевоты.

«Тебе, может, и скучно, а нам очень даже интересно. Именно этим и нравится».

Вполне понимаю. Хоть и не разделяю. Как не понять.

Ведь эта книга — плоть от плоти нашей, она говорит от лица многих и многих нас. Она не о Христе, а — о «нашем Христе». Мы уподобляемся Людвигу Фейербаху, говорившему, что не Бог создал человека по Своему образу и подобию, а ровно наоборот — человек создал Бога по своему человеческому образу и подобию. Создал такого Бога, какой ему нужен и угоден. Вот и от нашего лица, от всего чистого сердца, от прекрасных помышлений и пожеланий — автор «Штайна» сотворил героя, который авторитетно — как священник — сказал: Бог — это Тот самый, кого нам надобно. Кто нам угоден. Наконец-то у нас — наш Бог, наша Церковь, наш священник. И все вокруг чуть не свихнулись от счастья.

Да только Фейербах-то был в свою меру очень даже разумный человек. Говоря то, что он говорил, нельзя оставаться человеком религиозным вообще и христианином в частности. Вот он и не скрывал ни от себя, ни от людей, что он — материалист.

Потому что он был честный немец и потом — его все-таки в гимназии учили думать. Отдавать себе отчет, что если поступишь так, ты еще можешь называться Реформатором, а ежели вот этак — то уже только Тираном.

А вот такая карусель, как у нас-родных — когда мы по собственному хотению сами бога создаем и, зная это (зная же, зная!), все равно отчета себе не даем — и верим в своего собственноручно сотворенного бога как в действительного Бога, Которого не мы создали, а Который создал нас, — вот такое никакому Фейербаху не снилось.

А мне от этого всего скучно. Скучен не сюжет книги, временами трогательной и живой, а временами... Ну, пусть живенькой — все лучше, чем мертвенькой. Скучно вот это, самое главное — идея-то, «послание»-то, месседж этих 500 страниц, низводящий Христа до Песталоцци.

Это седьмая вода на киселе по сравнению с Толстым, тот тоже нечто занудно-скучное в этом роде излагал.

Но ведь это все-таки Толстой, настоящий ересиарх, он вразумительно свои еретические взгляды излагал, он и в выдуманном им самим мужичестве — был мужик в высшей степени комильфо, а не седьмая вода на нем. Он совершенно четко противопоставил свое учение церковному и ни минуты не заблуждался в том, что его позиция и позиция Церкви несовместимы. Или — или. Он так вопрос и поставил и никому лапшу на уши не вешал. Его правда была обнажена с самого начала: никаких «церковных общин» он не создавал.

У Даниэля силы и жара тоже хватает, да вразумительности той нет. Потому что он, в отличие от русского графа, не зануда. С ним интересно.

Вот он начинает рассуждать, что — смотри какая странная ситуация в Израиле, кто бы мог подумать, в его еврейский приход идут не евреи, а поляки и немцы, и румыны — и каждый видит во Христе своего, национального Христа, француз — французского, поляк — польского, а то еще эфиоп — эфиопского, такого, который пляшет вместе с приплясывающим в храме эфиопом, — так ему органичнее Христа воспринимать. И это нормально, говорит Даниэль, поскольку христианство «*поликультурно*». И я с ним соглашусь в этом: для соответствующей паствы — нормально. Христианство — поликультурно.

Но далее он говорит, что раз уж его много-национальные прихожане совершенно разными этно-национальными глазами и сердцами воспринимают Христа каждый по-своему, то и ему, Даниэлю, *надлежит* поступить так же, а именно: будучи евреем по происхождению он прямо-таки должен «*искать Христа-иудея*». Точно так и говорит.

Но опять и опять: откуда и каким именно образом он извлекает такой вывод? Противореча — еще одному собственному тезису: о поликультурности.

Во-первых, он никакого *национального Христа* искать для себя не должен. Это его прихожане пусть воспринимают из его проповедей, текстов Писания и т.д. такого Христа, какой им «всего натуральней» в данный момент. А он, священник католической, всемирной Церкви, должен преподавать им «Всецелого Христа» (also, sprach «Катехизис» — и здраво ведь говорит), универсального, единого для всех людей, которые только потому могут воспринять в один и тот же момент в одном и том храме каждый своего Христа, что священник обеспечивает им эту возможность тем, что говорит о «полнообъемном», всеобщем Христе. Тогда каждый возьмет свою часть. Только универсальность проповеди Христа такую возможность и дает.

А ежели священник будет видеть во Христе только еврея, которым Тот по своему земному происхождению был, если священник начнет членить Христа на национальные части — и первый возьмет свою часть, то другие такого Христа не совсем поймут и не полностью примут.

В том-то и порочность, скажем, «этнически-духовных» рассуждений героя и повествователя о том, что «*во Христе, человеке, надо видеть Бога*»

и т.п., что они ведут к восприятию Христа как своего — своими. А другие, которые не-евреи? Эти могут и должны — примкнуть к вере в «чужого Бога» как своего, и всем станет хорошо — лучше некуда.

Неправда все это. Неправда неправд и всяческая неправда.

Правда в том, что если Йешуа родился на земле, по человечеству, евреем в I веке н. э., то Христос, Бог Слово-Логос, Бог-Сын родился *«прежде всех век»*, до сотворения мира и человека, — и потому ко всем и относится, и потому всем и будет понятен равно при всех национальных особенностях Его земной проповеди, если с этой Его универсальности, всемирности и начинать. А уж то, что по земле Он прошел евреем, — само собой проявится для каждого, стоит ему открыть Евангелие. Вот тогда ты как священник, богословски и историко-религиозно образованный человек, и объясняй, комментируй и интерпретируй.

Вот так. Если Достоевского американцам объяснять как прежде всего русского писателя, то пойдет только пресловутый треп о *«загадочной русской душе»*, о человеке с топором в одной руке и иконой в другой. А если его объяснять как мирового, универсального художника-философа, художника-экспериментатора с прежде всего человеческой, а потом уже только русской душой, — вот тогда появляется сам себе толкователь Достоевского Альберт Эйнштейн, сказавший, что возникновение его теории относительности более, чем его предшественникам и учителям в области теоретической физики, обязано чтению «Братьев Карамазовых»...

Во-вторых, почему это Даниэль, пока другие ищут и находят во Христе: француз — французское, араб — арабское, — почему Даниэль, если он хочет уподобиться своим прихожанам, ищет во Христе не еврея, а именно — иудея? Это не вполне ясно. Все ищут во Христе свои этнические черты, а он — почему-то религиозные. Это, как килограммы и километры, в гомогенный ряд не встраивается.

Да, ответил бы я самому себе на месте Даниэля, но ты забыл, что евреи — народ особый. С самого начала их Завета с Богом они в первую очередь общность не этническая, а религиозная[9]. На что я бы на месте уже самого себя ответил Даниэлю...

Ну, тут много есть чего ответить, в ситуации европейско-американского и т. д. ассимилированного еврейства, по крайней мере, с XIX по начало XXI века. Поэтому я отвечать далее не стану, некогда, а читателю, буде он согласится, задаю эвристически задачу: что можно на это

---

[9] Этнически евреи вообще не совсем понятно кто: Авраам, праотец наш, был, как известно, родом из земли Ур; это значит, что он был шумером из одной из древних столиц шумерийцев Ура; поскольку же в Библии говорится "Ура Халдейского" — это относится скорее уже к Древнему (не путать с Новым) Вавилону на той же земле — времен, скажем, Хаммурапи; так или иначе, поскольку ни шумеров, ни древних вавилонян не сохранилось ни на земле современного Ирака, ни где-либо еще, этнически евреев мы можем идентифицировать только в самом общем виде — как одно из многочисленных семитских племен Месопотамии

ответить Даниэлю? Тот, кто попробует эту задачу решить, обогатит себя такой осведомленностью в вопросах «духовно-исторического» толка, что уже тем самым будет вознагражден.

А мы пока замнем для ясности. Это кажется не самым важным.

Пока ближе к концу романа не читаем — там, где служат даниэлеву «литургию».

И тут я вынужден повториться.

«*Еврейская христианская община*» — это самоназвание прихода Штайна.

Еврейская христианская община...

А — какой Церкви? Католической или православной?

Да просто: еврейская христианская община — и все. Без юрисдикции. Это значит, что она — своей собственной юрисдикции и ни чьей иной. А это, в свою очередь, значит (вдумаемся еще и еще раз, пока эта книга не кончится, она будет учить вдумываться — непрерывно, она тренирует правильную, точную работу мысли. Эта книга — учебник мысли от обратного. И потому очень полезна, просто насущно необходима сегодня. Спасибо, большое спасибо автору, кроме шуток), что даниэлева община — сама себе Церковь. Братско-отцова Даниэлева «поставления», не епископа. И Даниэлева же самовозглавления (автокефалии). А не епископа такой-то епархии (диоцеза).

И опять повторю. Согласно древнему: «*Где епископ — там Церковь*» (это не административный, а духовный взгляд на вещи: только епископ есть «держатель» апостольско-преемственной благодати, не ему принадлежащей, но ему — во всей полноте — вверенной, и потому только первосвященник один и может возглавлять Церковь, наделять священника вверенной ему благодатью в таинстве священства; словом, без епископа нет Церкви), — согласно этой древней максиме, и по-католически, и по-православному, — одна, отдельная община в шестьдесят ли, сто ли человек, образованная без епископа, может считаться и быть — самовольным сообществом, т.е. христианской сектой.

Тем более, что эта община негласно «уведена» Даниэлем из католического, латинского Патриархата, под омофором коего вначале и создавалась и потом жила. Но раз она стала просто *еврейской христианской*, а не католической, она вышла из подчинения латинскому Патриархату и возглавляется сама собою.

Если бы Даниэль довел это до сведения церковных властей, его запретили бы в служении в два счета, — а община, натурально, рассеялась, как овцы без пастыря (что в конце романа с ними, оставшимися без пастыря, и происходит — и в этом их счастье: теперь, без гипноза харизматического лидера, они откроют наконец глаза и уши и пойдут в любой по своему выбору приход, католического ли, ортодоксального ли Иерусалимского Патриархата). Или: вся община приняла бы сторону гонимого за правду-матку (но не за Матку Боску) Даниэля — и ушла из католиков (равно и возможных ортодоксов) в раскол, «схизму». Но в «схизму» — это по-католически-православному. А по, например, люте-

ранскому — что тоже основано на Евангелии: «*Там, где двое или трое соберутся во имя Мое — там и Церковь*», — это значит, что мы образуем то, что у ортодоксов и католиков пусть называется сектой, зато у лютеран и всех следующих за ними протестантских конгрегаций или деноминаций называется *христианской общиной*. И тут «*Еврейская христианская община*» ничем не хуже многих и многих.

Правда, с католической точки зрения, это не Церковь, а «самовольное христианское сообщество», лишенное полноты истины и благодати, но полноты все-таки *истины* — то есть не несущее в себе прямой лжи типа сатанизма и т.п. (Хотя это как сказать. Слышал я от какого-то умного человека, не помню кого, что туда, где есть неполнота Божией истины, вот в эту лакуну неполноты — поселяется дьявол и доводит неполноту истины до полноты лжи.)

Но Даниэль-то об этом ни гу-гу. Они с автором вместе, может быть, честно не ведают, а потому и не задумываются ни на минуту, что, отвергая догматику Церкви, ты тем самым выходишь из нее и надо об этом поставить в известность церковные власти.

Но это автор может об этом не думать и не знать. А герой-священномонах об этом не думать и не знать не может. Ему обязательно должно быть известно, что, поступая, как он поступает, он нарывается не только на запрещение к служению, но прямиком и поделом на отлучение от Церкви. Так же строго обязательно, как спортивному гонщику — что он принадлежит к числу представителей «экстремального спорта», «группы риска» и должен — хотя бы перед стартом — надеть на голову шлем.

Но Даниэль этого не делает. Он никакие церковные власти не ставит в известность. Почему? Ужели он у нас врун и лукавец? Не верю. Я его почти что знаю и отчасти — насколько он живой, а не «живенький» — люблю и не могу так подумать. Он честен, как Ленин маленький, разбивший чашку и признавшийся в этом.

Думаю, он не делает этого потому, что хочет остаться в Церкви, быть именно верным ей, быть ее целомудренным рыцарем. Из святой любви ко Христу — заряда, полученного в военные почти юношеские годы, вопреки всему, что он сам наворотил в годы позднейшие. А то, что он вдохновенно *из головы себе выдумал*, — так это потому, что его нет, а есть автор, сочинивший своего героя не в соответствии опять-таки с тем, что должен как дважды два знать сочиненный герой с сочиненной и приданной ему «профессией» священника, — а в соответствии с авторским незнанием или невдумыванием в церковную «проблематику», чем указанный многоуважаемый и наделяет беззаветно, «лех-ко», своего героя. Не замечая, что его, авторское прикладное отношение к Церкви, христианству вообще, к любой вообще вере как к инструменту нравственности и поведения, по определению не может совпасть с отношением священнослужителя, для которого абсолютом является не земная нравственность, а жизнь вечная. Это автор в серьезный толк не берет.

То есть читатель попадает в такую катавасию: герой, не зная того, чего он не может не знать по роду деятельности, присвоенному ему его

создателем-автором, тем не менее не знает этого и не задумывается над этим — потому, вероятно, что об этом не задумывается сам сочинитель и своим «незадуманием» наделяет героя, временами порою и не догадывающегося со свойственным ему прелестным простодушием о том, что он священнослужитель и должен уж вот это-то и уж вот то-то — знать...

Опять честные байк... заблуждения. Это сколько ж можно? А ведь и нужна-то была такая малость. Для того, чтобы написать правдоподобную картину в духе честных передвижников Крамского или Ге, надо было всего-то дать ему другую роль, «типа того» — верующего писателя там или художника с разными интересными «духовными» размышлениями. Лица свободных профессий ничего знать не обязаны, что демонстрирует, например, обсуждаемый нами прозаик. Дело сочинителя — фэнтези. Научная популярность. Высоко научная — вроде позднейшей вставки слова «*обручник*».

Пиша фэнтези, не стоит героев рядить в священники «от кутюр», потому что одно уже указание конкретной конфессии обязывает неотменимо к бо-ольшому количеству правдивых деталей-околичностей, а главное, к правдивости целого — мира католического сознания главного героя, а этого нет, а при отсутствии этого ничего не склеивается.

Лучше всего, думаю, было бы фэнтэзи сочинять как прямую сказку, как К.С. Льюис, ну, типа «Хроник Нарнии». Там ситуация целого задана-структурирована именно как сказочная, внутри чего вполне и может быть кто-то, понимаемый нами как в некотором роде священник, но сказочно-внеконфессиональный, само собой. Тогда лепи что хочешь, если сумеешь быть вровень с Льюисом хоть в первом приближении.

Тогда и «пазл» сложится. А эдак — опять нет.

Эдак — мы можем подумать, что Даниэль потому и молчит и ничего не посылает «наверх», что знает кошка, чье мясо съела: стоит только сообщить — и твою художественно-антицерковную самодеятельность прикроют в два счета. И будут однозначно правы.

Но мы — я, повторяю, во всяком случае — так плохо о нем не подумаем. Он честный. Просто ему необходимо сохранить вне-церковную общину как можно дольше внутри Церкви — потому, вероятно, не продумывая ничего, не отдавая себе отчета, не ведая что творит, слегка хитрит только на бессознательно-интуитивном уровне, не спеша «расколоться» перед начальством.

А необходимо это потому, что Штайн — человек доброй воли. Очень добрый человек. И «Церковь» его (инородное государство в не ведающем о том католическом государстве), согласно замыслу Штайна-«переводчика» — должна не более не менее как примирить, «перевести» всех с чужого языка розни на свой язык любви и мира, «*стать живым мостом между иудаизмом и христианством*».

Ну, а тогда уж, вероятно, заодно, а лучше сначала — стать мостом между католиками и православными: ведь *Еврейская христианская община* Штайна потому так и называется, что протягивает всем своим недругам руку от лица всего христианства, не понятого правильно ни кем, кроме

Штайна, а значит, додумывает ли он свою заветную думу до конца иль нет, назначение общины — также примирить, воссоединить все ветви христианства, и, разумеется, в первую очередь, две самые главные. Ведь без воссоединенного «вселенского» христианства полноты мира и любви нет, а стало быть, повторительно, нельзя от его целокупного имени протягивать руки и строить мосты (в самом-то деле — обе ветви в сумме дают сегодня что-то такое более 700 миллионов человек. Как забыть такую ораву, пусть сданную Даниэлем в архив в долгом ящике!).

Но вот в чем загвоздка. По всем определениям, Штайнова «церковная» община — секта. А по размаху намерения, масштабу сверхзадачи, величию смысла и титанизму подвига — никакая не секта, а самая настоящая Церковь.

Ведь вот католическая Церковь делает же «не малое» исключение для лютеранства. Тут баланс на грани: по всем статьям лютеранство — секта, а по давности своей (уже почти 500 лет), по количественности своей, по глубине своего вдумывания-вчувствывания в Новый Завет, по силе своей в мир направленной и очень действенной интенции (еще бы, ничто так не действует, как прямое понимание прямо сказанных Христовых слов...), — по всему по этому в Катехизисе лютеранство деликатно, осторожно определено как «*христианское сообщество, имеющее немалый церковный элемент*».

Вы спросите, что значит «*немалый*»? Отвечу от лица католиков, к коим не принадлежу, но читал Катехизис: а то самое, что Лютер признавал и тринитарный, и христологический догматы. Это признание двух основных догматов Церкви так много определяет, что, невзирая на отсутствии у лютеран апостольской преемственности, на отсутствие пяти таинств из семи, на возможную безблагодатность, т.е. большую «степень риска», на отсутствие «культа» Девы Марии, на иконоборчество, на многое другое — лютеранство есть вещь вполне серьезная. Его позиция, его «камень», на котором Лютер «*стоял и не мог иначе*», — позиция, которую нельзя не уважать и с которой нельзя не считаться. Потому что, по крайней мере, Лютер и лютеране «другому», фэнтезийному «Христу» не учат.

Такова существенность вероучительных догматов, в грош не ставимых Штайном.

А, в самом-то деле, зачем они? Зачем геометрии аксиомы, когда вполне можно представить себе, что прямая — вовсе не кратчайшее расстояние между двум точками, — и наворотить такую красивую свою геометрию, где кратчайшим расстоянием между точками будет кривая, да еще какая кривая, да нелегкая? И зачем нужны и всякие теоремы? Зачем вообще что-то доказывать, когда и доказательств никаких не требуется? Когда и без них план, «замысел создания», цель Еврейской христианской общины — не то что не местнически и местечково-провинциальны, а — тотально универсальны. Мировы.

Настолько, что Еврейская христианская община Даниэля сопоставима даже не с «автокефальными» (самовозглавляющимися, суверен-

ными) поместными Церквами, как, скажем, Русская Церковь Московского Патриархата, или Румынская, или Сербская ортодоксальные Церкви. Или французская католическая Церковь. Или там скромные Церкви Иерусалимские — восточного и латинского Патриархатов.

Нет, она никак не меньше «по идее» ее основателя, нежели **вся** целокупная католическая и **все** целокупно полтора десятка автокефальных православных.

Додумывая дальше штайнову невысказанную, но осуществляемую им на практике тезу, — его община есть **третья** Церковь, по существу претендующая (даже если она этого не говорит, даже если не понимает) на звание **Вселенской**. Для того, чтобы стать мостом между кем-то и кем-то.

Ее единственное, но фундаментальное отличие от прочих сект — таково: очередная тысяча сто пятидесятая протестанская община — считает себя и только себя церковью и, даже прозелитируя, подобно «Свидетелям» и пр., в чужие дела не лезет. Никакие «Свидетели» ни же адвентисты любого дня не собираются никого примирять и становиться мостом. Они самодостаточно «в истине».

А община Даниэля, согласно Даниэлю или его создателю, имеет своею высокой целью — полностью примирить евреев с христианами.

Но для этого — думает ли об этом Даниэль или его создатель, но это так и никак иначе, — для этого сначала надо воссоединить между собою всех христиан. Иначе от кого ты представительствуешь? От лица «*пятидесяти, шестидесяти...ну, ста человек*»? Это Христос был властен на основе камня веры двенадцати человек построить мировую Церковь. А ты — поди домой и проспись.

Только если ты протягиваешь руку от лица христианства как такового, соединенного в одно, и прежде всего — соединив в одну те две великие ветви — католичество и ортодоксию... Да, тогда есть о чем говорить. Тогда, может быть, мы будем говорить.

Значит, Даниэлева община, перед тем, как стать мостом между евреями и христианами, должна сначала стать мостом между христианами православными и христианами католиками.

А для этого она сама необходимо должна стоять ***наряду с ними***. Двух враждующих дворян можно примирить — но не простолюдину: лишь равный примирит равных.

Вот это называется — скромность. «*Сто прапорщиков хотят изменить государственный быт России*» (Грибоедов о декабристах). Как-то, может быть, и незаметно (пусть едва заметно) для себя (но очень даже заметно со стороны) Даниэль сам вышел и других вывел — и никто не заметил — из законного подчинения латинскому Иерусалимскому Патриархату, в котором он и его община ранее пребывали — и взял да и сочинил, натренировавшись на сочинении собственной литургии, теперь уже целую свою собственную Церковь.

Это да. Это опять-таки от души. Уж тогда продолжай... Тогда все-таки придется дать собственное имя новоявленной Церкви.

Одно я уже предлагал; предложу другое: **«Еврейская христианская община имени Даниэля Штайна, реформировавшего Церковь своего предтечи Иисуса Христа»**.

«*Уважаемый редактор! Вы уж лучше про реактор. Про любимый лунный трактор...*»

Но это обычное, еще одно «*удивительное рядом*» Штайна. Оно уже после всего предыдущего не удивляет.

А вот какой штуки Даниэль до сих пор еще не проделывал: он не менял людям группу крови в массовом порядке. Ну правда же.

Вы прочтите название книжки, вспомните, что сам же Даниэль рассказывал о специфике своего прихода — и сопоставьте. Что нам Даниэль говорил? А то, что удивило его самого: государственный язык страны Израиль нужен его многонациональным прихожанам не для того, чтобы читать Библию в оригинале (с поправками на современный иврит), а чтобы понимать друг друга. Не евреям это нужно в первую очередь — слишком их мало тут, — а всем прочим: немцам, полякам, румынам...

Вот и спрашивается: если евреев в общине, кажется, один только сам Даниэль, а других национальностей представлено с десяток, то почему община называется — еврейской? Почему не «просто христианской» — это бы еще куда ни шло, мы привыкли, это его «фирменное блюдо». Но еврейская община, в которой евреев почти нет, а остальных — кого тут только нет... Спрашивается, почему Даниэль решил всех этих многоцветных — «воевреить»? Он их — спросил? Пусть бы расцветали себе сто цветов: евреи как евреи, неевреи как неевреи.

Он их что — при вступлении в общину сразу встречает словами: «Ох ты гой еси, добрый молодец! А мы гоев-то как раз и не держим. Пойдем-ка теперь воевреиваться — в нашей общине это обязательно для всех»?

И — как именно ему удалось — их пере... я не знаю что, но — типа того. Единственный путь стать евреем, не будучи им по крови, — это принять иудаизм. Так что, католический священник их всех сначала в иудаизм перекрестил, так сказать, а потом и опять в христианскую Церковь, уже иудеями, так сказать, воевреил?

А собственно, пирком да и за свадебку, совет да любовь, только вот детишек — поменьше: жалко их.

А вот еще интересное дело: в сущности говоря, Даниэль, *не понимая, причем тут треугольник,* сам «придумывает», как ненавистные ему «греки», — точнее, строит, как и они, уже свой «богословский треугольник»: берет три точки — евреи — иудеи — христиане — и соединяет их равными линиями, замыкая синхронно в геометрическую поименованную фигуру.

А так не получается.

Исторически и «по смыслу» надо было ему построить прямую времени и диахронически поставить на ней три точки: евреи — иудеи — христиане. Тогда вышел бы вектор, ось времени, где одно вытекает из

другого и переходит в третье. Тогда это телеологически, целесообразно ясная ось, ведущая ступенчато ко спасению от Авраамой веры в Единого Бога через Моисеевы заповеди и пророческие обетования Мессии — к вере в сбывшиеся обетования в Троице как полного, а не «детоводительского» раскрытия Бога как Единого в Трех лицах. Вот тогда эта прямая вела бы к истинному «равностороннему треугольнику».

Тогда — alles logisch. В данной системе мышления. Тогда и «базаров нет».

Иначе — как в том анекдоте: «Бей жидов!» — «О, цэ ж гарно!»; «Спасай Россию!» — «Нэ бачу логики».

Впрочем, я сам себе надоел со своей «логикой». Носясь с ней как с писаной торбой. Ведь ответ, повторяю, — он хоть не высказан, да вот он, под носом; надо только это все целиком окинуть взглядом.

Ответ простой: долой всякую ерундистику, даешь истинное чувство взамен педантичного рассудка, бессмысленного догмата и тупого бесчеловечного канона, все мы люди-человеки и хотим любви, и Иисус учил как человек тоже нормальной человеческой любви, и в этом санкция нашей общины. А поскольку Иисус по крови еврей, то он евреям и родней, и так мы почувствуем себя у Него уже непосредственно за пазухой — вот чтобы согреться духом кровного братства, мы все, и неевреи, как и евреи, — назовем себя евреями: так оно к Нему ближе. А согревает — любовь. А любовь — согревает. А такая кровная, такая теплая любовь чувствуется и читателями-неевреями: она, видимо, так и изливается со страниц этой книги.

Как жаль, что мне не только не дано любить, но не дано и согреться чужой любовью, от автора передающейся прямо в сердце восторженного читателя...

Холодно, братцы, холодно мне. Затворите мне веки.

Вот и все объяснение «иудеохристианства» Даниэля. Ей-богу же, это и только это — простое объяснение всей сложной шумихи вокруг. И главное — тому, что почти все умные и образованные люди, кого ни встретишь, читают вот это всё — с восхищением. В Мюнхене и Брюсселе, как и в Москве — от Капотни до Рублевки. То есть везде и всюду, где есть русская культурная публика, рано или поздно заходит речь о геройских подвигах Штайна во имя любви. И только немногие возражают — в том же, наверное, роде, что и я, — только лучше: короче.

Но кому-то же надо, ну, я не знаю... Кто-то же должен, наконец, хоть кого-то образумить, для этого не надо спецбогословского образования, нужно только немного — понимать the heart of the matter, «суть дела»... Нет, но кто-то должен же — хоть один только раз высказать все развернуто, подробно, показать все вытекающие из книги следствия и околичности подобного «христианства».

Чтоб люди перестали сами себя идиотизировать, думая, что это они себя христианизируют. И если это еще не сделано (или — уже? отсюда-то не видно) — что ж, вызываю огонь возмущенных штайно-фанов на себя.

Эта книга принципиально важна. Она полезна и поучительна в высшей степени. Полезна — потому что это точнейший социологический опрос, лакмусовая бумажка: как понимает средний и высший слой русской интеллигенции, элита России, что такое Церковь, что такое Христова истина и любовь, и вообще — кто такой Иисус Христос. Читала ли наша элита, среди которой многие объявляют себя верующими христианами, вот они-то на моих глазах первые восхищаются Даниэлем Штайном, — заглядывала она хотя бы в Евангелиие?

Вот ровно настолько, насколько человеку, читающему роман «Даниэль Штайн», он нравится, насколько такой священник и такая Церковь, и такой уровень «мышления» читателя этого «устраивают», — вот ровно настолько сей читатель книги, где главный герой говорит этак процентов на восемьдесят пять ***невесть что*** и поступает ***невесть как***, — ровно настолько сам этот гипотетический читатель *думает невесть что невесть о чем невесть как.* Каждый может проверить себя — и либо опровергнуть мое скромное, но выношенное мнение, либо согласиться примерить вышесказанное на себя — начать учиться мыслить своею мыслью по общим законам мышления... Занятие не самое трудное.

Книга эта поучительна — зане обнажает главное, самое главное.

Я всю жизнь считал, что люди, переводящие с фламандского «Осень средневековья», а с английского одну из лучших апологий христианства — «Вечного человека» Честертона, — взаправду интеллектуалы, интеллектуалы-интеллигенты, то есть высоко, глубоко и серьезно мыслящие люди и у нас, людей страны, где, как восхищается Джон Ле Карре (а для меня его мнение, не знаю как для других, для меня его мнение — не пустой звук), — где, что невозможно представить ни в какой другой стране, люди в общественном туалете спорят о Кафке.

Вот это, я думал раньше, уровень; и сколько бы ни говорили всякие менее объективные, чем Ле Карре, всякие Бжезиньские и прочие «политические карлики», — сколько бы они ни трындели о вандалистическом дикарстве русских, — это все зелен виноград.

А оказалось, что виноград-то не совсем зелен. Оказалось, прав не Джон Ле Карре, а Збигнев Бжезиньский: да, мы спорим в туалетах о Кафке, а я вот, маленький человечек с провинциальным образованием, представляю себе немецкую скульптуру XIV — XVI веков вряд ли хуже, чем сами немцы, и мог бы докладывать на симпозиуме специалистов по Адаму Крафту, Файту Штоссу и Тильману Рименшнайдеру, знай я достаточно немецкий, — но и что с того?

Да, мы страна, где прослойка гуманитарной, включая сюда и техническую, интеллигенции — и по сей день высока, выше, чем в Финляндии и Австралии (хотя, согласно статистике, она неуклонно и почти радикально сокращается), да, да, да...

Но, как выявил успех романа Улицкой, — благодаря «Даниэлю Штайну», дышащему свежо и небывало ново, — приходится «стопудово» признать: мы «мыслящие» люди, не понимающие, что такое мыслить, продолжающие думать, что именно думаем, даже не подозреваю-

щие, что, «мысля», мы как раз не мыслим, думаем — по законам не-думания или по беззаконности такого «думания»; а значит мы, совершившие такое невозможное дело, как быть мыслящими немыслящими людьми, не понимая, то есть, что думать — это всего-навсего думать так, как мысль последовательно сама себя продумывает, не уклоняясь ни в какие «чувства добрые», — мы являем сегодня очередное русское чудо в той области, где, если мы не хотим сойти с ума не романтически, а клинически, когда слюни текут изо рта, — чудес быть не должно.

Поэтому, уважаемые дамы и господа, мы должны сегодня, сколь ни прискорбно, до слез, — а у меня слезы вызвать ох-непросто, уж поверьте, — мы должны где-то стать скромнее. Должны сказать себе: «Шат ап, бойз-энд-гёрлз». И дай нам Бог с толком низкопоклонничать перед Западом ли, Востоком, но тем сообществом, где в общественном туалете занимаются только тем, зачем туда пришли, а не спорами о Кафке... И вот я, грешным делом человек пока еще не лишенный самолюбия, говорю не кому-нибудь, а самому себе — я должен стоять и молча, внимательно наблюдать тех, кто, не обладая таким интеллектуальным потенциалом, не суясь в глубины и высоты, доступные только нам, умеет всего-то навсего называть вещи своими именами и отслеживать, правилен ли ход данной мысли, не беря в расчет никакие свои озарения и философские бездны, а *только и умея* ***не*** *думать,* что наша мысль мыслит, когда она всего лишь что-то такое... шумит ментальным шумом. Пошумит и пройдет.

Дай нам Бог, раз уж не миновать низкопоклонничать, — низкопоклонничать перед теми, у кого можно научиться не казаться, а быть собой. Как послевоенная Германия и послевоенная Япония. Страшно даже подумать, что России 15 лет свободы впрок не пошли, что если не довести ее до нуля, как те две, ей вообще ничто впрок не пойдет.

Дай нам Бог низкопоклонничать не перед самими собой — в лице президента; в его лице — нечего на зеркало пенять — мы получили только ту власть, какую и заслуживаем, какая только и удовлетворила что одной, да видать, главной нашей потребности — потребности показать Западу рабочий кулак, ненароком обнажив при этом мощный бицепс. «А мы вот не будем есть ваши окорочка! Вы не будете диктовать нам, какую дрянь нам есть! Мы сами будем диктовать себе, какую дрянь нам есть!» И это все. И это — пока цены на нефть таковы. А скоро они будут сяковы. И тогда окажется, что РФ куда менее приспособлена для самодостаточного, самозамкнутого государства, автаркии, чем Советский Союз с придатками-сателлитами. Тогда окажется, что кулак — муляж, а бицепс — парафиновый.

Если уж жить на коленях, то — не перед «группой товарищей». Тогда уж — перед теми, кто на Западе или на Востоке, неважно, только и умеет, что — в пятисотый раз — мыслить по законам мышления. Всего-то, приземленно и скучно.

И вот отсутствие этой приземленности и бездуховности и есть то главное, чего мы лишены просто в силу того, что наука «логика», препо-

даваемая раньше в каждой гимназии, и сделала тогдашнюю Россию полноценной европейской и мировой державой, а отсутствие этого предмета и толкового его преподавания в школах — представьте, такая малость — сделали Россию нынешнюю, при всем ее бесконечном интеллектуальном потенциале, второсортной державой — с прекрасными математиками и физиками, философами, писателями и художниками. Вот это и есть самая главная наша трагедия, а не развал или завал экономики, сельского хозяйства и культуры.

Потому что в начале было Слово, Логос, а значит — разум, закон, счет. Да, именно это и было в начале, с этого начинается, согласно Библии. Все, буквально все — с разума, то есть строгого мышления и точного творческого слова. С закона, который ненарушим и не похож на дышло. И даже, представьте себе, со всего лишь какого-то презренного счета — ибо таковы значения греческого слова «Логос».

Сын есть творческое Слово Отца, то есть безначальное молчание порождает все через Слово; Отец творит через Сына, дающего всему, Им и через Него созданному, разумный, точный закон. И даже сосчитано все сотворенное количественно и порядково, придав всей вселенной, всем вещам во вселенной — порядок их относительно друг друга, который, как видим, глядя на движение светил, не нарушается никогда — до кончины века.

Без участия Бога Логоса, то есть разумного закона и строгого порядка вещей, ничего нельзя сделать не фиктивно — ни наладить экономику, ни создать государство, уважаемое другими государствами, ни написать книгу на уровне... Не будем приводить весь список... Ничего у нас ни из чего не получится, пока мы не поймем, что Божья часть в нашей жизни — не в призывании только Его Имени, а в призывании Его имени как Бога разума, закона и даже счета. Если Бог есть, таким образом, воплощение и носитель разума, то разум презирать нельзя: тогда ты презираешь Бога.

А вот выучиться разумению по законам разумения — можно. Да только не хочется, потому что «*любовь — всего первее*», любовь сверхразумна, а Бог, «*русский Бог*» — он вперед всего милостив. Тем более мы не кто-нибудь, а народ Толстого и Достоевского, мы и так сами с усами.

Вот тут плакать хочется: не понимают, что не получится, потому что сами непременно должны быть именно с усами, а они безусы, а усы отрастить так просто, но — не отрастят, ни за что. Начнут растить, а потом сбреют, чтобы лучше росли. А потом опять начнут растить, а потом снова здорово и опять двадцать пять...

И потому опять не выйдет, ни-за-что. И ясно видишь, что опять не выйдет, ни так не выйдет, ни эдак, назначай главным хоть кого, а ни хрена не выйдет. И хочешь это сказать, предупредить, чтоб и не старались, отдохнули хоть немного, а они все равно не послушают и опять введут какое-нибудь «земство» на месте действительного земства или «армейскую реформу» против дедовщины и за профессиональную армию, где дедовщина приобретет уже не пандемический, как сейчас, а

тотальный, для всех без исключения попавшихся под набор оборот... А ведь так нетрудно мыслящему существу выучиться всего лишь взаправдашнему мышлению (при условии действительно честного желания искоренить этот трагический позор на весь мир, не гробить своих же молодых, не сводить их с ума в мирное время), — и тогда как все пошло бы по-другому, как надо, и как пошло бы — благодаря этому, одному этому: понять, что мысли твои — вообще не мысли, как бы они тебе ни казались умными, вообще никакие не мысли, прогрессивные они там или реакционные, по правилам мышления, — и пойти и выучиться по самоучителю логики. Делов-то — на полгода...

Горько мне, я скорблю, опустите мне веки, чтобы никто не видел моих слез, я всего-то малюсенький человечек, а не пророк Иеремия...

Вот в чем, не побоюсь этого слова, промыслительная роль романа Улицкой, его истинная цель и назначение: обнажить правду, наглядно выявить, начиная с самого повествователя и кончая последним читателем, как нельзя верить, как нельзя думать, нарушая законы думания, и продолжать думать, что ты — думаешь (и еще восхищаться подобным «думанием» Даниэля). Грустная картина, дамы и господа. Если этим восхищаемся, если хоть в чем-то существенном с этим согласны, — значит, ничему главному нас в институтах и в самой жизни не научили. А хуже всего — нежелание понять и признать это, нежелание знать, что от этого как от вреднейшей привычки нужно избавиться — и нежелание знать, как избавиться от универсальной путаницы в мозгах, как перестать спутывать извилины в плетенку и дальше по любому поводу. Ведь вот даже бандит и убийца Фокс Шарапову якобы говорил на «киче»: «*Самое страшное — это глупость*».

Ну и, само собой, при таких делах — что можно сказать о христианизированности сознания «немалой» части населения страны, в которой 1000 назад митрополит Илларион сказал свое святое и дивное «Слово о Законе и благодати», и в которой, тем не менее, эта «немалая» часть населения тысячу лет спустя считает праведником и едва ли не собирается ставить вопрос о причислении к лику святых Даниэля Штайна, мальчонки-хулигана, который *сестренку-гимназистку в канаве утопил* — ведь именно тоном такого обаятельного шалуна он и провозглашает свои ерунды-чепухи перед Папой и Кардиналом: «Что, съели? А я еще и не то могу! Не боюся я вас, старых мужей, грозных мужей» (это называется у него поведением людей вообще и священников в частности, которые прошли войну и потому они — особого склада, «типа того»: молчат-молчат почтительно, а потом как возьмут и брякнут безбоязненно самому Папе что-то вот такое — см. выше, сто раз см. выше. Беда-то не в том, что безбоязненно, так и надо, а в том, что безбоязненно глупо и сам-того-не-понимая)... О христианизированности цивилизующего сознания, да просто о наличии самого со-знания, т.е. мышления, сообразующегося со знанием... — что тут сказать?

Как пел уникальный рок-баянист «дед Федор» Чистяков: «*Что же ты хочешь от больного сознания?*»

Ну поверьте же на слово, я и вправду никого ничему не учу, не мое это дело, чему путному такой, как я, может научить? Я на то не поставлен и мандата не имею. Я вовсе не есть и не хочу казаться «в белом», когда все кругом — «в дерьме»; я только хочу достучаться, доталдычиться до природненного нам сознания, а оно есть и у непутевого вроде меня там какого-нибудь или там вас каких-нибудь, как и все мы, хорошие такие-плохие-разные. Простая же вещь, ну господа же братья: у нас есть действительная свобода со-вести: мы вольны верить любой «Благой вести» или не верить ни во что, кроме базаровского «*Я умру, а из меня будет лопух расти*», или повременить с ответом, осторожно считая себя агностиком. Но если мы уже хотим верить, и хотим верить именно в Иисуса Христа, то мы должны ясно представлять, Кого мы так называем. Иначе может оказаться, что Он нас «не устроит», а мы, каковы мы сейчас и меняться особенно не собираемся, мы «не устроим» Его.

И вновь вспоминается, что сам Даниэль Штайн говорит: «*Одно дело — верить, другое дело — знать, но важнее всего знать, во что веришь*». Это самое умное, что он сказал. Жаль только, что не последовал своим же словам. Автор же «от себя» в конце романа говорит: «*...весь урок* (Даниэля. — *Ю.М.*) *сводится к тому, что совершенно не имеет значения, во что ты веруешь, а значение имеет только твое личное поведение... Даниэль положил мне это прямо в сердце*».

Так как прикажете понимать, что главное для Даниэля: знать, в кого веришь, — или это не только не главное, но не имеет вообще никакого значения? Опять приехали. Опять темный лес. Не может же Даниэль учить сразу и тому и другому? Или это такой христианский коан?..

«*Вчера в палате номер семь один свихнулся насовсем, кричал: «Даешь Америку!»,— и санитаров бил*».

Но я-то в соседней палате, № 6; до меня очередь еще не дошла. Я хоть и свихнут, но еще не насовсем. Хотя с Даниэлевой помощью — дай только время.

Вновь и вновь — если есть «настоящий Иисус Христос», — то Он есть только в Им же основанной Церкви. А в Церкви нет места для Даниэлева учения, что Даниэль каждым своим шагом и подтверждает. А нам хочется именно в Даниэлеву общину. Как же быть?

А просто. Надо только спросить у себя, еще раз, еще много-много раз примерив на себя прежде, чем отрезать: нужна ли нам именно Церковь и, значит, именно Христос?

По той упомянутой причине, что Он, хоть и живет всюду и везде, но в каком-то не буквальном, но серьезнейшем смысле «по-настоящему живет» только в Церкви, вне которой, см. выше, мы ничего, ровным счетом ничего об Иисусе не знаем.

Потому что видели и слышали, лично знали Иешуа и верили в Него как в Бога только окружавшие Его, Его «ближний круг» и круг чуть более отдаленный. А их слышать, слышать вещи небывалые и все-таки на каком-то, выходит, серьезном основании счесть их достоверными до

такой степени, чтобы претерпевать гонения, а то и смерть, могло лишь следующее поколение христиан. И так далее.

Вот одни рассказывали другим, передавали им свои сведения. А некоторые из них эти сведения записывали. И вот это и есть первоначальная Церковь, и только она одна и сохранила для нас Иисуса, а все остальные претенденты на роль истинных христиан — пытаются лишь узурпировать свято место, чтоб пусто было.

Вот, а передача внутри нее устных и письменных сведений о необыкновенной личности бродячего проповедника из Назарета — это и есть Пре-дание, по-латински «тра-дицио», то есть буквально — передавание, передача сведений. Внутри Предания и сложилось Писание, отличающееся только тем, что это — записанное предание. Это и есть — Евангелие.

То есть те четыре Евангелия, которые с самого появления их считались наиболее верными истине. Потому хотя бы, что по времени создания они ближе всего к тем событиям, которые в них изложены, и потому еще, что и буква, и дух их воспринимались современниками как наиболее аутентичные, достоверные. Как свидетельство. Да и вообще — живы еще были либо сами люди, у которых все это было на памяти, либо их прямые потомки, слушатели и т. д. — и можно было спросить их, сопоставить услышанное от разных людей, которым можно было доверять (мы все знаем из своей жизни, что вот этому человеку можно доверять, а тому — ни-ни).

Так вот, Евангелие, скажем, от Луки большинством ученых относится к 80-м годам I века (меньшинство относят их к 60-м годам), а Евангелие от Иоанна в своей основной части (найдены огромные фрагменты) — к рубежу I и II веков. То есть степень достоверности их, в одном случае фактической, в другом — мистико-метафизической, в целом весьма высока. Этого мало? Допустим. Но больше-то, повторяю, вообще почти что ничего нет.

28. Или ожидать нам другого?

Вот тут я возьму да и спрошу Даниэля: подобно тому, как ты не понимаешь, *что такое лицо*, я вот не понимаю, что такое «Воскресение»? И откуда оно взялось, это слово, если там, на четырех пустых свитках, по одному на каждого евангелиста, вообще почти ничего нет? Откуда мы сие выводим — и что оно все-таки значит, это Воскресение? Может быть, Он «*воскрес*» в том смысле, что ожил из мертвых именно в день недели «воскресенье»? Но у евреев-иудеев такого дня не было и нет.

Само и слово-то появляется впервые, именно обозначая воскресение Христа. Вообще же, бывало для тех, кто верит Библии, и оживление из мертвых; вот в Третьей Книге Царств пророк Илия оживил умершего сына горюющей Сарептской вдовы. Юноша, только что лишившийся жизни, вдруг поднялся на носилках, на которых его несли на

кладбище. Это небывалое дело, но на то и пророк Илия — из пророков пророк. Но оживление — это совсем не Воскресение.

Ожить из мертвых — это вернуться назад, не истлев, в прежней земной плоти к прежней жизни, без превращения. А воскреснуть — это, когда труп уже разлагается, на третий день-то, вдруг исчезнуть и объявиться потом живым, да не просто живым, а в преображенной плоти, так что верная ученица Мария из Магдалы, увидев, не узнает и примет за садовника. Чувствуешь разницу? Воскреснуть можно только в Воскресенье, ожить — если верить в это, но мы же с тобой люди верующие, — когда угодно. Почему бы и не в субботу, святой день, например? Вот был бы шабаш — в смысле «шаббат»...

Откуда мы вообще что-то можем утверждать о Нем, даже горячечное? Смотри. Матфей, как известно, «*списал все у Марка*», да добавил кое-что от себя, последнее же — позднейшая вставка. Интерполяция, чтобы мы с тобой показались людьми учеными. Так? А Лука? А Лука, как известно, был грек — а грекам, по-твоему же, какая вера?! Остаются лишь Марк да Иоанн; но последний писал такие темные несуразицы, которых мы и в первых трех Евангелиях не находим, даже если им и доверять. Он вообще что-то такое свое пишет, что «*благочестивому иудею*» бы и в голову не взбрело. Наверняка был какой-то блажной, каких и по сей день хватает, да и как он употребляет греческое слово «Логос» применительно к Христу — по всей видимости, тоже грек, а с этой публикой кашу не сваришь...

Что тогда остается? Марк? Но это всего-навсего один свидетель, а нужно, как известно, минимум два — для достоверности. А он-таки один-одинешенек, а стало быть, может безнаказанно все наврать — и так оно, скорее всего, и есть — этим ребятам-обманщикам только волю дай. Что в этом случае остается?

А ничего. Пара фраз у Иосифа Флавия, Тацита, Светония и что-то совсем уж малое, проскальзывающее где-то у одного сирийца, — словом, на «*чисто историческом уровне*» о Христе, как совершенно справедливо выразился немалоизвестный современный протестантский теолог Р. Бультман, мы знаем только: во время оно, в первой трети I века нашей эры в Палестине был такой Йешуа из-Ноцри, который проповедовал кто его знает что... — и более ничего мы о Нем не знаем хотя бы сравнительно достоверно. Добавить к этому, если бы мы захотели что-то добавить, можно только, что если Он был, — то его, значит, по законам жизни-смерти, не стало. Вот это, пожалуй, самое достоверное. Он был — иначе на чем, на нуле, выходит, была основана величайшая христианская цивилизация имени Никого? Но Его нет — иначе где-то же Он должен объявиться...

Но вряд ли позволительно, хоть мы с тобой и свои люди, шутки шутить с такими вещами; боюсь, меня не оправдывает и стремление как-то так поставить вопрос, заострить его, чтобы до Даниэля дошла вся, отнюдь и увы, не гениальная абсурдистика его безрассудных рассуждений. Вернемся поэтому лучше к фактам...

Да, бродячий проповедник Иешуа родился и жил в первой трети I века, он бродил и проповедовал — и был распят. Это считается сейчас несомненным.

И это всё.

Буквально ***всё*** о Христе мы знаем из Писаний Нового Завета, которые есть записанная часть живого, непрерывного преемственного Предания Церкви.

Да они и поняты могут быть только внутри Церкви, которая их и породила — во многих смыслах: их составляли, записывали, переписывали люди Церкви, сохраняли и распространяли люди Церкви, наконец, когда в IV веке совпали насущность и возможность составить практически весь корпус Нового Завета, а тем самым провести разграничение между четырьмя каноническими Евангелиями и различными апокрифическими писаниями, распространявшимися в разное время во II и III веке, как то — «Евангелия» «от Фомы», «от Филиппа» и т. д., оставив первые как достоверные и определив последние как апокрифические, причем разграничить и апокрифы по степени их «апокрифичности», следовательно, «запрещенности» или «разрешенности», но, так сказать, факультативности.

Церковь проделала и эту большую работу честно и последовательно. Доказательство ее честности — именно в том, в чем ее почему-то винят: во всех четырех имеются какие-то несогласовки относительно конкретных происшествий, согласовать которые ничего не стоило бы, если все «придумано», — вставь ты это сюда, а это вычеркни отсюда, и дело в шляпе, а то, что раньше ходило в списках несогласованным, объявить не позднейшими, а наоборот, раннейшими недостоверными вставками.

Кто мешал-то? Кто мог быть указом Церкви в этом ее «внутреннем деле»? Да только она же сама, ее добросовестность, чувство ответственности перед Богом. В Германии есть такое понятие: *вино с предикатом качества*. Это значит, какой год выдастся, сколько сахара виноград наберет, чтобы потом сбродить на алкоголь, столько и наберет, — никакого своего сахара при брожении не добавлять. Десять процентов алкоголя в этом году наберет — значит, десять. Это, конечно, не двенадцать — четырнадцать процентов алкоголя, жидковатое винцо, зато все по-честному. Во Франции, например, между прочим, разрешено в плохие годы добавлять сахар в бродящее сусло даже в Бургундии, чтобы элитнейшие вина мира набрали необходимую силу и крепость, а вот Германия даже в деле, которое необязательно столь тщательно контролировать, — что, лучшие бургундские вина хуже немецких? Да они лучшие в мире! — Германия, предпочитая оставаться честной, считает у себя такие вина фальсифицированными. И молодец страна Германия.

Вот и Церковь поступила честно, ничего не согласовывая, подставляясь под удар, но желая остаться честной, предоставляя читателям самим судить, показаниям кого из «свидетелей» (разногласящих, как и все свидетели всегда о чем-то говорят по-разному) верить больше; целого это, как правило, не меняет. Церковь в главном, существенном, никогда

ничего не придумывала, а только, как сказано уже, про-думывала. От поколения к поколению она только сохраняла и развивала, сохраняла и развертывала, уточняя образно-повествовательное Откровение, данное евреям, в понятиях философской рефлексии, свойственных мышлению «греков», эксплицируя имплицитно содержащееся в начальных сведениях, записанных и устных, — и вот так непрерывно и неискаженно — от слов Самого Христа, сказанных Им христианам первого поколения, до догматов Вселенских соборов и стройного учения Отцов Церкви — выстроило лестницу в Небо, отвечая любовью на любовь, предлагая Богу плоды своего религиозного творчества, бриллиантовую земную огранку дарованного им Небом алмаза Богооткровения.

Поэтому мы можем сколько угодно порицать ошибки исторической Церкви, ее исторической практики; но истина Церкви, ее «керигма» — возвещение Божественной любви до смертного конца — стоит неколебимо, *и врата ада не одолеют ее.* Тот, кто сказал: «*нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*» (Ин 15:13), — Тот Сам исполнил Свою заповедь с лихвой, добровольно отдав Свою жизнь во искупление и спасение всех нас, «*искренних своих*».

А сказал это Он и исполнил это — пред глазами своих учеников, на камне исповедания которых основал Свою Церковь. Тело которой, по апостолу Павлу, и есть Христос. Да только, боюсь, имея основания на то, — не совсем «даниэлев Христос».

Мы вольны этому не доверять. Но тогда нечего нам тут и делать. Другого христианства другого Христа — нет. Попросту — в случае, если мы отвергаем достоверность церковного Предания, все остальное о Христе либо ничтожно мало, чтобы стать фундаментом веры, либо еще куда менее достоверно. Отсюда дельный вывод: если в вас силен «научный скептицизм», то можно спокойно прожить и без Христа. И так многие и делают, и по-своему логичны и правы. Если им на душе спокойно.

А вот у кого на душе без Христа неспокойно, тем, кто хочет быть со Христом духовно-реальным, а не с Христом виртуальным (потому что, снова и снова, первый — «пере-данный», «записанный», а последний — выдуман из пяти пальцев), — тем можно предложить единственный прямой путь ко Христу, — путь в Его Церковь. Да, пробиваясь через все скучные каноны и постановления соборов, приняв обрядовую форму христианства как по-своему необходимую... Вообще, только по мере осмысления и овладения открывается и истинный смысл обрядов, и высокий смысл канонов...

Реальный Христос говорит: «*Мое учение— не Мое, но Пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно...*» (Ин 7:16-17). Да, мы живем в мире неясного и нерешенного, и нам никто не гарантировал, что Евангелие говорит правду и ничего кроме правды. Есть лишь путь волевого усилия к вере, чтобы «*творить волю Его*» и тогда уже опытно узнать, «*от Бога ли*» наша вера. И есть пути неверия или агностицизма. Оба ничего «безумно»-мировоззренческого (согласно апостолу Павлу, Тертуллиану и прп. Симеону Новому Богослову) от человека

не требуют, и при этом люди могут оставаться праведниками и подвижниками Добра — может быть, на «генетически христианском» уровне.

Пример? Андрей Дмитриевич Сахаров. Для меня это пример агностической мысли и «генетически христианского» поведения. Но ведь Сахаров не занимал место вероучителя, а только свое место. Он своей «индивидуальной» литургии для ста человек общины не составлял.

Мы на все имеем право. Кроме одного. Если угодно, из интеллектуальной честности.

Мы не имеем права придумывать себе Бога по своему вкусу, называя Его, однако, из любви к картинам Рафаэля и Рембрандта, «Реквиему» Моцарта, романам Достоевского и т. п. — милым нам именем: Христос. Мы не имеем права, присвоив себе и «перелицевав» Бога на наш лад, на все отвечать: «Бог милостив».

То есть Он-то милостив... Но как бы это... А вот, знакомыми словами.

Христос был добрым, но добреньким Он не был. Он жизнь Свою за нас отдал — и как страшно умер, зная наперед, что умрет — и умрет страшно. Это — любовь. Но Он же сказал Петру, первому среди равных апостолу, когда тот воспрекословил Ему: «*Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!*», — Он все равно не мог не сказать, даже в ответ на любовь вернейшего из учеников, даже понимая, что это сказано Петром из любви и сердечной боли: «*Отойди от Меня, сатана! Ты мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое*» (Мф 16:22-23).

«Сатана» — здесь — «противник». Можно было выбрать менее экстремальное слово. Нет же.

Как сказано, кому, в какой брутальной форме! Как хлыстом по лицу. И это Иисус? Да, Он Самый, Тот же, Кто прощал и миловал тех, кого и простить — нельзя, уж не говорю — миловать.

Это тоже Иисус. И это тоже Христова любовь к ближнему, Петру, чтобы тот — понял, если нельзя иначе «вправить мозги», — понял, в отличие от Пилата, что́ есть истина и какова ее цена.

А нам нужна такая христианская любовь, какая нам по сердцу? Но она бывает только самой собой, христианской любовью, а вот по сердцу ли она нам, — это уже вопрос к нам.

Хотим любить в том смысле, который мы обычно вкладываем в это слово, — прекрасно. Кто мешает.

Любите живопись, поэты.

Но зачем же для этого идти в даниэлеву общину? Она не только быть, но и называться христианской в строгом смысле слова не может. Если честно. Ведь христианские сектанты, как и всякие другие, — свои, священные для них тексты знают наизусть. Я их повидал — в Германии, в России ли. С паранойяльным упорством и пылом они затверживают Писание близко к тексту, а то и наизусть (не только Новый, но и Ветхий Завет — более 1000 страниц мелким шрифтом — наизусть!), все-все-все, вплоть до точки с запятой. Такая секта — в каком-то смысле, может быть, и может быть названа христианской. Но если еще и Писание «знать» очень выбо-

рочно, да еще и превратно... Если сказать, допустим, настоящему «Свидетелю Иеговы», что первая Моисеева заповедь гласит о любви к человеку, а не к Богу, — тот, помня текст наизусть и совсем не понимая даже азов даниэлевой диалектики, просто отрясет прах с подошв своих на пороге даниэлева дома — и пойдет себе подальше от Даниэля и его *истинного христианства*... Если вот так обращаться с Писанием, буквально вопреки ему — тогда это из сект секта. «Под-христианская» какая-нибудь. Как был *Подотдел очистки* в одной смешной, но жутковатой повести.

Впрочем, кто хочет любви и добра, а в Церкви их не находит, так и — в чем проблема? Зачем вообще эта привязка к названиям, именам и авторитетам? Зачем называться именно христианами? Организуйте Общество типа любителей типа добра и типа творителей типа любви — и типа вперед с типа песней. Твори, выдумывай, пробуй.

А хотите называться христианами просто из любви к самому слову (а не к Богу-Слово), так и это возможно. *Можно-с, можно-с и такого коренья*, как говаривал повар Петра Петровича Петуха Петру Петровичу Петуху.

Например, если кто любит рыбку ловить — пусть считает это занятие христианством в действии. Выловил, допустим, десять рыбок в день — считай, десять христианских поступков совершил, — не надо только «*ловить человеков*». Это не более нелепо, чем самому сочинить литургию для одного своего прихода и называть себя католическим священником, отрицая Символ Веры, то есть веру в Отца и Сына и Святого Духа.

В любые ферейны можно вступать венцу творения, свободному человеку. Если вам хорошо, то и нам приятно. Как бы только опять не вышло, что разные люди, по-разному понимая и любовь, и добро, перессорятся у вас между собой — и, чтобы оградить всех членов общества от лишних ссор, не придется ли выработать некую программу, с которой согласны все и на этом единомыслии все примирятся? А знаете, как это называется? Символ веры. «Кредо». Который вам будет понятен, а следующему за вами поколению членов вашего общества покажется *чуждым по языку, образам и метафорам*. И снова пойдет здорово, и опять выйдет двадцать пять...

Скучная, словом, история «добра», вечно желающего блага и вечно сотворяющего зло...

...Ах, какой бы классный директор детского сада (западет же в голову любезная сердцу мыслишка) или учитель географии, а то ботаники, какой хороший работник в доме для престарелых (вообще несть числа тем работам, где людям насущно необходим именно такой чудесный человек; сколько есть мест на свете, где Даниэль мог бы прекрасно «спасать людей»!) получился из этого симпатяги, свойского парня, всегда радостного и открытого людям. Большой ребенок. Паганель. Классным экскурсоводом, если верить героям книги, он уже является. Да и какой самый настоящий монах, умудренный не философией, до которой он не охотник, а годами опыта молитвы и служения ближнему. Если бы только он не учил, не решил в один ненастный день, что он пред-

назначен для священства, что священником он «спасет» больше людей, что для этого достаточно... ну, вот такого «богословского образования» да базаровского: «*Я ничьих мнений не разделяю, а по всем вопросам имею свои*». Базарову это можно — он никого не учил, а только лягушек резал и в микроскоп на жуков смотрел...

Ведь в принципе-то и «личное христианство» в каком-то смысле — возможно. Вот и в Евангелии сказано, что «*кто не против нас — тот с нами*».

И до того — еще пророк Иоиль говорит: «*И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется*» (Иоиль 2:32).

И если кто отдаст жизнь «*за искреннего своего*» — будь он свидетель Иеговы или даже «*бескрылый атеист*» (я в этом случае согласен с автором), — он, нимало не сомневаюсь, спасется.

И мне когда-то, в ответ на такой вот мой вопрос один священник подумал и сказал: «По *тонкому льду один пройти может...*» Но если учишь, что проторенный веками и сонмом святых путь — не путь, а истинный путь — это твой особый путь, и настоятельно приглашаешь «*пятьдесят, шестьдесят, ну, может быть, сто человек*» твоего прихода разом за тобой перейти на ту сторону реки по тонкому льду... Скажи, ты, человек, способный, по твоим же словам, «*принимать на себя ответственность*» за людей, ты отдаешь себе отчет, что произойдет, пусть только может произойти в данной ситуации, созданной тобой и только тобой?..

29. Камень на камень, кирпич на кирпич... или Камня на камне

Подходим к концу — и узнаем от самого автора: у его Даниэля Штайна был, оказывается, реальный прототип: Даниэль Руфайзен; мало того, Руфайзен — личность легендарная.

Я, по невежеству своему, ничего о нем не слышал. Но, услыхав, попытался навести справки доступным мне путем: через русский и немецкий Интернет и звонки своим, сведущим в этом вопросе.

Увы, все, что удалось узнать: да, биография прототипа — по канве своей и военной, и мирной — сходна с биографией героя.

Руфайзен и людей в войну спасал, будучи в гестапо переводчиком, примерно так, как в книге (детали не указываются, так что вымысел или правда история с майором Рейнгольдом, понятия не имею; а очень хотелось бы его спросить — это правда, что он себя Рейнгольдовым сыном чувствовал, или фэнтези? Если правда, — вот как расширяются горизонты!..), и священником католическим, и монахом-кармелитом был в Хайфе, и сам въезд его в страну и судебный процесс, затеянный им по поводу гражданства, — все это было так или иначе.

В одном из авторских писем подруге в Рим также сообщается, что в 1992-м Руфайзен был у автора в гостях — и произвел сильнейшее впечатление: «*Это был человек, который жил в присутствии Бога, и это присутствие было таким сильным, что и другими людьми ощущалось*».

Это да-а...Такой силы и столь светлым было впечатление, что оно подвигло автора написать вот эту самую книгу. Книгу, на которую ушли многие месяцы, если не годы, серьезного труда, в том числе по сбору материалов, лежащих в основе книги.

Не знаю о Руфайзене, говорил ли он и делал все то, что говорит и делает Даниэль-из-романа, или не все, или вообще говорил другое и автору, и не только автору... Знаю только, что он умер не в 1995-м, а в 1998-м, и умер, в отличие от героя, своей не эффектной и не аффективной смертью.

Даниэль Руфайзен умер. De mortibus aut bene aut nihil. Но литературные герои — они хоть и мертвые, но все равно живые. Вот я у Даниэля — Штайна, не Руфайзена — и спрошу: скажи-ка еще, брат Даниэль, вот ты, утешая женщину, у которой сын вырос и оказался гомосексуалистом, говоришь: «*Деточка моя! Я совершенно этого не понимаю! Женщины так прекрасны, так привлекательны, мне совершенно непонятно, как можно отвернуться от этой красоты и взять вместо женщины мужчину. Бедный мальчик!*»

Не будем больше о твоей позиции как священника, надоело. По-человечески ты сказал хорошо — и точка. Тут я с тобой по-человечески и по-мужски солидарен.

Но, выходит, ты придаешь красоте немалое значение. Ты, значит, считаешь, как и я, что красота, как и истина, и добро — имеют серьезное отношение к Божественной сущности — любви. Ты считаешь, что красота сама уже — говорит о существовании Бога, такое сотворившего. Ты говоришь о женской красоте, а вот мой сын считает, что красота математической формулы — для него столь же несомненно говорит о бытии Бога. И, по-моему, вы оба правы: красота вообще как таковая говорит всем людям всяк-по-своему — нечто изрядно важное.

А теперь и ответь: почему ты предпочел отдать свою жизнь не за блистающий горной и Горней красотой синтез данного евреям прямого Откровения, сложной и углубленной эллинской философской мысли — и латинско-римской четкой дисциплины, а — за тобою же урезанное до мутно-непроявленного учение об Иисусе Христе как «*не только о бродячем рабби Йешуа из Назарета, но и...*»?.. Но и — о Ком?

В твоей «литургии» говорится: «*Да будет благословен Господь за вечную жизнь, которую Он взрастил внутри нас через Иисуса, своего слугу*».

Прямо ли тебя надо понимать? Буквально — «*слугу*»? Не в том смысле, что любящий чувствует себя добровольным слугой любимого, хотя во всем равен ему, — а буквально?

Или как еще? Скоро это кончится, что я на каждом шагу должен конструировать то, что ты на самом деле имеешь в виду — с большим риском ошибиться и тем навесить на тебя лишние укоры и обвинения, когда у тебя и заслуженных хватает? Не прошу «спасиба», но признай, что я более чем нежно с тобой обращаюсь: нас никто не обязан понимать не так, как мы свою мысль высказываем, а так, как мы на самом деле думали, да в состоянии, например, аффекта взяли да брякнули. У

каждого из нас есть презумпция невиновности, но ни у кого нет «презумпции правильного понимания». Если бы она существовала и обязывала нас стараться до конца изо всех сил понимать другого — ну, из ста разводов осталось бы десять. Что там — арабы замирились бы с евреями, на худой конец — воевали бы не до смерти, а дружески — как вот я с тобой. Я ведь воюю против тебя — за тебя.

Это наша забота, наша обязанность, существ мыслящих и, надо бы добавить, говорящих, — высказывать свои продуманные мысли проясняюще адекватно. А не забота нашего слушателя или читателя. Никто за нас не обязан проделывать нашу работу

Так и — как понимать? Дай ответ.

Не даешь ответа...

А Петр дал. Поэтому ты хоть и Штайн-Камень, да не Камень-Петр. Потому что тот, в небольшом отличие и от тебя, тот — всего-навсего дал ясный отчет в своем уповании от лица не только своего, но и всех апостолов, после чего и стал камнем-Петром, и на этом камне исповедания общеапостольской веры Христос основал Свою Церковь.

А ты думаешь — на камне-Штайне *твоей* веры? Подождем до второго пришествия Христа; если доживем, — увидим. В чью пользу решит Суд. Последнего, впрочем, не избежать — так, по крайней мере, верят те, чей «*выбор был — Иисус*». Так что кто и не доживет на земле до Второго Пришествия, все равно узнает, что есть истина.

Только имей в виду, что твоя вера фундаментально отличается от апостольской. Можешь стоять на себе-камне. Но имей это в виду. Или — или. Tertium non datur.

Фамилия героя книги, как упоминалось выше, к Петру-то и его ответу недвусмысленно отсылает. Название книги вообще хорошо продумано, каждое слово здесь — говорящее. Имя Даниэль отсылает к реальному Даниэлю Руфайзену, «немецкая» фамилия Штайн — к апостолу Петру в качестве «камня», на котором созидается ново-старая, истинная иудеохристианская Церковь через головы высокомудрых пустословов греков. Наконец, определение главной деятельности героя — «переводчик», — говорит о самом важном: перевести все наречия на общий для всех язык взаимопонимания и любви.

Жаль только, что общий смысл книги продуман, мягко говоря, не столь тщательно, как ее название.

На мой взгляд, главное заблуждение сочинителя в том, что он, конечно, понимает: книги нет без смыслового и энергетического центра, без солнца. А такого солнца-то как раз в романе и нет. Всё есть, все как у людей и больших книг, всё есть, а вот этого только и нет.

Потому что в книге обычной солнце помещается в главного героя, или в нескольких героев, или, как в «Анне Карениной», — в саму энергию отношений между ними. Энергию любви-нелюбви.

А вот в «идеологически-духовной» книге, книге о правильном или ложном понимании истины христианства или пусть просто — истины, —

в такой книжке солнце и должно помещаться — не в героя, а в истину, которую тот отстаивает.

В данном случае — в Истину Христову.

А как скоро последняя в романе столь водянисто разведена (не говоря уж, что еще и искажена), что ее почти и — нет, то «солнце» романа не греет. На разведенном водой бензине, да еще если подмешать туда песку, далеко не уедешь.

И автор, похоже, понимает это сам — или, по крайней мере, смутно чувствует это, но не желает, просто не может себе верить. Как же тогда — горячее желание, внутреннее чувство необходимости написать именно это и именно об этом, длительная трудная работа по сбору материала, чтение десятков умных толстых книг, поездки и контакты от Хайфы до Бостона, потом само написание объемистого тома с несколькими десятками персонажей (а их всех хоть одним мазком, да надо прописать как-то выпукло), тьма компетентных консультантов...

Словом, не может такая книга не удаться по справедливости соотношения труда и качества. Такой труд обязан привести к такому же, ну, пусть хотя бы сопоставимому с затратами результату — иначе просто нет правды не только на земле, но и выше.

Это же кошмар!..

А значит, солнце-центр книги быть — просто обязано. И если поискать — оно там и есть.

А если даже и нет, то — будет. И осветит все чистой правдой. Оно будет, поелику — что что есть солнце? Известно что: большой светящий шар с расходящимися во все стороны лучами. Поэтому вперед ли назад ли текут по видимости лучи, — это, по видимости, все равно. Наша оптика и в том и в другом разе воспринимает картину солнца и «прикрепленных» к нему лучей — одинаково.

Стало быть, есть лучи — значит есть и солнце: они же только к нему, светлому и центральному, могут быть «прикреплены». А лучи — есть, несомненно; они текут во все многоразличные стороны романа, проследив их, обсудив каждый луч со специалистом именно по нему, уже не ошибешься в характеристике каждого из них и всех вместе взятых, зримо текущих, вперед ли, назад, от солнца ли, к солнцу ль, зримо роли не играет, то и другое самоочевидно зримо едино. И там, где они текут к солнцу, а не от него, там, в своей обращенности назад, к солнцу, они, исходя из него, его же и составляют, зримо творят на своем пересечении в центре, творя тем самым свой центр. Солнце образуется из нахлеста друг на друга множества лучей, проверенных на детекторе лжи, и само таким образом, полностью есть — и полностью же истинно, коль скоро истинны все его проверенные составляющие.

Слава Богу, все сошлось. И, слава Богу, теперь добросовестному автору нечего бояться не только того, что такая неприподъемная работа — и коту под хвост, но и того, что хоть один читатель упрекнет рассказчика хоть в частной какой-нибудь, мелкой ошибке.

А на самом-то деле не сошлось. Потому что на самом деле оптическая картина мира и картина смыслово-энергетическая — совершенно различны. Доверие к оптике здесь подводит.

Из-за чего возникла эта книга? Нетрудно проследить цепочку и тривиально сказать: из искренней любви к Даниэлю, превыше всего любящему Иисуса. А если так, то и центр, атомно-взрывчатое ядро книги, или — солнце ее, освещающее все в ней, — и есть Иисус. И наше зрение это доказывает: Он — в этой книге — вот, прямо перед глазами, в центре книжного ***всего***. Он тут — есть. И Его солнце во всей книге — светит.

А на самом-то деле Христа Иисуса, настоящего Христа в центре книги нет. А на Его месте зияет дыра. Потому что ... ну, как бы это... Скажем, «Иисус без Христа» не есть вполне Христос Иисус. А Христос-не-Бог Сын, а только, скажем, «*ближайший слуга Божий*» — не есть вполне Христос. И, соответственно этому, в действительности все выглядит иначе, нежели чисто оптически: лучи могут течь не в обе, а только в одну сторону: вперед. Назад им идти не дано по определению.

А это значит, что из лучей, не возвращающихся к солнцу, а только стремящихся «убежать от него подальше», никак не можно соткать, создать солнца.

Солнце уже должно быть в книге, вот тогда уже можно консультироваться по поводу правильного описания его отдельных лучей со сколь угодно классным специалистом, как, в частности, поступал Томас Манн во время написания «Иосифа и его братьев». А можно вообще ни с кем не консультироваться: если в романе есть настоящее солнце, оно само все осветит светом правды искусства — даже при наличии конкретных ошибок (в «Войне и мире» их — тьмы, о чем писано-переписано; но разве это хоть на йоту умалило славу одного из величайших романов всех времен?).

Но думать, что солнце можно составить (или оно само составляется) из лучей, тогда как, напротив, это лучи идут из уже наличного солнца, ведь только оно, наделяя их энергией, без которой они ничто, они не лучи, они никуда не текут, зане их нет, они только кажутся в воображении существующими самими по себе, а на самом деле то, чего нет, не способно в обратном пересечении создать свой источник, оно даже не может внахлест перекрыть или хотя бы прикрыть яму, зияющую напоказ вместо подразуемываемого, но, увы, отсутствующего солнца, — так думать неправильно.

А правильно так не думать.

А самое правильное в этом неинтересном положении, положении неосведомленности о главном, целом, и полного непонимания целого-главного — не полагаться на осведомленность в частичном, второстепенном, — не думать вообще ничего об этом. Чтобы об этом ничего не писать.

Потому что писать интересно именно о том, о чем не знаешь, для того, чтобы по ходу писания что-то об этом себе уяснить. А когда дума-

ешь, что и так уже все уяснил, то писать неинтересно, раз ты себе уяснил то, о чем таким образом неинтересно писать, но как раз писать тогда-то интереснее всего, чтобы и другим поведать то интересное, что ты себе уяснил, но все равно нельзя, потому что уяснил ты себе то, чего уяснить нельзя, потому что уясненное тобою неуяснимо опять же по определению, но все-таки уяснимо, как ни странно, — как противоположное тому, что уяснено тобою. И так далее до без конца.

Это колдовская лента Мебиуса, которую я в детском отрочестве «уяснил» только — склеив, а потом разорвав. А сейчас понимаю, что — так и не уяснив. Такое дело — и все дела.

Но автор, похоже, надеется. Зря. Я ему очень сочувствую, сам имел дело с многотрудной и заветной неудачей. Но что ж поделать, если не лучи порождают солнце, а солнце — лучи. Нельзя породить то, что само порождает тебя. Никак не можно.

А жаль. Мы все спроворим, чтобы помочь герою и рассказчику, привязавшись к ним как к родным, это мы мигом... Все-все, кроме этого.

Мы не полезем в воронку, путину черной дыры — даже из любви к Штайну и его создателю. А она, как рот из «Абсолютного оружия» Шекли, пожрет и всех консультантов, и еще мало ей будет — пожрет и еще сто пятьдесят вполне компетентных в своем частном деле специалистов — и не подавится, и так и будет зиять ненасытной засасывающей чернотой.

Вот в чем, наверное, объяснение того, что я все время давался диву: как это вообще возможно, когда ты серьезно, ответственно берешься за такую работу, когда ты проконсультировался по всем возможным поводам со знающими людьми, когда... когда... — и все равно получается столь неслыханное произведение, — это же невозможно, этого просто не может быть! А оно есть. Как сие объяснить? Да только вот так, ничего другого просто не получается. Вот так и только так. И тогда объясняется и все остальное неслыханное и невероятное в этой книге, и тогда больше нет вопросов.

Как раз именно об этом, о сочинении в целом (значит, и о целом сочинения), о его содержательной стороне: в конце романа автор говорит о себе, что он преследовал одну цель — *«...сказать правду, как я ее себе представляю. Что было с моей стороны чистым безумием»*.

Последнее — правда, но не та, которую автор считает достойной высокого безумия ее высказать.

Безумие не в том, чтобы решиться возвестить неслыханную еще правду, как ты ее себе представляешь, а в том, чтобы *так* представлять правду, о которой ты говоришь.

Заблуждение — в том, чтобы считать достаточным для книги о Христе — только искреннюю любовь к Нему (что, безусловно, хорошо — да только без хотя бы малой осведомленности — к Нему ли?..), которая и представляется целым, *«необходимым и достаточным»* (и как только возникло в книге, в устах героя, в разговоре с кардиналом «Рокхаузом», это определение, взятое из предмета «Логика», презираемого и героем,

и автором?), чтобы начать писать, да еще имея целый штат людей, весьма и весьма... А вот нет, субъективная любовь ко Христу может оказаться чем угодно: чем помыслишь эту любовь — тем она и будет. Необходимым и достаточным целым, солнцем — является только такая любовь ко Христу, которая — любовь, а не «любовь». И любовь — ко Христу, а не к славному парню всей земли, простому парню-праведнику-учителю-спасителю такому, простому спасателю на водах тех, кто просто идет по воде, идет себе, взявши крест, да идет — а ну как да утонет — вот на этот случай всегда на спасательном месте сидит наш дорогой, понимаете, наш всеми нами, понимаете... многодрагоценный Йешуа.

Простая светлая человеческая любовь ко простому нашему, понимаете ли, э... простому нашему старому молодому тридцатитрехлетнему доброму человеку из Назарета.

Кстати или нет, мы уже один раз это проходили. Читая упомянутую книжку, где поставлен ребром вопрос о пилатчине. И только гипнотическая художественная сила нарратива, только *ласточка, стремительно залетевшая в крытую колоннаду дворца Ирода Великого*, только *шаркающая кавалеристская кривоногая походка*, — только вот эти волшебства словесной ткани, только это дикой силы обаяние таланта, только оно вытянуло себя за волосы и тогда, и по сей день, влюбив нас по гроб жизни в книгу, заставляющую даже и таких людей, как епископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской, на всякий случай, — тут уже дуешь на молоко, когда русская интеллигенция падает на колени перед настоящим-то священником, — епископ МП, не путать со свт. Иоанном Сан-Францисским Максимовичем из ЗРПЦ), хвалить ее чуть ли не как детоводитель-путеводитель ко Христу; заставляет самого ревнителя православия о. диакона Андрея Кураева «забыть», вывести за скобки то, что сам эпиграф романа посвящен Мефистофелю, что это он там главный положительный герой, *творящий благо, даже желая зла*, — забыть все это невозможное для христианского, не говорю церковного сознания, и любовью, благодарной за искусство воображения и силу языка, любить эту книгу, а не бросить ее в печку, как советовал другой герой того же автора по другому поводу.

Но это уникальный случай.

Да, художественность — это особая область, в ней, строго говоря, нет места ереси, что бы ты художественно ни утверждал, — потому что ересь касается действительности, а художество обречено иметь дело с вымыслом даже в самых автобиографических вещах. Чара художественного слова для подвластного ей человека — будет посильнее многих чар...

Но в нашем случае о такой художественности речи не идет, она тут и близко не ночевала; здесь случай простой «идейной беллетристики». Тем феноменальнее успех этой книги, тем удивительней ее гипноз.

Я, наверное, слишком большой лентяй, чтобы решиться на книгу, целиком посвященную главным вещам в жизни — поискам и обретению истины в Церкви, ведущей нас через смерть — не к лопуху, растущему

из твоих белых костей в черной земле, а к Жизни второй, преображенной, как из умирающей куколки вылетает та же куколка, только преображенная в бабочку (Розанов, кто бы еще мог так сказать?), — взяться за многолетний труд писать о Церкви, так мало о ней зная, как знаю я. Автор романа о Штайне, однако, не в пример мне, берется за трудное дело и пишет добросовестно, самым серьезным образом о том, о чем знает... едва ли не меньше, чем я.

Но да не усомнимся, у автора есть презумпция правоты, пока не доказано обратное. Нельзя не снять с автора подозрение — не в неосведомленности в вещах, о которых автор пишет, а в непонимании действительного смысла этих вещей. Пока не доказано обратное.

Ну там, автор пишет «от себя», что на все его личные сомнения *ни христианство, ни иудаизм, не буддизм не дают ответа.*

Между тем и то, и другое, и третье, и четверто-пятое учения — этот ответ, безусловно, дают. Я говорю не об истинности или ложности того или другого, но — об определенно-строгом, логически продуманном ответе на твои сомнения. Тут конечно, такое дело, что не по хорошу мил, а по милу хорош, и никому не возбранно выбирать то или другое по внутреннему голосу, по со-вести, но — выбор серьезных ответов имеется, и очень основательный.

Дело не в том, что они «не дают», а в такой маленькой пустяковине, как умение взять. Для чего всего-навсего достаточно перестать путать действительные сомнения с некими настроенческими колебаниями; не путать вот это марево чувств, «поток дхарм», обуревающих человека, — с действительно внутренним голосом Истины; не путать душевное — с духовным, всегда требующим волевого усилия поверить, живя и вправду «*в мире неясного и нерешенного*».

Не путать с действительном духовным выбором и усилием веры — все то, что предельно скрупулезный, осторожный, но строгий в формулировках о. Георгий Флоровский в «Путях русского богословия», называл «*религиозно окрашенным сентиментальным чувством*».

Но не об авторе поведем все-таки речь. В конце концов, у автора есть действительная презумция не-обвиняемости: даже когда автор говорит от себя, это все равно художественный текст, и в некотором не вещественном, но существенном смысле Людмила Улицкая как человек отличается от «Людмилы Улицкой» как не только автора, но и (коль скоро внутрь художественной ткани текста включены авторские письма и и другие высказывания «от первого лица») — одного из героев своего вымышленного произведения.

Поэтому скажем так: не автор, а Даниэль Штайн достаточно безумен, чтобы отрицать и утверждать одно и то же одновременно, например, почерпнув свою первоначальную веру из статьи о явлении Божией Матери в Лурде, отрицать тем не менее «*культ Девы Марии*» — и опять же тем не менее молиться вместе с Папой Иоанном Павлом II иконе Казанской Божией Матери.

Он более чем безумен, утверждая: да — Христос есть и Господь, и Единородный Сын Божий, — и одновременно сомневаясь, веровал ли Иешуа Машиах *«в Отца, Сына и Святого Духа»*.

И он не достаточно безумен, перефразируя Нильса Бора, чтобы принять истину.

Которая, хотя это общее место и скучное утверждение, состоит в том, чтобы не изобретать велосипед, не создавать своего собственного учения, а согласиться с учением Церкви: признать Бога Триединым, Христа полностью Человеком, но и полностью Богом, а Мириам — Девой Марией. Называть лопату лопатой, а треугольник с равными сторонами — равносторонним.

Впрочем, вот какая опять заковыка для Даниэля: хотя равнобедренный треугольник вовсе не обязательно является равносторонним по определению, но равносторонний-то как раз по определению является еще и равнобедренным; вот как софистически хитро. Опять обвели бедного Даниэля вокруг пальца злочестивые греки (считая греками и египтян: теорема, доказанная Пифагором, кажется, я что-то такое слыхал где-то, была сформулирована в Египте задолго до Пифагора).

Да, все эти Пифагоры, Евклиды и Архимеды, все эти загадочные политеисты вроде Парменида с его Единым, неким *«моно-...»*, которое как-то вроде не вяжется с *«поли-...»*, — злочестивые язычники, чтобы не сказать большего, а именно: какой есть главный масонский знак? Треугольник! Опять треугольник! А еще циркуль, то есть снова треугольник! Вот они где окопались, наши-то с Даниэлем истинные враги — в Древней Греции — и оттуда ведут злокозненную работу против истинного понимания Евангелия, написанного на несколько сот лет после них. Еще хорошо, что они не придумали треугольник из трех треугольников! Или все-таки придумали и такое? Подлинно — *«всей своей враждебной сутью подрывают и вредят, кормят-поят нас бермутью про таинственный квадрат!»*

30. А напоследок я спрошу

Осмелюсь спросить, потерпите, это и вправду последний вопрос.

На последних страницах книги идет длинный список имен тех, кому автор благодарен за консультацию, кому особо благодарен за нее же — и без кого вообще не могло бы быть данной книги. Я понимаю, что консультанты компетентны именно в тех вопросах, в пределах которых они и дают консультации. И специалистов по вопросам израильской флоры, климата, вообще жизни современного Израиля, а также в области мидрашей и пр., а также в области административной структуры и чиноначалия католической Церкви, а также... — мой вопрос не затрагивает.

Но вот тех консультантов, которые компетентны в вопросах екклезиологических (учение о том, что такое Церковь), догматически-богословских (как то тринитарный и христологический догматы, равно как и догматы — у католиков — «Мариологические»), — тех историко-текстолого-археолого-религиоведов и библеистов — вот их всех (я никого не знаю

лично, но имена некоторых мне, и не только мне одному, знакомы с самой лучшей стороны, как добросовестно-весомые в своей области), кто несет хотя бы толику ответственности за «*культ Девы Марии с шестого века*» и за «*мощный пласт язычества*», за то, что «*у Матфея этого нет, а есть только у Луки*», за то, что «*греки все были политеисты*», за то, что кардинал Рокхауз только улыбается в ответ на искреннюю галиматью о «*треугольниках*», которым кто хочет из христиан, тот пусть и «*поклоняется*», за то, что евреи тем и отличались от других древних народов, что не считали половую жизнь, тем более брачную, хоть как-то связанной с нечистотой и грехом, — одним словом — тех, кто отвечал за консультацию в вопросах этого рода, мне бы хотелось спросить: как Вы, будучи людьми известными не только своей эрудированностью, но и интеллектуальной честностью и уважением к своему делу, — как Вы допустили, чтобы эта книга, превращающая в кукольный театр все, что делает если не христианскую веру верой, то хотя бы христианскую цивилизацию — цивилизацией, благодаря которой Вы и являетесь, собственно, уважаемыми учеными специалистами «по этой цивилизации», — словом, как вы допустили, чтобы эта «большая книга» появилась именно в том виде, в котором ее теперь и читают — и уже прочли, и уже стали восторженными адептами, представляющими историческое еврейство и историческое христианство во всей полномасштабной и тем не менее «тонкой», сложнейшей живой трагедии их взаимоотношений — по этой книге, где впору поселиться лишь «христианскому» Буратино и «иудейской» Мальвине с «греческим» пуделем Артемоном, — уже стали «христианскими» куклами сотни учителей, врачей, инженеров и т. д. по всему списку тех, кто составляет именно главную аудиторию Людмилы Улицкой и одновременно, даже и сейчас, стержневой, цементирующий слой российского населения, — и не сняли свои имена из списка консультантов?..

Или хотя бы, не успев ознакомиться со всем корпусом текста до появления его в печати, — постфактум, в печати же, в почте любого «Нового мира», «Знамени», «Дружбы народов» и пр. не сделали этого?..

Или я чего не знаю, сидючи здесь в больнице на Баварщине? Может, уже и сделали. А может быть, каждый из консультантов только свою «часть» консультировал, а в другие «части» не вдавался; а целиком книгу никто за занятостью не читал...Тогда — извините, Христа ради, и будем считать, что я этого не говорил.

А впрочем — заканчивать надо за здравие, а не за упокой, тем более, что «Бог Троицу любит», — в третий же раз и говорю: книга Л. Улицкой — очень нужная, очень полезная, очень своевременная книжка. Ее сенсационный успех — лакмусова бумага нашего времени. Действительного состояния умов культурной элиты России, начиная с учителей средних классов средней школы и кончая людьми, переводящими с фламандского Хейзингу. Она потому так пришлась по сердцу многочисленным кругам широкой интеллигенции (или наоборот), что она — озвучание их представления о вещах. Точнее, того, какими должны быть эти вещи: Бог, Церковь, священник, — чтобы им придтись по душе.

Значит, — в идеале — именно такими, каковы они в книге о Штайне.

А поскольку каждое время судят, как уже говорено, не только по тому, как люди жили и действовали, а еще и по тому, ради чего они так, а не иначе жили и действовали, то есть по тому, каковы были идеалы этого времени, какой высшей мерой люди этого времени меряли себя и других, — то вот и ответ от сегодняшних нас потомкам: мерьте нас мерою не Христа, а «христианина» Штайна. Он полнее всего выразил наше представление о Боге, Его любви, Его Церкви. Обо всех вещах абсолютной-для-нас значимости.

Вот такой у нас будет с внуки-правнуки простой разговор.

А жалко.

Эта работа, казалось, несусветно долгая, занявшая и, казалось, отвлекшая меня от писания «своего» на несколько месяцев, стоившая нескольких процентов потери зрения, дала мне куда больше приобретений: полезных сведений и небесполезного, по крайней мере, продумывания многих не продуманных ранее положений. Пропущенных ранее. Принятых бездумно, на веру положений веры. Жаль расставаться с делом, которое, пусть оно и шапка не по Сеньке, обогатило меня более, чем писание иных текстов «от себя»: духовные приобретения несомненны, художественность же «моих собственных» «произведений» — сомнительна; да и что в этом общем мире под Богом — наша «авторская собственность»?

Нет слов, чтобы выразить ту степень благодарности, которую испытываю я к автору романа «Даниэль Штайн». Огромное спасибо, спаси Вас Господи, дорогая Людмила Евгеньевна. Задали Вы мне благодарнейшую работу, которую жалко оставить. Будь Ваш текст еще больше, сколько бы еще открытий чудных для себя самого сделал я внутри самого себя, грешного.

Но делать нечего: текст романа неизбежно конечен — вот и моя работа кончена.

Еже писах — писах.

Это мое слово против слова Даниэля Штайна.

И кому поверит суд.

С уваженьем, дата, подпись,— отвечайте нам, а то — если Вы не отзоветесь, мы напишем в «Спортлото».

Даниэлю Штайну, священнику, монаху и переводчику — с полным непониманием его загадочной церковной реформы; брату же Даниэлю, со-брату по профессии экскурсовода — с братским приветом и любовью,

Экскурсовод Юрий Малецкий,

юго-восточная оконечность северо-западной Европы,
Мюнхенская Канатчикова дача Хаар,
отделение 66 «Е», палата № 6,
дня того, за которым следует вечер и перед которым наступило утро
Anno Domini

31. P. S. Хроника текущего расследования: Дело Руфайзена как прототипа Штайна

Когда непонятный мне самому, как все в «казусе Штайна», зимний «дуркин» марафон подходил-таки к концу, выдыхаясь, но и выдыхая все подряд, как всегда бывает напоследок, — словом, когда я уже на автопилоте заканчивал эту беспримерно-безразмерную для «живого отклика», да и для «критической статьи» телегу, — вдруг появились новые для меня сведения, снова здорово запутывающие уже, казалось, законченное расследование. Чтобы жизнь медом не казалась, чтобы не думать, что странности «дела Штайна» подлежат исчерпанию в принципе. Речь на сей раз идет о прототипе Даниэля Штайна — Даниэле Руфайзене.

Из Москвы мне компетентно, уверенно сообщили, что штайнова «литургия», приведенная в романе, стопроцентно является литургией, составленной самим Руфайзеном, практиковавшейся им и специально переведенной для романа с иврита на русский — слово в слово. Сами понимаете (а кто не понял — см. выше), какие тогда возникают вопросы...

Наконец, уже махнув рукой, — гори огнем, — готовясь уже закрыть в отчаянии компьютер, вдруг в последний момент случайно мы с моим единственным консультантом вышли на неизвестный нам прежде английский сайт, на котором публикуется форум «евреи-католики», или «еврейско-католический форум», *as you like*, — и, «въехав» туда и задав пару вопросов, получили вот какие сведения от двоих из его бывших прихожан: да, Руфайзен действительно, как и Штайн в книге, был иеромонахом Кармелитского ордена в Хайфе, и по общей канве все правда, — но только, в отличие от нашего героя, он никакой еретико-схизматической самодеятельности себе не позволял, во всяком случае, никто не помнит, чтобы он даже ставил вопрос о Св. Троице, а не то чтобы отвергал Ее. Точно так же и с остальными сомнительными вещами.

Напротив, он был не только добр и отзывчив, как Штайн в книге, но и — примером католического священника без каких-либо догматических погрешностей и канонических нарушений. Отношение к нему было настолько хорошим, что его не только никто не запрещал в служении, но даже вроде бы «наверх» поступило от его прихожан предложение рассмотреть вопрос о его возможной беатификации, то есть причислении если не к лику святых, то к лику блаженных, и будто бы Церковь, не спеша с этим, тем не менее не отказалась в принципе рассмотреть этот вопрос. Это уже очень «положительная оценка» его церковной деятельности католической Церковью. О «литургии» же и на этом форуме никто ничего не знает, но согласились с нами, что либо она была именно такой, что приводится в романе, — и тогда не то что о беатификации, но о разрешении в служении придется забыть, — либо этой «литургии» все-таки не было и ее не служила община Руфайзена, как не было и всего прочего вот-етого-самого, — и тогда все согласуется.

Поскольку сведения эти идут на форуме от двух частных лиц, не являющихся официальными представителями католической Церкви, —

то и не то что проверить, а ясно представить себе степень правдивости и компетентности этих «показаний» мы толком не можем. Но по всему тону и деталям дела — говорят они это искренно и во всем, за исключением «литургии» (они не слишком в таких материях разбираются, да и не совсем точно помнят), более-менее осведомленно.

Что ты будешь делать — снова и снова «паззл не собирается». Ничего опять не сходится, теперь уже не в книге, а в жизни — вокруг и около книги. Как двоится и на трезвую голову образ Даниэля — хорошего человека и «плохого» священника, — так теперь двоится в моих глазах и его прототип Руфайзен. И, заметьте — никаких концов не связать, нет такой возможности. Вот же безнадега, навязались оба Даниэля на мою бедную голову, — и зачем я только согласился с ними повестись... Нет, как хотите, а Штайн-то вышел прав: без греков-вредителей тут точно не обошлось...

...А все-таки послушали бы доброго совета человека, выросшего на большой реке: не ходили бы вы лучше за Даниэлем в Небо гулять пешком, в «ледовый поход» через всю большую и долгую, как путь к Господу Богу нашему, реку; даже когда на ней не тонкий лед, даже когда она и как следует замерзнет, в январе там, — все равно по проторенной дороге, по хорошей постройки мосту то есть, как-то оно будет вернее... Знал я пару самарских случаев — чем кончились шутки с любимой Волгой, лучше и не вспоминать.

32. P. P. S. Хроника текущего расследования: последние новости

Уж мы с моим приятелем и консультантом было положили дело в папку, а папку отправили в дальний ящик, где хранятся, как ныне выражаются следственные органы, «висяки», то есть дела не только не расследованные до конца, но — не поддающиеся конечному расследованию в принципе.

Уж мы было успокоились, отвлеклись на чтение в Интернете Латыниной, Радзиховского или Быкова, — уж мы только было заспорили о своем-вечном (мой приятель — Штато-фил, а я, грубо говоря, Штатофоб), — как вдруг дело Руфайзена-Штайна властно напомнило о себе.

Вдруг на упомянутый выше форум на наш запрос поступило крайне важное сообщение.

Вот оно в переводе с английского. Главное — подчеркнуто.

(Нижеследующий отрывок из обзорной статьи Менахема Бенхайма ставит, как мне кажется, точку над «и» в вопросе о духовной эволюции Освальда Руфайзена alias брата Даниэля. Примечательно, что автор статьи, сам будучи евреем-протестантом, может позволить себе судить о ситуации евреев-католиков достаточно беспристрастно. Харизма Руфайзена сказывается и в том, что Бенхайм сохраняет дружбу с ним, несмотря на его еретические воззрения. Остается открытым вопрос, действительно ли Руфайзен был в конце жизни запрещен в богослужении, как о

том повествует Улицкая. И если самому Руфайзену необходимо вменить в вину то невероятно фальшивое положение, в которое он себя поставил, проповедуя свой еврейский иезуанизм в облачении католического священника, то и сама Римская Церковь заслуживает упрека за то, что она в лице своей иерархии до последнего воздерживалась от прещений против очевидного вероотступника.)

Иудейское католическое комьюнити

Вскоре по прибытии в Израиль мы встретились с членами крошечного сообщества иудеев-католиков. Дело происходило спустя несколько месяцев после того, как в 1962 г. Верховный Суд Израиля отклонил прошение члена Ордена кармелитов Освальда[10] *Руфайзена о получении израильского гражданства, руководствуясь при этом Законом о Возвращении.*

Руфайзен просил о законном признании его этническим евреем, но католиком по вероисповеданию. Решение суда означало, что — согласно Закону о Возвращении — еврейство (то есть этническое происхождение) нельзя отделить от иудаизма (то есть от вероисповедания).

Руфайзен утверждал: «Израиль — атеистическая теократия, тут атеисты из партии «МАПАМ» (марксисты-сионисты) *состоят в правительственной коалиции с представителями ультраортодоксальных группировок. И нет оснований отказывать в гражданстве евреям-христианам».*

В то время Руфайзен производил впечатление истинного католика, придерживавшегося консервативных убеждений, оставаясь при этом не менее убежденным сионистом, искренно лояльным Израилю, но живущим надеждой создать в стране сообщество евреев-католиков.

Руфайзен родился в традиционной еврейской семье в 1922 г. и был активным участником сионистского социалистического движения в Польше перед Второй мировой войной. Благодаря свободному владению немецким, он попал в категорию «фольксдойч» (то есть немецкое землячество, проживающее вне Германии) и поэтому служил во время войны переводчиком в немецкой оккупационной администрации в Польше. Таким образом ему удалось спасти от смерти сотни евреев и партизан.

Выданный предателем, он нашел убежище в католическом монастыре. Скрываясь там, он прочитал Новый Завет и другую христианскую литературу, принял крещение и после войны вступил в орден кармелитов. Потом Руфайзен попросил руководство о переводе его в расположение ордена в Хайфе. Там он решил попробовать натурализоваться согласно Закону о Возвращении, автоматически гарантировавшему израильское гражданство любому еврею вне зависимости от страны проживания. В то время в законе не существовало официально принятого определения понятия «еврей», не было определено также, до какой степени принадлежность к иудаизму (или, наоборот) либо к любому иному вероисповеданию могла повлиять на получение израильского гражданства (согласно Закону о Возвращении).

---

[10] Его имя Освальд Даниэль (Дитер) Руфайзен — *ред.*

Только позже было определено (а в Закон была введена соответствующая поправка), что светский закон о возвращении толерантен к атеизму или даже к любой враждебной (по отношении к иудаизму) идеологии, но только не к вере в Иешуа как в пророка, Мессию, Спасителя или Сына Божия. Ибо, согласно Закону о Возвращении, таковая рассматривалась как несовместимая с еврейской национальностью в Израиле[11]*. Невзирая на предупреждения многих местных общественных и др. лидеров о несвоевременности подачи судебных апелляций по данному поводу, принявший иудаизм американец Джеймс Хатченс в 1974 г., а за ним евреи по происхождению Эйлин (Эстер) Дорфлингер в марте 1979 г. и Бересфордс из ЮАР в 1989 и 1992 гг. все же подали свои апелляции, которые не были удовлетворены. Каждый последующий отказ еще более ухудшал статус Мессианских евреев. Единственным положительным моментом становилась все более широкая огласка нашего существования.*

В 1963 г. в той же Хайфе мы познакомились еще с одним иудеем-кармелитом, Элиасом Фридманом. Он был врачом из ЮАР, крестившимся во время войны при прохождении военной службы. У него также были друзья среди Мессианских евреев, и он написал работу на данную тему (позже опубликованную) под названием «Еврейская идентичность, или Что значит: быть евреем». Он пытался создать особый еврейско-католический ритуал, который смог бы получить одобрение Святейшего Престола, подобно ритуалу маронитов, мелькитов и др.,[12] *при условии литургической и организационной автономии внутри единой Церкви.*

Фридман двигался в данном направлении и основал независимую Ассоциацию евреев-католиков.

Руфайзена же жизнь в Израиле развернула в сторону позиции, которую Фридман и еще более консервативные католики посчитали еретическим отклонением от доктрины и практики Церкви. Руфайзен открыто выражал сожаление по поводу своего обращения в суд и создания таким образом прецедента, который можно было использовать против евреев-христиан, иммигрировавших в Израиль.

Еще до вынесения судебного решения Руфайзену было предложено принять израильское гражданство через натурализацию, что впоследствии он и сделал.

Теперь Руфайзен полагает, что с подавлением изначального движения евреев-христиан ко времени Константина Церковь не могла более считаться «католической» в том смысле, в котором определил ее Павел в

---

[11] Верховный суд Израиля постановил отменить решение израильского Министерства внутренних дел в отношении прошения Бредфорда и др. от декабря 1992 г. об отказе в предоставлении им статуса евреев по Закону о Возвращении.

[12] Мароните — поместная арабская католическая Церковь византийского обряда; мелькиты-католики (есть еще мелькиты-оротодоксы) — поместная католическая Церковь западно-сирийского обряда. Т.е. Фридман хотел создания, не выходя за рамки католической Церкви, *католической поместной* Церкви еврейского обряда. — *Ю.М.*

Послании к Эфесянам, да и Реформатская церковь была ничуть не лучше. Во время встречи руководителей конгрегаций иудеев-мессианистов, он порицал то, что сам определил как импортированный с Запада евангелизм протестантского типа.

Хотя мы не всегда и не во всем с ним соглашаемся, Руфайзен — человек, определенно вызывающий симпатии, за плечами которого поистине героическое прошлое и дружбой с которым я продолжаю дорожить. Его опыт духовных страданий отражает реальность переживаний евреев, хотя и принявших веру в Иешуа, но пострадавших в качестве евреев, оставшихся верными сынами своего народа и страстно жаждущих найти возможность обрести еврейскую «составляющую» нашей веры. Он осознает свой долг перед римско-католической Церковью, и не только потому, что обязан ей своим спасением во время Холокоста, но и в связи с тем, что тем самым он познакомился с Евангелием; протестантство же в качестве еврейского христианства не представляется ему подходящей альтернативой.

Сколько ни зависай, — когда-нибудь провиснешь.

Таким образом, Руфайзен все-таки поставил себя вне Церкви и был запрещен в служении.

Интересно, что когда мы вышли на эту информацию, мне прислали из Москвы запись беседы Людмилы Улицкой с Виктором Шендеровичем, где она, среди прочего, рассказывает о том, что писала кончину своего героя, не зная, чем окончились дело и жизнь Руфайзена, и вот тут к ней приехал один итальянский священник и сказал — именно так, как в книге, и произошло: Руфайзен умер хоть и своей смертью, но на следующий день после его смерти пришло запрещении его в служении.

«*Можете себе представить, как удивило меня то, что все так сошлось*», — в восторге говорит автор. То есть выходит, что это совпадение каким-то образом льет воду на мельницу романного Даниэля.

Но каким?

Я не смог додуматься ни до чего, кроме: это лишний раз говорит о том, что Церковь, в данном случае западная, «*полностью отвергает Христа*», раз уж запрещает в служении такого праведника, как Даниэль. Другого ничего придумать не удалось.

А на то, что подумалось, ответить могу так: во-первых, в данном случае не Церковь отвергает Христа, а — она отвергает того, кто сам отвергает Христа, редуцируя и непоправимо обедняя Его, — хотя бы и считал себя истинным христианином. И странно, что итальянский священник не сказал это автору — в качестве комментария к тому, что сам же сообщил. Или — автор услышал ровно столько, сколько хотел услышать.

Во-вторых, совершенно непонятно, почему обстоятельства смерти Руфайзена для автора удивительны: пиша эту книгу долго-предолго, под впечатлением от Руфайзена сильным-пресильным, странно-престранно, что автор не поинтересовался как следует судьбой штайнова прототипа с 1992-го, с тех московских посиделок. Ведь автор переписывается

с его родным братом и другими близкими к нему лицами — и что ж, пока итальянец-священник не приехал и не сказал, Улицкая оставалась не в курсе обстоятельств кончины человека, произведшего на нее столь сильное впечатление?..

Опять ничего не понимаю. Если бы я хоть раз в жизни встретился с человеком, находящимся «*всегда в присутствии Бога*»... Уж я бы до конца своей жизни интересовался, как он поживает, жив ли еще — и что еще говорит и свершает.

Но вот что кажется здесь важнейшим: оказывается, вполне можно, будучи и монахом-кармелитом в Хайфе, и т. д., то есть будучи поставленным в условия, точно соответствующие обстоятельствам места-времени жизни-действования Даниэля Руфайзена-Штайна, — совершенно изменить обстоятельство образа действия.

Можно, оказывается, действовать столь же активно во «*спасение людей*», используя для этого возможности, предоставляемые Церковью, не обходя и тем более не нарушая церковных установлений.

Жизнь и деятельность Элиаса Фридмана в те же годы в том же монастыре, где находился и Руфайзен-Штайн, является оппозицией к жизни-деятельности нашего героя и его прототипа — и прекрасным примером истинного понимания истины Христовой. Что говорит и о Церкви: возможности, предоставляемые ею, чтобы служить делу «*спасения Израиля*», причем всемирному, а не только в одном приходе города Хайфа, — вполне достаточны, чтобы не ставить над ними «нигил», не составлять свои единолично-общинные мессы и не изобретать секту внутри Церкви, что невозможно для Церкви и гибельно для секты. Ибо одно дело вступить в секту, а потом, разочаровавшись в ней, войти в Церковь, а другое — уже будучи в Церкви, изменить полноте истины и, круша все на своем пути, отколоть от Церкви секту, чтобы откалывать в ней фантастически-трагикомичные номера.

Эти внутрицерковные возможности, как выясняется из приведенного материала, были таковыми же — «*необходимыми и достаточными*» — и в 60-е годы. Так что ничем иным, кроме фэнтезийной мечтательной упертости, помноженной на плохое знание и понимание Христа и Его Церкви, остросюжетные «церковные» похождения Руфайзена-Штайна объяснить нельзя. Причины же восхищения штайновой деятельностью и образом веры я постарался — насколько сам могу их понять — объяснить.

Да только вот какая штука: жизнь Элии Фридмана не столь легендарно-остросюжетна и в беллетристическую работу не годится. Она вдохновила бы разве какого-нибудь Бернаноса и ма-аленького Брессона...

Однако, как бы то ни было, в расследовании «дела Руфайзена» можно поставить точку.

Дело же Штайна живет — и, к несчастью, едва ли не побеждает.

Выражаю искреннюю признательность своему другу, собеседнику и консультанту Е. Стародубскому

33. Приложение

Анафора и порядок ее совершения в современной католической мессе (литургии)[13]

I. Анафора: в Евхаристической молитве, молитве благодарения и освящения, мы приходим к сердцу и вершине богослужения.

В Префацио (Предначинании) Церковь возносит благодарение Отцу через Христа в Духе Святом за все Его дела: творение, искупление и освящение. Вся община присоединяется тогда к неустанной хвале, которую Церковь Небесная, ангелы и все святые поют Трисвятому Богу.

В эпиклесисе она молит Отца ниспослать Духа Святого (или силу Своего благословения) на хлеб и вино, чтобы они Его силою стали Телом и Кровью Иисуса Христа и чтобы те, кто участвует в Евхаристии, стали единым телом и единым духом (в некоторых литургических традициях эпиклесис следует за анамнесисом).

В повествовании об установлении Евхаристии сила слов и действия Христа и сила Духа Святого делают сакраментально присутствующими под видом хлеба и вина Тело и Кровь Христа, а также Его Жертву, принесенную за нас на Кресте раз и навсегда.

В следующем за тем анамнесисе Церковь вспоминает Страсти, Воскресение и пришествие во Славе Христа Иисуса; она приносит Отцу приношение Его Сына, Который нас с Ним примирил.

В ходатайственных молитвах Церковь подчеркивает то, что Евхаристия совершается в общении со всей Церковью, земной и небесной, с живыми и умершими, а также в общении с пастырями Церкви, с Папой, с епископом епархии, священниками и диаконами, епископами всего мира с их Церквами.

II. Нижеследующие молитвы занимают в ordo missæ место между молитвой приношения, заканчивающейся как на Западе, так и на Востоке троекратным «*Свят, свят,свят Господь Савваоф*», и анамнезисом (молитвой воспоминания). Функционально они соответствуют восточной эпиклезе, следующей однако уже после установительных слов «*Сие есть тело Мое*», «*Сия есть кровь Моя*» и отягощенной позднейшею вставкой — так называемой *молитвой третьего часа.*

Евхаристические молитвы (эпиклезы) латинского обряда Preces eucharisticae[14]

Евхаристическая молитва, или Римский канон
Prex Eucharistica I seu Canon Romanus
(Традиционная эпиклеза supplices rogamus,
на которую ссылается всемирный катехизис)

127. Священник, простирая руки, говорит:

Тебя, всемилостивый Отче, ради Иисуса Христа, Сына Твоего, Господа нашего, смиренно просим и молим

сложив руки, говорит:

прими

---

[13] Согласно Полному Католическому Катехизису под ред. Й. Ратцингера (ныне Папы Бенедикта XVI). С. 327-328.

[14] См.: http://www.narvacatholic.narod.ru/praerbook/missa_ru.html

осеняет крестным знамением одновременно хлеб и чашу, говоря:

и благослови эти дары, эти приношения, эту святую, непорочную жертву.

Простирая руки, продолжает:

Мы приносим ее Тебе прежде всего за Твою святую Вселенскую Церковь; вместе со служителем Твоим Папой нашим N, епископом нашим и всеми православными исповедниками вселенской и апостольской веры благоволи умирить, сохранить и соединить Церковь Твою и царствовать над нею по всей земле.

.....

132. Простирая руки над дарами, произносит:

Молим Тебя, Боже, приношение наше наполни благословением Своим, освяти и прими, да станет оно для нас Телом и Кровью Возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа.

Соединяет руки.

Евхаристическая молитва. Prex Eucharistica III

154. Священник, простирая руки, говорит:

Воистину свят Ты, Господи, и справедливо хвалит Тебя все творение, ибо через Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа, силой Святого Духа Ты все животворишь и освящаешь и неустанно собираешь народ Твой, чтобы по всей земле приносилась жертва чистая имени Твоему.

.....

156. Соединяет руки и, держа их простертыми над дарами, произносит:

Поэтому смиренно молим Тебя, Господи, силой Духа Твоего освяти эти дары, которые мы приносим Тебе,

сложив руки, осеняет затем крестным знамением одновременно хлеб и чашу, со словами:

чтобы они стали Телом и Кроівью Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа.

Соединяет руки.

По Его повелению мы и совершаем эти тайны.

Пример современной эпиклезы из раздела «евхаристическая молитва, которая может использоваться в мессах о различных нуждах Prex Eucharistica quae in Missis pro variis necessitatibus adhiberi potest

Священник, простирая руки, говорит:

Воистину Свят Ты, Господи, и Тебе подобает слава, человеколюбивый Боже, всегда сопутствующий людям на стезях жизни. Воистину благословен Сын Твой, который среди нас пребывает всякий раз, когда Его любовью мы собраны воедино, и, как некогда ученикам Своим на пути в Эммаус, изъясняет нам Писание и преломляет хлеб.

.....

4. Соединяет руки и, держа их простертыми над дарами, произносит:

Итак, молим Тебя, всемилостивый Отче, ниспошли Духа Твоего Святого, чтобы Он освятил эти дары, хлеб и вино.

Сложив руки, осеняет затем крестным знамением одновременно хлеб и чашу, со словами:

Да станут они для нас Телом и Кровью

соединяет руки

Господа нашего Иисуса Христа.

III. Тридентский оригинал SUPPLICES ROGAMUS. Canon Missæ[15]

Finita præfatione, sacerdos extendens, elevans aliquantulum et iungens manus, elevansque ad cælum oculos, et statim demittens, profunde inclinatus ante altare, manibus super eo positis, dicit:

TE IGITUR, clementíssime Pater, per Iesum Christum, Fílium tuum, Dóminum nostrum, súpplices rogámus ac pétimus osculatur altare et, iunctis manibus ante pectus, dicit: uti accépta hábeas, et benedícas signat ter super hostiam et calicem simul, dicens: hæc dona, hæc múnera, hæc sancta sacrifícia illibáta; extensis manibus prosequitur: in primis quæ tibi offérimus pro Ecclésia tua sancta cathólica; quam pacificáre, custodíre, adunáre, et régere dignéris toto orbe terrárum: una cum fámulo tuo Papa nostro N., et Antístite nostro N., et ómnibus orthodóxis, atque cathólicæ et apostólicæ fídei cultóribus.

Commemoratio pro vivis

Meménto, Dómine, famulórum famularúmque tuarum N. et N. iungit manus, orat aliquantulum pro quibus orare intendit: deinde manibus extensis prosequitur: et ómnium circumstántium, quorum tibi fides cógnita est et nota devótio, pro quibus tibi offérimus: vel qui tibi ófferunt hoc sacrifícium laudis, pro se suísque ómnibus: pro redemptióne animárum suárum, pro spe salútis et incolumitátis suæ: tibíque reddunt vota sua ætérno Deo, vivo et vero.

Pro Communicantes propr., ut infra.

Infra Actionem

Communicántes, et memóriam veneréntes, in primis gloriósæ semper Vírginis Maríæ, Genitrícis Dei et Dómini nostri Iesu Christi: sed et beáti Ioseph, eiúsdem Vírginis Sponsi, et beatórum Apostolórum ac Mártyrum tuórum, Petri et Páuli, Andréæ, Iacóbi, Ioánnis, Thómæ, Iacóbi, Philíppi, Bartholomæi, Matthæi, Simónis, et Thaddæi: Lini, Cleti, Cleméntis, Xysti, Cornélii, Cypriáni, Laurentii, Chrisógoni, Ioánnis et Páuli, Cosmæ et Damiáni: et ómnium Sanctórum tuórum; quorum méritis precibúsque concédas, ut in ómnibus protectiónis tuæ muniámur auxilio. Iungit manus. Per eúndem Christum Dóminum nostrum. Amen.

.....

Quam oblatiónem tu, Deus, in ómnibus, quæsumus, signat ter super oblata, benedíctam, adscríptam, ratam, rationábilem, acceptabilémque fácere dignéris: ut nobis signat semel super hostiam, Corpus, et et semel super calicem, Sánguis fiat dilectíssimi Fílii tui, iungit manus, Dómini nostri Iesu Christi[16].

---

[15] По изданию 1962 года.

[16] См.: http://www.ecclesiacatholica.com/missale%20romanum/ordo_missae.htm

От редакции

На повестке дня — создание Новой России. России посткатастрофической, — не просто постсоветской, какой она является по факту, не просто мелкобуржуазным отстойником банальностей, но страны, устремленной в будущее и помнящей о вечном. Выдвигаются разные, подчас эксцентрические или откровенно мракобесные проекты ее формирования и обустройства. В этом контексте разговор о Новой России, о новом народе не может не стать одной из главных тем «Континента».

Вполне закономерно, что здесь не обойтись без обсуждения проблемы образования и воспитания. Мы начинаем его публикацией статьи нашего постоянного автора и одного из крупнейших русских публицистов современности, к основным положениям которой журнал еще будет возвращаться.

Юрий КАГРАМАНОВ

БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ В ШКОЛЕ

В начале жизни школу помню я...
А. С. Пушкин

В дискуссионном порядке хочу поделиться следующим соображением. При соответствующей (масштабу объективно стоящих перед нами задач) постановке образовательно-воспитательной работы школа может стать локомотивом, способным вытащить нашу страну из того серого тумана, в который она погружена.

Виды «Педагогической провинции»

Идея школы как общественного авангарда не нова. Даже мое поверхностное знакомство с историей педагогики позволяет мне привести целый ряд прецедентов. Те, кто знаком с нею лучше меня, смогут, наверное, привести и другие.

Как увидит читатель, смысловое наполнение идеи (которая иногда с большим или меньшим успехом проводилась в жизнь) от случая к случаю сильно менялось. Позитивное в ней соседствовало с негативным, и, навер-

Юрий КАГРАМАНОВ — родился в 1934 году в Баку. Окончил Исторический факультет МГУ. Автор книг и статей по западной и русской культуре и философии, публиковавшихся в журналах «Вопросы философии», «Новый мир» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

ное, негативного было больше. Что, однако, не должно дискредитировать саму идею. Abusus non tollit usum, «злоупотребление не отменяет (правильного) употребления».

Идея, о которой идет речь, нашла четкое выражение в годы «второй педагогической революции», приходящейся на середину и конец XVIII века. У Руссо читаем: «*Эмиль* (образ воспитуемого. — *Ю. К.*) — *сирота. Не важно, есть ли у него отец и мать. Взявши на себя их обязанности, я* (воспитатель. — *Ю. К.*) *наследую и все их права. Он должен почитать своих родителей, но слушаться он должен меня одного*»[1]. Здесь уже сказано главное, что отличает новые веяния: воспитатели отрывают детей от родителей (но также и от Церкви, и от государства). Другой вопрос, ради чего они это делают.

Еще один философ-просветитель (и самый известный, после Руссо, педагог того времени) Ж. А. Кондорсе придал своей педагогической программе другое направление: он резко выступил против гуманистической традиции с ее филологическим уклоном и упором на древние языки; ей он противопоставил естественные и точные науки, каковые, по его мнению, должны формировать ум ученика (концепция, близкая тому, что позднее назовут сциентизмом). Что для нас здесь особенно интересно, это представление о самозаконности школы, в которой, по убеждению Кондорсе, должна править «чистая наука», указывающая путь в «царство Разума», и которая должна стать «четвертой властью» — наряду с исполнительной, законодательной и судебной.

Мечта просветителей о производстве на свет «новой породы людей», казалось, переместилась в практический план в период революции 1789 — 1794 гг. По мере ее (революции) углубления выдвигались все более радикальные проекты реформы школы. В конечном счете революционный Конвент предложил одному из самых известных своих членов Л. М. Лепелетье выработать единый проект. Выступая с высокой трибуны и возведя очи Горе (не горé, а Горе — к верхнескамеечникам-якобинцам, монтаньярам), Лепелетье изложил основные его положения: место прежних школьных учреждений займут Дома национального воспитания — интернаты, в которые все без исключения родители обязаны будут отдавать своих детей, начиная с пятилетнего возраста; здесь детей будут растить в духе «свободы, равенства и братства», однако с сильно выраженным аспектом на равенстве, каковое обеспечат одинаковые школьные программы, одинаковое питание, форма одежды и т. д. Проект Лепелетье был принят Конвентом, но осуществить его не успели. А с приходом к власти Наполеона произошло возвращение, хотя бы частичное, к старым школьным учреждениям, разве что преподаванию естественных и точных наук стали уделять больше внимания.

Французские эксперименты побудили Гете выступить со своим «ответом»: им стал образ «Педагогической провинции» в «Годах странствий Вильгельма Мейстера». Это именно провинция, то есть определенная территория, более или менее изолированная от остальных территорий. В этом своего рода «заповеднике» выращиваются «прекрасные души», предающиеся чувствительным отношениям и приверженные занятиям искусством; «толпа», «чернь» остаются за его пределами. Образ Гете полемичен и не вполне

[1] *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании. М., 1896. С. 27.

отражает его представления об элитарности (ср. замечание Фауста о гуляющем народе: «Как человек, я с ними весь»).

Кант подвел итог педагогическим поискам современников, вышелушив в них рациональное зерно: детей надо готовить не для настоящей жизни, а для будущей. Против чего, как я полагаю, трудно что-либо возразить.

Последующее развитие европейской педагогики происходило относительно плавно, без резких толчков. Лишь в XX веке зафиксированы резкие толчки — в Соединенных Штатах и особенно, конечно, в Советской России.

В конце XIX — начале XX века американцы переживали так называемый «позолоченный век», когда капитализм в своем бурном развитии впервые показал, на какие «гримасы» он способен. Моральная дезориентация стала обычным явлением, по крайней мере, в больших городах. Ее усугублял и другой фактор — волна иммиграции, пока еще почти исключительно европейской. Часто можно услышать, что Америка, де, сильно выиграла от иммиграции, ибо вбирала наиболее энергичную и инициативную часть европейского населения. С одной стороны это так, но тут есть и другая сторона. Наряду с инициативными и энергичными за океан устремлялась всякая шваль — преступники, искатели легкой наживы и просто грубые или огрубевшие (что часто случается с теми, кто оторвался от родной почвы) люди. Америка не могла сразу переварить всю эту человеческую массу. И вообще связка семья-церковь-школа уже не работала с той эффективностью, с какой она работала прежде.

Что было делать? Попытка регулировать семейную жизнь посредством законодательных мер всегда дает более чем скромные результаты. Возможности христианских институций ограничены; это относится даже к протестантским церквам с их напористым миссионерством. Оставалась школа. Некоторые видные педагоги, такие как Дж. Коу или Л. Кольберс, выступили с требованием «диктатуры школы», которая должна стать «кузницей американского характера» и «моделью Справедливого Сообщества». Но верх тогда взяла концепция Дж. Дьюи, самого влиятельного (тогда, как и сейчас) из американских философов и педагогов. Дьюи тоже пришел к выводу, что школа преображает действительность, но выступил против «чрезмерного» влияния педагогов, равно как и родителей. Характерная американская вера в человека была перенесена им на подрастающие поколения: дети, утверждал Дьюи, сами найдут правильные пути в меняющейся жизни. Какие результаты дала педагогическая система Дьюи? Не такие уж и плохие, если судить по цветочкам. Вот только ягодки «подвели».

О перипетиях школьного дела в Советской России я скажу дальше, а сейчас хочу лишь обратить внимание на некоторые моменты.

Раннесоветская школа была проникнута не столько даже большевистским, сколько анархическим душком, но некоторые идеологические постулаты ей были твердо предуказаны. Одним из главных было требование оторвать детей от родителей. Уже в 1918 году руководящий деятель наркомпроса З. И. Лилина (жена Г. Е. Зиновьева) заявила: «*Мы должны избавить детей от разлагающего влияния семьи*»[2]. На той же позиции стояла и Н. К. Крупская,

[2] Цит. по: *Гессен С.И.* Педагогические сочинения. Саранск, 2001. С. 226.

фигура № 1 в коммунистическом «просвещении». Эта политика достигла определенного успеха. Те, кто жили в 20-е годы, помнят, какая дистанция образовалась между возведенными в ранг «будетлян» детьми и их «отсталыми» родителями.

В 30-е поменялся знак времен, и вроде бы семья была «реабилитирована». Но — под всепокрывающей эгидой власти. В школьниках стали воспитывать «слуг государства»: в э т и х рамках процвел дух своеобразного героического идеализма, впору так его назвать. В «сгущенном» виде его продемонстрировала известная коммуна А. С. Макаренко (но тут уже слово «идеализм», до сих пор оставленное мною, после некоторого размышления, без кавычек, никак нельзя не заключить в кавычки). Заметим, что школа Макаренко — интернат; к тому же дети, которые сюда поступали, были беспризорниками, задолго до поступления лишившимися родителей. В этом интернате вчерашних «рыцарей финки» перековывали в «рыцарей социализма» (на коллективных фотографиях обращают на себя внимание грубоватые лица и безвкусное сочетание галифе с тюбетейками), внушая им представления о «долге» и «чувстве чести». Сами себя они именовали «горьковцами» (А. М. Горький считался их патроном) или «чекистами»; последнее именование уже во второй половине 50-х годов коробило читателей «Педагогической поэмы»: романтизация ЧК, характерная для 30-х, становилась непонятной. Интересно было бы узнать, какие «корректировки» происходили в головах питомцев Макаренко, когда они приходили (очень многие приходили) работать в ЧК-НКВД и непосредственно сталкивались с реальностями, которые эта организация в себе заключала; кажется, никто из них не нашел нужным поделиться воспоминаниями на сей счет (ума не хватило, или, наоборот, хватило ума «не высовываться»).

Вообще говоря, служение государству тоже есть дело чести, весь вопрос в том, к а к о м у государству и к а к служить.

Нельзя, однако, не признать, что там, где подобных «сгущений» не было, героический идеализм обнаруживал и свою позитивную сторону. В 41-м выпускники школы, не только мужского, но часто и женского пола, за редкими исключениями рвались защищать родину, — случаи такого массового энтузиазма в истории можно пересчитать по пальцам. Да и в мирное время многие из них привносили в жизнь понятия о чести и долге, хотя бы и в ограниченном их смысле. Мережковский писал, что у большевиков есть свои к а к б у д т о святые. Аналогичным образом можно сказать, что советская школа воспитывала в детях к а к б у д т о «людей чести» и «людей долга». Потому что над обыденностью их приподнимала ложная коммунистическая идея. И когда из нее вышел воздух и в руках остался один обман, школа (на уровне ученического состава) стала превращаться в инкубатор цинизма и расчетливого приспособленчества. Циники 90-х годов, ставшие у нас хозяевами жизни, — все выпускники позднесоветской школы.

Уже post mortem советская образовательная система выдает на свет некоторые свои, так сказать, остаточные продукты. Примером может служить шестисотстраничный труд живущего в США В. Цаплина «Странная цивилизация». Центральная идея книги — преображение человечества посредством школы. Новая всемирная школа должна представлять собою систему интерна-

тов, куда родители будут отдавать детей уже по достижении ими одного-двух (!) лет (они будут делать это добровольно, но, судя по всему, предполагается такая атмосфера, когда оставлять детей дома будет не принято). У выпускников ее непременно возникнет желание «построить весь мир в соответствии с принципами, усвоенными в школе». И далее пишет автор: «*Поколения выпускников школ-интернатов постепенно заменят старшие поколения Земли в соответствии с естественной логикой смены поколений, образуя человечество, состоящее в основном из личностей с полноценным мышлением*»[3].

Проект Цаплина не только утопичен, но и анахроничен: ни американцы, ни русские на эту приманку уже не клюнут. «Обаяние» науки осталось в прошлом; она во многом переустроила человеческие мозги, но в мировоззренческом плане утрачивает прежнее значение, уступая место дурной мистике. Гораздо более «современной» выглядит поэтому книга американских психологов Л. Кэррол и Дж. Тобера «Дети Индиго»[4]. Содержание ее вкратце таково. В американских школах нежданно объявляется популяция детей, резко непохожих на всех остальных. Они легко впитывают всевозможные знания, но по большому счету призваны не столько учиться, сколько учить. Эти «дети Света», «дети Нового тысячелетия» посланы на Землю какими-то таинственными силами (право на дидактику, отнятое у учителей, передается таинственным силам); недаром экстрасенсы усматривают вокруг их голов синюю ауру. Их задача — помочь планете перейти в состояние «Божественной женственности».

Фантастика, очевидно, но отвечающая на запросы все более осознающего свою ущербность общества.

Как видим, идея уже два с половиной столетия витает в воздухе. Так или иначе она связана с революционными преобразованиями, по своему смыслу далеко не всегда позитивными, но знаменующими неизбежность ломки общества, именуемого традиционным.

Об одном забытом споре

Бисмарку приписывают знаменитую фразу: «*Битву при Садовой выиграл немецкий школьный учитель*»[5]. Наверное, в этих словах есть доля правды. Но в таком случае придется признать, что и катастрофа, постигшая Герма-

---

[3] *Цаплин В.* Странная цивилизация. М., 2006. С. 396, 404. Но какое мышление автор считает полноценным? Оказывается, то, которое складывается под влиянием естественных и точных наук. Это точка зрения «физика» (в смысле не-лирика) 60-х — 70-х годов, только доведенная до крайности. Советская образовательная система всегда прислушивалась к «дыханью интеграла», но равным образом прислушивалась она и к тому, как «дышат» идеология и культура. А у Цаплина эти вторая и третья стороны отброшены, остается один «голый» сциентизм. Тургеневский Базаров, чьим делом было «резать лягушек», изменив своей обычной холодности, передает Цаплину воздушные поцелуи.

[4] Carrol L. and Tober J. The Indigo Children. New York, 1999. Я не сумел найти эту книгу и сужу о ней по рецензиям.

[5] В битве при Садовой (1866) пруссаки разбили австро-венгров, тем самым положив начало восхождению Германии как первоклассной военной державы.

нию в середине XX века, в какой-то мере есть результат усилий немецкого школьного учителя.

И это вопрос, касающийся не только Германии. Русская педагогическая система, особенно с середины XIX века, складывалась под сильнейшим влиянием немецкой; советский период не явился в данном смысле исключением.

Ныне советская педагогическая система лежит в развалинах, а что воздвигается на ее месте, никто не знает, паче того, мало кто этим интересуется, исключая, конечно, самих педагогов. Либерально-атеистические круги озабочены лишь тем, чтобы не стали преподавать в школах в обязательном порядке предмет, названный «основами православной культуры», все остальное пускается на самотек.

В таких условиях проектировать возрождение «великой России» (к чему и в либерально-атеистических кругах готовы приложить руку) совершенно утопично. К т о будет эту новую Россию строить? Поколение, вступающее в жизнь, в подавляющей своей массе — «потерянное поколение». Двадцать-тридцать лет должно пройти, чтобы сцену заполнили люди иного пошиба, действительно готовые к выполнению больших задач. И, конечно, таковыми они могут стать не сами собой, но в результате соответствующего воспитания.

Огромную роль в этом призвана сыграть школа. А в системе школьного образования, — таково, во всяком случае, мое убеждение, — изучение Закона Божьего.

Не все знают, что в предреволюционные десятилетия в части преподавания Закона Божьего дела у нас обстояли далеко не лучшим образом.

Фактически Закон Божий оставался где-то на периферии педагогического процесса. В основном же его русле сталкивались две педагогические системы, «классическая» и «реалистическая». Это столкновение началось в 50-е годы XIX века, то есть в период подготовки Великих реформ, и продолжалось до начала XX века.

Идеологом классического образования был известный публицист (главный редактор «Московских ведомостей») М. Н. Катков, а проводили его в жизнь министр народного просвещения (в 1866–1880 гг.) Д. А.Толстой и его преемник на этом посту (в 1882–1897) И. Д. Делянов. Катков не уставал доказывать, что в основу образовательного процесса должно быть положено античное наследие — латинская и греческая словесность — и во вторую очередь — математика. Его концепция стала обязательной для гимназий, которые отныне назывались классическими и просуществовали до 1918 года.

Читая сегодня катковские статьи, различаешь в них несколько смысловых уровней. Прежде всего, Катков — русский «империалист», неблагосклонно взирающий в сторону Европы. Но это не бóльшая неблагосклонность, чем та, с какой современный ему британский, или немецкий, или французский империалист взирал в сторону о с т а л ь н о й Европы.

Потому что Катков все-таки европеист, что особенно заметно в его статьях по вопросам образования. Россия с его позиции — органическая часть Европы и имеет такие же права на греко-римское наследие, как и ее

западные соседи. «*Европейская почва*, — пишет он, — *не значит та или другая из нынешних европейских народностей или все в совокупности; европейская почва — это почва нейтральная, общая для всех народностей* (Европы. — *Ю. К.*), *это тот мир, который называется классической древностью...*»[6] Именно опора на античное наследие позволила европейцам вырваться далеко вперед в деле развития цивилизации, приумножения наук и искусств. Позиция России в этом вопросе, по Каткову, должна быть соревновательной: вместо того, чтобы подражать современным европейцам, мы призваны идти своим путем, но из той же исходной точки.

Другой смысловой наклон катковского превознесения античности — его консерватизм[7]. Это именно тот модус катковской мысли, по которому открыли огонь «реалисты». Для Каткова латинский и греческий языки представляют особую ценность, в частности, потому, что они раз и навсегда остановились в своем развитии и уже не заключают в себе ничего «раздражающе» (как в новых языках) подвижного, и еще потому, что на этих языках созданы образцы литературы, недосягаемые для последующей эпохи. Равным образом античная история «закруглилась» давным-давно, и как бы ее ни толковать и что бы в ней ни находить, в любом случае она остается в безопасном отдалении. До некоторой степени и математика основана на «твердых началах», остающихся неизменными, и потому способствует дисциплине ума.

Нынешнему русскому патриоту (в кавычках и без) покажется странным, что Катков призывал меньше часов отводить на такие предметы, как русская словесность и история. Но Каткова можно понять: с его точки зрения в голове должен быть порядок, между тем как «чрезмерное» внимание к названным предметам может повести к тому, что «*в голове учащихся будет происходить... бессмысленнейший хаос понятий и образов, который мало того, что погубит их время, но погубит и их голову, мало того, что не научит их ничему, но и сделает их неспособными впоследствии ни к какому серьезному делу*»[8].

Но был в концепции Каткова, — как и в соответствующей ей европейской концепции образования, — еще и глубинный смысл (в котором сам Катков, возможно, не отдавал себе отчета): классическая система призвана была закрепить обмирщение, которое переживала Европа, а вслед за нею и Россия[9]. В данном случае, как и во многих других, античное наследие должно было работать против христианства.

---

[6] *Катков М.Н.* Имперское слово. М., 2002. С. 188.

[7] Богатство и разнообразие античного наследия позволяли извлекать из него, что душе угодно. Его использовали в своих интересах консерваторы — в Германии и России, но также и революционеры — во Франции (периода «великой» революции) и, в гораздо более слабой степени, в России («Четвертый сон Веры Павловны» в романе Чернышевского «Что делать»).

[8] Там же. С. 193.

[9] Ею, таким образом, был продолжен курс на секуляризацию образовательной системы, успешно проводившийся на протяжении XVIII века и частично приостановленный в первой половине XIX-го, особенно в период, когда министром народного просвещения был С. С. Уваров (1838–1849 гг.).

Недаром Катков почти не упоминает об уроках Закона Божьего: отведены ему какие-то часы, ну и ладно, не на чем тут заострять внимание.

О важности Закона Божьего Катков говорит лишь применительно к сельской школе — так называемым «начальным народным училищам», вытеснявшим с 1864 года традиционные церковно-приходские школы. Но это потому, что преподавание данного предмета велось там из рук вон плохо. Ближайший сподвижник Каткова известный педагог С. Рачинский пишет в книге «Заметки о сельских школах» (СПб., 1883), что ни Церковь, ни министерство народного просвещения не уделяют должного внимания сельским школам вообще и преподаванию Закона Божьего, в частности; в результате данный предмет, любимый, по утверждению Рачинского, большинством учеников (чему можно верить), ведут неквалифицированные преподаватели, зачастую это... отставные солдаты или церковные сторожа (в церковно-приходских школах его вели более или менее квалифицированные священники).

Но применительно к школам, воспитывавшим образованное сословие, вопрос о Законе Божьем не обсуждался: формально тут все было на месте. Гимназистов приучали «уважать» данный предмет, не слишком вникая в его суть. Можно было, отсидев положенный урок, подойти к батюшке, шаркнув ножкой, поцеловать ему руку и бежать, скажем, на «Прекрасную Елену» (комическая опера Ж. Оффенбаха с триумфом шла по городам России все предреволюционные десятилетия). И не только в порядке «развлечения»: «*голые руки прекрасной Елены*» («Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского) звали поклониться ей, как божеству, и зов этот находил широчайший отклик у гимназистов мужеска пола. В оправдание себе можно было похвалить музыкальную часть: «*Талантливая-таки бестия этот Оффенбах*» (там же)[10].

Тоже, между прочим, античное наследие, определенным образом препарированное и заправленное.

Поскольку Катков равнялся на Европу, то и его концепцию следует рассматривать в контексте европейской истории педагогики. Поворотным пунктом здесь считается «первая педагогическая революция», как ее называют, пришедшаяся на первую половину XVI века и связанная с гуманизмом. В Средние века в европейской школе, средней и высшей, господствовала схоластика, более всего ценившая «голую» логику (хотя среди scolasticus-ов были отдельные мыслители мистического склада); «опорной точкой» для нее служил Аристотель. А гуманисты «променяли» Аристотеля на Гомера и Плутарха, Вергилия и Цицерона, то есть преимущественно на изящную словесность. Они привнесли в европейскую жизнь, точнее, в жизнь верхних слоев, утонченность и артистизм, и в этом их несомненная заслуга; в то же время, хотя все они считали себя христианами, их «погружение с головой» в языческую античность вступало в явное противоречие с христианством. И тогда

[10] Оффенбах и вправду «талантливая бестия». Его музыка как бы невинно-шаловлива и лишена оттенков пошлости, которою пронизан сюжет. Для сравнения: музыка тоже очень талантливого И. Кальмана пошловата уже сама по себе, вне зависимости от сюжета.

на защиту католицизма поднялись иезуиты, которым пришлось сражаться сразу на два «фронта»: против протестантства и против гуманизма.

Первый «фронт» сейчас оставим без внимания, скажем лишь о втором. Иезуиты рано поняли, что важнейшей задачей для них является воспитание подрастающих поколений, главной же педагогической целью поставили «перехват» античности. В их школах стали преподавать тех же Гомера и Плутарха, Вергилия и Цицерона, но препарированными таким образом, чтобы сами они и многие их персонажи выглядели «христианами до Христа» (ср. с Данте, который даже своего вожатого не пустил дальше чистилища). Такой подход имел оправдания в одних случаях, но в других был явной натяжкой.

Минуя промежуточные звенья, совершим перескок в XIX век, к немецкой педагогике направления В. Гумбольдта — И. Гербарта, оказавшей прямое влияние на то, как у нас была проведена педагогическая реформа. Это направление можно назвать компромиссным, впитавшим разнородный педагогический опыт. Определенное, очень скромное место занимал в школьных программах Закон Божий (в протестантском и католическом его вариантах) и, с другой стороны, естественные и точные науки. Основное внимание уделялось древним языкам и литературам. Притом античность подавалась в трактовке, близкой к иезуитской, — лишенной натуральных красок; подобно тому, как античные скульптуры, утратив со временем первоначальную окраску, становились монотонно-белыми, так и античные персонажи становились носителями абстрактных моральных качеств: Ахилл воплощал собою мужество, Андромаха — материнское начало, Одиссей — мудрую осторожность, Нума Помпилий — благочестие, Цезарь — амбициозность, и т. д.

Определяющими для направления Гумбольдта — Гербарта стали, во-первых, рационализм и, так сказать, дробность мировоззрения, разложенного по разным полочкам-дисциплинам (эти качества, перенятые русской дореволюционной школой, были переданы ею по наследству советской школе «зрелого» периода), и, во-вторых, морализм, лишенный животворных мистических, христианских корней и основанный как будто на кантовской этике, покоящейся на рациональной конструкции, которую, — хотя бы и вопреки самому Канту, — в любой момент можно из-под нее вынуть и заменить другой конструкцией или же ничем не заменять и таким образом дать ей возможность свободно упасть.

Когда нас удивляет некоторое пренебрежение, проявленное Катковым в отношении родного языка и родной литературы, будем иметь в виду, что и это — зеркальное отражение западноевропейского опыта. В немецких гимназиях, например, изучение родной литературы даже в начале XX века заканчивалось на Гете, во французских лицеях — на Буало и Фенелоне. Притом и там, и там оно было беглым и поверхностным; основное внимание уделялось древним литературам. Удивительно, сколь долго пребывала европейская педагогика в «античном плену»! По сути, «спор Древних и Новых авторов», начатый еще в конце XVII века, был ею для себя решен в пользу новых только в XX-м.

Кстати говоря, в России, если уж решено было сделать упор на древние языки, на первое место стоило поставить греческий. Как-никак, Русь изначально несла на себе греческий отпечаток; к тому же греческий язык кра-

сивее (хотя это, конечно, субъективное суждение) и богаче латинского, а греческая культура неоспоримо богаче римской. Тем не менее на первое место в русских гимназиях была поставлена латынь, по западноевропейскому образцу[11].

Приходится сказать, что из всех Великих реформ педагогическая была наименее великой или даже совсем невеликой. Не обязательно всегда и во всем следовать по западному пути. В конце концов Россия тоже Запад, что особенно заметно сейчас, когда Восток напирает на нас (европейцев) с разных сторон. В сравнении с «более западным» Западом у нас были и остаются кричащие провалы, а в то же время есть и определенные преимущества.

Теперь о «реалистах». Главою их был Д. И. Писарев, объявивший «взятие школы» главной задачей, стоящей перед «новыми людьми». Рано уйдя из жизни, Писарев продолжал жить своими работами: все «продвинутые» гимназисты в старших классах читали такие статьи, как «Реалисты», «Школа и жизнь», «Педагогические софизмы», «Наши университеты» и другие. Автор их требовал поставить на первое место преподавание естественных наук, квалифицировав все остальные как не- и противоестественные. В поддержку своему требованию он указывал на экспансию естественных наук, на которую, кстати, уступчиво отреагировала образовательная система: я имею в виду появление и распространение реальных училищ, тоже по немецкому образцу, где предпочтение отдавалось естественным наукам.

Но для «реалистов» (не путать с реалистами без кавычек — учащимися реальных училищ) естественные науки важны были не сами по себе, но потому, что как будто позволяли извлечь из себя некоторый миросозерцательный аккорд. Писарев настаивал на исключительном «*значении естествознания для исторической жизни масс и для миросозерцания отдельного человека*»[12]. Кумиром Писарева был тургеневский Базаров, вознамерившийся отнять у России Пушкина и подложить ей какую-нибудь «Stoff und Kraft» («Материя и сила», книга вульгарного материалиста Л. Бюхнера), подобно тому, как его нестойкий попутчик Аркадий поступил со своим отцом, вздумавшим перечитать пушкинских «Цыган» («*Вдруг Аркадий подходит ко мне*, — жалуется Николай Петрович брату, — *и молча, с этаким ласковым сожалением на лице, тихонько, как у ребенка, отнял у меня книгу и положил передо мной другую, немецкую,... улыбнулся и ушел, и Пушкина унес*»).

Экспансия естественных наук уже с конца XVIII века вызвала на Западе умственное движение, склонное к универсализации естественно-научного мышления, что, как мы дальше увидим, нашло некоторое отражение и в педагогике. Но, наверное, только в России это движение приняло такие

---

[11] Тот факт, что богослужебная литература в свое время была переведена с греческого на церковнославянский, в целом имел, конечно, позитивное значение, но в нем присутствовал и негативный момент, о котором писал Г. П. Федотов: Россия оставалась в отдалении от греческой культуры и, отчасти, даже богословской литературы.

[12] *Писарев Д. И.* Избранное. М., 1968. С. 250.

вульгарные формы. Педагогика «реалистов» толкала русское общество на путь радикального, подчеркнуто приземленного, грубого обмирщения, названного у нас нигилизмом.

Прослеживая эволюцию нигилизма, от Чернышевского к Писареву и дальше, Катков писал: «*Коммуны незлобивых юношей и дев в венках и афинских костюмах, весело приходящих и уходящих* (имеется в виду «Четвертый сон веры Павловны». — *Ю. К.*), *превратились в шайки чисто разбойничьего характера*»[13]. Катков утверждал, что все нигилисты — недоучившиеся гимназисты, полагая, видимо, что если бы они в должном объеме овладевали древними языками, никакого нигилизма в России не было бы.

Сегодня мы вправе сказать, что это был спор ложного консерватизма с ложным прогрессизмом.

Что нам оставила советская школа

Начало советской школы — разрыв с традициями дореволюционной школы. Знамением его стал запрет на преподавание Закона Божьего, остававшийся в силе с первого до последнего ее дня.

В остальном, однако, разрыв оказался временным и частичным. Он относится, главным образом, к экспериментальному периоду, продолжавшемуся с первых дней большевистского переворота до начала 30-х годов включительно. Большевики пришли к власти, не имея сколько-нибудь ясных представлений о том, какой должна быть образовательная система: они всегда готовились разрушать, а не созидать. И отправным пунктом их образовательной политики стало разрушение школы — изнутри самой школы. Этим можно объяснить, почему так легко перенимаются в 20-е годы некоторые западные новации — радикальные варианты прагматистской педагогики, Дальтон-план и другие. Не обошлось и без влияния Толстого, считавшего школу «*учреждением для мучения детей*».

Особенно примечателен в интересующем нас смысле Дальтон-план: здесь правит «свобода», что выражается даже в беспорядочной расстановке учебных столов; здесь ученики сами выбирают, чему хотят учиться, а учителя из «надсмотрщиков» превращаются в простых «советчиков». Легко догадаться, какая царила здесь бестолковщина.

Не всем известно, что в экспериментальный, как я его назвал, период фактически попало под запрет изучение истории. Люди, кончавшие школу в 20-х — начале 30-х годов, не знали истории, да и в других науках сильно хромали.

Общую атмосферу школы в названный период определили грубый материализм, — не только и даже не столько в философском, сколько в бытовом модусе этого понятия, — и утилитаризм (продолжающие линию дореволюционного нигилизма) в сочетании с ура-революционным утопизмом.

Резкость перемен несколько смягчали учителя — в большинстве своем бывшие преподаватели гимназий и реальных училищ (на селе — началь-

[13] *Катков М. Н.* Имперское слово. С. 362.

ных народных училищ). Даже мое поколение еще застало в школе старых гимназических учителей. Известно, что учитель — носитель традиций: он подсознательно воспроизводит, хотя бы частично, стиль поведения учителей, которые его самого когда-то учили.

Данное обстоятельство облегчило частичное возвращение к старой школе, совершившееся в середине 30-х годов как следствие ползучего контрреволюционного переворота (полуосознанного теми силами, которые этот переворот совершили, и неосознанного массой населения). Наступала эпоха, лишенная зрения и работавшая щупальцами; в частности, щупальцы протягивались в дореволюционное прошлое, ища, чем можно там поживиться. Один из персонажей «Зависти» Ю. Олеши говорит о власть имущих: «*Девятнадцатый век втягивают они в себя, как удав втягивает кролика... Жуют и переваривают. Что на пользу — то впитывают, что вредит — выбрасывают*». Это написано в 1927 году, но гораздо более характерно для 30-х — 40-х годов.

В школе была восстановлена сетка традиционных предметов, разделение их на основные и второстепенные; восстановлена была и даже усилена, сравнительно с дореволюционным временем, дисциплина. Было возобновлено преподавание истории. Теперь, по крайней мере, учащиеся знакомились с фактами истории в их временно́й последовательности, хотя толкование их подверглось грубому искажению: ни один предмет не испытал такого давления идеологии, как история.

Возвращение к старой школе достигло своего максимума в 40-е годы, когда проводилась известная политика «огимназивания» школы. Было восстановлено раздельное обучение мальчиков и девочек (отмененное, если не ошибаюсь, уже в 1953 году)[14], восстановлена гимназическая форма для тех и других, так что даже внешне они стали походить на гимназистов и гимназисток. Говорят, что всерьез обсуждалась необходимость возвращения к институту педелей (надзирателей в мужских гимназиях, выходивших чаще всего из бывших унтер-офицеров) в мужских школах и классных дам в женских. Была даже сделана попытка возобновить изучение латинского языка, но эта попытка, насколько я знаю, не удалась (в 569-й московской школе, где я учился, преподавание латыни было введено в одном из восьмых классов, но уже через год отменено)[15]. Латынь была «ощупана» и отброшена за ненадобностью.

В середине 30-х годов резко поменялась атмосфера в школе. Материализм был оставлен лишь в области философии, и его преподавание (в рамках некоторых школьных дисциплин) становилось такой же формальностью, как преподавание Закона Божьего в гимназиях. Реально учащиеся воспитывались в духе героического идеализма, очень условно связанного с

---

[14] По мнению многих специалистов, раздельное обучение предпочтительнее совместного: оно позволяет больше сосредоточиться на учебном процессе и создает некоторую психологическую дистанцию между мальчиками и девочками, предотвращая раннюю испорченность.

[15] Кстати говоря, учебник латинского языка, вышедший в 1948 году (я храню его до сих пор), написан академиком С. И. Соболевским, до революции бывшим активным участником черносотенного движения. И это, наверное, не случайность: известны имена других заметных «древников», тяготевших к черносотенству.

революционной традицией и завербованного на государственную службу. Другой его стороной была сентиментальность — эхо того строя чувств, который еще недавно считался отжившим.

В таком виде советская школа просуществовала примерно четверть века. Где-то на грани 50-х — 60-х годов началось ее разложение — не в образовательном плане, тут мало что менялось, а в плане «воспитания чувств». Героический идеализм начал, грубо говоря, вонять и окончательно провонял к началу «перестройки». А сентиментальность становилась все более фальшивой, все менее соответствующей общему положению дел. Как раз подрастающим поколениям с их свежим восприятием жизни дано было ощутить эти перемены в первую очередь. И когда «движенье пятками вперед» наконец оборвалось, «детям» было гораздо проще, чем их «отцам», распроститься с мифами советской эпохи, а в то же время никаких новых перспектив перед ними не открылось, кроме, так сказать, подножно-утилитарных.

Итак, что нам оставила советская школа? Мне представляется, что она оставила нам завещание, написанное симпатическими чернилами, в котором говорится, во-первых, о неизбежности возвращения к изучению Закона Божьего и, во-вторых, о необходимости ответственного подхода к изучению истории.

«Поэзия» против «уставов естества»

Сейчас ломаются копья по поводу того, нужно или не нужно изучать в школе, в обязательном порядке, предмет, названный «основами православной культуры». Хотя само название его уже содержит уступку оппонентам (культура — не религия), тем не менее с их стороны последовала ожидаемая реакция. Характерным для них можно посчитать высказывание газеты «Газета»: от проекта «*веет средневековьем и мракобесием*» (http: /www.religio.ru/news/4728.html). Это язык, которым пользовались витии XIX века. Пора уже разобраться, что на самом деле есть мракобесие.

Псевдолиберальные журналисты указывают на пример Соединенных Штатов: там, дескать, религию в школах не преподают, значит, и нам не следует этого делать. Но в Соединенных Штатах просто невозможно преподавать религию в государственных школах — по причине громадного разнообразия конфессий в этой стране (тогда как у нас подавляющее большинство верующих называет себя православными). Отсутствие религиозного образования у американцев компенсируется или, по крайней мере, компенсировалось еще в недавнем прошлом религиозным воспитанием в семье и почти обязательным посещением воскресных школ при «своих» церквах. Да и в школах, опять-таки до недавнего прошлого, американцы, как справедливо заметил К. Д. Ушинский в 1858 году, «*удержали... общее христианское направление*»[16]; сказанное оставалось верным еще сто лет спустя.

Это во-первых, а во-вторых, нынешняя американская школа дает как раз образец того, как не надо строить образовательную систему.

---

[16] *Ушинский К. Д.* Педагогические сочинения в 6 томах. Т. 1. М., 1988. С. 299.

Есть надежда, что полновесный Закон Божий (а не «основы православной культуры») займет подобающее ему место в школьной программе. Слишком слабы аргументы, которые выдвигаются против него. Главные противники здесь — сила отвычки, умственная спячка, ленивое «душа не лежит».

Зато в сторону религиозного обучения подталкивает слишком явное падение нравов. Как показал опрос, проведенный международным агентством «Евразийский монитор», у большинства опрошенных россиян (59%) наибольшее беспокойство вызывает «*утрата моральных ценностей, безнравственность*». И таковую же угрозу ощущает 61% французов.

В конце концов, изучение Закона Божьего необходимо даже для того, чтобы поддержать атеистическую традицию, которая тоже зачем-то нужна и которая сейчас дышит на ладан. Атеист — это ведь человек, который з н а е т, что́ он отрицает. У социологов принято подсчитывать, сколько в России верующих и неверующих; между тем более глубокая разделительная линия проходит сейчас между знающими и незнающими (речь идет, разумеется, о религиозной сфере). Еще возможна незнающая вера, но незнающий атеист — не атеист, а попросту невежда.

Нередко приходится слышать, что религия — «скучный» предмет, и ученики не хотят им заниматься. Даже православный сайт «Церковная школа» (Казанской епархии РПЦ) утверждает, что «*уроки Закона Божьего никогда не бывают в числе любимых*» (http://pedagog.eparchia.ru/bible/e_ped/). Но это уж, извините, зависит от того, какие у вас учителя и какие учебники. Митрополит Антоний Сурожский имел за плечами немалый педагогический опыт, когда писал: «...*Самые евангельские факты и рассказы о них так полны интереса и красоты, что если цель не заучивание, а приобщение детей этому чуду, что-то может получиться*»[17].

А вот мнение скептика. Анатоль Франс (в автобиографической книге «Пьер Нозьер»): «*В моей старой Библии особое очарование имел для меня Новый Завет, и я сохраняю трепетное воспоминание об огороде, где Иисус впервые предстал Марии Магдалине*» (так эта встреча изображена была на одной из иллюстраций к Библии, которою владел автор)[18].

Чтение Библии воспитывает образное мышление, что ребенку гораздо ближе отвлеченных умозаключений.

Но даже если изучение религии представляется кому-то «скучным», это не основание для того, чтобы исключать его из школьной программы. Разве алгебра — веселый предмет? А ведь никто не спрашивает учащихся, хотят ли они его изучать.

Без элемента принуждения невозможно представить процесс обучения и воспитания ребенка. Сама свобода выбора должна стать предметом воспитания. В противном случае это будет не свобода, а произвол, может быть, минутный каприз, и тогда, пишет известный русский философ и педагог С. И. Гессен (в свое время принужденный к эмиграции), «*пришлось бы поистине самыми свободными людьми признать детей и душевнобольных, поступки которых именно и отличаются полной случайностью, неустойчивос-*

[17] *Антоний, митрополит Сурожский.* Человек перед Богом. М., 2000. С. 245.

[18] *France A.* Pierre Noziere. Moscou, 1948. P. 6.

тью, непредвидимостью»[19]. Отпущенный «на волю волн» ребенок слишком легко поддается впечатлениям, которые в данный момент его поразили, и может совершить ошибку, которую потом трудно оказывается исправить. Поэтому решать, чему и как ему учиться, должны за него учителя, а выбор учителей (то есть выбор школы, в частности, по тому признаку, является ли она православной, мусульманской или какой-то иной) остается правом родителей. Правда, в настоящих условиях большинство родителей — не лучший арбитр в данном вопросе, но другого выхода здесь нет.

Вот новорожденный ребенок, тот сам мог бы чему-то поучить и родителей своих, и учителей, если бы умел говорить. Но, увы, дар речи приходит к нему тогда, когда первоначальные воспоминания о «музыке сфер» в нем стираются и он постепенно вникает в мир взрослых и все более активно в нем осваивается. В последние дошкольные и первые школьные годы ребенок особенно пластичен, и его относительно легко лепить, — разумеется, с учетом его личности (после Руссо и Толстого об этом невозможно забыть). В двенадцать-тринадцать лет происходит ломка психики: вступив в подростковый возраст, ребенок становится «трудным», для него наступает «время упрямства». И если продолжать в старших классах обучение Закону Божьему (а я согласен с теми, кто считает, что этот предмет следует преподавать с первого класса до последнего), то его (обучение) надо усложнять, включив в курс начала богословия и философии, соотнесенные с «живой жизнью» и принимающие во внимание «сопромат», с которым приходится иметь дело учителю.

Зато, окончив школу, молодой человек будет иметь свободу выбора: он сможет остаться верным той религии, которой его обучали, стать атеистом или перейти в другую веру. Если он захочет перейти в другую веру, то он будет для этого гораздо лучше подготовлен, чем в том случае, когда такой переход совершается наобум, без сколько-нибудь серьезного знакомства с религиозными вопросами. «О богах без богов ничего нельзя сказать», — считал древнегреческий философ Ямвлих: то есть, не вникнув сколько-нибудь глубоко в одну веру, трудно понять другую.

Либеральные начала останутся, таким образом, не потревоженными.

Но тут возникает другой, очень серьезный вопрос. Еще один наш эмигрант, В. В. Зеньковский (из русских религиозных философов первого ряда, единственный, кто углубленно занимался вопросами педагогики), вспоминал, что гимназическое обучение создавало разлад в голове ученика: Закон Божий тянул его в одну сторону, а все остальные науки — в другую. Что перетягивало, легко догадаться.

Этот разлад является характерным для всей европейской цивилизации в продолжение уже нескольких столетий. В. В. Розанов писал: «*Европейская цивилизация есть эклектичная цивилизация, построенная на элементах мистико-христианских, греко-римских и, наконец, на элементах твердого научного знания; она держится почти равномерною верою в три эти начала или, пожалуй, неполнотой уверенности* (подчеркнуто мною. — *Ю. К.*) *в которое-*

[19] *Гессен С. И.* Педагогические сочинения. С. 57.

нибудь из них... Эклектизм программы есть эклектизм, вводимый в каждую единичную душу, и он однозначущ с тем, как если бы мы захотели выучить ребенка ходить тремя неодинаковыми походками или писать тремя различными почерками...»[20] Это довольно точно сказано. Следует лишь добавить, что за минувшее столетие «неполнота уверенности» в к а ж д о м из этих трех начал (к которым сегодня можно еще добавить восточный оккультизм) только выросла[21].

Конечно, разлад, о котором идет речь, не может быть преодолен в рамках одной только «Педагогической провинции». Но с чего-то ведь надо начать.

Следует уточнить, что «твердое» научное знание тоже основано на греко-римских началах. Но в минувшем веке стало ясно, что ни научное знание не может считаться «твердым», ибо здесь одна концепция зачастую сменяется другой, прямо ей противоречащей, ни сам материальный мир, к которому научное знание приковано.

Революционные открытия в физике, биологии и других областях, — до сих пор, насколько я знаю, слабо отраженные в школьных учебниках, — говорят о пользе приращения естественных наук и в то же время свидетельствуют об их ограниченности (не углубляюсь в этот вопрос, так как о нем уже существует целая литература). Естественные науки не могут объяснить загадки мироздания, это выше их возможностей. Здесь они должны уступить место — Закону Божьему.

О. Павел Флоренский, к богословию которого могут быть предъявлены те или иные претензии, но который, бесспорно, был гениальным ученым, писал, что за железными «уставами естества» всегда таится сказка. В смысле чего-то невероятного — равно с точки зрения здравого смысла и научного сознания. «*Весь мир*, — писал Флоренский, — *был (для меня) сказкою, в одних местах притаившеюся, в других — открытою. Но и там, где сказка мира казалась спящей, я видел притворство: глаза ее были приоткрыты и сквозь ресницы высматривали ожидательно*»[22].

Епископ Василий Родзянко находит другой ключ к объяснению мироздания: поэзия, только не всякая, а литургическая, — не «выдуманная» отдельными поэтами, но непосредственно передающими духовные реальности. Действительно, литургические тексты, которые в бормотаниях диакона на церковнославянском языке часто трудно бывает расслышать, пред-

---

[20] *Розанов В.В.* Сумерки просвещения. СПб., 1899. С. 171.

[21] Сходную мысль высказал Э. Дюркгейм: в результате «гуманистического переворота XVI столетия школы стали воспитывать "нравственных гибридов", расколотых внутри самих себя и ослабленных этим расколом. Это как раз то, что более или менее ясно предчувствовали доктора Церкви, указывавшие на опасность чисто языческой культуры. Соположенные в сердцах учеников, эти расходящиеся концепции жизни подрывали одна другую и оставляли морального агента в состоянии замешательства» (*Durkheim E.* L'evolution pedagogique en France. Paris, 1999. P. 243). Как уже было сказано, «гуманистический переворот» имел определенное позитивное значение, следовало бы только не «сополагать» две концепции как равновеликие, но тактично сохранять примат веры.

[22] *Священник Павел Флоренский.* Детям моим. М., 1992. С. 162.

ставляют собою высокую поэзию, что не всякий знает. Там, где дело касается последних истин, пишет епископ Василий, науки пасуют, «*одна только поэзия и может передать то, что было за пределами и до начала этого нашего мира*»[23].

И с этой «сказкой», с этой «поэзией» тонко коррелирует христианская мысль, глубокая, сложная, гибкая (в хорошем смысле этого слова), определяющая надежные ориентиры в этом з ы б к о м мире.

Вполне вероятно, что уже в недалеком будущем нынешние наши споры о том, надо ли в обязательном порядке преподавать в школе Закон Божий, покажутся наивными, даже забавными. Ибо к тому времени данный предмет станет не только равноправным с другими предметами, но даже более того — в е д у щ и м п р е д м е т о м. Не в том смысле, что ему будет уделено больше часов: этого-то как раз не требуется. А в том смысле, что он предложит ключ к объяснению мира, который можно будет принять или оттолкнуться от него. И еще в том, что все познавательные способности ученика настроит таким образом, чтобы тот воспринимал вещи в их реальном — трепещущем, переливчатом — бытии (что в условиях современной цивилизации допустимо разве только в заповеднике искусства), а не в их проекциях на плоскость, как того требует научный рационализм[24], давно переставший быть только научным и во многом ставший бытовым (такой рационализм может быть необходим в материально-практическом плане, но только не в мировоззренческом). И, может быть, благодаря ему еще появятся истинные «художники в науке», как где-то выразился Достоевский.

И об изводах «естественности»

Представление о «*самодвижущейся природе*» не только подчинило себе науки и искусства, оно решающим образом повлияло на самочувствие западного человека. В школьном деле это выразилось в том влиянии, какое приобрел, уже в XX веке, натурализм. Что в первую очередь касается Соединенных Штатов.

Единственное направление, противостоящее натурализму в американской школе, — это социологизм; между ними существует некое динамическое равновесие. Социологизм требует от школьника, чтобы он усвоил «правила игры», существующие на данный момент в обществе. А натурализм поощряет его к «самовыявлению», понятому в смысле реализации его природных возможностей — в той мере, в какой они не противоречат «пра-

---

[23] *Епископ Василий (Родзянко)*. Теория распада вселенной и вера отцов. М., 1996. С. 228.

[24] О «научной картине мира» выразительно отозвался А. Ф. Лосев: «Не только гимназисты, но и все почтенные ученые не замечают, что мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево, та самая дыра, которую тоже ведь можно любить и почитать. Дыромоляи, говорят, еще и сейчас не перевелись в глухой Сибири» (*Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М., 1990. С. 405.

вилам игры». Хотя сами «правила игры» с течением времени меняются под давлением того же натурализма.

Чтобы придти к такому положению вещей, Америка должна была проделать долгий путь. Мне уже приходилось писать, что в религиозном и культурном отношении вся история Запада состоит в реакциях, метаниях от одной крайности к другой. Краеугольный камень американской цивилизации заложили кальвинисты (пуритане) с их представлением о человеке как о беспросветно греховном существе. Исконно христианское представление о человеке, — он есть существо падшее, а в то же время в нем светится образ Божий, — свалилось у них на один бок.

С такими гирями на ногах нельзя было далеко уйти, рано или поздно американцы должны были их сбросить. В значительной степени это произошло под влиянием европейского Просвещения, в частности, руссоизма. «Эмиль», самое яркое педагогическое сочинение XVIII столетия, был направлен против чрезмерно авторитарных, как их теперь принято называть, методов воспитания и в этом смысле стал полезной книгой. В то же время культ «естественности», созданный Руссо, был порочен в своем основании, ибо не является человек невинным по своей природе, на чем настаивал автор «Эмиля».

Сейчас уже трудно понять опьянение «естественностью», которое мы находим у таких авторов, как Руссо или Толстой (как известно, одно время носивший на шее, вместо нательного креста, медальон с портретом Руссо). Частичное оправдание оно может иметь лишь в ее столкновении с некоторыми омертвевшими институциями. Но зная, к чему она с течением времени приводит, трудно сказать, что в конечном счете хуже: «естественность» или омертвевшие институции.

Зеньковский писал: «Естественное», которое даже еще в XIX веке отождествляли так часто с “разумным”, оказалось до такой степени пронизано “неразумным” и в то же время бессильным в отношении задач духовной жизни, что былая вера в человека, былая идиллическая упокоенность стала просто невозможной»[25]. Эти строки написаны в 30-е годы на европейском материале. Применительно же к Соединенным Штатам здесь необходимо учитывать некоторые нюансы.

Та вера в человека, та идиллическая упокоенность, о которых писал Зеньковский, в значительной мере сохранялись у американцев еще в 50-е годы. Лишь в 60-е, годы культурной революции, произошел настоящий прорыв «естественного». Тем не менее какие-то остатки былого американского идеализма сохраняются до сих пор. Их подпирает значительно большая, чем у европейцев, религиозность. Но это религиозность очень специфическая. «Американский» Бог крайне снисходителен: Он издалека взирает на «самодвижущуюся природу» (конкретно, природу человека), Им же когда-то созданную, радуясь ей, какие бы выкрутасы она себе ни позволяла. Хотя выкрутасы эти становятся все более опасными. (Я, конечно, говорю о самоощущении мейнстрима, каким его представляют mass media: нельзя забывать, что и американцы бывают очень разными).

[25] *Зеньковский В. В.* Педагогические сочинения. Саранск, 2002. С. 187–188.

На самом деле не может считаться невинным даже ребенок, ибо на нем тоже лежит печать изначального грехопадения. Хорошо известно, что уже чуть-чуть подросший ребенок становится способен не только на добрые, но и на злые поступки. И это в отсутствие какого бы то ни было дурного влияния со стороны.

Убеждение в собственной невинности ведет к исчезновению понятия стыда (а это один из «модусов» совести). Даже в безрелигиозном советском обществе инерционно сохранялось представление о том, что в человеке есть низкое и животное, трудносовместимое с его духовно-душевным строем. Порою стыд вызывали даже вполне безобидные, казалось бы, вещи. Например, в годы моей юности многие чувствительные девушки и некоторые юноши испытывали смущение (в присутствии ровесников противоположного пола), даже краснели, когда их заставали за процессом принятия пищи. Вероятно, тут подсознательно срабатывала память о том, что процесс этот имеет не очень красивое продолжение и совсем некрасивое окончание. Все поменялось в 60-е — 70-е годы, когда сначала в западных, а потом и в отечественных фильмах герои демонстративно зажевали, будто пытаясь отвести от себя подозрения в чрезмерной субтильности. Разумеется, культура застолья существовала всегда, но не было такого смачного изображения работающих челюстей. Брюхо бросило вызов Духу.

Сейчас западное кино и вообще media совсем близко подошли к барьеру, который в свое время преодолели античные поборники «естественности», киники: те, — во всяком случае, наиболее «продвинутые» из них, — публично справляли нужду (не только малую, но и большую) на базарах. И им нельзя отказать в последовательности: если все данное мне природой, весь мой телесный состав есть безусловное благо, тогда почему я должен стесняться чего бы то ни было перед кем бы то ни было?

Если барьер, о котором я говорю, будет преодолен (возможно, где-нибудь в андерграунде он уже преодолен), то есть если будут показывать на экране, как люди испражняются, тогда будет достигнут рубеж nec plus ultra и, может быть даже, это будет к лучшему, потому что в этом случае против все сметающей на своем пути «естественности» восстанут не только религиозные люди, но и люди культуры, сохранившие сколько-нибудь развитой вкус и сколько-нибудь требовательное обоняние.

Еще важнее аспект пола; впрочем, этот сюжет имеет связь с предыдущим[26]. Надо ли напоминать о его исключительном значении для человека и о том, что жизнь пола окутывает тайна! Поэтому вопрос пола должен оставаться как бы под некоторой вуалью. Умники, которые вытаскивают всю физиологию на яркий свет (я имею в виду, в первую очередь, «сексу-

[26] Станислав Лем высказал мнение, что Создатель (условный Конструктор в его представлении) совместил половые органы с выводными каналами мочевыделения и пищеварения в конструктивных целях. Имею смелость думать, что Создателю под силу было создать какую-то другую конструкцию, и если Он поступил так, как поступил, то потому, что хотел нарочито огрубить, «занизить» половую жизнь и тем создать определенное напряжение между высокими порывами половой любви и грубо животными способами ее реализации, на которые обречен однажды падший человек.

альное образование» в школах; другое дело, что какие-то его элементы могут быть тактично преподнесены в курсе биологии) и радуются своему знанию, не догадываются о том, что они теряют (и не только в духовно-душевной сфере, но и в телесной тоже: чувство стыда придает телесным радостям особую остроту)[27].

Все эти изводы «естественности» школа впитывает, как губка, и возвращает обществу в еще сгущенной консистенции. Картины жизни школы, как они представлены в американских фильмах, производят смешанное впечатление, но больше в них все-таки отталкивающего, а иногда и прямо омерзительного[28]. Изъяны воспитания не могут не сказаться на образовании. Американский учительский корпус, как черт от ладана, бежит от понятия «дидактика» и заискивает у своих учеников там, где нельзя обойтись sine ferula, пусть не в буквальном, но в фигуральном смысле[29]. Результат налицо: даже наиболее расположенные к американцам люди вынуждены признать, что их образовательная система терпит крах. Даже элитные школы, которыми пока худо-бедно держится все то, что требует интеллектуальных усилий (другая подпорка — образованные иммигранты), теряют свои былые качества. В Европе, во многом уже американизированной, элитные школы еще как будто держат марку, но и их постепенно размывает волнами окружающих их настроений.

Глядя на то, как изменилась Америка за минувшие пятьдесят лет, задумываешься над вопросом, что же станет с нею в следующие пятьдесят?

---

[27] Порнография, помимо всего прочего, эстетически безобразна. Это чувствовали даже древние греки, у которых был языческий культ тела, но у которых был также и высокоразвитый вкус. Обратите внимание на то, что по крайней мере в классический период скульптуры обнаженных мужчин и женщин у них «аполлонически» бесстрастны и мало у кого способны пробудить какие-то нечистые желания. Это не значит, что грекам была незнакома порнография: некоторые изображения на чернофигурных вазах (не знаю, как сейчас, но когда я учился в университете, они были доступны только специалистам) могут быть подведены под это понятие. Но вот интересная деталь: протагонистами порнографических «актов» выступают довольно безобразные рабы, а отнюдь не боги и не герои. Во всяком случае, таково бросающееся в глаза правило, хотя, наверное, есть и исключения из него.

[28] Тут, правда, возникает вопрос, в какой мере кино отражает жизнь. В Соединенных Штатах этот вопрос имеет некоторые существенные нюансы, которые необходимо учитывать. Умонастроения американской киношной среды, за немногими (хотя и очень значительными) исключениями, всегда сильно расходились с нравами американского общества в целом, тем более, что господствующие позиции в кинобизнесе почти с самого начала заняли ментально чуждые американцам выходцы из Центральной Европы. Бизнес есть бизнес: чтобы продукция «пошла», она в той или иной степени должна отвечать вкусам аудитории. Между тем известно, что американская аудитория в массе своей и сейчас целомудреннее европейской. Но столь же известно и то, что она постоянно «играет в поддавки» с теми, кто делает кино.

[29] Линейкой (ferula) еще в XIX веке учеников били по рукам.

Пока что реакция, в смысле «*действия, возникающего в ответ на другое действие*» (словарное определение), приходит извне — из мусульманского мира. В тех мусульманских странах, где есть сильные культурные слои, таких как Иран или Египет, западная образовательная система хорошо изучена, усвоены некоторые идеи Дюркгейма, Дьюи и других, а также некоторые элементы традиционной китайской педагогики (мы помним, что китайского учителя возвел в идеал Герман Гессе — в пику «фельетонной» эпохе, которая «*еще очень цеплялась за лишенное своего прежнего смысла понятие "образование"...*»[30]). Но в целом свою образовательную систему мусульмане строят, исходя от противного: на Западе религия изгнана из школы, а у себя они поставили ее во главу угла. И это повсеместный в мусульманском мире феномен. Притом поставление религии во главу угла не было навязано какими-то кругами, но произошло «само собою». Хорошо знакомые с положением в данной области английские авторы поддерживают мнение, что «*распространение грамотности и экспансия образования* (в мусульманских странах. — *Ю. К.*) *сопровождались не ослаблением, а усилением тяги к религии со стороны большинства населения. Другими словами, с развитием коммуникационных средств, урбанизацией и распространением грамотности и высшего образования религия процвела вместо того, чтобы придти в упадок*»[31].

Мусульманские авторы утверждают, что они поднимают знамя просвещения, уроненное на Западе[32]. Известный иранский философ и писатель Али Шариати (немного не доживший до революции 1979 года, но сыгравший большую роль в том, что в ней приняли участие интеллигенция и студенчество) поставил перед мусульманами задачу-максимум: построение «*метанаучной цивилизации*». Ученик французских экзистенциалистов, хорошо знакомый с проблематикой свободы, Шариати свой педагогический принцип сформулировал, исходя опять-таки от противного: *кьямат*, узда. Вероятно, в настоящих условиях это плодотворный принцип, при условии, что узда не слишком затянута. Насколько я знаю, в том же Иране с его более чем двух-с-половиной-тысячелетней педагогической традицией (некоторые ее элементы ставили в пример еще Ксенофонт и Платон) уделяется внимание развитию личности ученика; одной из основных задач образовательной системы стало выявление и пестование талантов. Вполне возможно, что в следующие десятилетия мусульманские страны, точнее, наиболее развитые из них, совершат цивилизационный рывок, который удивит многих на Западе и в России.

Будем помнить, что судьба «столкновения цивилизаций» — в руках учителей.

---

[30] *Гессе Г.* Игра в бисер. М., 1992. С. 31.

[31] *Suton Ph. and Vertigans S.* Resurgent Islam. Cambridge, 2005. P. 107.

[32] Подобные настроения проникают и в Россию. Как заявил неназванный мусульманский деятель, «пусть православные строят больше храмов. Пусть вкладывают деньги не в просвещение, а в кирпичи, все достанется нам, как София. Храмы станут мечетями» («Известия», 15.09.2006).

Преодолеть раскол в умах

Самый важный, после Закона Божьего, предмет — история[33]. По Закону Божьему хоть с учебниками не возникает особых вопросов: взять дореволюционные учебники, для старших классов составить хрестоматии, куда войдут наиболее доступные отрывки из работ русских религиозных философов и, может быть, отцов церкви, — вот основа и готова. А учебники по истории надо писать заново и самое важное в них — дать адекватное освещение революции 1917 года и последующей советской эпохи.

О, сколь трудна эта задача! Сразу после падения советской власти в некоторых кругах (к которым причисляет себя и автор этих строк) возникла надежда, что вот, наконец, наступил час возрождения Белого дела, которое не в Гражданской войне родилось, но зрело задолго до революции. Увы, надежда эта оправдалась лишь частично. Медленно, очень медленно меняется отношение к религии, к царизму, в частности, к особенно «проблемной» фигуре Николая II, наконец, к Белому движению периода Гражданской войны. В то же время сохранилась, а в последние годы даже усилилась тяга к советскому прошлому, что сказывается и на государственном уровне.

На то есть ряд причин. В массе населения возникло во многом оправданное отвращение к реальностям дикого капитализма, в сравнении с которыми советский режим постфактум обнаруживает некоторые несомненные преимущества. Забывают, что дикие капиталисты — люди, выросшие в советское время, и капиталистами они себя «сделали» не в последнюю очередь по советским трафаретам. Советская пропаганда изображала капиталиста как существо, маниакально озабоченное наживанием денег, утопающее в роскоши и к печалям малых сих вполне равнодушное. Вот этот почти-фантом (во всяком случае, для раннего капитализма фигура совсем не характерная и даже для современного не слишком типичная) у нас и материализовался. Ему добавила красок криминальная среда, ставшая всепроникающей в позднесоветские времена (на Западе участие криминала ограничено отдельными секторами экономики). Вообще по многим признакам минувшее пятнадцатилетие — не столько начало какой-то новой эпохи, сколько завершение эпохи советской.

Судя по всему, двойственным остается отношение к советскому прошлому у той элиты, которая ныне правит бал. Наши олигархи, менеджеры и иже с ними, равно как и высокопоставленные бюрократы, должны ощущать свою близость к дореволюционным «буржуям» (разделяя также их завистливый взгляд в сторону аристократии, которой ныне и след простыл),

---

[33] Русская литература не менее важна, но здесь большое место занимает чтение классиков, которые, таким образом, имеют возможность напрямую обращаться к учащимся, тогда как история, в смысле «сырого» материала (что в немецком языке обозначается словом Geschichte, в отличие от Historie), может «говорить» с ними только через посредство интерпретаторов. То есть история важна в том смысле, что надо больше потрудиться над вопросами ее интерпретации. Впрочем, вопрос о роли литературы в учебном процессе требует отдельного разговора.

а отнюдь не к пьяной матросне, которая их «экспроприировала». В то же время они, наверное, отдают себе отчет в том, что если бы в свое время Ленин и Троцкий не поставили все вверх дном, экономическая элита по большей части состояла бы из каких-то других людей; скорее всего, дало бы всходы семя тургеневских Соломиных[34] и чеховского Лопахина.

Существенно и то, что люди, ex professo занятые изучением истории, то есть академическая среда в очень значительной, если не большей своей части, остается консервативной, не может и не хочет вытравить из себя представления, внедренные советской средней и высшей школой.

А ведь у нас есть на кого опереться в изучении того периода русской истории, о котором здесь идет речь. Я имею в виду прежде всего работы известных религиозных философов, советской властью принужденных к эмиграции. Все они были свидетелями революции 17-го года, кое-кто успел вкусить также и раннесоветскую жизнь. Из-за границы они пристально наблюдали за трансформациями советского режима — до 50-х — 60-х годов, то есть перед их взором прошла бóльшая часть советской эпохи. Приговор их был непреложным: революция 17-го года явилась национальной катастрофой, в результате которой над страною опустилась «красная ночь». (Замечу ad vocem, что русские религиозные философы не только в части изучения истории должны нам помочь: у них мы находим философское обеспечение педагогики, которой, как я полагаю, еще только предстоит развиться.)

Потом «из глубины сибирских руд» к их оценке присоединился Солженицын. Измерив всю глубины нравственного падения режима, он обратился к его истокам. Так за «Архипелагом ГУЛАГ» появилось «Красное колесо», где он выступил одновременно как художник и историк. К сожалению, эту книгу до сих пор трудно найти, а следовало бы ей быть во всех библиотеках, включая самые малые. И хотя нельзя требовать от учащихся, чтобы они одолели столь грандиозный труд, но каждый учитель истории обязан прочесть его целиком, включая «петитную» часть.

Могут возразить: почему надо становиться на точку зрения именно этих мыслителей, а не каких-то других? Да потому, что эти — великие, а другие невеликие. Тут может возникнуть новый вопрос: а как доказать, что именно эти — великие? Доказать нельзя. Можно ли доказать, что великим поэтом был Пушкин, а не, допустим, Кукольник, или что великим историком был Ключевский, а не Иловайский? Просто разум, чутье, вкус должны подсказать, у кого — вещие зеницы, а у кого бельма на глазах.

Надо, конечно, учитывать, что и религиозные философы, и Солженицын, охваченные пафосом борьбы с советской властью, не всегда были скрупулезно объективны в оценке советских реальностей, а эмигранты не всегда были достаточно хорошо с ними знакомы. Сейчас, когда советская власть

---

[34] Из мало читаемого, даже в советские времена, романа «Новь». Наблюдательный Тургенев не только первым в России создал образ нигилиста, но также и более или менее положительный образ капиталиста. Братья Соломины — «серые, простые, хитрые», но, как показывает автор, также и умные, и честные; будущее, по его мнению, принадлежит им.

ушла в землю, мы различаем в «красной ночи» различные оттенки, равно как и сполохи уходящего (дореволюционного) дня. Ни в коей мере речь не идет об оправдании, хотя бы узко-частичном, советского режима, ни, тем более, об «очеловечении» таких фигур, как Сталин или Берия, чем ныне усиленно занимаются media; будем надеяться, что недалеко время, когда эти личности, как, впрочем, и их политические наследники, уже в первом приближении будут вызывать стыд и недоумение: неужели такие люди стояли во главе России? (Ленин и Троцкий заслуживают еще более решительного осуждения, но стыд вызывают их выкормыши и преемники). Речь идет о культурной палитре, довольно разнообразной и нередко вызывающей противоречивые чувства.

И вообще изучение советской истории продолжается. Выходят книги, которые углубляют наши представления о пореволюционных процессах. Таковы, к примеру, «Красная смута» В. Булдакова и «Большевистская властвующая элита» Н. Саранцева. Интересны последние работы А. Зубова, довольно неожиданные для этого автора, изначально стоявшего на позиции Белого движения. Теперь он тщательно взвешивает вины дореволюционной элиты на протяжении по меньшей мере последних двух столетий. В его инвективах много правды, хотя надо все же учитывать, что легко применять максималистские мерки к тому, что давно минуло, и гораздо труднее употреблять их inter vivos, среди живых. А у «старой» элиты, при всех ее грехах и огрехах, есть неоспоримые заслуги: с нею связана «*пора роскошных сил и мощных трепетаний*» (А. К. Толстой). Это она вывела страну в число наиболее могущественных держав (в годы, последовавшие за падением Наполеона, Россия стала самой сильной в мире, чего не было никогда, ни до, ни после, притом — «*сильной, но не страшной*»[35]). И это в ее (элиты) питательном лоне расцвела высокая культура, уравнявшая Россию в данном отношении с самыми культурными странами. И это благодаря ей Россия хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась в конце XIX — начале XX века.

Не забудем также, что в конечном счете сама элита, — как, наверное, никакая другая элита ни в какой другой стране, — прониклась чувством вины по отношению к малым сим. Во многих случаях это чувство было даже утрированным, и в результате «народ», а точнее дурная и агрессивная часть народа, воспринял проявления ее как слабость и при первой возможности скинул «старую» и по многим признакам заслуженную элиту.

Можно, впрочем, воспринять инвективы Зубова как урок, который автор хочет преподать нынешней элите: не повторяйте ошибок минувших веков.

Так или иначе, мы обязаны преодолеть нынешний раскол в умах, — зачастую это раскол в одних и тех же умах, — и выработать единую точку зрения на русскую историю XX века. То есть такую точку зрения, которая будет поддержана большинством (разумеется, другие точки зрения должны сохранить право на существование, но в качестве marginalia). И в первую очередь найдет отражение в школьных учебниках. Чтобы у школьни-

[35] Совет одного греческого мудреца, адресованный Александру Великому: «Будь сильным, но не страшным».

ков складывалось более или менее цельное и более или менее объективное представление о том, что оставлено позади и что их может ждать впереди.

Только не надо обольщаться: это будет долгий и трудный процесс.

Мудрый А. Тойнби писал: «*Человеческие существа имеют свободу выбора, но они могут утратить ее, вступая друг с другом в конфликт, при котором их волевые усилия мешают одно другому и в конечном счете сводят друг друга на нет. За разногласия Немезида наказывает их утратой свободы действий. Человеческие дела выходят из-под контроля. Вместо того, чтобы подчиниться воле человека, они теперь следуют естественным законам, подобным тем, которые управляют не-человеческими делами. А естественные законы диктуют регулярность, возвращение и повторение*». В таких случаях, заключает Тойнби, «*будущее является в той или иной форме повторением прошлого*»[36]. Это как раз то, что произошло у нас после 1917 года и чего мы должны избежать в предстоящие годы, если хотим, чтобы будущее оставалось для нас открытым.

Тойнби, разумеется, понимал, что совершенно преодолеть разногласия в обществе и невозможно, и не нужно. Просто надо избегать крайностей — натужного единомыслия, с одной стороны, и полного раздрая, с другой.

Чудное слово «вперед»

Не будучи профессиональным педагогом, автор настоящих строк отдает себе отчет в том, что в «Педагогической провинции» много разных путей-дорог и порою весьма запутанных тропинок. Но есть вещи, вполне доступные взору наблюдателя-неспециалиста и позволяющие выносить о них более или менее уверенные суждения.

Очевидно, ломка традиционного общества ведет к тому, что связка семья-церковь-школа утрачивает прежнюю свою, хотя бы очень относительную гармоничность (а церковь нередко вообще из нее выпадает). Я уже говорил о ней применительно к американским реальностям, попытаюсь теперь углубить эту тему. В идеале основное воспитание ребенок должен получать в семье. Поэтому в условиях, приближенных к идеальным, справедливо, на мой взгляд, требование Розанова: «*Сохраните ребенка как можно долее в семье, поставьте его потом как можно ближе к Церкви*»[37]. Разумеется, это может быть справедливо лишь в том случае, если речь идет о здоровой семье. Я называю здоровой семью, не просто спаянную внутри себя (таких и сегодня немало), но осознающую свою ролевую функцию «ячейки» общества и исполненную дружелюбия в отношении окружающих, ближних и дальних. На пороге XX века, когда Розанов писал приведенные строки, в России оставались еще сильны органические начала жизни и таких семей (наряду, конечно, с нездоровыми семьями) было

[36] *Toynbee A.* Surviving the Future. London, 1971. P. 74.

[37] *Розанов В.* Сумерки просвещения. С. 84.

еще очень много[38]. Родители в таких семьях могли быть верующими, или не очень верующими, или даже вовсе неверующими, но бессознательно сохраняющими христианские традиции (последний случай особенно характерен для советского времени).

Но в революцию все было сорвано с петель. Это коснулось и института семьи, который подвергся жесточайшему давлению с разных сторон. «*Семья*, — писал тот же Розанов, — *это малый мир, малое отражение большого мира, и она должна соединять на себе все его лучи*»[39]. Но в этом-то и ее слабость! В миру, как в пиру, всего много, в том числе и дурного, а в минувшем столетии «пир жизни» оказался трудноотделим от разыгравшейся в мире чумы различных цветов и оттенков, против которой немногие семьи сохранили сколько-нибудь стойкий иммунитет. Вот почему розановский принцип «*школа — в помощь жизни, а не против жизни*»[40] давно утратил актуальность.

Зато на все времена остается актуальным сказанное Зеньковским: «*Не приспособление ребенка к жизни, а развитие в нем сил добра, обеспечение добра и свободы должно составлять цель воспитания: приспособление (функциональное, социальное и т. д.) к жизни имеет ведь чисто инструментальный характер. "Техники жизни" могут быть никак не связаны с добром*»[41]. Хотя без знакомства с ними тоже, разумеется, нельзя обойтись.

Источник добра и свободы — это, конечно, Церковь, но одно из ее свойств состоит в том, что она не должна себя навязывать. Церковь есть сосуд истины, но она не «хватает за полу» мимоидущего, а ждет, пока он сам придет к ней. Хотя он, естественно, может и не придти[42].

Другое дело — школа. Это сфера применения воли — со стороны государства, управляющего педагогическим процессом, а также общественности, если ее голос будет услышан, — точнее, той ее части, которая понимает, что путь в будущее — не простое наращивание годовых колец, что он требует от нас судьбоносных решений.

Я не то хочу сказать, что государство может или должно проявить волю, оно в любом случае ее проявит, ибо неизбежно будет проводить те или иные реформы; нужно лишь, чтобы воля была умной и последовательно проводилась на практике.

---

[38] По моим уже давнишним наблюдениям, наилучшим образом семейные ценности воплощали многие бабушки, родившиеся в 60-х — 70-х годах XIX века (естественно, я не мог знать тех, кто старше). В них была глубоко овнутрена любовь — не только к своим, к собственным детям и внукам, но и к чужим детям и внукам, вообще ко всему свету. Уже в следующем поколении это качество не столь сильно выражено.

[39] Там же. С. 133.

[40] Там же. С. 200.

[41] *Зеньковский В. В.* Педагогические сочинения. С. 231.

[42] «Как И. Х. (Иисус Христос. — *Ю. К.*) оставался неузнанным среди людей, — писал Паскаль, — так остается неузнанной истина среди расхожих мнений, ничем от них по виду не отличаясь. Так и Евхаристия рядом с обыкновенным хлебом» (*Паскаль Б.* Мысли. М., 1995. С. 142).

Пора «взять быка за рога», вместо того, чтобы, разинув рот, ждать, что принесет с собою «поколение next». Конечно, поколение это, как и всякое другое, — многоликое, но, по крайней мере, на уровне «молодых и злых» (а сколько их, таких), оно ничего хорошего не принесет. Глядишь, даже какие-нибудь «дети кукурузы» скоро покажутся слишком гуманными[43].

Объективно ребенок восприимчив к тому, что называется юношеским идеализмом, и надо лишь воспитать его и потом еще направить в перспективное русло. В противном случае он скоро перегорает, оставляя после себя пепел «реализма» самого низкого пошиба.

Планируя школьную реформу в том направлении, о котором говорилось выше, следует избегать всякого максимализма, несущего на себе печать бумажного творчества. Надо, например, отбросить мысль об универсальном распространении интернатов. Их должно оставаться примерно столько же, сколько есть сейчас. В массе же своей учащиеся должны сохранять постоянную связь с родителями, даже если те — опустившиеся люди (исключая, конечно, крайние случаи, для каковых и сейчас существуют интернаты). Если ребенок восприимчив к добру, животворные токи потекут от него к принюхавшимся к дурным запахам жизни родителям, неважно, новые ли они отверженные или новорусские толстосумы.

Гессен, который был сторонником «мирной революции» посредством школы, видел в этой последней потенцию «малого общества», которое будет учить «большое общество». «Подлинное образование, — писал Гессен, — заключается не в передаче новому поколению того готового культурного содержания, которое составляет особенность поколения образовывающего, но лишь в сообщении ему того движения, продолжая которое, оно могло бы выработать свое собственное новое содержание культуры». И далее: «Из учреждения, укрепляющего существующие общественные отношения, школа становится (в перспективе. — *Ю. К.*) орудием переустройства общества»[44]. Уточню, что речь идет о нравственном переустройстве, а разные подробности общественных отношений могут корректироваться уже «по ходу дела».

Идея новой «педагогической революции», в 1936 году брошенная Гессеном, скажем так, в верхние слои атмосферы, вполне уместно и своевременно, на мой взгляд, приземляется здесь-и-сейчас. Возникает, правда, трудный вопрос: к т о будет ее вершить. Уже те, кто читал эту статью в рукописи, возражали автору, что даже если идея верна, все равно у нас не наберется достаточно людей, способных провести ее в жизнь без тех или иных извращений. Но я помню, что Эразм из Роттердама и Ульрих фон Гуттен

---

[43] По сообщениям из Поволжья (в печати и на телевидении), там зафиксированы, как минимум, два случая, когда подростковые банды не просто убивали взрослых, но поедали куски их тел. Таковы новые «голодающие Поволжья» — испытывающие не физический голод, но, так сказать, инициационный (поедание человечины, надо думать, имело для них смысл инициации).

[44] *Гессен С. И.* Педагогические сочинения. С. 24, 191.

в свое время тоже сетовали, что не хватает «новых людей», способных совершить переворот в школьном деле, а переворот («гуманистическая революция») тем не менее свершился (я отвлекаюсь от вопроса, кто и в чем конкретно был прав или не прав в споре гуманистов со схоластами). Если идея жизнеспособна, на озвученное ею vivos voco / «жив человек» обязательно откликнется.

Проект «мирной революции» посредством школы отнюдь не является очередной утопией. Хотя бы уже потому, что мы заранее знаем: даже в случае успеха он может быть только частичным ибо не могут увенчаться полным успехом никакие земные проекты. Но даже частичный успех значил бы очень много.

«Ныне живущие, завтра сходящие» не в состоянии ответить на некоторые трудные вопросы, поставленные ходом времени, не говоря уже о тех, что еще будут поставлены. Они могут только елико возможно лучше подготовить для этого поколения, вступающие в жизнь. Чтобы чудное слово «вперед», как однажды выразился Гоголь, наполнилось для них новыми смыслами.

Андреас УМЛАНД

«НЕОЕВРАЗИЙСТВО», ВОПРОС О РУССКОМ ФАШИЗМЕ И РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Новая сенсибилизация в отношении правого экстремизма?

Ввиду участившихся в последние годы в России случаев выпадов, обвинений, нападений, избиений, убийств и других деяний, направленных против иностранцев, дискуссия о русском фашизме снова оживилась в массмедиа РФ. Схожие дебаты можно было наблюдать в середине 1990-х гг., когда конфронтация между ельцинской администрацией и «непримиримой оппозицией», двухдневная гражданская война в Москве, восхождение Владимира Жириновского, выступления неонацистских партий, первая чеченская война и другие события привели к возникновению понятия «Веймарская Россия»[1]. Несмотря на то, что эта конструкция в последнее время встречается реже, современные дебаты в средствах массовой информации также характеризуются тревожностью и акционизмом.

Можно только приветствовать тот факт, что российская общественность, годами игнорировавшая растущие правоэкстремистские тенденции в партийном ландшафте, интеллектуальной жизни и молодежной культуре, сегодня хотя бы до некоторой степени приняла их к сведению и начала обсуждать ответные меры. Даже известная своей благосклонностью к национализму российская юстиция под давлением общественного мнения (или же президентской администрации) начинает меняться и использует все чаще, по сравнению с практикой девяностых годов, параграфы российского уголовного кодекса, карающие разжигание межнациональной вражды. Так, например, в судебном разбирательстве по поводу получившего известность

[1] *Янов А.* После Ельцина. «Веймарская» Россия. М., Круг, 1995; *Мисухин Г.* Россия в Веймарском зеркале, или Соблазн легкого узнавания. — Pro et Contra, 1998, Т. 3, № 3. С. 111-123; *Умланд А.* Между Веймарским и Боннским сценариями. Современный российский антиамериканизм и послевоенный немецкий опыт. — Зеркало недели, 2007, № 19 (648). С. 5. http://www.zn.ua/1000/1600/59310/.

Андреас УМЛАНД — родился в 1967 г. в Йене (Тюрингия). Магистр политических и кандидат исторических наук (Dr.phil.), работал в Стэнфордском, Гарвардском, Уральском и Оксфордском университетах, Уральской юридической и Киево-Могилянской академиях; редактор книжной серии «Soviet and Post-Soviet Politics and Society» (www.ibidem-verlag.de/spps.html); член Российской ассоциации политической науки. С 2005 г. преподает в Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко. Живет в Киеве.

убийства перуанского студента в Воронеже в 2005 г. областная прокуратура вменила подсудимым в качестве отягчающего обстоятельства вины совершение преступления на почве национальной и расовой ненависти, т. е. использовала ст. 63 ч. 1 п. «е» УК РФ. Это произошло в 2006 г., и это был, видимо, первый случай, когда эта статья, в которой перечислены отягчающие обстоятельства, применимые к любым преступлениям, применялась к делу, связанному с расистским нападением[2]. Равным образом внушают надежду острая реакция государственных органов на ксенофобский рекламный ролик блока «Родина» во время предвыборной гонки в Мосгордуму 2005 года и множество мероприятий, предпринимаемых в ответ на многочисленные атаки скинхедов на иммигрантов и иностранных студентов. Более того, в относящихся к этим вопросам официальных комментариях часто указывается на антифашистское наследие Советского Союза, делаются заверения о наличии особого иммунитета против фашизма у русской нации и воспроизводится идея о «невозможности фашизма в стране, победившей фашизм».

Двойственные реакции

Несмотря на такие воодушевляющие тенденции, отношение государственных СМИ к правоэкстремистским тенденциям остается в целом амбивалентным. В то время как откровенный антисемитизм и насильственный расизм подвергаются массивной критике и демонстративному осуждению, другие не менее ксенофобские образы мышления до сих пор присутствуют, а иногда даже усиливаются в комментариях мировых и внутриполитических событий околокремлевскими журналистами, публицистами и политтехнологами. Это касается, кроме классических антизападных, антибалтийских, антицыганских и антипольских высказываний, также и растущих украино- и кавказофобских, — а в недавний момент в особенности антигрузинских, антиэстонских и антибританских, — стереотипов[3].

Бесспорно, ведущее место среди называемых российскими масс-медиа «врагов России» принадлежит Соединенным Штатам. Все более примитивный и интенсивный антиамериканизм, транслируемый, например, в таких телепередачах, как «Однако» (Михаил Леонтьев), «Реальная политика» (Глеб

---

[2] *Кожевникова Г.* Радикальный национализм в России и противодействие ему. Сборник докладов Центра «Сова» за 2004-2007 гг. С предисловием Александра Верховского. Stuttgart/Hannover, 2007. С. 138.

[3] *Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В.* Политическая ксенофобия. Радикальные группы, представления лидеров, роль Церкви. М., 1999; *Лихачев В.* Нацизм в России. М., 2002; *он же.* Политический антисемитизм в современной России. М., 2003; *Митрофанова А.* Политизация «православного мира». М., 2004; Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям / Сост. *Александр Верховский.* М., 2005; Русский национализм. Идеология и настроение / Сост. *Александр Верховский.* М., 2006; Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России) / Сост. *Марлен Ларюэль.* М., 2007; Современные интерпретации русского национализма / Сост. *Марлен Ларюэль.* Stuttgart/Hannover, 2007.

Павловский), «Постскриптум» (Алексей Пушков), а иногда просто в выпусках новостей, создает манихейское мировоззрение, в котором США представляются ответственными за бóльшую часть неудач и неверных тенденций современной российской, да и новейшей мировой истории вообще, и в котором американское общество трансформируется в негативное «иное» русской цивилизации. При этом курьезным образом то государство, которое в недавней истории принесло России наибольшее несчастье, Германия, исключено из такого параноидного восприятия внешнего мира. Вместо этого ФРГ сегодня, не в последнюю очередь, видимо, благодаря личному расположению Путина, преподносится российскими СМИ как коллективный друг россиян. (Многие немцы, узнав о такой чести, наверное, удивились бы.)

К тому же следует заметить, что, несмотря на растущее официальное осуждение самых очевидных правоэкстремистских тенденций, представители дружественных по отношению к Путину националистических политических группировок, в первую очередь ЛДПР, остаются за пределами громких антинационалистических кампаний Кремля. Это, несмотря на то, что многие высказывания Жириновского и его единомышленников способствуют разжиганию межнациональной ненависти не менее чем, например, упомянутый антииммигрантский ролик «Родины». Достаточно вспомнить пресловутую автобиографию Жириновского 1993 г. «Последний бросок на юг», где лидер ЛДПР винит «южан» во всевозможных неудачах России — тема, которая до сих пор муссируется в пропаганде жириновцев. Не говоря уже о ряде недавних околонацистских высказываний бывшего депутата ЛДПР в Госдуме Николая Курьяновича. Более того, Путин в апреле 2006 г. лично наградил Жириновского — человека, который 9 сентября 1995 г. таскал за волосы женщину, депутата Евгению Тишковскую, по залу Государственной Думы перед включенными телекамерами! — орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Также удивляет, насколько беспрепятственно развивается и открыто выступает новое т. н. Движение против нелегальной иммиграции Александра Поткина-Белова, — несмотря на очевидно ксенофобский тон риторики и радикальный характер акций ДПНИ.

Заблуждения интеллигенции

Наряду с такого рода тенденциями в публичной политике, подобные противоречивые явления имеются и в дискурсе государственной элиты, интеллектуальных кругов и политической публицистики. С одной стороны, часть пропрезидентских чиновников и интеллектуалов форсирует интеграцию России в западные организации, такие как Большая Восьмерка или Всемирная торговая организация. С другой стороны, сегодняшние политико-экспертные дискуссии, как и интеллектуальная жизнь в целом, характеризуются распространенным антизападным, часто обозначаемым как «евразийский», консенсусом, основным содержанием которого является идея о том, что Россия «отличается» от США и существует как «противовес» Соединенным Штатам.

Российский книжный рынок переживает наплыв политических пасквилей, для которых характерны патологический антиамериканизм, бредовая

конспирология, апокалипсические картины будущего мира и фантастические утверждения о грядущем новом рождении русской нации или же «евразийской» цивилизации. Среди более или менее читаемых авторов подобных шедевров — наряду со многими другими — Игорь Шафаревич, Юрий Мухин, Олег Платонов или Максим Калашников (он же Владимир Кучеренко).

Один из наиболее известных публицистов такого рода — доктор политических наук Александр Дугин (1962 года рождения) — основатель, идеолог и председатель Международного «Евразийского Движения», Высший Совет которого украшен членством таких политических фигур, как министр культуры Александр Соколов, вице-спикер Совета Федерации Александр Торшин, ряд других высокопоставленных политиков, чиновников и дипломатов РФ, а также некоторых маргинальных западных интеллектуалов и представителей СНГ[4]. На растущую авторитетность Дугина следует обратить внимание также и в связи с тем, что ведущий «неоевразиец» России может считаться не только самым влиятельным, но и, пожалуй, самым беззастенчивым среди своих ультранационалистических коллег-публицистов. В то время как Олег Платонов или Кара-Мурза ограничиваются в своих трактатах в основном реанимацией классического русского антизападничества и только скрытым использованием западных идей, Дугин открыто признается в том, что основные источники его идеологии — нерусские антидемократические концепции. Дугинские источники включают и европейский интегральный «традиционализм» (Рене Генон, Юлиус Эвола, Клаудио Мутти и др.), и западную геополитику (Альфред Махен, Сер Хальфорд Макиндер, Карл Хаусхофер и др.), и межвоенную немецкую «консервативную революцию» (Карл Шмитт, Эрнст Юнгер, Артур Меллер ван ден Брук и др.), и сегодняшних франкоязычных «Новых правых» (Алан де Бенуа, Роберт Стойкерс)[5].

Более того, в девяностые годы Дугин неоднократно намекал на свои симпатии к центральным идеям и институтам итальянского фашизма и немецкого нацизма, особенно к Ваффен-СС и его исследовательскому центру «Аненэрбе» (Наследие предков)[6]. В своей книге «Консервативная револю-

---

[4] *Цымбурский В.* «Новые правые» в России. Национальные предпосылки заимствования идеологии // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Т. 2 / Сост. *Татьяна И. Заславская*. М., 1995. С. 472-482; *Умланд А.* Формирование фашистского «неоевразийского» интеллектуального движения в России. Путь Александра Дугина от маргинального экстремиста до идеолога постсоветской академической и политической элиты, 1989-2001 гг. — Ab Imperio, 2003, № 3; *Сендеров В.* Неоевразийство: реальности, опасности, перспективы. — Вопросы философии, 2004, № 6; *Ларюэль М.* (Нео)евразийцы и политика: «вхождение» в госструктуры и безразличие к общественному мнению? // Вестник Евразии. — Acta Eurasica, 2006, № 1 (31); *Соколов М.* Новые правые интеллектуалы в России. Стратегии легитимации. — Ab Imperio, 2006, № 3.

[5] *Люкс Л.* «Третий Путь», или Назад в Третий рейх? — Вопросы философии, 2000, № 5; *Умланд А.* Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма. — Вопросы философии, 2006, № 12.

[6] *Умланд А.* Фашист ли доктор Дугин? Некоторые ответы Александра Гельевича. — Открытая электронная газета Forum.msk.ru. 2007. 20 июля. http://forum.msk.ru/material/society/365031.html.

ция» (М., Арктогея, 1994. С.14) он характеризовал германский национал-социализм как наиболее полное воплощение предпочитаемого им «Третьего пути». В главе «Фашизм — безграничный и красный» интернет-версии его книги «Тамплиеры Пролетариата» (М., Арктогея, 1997) он выразил надежду, что после непоследовательного внедрения изначально правильных идей в фашистской Италии, Третьем Рейхе и других странах с националистическими режимами в постсоветской России возникнет наконец-то настоящий «фашистский фашизм». В многочисленных конспирологических публикациях Дугина мировая история представлена как продолжающаяся столетиями иногда тайная, иногда откровенная конфронтация между иерархически организованными «евразийскими» континентальными державами, с одной стороны, и либеральными «атлантическими» морскими державами, с другой. Это противостояние разыгрывается теперь между Россией и США как главными представителями обеих антагонистических цивилизаций и приближается к своему «Endkampf» (последней битве), — слово, которое Дугин употребляет на немецком языке, без перевода на русский, и которое играло важную роль в нацистской пропаганде в Германии сороковых годов XX столетия.

Подобные профашистские высказывания должны были бы привести к тому, что Дугин и другие правоэкстремистские публицисты, высказывающиеся аналогично, также осуждались бы российскими СМИ, как это происходило с неонацистскими партиями типа Русского Национального Единства (РНЕ) и скинхедовскими группировками. Но на сегодняшний момент этого не произошло. Наоборот, Дугин, как и ему подобные публицисты, как главный редактор важнейшего ультранационалистического еженедельника России «Завтра» Александр Проханов, все чаще приглашаются в качестве уважаемых комментаторов в такие политические передачи, как «Времена» (ведущий Владимир Познер), «Тем временем» (Александр Архангельский), «Воскресный вечер» или «К барьеру!» (Владимир Соловьев), а иногда даже появляются в популярных ток-шоу, как, например, в «Пусть говорят» (Андрей Малахов).

Постсоветское понимание фашизма

То, что до сих пор упомянутые курьезные аспекты интеллектуальной биографии Дугина игнорировались контролируемыми Кремлем масс-медиа, связано, видимо, не только с тем, что Дугин в последнее время профилирует себя как «радикальный центрист» и фанатичный приверженец Путина и смог добиться симпатий видных представителей российской законодательной и исполнительной власти. Дугину удалось также избежать публичных обвинений в фашизме благодаря адаптации им своих последних высказываний и официального имиджа к искаженному, унаследованному от советской пропаганды пониманию слова «фашизм»[7].

[7] *Умланд А.* Современные понятия фашизма в России и на Западе. — Неприкосновенный запас, 2003, №5 (31). http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=20010634.

В постсоветском дискурсе возникшее в Италии понятие «фашизм» на практике часто уравнивается с немецким нацизмом и с его внешней символикой, такой как свастика и гитлеровский салют[8]. Пропагандистское использование понятия «фашизм» в России зашло так далеко, что оно иногда применяется к просто считающимся «антирусскими» идеям и, таким образом, неожиданно превращается в риторический инструмент ксенофобских кампаний русских ультранационалистов.

Пример Дугина иллюстрирует, что вследствие такого узкого понимания слова «фашизм» достаточно словесного дистанцирования от наихудших аспектов Третьего Рейха и избегания открытого копирования нацистской символики, чтобы предотвратить осуждение общественностью как «фашиста».

Этим, по крайней мере, можно было бы объяснить, почему, с одной стороны, откровенно неонацистские группировки, такие как РНЕ Александра Баркашова (с которым Дугин однажды кооперировался) и банды скинхедов, официально преследуются властью, а, с другой стороны, риторически не менее радикальных ультранационалистических публицистов терпят, и они могут безбоязненно участвовать в официальных дебатах в контролируемых государством СМИ. В некоторых случаях этим активистам даже приписываются определенные роли в различных проектах кремлевских политтехнологов.

1984 — де жа вю

Еще один фактор в пользу Дугина & Со — это возвращение российского руководства к квази-оруэлловским формам официального политического дискурса. Находясь под прямым или опосредованным управлением президентской администрации сегодня, одна масс-медийная кампания плавно переходит в другую. Будь то российско-китайская встреча на высшем уровне, выступление российских спортсменов на Олимпиаде, «Оранжевая революция» или кассовый успех российского фильма жанра фэнтези за рубежом, любые международные события раздуваются в коллективно завоеванные триумфы или же совместно переживаемые поражения русской нации под ее верным руководством.

Результирующая симплификация и эмоционализация общественных дебатов, которые иногда заканчиваются курьезными соревнованиями в крикливости между участниками политических теледискуссий, мешают серьезному журналистскому и научному анализу. Политические комментарии в СМИ фиксируются на «здесь и сейчас», что в случае с Дугиным, видимо, способствовало тому, что его вообще-то известные профашистские выступления девяностых годов «забыли». Бесконечно повторяющиеся поношения Запада в комментариях к мировым событиям и пропаганда «особого пути» (идея, которая немцам старшего поколения покажется знакомой) России постепенно расширяют пространство для радикальных лозунгов и решений, что также усиливает общественную позицию Дугина и аналогично ориентированных теоретиков антиамериканизма.

---

[8] *Галактионов Ю.* Германский фашизм как феномен первой половины XX века. Отечественная историография 1945-90-х годов. Кемерово, 1999.

Перспективы на 2008 год

Приведет ли недавно обретенная российская сенсибилизация против националистических тенденций к последующему возвращению к традициям толерантности и открытости в российской политической и общественной мысли? Или эта пока неокрепшая тенденция останется лишь кратким эпизодом в изменчивых медийных кампаниях путинской администрации?

Сейчас можно наблюдать два встречных движения — идеологическое и прагматическое, столкновение которых придает официальным дебатам в России после нескольких лет относительной скуки в СМИ опять некую остроту. Налаженная президентской администрацией последних лет дуалистическая картина мира, — с одной стороны, наивно-хорошие, борющиеся за свою «независимость» русские, а с другой, коварно-бездушный западный «империализм», — выполняет важную легитимационную функцию для «твердогого курса» нового президента «возрождающейся» России. Однако официально одобренная мания преследования открывает дверь для более радикальных выводов и действий. Поскольку американская модель общества представлена как противоположность русской цивилизации, не стоит удивляться, когда молодежные формирования своими способами пытаются предотвратить «американизацию» российского общества.

Связанный с последующими эксцессами вред международному имиджу русских, в свою очередь, несовместим с таким же сильным стремлением Кремля представить Россию уважаемым партнером западных государств и частью «цивилизованного мира». К тому же в российском правительстве, видимо, серьезно рассматривается возможность противопоставить стремительно прогрессирующему уменьшению населения РФ широкомасштабную иммиграцию, что может послужить еще одним воспламенителем межнациональной вражды. Также можно указать на то, что фанатичный антиамериканизм и демонстративно проиранская позиция Дугина & Со противоречит пониманию актуальных проблем безопасности РФ в Кремле и его стараниям сделать Россию ведущим членом в составе международной коалиции против исламистского терроризма (что, в свою очередь, важно для оправдания «решительных мер» федеральных войск в Чечне). Эти и другие противоречия придают дополнительную остроту вопросу о направлениях и последствиях, по крайней мере, частичной смены власти в 2008 году.

Перевод с немецкого: Елена Сивуда

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ: ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Проблема взаимодействия личности и власти является одной из самых болезненных, трудных для русской интеллигенции. Думается, Дмитрий Лихачев не был в данном плане исключением. Напротив, его взаимоотношения с властью представляют сегодня интереснейший материал для осмысления этой темы.

Необходимость обращения к данной теме стала очевидной в ходе научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН, состоявшейся в Москве 20 декабря 2006 года. Сессия была посвящена 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. Среди докладов особняком стояло выступление С. О. Шмидта. Оно содержало один неоправданно резкий, но весьма любопытный пассаж, побуждающий к размышлениям. Шмидт обрушился с критикой на Ю. В. Зобнина, обвинив этого выдающегося филолога, ученика и коллегу Лихачева ни много ни мало в использовании текстов своего учителя «*неблаговидно для памяти Лихачева*»[1].

Поводом для этого выпада послужил фрагмент текста Зобнина, процитированный Шмидтом по университетскому журналу «ОченьUM»: «*...если государство начнет давить интеллигенцию, получится катастрофа, поэтому от "государственных объятий" нужно уклоняться, но напрямую с ним не конфликтовать. Должна быть внутренняя свобода, "тайная свобода"*». Особое негодование Шмидта вызвал итоговый вывод Зобнина: «*То, что говорил Лихачев, очень похоже на слова леди Макбет: "Кажись цветком и будь змеей под ним". И тогда интеллигенция вновь будет в своей стихии. Страшновато звучит, но, если вдуматься, это правда*"[2]. Процитировав Зобнина, его

[1] Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук. М, 2006. С. 23.

[2] *Зобнин Ю.* Мы чувствуем себя крестниками Лихачева // ОченьUM. 2006/2007. № 1. С. 29.

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ — родился в 1954 году в Курске. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии образования, академик Академии наук и искусств (Париж), почетный доктор Линнского университета (Флорида, США) и Американского университета в Дублине (Ирландия), Заслуженный деятель науки России. Автор около 900 научных и публицистических работ по проблемам культуры, образования, социальной и молодежной политики. Живет в Санкт-Петербурге.

критик заключил: «*Не говоря о том, что леди Макбет отнюдь не положительный образ у Шекспира, суждения эти противоречат всем нравственным установкам Лихачева*»[3].

По сути нравственных установок академика Лихачева спор этот представляется весьма интересным.

Разумеется, пересказ профессором Зобниным размышлений Дмитрия Сергеевича о действиях интеллигенции является вольным. Это — не строгое цитирование, а именно пересказ своими словами. Да и сравнение интеллигента со змеей кажется не самым удачным. Даже если вспомнить, что змея в культуре многих народов выступает символом мудрости. Но главное все же не в этом.

По Лихачеву, интеллигент должен быть вместе с властью, когда она вершит добрые дела, и решительно противостоять ей, когда творится зло. Но власть — это сила, причем чаще всего беспощадная. Вот почему вопрос о способах, путях противостояния злу на практике, в повседневной жизни приобретает нередко трагическое звучание. В России времен Лихачева, на протяжении почти всей жизни Дмитрия Сергеевича, открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Сам он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния. Так что, по сути дела, думается, прав был профессор Зобнин.

Но в этой точке размышления над диалектикой взаимоотношений личности и власти должны лишь начинаться. Был ли Дмитрий Сергеевич антисоветчиком, антикоммунистом, диссидентом? Что объединяло его с фигурами типа Андрея Сахарова, Александра Зиновьева, Александра Солженицына и что от них отличало?

По всей видимости, определенная конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения. Один из видных отечественных филологов, сотрудник Отдела новой русской литературы Пушкинского Дома А. В. Лавров вспоминает, что Д. С. Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность духовно-нравственному кодексу этой среды. По мнению Лаврова, через десятилетия владычества «нового человека», который принуждал других жить по собственным стадным понятиям, Д. С. Лихачев прошел, «*не утратив своего исконного существа, которое сказывалось в мельчайших деталях поведения, в манере разговаривать, во всем тонусе личности*»[4].

Личность, сформированная старой русской культурой... Многих это в Лихачеве восхищало и привлекало. Профессор Московского и Венского университетов, филолог С. С. Аверинцев вспоминал: «*Для меня Дмитрий Сергеевич был прежде всего последним представителем культурной формации,*

---

[3] *Шмидт С.* Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 24.

[4] Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. СПб., 2002. С. 112.

знакомой по старым книгам, но в его лице являвшейся с повсечасной естественностью. Это делало общение с ним для меня особенно ценным, это же подчас стимулировало невозможность согласиться: одно было связано с другим. Я сам, впервые приучившись читать на отцовских книгах, все больше с ятями да фитами, с юных лет привык считать себя существом скорее палеонтологическим, однако перед ним чувствовал, до чего я поздний. В нем было вправду естественно то, что было бы несносным стилизаторством в другом; он по праву законного наследника завершал путь целого культурного круга»[5].

Но восхищало и привлекало это далеко не всех. Многими он не мог восприниматься как свой, более того, раздражал и вызывал ненависть, примерно как профессор Преображенский у Швондера в булгаковском «Собачьем сердце». Малообразованной, малокультурной частью нового начальства, — а таких было подавляющее большинство, — Лихачев воспринимался как чужеродное явление. Один из сослуживцев Дмитрия Сергеевича отмечал, что неприятие Лихачева, как и других интеллигентов, властью было *«вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство. Так по особенностям шороха кустов волк безошибочно определяет оленя. Советская власть слушала даже не столько то,* ***что*** *сказано, сколько то,* ***как****»*[6]...

Таким образом, можно сказать, что первый конфликт Д. С. Лихачева с властью был культурно-социальным.

По всей видимости, и Дмитрию Лихачеву было непросто полюбить новый режим. Его внучка З. Ю. Курбатова вспоминала, что Лихачев называл революцию «несчастьем», разрушившим прекрасный мир: *«Все было нарядно, логично и счастливо в дореволюционной России, как говорил дед, "до несчастья" — у меня не было сомнений в этом, как и в том, почему прекрасный мир однажды разрушился»*. И далее: *«Фотографии запечатлели красавца-инженера в форменной фуражке, строго смотрящего на потомков через чеховское пенсне. Прадедушка был главным инженером Печатного двора, много зарабатывал, получал даже царские подарки... После "несчастья" жизнь его резко изменилась: понижение по службе, боязнь ареста, "уплотненная квартира". Дедушка Митя при всей своей сдержанности и нежелании рассказывать о семейных несчастиях очень страдал из-за положения отца при советской власти: бывший щеголь стал одеваться, как рабочие, и — самое ужасное — выпивать с пролетариями, чтобы казаться "своим". Дедушка был очень привязан к отцу...»*[7]

Многие с удовольствием сделали бы из Лихачева антисоветчика. Фазиль Искандер предложил однажды свое объяснение долголетия Лихачева: Дмитрий Сергеевич поставил себе задачу пережить советскую власть — и пережил ее. Разумеется, это была шутка, но шутка, отражавшая некий общественный взгляд.

Думается все же, что реальность была намного сложнее. Бывает ли вообще власть, к которой у думающей личности нет совершенно никаких

---

[5] Там же. С. 118.

[6] Там же. С. 9—10.

[7] Там же. С. 33

претензий? Что делать человеку? Пытаться повлиять на власть, воевать с ней, сокрушить ее? Или покинуть Родину, оказаться в чужой жизни, под той властью, которая тебя не волнует, потому что она чужая?

Но есть и третий путь, он может быть выражен шекспировской формулой: «*Все мерзостно, что вижу я вокруг... Но как тебя покинуть, милый друг!*» Под «другом» здесь можно понимать свою семью, друзей, любимый город и любимую работу, свою страну. Если всем интеллигентам непрерывно воевать с властью и исправлять ее пороки, то кто будет учить детей, лечить стариков, проектировать мосты и дороги, заниматься научными исследованиями?..

Недоброжелатели упрекали Лихачева в том, что он остался жив, не взошел, так сказать, на баррикады. Но смысл жизни для нормальных людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической активности. Есть и другие ценности: радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневное содержание жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созидателем: «*Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую*», — рассказывает Людмила Дмитриевна Лихачева[8]. «*Для самого деда вопроса эмиграции не существовало: он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле*», — дополняет З. Ю. Курбатова[9].

Даниил Гранин заметил, что судьбу Дмитрия Сергеевича можно изобразить как цепь репрессий: «*Одна несправедливость следует за другой. А кроме того, ужасы ленинградской блокады, эвакуации, семейные потери. Несчастья настигали его, но не они определяли его облик*». По мнению Гранина, тяжкие испытания не лишили Лихачева благородства, напротив: «*За многие годы нашего общения я не помню, чтобы он кого-то поносил, кому-то завидовал, льстил властям, искал компромиссов, даже во имя "интересов дела". Когда-то его ожесточенно преследовали ленинградские власти, старались уничтожить и морально, и физически. Ему подожгли квартиру. Его избили в подъезде его дома. Он не искал примирения. Между прочим, он об этом не рассказывает ни в воспоминаниях, ни в своих выступлениях. А в рассказах о Соловках, где он сидел в лагере, нет описания личных невзгод. Что он описывает? Интересных людей, с которыми сидел, рассказывает, чем занимался. Грубость и грязь жизни не ожесточали его и, похоже, делали его мягче и отзывчивее*»[10].

Гранин считает, что источником душевной прочности академика была его работа. Справедливости ради надо добавить: не она одна. Высочайшей ценностью в жизни Дмитрия Сергеевича была его семья. Ему было, что терять. В этом плане характерен следующий эпизод: «*Папа никогда не говорил дома, при нас, детях, об аресте и Соловках, но я чувствовала, что что-то*

[8] Там же. С. 3.

[9] Там же. С. 36–37.

[10] Там же. С. 381–382.

в его жизни было необычное и тяжелое. Я первый раз услышала о том, что он пережил, лет десяти-одиннадцати, после войны, когда мы еще жили на Лахтинской улице. У нас в гостях был кто-то из знакомых, и бабушка (папина мать) за чаем наговорила лишнего и по тем временам опасного. <...> После ухода гостя папа... произнес слова, которые я запомнила: "Я уже сидел и больше не хочу". Это произвело на меня сильное впечатление, но я не осмелилась у него или у мамы что-нибудь спросить», — вспоминала дочь ученого Л. Д. Лихачева[11].

Такова была объективная реальность повседневного бытия миллионов людей в те времена в Советском Союзе. Сознание не может мириться с нечестностью, несправедливостью, подлостью, предательством, глупостью. А хочется жить на родине, заниматься любимым делом, общаться с родными, нянчить детей и внуков, наслаждаться прогулками по любимому городу... Многим думающим людям приходилось искать свое место между двумя полюсами: на одном из них — самосожжение, на другом — полное приспособленчество. Впрочем, не только в Советском Союзе и не только в те времена...

Существуют различные экстравагантные концепции: якобы, Лихачев был не функционером «системы» и не ее оппонентом, а как бы «*вне ее*»[12]. Согласиться с этим трудно. Быть вне системы не удается даже дворникам и истопникам. На практике выход из «системы» всегда означал лишь переход на службу иной системе.

«*Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой — идеальное убежище, безопасное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось*», — писал Даниил Гранин[13]. Труды Лихачева — убедительный пример того, как яркие, настоящие научные результаты мешают спокойно существовать серости, бездарности. Интересно, что некоторые сегодняшние «бескомпромиссные противники коммунизма» пытаются поставить в вину Лихачеву написание во время блокады книги «Оборона русских городов»[14]. Эта брошюра раздавалась солдатам в окопах. «Преступление» Лихачева заключалось в том, что он выполнил данную работу по заказу Ленинградского обкома партии. Надо ли добавлять, что в советский период об «антикоммунизме» нынешних лихачевских критиков никто не знал?

На самом же деле Дмитрий Сергеевич вряд ли когда-либо смог бы принять от кого-либо «заказ», который противоречил бы его убеждениям. Работавший в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома академик А. М. Панченко вспоминал: «*Сейчас часто слышишь, как многие отрекаются от своего прошлого, говорят: "Мы не знали" или "Тогда было так надо". Когда есть смертная казнь, палачи нужны, но не каждый ведь пойдет в палачи». «В древнерусском секторе ничего подобного не было. Поэтому нам не надо выбрасывать изданные книги или отрекаться от них*»[15].

---

[11] Там же. С. 27.

[12] Там же. С. 9.

[13] Там же. С. 387.

[14] *Тиханова М., Лихачев Д.* Оборона древнерусских городов. Л., 1942.

[15] Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 100.

Как бы то ни было, но, даже занимаясь древнерусской литературой, Д. С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Сотрудник Отдела пушкиноведения Пушкинского Дома Лидия Михайловна Лотман вспоминала: «*Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие "доброхотов", готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. После конференции в университете, посвященной "Слову о полку Игореве" (1975 год), в ходе которой блестящий доклад прочел Д. С. и выступал мой брат Ю. М. Лотман, в "инстанции" был сделан клеветнический донос о содержании этих выступлений. Присутствовавших студентов и аспирантов стали вызывать в партбюро и допрашивать. <...> Под впечатлением подобных эпизодов Д. С., с которым мы встретились в электричке по пути из Зеленогорска в Ленинград, сказал мне однажды: "Чувствуешь себя как в оккупации"*»[16].

Второй конфликт Д. С. Лихачева с властью — конфликт профессиональный.

Невежественная власть мешала настоящим ученым работать, мешала жить интеллектуальной жизнью, поддерживала научную серость, безнравственных людей, пытавшихся добиться успеха ложной политизацией науки, демонстрациями верноподданничества, доносами.

Обстановка постоянного недоверия, подозрительности со стороны властей пропитывала все поры повседневной жизни академика, создавала постоянное психологическое давление, отравляла существование: «*Когда я приходила из школы и на телефоне в прихожей лежала вышитая болгарская подушка, это означало, что на Втором Муринском — гости и ведутся антисоветские разговоры. Прошедший школу Соловков в юности, чудом избежавший арестов в конце 30-х и во время блокады, сто раз подвергавшийся "проработкам" уже после войны, дед был крайне осторожен, чтобы не давать поводов вездесущим "органам". За дедом следили, причем гебисты не старались скрывать следов своей достаточно грубой работы. Письма из-за границы приходили склеенные кое-как желтым канцелярским клеем, телефонные разговоры иногда искусственно прерывались: слышны были щелчки и звуки наматывающейся пленки*», — вспоминала внучка Д. С. Лихачева[17].

Третий конфликт Д. С. Лихачева с властью сложился в сфере нравственности.

Л. М. Лотман вспоминает статью «Об общественной ответственности литературоведения», в которой Д. С. Лихачев утверждал, что если человек «*сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и оппонентов, если он сохранит навыки "умственной социальности", сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни, — это и будет интеллигентностью*»[18]. И, как справедливо отмечала та же Л. М. Лотман: «*Нравственные принципы, которые всегда лежали в основе его деятельности, стали очевидны, когда в круг его занятий вошли вопросы истории быта, истории искусства, экологии,*

[16] Там же. С. 82.

[17] Там же. С. 36.

[18] Там же. С. 85.

природы и культуры, когда его научная деятельность сомкнулась с практической общественной деятельностью»[19]. Молчать и скрывать свои убеждения становилось все труднее, в особенности — от подрастающих младших членов семьи: «*Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова, — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве, — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров. Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы*», — пишет З. Ю. Курбатова[20].

Между тем профессиональные достижения Д. С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину.

В 1952 году ему присуждается Государственная премия СССР за работу «История культуры Древней Руси». В 1953 году его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1961 году Дмитрий Сергеевич становится депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. В 1967 году — Почетным доктором Оксфордского университета (Великобритания). В 1969 году ученому присуждается Государственная премия СССР за книгу «Поэтика древнерусской литературы». В следующем году Лихачева избирают действительным членом Академии наук СССР.

Оппоненты академика теперь нередко ставят ему в вину то, что он принимал награды от советской власти и «оказался неблагодарен»: «*Этот нравственный карлик отсидел в начале Советской власти три года в библиотеке в Соловецком лагере. Затем эта власть позволила ему дослужиться до академика и наградила его званием Героя Социалистического Труда. А сколько книг он беспрепятственно опубликовал после освобождения в сталинский период и позднее! Короче, Советская власть все последующие годы после кратковременной отсидки Д. Лихачева, словно извиняясь, только и осыпала его благодеяниями. Но как только Горбачев позволил интеллигенции рвать зубами Советскую власть, академик, опередив всю эту стаю, первым вцепился ей, этой власти, в руку дающую*»[21].

Литературный критик Владимир Бушин посвятил этой теме большую статью в газете «Завтра», иронизируя по поводу выдвижения ученого в 1990 году на премию фонда «Фьюджи» за «Жизнь, отданную делу во имя гуманизма». Весь пафос этого текста строился на полемике с фразой из «Известий»: «*Пройдя через сталинские лагеря, видный ученый и в последующем не однажды подвергался гонениям со стороны властей*». Для примера приведем следующую цитату из текста Бушина: «*Ну правильно. Только как можно было здесь промолчать о том, что, мужественно преодолевая гонения властей, молодой Лихачев уже в том самом 1938 году становится научным сотрудником академического Института русской литературы (Пушкинского Дома). Вскоре назло врагам защищает кандидатскую диссертацию, потом доктор-*

[19] Там же. С. 152.

[20] Там же. С. 38.

[21] *Ковалев К.* Карлики // Советская Россия. 16.07.1996.

скую, а в 1946 году, когда многие были напуганы постановлением ЦК партии о журналах "Звезда" и "Ленинград", расправой над Анной Ахматовой и Михаилом Зощенко, он, презрительно сметая с дороги все интриги и козни властей, становится профессором Ленинградского университета»[22]. В таком же духе комментируются и все остальные профессиональные достижения Дмитрия Сергеевича.

Нетрудно заметить, что рука об руку с подобной критикой идут элементарная человеческая зависть, недоброжелательство. Однако, каковы бы ни были личные мотивы лихачевских оппонентов, факт налицо: не симпатизировавший советской власти и пострадавший от ее действий ученый продолжал заниматься своей профессиональной деятельностью и принимал от этой власти награды.

Насколько справедливо требовать от Лихачева (да и любого другого человека) иного поведения?

Вопрос не праздный. Мне думается, не справедливо. В истории Советского государства не было ни одного даже самого радикального диссидента, который прямо с момента своего рождения или «прозрения» норовил сразу же порвать все отношения с властью, вступить с ней в непримиримую конфронтацию. Во всяком случае, вся творческая интеллигенция стремилась к диалогу, к отстаиванию своих позиций «мирным путем». Солженицын пытался публиковаться, Любимов ставил спектакли, Высоцкий снимался в кино и мучительно переживал «полуофициальное» положение своих песен, и т. д. Каждый из них стремился быть услышанным соотечественниками, и поначалу никому в голову не приходило отказываться от официального признания, идти на конфликт с властями.

В этой ситуации и заключался трагизм положения интеллигенции в советское время. Каждый, кто хотел заниматься своим делом и быть услышанным, должен был уметь так или иначе ладить с властью. Вопрос лишь в том, где пролегала граница допустимого компромисса.

Разумеется, существовали разные пути противостояния власти, и позиция, занятая академиком Лихачевым, была не единственно возможной. Ученый служил не чиновникам, а своей науке и своей стране. Служил, не «подмазываясь» к власти, не совершая подлостей в погоне за почестями, не теряя человеческого достоинства. Все его должности и награды были заслужены делом, а не какими-либо внепрофессиональными ухищрениями, протекциями, кумовством. Каждое звание, каждый орден, каждую премию государство давало ему, выполняя свой долг, совершая должное.

Характерно, что своими привилегиями Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: *«Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатушках в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал,*

[22] *Бушин В.* Лягушка в сахаре // Завтра. 27.03.1996.

что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. <...> Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей»[23].

Но был и другой вызов в поведении Лихачева той поры: «*Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался. <...> В пору, когда мой брат Ю. М. Лотман подвергался опасной критике и преследованию за то, что искал новые пути в изучении литературы и культуры, Д. С. принципиально выступил на его защиту, доказывая, что разработка новых подходов к материалам исследования, нового метода в науке, а также формирование разных школ — необходимое условие развития всех областей знания*», — рассказывает Л. М. Лотман[24]. А вот эпизод из биографии Ильи Захаровича Сермана, с 1956 по 1976 годы сотрудника Пушкинского Дома, затем — профессора Иерусалимского университета: «*Когда в 1975 году наша дочь Нина уехала в Израиль, Дмитрий Сергеевич в числе семи других членов ученого совета голосовал против четырнадцати его партийных членов, проголосовавших за мое изгнание из института. И память об этом как-то смягчала горечь незаслуженного и несправедливого решения моей участи*»[25].

Другой эпизод подобного заступничества содержится в воспоминаниях Г. М. Прохорова: «*...в Институт русской литературы, Пушкинский Дом, явились по представителю от КГБ и Василеостровского обкома партии, собрали — кого удалось — сотрудников и предложили им коллективно обратиться с просьбой к властям о лишении меня советского гражданства и ученой степени кандидата филологических наук. <...> И мои сотрудники во главе с... Дмитрием Сергеевичем Лихачевым сделать это не согласились. <...> Мое непосредственное начальство, Дмитрий Сергеевич Лихачев, был вызван в Смольный, в обком партии, к всесильному Григорию Романову, и тот, между прочим, упрекнул академика за то, что он оказывает покровительство таким людям, как я. Что сказал или пообещал ему Лихачев, я не знаю, но Романов согласился прекратить преследования. <...> Машины, дежурившие около дома в городе и вдруг освещавшие ночных прохожих около дачи, исчезли; вызовы, допросы и потери друзей прекратились; слежка тоже — или пошла по другому режиму... Но главное — я остался на свободе, в России и в Пушкинском Доме, некогда приглашенный туда и сохраненный там Дмитрием Сергеевичем Лихачевым*»[26].

Эти примеры можно множить и множить. Лихачев помогал и совершенно незнакомым ему, посторонним людям. Помогал просто потому, что не мог не помогать. Академик РАО Игорь Кон рассказывал автору этих строк, как в одном из провинциальных городков готовилось осуждение одного из жителей за распространение «порнографии», которой правоохранительные органы сочли роман Набокова «Лолита». Судьи со всей очевидностью склонялись к обвинительному приговору. Отчаявшийся их переубе-

[23] Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 388.

[24] Там же. С. 83.

[25] Там же. С. 92.

[26] Там же. С. 108–110.

дить адвокат обратился за помощью к Лихачеву. Представленное в судебное заседание в последний момент письмо Дмитрия Сергеевича спасло судьбу человека.

Но так получалось не всегда. Академику приходилось балансировать на грани невозможного. И общая обстановка непрерывно менялась. Причем далеко не всегда — в лучшую сторону. Гелиан Прохоров свидетельствует: «*В январе 1981 года мы с моим другом и соавтором Сергеем Гречишкиным собирали письма в защиту нашего общего друга, известного литературоведа и переводчика Константина Азадовского, ставшего жертвой провокации со стороны "доблестных органов" и арестованного (ныне реабилитированного).* <...> *обратились мы и к Дмитрию Сергеевичу, но он отказался — и отнюдь не из соображений осторожности: "Письмо за моей подписью только ухудшит в данном случае ситуацию. Для них мое имя в одном может сыграть свою роль — убедить дополнительно в том, что они правильно поступили"*»[27]. Но иных примеров было намного больше: «*В январе 1986 года к нам обратился киевский историк и литературовед С. И. Белоконь. Он жаловался на то, что подвергся преследованиям и лишился работы из-за своей общественно-политической деятельности в защиту свободы. С. И. Белоконь просил написать письмо президенту Академии наук Украины с просьбой предоставить ему работу. Мы встретились с Дмитрием Сергеевичем в вестибюле Пушкинского Дома. Он вошел с мороза, прочел напечатанный текст обращения в защиту Белоконя, достал замерзшими пальцами свою печатку "Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев", сделал тиснение в левом верхнем углу, подписал его, предложив и мне поставить свою подпись. Через некоторое время от Белоконя пришло письмо, в котором он сообщал, что получил работу. Это всего лишь один эпизод из многочисленных заступничеств Дмитрия Сергеевича за терпящих бедствие людей самых различных профессий и разного общественного положения*», — делится воспоминаниями академик А. А. Фурсенко[28].

Атмосферу противостояния ученого и власти того времени красноречиво характеризует рассказ академика Вячеслава Всеволодовича Иванова: «*Позвонив Дмитрию Сергеевичу домой, я узнал, что он в Доме ученых на вечере памяти Беркова.* <...> *Когда вечер кончился, я подошел к Дмитрию Сергеевичу. Он предложил мне посидеть с ним и с его женой в гостиной на втором этаже — как раз рядом с тем залом, где прошло заседание. Мы уселись в креслах у окна. Меня беспокоила разгоравшаяся травля Солженицына.* <...> *Час был поздний. Свет уже был приглушен. В пустой гостиной на столах напротив тех кресел, где мы сидели, были разложены газеты. Их в полумраке разглядывал или вернее делал вид, что читал, неизвестный нам молодой человек. Лихачев показывал мне на него, усмехаясь. Когда по окончании разговора мы встали, он бегом выскочил из комнаты и опрометью побежал одеваться.* <...> *я поравнялся с Дмитрием Сергеевичем. Он сказал мне, что за ним, как и за мной, следят и что надо быть осмотрительными.* <...> *Я узнал о его разговоре с тогдашним ленинградским партийным градоначальником Романовым. В ответ на вопрос, почему его не пустили поехать в Болгарию, Рома-*

[27] Там же. С. 112–113.

[28] Там же. С. 161.

нов сказал, что и дальше никуда за границу не пустит. Ваши друзья — наши враги. Кто? Романов назвал четыре имени — Романа Якобсона, незадолго до того высланного Солженицына, еще позже уехавшего Эткинда и меня. Трое других были за границей. Я один в России, как и сам Лихачев. В ответ на недоуменный вопрос обо мне Романов пояснил: "А как же, Вы с ним сидели вечером в гостиной Дома ученых"»[29].

Здесь уместно сказать, что благородство Дмитрия Сергеевича было понятно далеко не всем даже в академической среде. Хотя, может быть, следовало бы сказать: в первую очередь, в академической среде. Многие из его коллег вели себя совершенно иначе. Стоило ли удивляться их стремлению опорочить Лихачева, выдумать неблаговидные объяснения его поведению?

Очень хорошо раскрывает этот аспект ситуации С. С. Аверинцев. Он вспоминает, что неизменно встречал со стороны Дмитрия Сергеевича готовность помочь, поддержать в конфликтах с официозной идеологией: «*Готовность эта была неутомимой, а в ряде ситуаций должна быть без малейшего преувеличения названа отважной. Последнее подчеркиваю особо, поскольку мы уже слышим сегодня голоса, с нарочитым нажимом подчеркивающие в общественном поведении покойного черты расчетливости и осторожности, и нам, жившим в ту пору, боязно, как бы непуганые поколения не приняли всего этого за чистую монету. Само собой разумеется, что в советских условиях всякий, кто желал заниматься легальной академической и просветительской деятельностью, должен был соблюдать осторожность и рассчитывать свои шаги; это относилось решительно ко всем нам. Но вот границу между необходимой осторожностью и предосудительной оробелостью совесть разных людей проводила весьма по-разному, и эти различия, из сегодняшнего дня почти неуловимые, тогда решали все. Не называя имен, скажу, что в определенные моменты некоторые уважаемые старшие коллеги, по образу мыслей мне скорее сочувствовавшие, начинали избегать со мной общения. <...> А Дмитрий Сергеевич вел себя совсем иначе, и я должен засвидетельствовать, что были случаи, когда я твердо знал, что единственный представитель академического мира, к которому мне можно обратиться, — это он, больше не к кому. А это наперед опровергает любые попытки тривиализировать его общественное поведение. Если бы делать то, что делал он, было бы и вправду уж так не опасно, не страшно, почему же этого не делал никто другой среди лиц влиятельных? Если его роль была, как нас хотят уверить, чуть ли не предусмотрена, чуть ли не поручена ему советским официозом, почему на эту роль не нашлось больше охотников?*»[30]

Возможно, самым необычным свойством Лихачева было стремление помогать своим научным оппонентам: «*Заговорили о Лотмане... Он сказал мне, что статью Юрия Михайловича о "Слове о полку Игореве" не считает правильной, но ему казалось, что надо побольше опубликовать разных точек зрения на "Слово", — тогда мы лучше его поймем*», — говорит Вяч. Вс. Иванов[31]. Вот и С. С. Аверинцев отмечает, что по отношению к нему с начала 1970-х

[29] Там же. С. 174–175.

[30] Там же. С. 177–178.

[31] Там же. С. 174.

и вплоть до конца советских передряг Дмитрий Сергеевич неизменно проявлял самое деятельное участие, и его готовность встать в трудный час на сторону коллеги была доказана делом: ведь он помогал «*не совсем такому лицу, каким обычно помогают в этом грешном мире*», ведь «*вокруг каждого человека есть "свои", это вполне нормально, сколь же нормальна помощь, оказываемая "своим"*»[32]. В самом деле, научное сообщество в Советском Союзе жило своего рода «кланами», группировками, где руководители и ученики поддерживали друг друга, следуя определенным неписаным правилам, выполняя определенные, довольно-таки жестко детерминированные роли. Аверинцев же для Лихачева «своим» не был. То есть не был своим в некотором будничном смысле — членом социума, подчиненным, последователем или, тем более, «*послушным учеником*».

Видимо, противостояние власти — это искусство возможного. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой, — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен.

Даже в благодушные для России XX века годы «оттепели» и «застоя» отстаивание своих принципов в противодействии власти не было безопасным. Лихачева трижды проваливали при избрании в академию. За отказом подписать организованное Академией наук письмо против А. Д. Сахарова последовало избиение в собственном парадном. Но свои жизненные принципы пришлось оплатить не только сломанными ребрами: «*Слишком очевидными доказательствами угрозы, подступавшей из кромешной темноты, были в свое время и гибель дочери, и приключившееся тогда же нападение неизвестного на него самого*», — пишет Аверинцев[33].

Подвергая испытаниям Дмитрия Лихачева, судьба проявила удивительную изобретательность. Здесь снова уместно процитировать Д. А. Гранина: «*Ему угрожали. Он оставался непреклонным. В сущности — всего лишь порядочным человеком, отнюдь не диссидентом, — но, может быть, это было еще опаснее*»[34]. И еще: «*В девяностые года звезда Лихачева взошла высоко, он стал одним из самых популярных людей и, соответственно, подвергался тем же страстям и соблазнам, что и остальные деятели. Его искушали особенно энергично. Вербовали себе в сторонники, старались заручиться его поддержкой. Власть хотела использовать его репутацию. Так, например, Черномырдин, создавая движение "Наш дом — Россия", настойчиво предлагал Лихачеву возглавить избирательный список в депутаты Думы. Он не поддавался. Времени порча не сумела воздействовать на него*»[35].

Как позднее отмечали близкие Д. С. Лихачева, «его временем» стала перестройка. «*В одночасье, солнечным летним днем, дед перестал быть опаль-*

[32] Там же. С. 178.

[33] Там же. С. 177.

[34] Там же. С. 387.

[35] Там же. С. 381.

ным — письмо от Горбачевой привез фельдъегерь, примчавшийся на серебристом автомобиле прямо из Москвы. <...> Дед... внутренне просиял — вряд ли его так волновало отношение властей, просто дед сказал кому-то невидимому: "То-то же"», — вспоминает З. Курбатова [36].

О взаимоотношениях Лихачева и власти в горбачевскую пору существуют разные, порой диаметрально противоположные мнения. Например, директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Х. Биллингтон считает, что «*фактически Лихачев был домашним учителем семьи Горбачевых, открывавшим перед ними сокровища той культуры, которая предшествовала эпохе советской власти. Надо отдать должное чете Горбачевых в том, что они ценили Лихачева, а Лихачеву, — что он не превратился в очередное "украшение дома" руководителей государства*»[37]. Эту же мысль позднее повторил С. О. Шмидт: «*С середины 1980-х гг.... он понял, что получил возможность просвещать в желанном ему духе не только широкую общественность, но и самых влиятельных людей государства*»[38].

Д. М. Буланин же утверждает, что «*политики превратили красивую сказку об "эпохе" Д. С. Лихачева в жестокий фарс*», что «*те — наверху, кто признал его как persona grata, сделали его ответственным за все свои злодеяния. <...> те, кто его приблизили к трону, безусловно все понимали, блестяще разыграв эту партию. Присвоить себе авторитет академика, всю жизнь находившегося в оппозиции к власти,— это (отдадим им должное) гениальный тактический ход. <...> его использовали на полную катушку. Используют и по сию пору, апеллируя не к живому, так к мертвому. Не к человеку, так к мифу*». В итоге своих рассуждений этот автор заявляет, что власти сделали из Д. С. Лихачева «*удобную для себя политическую марионетку*» [39].

Среди критиков Д. С. Лихачева были не только завистники, стремившиеся приписать ему корыстные мотивы. Встречались и отдельные сторонники прежней власти, противники М. С. Горбачева, возлагавшие на академика часть ответственности за распад СССР. Вот уж, действительно, в России ни в чем не виноват может быть лишь тот, кто ничего не делает...

А Лихачев был из тех людей, кто делал много. Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего он выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «*...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост*»[40]. А Даниил Гранин дополняет: «*С тех пор, как ему стало можно выступать, он выступал очень много*». Писатель сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. Как вспоминает Гранин, иногда академик говорил ему: «*Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры выс-*

---

[36] Там же. С. 35.

[37] Там же. С. 3.

[38] *Шмидт С.* Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России. С. 18.

[39] *Буланин Д.* Эпилог к истории русской интеллигенции. — В кн.: Три юбилея. Дмитрий Буланин. СПб., 2005. С. 166 — 167.

[40] Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 92.

казывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились»[41]. Действительно, в силу специфики профессии слово Лихачева и было его делом. Хотя, разумеется, добиться положительного результата удавалось далеко не всегда.

Однако период перестройки был для Дмитрия Сергеевича порой надежд. «*Тогда,* — вспоминает З. Курбатова, — *дед считал, что справедливость начинает торжествовать, осталось еще немного — публичный суд над коммунистической партией, похороны мумии Ленина, и черная полоса в истории страны закончится*»[42]. В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. Двадцатого августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д. С. Лихачев сказал: «*Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть*»[43].

Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть. Однако, по всей видимости, Лихачев не мог поступить иначе. Демократические убеждения были им выстраданы. Как отмечал Джеймс Х. Биллингтон: «*Несмотря на свою любовь к традициям и негодование по поводу расстрела царской семьи, Лихачев решительно отвергал всякую мысль о возвращении страны к монархии и горячо поддерживал демократические реформы*»[44].

Профессор Женевского университета Ж. Нива вспоминал о следующем замечании Дмитрия Сергеевича: «*Государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего*»[45].

В газете «Аргументы и факты», в статье «О прошлом и будущем России», Дмитрий Сергеевич утверждал, что демократия в России имеет глубокие исторические корни. Он полагал, что крепостное право — это вовсе не рабство, а совершенно иная форма отношений. И приводил примеры: князь в Киевском княжестве в X–XI веках довольно-таки демократично обсуждал дела с боярами (в документах боярской думы были и такие записи: «*Великий государь говорил, а бояре не приговорили*». Разве это не демократия?). Традиция русских сходов была так же весьма демократичной, и сходы были значительно более организованными, нежели российская Дума 1990-х годов

---

[41] Там же. С. 383.

[42] Там же. С. 38.

[43] [Пресса Ленинграда в дни путча [19–21 авг. 1991 г.] http://agitclub.ru/gorby/putch/leningrad19.htm.

[44] *Биллингтон Дж.* [Программа «Открытый мир» — живая память об академике Лихачеве] // Информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 3.

[45] Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 202–203.

с ее драками: «*Ничего подобного крестьяне не допускали, они были степенными людьми*». Земские соборы так же были формой демократической жизни[46].

В июне 1994 года он писал: «*Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми*»[47].

Нередко бывает так, что благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад. Вот и события 1990-х годов в России для многих стали трагедией, сопоставимой по масштабу с революцией 1917 года.

Далеко не все государственные деятели и «прорабы перестройки», инициаторы тех реформ, оставили о себе добрую память в народе. А Д. С. Лихачева вспоминают с уважением. Благородство его помыслов и действий было несомненно. Кроме того, сам Дмитрий Сергеевич был удивительным примером уважительного отношения к тем, кто мыслил иначе. Он никогда не стремился нанести какой-либо личный ущерб своим оппонентам. Характерно в этом плане следующее замечание З. Курбатовой: «*Деда от нынешней все возрастающей армии неофитов отличала большая терпимость к атеистам и людям другой веры, он считал, что в церковь можно зайти и неверующему, чтобы постоять просто так, не молясь. Никогда в жизни он не сделал бы кому-либо замечания по поводу церковных обрядов*»[48]. И уж тем более академик никогда не стремился уничтожить или даже унизить инакомыслящих. Дж. Биллингтон вспоминал, что Д. С. Лихачев говорил с ним на «*универсальном языке культуры*». Впрочем, то же мог бы сказать о Дмитрии Сергеевиче каждый его собеседник.

Воспоминания Джеймса Х. Биллингтона, одного из крупнейших зарубежных специалистов по российской истории и культуре, особо интересны потому, что сочетают в себе доброжелательную непредубежденность, высокую собственную культуру, независимость и преимущество «взгляда со стороны». В частности, Биллингтон писал, что Д. С. Лихачев «*воплощает в себе лучшие черты российской культуры XX столетия*», что эрудиция, великодушие и плюрализм являлись внутренне присущими ему качествами: «*В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере он защищал цельность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преображающей силой в обществе, глубоко пораженном тоталитаризмом*» [49].

---

[46] Аргументы и факты. 1995. 12 окт.

[47] Не бывает демократии без нравственности / беседу с Д. С. Лихачевым вел А. Романенко // Российская газета. 1994. 11 июня.

[48] Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 37.

[49] *Биллингтон Дж.* С. 1, 3.

Существенно, что Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно культурным. Не случайно Даниил Гранин заметил: «*Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями*». Лихачев стремился быть на стороне добра. И это было очевидно всем окружающим. Тонко ощущающий реальность писатель сказал об этом так: «*Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда*»[50].

В годы перестройки общественное сознание поставило в один ряд имена двух ученых: Лихачева и Сахарова. Оба выступали в защиту перемен, оба воспринимались как носители классической русской культуры. Дмитрий Сергеевич был одним из немногих, кто не подписал письмо советских ученых с осуждением Сахарова. Различия в деятельности этих двух знаменитых академиков найти не трудно. Однако в контексте данной темы важнее их общее.

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: «*Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он спас и сохранил наши честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тягчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолгавшемся обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех «обстоятельств времени». <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России*»[51]. Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

---

[50] *Гранин Д.* Наша печаль, наша любовь // Открытый мир: информ. бюл. 2006. Весна, вып. 2. С. 4

[51] *Лихачев Д.* Он спасал нашу честь. Слово об А. Д. Сахарове [произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова] // Лихачев Д. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 641–643.

P. S. Когда этот текст готовился к печати, мне удалось обсудить его с писателем Граниным. Даниил Александрович заметил, что проблема личности и власти — это проблема не только интеллигенции, но и всех порядочных людей, из каких слоев общества они бы ни происходили. Порядочные люди нетерпимы не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти. И добавил: «*Конфликт этот имеет глубинную природу. В 30-е годы Мандельштам написал, что власть отвратительна, как руки брадобрея. Сегодняшней молодежи это трудно понять. А в то время процедура бритья содержала не совсем приятные моменты. Стремясь выбрить клиента как можно чище, брадобрей мог взять его за нос, оттянуть щеку или залезть пальцами в рот. Делалось это во имя клиента, но... было отвратительно. Вот так и с властью. Власть невозможна без насилия и отвратительна уже этим. Отвратительна и неизбежна. Интеллигенция чувствует это лучше, чем кто-либо...*»

Мы сошлись с Даниилом Александровичем во мнении, что власть бывает разной. Но перед каждым новым поколением порядочных людей снова и снова будут вставать те же вопросы, примеры решения которых нам дал своей жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев.

КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ*

(апрель — июнь 2007 г.)

07.04.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Неделя минувшая — чистый подарок социальным антропологам и психиатрам, изучающим отечественные просторы! Материала на две длинные диссертации или один короткий всхлип...

Но для начала — об одном недоразумении. Тут давеча бывший советник президента Андрей Илларионов дал большое интервью газете «КоммерсантЪ». С констатирующей частью там все в полном порядке: в России, мол, в основном уже создана новая модель государственного устройства, и это силовая модель! Правильно: создана! Политика, предпринимательство, юриспруденция, пишет Илларионов, — везде сплошное насилие, «не ограниченное какими бы то ни было рамками: законом, традицией, моралью». Ну, здесь Андрей Николаевич, я считаю, погорячился: как раз традиции наши, с дяди Вани Грозного как минимум начиная, в последние годы и восстанавливаются! И традиции эти такие большие, что ни морали, ни закону просто места не остается. Но и хрен бы с ними, с законом и моралью, главное — экономика ж растет! Да в том-то и дело, что не больно-то и растет.

При утроившейся цене на нефть и благоприятнейшей конъюнктуре среднегодовой темп прироста ВВП в России в последние два года заметно

* О формате «Комментария» Виктора Шендеровича см. в предисловии к выпуску в № 118. С 2 июня 2007 г. программа В. Шендеровича на радио «Эхо Москвы» «Плавленый сырок» несколько изменила свой характер и стала называться «Плавленый сырок с человечинкой». Помимо обычного текста комментариев В.Шендеровича к событиям текущей российской жизни, она включает теперь в себя его ответы на вопросы слушателей, поступающие по телефону в прямой эфир или присланные на его сайт в Интернете. Из этой второй части программы, где вопросы носят часто достаточно частный и даже случайный характер, а ответы по необходимости нередко слишком беглы, мы будем отбирать для публикации на страницах «Континента» лишь наиболее значимые фрагменты.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ — родился в 1958 г. в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Шукинского театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»). Автор книг «Семечки», «Московский пейзаж», «Антология сатиры и юмора», «"Здесь было НТВ" и другие истории», «Шендевры» и др. Живет в Москве.

меньше темпов последних предпутинских лет, пишет Андрей Илларионов. Российские темпы роста за шесть лет на треть отстают от китайских (58% против 88%), и, благодаря силовой модели, Россия, по мнению Илларионова, даже на фоне стран бывшего СССР «превращена в экономического инвалида».

Вот что значит теоретик: за цифрами не видит жизни! Кто инвалид? Россия? Ну, инвалид. Ну, действительно, по темпам роста Казахстан с Азербайджаном «делают» нас как детей. Ну, «делают» нас уже и Армения с Таджикистаном, у которых сколько землю ни буравь — ни нефти, ни газа... Но что за навязчивая идея — считать все от интересов России? Страна перетопчется, главное — люди! А тут, слава богу, все схвачено. Андрей Николаевич, родненький, да что вы все про ВВП? — гляньте в совокупный рост доходов Сечина и других чекистов-нефтяников из президентской администрации! Вы замучаетесь нолики считать! Это ли не эффективность политики Путина? Она самая. А вы все про Россию. Смешно, ей-богу.

То же самое с внешней политикой: в илларионовском интервью ей, бедняжке, тоже досталось. Особенности этого извилистого пути Илларионов назвал «деградацией». С одной стороны, конечно, из высотки МИДа уже торчит вместо шпиля знакомый «совок»: назло Штатам поддерживаем Ахмадинежада, назло евреям — ХАМАС, да гадим на соседей — вот, собственно, и вся геополитика. Деградация, разумеется... на первый взгляд. И на второй — деградация. Но на третий, внимательный, — вовсе и не деградация, а успешный бизнес. Друзья Путина и его соседи по дачке, хозяева «Техснабэкспорта», бабки за Бушер из Ирана в итоге выбили? Выбили. Иванов на унижении Грузии очки у пипла заработал? Заработал. Рейтинг стоит? Стоит. Ну, и где деградация? А долгосрочные интересы России — это детский сад какой-то. Как маленький рассуждает этот Илларионов, — как его вообще в Кремле держали, такого наивного?

Про уровень нашей внешней политики Илларионов высказался в выходные, а ко вторнику подоспела свежая иллюстрация... Вышеупомянутый Иванов, ныне первый вице-премьер, отвоевавшись с Грузией, оседлал теперь эстонское направление — и в очередной раз высказался насчет переноса памятника Воину-освободителю. Иванов пообещал, что это дело не пройдет бесследно, — и подал согражданам свежую идею.

Сергей Иванов: «Вот на северо-западе России достаточно много продается продуктов, обычных продуктов, кисломолочных, например, сделанных в Эстонии. Ну, не надо их покупать... (Аплодисменты). Подчеркиваю, речь не идет ни о каких санкциях, о позиции государства. Это гражданская должна быть позиция. Гражданская. Или туризм. Ну, не ездите в Эстонию! Ездите в Калининград!»

Горячие генеральские аплодисменты после предложения о бойкоте эстонского творога выдают в нашей армейской верхушке большие запасы ума. Что же до сути вопроса — о переносе могил советских солдат на окраину Таллинна и гражданской позиции Иванова по этому поводу, то, судя по частоте его выступлений, чуткое сердце этого господина болит от одной мысли о судьбе праха советских воинов... Ах, господин Иванов! По российским лесам и болотам (площадью в сорок Эстоний) до сих пор разбросаны

кости тысяч и тысяч красноармейцев; перестали бы вы трындеть про эстонских фашистов, переключились бы на тех, что бесследно сгинули и лежат здесь... А погибших при освобождении Таллинна, лежащих под бронзовым монументом, через пару месяцев аккуратно и, уверяю вас, со всеми почестями перезахоронит эстонское правительство. Если вас тревожит судьба именно этого праха, то примите галоперидол и успокойтесь. Если же вся эта эстонская история нужна для пускания предвыборных газов — это другое дело. Продолжайте разжигать синее пламя в нетвердых мозгах сограждан, воюйте с прибалтами, — и ветра вам в ваш предвыборный парус!

Что же до прозвучавшего из тех же уст предложения россиянам ехать, назло эстонцам, отдыхать в Калининград, — это, конечно, угроза, непостижимая для рядового ума! Где Калининград, а где Таллинн? Впрочем, Иванов, еще будучи министром обороны, путал соединения с подразделениями, — так что ему и Литву от Эстонии отличать не обязательно! Да и причем тут вообще Калининград? Пускай там Кант живет со своим нравственным императивом! А уж наши нынешние начальники как-нибудь найдут, где расслабиться после трудов праведных... Раньше свое отпускное «бабло» по «Лазурке» и прочим куршевелям они разбрасывали просто так, теперь будут делать это с патриотическим подтекстом: главное, чтоб не в Пярну!

Теперь, не отходя далеко от бывшего министра обороны, расскажем о житье-бытье министра нынешнего. Оно не то чтобы прекрасно, но удивительно!

Новый министр обороны России Анатолий Сердюков начал учебу в Академии Генерального штаба. В течение месяца ему предстоит прослушать специальный курс и сдать экзамен по основам безопасности государства. Как пишет газета «Известия», согласно учебному плану, Сердюков будет каждую неделю два-три раза заниматься в академии по 2-3 часа.

Ну да, самое время подучиться! Раз уж так получилось, что ты из торговцев мебелью, по семейным обстоятельствам, попал в министры обороны, — грызи гранит военной науки! Впрочем, Сердюков, видать, человек одаренный, и я в него верю: он сдюжит! Вообще-то полный курс Академии Генштаба занимает два года даже для кадровых военных, но этот новенький, будьте уверены, освоит все армейские премудрости за отведенный месяц! Да и чего там учить-то? — сущие мелочи.

По информации «Независимой газеты», курс Академии Генштаба включает в себя такие темы, как структура и система управления вооруженными силами, военная политика, стратегическое планирование, организация оперативно-тактической и боевой подготовки, тыловое и техническое обеспечение армии и флота, виды и типы боевой техники и оружия, порядок закупок и взаимодействие с оборонно-промышленным комплексом.

Во-во. В общем, ерунда. Двадцать пять учебных часов, — и принимай, Родина, полноценного министра обороны! Эх! Не пойти ли мне, после восьмого года, по этой ковровой дорожке, а? Мало ли как повернется? Вдруг в фаворе окажутся те, кто родился у Покровских ворот и учился играть на пианино? Тогда у меня есть шансы. Жди меня, Генштаб, я уже в пути, вместе с крышей, которая поехала заранее! Готовьте педагогов по оперативно-тактической подготовке. Но это все фантазии, а Сердюков-то на самом деле назначен

министром обороны! И пошел учиться в Академию! Сейчас из этого Ваньки Жукова за месяц сделают Жукова Георгия Константиновича...

Ну, Сердюкова поздравим с походом в школу, а всех остальных — с новым призывом! Приказ опубликован, «щеглы» уже доделывают дембельские альбомы, а в казармы уже везут эшелонами свежебритое салажье мясо. То-то будет обороноспособности! Как раз в день начала весеннего призыва в Вооруженные силы России (можно даже сказать, в честь него) в Казани скончался бывший младший сержант Радик Хабиров, находившийся в коме четырнадцать месяцев. Его ратный путь стоит того, чтобы рассмотреть его внимательнее.

Итак, сначала девятнадцатилетнего Радика, с диагностированной склонностью к суициду, призывают в армию. То есть военком понимает, что человек на пути к самоубийству, но план по призыву, мать его, никто ж не отменял! Хабирова забривают и транзитом через саратовскую «учебку» отправляют в Оренбургскую область, в Тоцкий гарнизон. Об условиях службы в этом гарнизоне мы можем только догадываться по примеру других гарнизонов... Хабиров бежал, его поймали, он бежал снова и снова был пойман. Человек, пытающийся сбежать от ежедневных пыток и унижений, мне кажется совершенно нормальным. Но после второго побега Хабирова поместили в психиатрическое отделение Тоцкого военного госпиталя и начали там лечить. О способах тамошнего лечения мы тоже можем лишь догадываться, но через месяц младший сержант совершил попытку самоубийства, после которой его вернули, наконец, родителям — в коме, из которой он так и не вышел, и в весе 28 килограммов. На весе и самочувствии его командиров все это никак не отразилось: только через полгода, когда про паренька написали уже все газеты, прокурор Тоцкого военного гарнизона возбудил наконец уголовное дело по статье «доведение до самоубийства», да сам же его и закрыл через полгода — «за отсутствием», заметьте, «события преступления». То есть суицид не удался — о чем говорить? А был ли мальчик?

Кстати, на счету Тоцкой военной психиатрии мальчик уже как минимум не один. За месяц до Хабирова, после лечения в том же отделении и с тем же диагнозом, из окна казармы, с четвертого этажа, выпрыгнул рядовой Барсегян. И тоже никакого состава преступления не обнаружилось... Кстати, знаете, какой у них обоих был диагноз? Диагноз был: «расстройство адаптации у акцетуированной личности». То есть человека унижают, бьют и морят голодом, а если он не может адаптироваться к этому кафкианскому миру, его отвозят в армейскую психушку и там лечат, пока он не превратится в скелет или не выпрыгнет из окна. А мы после этого отдаем им новых мальчиков... И кто, спрашивается, сумасшедший?

Когда история Радика Хабирова стала достоянием гласности, последовали меры, естественные в правовом демократическом государстве. Президент Путин немедленно отправил в отставку главу сухопутных сил России, а затем лично посетил Тоцкий госпиталь, принес извинения военнослужащим за унизительное обращение с ними и — как главнокомандующий и гарант прав россиян — выразил соболезнование семье погибшего солдата... Ой, простите. Я все перепутал. Но и вы тоже хороши. Варежку разинули и слушаете всякую ересь: «Путин извинился»! Ничего он, конечно, не из-

винился, — не на того напали. Он и после Беслана не извинился, а тут какие-то солдатики в коме... Мелочи жизни. Путин, небось, даже не в курсе. Извинился — Джордж Буш!

По сообщениям СМИ, президент США принес извинения за плохое обращение с ранеными солдатами в госпитале Министерства обороны в Вашингтоне. Джордж Буш посетил госпиталь спустя месяц после того, как вокруг этого учреждения разразился громкий общественный скандал из-за унизительного обращения с американскими военнослужащими, получившими ранения в Ираке и Афганистане. После этого в срочном порядке был уволен начальник военного госпиталя, а затем в отставку отправлен министр сухопутных сил США.

Просто, я вам скажу, разбрасываются кадрами эти американцы! Из-за чего сыр-бор-то? Газета «Вашингтон пост» написала об антисанитарных условиях в госпитале. У них там, видите ли, стены были плесенью покрыты, в палатах стояла сломанная мебель и душевые кабинки не работали! То есть нормальные наши «две звезды», обычная уездная гостиничка. А еще ветеранов ихних мучили, видите ли, бюрократическими проволочками при получении денежных довольствий... И все! И за это — пробили пендаля целому министру сухопутных сил? С ума они сошли. Вот то ли дело наше Министерство обороны! Контрактников, бывало, просто выбрасывали в чистом поле — не то что без проволочек, а без еды и обмундирования! Одного инвалида чеченской войны, помню, послали за компенсацией из суда «к причинителю ущерба», то есть к Басаеву... И никаких общественных волнений, тишь да гладь, министр обороны еще и на повышение пошел,.. Вот как надо! И вообще, я думаю, у них там просто «расстройство адаптации», у этих американских ветеранов войны. Точно вам говорю: «расстройство адаптации у акцетуированной личности»! По-русски говоря, много об себе понимают. В Тоцкий госпиталь бы их, в психиатрическое отделение, — там бы их мигом научили Родину любить!

Теперь от наших дисциплинарных достижений в казармах перейдем к дисциплинарным успехам на «гражданке»... Там тоже не без психиатрии, если вдуматься. Но зачем вдумываться?

С 1 апреля иностранным гражданам запрещено работать продавцами на российских рынках. Теперь торговые места могут быть заняты только гражданами Российской Федерации. Мигранты могут работать отныне только в качестве уборщиков, оптовиков, грузчиков, руководителей и арендаторов рабочих мест.

Ура! Наши победили. Вон с российских рынков гиви, хачики и прочие азеры! Да здравствует этническая чистота прилавков! Чистота, правда, отдает пустотой: на трети прилавков на московских рынках в минувшее воскресенье было шаром покати, торговать-то некому, а на остальных, ясное дело, вздулись цены. Потому что пресловутый гиви должен теперь притворяться уборщиком, а в продавцы нанимать москвича, а москвичу платить надо, и хорошо платить. Это вам не таджикский дворник за пять рублей... Гиви, значит, наймет себе москвича, фархад наймет себе милиционера, который не заметит его за прилавком, азер с хачиком, забыв про спорный карабах, купят себе российское гражданство, — и цена вопроса, прямо по

Марксу, аккуратно войдет в цену дыни, зелени и мяса. Или они все исчезнут, — не хачики, разумеется, а дыни, зелень и мясо! В общем, опять получилась у правительства забота о россиянах, низкий поклон!

Но вернемся к теме сумасшествия, ненавязчиво проходящей через новости этой недели.

В минувший четверг в Гудермесе, под страшным секретом, чтобы их не взорвали всех скопом, бывшие бандюки, ныне крупные российские чиновники, загрохали посреди нищей республики банкетик со сметой под восемьсот тысяч долларов, с икрой и шампанским — по случаю инаугурации своего пахана. Две тысячи гостей крупного федерального и мелкого республиканского разлива посчитали за честь для себя попасть на эту праздничную «малину». Музы тоже не молчали. Попса была обильно представлена Орбакайте и Басковым, а вот из юмористов никто не приехал. Хозяева обошлись тут своими силами: перед банкетом Рамзан прилюдно поклялся уважать свободу человека и гражданина, а также защищать права народа Чеченской Республики и соблюдать Конституцию. Настоящая шутка, я считаю, Петросян отдыхает!

И напоследок (завершая и программу, и психиатрическую тему в ней) — новости пасхальной недели...

По сообщению Интерфакса, лидер КПРФ Геннадий Зюганов поздравил соотечественников с приближающимся праздником Воскресения Христова. ***«Сегодня мне особенно приятно поздравить с Пасхой всех клириков и мирян Русской православной церкви, — заявил Зюганов, — всех православных христиан, "во Отечестве и в рассеянии сущих". Я верю, что совместными усилиями мы непременно возродим Великую Россию с чистым и трепетным сердцем Святой Руси».***

Батюшка, Геннадий Андреевич! Эк вас проперло со времен работы в Отделе агитации и пропаганды ЦК КПСС! Как ладно все скрестилось в вашей голове! К восьмидесятому году нынешнее поколение россиян будет жить в раю, да? Нет, господа, шизофреники не только вяжут веники, — они еще и поздравляют народ с Воскресением Христовым, гуляя под портретами Ленина-Сталина.

Берегите голову, господа. Счастья вам!

14.04.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Минувшая неделя оказалась щедрой на картинки с нашей выставки достижений. Тут тебе и номенклатурные перлы, и имперский дух, и народная смекалка... С последней и начнем.

Эта история замечательна кристальной ясностью сюжета. Стало быть, долго ли, коротко ли, решили власти в Ставрополе рубануть рощицу, а на ее месте построить элитное жилье. Ну, дело обычное. Рощица оказалась частью Мемориала жертв политических репрессий и воинов-защитников Ставрополья, но кого это скребет при такой цене на метр? Нормальный ход вещей. И тут народ поднялся на защиту зеленых насаждений и, не поверите, — остановил вырубку! Каким образом? А угадайте! Может быть, вмешалось природоохранное министерство? Наглецов остановило решение суда? Может быть,

оппозиционная партия развернула кампанию по отставке мэра — и погнала его вон из города вместе с примкнувшей строительной компанией? Ну что вы! Официальные «природоохранники» засели ниже травы. Два суда признали вырубку совершенно законной. Партий никаких у нас давно нет, одна видимость... Мэр остался главой города и сидит в полном шоколаде. Но! — активисты-пенсионеры, защитники рощи, повесили на березки портреты Путина — и вырубка прекратилась, не начавшись! Ибо в нынешней России можно рубить под корень заповедники и засандаливать элитное жилье на месте Мемориала павшим, но трогать портрет Путина — таких смельчаков нет! Теперь этот языческий оберег с глазами охраняет ставропольские березки от власти, которую он сам же и поназначал, — но в этом и состоит тайная сила оберега, не правда ли?

Волшебные свойства этого языческого бога, не в первый раз явленные на Ставрополье, уже через пару дней перехлестнули не только границы области, но и конфессиональные границы...

По сообщениям СМИ, восьмого апреля в Казанском кафедральном соборе в Элисте (Калмыкия) с Воскресением Христовым архиепископа, священников и прихожан епархии поздравил спикер народного Хурала Республики Калмыкия Игорь Кичиков, а начальник управления ФСБ России по республике Александр Бурдавицын преподнес в дар епархии бюст президента России Владимира Путина.

Спикер Народного Хурала, поздравляющий священников на богослужении с воскресением Христовым, — это неплохо само по себе. А уж бюстик Путина на Пасху от начальника управления ФСБ — благость такая, что вообще ни в сказке сказать! Могли бы подарить и бюстик Понтия Пилата, — тоже вариант...

По мере приближения к марту две тысячи восьмого года, когда вышеупомянутый предмет культа, согласно Конституции, должен будет исчезнуть из Кремля и перестанет выполнять свои охранные языческие функции, губернаторов и прочую верховную челядь на местах охватывает все бóльшая тревога. За Родину, разумеется, не за себя же! Ведь осиротит же, батюшка: наденет державу на скипетр, сдаст ядерный чемоданчик — и в Барвиху, на заслуженный отдых... А мы тут крутись в чистом номенклатурном поле, среди всеобщего дарвинизма! Да и кто придет? Из какой стаи придет на смену? Как среагирует на твой запах? Тут заикой станешь к марту. В общем, некоторая паника в верхах уже наблюдается, и ни о какой координации речи уже не идет. Кто-то хватает любимого президента за полы пальто («не уходи, побудь со мною»), другие пытаются успеть напоследок — и, как австрийские пулеметчики времен Первой мировой, заранее приковать себя к пулеметам у окон руководящих кабинетов. Путин, не Путин, а они отсюда никуда не уйдут!

Губернатор Краснодарского края Николай Ткачев: «Я хотел бы до конца истечения сроков действующего президента, Владим Владимыча Путина, и именно у него заручиться поддержкой и попросить о доверии...»

Нынешний губернаторский срок Ткачева заканчивается только через два года, но человек он нестарый, и, видать, охота ему пожить и после марта две тысячи девятого. А судя по количеству бизнесов, взятых под контроль

семейством Ткачевых в процессе его руководства областью, и его легендарной легкости обращения с казенными деньгами, — снаружи от власти могут начаться у Ткачева проблемы. Правда, дочь губернатора замужем за «Роснефтью», а брат его — член Комитета Госдумы по бюджету и налогам, но если дойдет до допроса, все это может и не помочь. И на океанской яхте, арендованной, со всей обслугой, за счет казны, на Каймановых островах, почти за миллион целковых в месяц, поплывет Ткачев навстречу новым, совсем не губернаторским, срокам... Кстати, есть идея. Если сесть прямо сейчас, то как раз вместо Олимпиады в Сочи, с учетом явки с повинной и раскаяния по поводу распиленных спортивных бюджетов, может выйти условно-досрочное освобождение... А? Нет? Ну, хорошо, хорошо, я не настаиваю, продолжаем оттягивать момент расставания с руководящим кабинетом. Вы уж, Владимир Владимирович, не подведите товарища!

Не подведет Путин, надо полагать, и другого губернатора...

Газета «Ведомости» сообщила в минувший вторник, что Юрий Лужков также «собирается поставить перед президентом Путиным вопрос о доверии и имеет высокие шансы получить согласие»! По утверждению газеты, помимо политических условий переназначения, в его диалоге с Кремлем «могут появиться и пожелания, связанные с московской землей и недвижимостью».

Ох, не зря за пару дней до публикации из администрации президента пришел в мэрию Москвы запрос с требованием подготовить документы о хозяйственной деятельности города! Как раз, видать, готовились ко встрече этих двух видных государственников! Пару дней пресс-служба мэрии сидела, набравши в рот воды, но потом высказался сам Лужков.

В ответ на просьбу прокомментировать слухи о своем переназначении на пост мэра Москвы Юрий Лужков предложил «оставить эту тему на последующий период». Лужков заявил, что не готов обсуждать этот вопрос, хотя признал, что «размышляет на эту тему». СМИ напоминают, что ранее московский мэр неоднократно заявлял о своем отказе занимать этот пост после 2007 года.

Ну, в общих чертах динамика понятна: эдак постепенно... Сначала твердый отказ от нового срока, потом интересы народа, колебания, тяжкие размышления, инициативные группы, валяющиеся в ногах... Описано у Пушкина в комедии о беде Государства Российского, «Борис Годунов» пьеска называется. Главное: успеть договориться по земле и недвижимости, — остальное дело техники! Готовьтесь, москвичи, мазать глаза слюнями. Россиян, кстати, тоже касается, по симметричному поводу... Что же касается политических противоречий Лужкова с Кремлем, — на этом направлении уже давно тишь да гладь.

«У Лужкова были свои политические амбиции, были драматичные истории со столичной собственностью, — заявил газете "Ведомости" источник, близкий к Кремлю. — Но все признают, что реальной альтернативы Лужкову нет. Убери Лужкова из Москвы — и в городе неизвестно что начнется».

О да! Черт-те что начнется без Лужкова! Надо его клонировать вместе с Батуриной, для окончательной стабильности. Что же до бывших полити-

ческих амбиций, это мы помним: уже было кепку снял Юрий Михайлович в ожидании шапки Мономаха, но тут ему сделали предложение, от которого он не смог отказаться. Нет, лошади Долгорукого голову не отрезáли: хватило Сергея Доренко с еженедельными весточками от Бориса Березовского. В общем, с шапкой Мономаха не сложилось, и исправившийся Лужков с отрезанными политическими амбициями мирно вписался в круг верных евнухов нового эмира. С тех пор сидит тихо, за Севастополь не воюет, про коррупцию в Кремле — ни-ни! В жизни эмирских евнухов вообще много приятного (по части земли, недвижимости и прочих тихих радостей жизни) — и лишь один недостаток: в этот гарем принимают только после политической кастрации. Зато теперь нечего стесняться и можно метелить москвичей ОМОНом, лгать им в глаза и плевать им на головы: на выборы-то больше не ходить! Жизнь удалась. А что политический голос с начала 90-х годов поменялся до полной неузнаваемости, — ну так что ж вы хотите при такой непростой биографии...

Одним из последних номенклатурных подвигов мэрии во славу эмира стал запрет Марша Несогласных: оказалось, что за пять минут до организаторов Марша заявку (на то же место и время) подал юношеский отряд «единороссов», — ай-яй-яй, такое совпадение! Ну, Марш и запретили; организаторы, конечно, начали тыкать в лицо Лужкову Конституцию, но нашли чем удивить эти московские эмираты... В общем, от винта! А младые «единороссы» стали собирать кадры для разрешенного мероприятия.

Объявление, висевшее в общежитии МГТУ им. Баумана, предлагало студентам по 200 рублей за два часа «стояния» на митинге «Молодой России» 14 апреля. Как сообщает газета «Московский Комсомолец», согласившимся предлагалось заполнить бланк заявления, в котором, в частности, говорилось: «Мы готовы проголосовать за символы наших побед, которые возьмем с собой в Новое Политическое Время».

Символ их побед, как и ихнего Нового Политического Времени, пока что — две коричневые бумажки, из расчета по сто рублей за час. Это, надо заметить, чистый демпинг: проституция в Москве оплачивается гораздо дороже. Но ничего, жизнь только начинается: вырастут, войдут во вкус, будут хорошо себя вести, придут на смену Грызлову и Слиске, — вот там и начнется настоящее финансирование!

У «младороссов», стало быть, такса сто целковых / час, — «евразийцы» обошлись вообще на халяву. По крайней мере, массовку, махавшую в прошлые выходные черно-желтыми флагами возле Карла Маркса, по сведениям газеты «Ъ», свозили из Коврова: обещали людям экскурсию. И не обманули. Евразийцы показали гостям столицы, действительно, самое интересное: грузовики с ОМОНом, кольцо оцепления и себя самих. Такого в Коврове точно не видели. Транспаранты «Слава опричнине!», а то еще круче: «Мертвый, вставай». Дело происходило в пасху, и я сначала подумал было, что «Мертвый, вставай» — это «Христос воскресе» своими словами, но ошибся. Молитвы у них нехристианские, но для наших палестин — вполне канонические.

— Россия будет великой или никакой! Россия — все, остальное ничто!

Да! Чуть не забыл про ключевой лозунг, маячивший над толпой: «Наш сапог свят». Надо признать, что предмет культа был выбран безошибочно.

Сапог — вообще самое сильное место наших доморощенных империалистов. Особенно когда два сапога пара, как Дугин с Леонтьевым. А на голову в таких делах полагаться вообще нельзя.

С головой, впрочем, в стране вообще «напряженка», — но, слава богу, еще имеются ясные ориентиры. Вот, например, заместитель председателя Комитета по безопасности Госдумы России Сергей Абельцев — этот на минувшей неделе себя не пожалел, напрягся мозгами и (навстречу Маршу Несогласных) выдал рецептуру установления спокойствия в любимой стране.

Меры борьбы с маршами и шествиями необходимо сделать полицейскими, считает Сергей Абельцев. «Я не призываю расстреливать их участников, но нужно создавать им перевес как в личном составе, так и в технике».

Перевес над народом в личном составе и технике — первое дело в странах управляемой демократии! Но это только начало: в интервью агентству «Новый регион» заместитель председателя Комитета по безопасности Госдумы неплохо развил тему...

Депутат Абельцев: «Выходит шобла триста-четыреста человек и начинает диктовать всей России, бл... Ведь в Москве полно бешеных собак. Я предлагаю поймать этих бешеных собак, бл.., и выпустить на эту толпу, бл...».

Как сказано у Шекспира, бред сумасшедшего — не святое писание. И если бы этот Абельцев был обычный хрен с горы, мамой в детстве уроненный, или типовой моральный урод с наших бескрайних психиатрических просторов, я бы, конечно, не решился пускать в эфир это ненормативное заявление. Но мнение заместителя, бл..., председателя, на х..., Комитета по безопасности Госдумы, — россияне, бл..., должны знать наизусть! Когда пена бежит из такого рта, это уже не бытовое бешенство, а государственная политика, не правда ли?

Серьезный вклад в теорию управляемой демократии внес на минувшей неделе и начальник Абельцева, спикер Грызлов.

«Уличные мероприятия должны быть праздничными, когда народ выходит на улицы и площади праздновать какие-то события, — заявил спикер Грызлов, комментируя проведение Марша Несогласных. — Те же, что касаются создания политической нестабильности и заявлений своих интересов, — это опасно».

Ранее Грызлов уже вошел в историю демократической мысли фразой «парламент — не место для дискуссий». Теперь он укрепился на этом олимпе окончательно. Правильно, россияне, — не фиг заявлять свои интересы, это нарушает стабильность! Надуем шарики на Первомай и будем гулять туда-сюда по Красной площади с дебильными улыбками на лицах! А для выражения своей социальной позиции у нас, по Грызлову, «есть другие возможности — СМИ и законодательные органы власти». О да! Насчет выборов в органы власти, — эту наперсточную технику мы за семь лет выучили наизусть; насчет же возможности выражения своей социальной позиции в СМИ — как раз подоспел свежий примерчик.

На минувшей неделе на канале «ТВ Центр» было закрыто дискуссионное ток-шоу «Бойцовский клуб». Как сообщают СМИ, съемки программы

проходили в студенческом клубе «Билингва», и темой обсуждения был армейский призыв.

А правильно закрыли! Фиг ли обсуждать, когда приказ о призыве издан? Студенты, что за разговорчики в строю? Рубить на корню! Тем более что у программы был высокий рейтинг, а это очень тревожный факт для руководства канала. Зачем будоражить народ? Ты на ночь глядя про погоду расскажи и как Лужков заботится о москвичах, и все лягут баиньки счастливыми... В общем, низкий поклон Грызлову за новые перспективы демократии, а начальнику канала ТВЦ — премию «Тэфи» за личный вклад в развитие телевидения!

И еще, как говорится, про заботу о людях. Это дело у нас нарастает по всем направлениям, только успевай благодарить партию и правительство!

Жилищный комитет правительства Санкт-Петербурга и администрация Петроградского района города обратились в суд с иском о разрешении на принудительное выселение жителей дома № 7 по улице Эсперова. На месте этого дома планируется строительство банно-прачечного комплекса для сотрудников Конституционного суда, которые переезжают в город на Неве.

Вот я и говорю: не ходить же в грязном членам Конституционного суда! Ежели глава вертикали сослал их на свою родину, надо как-то решать банно-прачечные вопросы! Ну, проще простого и решили: построить отдельный комплекс на месте жилого дома. И все довольны, — кроме жильцов этого дома, которые мешаются под ногами и не желают, видите ли, выселяться с Крестовского острова на окраины Петербурга! Требуют нормальной компенсации, скандалят и не дают помыться главным юристам страны, которые в чистом виде готовы обеспечить им их конституционные права... Но теперь, после этих скандалов, — фигуля на рогуле им, а не права! С жильцами уже беседовал местный прокурор, а глава районной администрации прямо пообещал: «Вы все отсюда уедете, а один из вас сядет в тюрьму». То есть как минимум одному жителю дома № 7 по улице Эсперова жилплощадь уже подыскали.

И напоследок — еще немножко о новых возможностях нашей демократии. В 1996 году миграционная служба республики Марий-Эл предоставила вынужденной переселенке гражданке Г. и ее взрослому сыну однокомнатную квартиру. В соответствии с законом гражданка Г. начала просить у властей вторую комнату. Десять лет просила, а потом написала письмо гаранту своих прав, — вот чьи портреты вешают на березках, а бюстики дарят на Пасху, тому самому. От гаранта гражданке по существу дела не ответили, зато ответили ей из Республиканского психоневрологического диспансера, куда и попросили «срочно явиться на прием к врачу Ермолаевой И. Ю. по поводу письма Путину В. В.». Неплохо, да? Вообще, конечно, лечиться надо. Но, по моему скромному мнению, начинать лечение следует с противоположной стороны. И боюсь, врачом Ермолаевой тут не обойтись, — требуется хотя бы пара миллионов продвинутых граждан, и желательно с санитарами, потому что, судя по событиям хотя бы минувшей недели, начальство находится уже в острой фазе...

Счастья вам!

21.04.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Хочу начать сегодня со слов ободрения руководству страны и города. После случившегося в прошлые выходные они по большей части как в рот воды набрали, спрятались и отводят глаза, как собачка, кучку наложившая. Или с перепугу лепят какую-нибудь ахинею. Владимир Владимирович, Юрий Михайлович, Валентина Ивановна! Да что вы такие застенчивые, ей-богу! Не надо стесняться! Давайте, наконец, назовем вещи своими именами, и всем будет хорошо!

Та вещь, которую вы ввели в оборот 14 апреля в Москве и особенно 15-го в Петербурге, называется — «хунта». Это только с непривычки страшно произносить такое слово, а потом даже полегчает, уверяю вас. Хунта — это ясность, это прямые понятные правила: вот власть, ее никто не выбирает, потому что она уже есть; хочешь жить с ней в ладу — живи, не хочешь — не живи! Вот тебе вместо выборов полиция, вот тебе вместо закона полиция, вот тебе вместо собраний полиция, — вот тебе, наконец, стадион, если слов не понимаешь... Ну, до стадиона еще не дошло, но военное положение мы в прошлые выходные попробовали, — отличная вещь! Теперь, повторяю, главное не застесняться и побыстрее отбросить последние формальности. Мировые судьи, выборы всякие и прочая симуляция демократии идут хунте, как к хаки бабочка. Пустое это! Заехать в рыло оппозиции от всей души, и лучше ногой, а другой ногой по страсбургу, уже не таясь, — знаете, как полегчает? Сдерживаться вредно для здоровья, это вам любой врач подтвердит... Ну, конечно, «большие восьмерки» и прочие давосы накроются медным тазом (в Давос в хаки не ездят), — ну так свет клином не сошелся: живут люди и без Давоса! Уго Чавес — прекрасно выглядит! Или вот, чтоб далеко не ходить, Александр Григорьевич... Или Саддам... прекрасно выглядел, пока не повесили. Повторяю главным образом лично вам, Владимир Владимирович, перестаньте уже стесняться! Давайте скажем, наконец, громко и раздельно, чтобы все услышали: «хунта»! А россияне поймут, они и не такое понимали, они привычные. Давно к этому шло, но раз уж прорвало по полной программе, надо ловить момент. Да и поздно уже отступать, вы ж сами понимаете...

Насладившись общим видом, не будем, по Жванецкому, упускать подробности: в них, как водится, спрятан самый терпкий вкус. Благо у меня полно и личных впечатлений от той субботы.

Дело было так: выйдя без чего-то полдень из подземного перехода на Пушкинской, я первым делом увидал солдатика в камуфляже с рацией. Солдатик был совсем малюсенький, из-за наушников не видать, а рация, наоборот, огромная... Я сразу догадался, что он, салага, заблудился во время учений. Ходил, видать, по лесу, укрепляя обороноспособность, да и вышел к «Макдональдсу». Ощущение общей военной потерянности укрепил здоровенный омоновец, тут же, у перехода, звавший по рации какой-то «Брянск-один». Я ему говорю: какой Брянск, с ума вы тут посходили, дядя, это Москва! — а он всё свое... В общем, я так и понял, что они все заблудились, — включая десяток девушек, которые стояли рядком, как на танцах, но почему-то в подземном переходе и в милицейской форме... Кажется, никто их

так и не пригласил: простояли, шерочка с машерочкой, несколько часов, перекрывая выход. А вы говорите: демография!

А в скверике наверху как раз в это время начинался митинг пропутинской «Молодой Гвардии» — разрешенный, разумеется. Развевались флаги, тусовалась молодежь, не задушишь, не убьешь (хотя иногда хочется). Из динамика била песня «Я сегодня не такой как вчера...», но это было заблуждение: такой же ты точь в точь, как вчера, тютелька в тютельку: «комса» бессмертна! По какому поводу шла гулька, собравшимся по большей части было по барабану, но их ввел в курс дела детинушка с лицом освобожденного секретаря и нездоровым блеском в глазах, предвещающим хорошую карьеру.

— Три человека. Касьянов, Каспаров и Лимонов со своими прихвостнями хотят испортить жизнь москвичей. ККЛ! А честно говоря, просто кал! И запах кала идет от этих трех людей и от всех них, кто ходит с ними!

Высокий интеллектуальный уровень, заданный лидером «Молодой России», поддержали и рядовые сторонники президента.

— Мы приехали поддержать как бы компанию Молодая гвардия, и мы полностью согласны с ихними претензиями. — А вот тут сегодня еще Марш Несогласных будет. О них вы что думаете? — Ну, я думаю, что те, кто не согласны, они просто еще не понимают. Но я думаю, что они вскоре согласятся.

Ну, еще бы несогласным было не согласиться! Для согласия им были созданы буквально все условия: в двух шагах от митинга «молодогвардейцев» уже вовсю разворачивалась агитация за Путина — силами ОМОНа, не ограниченного никакими условностями, вроде российской Конституции...

— Внимание, ОМОН! По два человека разобрали по одному человеку с собой! Журналист не журналист! И в автобусы, в автозаки! Приступить! Приступить!

Взять-то они всех взяли, но тут же со своей тюрьмой на колесах, разумеется, и заблудились, и минут двадцать возили экстремиста Каспарова кругами по Тверской. Экстремист Пархоменко, желая приблизить час правосудия, пытался помочь сержантику-водителю найти отделение милиции, но тот все плутал по московским переулкам... Ну, не местный, что поделаешь. Понаехали тут! Я, кстати, несколько раз попытался выяснить, откуда понаехали, но они не сознавались... Военная тайна! Чистые мальчиши-кибальчиши... Какой-то добрый человек, однако, запеленговал переговоры ОМОНа, и с географией прояснилось...

Этот радиоспектакль называется: «Они защищали Москву». Панфиловцев было двадцать восемь, этих — девять тысяч. С Ангары, с Алтая, из Брянска, Оренбурга, Пензы, Белгорода, Липецка, Воронежа, Марий-Эла... Геройские, неизвестные России, парни — Воронин, Евсиков, Попов, Марголин, и еще тот идиот еб.., который все никак не слушал шестой канал. Кровь в жилах стынет от текстов! Защищаем этот пятачок... пришлите подкрепление... еще резервы! Батальоны просят огня, танки идут ромбом, враг не пройдет! А кто у нас враг-то? А вот эта женщина. И этот студент. Или вот еще враги: пара пенсионеров. Это — страшные люди, таким главное живым не сдаться... А уж Каспаров — это просто ужас. Не приведи господи, уда-

лось бы ему пройти до Тургеневской вместе с тремя тысячами граждан и вышедшим из «котла» Касьяновым, — Кремль бы рухнул! Но, хвала богу, отстояли Москву! Слава героям! Размявшись на Пушкинской, ОМОН развернулся во всей красе на Рождественском бульваре, дав понять: что кирпичи головами ломать, что сограждан метелить, что калечить японских журналистов — один хрен... Задача, поставленная накануне всем подразделениям милиции: «в общении с митингующими быть предельно культурными и вежливыми», — была перевыполнена в первую же минуту общения.

А Каспаров к тому времени уже час сидел в отделении милиции. После этого сидел он там еще несколько часов, причем безо всяких законных оснований, разумеется! Просто (ну, вы слышали) какой-то хрен в камуфляже сказал в рацию: берите Каспарова! И поскольку слово «хунта» еще не вошло в официальный оборот, задача теперь состояла в том, чтобы за весь этот беспредел был наказан не ОМОН, и не Лужков, а сам же Каспаров. Поэтому в суд быстренько доставили лжесвидетеля. Провидение позаботилось, чтобы происходящее приобрело характер метафорический: лжесвидетеля звали «старшина Иванов».

Иванов этот аккуратно соврал суду про время, место и обстоятельства каспаровского задержания — и был отпущен восвояси. Кажется, его повели кормить для закрепления условного рефлекса. А вредный Каспаров начал мешать исправлению правосудия и подсовывать суду свидетелей того, что его брали не в пол-второго на Триумфальной, а без пяти двенадцать у «Елисеевского», причем никакого старшины Иванова там близко не было. Но судья Нестерова не дала себя заморочить и обогатила мировую юридическую практику небывалой формулировкой. В подписанном ею решении суда, в частности, сказано: «Оценивая показания Иванова В. В., суд находит их достоверными, поскольку Иванов В. В. находился при исполнении служебных обязанностей». Ну, слава богу! Стало быть, теперь, если, например, судья Нестерова Т. В. увидит зеленых человечков с рожками у себя на даче, ее госпитализируют, но если она увидит их во время заседания суда, существование марсиан будет наконец считаться доказанным.

Попытка свести юридические концы с концами омоновскими в деле Каспарова окончательно истощила интеллектуальные запасы российского правосудия, и Сергея Пархоменко, своими ногами пришедшего в этот же суд, чтобы получить какой-нибудь штраф, а заодно узнать, какого рожна его задержали и продержали в кутузке пять часов, в суд просто не пустили. Сказали: иди отсюда. Ну, я ж говорю: уже хунта, но еще застенчивая. Просто к стенке всех поставить, как завещал дедушка Аугусто, еще пороху не хватает. Меркель не велит... И полковник милиции, командующий погромом на Пушкинской, в ответ на просьбу депутата Рыжкова представиться еще бегает от него зайцем и прячется за оцепление, но эта робость у них, уверяю вас, до времени... Если мы сейчас же не приведем их в чувство, они пообвыкнут, — и вот тогда, по чилийскому опыту, «автозаков» хватать перестанет, и потребуется стадион...

Но вернемся к сторонникам хунты и пожалеем убогих. Кому-кому, а этим стоит посочувствовать по-настоящему! Вот хоть те же «молодогвардейцы», перебравшиеся с Пушкинской на Воробьевы горы... Их, бедолаг, свозили

из городов Центральной России по двести-триста рублей за человеко-день поддержки политики любимого президента. Желающих поддержать ее задаром почти не обнаружилось, да их и не пустили за оцепление: вход был по спецпропускам. А выхода не было вообще!

По данным СМИ, дружинники не выпускали участников митинга «Молодая Гвардия», привезенных из других городов России, до конца мероприятия. По его окончании участники были блокированы милицией, посажены в автобусы и отправлены по домам.

А и правильно! Порядок должен быть! А то ишь какие хитрые! Разочек «ура» крикнули — и гулять? Нет уж, три сотни получил, в Москву тебя, как дрова, привезли, — будь любезен, отрабатывай! Ходи строем с флагом по периметру оцепления и фотографируйся с картонным Путиным. И скажи еще спасибо, что он картонный: был бы живой, «девятка» бы Воробьевы горы на уши поставила, а сторонников лицом в асфальт положила. Вообще Путин, когда он картонный, — это гораздо безопаснее, уверяю вас.

Митинговый субботний спектр был бы неполным без патриотов (по крайней мере, они сами так себя называют... такое у них от себя ощущение...). Так вот, патриоты в тот день собрались на Болотной площади. Судя по заявке на митинг, хотели они потребовать у властей повышения пенсий, понижения квартплат и прочего социального рая, — и, собравшись вместе, приступили к делу немедленно.

Я прошу поднять руку всех тех, кто считает себя русскими. Поднимите руку. Здравствуйте, русские люди!

Удостоверившись в главном (что тут есть русские), депутат Рогозин призвал разбомбить Эстонию; благодарная публика, на ходу развивая тему, откликнулась предложением бить «чурок» и жидов. В общем, двинулись к повышению пенсий и понижению квартплат самым кратчайшим патриотическим путем, — кстати, многократно проверенным! Вот Эстонию, правда, мы еще не бомбили. Может, в этом и спрятан секрет повышения пенсий? Надо попробовать.

А Лужков в это время разбивал аптекарский огород, субботничал и вешал скворечник. Добрый дедушка, уютный старичок! Только с утра пораньше бросил девять тысяч человек ОМОНа на граждан своего города — и с чистой совестью пошел заботиться о птичках. Позаботившись о птичках, Юрий Михайлович вернулся к людям и открыл наконец общественности глаза на Марш Несогласных.

Выступая в прямом эфире телеканала «ТВ-Центр», мэр Москвы заявил, что большинство участников акции были приезжими,«москвичей было очень мало». «Участники митинга подъезжали на автобусах из других городов, и организаторы акции, скорее всего, просто-напросто заплатили за участие».

Охо-хо... Лужков наш совсем, видать, старенький стал: принял за участников митинга вот этих детинушек в камуфляже, с позывными «Брянск-1», «Ангара» и «Марий-Эл»... — которых действительно привезли из других городов и которым, надеюсь, заплатили премиальные по итогам этой головоломки. В целом, освещение оппозиционной акции тоже было на высоте — уже, впрочем, привычной. По НТВ показали человека, которому некто, за сто долларов, велел затесаться в толпу, спровоцировать милицию, а потом обма-

заться кетчупом и продемонстрировать телеоператорам якобы кровавое нижнее белье. Прямо по Высоцкому: «а потом про этот случай раструбят по Би-Би-Си». Почему девять тысяч ментов и омоновцев и туча людей в штатском, которыми кишела Пушкинская площадь, не обезвредили провокатора-злоумышленника и не показали его по тому же НТВ, ума не приложу... В общем, с очередной журналистской удачей вас, дорогие бывшие коллеги!

Другие российские телеканалы тоже не подкачали. «Вести» походя назвали Каспарова «бывшим шахматистом»: на фоне «кала» и «валютной проститутки» это было с их стороны даже благородно. Впрочем, во многие выпуски теленовостей события на Пушкинской не попали вообще, — ну, телевизор не резиновый! Автомобильная авария в Турции, страшная жара в Европе, Пол Вулфовиц попался на любовнице — и обо всем же надо рассказать россиянам! Не дай бог в дни объявления военного положения в обеих столицах страны мы не узнаем о том, что принц Уильям расстался с подругой!

Теперь — еще немного нынешней реальности, как всегда, вполне фантастической.

Бывший премьер-министр Италии Сильвио Берлускони заявил, что история с манифестацией оппозиции в Москве была раздута прессой. Он выразил поддержку политике Владимира Путина и объявил о готовности провести очередной съезд своей партии «Вперед, Италия!» в России.

Давно замечено, что из всей гущи европейской политики Владимир Путин безошибочно выбрал для личной дружбы человека с самой устоявшейся репутацией: коррупция, превышение власти, личное хамство, личный гарем... В свою очередь, знакомство с Путиным — по принципу «скажи мне, кто твой друг...» — позволяет и г-ну Берлускони заметно расширить список статей уголовного кодекса для примерки в отдельном помещении...

И напоследок, как всегда, о приятном. Приятно, что посреди нашего грязноватого политического ожесточения есть партии, совмещающие демократическую ориентацию с ориентацией на Кремль. Так сказать, партия просто приятная и партия, приятная во всех отношениях... Одновременно с Маршем Несогласных свою отдельную разрешенную акцию — «За честные выборы» — провел Союз Правых Сил. А наутро свой отдельный экологический митинг провела партия «Яблоко». Это, я вам скажу, правильный выбор: ни шагу к объединению! Долой этот экстремизм! Тихая борьба с отдельными недостатками в рамках системы! И прогрессивно, и Сурков доволен... А то ведь, как в прошлый раз, оставят без Думы за плохое поведение, зачем это надо? Ну, что ж, продолжайте бороться за демократию возле Путина, Анатолий Борисович! А вы, Григорий Алексеевич, продолжайте бороться с Анатолием Борисовичем! Ну и за экологию, разумеется. Вот еще на субботник можно выйти вместе с Лужковым, скворешники поприбивать... тоже хорошее дело...

Счастья вам!

28.04.2007

Смерть Ельцина и его похороны обнажили человеческую подкладку в его отношениях с Россией. Это ведь были полноценные личные отношения: счастье и драма, любовь и разочарование... Он был русский — в его случае это действительно многое объясняет. Голсуорси тут нечего делать.

Это был персонаж Островского и Лескова: крупный, неподдельный, выламывающийся из рамок, неподвластный простым описаниям. В нем, по Бабелю, квартировала совесть. Хотя, может быть, и не была ответственным квартиросъемщиком... Но когда он извинялся, уходя, он делал это искренне, и в последние годы, по многим свидетельствам, тяжело переживал происходящее в России, с несомненностью чувствуя вину за многое. Он совершал тяжелые ошибки, последнюю из которых исправлять нам. Но он попросил у нас прощения, — простим ему! Тем более, есть за что. Первые «демократические» годы Ельцина — легендарные годы! Девяносто процентов поддержки в Москве! Это побеждал не он: побеждало новое время. Страна, разбуженная Горбачевым, распрямлялась и начинала дышать полной грудью... И лучшие дни и часы Ельцина — дни и часы, когда он дышал в такт с Россией. У него хватало характера, чтобы держать удары, свалившие бы с ног любого. Но он не был бы русским, если бы не был способен на саморазрушение. И он никогда не стал бы первым секретарем Свердловского обкома КПСС, если бы не умел перешагивать через людей.

Он был плоть от плоти номенклатурной — и плоть от плоти народной. Одновременно! И при всех ельцинских экзерсисах, Россия не была для него углеводородной недвижимостью, как для тех, кто пришел ему на смену, — это была зона ответственности и боли. И гордости, и мечты... Когда Южный уступал в «Берси» в финале Кубка Дэвиса, Ельцин, сидя на трибуне, мрачнел так, что становилось страшно за теннисиста; когда Россия победила, Ельцин, к ужасу Наины Иосифовны и восторгу французских телевизионщиков, полез через перила, чтобы поскорее обнять того, кто принес честь России. Хоть такую, спортивную... И перелез! Это был не пиар: ему не было уже нужды пиариться; в этом вдруг проявился весь Ельцин — неуклюжий, нестандартный, катастрофичный, прекрасный. Человек!

Отдельным, несмываемым кадром в памяти: этот седой человек, идущий по проходу Кремлевского Дворца Съездов, чтобы положить партбилет и выйти, закрыв дверь за эпохой. С его смертью его эпоха не заканчивается, — дверь приоткрыта.

За публику взялись сразу, и публика, еще вчера с редким бесстрашием травившая больного Ельцина, тут же, поскуливая по старой привычке, принялась лизать руку нового хозяина. И, пожалуй, только теперь, после смерти Бориса Николаевича, мы можем окончательно оценить масштаб его личности, — особенно заметный на фоне выживших (в том числе из ума) политических противников ...

В день похорон первого президента России фракция КПРФ отказалась почтить его память вставанием. В процессе думской дискуссии коммунист Михаил Заполев предложил «вбить осиновый кол» в могилу Ельцина.

Трагическое часто оказывается подкладкой фарса... Ельцин, тысячу раз имевший возможность сгноить своих противников политически, да и физически тоже (по примеру, который сами коммунисты подали всему миру), оставил их на свободе и в политике, — и вот теперь они куражатся напоследок... А по части осинового кола — обошлось и без КПРФ: гроб первого президента России опускали в могилу под звуки музыки гимна Советского Союза. А ведь еще недавно казалось: это Ельцин похоронил СССР...

Весть о смерти первого российского президента немедленно стала первой новостью во всем мире. CNN, BBC и все остальные тут же отставили в сторону прочие темы: только Ельцин! И лишь наше телевидение не дало себя отвлечь от размеренной жизни

На РТР аккуратно закончили сериал «Каменская» и приступили к страданиям Луиса-Альберто из какого-то латиноамериканского «мыла»... Важнейшая вещь, не приведи нам господи сбиться с графика этих страданий! По Первому каналу шел блок рекламы, НТВ, по обыкновению последних лет, радовало россиян криминалом... В общем, как сказано в старом анекдоте: «умер-шмумер»... Не резать же сетку вещания из-за смерти первого президента России! А потом, примите во внимание, — дело тонкое, политическое... Поэтому на вопрос журналистов издания «Газета», почему смерть Ельцина освещается таким странным образом, на Первом канале сначала с перепугу попросили прислать письменный запрос, а потом, вздохнув, честно признались: «Нам нужно было подготовиться».

О да. Подготовка — первое дело в отечественной журналистике. Просто сообщить новость — это и дурак может! А понюхать воздух, идущий от Кремля? а дождаться сигналов из-за стенки? а посмотреть, каким платочком махнут — белым или черным? Это на CNN сами решили, что Борис Ельцин — «человек-история», да так сразу в эфире и сказали, а в России следует, конечно, дождаться: какие на этот счет будут указания руководства? Вдруг опять концепция поменялась?

Идеология — краеугольный камень журналистики; мы, тертые калачи советской выпечки, твердо усвоили это, конспектируя работу Ленина «Партийная организация и партийная литература». Потом, правда, мы это дело подзабыли и даже надеялись никогда не вспоминать, но тут пришел Путин — и склероз как рукой сняло: ну, разумеется! Начиная с войны за НТВ, железный федеральный конь идет на смену крестьянской лошадке независимой журналистики. Новая победа была одержана на минувшей неделе.

Главой Русской Службы Новостей назначен член Общественной палаты, бывший директор детских программ «Первого канала» Александр Школьник. По данным сайта «газета.ру», на встрече с новым руководством журналистам было запрещено упоминать в эфире лидеров оппозиции. Главными ньюсмейкерами объявлены «Единая Россия» и Общественная палата, а главным врагом России — США.

Ах, какая прелесть! Ах, какая простота — в кадровых вопросах, в том числе... Впрочем, после назначения продавца мебели на пост министра обороны наша психика закалилась достаточно, чтобы перенести директора детских программ Первого канала на посту руководителя Русской Службы Новостей... За новое дело Александр Школьник взялся со всей страстью и быстро оказался святее папы римского: Марш Несогласных в эфире был описан как сборище двухсот радикалов... Я считаю: такого Школьника накануне выборов можно без экзаменов брать в кремлевский университет, где Сурков деканом! Но это все впереди, а пока что Школьник руководит Русской Службой Новостей, и целевую аудиторию своего радио представляет себе совершенно адекватно.

Издание газета.ру приводит слова нового руководителя РСН, сказанные им в беседе с журналистским коллективом: «Наши слушатели — обеспеченные люди, которым нужен позитив, это люди, которые интересуются модными запонками и галстуками».

Какой размах мысли, а? Зря пропадал человек в детской редакции.

И еще об успехах в области партийной организации и партийной литературы, благо эти успехи идут теперь косяком!

«Российская газета», единственная среди всех печатных СМИ, получила в этом году бюджетную дотацию в 2,7 млрд рублей. Деньги выделены на выпуск приложения «РГ-Неделя», которое бесплатно разносится по квартирам пенсионеров. Замглавы комитета Госдумы по информационной политике Борис Резник, просивший выделить три миллиарда рублей на печатные СМИ, был, по его словам, «очень удивлен, узнав, что все деньги пошли только на одну газету».

Стыдно должно быть Борису Резнику с его удивлением! Как маленькие, честное слово. Да, все деньги — правительственной газете! И ближе к выборам, как из установки «Град», по пенсионерам бесплатным приложением — шарах! Чтобы на всех полосах — о добрых делах «Единой России», и все это было не агитация из предвыборного фонда, а чистая журналистика... в простой правительственной газете, за бюджетные денежки! Правда, коллеги из «Независимой газеты», изучившие этот трехмиллиардный агитационный листочек, уверяют, что как раз сметы там не видно... дешевенькое издание во всех смыслах. Но не стоит тревожиться насчет бюджетных денег, коллеги! — они в надежных руках, уверяю вас...

Ну, для своих ничего не жалко, а с классово неблизкой журналистикой — вообще совсем другой разговор. Впрочем, уже давно не новый...

В результате действий правоохранительных органов приостановил свою работу Фонд «Образованные медиа». СМИ напоминают, что на прошлой неделе сотрудники Департамента по экономической безопасности МВД провели в офисе Фонда выемку документов. Изъяты базы данных и серверы, в результате чего деятельность Фонда оказалась полностью парализованной.

Да... Одиннадцать часов работали борцы с экономической преступностью в Доме Журналистов! Совсем себя не жалеют бойцы. Но тут, действительно, гнездо экономического порока: директор Фонда, академик Российского телевидения, многократный номинант премии «За личный вклад в развитие телевидения» Манана Асламазян ввезла в Россию вместо дозволенных десяти тысяч долларов десять тысяч евро — и была задержана на границе: «у. е.» «у. е.» рознь! Превышение на разнице курсов, по самому строгому административному кодексу, заслуживало штрафа в две тысячи рублей, — но не упускать же такой удачный момент! И вот — обыск, выемка, изъятие и прочий гром небесный из-за трех копеек... Борьба с экономической преступностью! Будет знать Асламазян, как готовить независимых журналистов!

Теперь от мелких пакостей вернемся в большую политику. В конце прошлой недели первый вице-премьер Иванов дал развернутое интервью газете The Financial Times. И открыл в том интервью страшную тайну: любой, кто пойдет на выборы, выступая против политики Путина, обречен на поражение.

Иванов: «У подобного кандидата не будет никаких шансов. Это будет некая маргинальная фигура, клоун. Тем не менее он получит 1% или 0,5% голосов».

К мнению Иванова о будущих процентах стоит прислушаться: когда одна из конкурирующих сторон контролирует и СМИ, и подсчет голосов, сделать конкуренту пол-процента — раз плюнуть. Только дай отмашку Чурову, будет тебе и четверть процента, фигня вопрос... В крайнем случае, подкорректируют число недовольных ОМОНом. Но вот прояснению вопроса, кто именно в России клоун, помог ответ Иванова на следующий вопрос The Financial Times. Нашего первого вице-премьера спросили, собирается ли он выставлять свою кандидатуру на президентских выборах, на что Иванов ответил: «Я об этом не думал». Ну, и кто тут клоун?

Конкуренцию первому вице-премьеру по части клоунады уже давно составляют оба спикера нашего Федерального собрания. На сей раз отличился спикер нижней — Борис Грызлов.

Комментируя создание думской комиссии по расследованию обстоятельств избиения граждан во время Марша Несогласных, спикер Грызлов заявил: «Главным вопросом разбирательства станет вопрос о том, кто провоцирует проведение таких акций и на чьи средства осуществляются такие провокации».

Вот это по-настоящему! Цирк-шапито и театр жестокости в одном флаконе. Сначала незаконно запретить, потом больно отметелить, а затем начать разбираться с отметеленными, чтобы наказать их дополнительно! Ума нижняя палата, Борис Вячеславович! Как мы без вас жили, уже и не понимаю...

Теперь несколько слов о подготовке к празднику Победы. На этом направлении в последнее время было сделано несколько важных шагов. Во-первых, высокое политическое начальство продолжало всячески гадить на Эстонию из-за сноса Бронзового солдата. Пока высокое начальство гадило на Эстонию, начальство пониже по тихому выкопало останки советских солдат, похороненных в Химках, под Москвой, — ну и потеряло по дороге пару костей... О причинах этого перезахоронения теперь спорят газеты: то ли дело в планах на это место близлежащих торговых центров, то ли в проститутках, оставлявших на мемориале свой нехитрый использованный инструментарий... Ну, с бизнесом — дело святое; с проститутками вообще ничего не поделаешь, — дорога на Шереметьево, хлебное место... Даже отделение милиции имеется в ста метрах, — чтобы создать девушкам нормальные условия для работы... Короче, дешевле устроить истерику Эстонии: ишь ты, действительно, хотят перенести на кладбище прах наших солдат! Правда, кости по местности не разбрасывают, как в Химках, но все равно: они фашисты, а мы молодцы!

Кстати, о фашистах. Фашисты 20 апреля отметили день рождения Гитлера, — и вы будете смеяться, — не в Таллинне, а на Славянской площади в Москве. Около двухсот милых юношей с короткими стрижками и в тяжелых ботинках под руководством политически подкованных дядек постарше провели свой разрешенный митинг против «оранжевой чумы», в поддержку коричневой. Власть им не препятствовала, ОМОН не бил... Все свои, зиг хайль.

А в Калининграде тем временем ветераны войны начали получать поздравления к девятому мая. Сами поздравления — вполне типовые, а вот открыточка с сюрпризом: реклама ритуальных услуг. «Большой выбор натурального камня. Оградки, уход за могилами и др.». Все чин-чинарем, с телефончиками компании, — короче, доставили радость ветеранам!

Счастья вам!

12.05.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну что ж, на прошлой неделе мы взяли традиционную паузу между майскими праздниками: как-то верилось, что на это время, хоть по случаю Дня Победы, с нашей политической кухни не будет нести тухлятиной, — но увы... Даже еще сильнее поперло. Ну, обо всем по порядку.

Давно хотел я произнести похвалу государственному мерзавцу, — и кажется, пора! Этот тип граждан следует отличать от мерзавцев бытовых, обыкновенных... Бытовой мерзавец, донося, плюя в чужой суп и делая прочие гадости, делает это на свой страх и риск и рискует все-таки получить по шее... Мерзавец государственный действует по отмашке и твердо знает, что ему за это ничего не будет. От кого именно последовала отмашка, неважно, главное — сверху, то есть из тех именно сфер, где обитают громы небесные... А значит, можно смело выпускать накопленную мерзость по указанному адресу! А что именно потребует от государственного мерзавца исторический момент — это уж подробности... При святой инквизиции мерзавец будет доносить на еретиков, при фашистах — громить еврейские лавки, при маккартистах травить американских левых, а при Мао Цзедуне — китайских правых... Дело найдется! В путинской России государственный мерзавец, притихший было в первые демократические годы, снова встрепенулся и развернулся во всю молодецкую силу: гнобит демократов, сажает Ходорковского, громит грузинские прилавки... или эстонское посольство... — на что отмашка поступила, то и исполняет. И твердо знает, что бьет лежачего, и за совершенную клевету, подлог или просто погром ему ничего не будет. Кроме финансирования, разумеется, ибо мерзавец без финансирования — это обычный дурак! А дураков-то нет: политика политикой, но последний погромщик знает, как не пронести ложку мимо рта. Треть имущества сожженного еретика, или захват еврейского бизнеса (после «хрустальной ночи» или дела ЮКОСа), или просто новый бюджет из администрации на очередные хунвейбинские подвиги «Наших»... — это уж непременно! Это и вдохновляет, это и гонит вперед пену дней, — и ширятся ряды готовых на все, поймавших ветер, старых да тертых, молодых да бойких... Так победим! Да здравствует государственный мерзавец, надежда и опора китайской Компартии, немецких фюреров, американских ура-патриотов, римской инквизиции и лично Владимира Владимировича Путина!

Как предупреждал дорогой Леонид Ильич, экономика должна быть экономной. Геополитика — тоже! Нашел нового врага, раскрутил тему — жми оттуда масло, сколько есть сил, не терять же продукт! Антиэстонская эпопея, достигшая кульминации в погромах прошлой недели, на этой завершалась будничными гадостями. Чай, не впервой. «Российские Железные

Дороги» отменили поезда из Питера в Таллинн, сославшись, ясное дело, на нерентабельность. Нерентабельности там столько же, сколько было вреда от «Боржоми», и сотни россиян, строившие планы прогуляться по Кадриоргу, хватаются теперь за головы в приступе острой благодарности партии и правительству, но все же всё понимают, не правда ли? «Российские Железные Дороги» — они ж не для россиян существуют, пропади они все пропадом, а совсем для другого, и мы знаем имя этого другого, благо как раз его дружбан Якунин «Железными Дорогами» и руководит! Впрочем, дружбаны Путина руководят теперь буквально всем, что только ни есть в России, так что опять-таки — ничего нового... А Эстонии до обратной отмашки мы будем теперь гадить по всему периметру, сколько хватит фантазии.

В магазинах Тамбовской области решено выделить особыми ценниками эстонские товары — с указанием страны-производителя для сведения покупателей. Это предложение губернатора Олега Бетина одобрила в минувший вторник Тамбовская областная дума, передает ИТАР-ТАСС.

«Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда, он прежде город был опальный, теперь же, право, хоть куда...» Теперь — не просто хоть куда, а бежит в первых рядах, петушком за путинскими дрожками, под руководством «единоросса» Бетина и его областной думы, твердо знающей первоочередную заботу населения — как бы ненароком не купить вражеский творог! Другие проблемы в Тамбове под ихним руководством, надо полагать, уже решены, теперь бы вот только добить эстонскую экономику, и все у тамбовчан будет вообще зашибись!

Напомню, что весь этот сыр-бор — с погромами посольства, торговой войной и отменой транспорта — задымился из-за решения таллиннских властей перенести памятник советскому солдату и захоронения под ним из центра города на городское кладбище. Что и было сделано с эстонской аккуратностью, то есть, в отличие от случая в Химках, без разбрасывания костей. Засим эстонские власти пригласили российских дипломатов принять участие в возложении цветов ко Дню Победы, но не на тех напали: цветы к праху наших бойцов в итоге возлагал шведский дипломат, а наши мероприятие проигнорировали. Молодцы, главное не сдаваться! Раз Кремль решил, что эстонцы фашисты, и других сигналов в МИД не поступало, то гори он огнем, этот совместный День Победы. Будем гулять сепаратно. А эстонцы пущай учатся у нас уважать память павших! Ну вот, например...

В Санкт-Петербурге намечены к ликвидации сразу два мемориала: форт «Красная Горка» и знаменитое Марсово поле. По информации «Новой газеты», на месте форта власти собираются возвести элитный коттеджный поселок, а на Марсовом поле — оборудовать подземный паркинг для состоятельных автовладельцев.

На Красной Горке и на Марсовом поле лежат павшие — и в гораздо большем количестве, чем лежало под Бронзовым солдатом, но при нашем традиционном уважении к мертвым, когда спустя полвека после войны мы не то что не похоронили павших, а и не посчитали толком (так, плюс-минус семь миллионов...), да при растущей цене на метр, мемориалы, конечно, ждет скорая адаптация к рыночным временам! Еще и вечный огонь на отопление пустят.

Теперь от геополитики и недвижимости перейдем к парадоксам русского народного менталитета.

По данным опроса «Левада-центра», подавляющее большинство граждан России (92%) убеждены в том, что декабрьские выборы в Госдуму не будут честными, а их результаты будут так или иначе сфальсифицированы. При этом две трети опрошенных «с доверием, положительно» относятся к Президенту России.

Да! Анализ — наше сильное место. Значит, так: народ знает, что честных выборов ему не будет, что власть не пустит в списки неугодных ей кандидатов, а угодным будут предоставлены существенные преимущества в избирательной кампании; что цифры потом подтасуют в избиркомах и довинтят в ЦИКе... То есть не слепой российский народ, все видит! И при этом с нарастающим доверием относится к президенту Путину — тому самому, который ввел в России все это избирательное зимбабве и чей личный дружок-корешок этим самым ЦИКом теперь руководит. Дружок, значит, потенциальный наперсточник, а президент, на этот ключевой пост его назначивший, — белый и пушистый... Как говорил персонаж «Иронии судьбы», железная логика!

Ведомые этой железной логикой, россияне все более склоняются к проверенным рецептам: по данным того же опроса «Левада-центра», более трети россиян желали бы пожизненного президентства ныне царствующего царя-батюшки. Не третьего срока, заметьте, а чистой монархии. Развивая эту благую тему, хочется уже уточнить планы на жизнь дочерей Владимира Владимировича... Или в дело пойдет сначала императрица-матушка Людмила Александровна? В общем, у социологов, кажется, появляются новые темы для опроса...

Пока народ безответственно грезил, политики предпринимали в том же направлении конкретные шаги, и дело пошло на лад.

Спикер Совета Федерации РФ Сергей Миронов заявил, что бóльшая часть законодательных собраний в регионах поддерживает его инициативу по изменению Конституции. СМИ напоминают, что Миронов предложил увеличить срок полномочия президента России до пяти или семи лет, а также разрешить главе страны находиться у власти три срока подряд.

Само по себе номенклатурное желание окопаться насовсем и ничего не менять понятно без слов, но вот как раз слова — впечатляют! Ибо ближе к марту две тысячи восьмого года доводы за то, чтобы оставить в Кремле дорогого Владимира Владимировича становятся все удивительнее. Губернатор Бетин (та самая тамбовская гроза эстонской сметаны), сходив в геополитическом направлении по маленькому, тут же сходил туда же и по большому... Выступив за продление полномочий президента России, Бетин обосновал это требование «нарастающей угрозой суверенитету России из-за рубежа». О да! Россия в кольце фронтов! Эстония обложила нас с севера, Грузия — с юга... Пока что держимся на морально-волевых, но если откроет второй фронт Люксембург, все погибло.

Венцом монархического экстаза стало на минувшей неделе соло вице-спикера Государственной Думы Любови Слиски. Там уже не политика, там что-то из самого нутра, даже какое-то отчаяние слышится... Такое ощуще-

ние, что если Путина ненароком унесет река времен, — солнце не взойдет. Послушайте плач этой номенклатурной Ярославны, только не смейтесь, будьте снисходительны: женщина все-таки...

Вице-спикер Любовь Слиска: «Если вот даже уйдет президент с поста президента, то нужно что-то сделать вот так, придумать, чтобы он все равно остался влиятельным политиком, у которого все было бы под контролем. (...) Понимаете... Путин — это... ну, всё! Это вот... величина! Это идеал какой-то, к которому стремятся! Ну, приезжаю, вот мне говорят... В салонах там где-то, на встречах. Даже вот простые люди... Прическу делают, говорят: "Ой, передайте Путину, мы его так любим!"».

Что за простые люди делают вам прическу, г-жа Слиска? Вы где стрижетесь, Любовь Константиновна? Я не спрашиваю, почем вы стрижетесь, — это более или менее видно, и дай вам бог дальнейшего роста благосостояния (снявши голову, по волосам не плачут), но — где вы это делаете? Знаете, я могу порекомендовать несколько парикмахерских, во-первых, значительно дешевле, а во-вторых, с более адекватным персоналом.

Теперь от нашей роскошной вице-спикерши перенесемся в неказистый мир мужчин. Там нет места эмоциям, и вопрос прически решается там бесплатно, обычной машинкой. Простота нравов и строгая калькуляция царят в этом подземном армейском царстве...

Офицеры Сормовского районного военкомата Нижнего Новгорода рассылали письма в адрес призывников района, в которых молодым людям призывного возраста (в том числе имеющим законную отсрочку) предписывалось срочно явиться в военкомат для «согласования суммы причиненного ущерба» по их розыску и «добровольного его возмещения». В прилагаемом бланке указывалась сумма — в среднем три-четыре тысячи рублей на призывника.

Дивная идея для общества рыболовов-любителей: чтобы лещ и карасик перед тем, как идти на жарево, сами же заплатили рыбаку за снасти и крючок. Отдельной строчкой присылать рыбке смету за динамит (на случай, если не клюнет и придется глушить). Нет, все-таки, что ни говори, в фельдфебельской логике есть своя высшая правда: уж выворачивать мир наизнанку, так до конца!

Но вернемся на гражданку. Там и веселее, и сытнее гораздо. Не везде сытнее, разумеется, — места знать надо!

Президиум фракции «Единая Россия» принял в состав фракции самого богатого депутата Госдумы, миллиардера Сулеймана Керимова. Это уже четвертый миллиардер-депутат в составе «единороссов». По сообщениям СМИ, до последнего времени Керимов состоял в ЛДПР и был исключен оттуда «за грубое нарушение партийной дисциплины».

Если я правильно понимаю тамошние принципы партийного строительства, Керимов просто не захотел делиться бабками с Жириновским. По моим многолетним наблюдениям, никаких других идеологических ограничений членство в ЛДПР на человека не накладывает. Теперь легла депутату Керимову карта договариваться с Грызловым и Пехтиным... Вообще-то о депутатской деятельности этого господина, как и о нем самом, миллионы россиян узнали только минувшей осенью, когда Керимов разбился в Ницце на «Феррари» — то ли с Тиной Канделаки, то ли без оной. О его иде-

ологических пристрастиях по этому случаю судить было трудно: разбиться в Ницце на «Феррари» может депутат любой фракции российского парламента, включая парочку коммунистов. И вот, вскоре после исключения из ЛДПР, выяснилось, что Керимов — убежденный «единоросс». Ну, всякий россиянин, у которого есть четырнадцать миллиардов долларов, как минимум еще год будет тяготеть к «единороссам», — это неудивительно. Удивительно другое! Несколько недель назад «единороссы» отложили обсуждение вопроса о принятии в свои ряды Керимова, объяснив это необходимостью «понять, чем он будет полезен». Как вы думаете, это они такие тупые — или притворяются?

И напоследок — о прекрасном. Прекрасного у нас в стране завались, и оно не остается без внимания! Тут давеча очередные награды нашли очередных героев, ошивающихся возле власти на родственных основаниях.

По сведениям СМИ, президент Владимир Путин наградил орденами брата и сына директора ФСБ Николая Патрушева. Брат главного чекиста удостоился награды за участие в полярной экспедиции, а 26-летний сын Андрей — за «многолетнюю добросовестную работу» в компании «Роснефть».

Встречаются еще, я вам доложу, непонятливые люди без всякой фантазии! Это я про коллег Патрушева-младшего, которые так и не смогли внятно объяснить прессе, за какую именно многолетнюю работу награжден этот юный трудящийся, тем более что трудится он в «Роснефти» всего семь месяцев. Недоумение такого рода простительно иностранцам! А свои-здешние должны уже, наконец, понять, что, во-первых, хозяин — барин, и при нынешнем положении дел Путин мог бы не просто награждать орденами кого попало, а ввести свою суку-лабрадора в парламент в комиссию по законодательству, и никто бы слова не сказал, а во-вторых и главных: знают ли в «Роснефти», что наличие ордена учитывается судом при рассмотрении уголовного дела? Ну, в руководстве-то знают точно... По мере приближения к две тысячи восьмому году это практическое обстоятельство приобретает все более важное значение для тех, кто не стеснялся в предыдущие годы. Так что — завозите в Кремль ордена, и побольше, побольше!..

Счастья вам!

19.05.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Ну, неделя получилась вполне веселенькая: как в хорошем коктейле, все смешалось в правильных пропорциях — от обычной номенклатурной пошлости до специфических мерзостей чекистской эпохи (извините, это теперь называется «управляемая демократия», запамятовал). Ну, по порядку.

Для затравки — старый цирковой анекдот. Разговаривают два клоуна. Один говорит: я номер придумал. Ты чего-нибудь роняешь на манеж, нагибаешься, тут выбегаю я — и изо всей силы даю тебе пендаля по заднице! Второй подумал и говорит: не пойдет. Слишком тонкая шутка для нашего цирка. Это я к чему рассказал? Это я к тому рассказал, что в последние недели перед Маршем Несогласных федеральный цирк-шапито напрягся и бросил лучшие силы на гастроль в Самаре! Озаботился, так сказать, доступным репертуаром. Чтобы не получилось чересчур тонко... И получилось

очень смешно — просто, можно сказать, реприза на репризе. Итак! Сначала, еще недели за две до Марша, в Самаре начали задерживать активистов. Вопрос «за что» уже как минимум несколько месяцев можно считать неуместным: а так! взяли и всё! Ап! (Удар тарелки). Сначала задерживали молодняк, расклеивавший на улице приглашения на разрешенный, заметим, Марш. Потом начали «винтить» организаторов, причем «по-взрослому», с наручниками. Михаила Меркушина брали два раза: сначала впаяли ему избиение ребенка, а потом хищение денег с чужой карточки; у Анастасии Курт-Аджиевой, чтобы два раза не вставать, сразу нашли гранату. Ап! (Удар тарелки). Отец Анастасии — главный редактор самарской «Новой газеты» — вместе с журналистом газеты Кутейниковым пришел к дочке в Самарское РОВД, и их обоих тоже задержали — ап! (Удар тарелки). А за что? А так! А как фамилия майора, который это сделал? А никак. Государственная тайна. Ап! (Удар тарелки). А в саму газету пришли из ГУВД и опечатали системные блоки компьютеров. А потом туда же пришли из отдела по борьбе с экономическими преступлениями — и изъяли всю бухгалтерию! Ап! (Удар тарелки). А приговоренных два года назад к условным срокам нацболов Гурьева и Гангана отправили одного в колонию, другого под домашний арест. А третьего, несудимого Трещанина, просто забрили в солдаты — ап! (Удар тарелки). А корреспондентов «Коммерсанта» и Рен-ТВ, про это хотевших рассказать поподробнее, тоже задержали — ап! (Удар тарелки). Наконец в Самару приехал эксперт из Московской Хельсинской Группы Сергей Шимоволос, — чтобы выяснить, что за бермудский треугольник образовался на Волге-матушке, — и его, разумеется, взяли прямо на перроне, вместе с юристом Ольгой Чеботаревой. Но тут уж не просто «ап», а с барабанной дробью! Смертельный номер! Слушайте! Два правозащитника — мужчина и женщина — оказались (цитирую «ментовской» документ) «слишком похожи на описание преступников, находящихся в розыске». Слишком! Оба, разом, представляете? Ап! (Удар тарелки).

Ну, как вам? По-моему, смешно. Но смешнее всего, что во всю эту черную клоунаду власти пустились с полной безнадеги: куда проще было бы просто запретить Марш Несогласных в Самаре и по проверенному рецепту разогнать людей заезжим ОМОНом, да вот незадача: Меркель, блин, приехала! Прорвался немец на Волгу, не велит нарушать права человека! Специальные заявления делает! Мол, нельзя мешать людям выражать свое мнение... Как такое на русский язык-то переводится! Эх, Шредер, Шредер, газовый ты наш брат Герхард, что ж выборы проигрываешь! На кого ж ты нас покинул! Отдельный поучительный сюжет минувшей недели — история активиста «Другой России» Станислава Сосина, о которой он сам рассказал на «Эхо Москвы». Сотрудники управления УБОП давно угрожали ему отчислением из института за участие в Маршах Несогласных — и слово свое сдержали. Честные ребята!

Станислав Сосин: «Когда я начал сдавать сессию в институте, преподаватели, которым я сдавал, мне сказали о том, что "знаешь, Станислав, вот с нами тут разговаривали, и разговаривали с деканатом, с учебной частью, со всеми преподавателями. Сказали, чтобы мы тебе никаких ни экзаменов, ни зачетов не ставили". Я в настоящий момент отчислен».

Ну что же, к руководству УБОПа, которое вместо того, чтобы бороться с оргпреступностью, выгоняет студентов из института, у меня вопросов нет давно. Но вот профессура!.. «Им сказали...» Эх! Большие дяди и тети, гордость высшей школы... А вы не пробовали просто послать тех, кто вам сказал?.. Они идут, уверяю вас, идут на все буквы алфавита и уже не возвращаются! Только надо твердо и желательно хором. Текст примерно такой, записывайте: дорогие особисты, не ваше собачье дело — успеваемость наших студентов, ловите террористов, охраняйте свои две-три государственные тайны, а сюда больше не звоните: это называется «превышение полномочий» и «шантаж», за это срок можно схлопотать!.. Но ничего этого никто в Димитровграде не сказал. Взрослая, глубоко гражданская профессура технологического института в ответ на звонок неизвестного хрена из органов взяла под козырек и отчислила студента Сосина... Потом, спустя годы, будут вспоминать, как тяжело им жилось при чекистах! Вот увидите.

Но вернемся к самарскому сюжету. Тихое противостояние бойцов невидимого фронта гражданам Российской Федерации завершилось двумя торжественными аккордами фортиссимо.

В минувший четверг при выходе из поезда Москва—Самара милиция задержала исполнительного директора Объединенного гражданского фронта Дениса Билунова. Как заявил источник в ГУВД Самарской области, «при Билунове была обнаружена крупная сумма денег, не менее 100 тыс. рублей, и все тысячными купюрами».

Ужас, да? Тысячными купюрами! Мама родная, это ж хуже тротила! Так и слышишь тревожную музыку за кадром: смотрите специальное расследование на НТВ, они уже проанонсировали правду о Каспарове... Не знаю, сравнят ли на НТВ размеры финансирования Марша Несогласных с бюджетом пропутинских гуляний движения «Наши» (по моим наблюдением, там ста тысяч рублей не хватило бы на чаевые шоферам), но уж страху на россиян нагонят, это будьте любезны! Свяжут и с Березовским, и с ЦРУ... Кстати, а что же сто тысяч? Какова их судьба? О-о, там все тоже очень серьезно: «изъятые деньги направлены на экспертизу». Каков же смысл экспертизы, спросите вы? Отвечаю: смысл экспертизы как раз и состоит в изъятии денег. Чтобы исполнительный директор Гражданского фронта не мог расплатиться за автобусы, питание и прочие организационные расходы в Самаре. Мелкая пакость давно стала главным жанром в работе органов безопасности, конкурируя только с крупной мерзостью. Этими двумя жанрами они и пробавляются, по преимуществу.

Лидеры «Другой России» были задержаны в аэропорту «Шереметьево» при вылете в Самару. Милиционеры отобрали паспорта у Гарри Каспарова, Льва Пономарева, Эдуарда Лимонова и других (всего около двадцати человек) — и не позволили им улететь на Марш Несогласных. По сообщениям СМИ, лидеров оппозиции держали в оцеплении милиционеры и люди в штатском; отобранные паспорта находились у лейтенанта милиции Зайдинова.

Все-таки, я думаю, Меркель перебьется! Все они перебьются — Меркель, Саркози, Тони Блэр или кто там у них идет на смену? Вот все они пускай и идут на смену, а мы зацементируем то, что есть — и абзац! Помимо звуковых ассоциаций, абзац в самом что ни есть грамматическом смыс-

ле: пишем российскую историю с новой, красной, советской строки! К черту Европу, хорош лезть к нам со своими свободами и правами: вот тебе вместо Конституции лейтенант милиции Зайдинов, держащий крепкой рукою паспорта, отобранные у граждан вместе со свободой перемещения! Статью Конституции и пару статей Уголовного кодекса разом нарушает лейтенант Зайдинов, но ничего не боится: давно понял, пока тут Путин, другого закона в России нет и не будет!

Если с гражданскими правами понятно, заглянем в Вооруженные силы. Давненько мы туда не заглядывали. Нет ли чего-нибудь новенького? Нет, все по-старенькому.

В Вооруженных силах России с начала года погибли 139 военнослужащих, в том числе 86 из них покончили жизнь самоубийством. В то же время, как утверждает Министерство обороны, в результате «дедовщины» погибли лишь 5 солдат.

Ну, я ж говорю, ничего новенького! Стало быть, случаи смертей от «дедовщины» в казармах единичны, а вот вешаются и стреляются солдатики регулярно. Просто так, сами по себе. Ну, жил двадцатилетний парень — жил себе и вдруг расхотел жить! Бывает... Легкой акварелью на фоне прошлых полотен выглядит в этом смысле история солдата Быкова. Он служил в инженерно-саперных войсках на Сахалине, где (видимо, в целях повышения саперной обороноспособности) «деды» вымогали из него деньги и били по ночам. Когда солдат Быков, не выдержав, рассказал об этом замполиту, замполит сделал «дедам» устное «ай-яй-яй», а солдата отправил в «психушку», где Быков и попытался стать восемьдесят седьмым самоубийцей в российской армии за этот год. Ему не дали подпортить статистику и комиссовали от греха подальше. Впрочем, если бы он и погиб, вскрыв себе вены, статистику «дедовщины» это бы не увеличило. Просто покончил с собой солдатик, и все. Расхотелось жить, причем тут армия!

Между тем претендентов на психушку, по моему скромному мнению, довольно много как раз снаружи от армейских лазаретов — да и за пределами воинских частей. Ну, вот, например...

Комментируя ухудшение отношений России со своими соседями, директор Института стран СНГ депутат Госдумы Затулин сказал в интервью «Новым Известиям», что России и не следует искать друзей среди соседей. «Это страны, которые переживают период становления своей независимости, и среди них логично искать добычу, а не друзей».

Когда имперская моча ударяет в голову публике на рогозинском митинге, это дело обыкновенное и даже приятное. Выпил с утра, пришел к себе подобным — валяй во всю ивановскую! Бодрит на свежем воздухе предложение разбомбить Эстонию, — и как не сказать по случаю мерзость про Грузию, не нахамить полякам... Демократия! — всякий человек имеет право облегчить душу... Но когда в «типа как бы» демократической стране о соседях как о добыче заявляет крупное должностное лицо — это уже повод для психиатрического вмешательства. А уж самого Затулина сначала обследовать или страну, даже и не знаю... Впрочем, в очереди к профессору Стравинскому Затулин будет явно не первый. Там клиентура уже подоспела, и как раз на Воробьевы горы...

Кульминацией празднования 85-летнего юбилея пионерской организации, организованного столичным правительством, станет праздничный костер на Воробьевых горах. Как в советские времена, в Москве с 18 по 25 мая пройдут всевозможные конференции и слеты. На Красной площади более 2,5 тыс. школьников принесут торжественную клятву верности заветам Ильича, сообщают СМИ.

Дорогая московская мэрия, милый Юрий Михайлович, я что-то не понял, у вас концепция поменялась или ум за разум зашел? Пиар, спору нет, дело важное, и грех не попользовать 19 мая, но что за «взвейтесь кострами» на старости лет? Вы в порядке? «Торжественная клятва верности заветам Ильича» — это в каком смысле? Будем заполнять Соловки интеллигенцией? Расстреливать крестьянство с аэропланов? Мочить рабочих в Кронштадте? Уточните задачу пионерии, Юрий Михайлович. Или уже обследуйтесь, наконец.

Но не будем печалиться чересчур: есть в России и нормальные люди. То есть абсолютно без комплексов... В каком-то смысле можно позавидовать крепости такой психики...

Начальник ГИБДД ГУВД Тюменской области полковник Валерий Смолин изобличен в превышении должностных полномочий, передают «Автоновости». Занимая должность начальника районного ОВД, он за 140 тысяч рублей продал знакомому коммерсанту здание поста ГИБДД, расположенное на федеральной трассе Тюмень—Омск.

Ужас! В том смысле ужас, что — ведь посадят человека! А в сущности, какая разница проезжающим по автотрассе Тюмень—Омск, кто именно будет собирать с них ясык? Бесплатно ж мимо того поста все равно не проехать! Не повезло полковнику. Этому полковнику, заметьте... Посадят его, а за что, собственно? Нешто он нехристь какой и был против Владим Владимыча? Нешто поступал не по понятиям? Вертикаль власти — она ж на то и дана, чтобы ее порезать на кусочки и толкнуть налево! Президент Путин отдал Сечину «ЮКОС», министр Зурабов отдал родственникам медицинский бизнес, полковник Смолин отдал знакомому пост ГИБДД... И сел в назидание россиянам. Именно он, который отпилил меньше их всех. Это и называется борьба с коррупцией!

Теперь — несколько слов о массовом прорыве начальства в сторону народа. Вообще давно замечено, что ближе к выборам начальство проникается к народу огромной любовью, начинает ходить по улицам пешком, посещать фермы и заводы, интересоваться бытом трудящихся, пить чаи с простыми баранками, кататься с детьми на качелях, пускать слезу с ветеранами и прилюдно снимать шкуру с мелкого чиновника. Сразу после выборов начальство все это прекращает, забивает на народ болт размером с федеральную вертикаль и возвращается к своему привычному куршевелю, в котором легко обходится без ветеранов и трудящихся села. Но перед выборами — это святое дело! В минувший вторник губернатор Петербурга Валентина Матвиенко призвала городских чиновников ездить общественным транспортом. Но поскольку санитарные нормы на общение с народом никто не отменял, Валентина Ивановна установила себе и присным квоту: они будут выходить в людскую раз в месяц!

Валентина Матвиенко: «...все сотрудники исполнительной власти ездят весь день на общественном транспорте. Едут на работу, с работы, по деловым поездкам ездят на общественном транспорте. У многих изменится мнение, отношение. Когда вы будете видеть, и я в том числе как губернатор, не из окна персонального автомобиля, как ездить в троллейбусах, в автобусах, в метро. Надо прочувствовать на собственной...эээ.. не хочу сказать это... понятно что».

Не будем осуждать Валентину Ивановну за лексику. Ближе к выборам степень демократичности начальства естественным образом отражается и на ней. Легкая пошловатость рейтингу никогда не мешала: с запашком оно даже народнее получается — типа своя в доску, Валентина-то! Это ОМОН при случае врозь, и счета банковские отдельно, а арго в воздух подпустить — это с нашим удовольствием!

И напоследок, как всегда, сладенькое.

Выступая во вторник в эфире телеканала «Рен-ТВ», глава Центризбиркома Чуров выразил уверенность, что предстоящие выборы пройдут в соответствии со всеми международными демократическими стандартами, пообещал, что сделает для этого все возможное, и поклялся в этом своей бородой.

Ну, уровень государственных гарантий вы поняли: если что, Чуров побреется, и все будут довольны. Кажется, эта помесь старика Хоттабыча с Фиделем Кастро прояснила для россиян вопрос о грядущих выборах окончательно.

Счастья вам!

26.05.2007

Здравствуйте! Это я, Виктор Шендерович. В эфире программа «Плавленый сырок». Ну, прошедшая неделька, сразу скажу, была совершенно обыкновенной, типовой российской неделей, — пролистаешь газеты и порадуешься стабильности: контролирующий орган «наехал» на фирму и назначил цену за «отъезд», губернатор проворовался, солдат повесился, государственные СМИ опозорились... В общем, все, как всегда. Правда, не каждую неделю Скотланд-Ярд официально обвиняет российского гражданина в политическом убийстве, но уж убивать оппонентов за рубежом нам точно не впервой... Привет Луговому от Рамона Меркадера!

Ну, а теперь обо всей этой стабильности подробнее и по порядку. Начнем с побед на идеологическом фронте, — других не держим...

В конце прошлой недели пресс-служба Путина отказалась от заранее оговоренного интервью австрийскому телеканалу ORF. Также были отменены интервью с газетой Die Presse, телекомпанией RTL и журналом Profil, пишет Ди Вельт.

Не дать увидеться с Владимиром Владимировичем — это страшное наказание, и австрияки его заслужили! Ну, что это? — перед самым визитом Путина в Австрию показывать фильм «От шпиона до президента»... Прямо сказать, не сахар кинцо, да еще с кадрами из Чечни... Короче, телеканалу сделали «отлуп», а посла австрийского вызвали в МИД и хорошенько натерли ему скипидаром, чтоб они там знали, чего можно про нас показывать,

а чего не надо! До какой степени удалось Путину начистить рыло австрийской свободе слова, не знаю, но уж у себя дома мы хозяева — и как пожелаем, так и сделаем! Не то что австрийскую телекомпанию — немецкого канцлера отредактируем с точностью до наоборот!

Комментируя события в Самаре, Ангела Меркель, в частности, заявила: «Я понимаю, если арестовывают людей, которые швыряют камни или угрожают правопорядку в государстве. Но совсем иное дело, если вы задерживаете людей по пути на демонстрацию». На российском телевидении цитата была оборвана на середине, из чего, как отмечают западные СМИ, сложилось впечатление, будто канцлер Германии одобряет применение силы.

Ну, Запад нам теперь отрезанный ломоть, пускай вопят чего хотят! А зато стесняться не треба, и уж своим согражданам мы промоем мозги таким идеологическим клистиром, от которого заломит голову у ветеранов Гостелерадио. Отрезать от цитаты Меркель, чтобы не выросло, — это только забава, разогрев... НТВ показало обещанное чрезвычайное расследование по поводу Маршей Несогласных, и сразу стало ясно, что анонсировали они это дело не зря: постарались ребятки на славу! Кино называется «Кто заказывает хаос?» Это, я вам скажу, чистые Канны... Сейчас я дам вам послушать избранные места, — кто не спрятался, я не виноват...

«Можно ли купить себе митинг и сколько стоят уличные беспорядки? Сегодня в нашей программе... В ближайшее время в проекте Березовского и в проекте Марши Несогласных — это кровь... За дополнительные деньги можно организовать драку, но главное — изобразить как можно больше жертв милицейского произвола... Это один из кандидатов на роль. За 100 долларов он должен был взять кетчуп, затесаться в толпу, спровоцировать милицию, а затем продемонстрировать телеоператорам красное, словно кровавое нижнее бельё. Если милиционеры рядом будут, подойти толкнуть там... Потом упасть на землю, кричать, за живот хвататься».

Извините, что прервал удовольствие. Просто я должен вас проинформировать, что все это телезрителям рассказывал какой-то хмырь семь на восемь, повернувшись к телекамере спиной; что помешало этой гюльчатай показать личико, не знаю... Не иначе, боится Березовского! А еще интересно, каким кетчупом покрасила себе лицо питерская девушка, чей нос был сломан 15 апреля ударом омоновской дубинки? Ну, да ладно, продолжим. Итак, краткое содержание предыдущей серии: Каспаров хочет крови, а все, кто выходит с ним на улицу, — либо психически нездоровые, либо просто продажные... Вообще, тема продажности оказалась центральной в расследовании энтевешников. Кажется, это дедушка Фрейд расстарался. Ну, возвращаемся к их кино...

«Одни и те же люди защищают Мавроди, Грабового, Ходорковского. Теперь они появляются и на Маршах Несогласных... Обратите внимание на эту бабушку. Она еще сыграет свою роль: будет ОМОН бить... Шоу призвано продемонстрировать всему миру, как в дикой России притесняют оппозицию. А постановка это или нет, какая разница? Ведь зритель об этом никогда не узнает... Это та самая безобидная с виду бабушка бросается на ОМОН...»

Загадка по физике для шестого класса: какого веса должна быть бабушка и с какой скоростью лететь, чтобы свалить с ног омоновца? М-да...

Бабушке, видимо, все-таки подвезли долларов, и не сто, а тысяч пять, — иначе откуда бы в ней проснулись такие силы? И отчего этих денег не подвезли мне? И почему не дали их тысячам других граждан России, выходившим на Марши Несогласных и к залу суда над Ходорковским? Кстати, жаль, что на НТВ не нашлось пленки, запечатлевшей, как эти же люди защищают Мавроди и Грабового: теперь злые языки могут назвать авторов ленты лжецами и при случае дать им оплеуху.

Но вернемся напоследок еще к одному важному сюжету в этом, с позволения сказать, журналистском расследовании: как говорится, никто их за язык не тянул...

«...Омоновец в каске с нарисованными символами СС! Гришанков уверен, снимок подделали на компьютере.

Гришанков: "Скажем так, с учетом того, что это действительно американский журнал, который издается в России, передо мной возникает вопрос: с какой целью они это делают?"»

У этого заявления депутата, замглавы Комитета по безопасности Госдумы Гришанкова случилось совершенно внятное продолжение, а именно: оказалось, что снимок реальный. Его автор, фотограф журнала «Эсквайр» Олег Кабатов, заявил в эфире «Эха Москвы», что готов представить этому доказательства в любом суде. Ну и?.. Куда провалился Гришанков? Что-то его не видно с тех пор. Может быть, замглавы Комитета по безопасности Госдумы заинтересовало, отчего российский омоновец балуется эсэсовской символикой? Нет, не заинтересовало. Может быть, это заинтересовало телекомпанию НТВ? Да нет же! (Тем более, что история с омоновской каской прояснилась задолго до выхода их программы в эфир, и лгали они, стало быть, вполне сознательно). Может быть, кто-нибудь из этих господ хотя бы извинится перед журналом «Эсквайр» и фотографом Кабатовым? Ну что вы. Может быть, кто-нибудь там хотя бы покраснел? Не думаю. Люди, краснеющие, когда их ловят на лжи, не становятся ни номенклатурой комитетов путинской Госдумы, ни журналистами газпромовского НТВ.

УВД Ульяновска обратилось к населению с просьбой сообщать в милицию о «случаях склонения их к участию в митингах, уличном шествии за денежное вознаграждение». В распространенном сообщении, в частности, отмечается «стремление некоторых организаций экстремистского толка к дестабилизации социально-политической обстановки».

Склонение к митингам за деньги — вещь, спору нет, ужасная, и я не сомневаюсь, что милиция озабочена не Каспаровым и Лимоновым, как предположили некоторые СМИ, а готовится накрыть с поличным Кремль и лидера «Наших» Василия Якеменко, который пятый год склоняет молодежь к политическому сожительству за бабки и натуру. Что же до «организаций экстремистского толка», то они, в текущих российских обстоятельствах, могут образовываться самым неожиданным образом. Например, из трудового коллектива Ульяновского механического завода. Коллектив этот год сидел без зарплаты, люди писали жалобы, обивали пороги... А зарплаты все нет. Тогда они перекрыли крупнейшую магистраль, и «через три часа деньги им привезли». Тут, конечно, напрашиваются бестактные обобщения... Ибо с начальством, которое мы сами себе выбрали, без экстремизма не

выходит. То получение законной пенсии через голодовку, то зарплата через перекрытие магистрали... Для решения о выдаче детских пособий воронежским матерям, помню, ближе Страсбурга суда не нашлось... То есть таких потенциальных экстремистов тут миллионов сто, и вы уж поаккуратнее с терминологией, дорогие ульяновские милиционеры...

Да! Чуть не забыл. Они там, в местном УВД, открыли новый признак экстремизма: «дискредитация деятельности органов внутренних дел». Это совсем мило. О ментах, в их сегодняшнем состоянии, слова правды не скажешь, чтобы их не дискредитировать... Записываемся в экстремисты поголовно!

И еще о борьбе с экстремизмом. Она принимает все более затейливые формы.

Группа жителей Самары обратилась в суд с исками по поводу нарушения их гражданских прав организаторами Марша Несогласных. Истцы утверждают, что шествие нарушило права и свободы самарцев, которые вынуждены были в этот день простаивать в пробках или идти пешком.

Для проведения Марша в Самаре требовалось перекрыть одну улицу на пятнадцать минут, что и было бы сделано, находись Самара в районе Люксембурга. Но, слава аллаху, люксембурги нам не указ! Власть умело парализовала жизнь в радиусе нескольких километров, а теперь радостными криками встречает группу инициативных граждан с их иском, — разумеется, к организаторам Марша, к кому же еще? С аналогичными исками уже всплыли аналогичные граждане в Москве, и этот дружный напор гражданских чувств открывает двери для законного решения всех проблем! Я, разумеется, имею в виду проблемы власти.

«Жители должны писать в прокуратуру не после акций, а до их проведения, — заявил газете "Ъ" источник, близкий столичным властям. — На основании представления прокуратуры ни одна неудобная властям акция не будет согласована. С желающими подписать жалобу проблем не будет. Вы даже не представляете, сколько таких активистов живет в центре Москвы».

Да как не представлять, милейший? Прекрасно представляем, не первый год замужем! Это у нас с пшеницей были проблемы, с деньгами, прессой, преступностью, мозгами, колбасой и лекарствами, а с активистами, желающими защитить любимую власть, проблем не было никогда! Лопатой их греби, по демпинговым ценам... Верным путем идут товарищи! Будем защищать права активистов, близких к правительству, — не допустим митингов и демонстраций!

Теперь — новости номенклатурной жизни. Вице-премьер Нарышкин выступил давеча с докладом в Совете Федерации. О чем он там говорил, не так важно, как то, что его пустили туда поговорить. Эксперты тут же расценили это как укрепление позиций Нарышкина в отборочном турнире, который давно проходит в закрытом режиме за кремлевской стеной. Дело серьезное, каждый тянет одеяло на себя. Сергей Иванов тоже давеча два с лишним часа выступал в Интерфаксе аж с экономической программой. Народу сбежалось посмотреть! Чай, не Илларионов с Ясиным... Наконец-то нашлась голова, в которой хранятся настоящие экономические знания. Родина в обмороке от счастья.

Ну, вот. Нарышкин, стало быть, в Совете Федерации, Иванов в Интерфаксе, а у Матвиенко вообще большая удача: раскрыли заговор! Исламисты хотели убить Валентину Ивановну! С какого бодуна исламистам понадобилась Валентина Ивановна, ума не приложу, но сами они Валентине Ивановне пришлись как нельзя кстати. А то, действительно, как ни вспомнят про нее петербуржцы, так сразу какая-нибудь мерзость по ассоциации вылезет — от башни этой дурной «газпромовской» до сынка, подсевшего на казенную энергетику, и избиения земляков заезжим ОМОНом. А тут — оплот православия и государственности, мишень исламистов! В горящую избу войдет, — ну, не бесплатно, разумеется... Молодцы, особисты! Браво, Валентина Ивановна!

Теперь — бонусный трек. Депутат Малышкин недавно ушел из ЛДПР, но интеллект взял с собой. Послушайте фрагмент его выступления в Думе.

Олег Малышкин: «Че-то мы какие-то чудаковатые, глянь... Че-то мы... Пить нельзя, курить нельзя. Гей-парады разрешаем... Че-то мы, че-то делаем непонятное... Че-то творим не то, наверное... Штрафы... Сто тысяч рублей штраф. Ну, представляете, семья будет платить. Ну, вот вы, Артур Николаевич, вы же тоже, наверное, курите потихонечку. Вот если не покурите, у нас же уши пухнуть начинают. Поэтому давайте как-то мы чуть-чуть соизмерим...»

И напоследок — об одном удивительном прозрении. Семь лет назад президент США Джордж Буш впервые встретился с президентом России Владимиром Путиным, «заглянул в его глаза» и «узнал вкус его души». Вкус этот Бушу очень понравился, хотя дегустаторов потоньше к тому времени уже тошнило. Но вот, наконец, дошло и до Буша!

В интервью агентству Reuters Президент США выразил сомнение в том, что Россия под руководством Владимира Путина движется к демократии. «Иногда мне кажется, что это совсем не так».

Ну что же. Как бы не был низок у человека IQ, но все ж таки — царь природы! Напрягшись, любой гражданин Вселенной способен выучить таблицу умножения, освоить вилку с ножом и как минимум засомневаться, что Россия при Путине движется к демократии... Счастья вам!

02.06.2007

Здравствуйте, в эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Как вы, наверное, уже слышали, теперь у нас будет не простой «Плавленый сырок», а — с человечинкой. Не скрою, «человечинкой» в нем будете вы, мои дорогие слушатели и корреспонденты. Звоните и пишите, — поговорим, наконец, как люди. А для начала разговора, так сказать, на затравку, — первый сюжет. Травить будем, по традиции, англичан.

«Депутат Владимир Васильев, возглавляющий в Государственной Думе Комитет по безопасности, заявил, что российский закон не разрешает депортировать в Англию бывшего офицера КГБ Лугового, обвиненного в убийстве Литвиненко. При этом Васильев дал понять, что Россия открыта для переговоров. На вопрос, возможен ли обмен Лугового на Березовского, Васильев ответил: "Все возможно". Однако пресс-секретарь уголовного суда Великобритании эту идею отверг: "Нет. Это невозможно", — заявил он».

Все-таки отсталый народ эти англичане, замшелые представления царят на этом забытом цивилизацией острове. Обвиняемый в убийстве на территории Великобритании должен, вишь ты, предстать пред английским судом, а получивший по суду политическое убежище в Великобритании выдан быть не может, — и одно к другому отношение, вишь ты, не имеет. Закон у них, блин! Развиваться надо, господа, эволюционировать... Вот же, бывший милицейский опер Васильев доэволюционировал до главы Комитета по безопасности Госдумы и теперь легко рассуждает вслух по блатным понятиям, как на стрелке: они «отъедут» здесь, мы «отъедем» там... «Все возможно». Но, как выясняется, на английский все эти схемы не переводятся. «Это невозможно», господин Васильев. It's impossible!

А теперь начнем разговаривать в прямом эфире. О Луговом и о всем прочем. Вот, кстати, о Луговом. Как раз, пока вы еще не дозвонились, тут есть письмецо. *«Виктор, как вам весь этот бред, что нес Луговой?»* — спрашивает Илья. Мне, видимо, так же, как и Илье. Знаете, пойманный за руку часто кричит: «Держи вора!» Но в адрес покойника я такой крик слышал, признаться, впервые. Вообще, вот несколько вопросов. Как Литвиненко мог организовывать нападения чеченских боевиков на Нальчик, если он же их, по прошлой федеральной версии, там же в Нальчике пытал? Значит, что-то одно, я думаю. Оказывается, у зам. главы Еделева, главы МВД, были данные об участии Литвиненко в нападении боевиков. Это вообще все синхронно вспыхнуло с пресс-конференцией Лугового. Почему этот зам. не поделился этими данными с прокуратурой Кабардино-Балкарии? Которая об этом, как выясняется, ничего не слыхала. Почему, если Луговой знал, что Литвиненко пособник Басаева, он об этом ничего никому не сказал при жизни Литвиненко? Зачем было англичанам иметь полоний Лугового? Причем тут вообще Гришковец? В общем, кончено, сильно впечатляет сюжет, Илья, не скрою. Самое сильное ощущение — за каких же козлов они нас держат, если позволяют себе все это вываливать с серьезным лицом в прямом эфире? Тут еще спрашивают, наградят ли его орденом «Заслуги перед отечеством»? Да, нет. Думаю, что в ближайшее время ему надо бы прятаться. Вообще, в зависимости от того, что будет в марте 2008 года, Луговому надо прятаться как можно дальше от России. Я б на его месте в сторону Лондона посматривал. Потому что там за сотрудничество с правосудием как-то скостят. А здесь могут потом начать сдавать. Ну, впрочем, что я инструктирую Лугового, он, я думаю, все это знает не хуже меня.

Вот что пишут мне на сайт. Например, вот из Костромы такое письмецо: *«В нашу глухую провинцию докатываются безумства нашего политического террариума, на предприятиях перед людьми ставят выбор: либо вступаешь в "Единую Россию", либо пишешь заявление об уходе. Более 90%,* — пишут мне из Костромы, — *вступают. Что самое страшное и мерзкое, если бы объявили, что завтра надо идти на демонстрацию и нести портреты Путина, — пошли бы, да еще как пошли! Вот такая фигня! Скажите,* — спрашивают меня из Костромы, — *это наша национальная особенность? Или во всех народах мира сидит такая гадость?»* Знаете, я думаю, во всех, просто в некоторых краях эту бациллу лечат — профилактическими мерами. Эти меры в совокупности называются — демократия, разделение властей, свободные СМИ,

гражданское общество. Ну, а мы десятилетия напролет учили фразу «Рабы не мы, мы не рабы!» Но, видимо, этот аутотренинг не очень помогает, потому что у нас, как известно, добродетелен тот, кто любит начальство, все остальные смутьяны.

«Как Вы оцениваете угрозу биотерроризма? Хотят нас извести, гады?» Вот пейджер хорош тем, что интонацию можно только угадывать. Судя по интонации, если я правильно угадал интонацию Антона, он там усмехается. Он там, конечно, правильно усмехается. Предшествовал этому вопросу доклад главы ФСБ Патрушева о разработке западного геннобиологического оружия, направленного против русского народа. Я читал уже комментарии генетиков, специалистов, они хватаются за голову, они в полном ужасе. Это же «бред сивой кобылы». И если бы просто начальник ФСБ этот бред говорил, а президент с важным видом этот бред слушал, и все бы этим заканчивалось, было бы полбеды. Но речь идет о том, что 2000 детей ждут пересадки костного мозга. Я сегодня читал в газете, вроде бы они отматывают назад.

СЛУШАТЕЛЬ: *Ваш комментарий по поводу выдвижения Буковского и Геращенко.*

В. ШЕНДЕРОВИЧ. Вот меня спрашивали, поддержу ли я Буковского? С наслаждением поддержу, и должен был даже войти в эту инициативную группу, мне предлагали, я в принципе «за». Единственное соображение, которое меня удержало, — должен быть один кандидат. Сейчас, как ни странно, совершенно не важна фамилия. Важен кандидат, который действительно объединит наиболее широкий круг людей под простым лозунгом «Возвращение нормальной политической жизни. Свободные СМИ, честные выборы, независимый суд». Очень простые вещи. Давно все говорилось это. Разница между Буковским и Геращенко огромная, но на фоне разницы между Буковским и Путиным, Геращенко и Сечиным это ничтожная разница. Я проголосую и буду поддерживать любого единственного, единого кандидата.

СЛУШАТЕЛЬ: *Добрый вечер! Это Сергей из Барнаула. На этой неделе в новостях до такой степени идиотизм был сконцентрирован, прямо сгущен. И запрет вывоза геномных материалов, и присяжные оправдали убийц — признали их невиновными, и арестовали многотысячный тираж газеты «Другой России» в Петербурге.*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Да. За экстремизм.

СЛУШАТЕЛЬ: *Ментовский начальник объяснил: «Мы взяли эту газету почитать». Им надо несколько сот тысяч экземпляров почитать!*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Это акт просвещения.

СЛУШАТЕЛЬ: *Вот что в связи с этим хотелось бы узнать: либо им солнцем голову напекло, либо они наш народ за идиотов считают.*

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Тут вот какая штука, — они имеют основание считать нас за идиотов, понимаете? Раз мы их не гоним пенделем под зад после всего, что они с нами делают, раз народ в массе своей это терпит, значит, они могут себе это позволить делать. Начальство делает то, что ему позволяет делать народ. Например, одновременно возникли на минувшей неделе неприятности у двух человек из инициативной группы по выдвижению

Буковского, у Владимира Прибыловского и Андрея Пионтковского. По поводу второго вынесено предупреждение за экстремизм в краевом отделении «Яблока». Кстати, мне тоже звонили из прокуратуры, я тоже разжигаю межнациональную и классовую рознь, в Живом Журнале моем что-то откопали. Мне еще не рассказали, по поводу чего, но со следователем я уже разговаривал. Вот так у нас и идет. Убийцы благополучно гуляют на свободе, а мы с Андреем Пионтковским и Владимиром Прибыловским разжигаем межнациональную и классовую рознь. У нас уже есть приговоры. Это Самодурову, директору «Сахаровского Центра», правозащитнику нижегородскому Дмитревскому, — у нас полно разжигателей межнациональной розни.

Вот письмо мне пришло. *«Уважаемый Виктор, почему Вы и никто из артистов комиков не критикует политику Буша? Раньше критиковали иностранных деятелей. Вспомните, сколько было карикатур. Были карикатуры Ефимова, Кукрыниксов. Боитесь?»* — спрашивает инженер Анатолий.

Инженер Анатолий! Вы знаете, в России столько бесстрашных граждан, которые критикуют президента Буша. Телеведущий Леонтьев, Пушков. Писатель Задорнов. Целая Госдума. Отважные люди, ничего не боятся. Да? Чудовищной отваги люди. Примерно такой же отваги, как Ефимов и Кукрыниксы. А вот мы, которые потрусливей, мы будем, пожалуй, Путина критиковать.

«Уважаемый Виктор! — спрашивает Анатолий Отян, пенсионер. — *Вы не знаете, почему Путин и компания до сих пор не уничтожили "Эхо Москвы"?»*

Видимо, потому, что это не нужно им. Вы понимаете, когда уничтожали НТВ, цена была очень высока, пиар был чудовищный, они показались во всей безобразной красе. Но они бы просто не остались у власти, потому что они не смогли бы делать то, что начали делать. Потому что при независимой федеральной телекомпании, которую смотрят восемьдесят миллионов российских граждан, невозможны ни такие выборы, ни история с Ходорковским, ни «Байкал финанс групп», ни Беслан, ни Норд-Ост. К свободному телевидению прилагается, знаете ли, независимый суд, независимый Парламент. Поэтому все они сидели бы в тюрьме. Поэтому уничтожение НТВ было целесообразно. А нас с вами, нас, которые говорят, вас, которые слушают, — где-то около миллиона, ну полтора. Это допустимо... Мы отрезанный ломоть. Уничтожить нас, — будет очень много неприятных эффектов, да. Венедиктова Ширак орденом награждал. Про нас знают. Нас предъявляют в Страсбурге. Вот, пожалуйста, независимая. Вот есть, на одном квадратном сантиметре. Поэтому им это не нужно. Когда это будет нужно, они это сделают.

Счастья Вам!

09.06.2007

Здравствуйте, в эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Сырок будет с человечинкой, но это потом, а сейчас, дети, я расскажу вам смешную и поучительную сказку. Она немножко страшная, но как раз пугаться не надо. Надо как раз рассмеяться, и тогда страшно не будет.

Итак, в прошлую субботу наш с вами президент отвечал на вопросы журналистов. Дело было за обедом, меню которого впоследствии опубли-

ковала газета «КоммерсантЪ». Сначала все так и подумали, что дело в меню. Одни полагали, что наш президент перебрал земляничного киселя, другие склонялись к тому, что кисель не виноват, а не надо было так налегать на перепелов с трюфелями. Ну, я-то не знаю, сам не был, а врать не буду. Но с киселя это или с трюфелей повело нашего с вами президента, а высказался он, действительно, небывало.

Отвечая на вопрос журнала «Шпигель», является ли он демократом чистой воды, президент Путин ответил, цитирую: ***«Я абсолютный и чистый демократ, но вы знаете, в чем беда? Даже не беда, трагедия настоящая — то, что я такой один, других таких в мире просто нет. После смерти Махатмы Ганди поговорить не с кем»***.

Вот, дети, что случается с людьми, которые переели земляничного киселя или долгое время находятся вне зоны критики. Говоря ученым языком, у них падает уровень адекватности. И говоря попросту, у них, дети, съезжает крыша. Так что вы там осторожнее с киселем. М-да. Владимир Владимирович, дался Вам этот Ганди. О чем вам, титану духа, говорить с этим непротивленцем? Поговорите лучше с Лукашенко — вот старший товарищ по разуму! Вас еще не знал никто, а он уже с Америкой боролся, врачи удивлялись. Или с Робертом Мугабе поговорите, пока не поздно. Этот перец в своем Зимбабве мочил оппозицию, когда Вы еще сидели тише мыши в Дрездене. Вы еще возле Собчака металлами налево торговали, а он уже выборы фальсифицировал. О! Нешто не о чем поговорить с таким человеком? Ну, из ровесников могу порекомендовать Уго Чавеса: во-первых, подполковник, во-вторых, тоже все у чужих отнял и промеж своих поделил. А как с телевидением разобрался! Думаю, Вы оттянитесь интеллектом в этой компании. Жалко, конечно, что не поговорить Вам больше с Туркмен-баши, — он бы Вам рассказал, как в Ашхабаде гноили насмерть журналистку радио «Свобода», Вы б ему про Политковскую с Щекочихиным, — отдохнули бы душой. Но, слава богу, жив Каримов — старший товарищ по абсолютной демократии. Пускай поделится Ислам Абдуганиевич бесценным опытом, научит стрелять из бронетехники по несогласным, а то что все ОМОН да ОМОН? Полумеры это, Владимир Владимирович. Поговорите с Каримовым, — пригодится. А Ганди оставьте в покое. Он, по счастью, не дожил до общения с Вами. А то непротивленец, непротивленец, а карму бы Вам при встрече попортил.

Жалоба российского президента про дефицит общения после смерти Ганди поразила жалостливое мировое сообщество. А россияне начали перечитывать стенограмму встречи и помимо лежащего сверху яркого бреда про Махатму Ганди обнаружили там много еще чего зарытого внутри. Например, слова Путина про возможного преемника-губернатора, и про то, что 4 года — срок для президента маленький, что гораздо лучше 5-7. Мысль-то не новая, но раньше это говорили другие. Путин как бы и не себя имел в виду, а как бы вообще. Но мы тут не первый век замужем: намеки ловим налету, — и все сразу подумали, что раз пошли такие песни, без перекройки Конституции не обойдется. А потом подумали, что если Путин начнет под занавес кроить Конституцию, то уж наверное не для чужого дяди-губернатора. Он, конечно, известный альтруист, Путин-то, но у всего есть свои пре-

делы, особенно когда тебе выходить из Спасских ворот без охраны, а кругом такой дарвинизм.

Версия о том, что гарант собрался все ж таки забаррикадироваться в первопрестольной, привела к общему знаменателю и другие фрагменты этого интервью, ибо Владимир Владимирович неожиданно и с некоторым, кажется, облегчением навалял по шеям всему человечеству. Особенно упорно он хамил товарищам по Большой Восьмерке, чем, собственно, и вызвал первоначальные наши незрелые предположения о том, что виноват кисель. Нет, господа, все в порядке с киселем. Это такая новая стратегия. Она же — старый «железный занавес», густо заплеванный с внутренней стороны. Тут без церемоний, господа. При «железном занавесе» те, кто снаружи, — отрезанный ломоть. Тут уж главное — закомпостировать мозги своим.

«Россия снимает с себя ответственность за ответные шаги в области гонки вооружений»,— заявил Владимир Путин в интервью российским и зарубежным СМИ. Развивая эту мысль, президент России упомянул, в частности, о возможности перенацеливания российских ракет на объекты в Европе.

Ну вот и ладушки. Давно мы в ядерные бирюльки не играились. «Снимаем с себя ответственность за ответные шаги» — ну, для зрителей программы «Время» сгодится и такое, а на Западе никто и внимания не обратил. До ушей улыбались на саммите, — не странно ли? Да ничего странного: все ж прекрасно понимают отличие Путина от Брежнева. Это у Леонида Ильича не было банковских счетов и недвижимости на Западе, — вот мир и дрожал от ужаса. Старику было нечего терять, кроме своих бровей. Под плохое настроение, ближе к коме, мог и на кнопочку нажать. А Путин — молодой человек, и столько у него везде всего накопилось за время честного руководства страной, что настоящего ядерного шантажа, конечно, не получается. Никто не верит. Все понимают: валяет человек ваньку, изображает из себя крутого. А что россияне снова готовы закапывать свой золотовалютный запас в ракетные шахты, ну, это уже не проблема администрации Буша.

Заявление президента России о возможном перенацеливании наших ракет на Европу стало лучшим подарком к саммиту главам Большой Восьмерки.

Теперь — новости духовной жизни. Или образования. Или это новости шизофрении. Даже не знаю.

В ближайшее время в молодежном движении «Наши» при поддержке Русской Православной Церкви будет создан так называемый Православный корпус. По замыслу «Наших», воцерковленные комиссары, имеющие педагогическое богословское образование, будут вести уроки православия в школах. По сообщениям СМИ, планируется, что корпус возглавит брат лидера «Наших», Василия Якименко, Борис. «Воцерковленный комиссар» — это обнадеживает. Все мы надеемся, что переход от Устава ВЛКСМ к Евангелию дастся братьям Якименко без больших потерь для психики. Впрочем, по новейшей традиции, можно и совместить. Я думаю, пилить финансирование, преломив бюджетные хлеба, будет, с божьей помощью, брат Василий, а брат Борис будет получать отмашку, что Христос воскрес, прямо со Старой площади. Так надежней. А уж когда его хунвейбины пойдут крестным ходом по школам, тут-то настоящее православие и начнется. Правда, пока что из всех

православных традиций «Наших» больше всего привлекают погромы. Но именно это направление работы ближе к выборам и кажется наиболее перспективным. Как говорится, спрос рождает предложение. В смутные времена прикормленная молодежь с чесоткой в руках — хорошее подспорье власти. Чтоб не отвлекаться, можно и Евангелие не читать, а так, по примеру родного президента, — нацепить крестик и отрезать, что б ни выросло.

Ну вот, а теперь, как обещано, в прямом эфире с человечинкой. Вот вахтер Данилов у меня спрашивает, — артиста Данилова знал, теперь вахтер Данилов, бывший инженер, спрашивает: *«Доживем ли мы до восстановления демократических свобод? Хотя бы до уровня 90-х?»* Понимаете, без нас, господин Данилов, дело, конечно, не обойдется. Если каждое утро выглядывать за окно, не появилось ли за ночь демократических свобод, то могу вам гарантировать, что не появится. Вот если этим вопросом озаботятся с нами миллионы, послезавтра появятся эти свободы как миленькие. Причем еще Сурков с Сечиным побегут впереди паровоза с криками «Ура». Это очень быстро все происходит.

У меня еще письма. Вот Нина просит объяснить необъяснимое. Это с сайта письма. А необъяснимым она считает мое участие в выдвижении кандидатуры Буковского в президенты России. «*Со стороны,* — пишет Нина, — *похоже, что вы подыгрываете власти*». Нин, Буковский — не Рыбкин, это не комическая фигура. Совершенно внятная политически фигура. Это очень важно. И все понимают, за что они голосуют, голосуя за Буковского. Не правда ли? Вот те, кто проголосует, будут знать, за что они голосуют. Есть юридический вопрос с регистрацией, но зато никакой смысловой двусмыслицы, простите за тавтологию. Вопросов по этой кандидатуре меньше, чем с Касьяновым или с тем же Явлинским, с учетом его удивительных надежд на будущий демократический поворот под руководством Путина, неоднократно им высказанных. Так что нет, Буковский — очень внятная фигура. Другое дело, я уже говорил, — если будет найден единый, по-настоящему единый демократический кандидат, если политики придут к этому и договорятся между собой, я буду, разумеется, голосовать за этого единого кандидата. Единственное, чего совсем бы не хотелось, — это превращать все это в цирк, потому что уже появились... ну, разумеется, понятно было, что Явлинский в стороне не останется, но вот еще тут в Петербурге на минувшей неделе было решено создать антипутинское национально-освободительное движение «Народ», которое выдвинет депутата Сергея Гуляева кандидатом в президенты. Это уже чистый цирк. Это потеха, конечно. При всем уважении к депутату Гуляеву. Потому что понятно, что мечтать Кремль не может о том, чтобы был... вот идеально для Кремля, чтобы было десять кандидатов демократических в президенты. Это была бы радость. Чистая потеха. Нужен один. А вот какой один, это, конечно, предмет для серьезных политических переговоров. В этом смысле Григорий Явлинский на этой неделе выступил, цитирую, *«за выдвижение единого кандидата от демократических сил»,* но заявил, что уже предложенные кандидатуры — Геращенко и Буковский — демократическими не являются. Вот тут жалко, что он не пояснил, почему, например, Буковский не является демократическим кандидатом, какие загадочные силы он представляет. Он сказал, что эти кандидаты представля-

ют *«другие силы»*. Что неприемлемого во взглядах Буковского для Явлинского? Тут бы, конечно, надо подробнее. Но Григорий Алексеевич проскочил этот перрон без остановки. Что досадно. Хотелось бы услышать от него пояснения. Вот, в частности, по Буковскому. Конкретнее.

Немножечко с пейджера. Спрашивает Илья: *«Виктор, как Вам нравится идея о рабочей группе для третьего срока Путина? Слухи уже пошли»*.

Да не слухи, Илья, а уже появились публикации, что симптоматично, в «Аргументах и фактах». «Аргументы и факты», по моему читательскому наблюдению, это не та газета, которая просто так, с бухты-барахты чего-то узнает да и напечатает. Это нога у кого надо нога, как говорится. Поэтому это уже не слухи. Это уже работа.

У нас еще есть звонок. Пожалуйста, вы в эфире.

СЛУШАТЕЛЬ: То, что вы говорите... слушать вашу передачу душа болит. Выбрали б другого — еще хуже будет.

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Замечательная мысль. Это замечательный, очень распространенный, не побоюсь этого слова, русский довод за несмену власти, что будет еще хуже, потому что они кого-то еще поставят. Если они, то будет, конечно, еще хуже. А если мы так вот мозгами напряжемся да и выберем из 143 миллионов россиян и из 108 миллионов, которые имеют право избираться, одного, — представляете, одновременно умного, энергичного, образованного и честного, и он еще человек 200-300 таких найдет в стране, и у нас с вами будет немножко другая жизнь. Я знаю людей, которые не воруют. Вы, наверное, тоже знаете. Я знаю нескольких. Я бы вот за них проголосовал.

«Приветствую вас, Шендерович! Буковский — не гражданин России. Может ли он быть президентом РФ?»

В. ШЕНДЕРОВИЧ: Буковский — гражданин России, Владимир. Его не пускает российская администрация, потому что она беспредельничает давно уже. Она его просто не пускает — это другой вопрос. А Буковский — гражданин Российской Федерации, и не худший ее гражданин.

Счастья вам!

16.06.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок с человечинкой» и я, Виктор Шендерович. «Человечинка», как всегда, позже, а сначала — несколько сюжетов минувшей недели...

Первый сюжет, боюсь, еще долго будет всплывать эдаким лох-несским чудищем из мутных глубин и нырять обратно, залегая на дно. Пока однажды вся эта мерзость не всплывет целиком со страшным запахом. Я про убийство Литвиненко. На этом частично невидимом фронте Россия продолжает отчаянную борьбу за то, чтобы фронт, вслед за полонием, не стал виден всему миру полностью.

Как политиканство и правовую безграмотность расценили в Общественной палате России предположения некоторых британских представителей о возможности суда над Андреем Луговым на территории третьей страны. С такой оценкой этой инициативы выступил на минувшей неделе Анатолий Кучерена.

Вообще Кучерена — существо довольно оригинальное, но в данном случае наш главный судебный общественник лишь переозвучил давешнее брезгливое возмущение по тому же поводу родимого президента: как это, мол, безграмотные англичане требуют выдачи Лугового, не удосужившись узнать российские законы! Вопрос-то изначально закрыт: выдача граждан России противоречит нашей Конституции, не так ли? Ну, как вам сказать... Не совсем так. Я бы сказал: когда надо — противоречит, а когда надо — не противоречит.

Как сообщила газета «Время новостей», Страсбургский суд обязал Россию выплатить 20 тыс. евро за то, что в 2002 году властям Туркмении был выдан бывший сотрудник Центробанка страны Мурад Гарабаев. Гарабаев перебрался в Москву вместе с семьей и на момент выдачи имел российское гражданство, подчеркивает газета.

Санкцию на арест и выдачу Гарабаева подписал генпрокурор Устинов, ныне министр юстиции, здоровенное юридическое светило, отвечающее за законность в стране. А знаете, в чем был обвинен Гарабаев? В частности, черным по белому (цитирую), «в оказании финансовой поддержки оппозиции»! И вот с этим официальным составом преступления российский гражданин был выдан Сапармурату Ниязову, чей гуманизм по отношению к оппозиционерам особенно заметен на фоне античеловечной британской короны... Кстати, может быть, Устинов заинтересовался дальнейшей судьбой Гарабаева? Может быть, видный правовед-общественник Кучерена озабочен тем, как соблюдаются права российского гражданина в ашхабадских застенках? Может быть, сам гарант в тревоге: жив ли российский гражданин, выданный, вопреки Конституции, в руки азиатскому тирану? О да. Пять лет ночей они не спали из-за Гарабаева: Устинов похудел, Кучерена осунулся, на Путине вообще лица нет. И конечно, они бы добились исправления ошибки, но увы: в настоящий момент все запасы федерального милосердия брошены на выручку Андрею Луговому (по некоторым проверенным данным, убийце). Всей страной стоим теперь на страже Конституции и незыблемых прав именно этого, меченого лубянским атомом, гражданина России!

Кстати! Еще о деле Литвиненко и роли России в этом деле. О, эта роль огромна! В том смысле, что в первые же дни после убийства высшие российские чины, включая президента Путина, начали на бескорыстной основе помогать Скотленд-ярду искать убийцу, обнаружив при этом недюжинный интеллект. Пока англичане занимались мелкой ерундой, по сантиметру рыли носом Европу, отслеживали полониевый след и собирали доказательную базу, наши, не выходя из Кремля, сразу назвали имя убийцы! Точнее, сразу нескольких убийц, потому что, помимо Березовского, названы были некие мстительные чеченцы и сам Литвиненко, проливший на себя полоний по неосторожности... Все эти версии Кремль безвозмездно, то есть даром, предложил в пользование англичанам. Россия — щедрая душа! Но неблагодарные заносчивые англичане пренебрегли этой великой русской литературой и продолжали по сантиметру собирать доказательную базу, и собрали, мерзавцы, и предъявили официальное обвинение бывшему офицеру КГБ Луговому. Я считаю: это заговор против России!

Пятая колонна тем временем тоже не дремала.

По информации немецкого издания «Frankfurter Rundchau», журнал «The New Times» обратился в Кремль и спецслужбы России с просьбой прокомментировать данные собственного журналистского расследования убийства Литвиненко. По сведениям, собранным редакцией, полоний, использованный при убийстве, был произведен в атомном центре «Авангард» под Нижним Новгородом, а организацией убийства Литвиненко руководил лично заместитель директора ФСБ генерал Бортников. Как сообщается, никакого ответа до сих пор не последовало.

Да! Россия не Колумбия, господа! Тут не то, что у Маркеса: полковнику пишут. Пишут-пишут, а он не отвечает... Забил на общественность и ждет пенсии. Это, кстати, уже вполне по Маркесу... Не ответил Путин на письмо главного редактора «New Times» Рафа Шакирова, не прилетела оттуда весточка и после публикации материалов расследования... Пол-Кремля подписчиков, уже полгода прошло, — и полная тишина! Какие у вас версии, господа, с чего бы это? Может, перебои с почтовой связью? И почему ни один из фактов, приведенных в журнале (с именами заказчиков убийства, с прямыми свидетельствами преступления), не заинтересовал Генеральную прокуратуру? Ну-ка, Чайка, отвечай-ка... И, — я уж не говорю о Гостелерадио имени Эрнста-Добродеева (ночной эфир струит зефир, дневной тоже), — но отчего независимый канал НТВ не рвет из рук коллег эти сенсационные материалы? Рейтинг не нужен или жить охота? Ах, сколько вопросов, и все в пространство... Пока в пространство... Нет, не стоит полковнику уходить на пенсию, не стоит! Чай, не баронесса Тэтчер, — тихой частной жизни, боюсь, не получится. Тот же Чайка, если что, коршуном кинется! Так что айда в Назарбаевы! Берем фамилию Лукашенко-Мугабе (через черточку) — и на третий срок, к новым победам! Так оно спокойнее. И генералам ФСБ спокойнее, и их гаранту-полковнику.

Теперь, отчасти в продолжение темы, — еще немного сравнительного анализа в области правосудия. У нас оно по традиции находится на высочайшем уровне, то есть — как высочайше будет решено, так дышло закона и повернется. Поэтому прокурор здесь, собака... Это я не в смысле оскорбления сказал «собака», а в смысле чутья и чтения в глазах хозяина! Он, собака эдакая, своего от чужого завсегда отличит и статью УК к этому пониманию приспособит. А вот за кордоном, в европах-америках, обитают в прокуратурах, как правило, тупые законники безо всякого понимания классовой близости...

На минувшей неделе суд Стокгольма фактически признал мошенником бывшего главу Минатома России Евгения Адамова. В решении суда сказано, что компания Омека, входившая в структуру Минатома и формально принадлежавшая российскому государству, фактически контролировалась группой лиц в составе Адамова и действовала в ее интересах, что повлекло недополучение выгоды в размере миллиарда долларов.

Вот и ладушки. И пускай себе суд в Швеции фактически зафиксировал в приговоре, что г-н Адамов — крупный аферист; пускай себе его подельник Каушанский уже сидит в Штатах, — нашей Фемиде торопиться некуда. Это она Светлану Бахмину, юриста ЮКОСа, на семь лет в тюрьму упечет,

глазом не моргнув, а с бывшим атомным министром, вовремя поделившимся прибылью от ядерной конверсии с Мамутом и Абрамовичем, как-то все гораздо нежнее получается. Мы его, классово близкого, американцам не отдали, из швейцарской тюрьмы вытащили, дома из-под стражи освободили — и мусолим помаленьку дело в Замоскворецком суде... А Замоскворечье — не Пенсильвания... улита едет, когда-то будет... Адамов на свободе, и, судя по размерам хищений, зафиксированых американской юстицией, наворованного должно хватить для благополучного исхода дела в России. Не знаю, как вы, а я за министра почему-то спокоен.

Теперь — еще один парадный портрет в галерее российского официоза. Это глава МИД Сергей Лавров. Многие годы каменной скалой стоит он под ударами западной демократии, — хоть расшибись об него!

Выступая в минувшую среду на брифинге в Стокгольме, Сергей Лавров заявил, что западные журналисты пытаются политизировать вопрос о гибели российской журналистки Анны Политковской. «Это святотатство, когда спрашивают у моих коллег: "Спрашивали ли вы у Лаврова об Анне Политковской?" — сказал глава российского МИДа. — Как же не стыдно издеваться над ее памятью?»

Вот. А я-то думал: кто же издевается над памятью Анны Политковской? Сначала сгоряча решил, что над ее памятью издевается президент России, заявивший, что публикации Политковской приносили стране меньше вреда, чем ее смерть; думал, что издевается над ее памятью Генеральная прокуратура, по указке Путина ищущая убийц Анны в офисе Березовского... Полагал, что пощечины заслуживают прикормленные федеральные телезвезды, после ее гибели прозрачно намекавшие на американское гражданство убитой... Но нет! Оказывается, над памятью убитой издеваются западные журналисты, напоминающие своим мило улыбающимся лидерам об этом пепле Клааса... И как хорошо, что есть на свете этот оплот стыда, глава российского МИДа!

Теперь — новости дружбы народов и взаимного уважения людей и религий. Новостей этих полный вагон. Начнем с коллективного подвига движения «Георгиевцы», Союза православных хоругвеносцев и группы прочих, как они себя называют, патриотических организаций, — на минувшей неделе они устроили охоту на геев в центре Москвы. Геи уже много лет собирались у часовни-памятника героям Плевны, — ничего, кажется, не имея при этом в виду. Геям что православные, что янычары... просто надо же людям где-то собираться? Так сказать, клубы по интересам. А от Большого театра их погнали еще при Советской власти, хотя балет, конечно, этому делу идеологически ближе героев Плевны... Короче, пришли хоругвеносцы со товарищи, окропили помещение и погнали бедолаг прочь.

Сей патриотический подвиг приятно разнообразил картину прочих российских радостей в сфере толерантности. В Иваново скинхеды, которых, по данным МВД, в Иваново нет, напали на раввина; в Питере неизвестные доброхоты раскурочили крест храма святых царственных мучеников, под Москвой в очередной раз, можно сказать, уже дежурным образом, убили «черных» — забили насмерть ломом троих таджиков... Ну и Ставрополь... так сказать, фоном, до кучи! То есть, некоторым образом обобщая, можно прийти к выво-

ду, что нам все равно, кого мочить и чьи святыни осквернять... На каком-то новом витке это можно считать единством российского народа...

А еще роднит всех нас тяга к бюрократическим формам патриотизма. Это — просто хлебом не корми!.. В особо продвинутых регионах начальство курирует уже и деторождение. В Ульяновске завершился объявленный губернатором Морозовым девятимесячный марафон под названием *«Роди патриота в День России»*. Осенью прошлого года Морозов призвал граждан рожать детей 12 июня, по каковому случаю 12 сентября отпустил подчиненных с работы на полдня раньше, чтобы зачать ребенка. Чем занимались подчиненные эти полдня, неясно, но, видать, сачканули по половой части: в День России в администрации никто не родил. Губернатора Морозова это не остановило, и в светлый праздник он лично поехал по родильным домам Ульяновской области, где, практически под его руководством, вылезли на свет, — не скажу, откуда, — несколько патриотов. Посылать их туда обратно не хочется, — но они еще, бедолаги, не поняли, куда попали...

Комментируя происходящее, главный врач ульяновского роддома № 1 Людмила Богомолова заявила: «Эта особая атмосфера, патриотический подъем, несомненно, скажутся на детях».

М-да. Вот я и боюсь, что скажутся... Потому что когда ребенок появляется на свет в обстановке патриотического подъема, в особой атмосфере губернаторского визита, педиатрам надо быть настороже.

Счастья вам!

23.06.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок» и я, Виктор Шендерович. Сначала, как всегда, несколько кусочков минувшей недели, а потом поговорим в прямом эфире... Ну, поехали.

«В голове у преподавателей каша», — заявил Путин, выступая перед делегатами Всероссийской конференции преподавателей общественных наук. Президент России призвал педагогов уходить от «зарубежных штампов об элитарном образовании» и активнее заниматься гражданско-патриотическим воспитанием молодых поколений с прививанием гордости за собственное государство.

М-да. Преподаватель общественных наук, бедолага... Каждое утро он, как Илюша Муромец, встает перед камнем, на котором написано: «Ну, ты попал». То ли заниматься воспитанием в детях патриотической гордости за собственное государство, то ли попробовать рассказать им правду... Совместить два этих занятия невозможно по определению, ибо любовь к Родине возникает от бабушки-дедушки, от Пушкина и Чайковского, а гордость за государство — только в результате повального вранья. Причем чем круче вранье, тем больше гордость за государство. От любви с открытыми глазами получаются одни Чаадаевы, а тут какая уж гордость... Яд один. Но задача президентом поставлена, и работа уже кипит.

В Госдуме готовится к принятию закон, фактически исключающий альтернативную точку зрения на события в отечественной истории во время школьного обучения. «У детей должно стабилизироваться мировосприятие, — заявил один из авторов законопроекта Владимир Семаго. — Будучи

взрослым, он может поехать в библиотеку того же Кембриджа и узнать там другую точку зрения, — и только тогда начать в чем-либо сомневаться».

Помню, в начале семидесятых в средней советской школе историчка Елена Павловна рассказывала нам про успехи коллективизации и десять сталинских ударов. Так стабилизировала мировосприятие, до сих пор тошнит! В Кембридж, слава богу, нас в те поры не пускали, — так с закомпостированной головой и проходили полжизни, пока все это не рухнуло нам же на головы... Возвращаясь к законопроекту и просвечивающим сквозь него путинским задачам, следует признать, что тут не без плагиата. Когда еще не было в помине ни депутата Семаго, ни коллективизации, ни Володи Ульянова, великий Козьма Прутков написал проект «О введении единомыслия в России», заложив этим идеологические основы для вечного марша в эти идеологические казармы.

А снаружи враги уже везде: сговорились — и травят! Вот, новости последней недели... Международная конференция СМИ присудила Путину премию «Закрытая устрица» — за уничтожение независимой журналистики. Ну? Это же идиотизм! Какая же должна быть устрица? Открытая, что ли? А свободную прессу он страсть как любит! Бывало, выберет какую-нибудь независимую телекомпанию, — и ну ее любить, пока та от встречной любви не закричит уже в полный голос... Или вот еще: Том Лантос, старейший американский сенатор, почтенный человек, вдруг взял и сравнил Путина с диснеевским морячком Попаем, существом агрессивным и недалеким. Что за инсинуации? Вовсе Путин не Попай, — он Белоснежка и семь гномов! То есть, с одной стороны, белый и пушистый, а с другой, — по шахтам, конечно, закопано... Положительный персонаж. Положил на всех — и руководит, а они там пускай все лопнут от бессильной злобы... А уж на Родине, слава те господи, Владимир Владимирович регулярно получает адекватную оценку от подобранного им же персонала.

«Путин — дар Божий, — заявил глава Чечни Рамзан Кадыров в интервью журналу "КоммерсантЪ-Власть". — Он подарил нам свободу». По мнению Кадырова, россияне должны встать на колени и просить Путина остаться у власти пожизненно во имя сохранения целостности России.

Ну, насчет России не уверен, а у Кадырова без Путина с целостностью проблемы появЯтся на другой день. Либо свои ломтями нарежут, либо в тюрьму сядет (а по американским нормам, на пару пожизненных Рамзан Ахмадович набрал еще к совершеннолетию)... Так что для кого как, а для Рамзанчика Путин, разумеется, дар Божий... И пока Путин в Кремле, Рамзанчик имеет счастливую возможность веселить почтенную публику своими прилюдными открытиями. В том же интервью он сначала честно сказал, что в Чечне оппозиции ему нет, а потом на всякий случай уточнил у журналиста: оппозиция — это что такое? Журналист объяснил, что это вроде как критика, и Кадыров немедленно вспомнил случай критики: «*Вот,— говорит,— я вышел недавно в народ, и одна женщина мне говорит: я раньше тебя вообще ненавидела, а сейчас вижу твои дела и приветствую тебя*». Конец цитаты. Грандиозный поворот мысли! Кажется, я понял, что имел в виду Путин, когда говорил, что в России есть оппозиция...

Счастья вам!

30.06.2007

Здравствуйте! В эфире программа «Плавленый сырок с человечинкой» и я, Виктор Шендерович. Человечинка, как всегда, потом; сначала — несколько сюжетов минувшей недели...

На прошлой неделе президент Путин, выступая перед учителями, сказал, обозревая российские традиции, что толерантность у нас в крови. Что правда, то правда. Я вам больше скажу: толерантность у нас — вся в крови... Как раз на следующий день после встречи Путина с учителями большая группа национал-радикалов нашла для совместного проведения досуга большую группу кавказцев. Радикалы хотели совместной поножовщины, и кавказцев не пришлось долго уговаривать. Особую прелесть перформансу придавало как место действия (в самом центре Москвы), так и высокий организационный уровень мероприятия: о мордобое списывались по интернету. Невысокие договаривающиеся стороны решили встретиться на Манежной, но были рассеяны милицией и забили новую «стрелку» — у многострадального памятника героям Плевны. Едва остывшая от встречи геев с хоругвеносцами, Славянская площадь стала свидетелем нового приступа толерантности. Одни кричали «Кондопога!», другие — «Аллах Акбар!» В общем, встретились два одиночества... По дороге на «стрелку» те, которые кричали «Кондопога», покалечили 17-летнего армянского паренька, который ни к Кондопоге, ни к аллах-акбару отношения, видит бог, не имел, — просто попался под руку. Поскольку охота была пуще неволи, поножовщину радикалы устроили прямо возле «ментуры», куда и были доставлены подоспевшим ОМОНом. Но ненадолго. После прихода в отделение их лидера, главы ДПНИ Белова-Поткина, всех радикалов отпустили подобру-поздорову. Ну а чего, действительно? Ну, поножовщина... Ну, черепно-мозговая травма... но ведь не Другая же Россия... та самая! Все свои, классово близкие. Насчет разжигания национальной розни прокуратура особо возбуждаться не стала, но и совсем без последствий дело не осталось: назавтра к народу вышел Юрий Лужков! Как всегда, весь в белом.

Выступая перед журналистами, мэр Москвы подчеркнул важность (цитирую) «сохранения межнационального дружелюбия» и заявил, что столичные власти не допустят в столице националистических и шовинистических проявлений. «Любые проявления шовинизма, ксенофобии и национализма будут жестко подавляться», — подчеркнул Лужков.

Выслушав в субботу речь родного мэра, московская милиция набралась сил в воскресенье и с утречка в понедельник приступила к выполнению поручения Лужкова — о пресечении проявлений шовинизма, ксенофобии и национализма. Каким образом начали пресекать? Да все тем же, давно проверенным!

«Менты» вышли на облаву в центр города и начали винтить «лиц кавказской национальности» — и «до выяснения личности и обстоятельств» запирать в «ментовки». Опись-протокол, отпечатки пальцев... Некоторых кавказцев продержали в «обезьянниках» до утра вторника, чем, конечно, существенно повысили уровень «межнационального дружелюбия» в городе. По результатам мероприятия общественности было доложено о задержании тридцати пяти подозреваемых в пятничной драке, — все кавказцы,

разумеется. Каким образом с помощью антропологической облавы в понедельник можно задержать 35 участников драки, произошедшей в пятницу, руководство ГУВД с нами не поделилось. Не стало раскрывать секреты профессии... Да! Вы спросите: а что же ДПНИ? «Нацики» наши доморощенные, назначающие в интернете стрелку-поножовщину, жаждущие кондопоги, ломающие головы случайным прохожим неправильной внешности? Не случилось ли у хлопцев каких неприятностей по милицейской линии? Да нет, знаете, не случилось. Все у них благополучно... Ну и ладушки. Продолжаем укреплять «межнациональное дружелюбие», до ближайшего трупа. Кстати! Дорогая прокуратура! Как там обстоит дело со мной? Закончена ли психолого-лингвистическая экспертиза моего Живого Журнала, затеянная полтора месяца назад на предмет обнаружения там следов разжигания межнациональной розни? Я от всей души желаю вам не прекращать работу в этом направлении! Именно здесь ждет нас успех в выполнении лужковского завета — подавлять проявления национализма! Он где-то здесь, национализм, в моем ЖЖ! Айда все туда — и копать, не поднимая головы! Тем более что, если поднять голову и перестать заниматься дребеденью, придется наконец заняться ДПНИ и другими любителями большой кондопоги... А нам это разве надо?

Теперь — еще об одном успехе на наших тернистых правоохранительных путях...

Министерство внутренних дел представило новые модели формы сотрудников милиции. Как сообщает издание «Газета», спецодежда разрабатывалась около двух лет в режиме глубочайшей секретности, и принимал ее лично глава МВД Рашид Нургалиев. «С новой формой, — сказал министр, — к нам приходят и культура, и нравственность, и мораль. Возможно, благодаря новой форме сотрудники милиции будут по-новому работать с человеком».

Пока общественность предвкушала грядущий подъем морали по случаю переодевания органов, пришли свеженькие новости с мест! Милиция продолжает идти навстречу населению и добиваться его любви самыми разнообразными способами... В Мордовии две студентки выпрыгнули с четвертого этажа, спасаясь от ментов, которые не выпускали их со съемной квартиры, домогаясь взаимности. Вообще-то, я думаю, эти менты — ребята культурные и с большими моралями внутри, просто они были еще не в форме... Не успели переодеться в новую, утвержденную Рашидом Нургалиевым!

Теперь — новости народовластии. Впрочем, какие ж это новости...

Не прошло предложение депутата Ройзмана выкладывать на официальном сайте Думы списки поименного голосования депутатов, чтобы любой желающий в любой момент мог посмотреть, за или против какого-либо закона проголосовал тот или иной депутат. Как следует из ответа, подписанного первым заместителем председателя Комитета по регламенту, реализация этой идеи не представляется возможной из-за ее дороговизны и технических трудностей проекта.

Да! Берегут народную копейку в Комитете по регламенту! Посчитали затраты, — и получилось на круг пять миллионов рублей. А где взять пять миллионов? Можно, конечно, взять их взаймы из тех миллиардов, которые Россия ухнула на улучшение имиджа своей администрации за рубежом, —

или из тех сотен миллиардов, которые мы вбухали в новые ракеты, призванные защищать нас, по всей видимости, от марсиан... Я говорю: взять взаймы, — потому что денежки, вложенные в гласность, вернутся к нам, конечно, сто раз. В каждом голосовании по бюджету ходят направо-налево такие миллиарды, и зарыто там такое воровство, что пять миллионов — это на булавки... Злые языки говорят: именно поэтому и забодали инициативу о поименном раскрытии голосований! Но я думаю: добрые «единороссы» из Комитета по регламенту просто решили защитить некрепкую психику россиян. Нет, правда, зачем нам знать, как голосуют наши избранники? Чур нас! Мы лучше про Сердючку почитаем и выясним наконец, почему Анна Семенович ушла из группы «Блестящие»! А то мы тут из-за этого ночей не спим.

В минувшую среду указом Владимира Путина «за большой вклад в развитие отечественного телевидения и многолетнюю плодотворную работу» награждены орденами и медалями более шестидесяти работников телевидения. Это уже второе за полгода массовое награждение сотрудников каналов, фактически принадлежащих государству. Примечательно, что о мероприятии широко не сообщалось, и оно стало по сути тайным, пишет газета «Ъ».

Раньше втайне от народа орденами и медалями награждали только засекреченных ракетчиков и бойцов невидимого фронта. Меркадеру — Героя за победу над Троцким, Тихонову — за победу над Броневым... Но чтоб тишком вешать ордена журналистам центральных телеканалов, любимцам публики! Нет, я протестую! Народ должен знать своих героев! Вот орденоносец Соловьев, вот медалист Пушков, — чего стесняться-то? Поздно стесняться... Впрочем, есть среди награжденных и бойцы невидимого фронта. Вот, например, юное дарование Алексей Малков, — это он снял для НТВ фильмы про то, как Ходорковский спонсирует террористов, а Каспаров провоцирует кровопролитие... Нешто не наградить такого продвинутого юношу? И зачем скрывать его лицо? Я бы такого крупным-крупным планом всей стране по телевизору показал. Вдруг на улице встретишь, — чтобы не поздороваться случайно...

Счастья вам!

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике
второго квартала 2007 г.

Мы продолжаем знакомить читателей с актуальными публицистическими выступлениями, находя их и на сей раз почти исключительно в Рунете. В этом обзоре предлагается изложение наиболее интересных публикаций с сайтов ***apn.ru, gazeta.ru, globalrus.ru, e-generator.ru, ej.ru, intelros.ru, nazlobu.ru, NR2.Ru, polit.ru, rian.ru, rus-proekt.ru, russ.ru, www.smoney.ru, vz.ru*** *и др., а также нескольких статей в бумажной прессе.*

Глобальная перспектива

Два сценария будущего России рисует крупный топ-менеджер, председатель правления группы компаний Renaissance Investment Management **Андрей Мовчан** (**«2025: Враг у чужих ворот»** — «SmartMoney», 4 июня; в изложении А. Левинского). Его взгляд интересен как отражение довольно распространенных прогнозов. Оптимистический сценарий Мовчана предполагает стабильно высокие мировые цены на природные ресурсы, «управляемую демократию» (концентрация ресурсодобывающих отраслей в руках государства должна сопровождаться такими мерами поддержки перерабатывающих, «какие им и не снились»), переход на вахтовый метод освоения северных территорий и сдачу части их в концессию или даже продажу «восточным соседям» (поскольку сама Россия их не сможет освоить, а может только охранять), массовое привлечение иммигрантов. Тогда Россия станет на евразийском материке к 2025 г. одной из трех главных держав — наравне с единой Европой и Китаем... А при возможном обвале цен на нефть и газ как результате развития альтернативной энергетики через 10 лет при ценах на нефть на уровне $12-15 за баррель *«голодные силовики будут ходить по рынку и отнимать оставшуюся переработку»*. Высока вероятность, что страна начнет распадаться... Оба сценария могут развиваться на фоне третьей мировой войны. Арабский мир не выживет без экспансии. А толерантные мировые державы снабжают его ресурсами за счет высоких цен на нефть. Арабский мир не победит, но конфликт сильно ослабит США. России же Мовчан отводит в войне периферийную роль.

Общество. Империя и нация

«Атомным Православием» назвал свой квазихристианский проект некоего державного вавилона **Егор Холмогоров** (**«Атомное Православие»** — Русский Проект, 25 июня), который прочитал лекцию сотрудникам Федерального Ядерного Центра в Сарове и НИИ Экспериментальной Физики. Цитирую авторское резюме: *«Суть этой идеологии в нескольких положени-*

ях. Первое,— религиозная и историческая миссия России состоит в том, чтобы обеспечить русским людям и всем православным максимально благоприятные условия для того, что преподобный Серафим назвал "стяжанием Духа Святого", для приближения к Богу. Второе,— чтобы обеспечить успешное выполнение этой миссии, России мало быть православной державой. Прежде всего, ей нужно быть сильной державой, чтобы никто, никогда и никаким оружием не посмел заткнуть рот нашему свидетельству о Христе... Третье,— разработка предельно совершенных военных, организационных и иных средств защиты нашего суверенитета является в этой связи не только военно-политической, но и духовной задачей, в которой священное и мирское идут рука об руку. И, с другой стороны, при выполнении этой задачи священное покровительство, те средства защиты нашей государственности, которые можно назвать агиополитическими, имеют столь же существенное значение, как и военные и политические. Вот и вся суть, которую можно определить просто: чтобы оставаться православной, Россия должна быть сильной ядерной державой, для того, чтобы оставаться сильной ядерной державой, Россия должна быть православной. В этом и состоит Атомное Православие. Просто как дважды два».

Владимир Голышев («Голиаф будет повержен» — NaZlobu.Ru, 23, 25 июня) исходит из того, что имперская риторика, взятая на вооружение власть имущими, не отвечает реальным задачам сегодняшней России. Реально у нас на повестке дня не имперские задачи, а строительство нации и национального государства. Эта задача решена в странах, возникших после развала СССР, — всюду, кроме России. *«РФ сегодня — это хорошо охраняемый пустырь, на котором должна строиться Новая Россия».* Предстоит соединить национализм и демократию. Пока что *«в России, говоришь "националист" — подразумеваешь "консерватор", "фундаменталист", "имперец" (а то и "мракобес" или "неонацист"). Только в России, говоришь "демократ" — подразумеваешь "ультралиберал-монетарист", "интернационалист-общечеловек", "пораженец". Так еще со времен западников / славянофилов повелось».* Все это нужно преодолеть. Причем придется строить Россию не «сверху, а «снизу», что *«означает: объединить наиболее активных и дееспособных людей вокруг идеи национально-государственного строительства. Совокупность таких деятельных единомышленников должна стать коллективным субъектом или, проще говоря, авангардом новой русской нации — источника новой русской власти».* Этот авангард должен складываться, по Голышеву, из людей разных взглядов, но свободных от политического сектантства. Базой новой нации и новой страны Голышев видит русскую культуру и цивилизацию, не конкретизируя их параметры. Новая Россия мыслится им как страна с акцентом не на централизм, а на местное самоуправление, а также и на защиту прав национальных меньшинств.

Александр Архангельский в статье **«Одобрямс, констотамс и вопрошамс»** (РИА Новости, 31 мая) фиксирует, что своими последними выступлениями и Путин подал заявку на статус строителя новой общерусской нации. Это место образовалось объективно: ставка вакантна, странно было бы ее не занять. Время — пришло. *«Политическая ставка на самобытность, на языковую почву, культурную, церковную, интеллектуальную традицию — оче-*

видный признак верхушечного строительства нации, процесса, который неизбежно должен был начаться после завершения первой очереди государствостроительства». Далее Архангельский предостерегает: если при этом *«антизападные, охранительные мотивы (молодежь растлевают дешевые западные телеобразцы; интернет слишком свободен, и это свобода для гадости, в подтексте читается — давайте и его посадим под идеологический колпак, как посадили ТВ и газеты) будут нарастать; если ставка на корни будет предполагать непременную стрижку верхушек; если нация будет формироваться от обратного, как сила, способная противостоять внешнему воздействию, а не как сила, самоценно проявляющая саму себя, в свободном диалоге с внешним миром; и самое главное — если не будут открыты шлюзы вольной дискуссии серьезных людей на заданные темы, кто мы, откуда, куда,— со строительством нации вполне может случиться то же самое, что случилось уже со строительством государства. Хотели как лучше, а пережали так, что не вздохнешь».* То есть какой же тогда станет (и станет ли вовсе) новая нация? Об этом Архангельский пока не говорит. А говорит, что интеллектуалы и элиты в силах тоже повлиять на процесс строительства нации, намекая на то, что им стоит пошевеливаться.

Юлия Латынина (**«Ставрополь»** — Газета.Ru, 8 июня) обращает внимание на бессилие властей в участившихся ситуациях межнациональных конфликтов с сопутствующими погромами. Развал СССР начался с национальных конфликтов. Теперь они вспыхивают в России. Во всех крупных межнациональных драках одна из сторон — чеченцы. За исключением драк между чеченцами и другим кавказским народом, чеченцы всегда выигрывали драку, при этом будучи в меньшинстве. *«Тот курс, которым Россия идет сейчас, обрекает ее на межнациональный разлом, и самый опасный участок этого разлома — отношения между чеченцами и русскими. Для русских это конфликт между зверями и людьми, для чеченцев — между волками и овцами. И развивается этот конфликт при полном отсутствии государства».* Демократическое государство существует потому, что элита готова обеспечивать населению более высокое качество социальной инфраструктуры, чем это население имело бы в противном случае. Империя существует потому, что метрополия обеспечивает окраинам более высокое качество социальной инфраструктуры, нежели окраины имели бы самостоятельно. Ни того, ни другого в России нет. Элита понимает власть как возможность хапнуть побольше и заткнуть рот любому, кто скажет об этом громко. Государство заменено разводками и пиаром. Кремль сознательно культивирует ненависть. «Нас обидели», — лейтмотив новостей. *«И когда президент говорит о "четвертом рейхе" или о "защите коренной национальности" — толпа жжет ларьки. Что у президента на уме, то у толпы в копчике. Более того — российское государство заигрывает с фашистами. Российское правосудие — это как СПИД. Один раз попал — не вылечишься. Сажают всех. Обирают всех. Есть только два вида преступников с абсолютным иммунитетом. Это чиновники и фашисты. Сына министра обороны не сажают за переехавшую старушку. Банду фашистов не сажают за убитого негра. И вот теперь у властей — паника. Фашистов (в Ставрополе. — Ред.) утаскивают с улиц, заломив руки, что твою "Другую*

Россию"... Власть решает проблему испытанным способом — отрицая ее существование». Думали, что фашистов контролировать легко. Но на самом деле власть не может контролировать ни фашистов, ни Кадырова, ни ФСБ, ни губернаторов, ни бизнесменов — никого. Конечно, если считать контролем способность власти заставить соблюдать закон».

Образ жизни в России по свидетельствам прессы оценивает **Денис Фрунзе** (**«Единая Россия или кровавый монстр?»** — Новый Регион — Москва, 31 мая). На ТВ репортажи из российских регионов появляются, если там проводится какой-нибудь форум или случается «жуткий кошмар»: в Красноярске крадут и убивают детей, в Кузбассе — взрываются шахты, в Иркутске — падают самолеты, в Тверской области — жгут живьем священников. *«Страна предстает с телеэкрана кровавым монстром, и ощущать себя частью такой страны не очень-то и хочется. Люди и не ощущают. В западных странах жуткие трагедии способствуют сплочению нации, у нас же сообщение о гибели шахтеров оставляет большинство равнодушным. "Это все где-то далеко и не с нами", — думают люди, продолжая заниматься своими делами».* А по свидетельствам местной прессы делается явным *«какое-то абсолютно запредельное отношение к жизни и явлениям, в ней происходящим»*, что далее иллюстрируется примерами нарастающего в провинции варварства.

Веселее смотрит на жизнь апологет нынешних порядков **Павел Святенков**. В статье **«Виват, гламур!»** (ВЗГЛЯД, 31 мая) он призывает не осуждать культ потребительства, *«гламурность и ее носителей. Они, правда, в самом начале пути по дороге свободы. Но большое дело уже сделано — они на пути к ней. Сначала люди будут покупать шмотки, потом, затарившись шмотками, перейдут к книжкам, затем, почитав книжек, начнут действовать. Например, займутся благотворительностью, прочтя про какого-нибудь "Оливера Твиста", которого "просто жалко". И мир, уверяю вас, станет лучше».* Эта характерная апология духовной мелкобуржуазности понадобилась Святенкову, чтобы в очередной раз похвалить адекватный ей режим: *«Заслуга нынешнего правительства в том, что оно сделало гламур возможным. То есть освободило сотни тысяч, миллионы людей. По сути дела, гламуризация сравнима с освобождением крестьян 1861 года. Только на этот раз благодаря повышению жизненного уровня освобождены миллионы горожан. И сам факт их пусть неосознанной еще свободы делает для государства гораздо больше, чем полтора десятилетия хаоса и развала, в которые наша страна погрузилась в период горбачевско-ельцинской смуты. Так что, право слово, не стоит осуждать "гламурных кис". Ей-ей, они на правильном пути. Они-то и станут свободными гражданами нашей страны».* А нынешний президент, по этой логике, войдет в историю как Владимир Освободитель. Ну-ну.

Скептичный **Михаил Пожарский** по этому поводу в ЖЖ рассуждает сам с собой: *«По сути, автор предлагает нам поблагодарить Путина и "Единую Россию" за Ксюшу Собчак. Я, конечно, сталкивался с разными вариантами восхваления Великого Кормчего Пу и "Елдиной России" — благодарить за эфемерные "национальные проекты", за "нанотехнологии", за "внешнеполитические успехи" и т. д. Но то, что надо благодарить Путина за Ксюшу Собчак, а также приравнять оное к "освобождению крестьян 1861 года" — с таким я сталкиваюсь в первый раз»* (http://igni-ss.livejournal.com/38165.html).

В связи с антиэстонской кампанией мая 2007 г. **Вадим Дубнов** (**«Логика растворения»** — Газета.Ru, 4 июня) обращает внимание на парадокс: *«На личностном уровне россиянин прекрасно знает, как относится к нему государство. Государство выселяет его из бутовских домов, заставляет часами париться в бесконечных очередях, отказывает в шансе тысячам больных... На личностном уровне россиянин давно внутренне мобилизован на непрекращающуюся битву со своим государством, в чем прекрасно отдает себе отчет. Но в целом в масштабах всего великого народа все, между тем, идет правильно. Никакой, можно сказать, дискриминации. Страна крепчает на глазах, мюнхенские тезисы затмевают личностный дискомфорт. Все здоровые силы общества, как им и положено, забывают бутовские страсти, мгновенно объединяясь перед лицом эстонской угрозы... Российское сражение гражданина со своим государством на личном уровне и искренняя солидарность с ним в глобальном масштабе заставляют его тихо адаптироваться, укрепляя таким образом всеобщую стабильность»*.

Михаил Делягин в статье **«Тихая эмиграция»** («Ведомости», 18 мая; NaZlobu.Ru, 28 мая) мрачно оценивает растущий отток людей из России. *«В конце 1980-х — начале 1990-х гг. произошел чудовищный выезд из страны носителей европейской культуры... Сейчас мы переживаем новую, тихую волну эмиграции: люди стараются перебраться куда-нибудь, где есть закон и относительный порядок. Соответственно в России, хотя и в несколько замедленном темпе, происходит то, что происходило в Чечне, Грузии и некоторых других странах: вымывание наиболее образованного и квалифицированного элемента и погружение остающегося общества в самую дикую азиатчину»*. Цивилизованная часть общества предпочитает отъезд борьбе, — *«оставив свою страну самому глупому и подлому из того, что накопилось в ней за долгие десятилетия потрясений и беспощадного отрицательного отбора»*.

Режим. Практика и идеология власти

Свое видение проблем страны изложил 8 июня один из ведущих кремлевских бюрократов, заместитель главы администрации Президента РФ **Владислав Сурков** в лекции **«Русская политическая культура. Взгляд из утопии»** (публ.: ИНТЕЛРОС [«Интеллектуальная Россия»], http://www.intelros.ru/2007/06/11/vladislav_surkov_russkaja_politicheskaja_kultura_ vzgljad_iz_utopii.html). Он исходит из того, что традиция многое предопределяет в национальном сознании, культуре и политике. Это «судьба». Далее из разнообразных версий русской культурной традиции, ее архетипов и смыслов Сурков выбирает то, что ему нравится. А нравится ему идея о самодовлеющей интуиции целостности, «холизм» культуры. Далее он исходит из нее как из аксиомы и дает ей прикладную трактовку, легитимируя этой идеей политику представляемого им режима и манипулируя понятием «демократия», которое теряет всякую сущностную определенность и становится сугубо инструментальным. Целостность в политике оборачивается, во-первых, гиперцентрализацией власти, каковая представлена как очевидное достижение, поскольку *«смещение власти к центру стабилизировало общество, со-*

здало условия для победы над терроризмом и поддержало экономический рост». Во-вторых, целостность оборачивается идеализмом, а идеализм претендует на исключительность отстаиваемой истины. Что это дает для политики? По Суркову, это опять-таки прежде всего легитимирует повышенные государственные амбиции путинского режима, претензии государства на мировое значение. А вот непрактичный, несистемный, негосударственный идеализм, по Суркову, *«в неохлажденном виде» «ненадежен, а иногда и опасен»* (максимализмом запросов, неумением связать цели со средствами и пренебрежением к *«такими "частностям" и "подробностям", как жизнь человека, его свобода, достоинство и права»*). В-третьих, идея целостности оборачивается у Суркова персонификацией политических институтов. В нашей политической культуре харизматическая личность и есть институт. Холистическое мировосприятие эмоционально. Оно требует буквального воплощения образов. А безличные институты не пользуются доверием. Не удержавшись, Сурков называет в своей лекции и имя сильной Личности. Вполне ожидаемое: *«...объединительная деятельность президента Путина успешна и широко одобряема именно потому, что направляется русским умом, уважением к русской политической культуре, любовью к России».* Кроме того, он отказывает в значении русскому коллективизму («вымысел чистой воды»), абсолютизируя факт его слабости или отсутствия, — для того, чтобы опять-таки отдать лавровую ветку сильной личности, которая компенсирует *«слабую эффективность коллективов, дефицит взаимного доверия и самоорганизации».* Далее Сурков рассуждает о том, что реформы будут иметь успех, если связаны с фундаментом национальной культуры. Огулом обобщая, он резко спрямляет путь от духовных вершин культуры на политическую горизонталь и приходит к прагматическому выводу о сугубой специфичности национальной, «суверенной» демократии (доктрину которой он создал и рекламирует), упоминая даже о какой-то культурной генетике и не случайно беря в союзники изоляциониста-натуралиста Николая Данилевского. Демократия в интерпретации Суркова сугубо самобытна, это просто некая проекция заданных матриц особой культуры. Едва ли стоит, по Суркову, даже и сравнивать между собой демократии в разных странах, нет смысла говорить, какая из них лучше (хотя в этом месте он выражается довольно тонко, не исключая возможность поучиться всяким разностям у Запада). Этот нерешительный эпигонский изоляционизм a la Данилевский в проекции на будущее оборачивается всего лишь претензией на особое место России в мировом ансамбле. Каков же обаятельный образ будущего, чем станет Россия? Ответ проборматывается в таких маловнятных выражениях: регион-донор, нация-лидер, один из центров интеллектуальной экономики, белые воротнички в мировом разделении труда. Сокрушенно Сурков говорит о современном состоянии, словно бы забывая, что уже довольно много лет он несет за него личную ответственность как один из руководителей страны и представителей правящего режима. Он видит *«бурно ветвящуюся бюрократию, прилипшую к нефтяной трубе», «на руководящих позициях в нашем обществе и в частном секторе, и в государственном критически мало людей, настроенных на Третью волну», «сырье ценится дороже знаний», «культура и образование еще не стали основой экономики и политики»,* и т. д., *«...в*

мировом разделении труда мы не инженеры, не банкиры, не дизайнеры, не продюсеры и управляющие. Мы — бурильщики, шахтеры, лесорубы. То есть довольно чумазые ребята с рабочих окраин». Расписавшись в собственной «чумазости», Сурков пеняет на нашу непрактичность, на примитивность структур и механизмов, на пренебрежение культурой и образованием, на недооценку *«передового меньшинства. А именно: предпринимателей, ученых, инженеров, гуманитариев, деятелей искусств, управляющих, нового поколения политиков, т. е. творческого сословия страны».* Непонятно, кому бюрократ ставит такие задачи: *«Нужно выйти из ступора, преодолеть шок и оторопь, охватившие наше общество при столкновении с собственным будущим. Мы похожи на все тех же парней с рабочих окраин, внезапно оказавшихся в деловом квартале города. Шум, огни, беготня, кругом ловкачи и умники, торговцы и ростовщики. А мы, как лохи, пятимся и путаемся, разинув рты и выпучив глаза. Обороняемся — только бы не надули. Надуют обязательно, если и дальше будем пятиться и разевать рот. Нужно привыкнуть к жизни в сложном, открытом, неустойчивом, быстром мире».* Этот призыв к русским «чумазым» «лохам» звучит довольно абстрактно, зато напоследок Сурков довольно конкретно вещает о необходимости централизованной власти, которая (рано или поздно) и обеспечит движение к светлому будущему. Сколько президентских сроков этого ждать, Сурков не говорит, намекая, что прогресс есть движение и сразу всех задач никто не решит.

Еще один вариант идеологического обеспечения и легитимации авторитарного режима предлагает **Леонид Поляков («POST-ПУТИН CONDITION. Философские основания постпутинского порядка»** — ИНТЕЛРОС, 16 марта: http://www.intelros.ru/2007/03/16/leonid_poljakov_postputin_ condition_ filosofskie_osnovanija_postputinskogo_porjadka.html). Автор витиевато рассуждает о том, что Путин решил историческую задачу и потому «ему просто некуда уйти», всюду он, его плоды и следы. Объективная реальность. *«Теперь она — если говорить в терминах системной теории политики, — Путин как output. И посему — не надейтесь на put out. Это — удел Буша, Ширака и Блэра».* Путин решил задачу модернизации России. *«Не в специально-экономическом смысле "реструктуризации", а в глобально-историческом смысле национальной идентификации».* Идеология президента — создание устоев России, т. е. наращивание институциональной структуры, обеспечивающей «самостояние» страны на основе базовых аксиом. Путину предстояло вытащить Россию на траекторию, с которой ее сбили в феврале 17-го. И он это сделал. Страна обрела идентичность. *«А "реальности России" Путин как настоящий модернист усматривает в особой конструкции современной русской ментальности, фокусированной на патриотизме, державности, государственничестве, социальной солидарности. Вот этот "тривиум" и "квадривиум" и стал "новым органоном" путинского модернизационного эпилога для России».* Поляков добавляет: *«Путин кратко подвел итоги своих семи лет президентства таким образом. Удалось — сохранить территориальную целостность страны, укрепить политическую систему, достичь хороших темпов роста экономики на основе ее диверсификации. Остается — устранить неравенство в богатстве между гражданами России. Иными словами, удалось обеспечить безопасность и свободу, но требуется еще обеспечить справед-*

ливость». Не совсем, конечно, понятно, в какой стране живет г-н Поляков. Как-то она не очень похожа на Россию. А в остальном — все ОК.

Более аргументировано рассуждают авторы, которые видят в путинской России реализацию новой модели государственности — *государство-корпорацию*. Так, **Андрей Фурсов («Кошмар "светлого будущего"»** — АПН, 19 апреля; «Москва», № 6) пишет: *«Речь идет не о том, что корпорация превращается в государство, а напротив, государство начинает вести себя как корпорация, поскольку ставит во главу угла экономические, прибыльно-рыночные и корпоративные интересы, а не социальные и национальные»*. Фурсов вписывает эту новацию в большой исторический и географический контекст. Он рассуждает так: напрасно *«обвиняли второго президента РФ в реставрационизме, на самом деле шёл процесс создания новой формы власти в России, которой и стало корпорация-государство, естественно, с русской спецификой. "Газпром" и т. п. структуры стали формой централизованно-экономической, властно-собственнической организации новых господствующих групп как элементов Матрицы — корпорации-государства РФ. Отношения внутри Матрицы часто воспринимаются как хаос, и нередко так оно и есть. Тем не менее, главным образом это не хаос, а подвижная форма, которой, во-первых, выгодно и удобно представляться хаосом как Западу, так и "нерентабельному" населению; во-вторых, которая выглядит как хаос по сравнению со старыми формами. Так же, как, например, капитализм, безусловно, являл собой нечто хаотическое по сравнению с феодализмом»*.

Аналогично понимает миссию Путина и **Андрей Окара** в статье **«Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии»** (ИНТЕЛРОС, 16 мая: http://www.intelros.ru/2007/05/16/andrejj_okara_gosudarstvokorporacija_kak_novyjj_trend_dlja_rossii_ukrainy_i_belorussii.html): *«Современная Россия — Россия Путина и Суркова как главного идеолога власти — представляет собой едва ли не идеальный образец государства-корпорации, в которое она превратилась из ельцинской олигократии. Российская Федерация как ЗАО "Россия", корпорация "Силовая Труба", "Russia Inc" или "The Great Russia Utilization Inc" (Вадим Цымбурский)»*. Далее он указывает на профессиональный дефект российской правящей элиты: *«В значительной части — это люди, работавшие в "прошлой" жизни в спецслужбах и пиар-компаниях. Представителям этих профессий свойственно специфическое восприятие мира и, в частности, политической реальности, — профессиональные привычки становятся основой и базовыми моделями политического поведения: мышление в категориях не долговременных стратегий, а молниеносных спецопераций и восприятие социального пространства в категориях друг / враг у одних, представление об абсолютной внушаемости и управляемости общества, о первичности виртуальной реальности над онтологией — у других»*. Не случайно ключевая проблема российской политики — это «Проблема-2008», т. е. формат и сценарий смены политического руководства страны. *«Как поменять правителей, но при этом избежать элитной ротации, не допустить смены политического режима и не выпустить из рук бразды правления и основные источники обогащения — так формулируется нынешнее российское "быть-или-не-быть"». «Государство-корпорация выдвигает и новые критерии социальной идентичности и*

лояльности: оно ограничивает количество лифтов мобильности для пассионарных личностей и создает условия, в которых происходит десолидаризация общества и стагнация элиты, ибо попадание / непопадание в корпорацию зависит от сугубо субъективных причин и везения. Корпорация предполагает постоянный "тест на лояльность", при этом не прошедшие этот тест в очередной раз изгоняются из корпорации и поддаются остракизму... Характерно также, что впервые за всю российскую историю глава государства сознательно десакрализирует источник своей власти и позиционирует себя как наемного менеджера».

Иллюстрация к выводам Окары — текст **Дмитрия Юрьева**, который озабочен ближайшим будущим России, так сказать, «изнутри режима» (**«Настоящий преемник. Как сделать возможной Россию без Путина»** — GlobalRus.ru, 4, 6, 8 июня). Автор характеризует господствующее настроение как контрреализм. Так, *«экспертно-интеллектуальная обслуга власти... подвергается "негативной селекции" и все более безвозвратно трансформируется в сообщество имитаторов идеологического оргазма, сосредоточившихся на выполнении единственной задачи — задачи "втирания" своим заказчикам мифа о своей незаменимости. Такой трансформацией объясняется наглядная и лавинообразная деградация интеллектуально-нравственного образа власти. Сегодня этот образ... создает совершенно реальную основу для выстраивания оппозиционного мифа про "путинизм с нечеловеческим лицом"».* Но мелка, утверждает Юрьев, и вся оппозиция. Поголовно. Экономическая элита переводит ресурсы России в личные наслаждения, *«куршавельские пустяки». «Интеллектуальный рынок» «превращается в площадку для коммунальных интриг, в рамках которых происходит обмен доступа к ресурсам (статуса и денег) на взаимоприемлемые манифестации номенклатурной лояльности», а «интеллектуальный продукт, выдаваемый на этом псевдо-рынке за пиаровский товар, давно превратился в идеологическую туфту, в национальную бандарлогию, в разные формы закамуфлированного (или неприкрытого) публичного оправдания имморализма».* На фоне этого тотального мрака есть для Юрьева один луч света (не факт, что подлинный). *«Политическое содержание в фатально обессмысленной и деполитизированной системе сегодняшней российской власти осталось, — но сосредоточено оно в пределах единственного лица (первого лица этой власти): Путин, "атлант" системы власти и "крыша" победоносного номенклатурного реванша, остался единственным (и крайне значимым) элементом российской действительности, пока что не вполне подвластным процессу тотальной политической деградации. Политика в России в результате сконцентрировалась в единственной форме властно-общественных отношений — во взаимоотношениях Путина и продолжающего поддерживать его через голову новой номенклатуры большинства населения страны».* Далее Юрьев задумывается. *«Какие же требования, угрозы и задачи возникнут перед властью, — кто бы ее ни олицетворял, — когда реальность ворвется на территорию, оккупированную пока что муляжом пустократической власти?»* Ответ он дает такой. В стране не состоялось Возмездие за преступления XX века. Вот с него и придется начать. Путин только заморозил эту проблему на восемь лет. В этой связи Юрьев находит вовсе не абстрактных врагов страны, а коррумпированные «пре-

ступные» структуры, которые нужно будет *«хирургически люстрировать (расформировать и создать принципиально новые с теми же функциями и с фильтром для большинства прежних сотрудников, — к примеру, люстрированы могли бы быть та же ГИБДД, значительная часть МВД, таможенная служба и др.)»*. Выявлению и осуждению подлежит и *«преступная идеология»*. Опять же он находит новые опасности социально-психологического и идеологического характера, индикаторами которых ему представляются обновленные менты, урки и коммунисты (неосталинисты). *«Новые политико-идеологические "урки" — от нациков и неосталинистов до "нашиков" и "иноросов" всех сортов — свои цинизм, жестокость и нетерпимость не просто осознают и принимают, но открыто провозглашают и утверждают как ценность и повод для гордости и самоутверждения. А значит, опасно искушают огромный народ, не имеющий против этой идеологической прокази — в отличие от Германии — оплаченного страшной ценой иммунитета»*. С ними нужно будет поступить сурово. Но для начала следует успешно завершить «операцию "Преемник"», другого пути нет. Кто ж он, новый вождь страны? Он, утверждает Юрьев, должен еще более эффективно, чем Путин, продолжить реализацию архетипа русской власти — *«формулы Дзержинского»: «Франкенштеновский слоган заплечных дел менеджера про "холодную голову, горячее сердце и чистые руки" был... усвоен массовым сознанием потому, что воплотил мечту об "идеальном диктаторе", сочетающем интеллектуальную готовность к беспределу (если надо, то можно вообразить, задумать и осуществить что угодно), нравственную уязвимость (осуществив "что угодно", испытывать по этому поводу жесточайшие моральные страдания, вообще, относиться к делу крайне эмоционально) и, наконец, полное отсутствие корыстных мотиваций. Путин скорректировал образ — он только обозначил (правда, первым же афоризмом) готовность к продуманной жестокости, довольно редко (но наглядно) демонстрировал нравственную теплоту, сохранил — несмотря на усилия оппозиционных пропагандистов и этическую специфику некоторых наиболее близких бизнес-партнеров — имидж человека лично бескорыстного. За восемь лет с помощью Путина "мечта о железном Фениксе" сконцентрировалась, но так и не воплотилась. Тем больше ожидания, что именно с подачи Путина к власти в России придет лидер, еще более похожий на невозможную народную мечту — мудреца, смельчака, совесть нации и аскета в одном президенте»*. Этот лидер призван *«доделать то, что в явном виде (или только казалось, что) обещал, но не выполнил Путин. А именно: через возрождение мощной ценностной базы, через образование и науку, через консолидацию социально и экономически активных... вернуть стране в полном объеме прошлое и настоящее, а значит, дать ей шанс на будущее»*. О том, кто и как в столь мрачной ситуации будет решать проблему в правильном духе, Юрьев умалчивает.

Андрей Рябов («Осада частной жизни» — Газета.Ru, 30 мая) обращает внимание на новую тенденцию госполитики. В начале рыночных реформ власть, не желавшая брать на себя ответственность за социальные результаты преобразований, предоставила гражданам право и возможность выживать так, как они умеют. Это предполагало, что она фактически отказывалась от попыток контролировать их повседневный образ жизни, доходы, да

и способы их получения тоже. В ответ на предоставленные свободы общество, по сути, отказалось от участия в политике, от попыток влиять на власть. Это был своеобразный пакт о ненападении. Но с той поры, как мускулы российской власти и правящей элиты стали наливаться нефтедолларами, у верхов стали просыпаться «воспоминания о будущем». Исходя из стремления все и вся контролировать, возникшего из желания сохранить монополию на власть и собственность надолго, если не навсегда, и из опасений потерять эту монополию при нормальной конкуренции в политике и бизнесе, они нашли точку опоры в общественном мнении. Власть, правящие элиты стали шаг за шагом выходить из «пакта о ненападении» 90-х гг. В этом ряду меры самого разного характера. Тут и стремление жестко регламентировать некоторые стороны частной жизни (например, ремонт в квартире), намерение снова поставить под контроль доходы граждан, протолкнуть проект воссоздания единой детской организации, чтобы подрастающее поколение было под присмотром, запрет употребления пива в общественных местах и много тому подобных «мелочей». Возможно, в ситуации усиления ответственности государства за взятые им же эксклюзивные обязательства эти меры и воспринимались бы как правомерные. Однако российское государство совсем не хочет брать на себя «повышенной социальной ответственности». Выход власти из упоминавшегося выше «пакта о ненападении» с обществом сам по себе не является угрозой для стабильности общественной системы. Но вот при первых же признаках кризиса его разрушительный потенциал увеличивается многократно.

Сергей Маркедонов («Историческая накачка для инфантильного обывателя» — ПОЛИТ.РУ, 25 июня) подводит итоги встречи президента с делегацией Всероссийской конференции преподавателей общественных наук в Ново-Огарево 21 июня. Глава Российского государства обратился с наказом к российским историкам и преподавателям общественных дисциплин. Ранее Путин лишь в исключительных случаях обращался к событиям прошлого. По большей части его комментарии касались Великой Отечественной войны. Суть их сводилась к одному тезису: «Давайте не будем касаться святого!» Для сегодняшней власти Великая Отечественная война стала важным ресурсом собственной легитимации. Иногда Путин старался обосновать еще один тезис. Накануне принятия очередного михалковского гимна (2000 год) президент России заявил, что не все было однозначно в советской истории и что одной лишь черной краски недостаточно для ее изображения. Потом были слова о распаде СССР как величайшей геополитической катастрофе XX века и о том, что учебники *«должны воспитывать чувство гордости за свою историю, за свою страну»*. И вот, наконец, в июне 2007 года президент Путин решил углубить свой вклад в развитие методологии и теории российской истории. По Маркедонову, *«ужас заключается в том, что президент России говорил как обыватель. Не как законодатель правил исторической науки, не как отец нации, который может позволить себе и раскаяние, и признание исторического груза ответственности, а как обычный фрустрированный обыватель». «...все "наше" (и Иван Грозный, и Ленин со Сталиным, и НКВД) свято уже в силу того, что оно наше, а не привнесенное извне (хотя марксизм появился и не на Рязанщине). В этом и*

есть главный пафос концепции "суверенной демократии", которую теперь нам предложено транслировать в школьные учебники по истории. "Да мало ли что было в истории каждой страны и каждого народа! Нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины!" А разве у самого человека не может естественным образом, без советов заокеанского дяди, возникать чувство вины и ответственности за содеянное, а как следствие, и раскаяние? Непонятно, как человек, считающий себя православным христианином, может отрицать необходимость раскаяния и признания собственных грехов, считая это угрозой суверенитету. Однако помимо того, что предложенный подход к истории чрезвычайно обывательский, он еще и инфантилен по самой своей сути. Фактически российским гражданам предлагается отказаться от ответственности (и за историю, а посредством обращения к истории — и от ответственности за все актуальные поступки). Это и есть инфантилизм, который превращают в краеугольный камень нашей идентичности. Что бы мы ни сделали (в прошлом или в будущем), мы правы, потому, что это мы, "самые суверенные в мире", которым никто не в состоянии ничего навязать. Но инфантильные обыватели не могут стать ответственными гражданами, способными защищать свое Отечество, нести ответственность за свой выбор и выбор своей страны... Инфантильный обыватель не способен быть патриотом, он может лишь защищать свой "суверенный" кусок "жизненного пространства", отгородившись от прямо не касающихся его проблем. Таким образом, "суверенная демократия" опускается и на более низкие уровни, формируется своеобразная вертикаль: наверху инфантильная власть, а внизу инфантильные граждане. Только укрепляет ли эта вертикаль истинное величие России?»

В контексте попыток адаптировать историю для государственных нужд и придать позитивный смысл самым позорным ее страницам нужно рассматривать появление 22 мая на полуофициозном сайте «Русский проект» **редакционной статьи «Россия 37-й»**. Не отрицая факта репрессий, автор статьи пишет: *«Многие из живших тогда единодушно отмечали, что время с 1937 по 1941 было, в каком-то смысле, самым веселым, самым радостным и благополучным в жизни простых людей. Временем, когда начинали ощущаться плоды достижений первых пятилеток, но когда на жизни страны еще не лежали печатью разрушения и смерти военной эпохи. Люди наслаждались летними вечерами, ели мороженое и пили газировку в парках, прыгали с парашютом с ОСАВИАХИМовских вышек и состязались на звание "Ворошиловского стрелка" 1-й и 2-й категории. Какое им было дело до того, что Тухачевский, пусть и маршал, оказался "врагом"? Ведь понятно же, что фашизм наступает, полыхает гражданская война в Испании, а на внутреннем фронте враг активизируется — вот и соблазнили маршала, — все как в учебниках по истории, в главах про Французскую революцию. Если бы потребовать у тогдашних простых людей вспомнить — именно вспомнить, а не реконструировать по современным газетам и фильмам, — 1937-й, то для большинства из них это будет не год террора. Это будет год, когда в том же мае на льды у Северного полюса высадились "папанинцы" и вся страна 9 месяцев с волнением следила, как они дрейфуют в полярных широтах и выживают на льдине. Это будет год, когда в июне национальные герои Чкалов,*

Байдуков и Беляков совершили беспримерный беспосадочный перелет Москва-Ванкувер через тот же Северный полюс — 8,5 тысяч километров, между прочим... Это был год, когда вошел в строй канал Москва—Волга. Это был год, когда вся страна вспоминала 100-летие смерти Пушкина, отдавая дань русскому национальному поэту, которого еще не так давно революционеры грозились "сбросить с корабля современности". Это был год, когда на экраны выходят и романтический фильм для мальчишек "Дети капитана Гранта", с песней о веселом ветре, и исторический "Петр Первый", прославляющий жестокого, но гениального реформатора... 1937-й год был годом успехов нашей страны, еще не омраченных приближением войны, годом уверенности в собственных силах». Вывод отсюда довольно циничен и не без актуального намека: *«...успех дает государству право и на справедливость и даже на большую несправедливость».*

Комментируя эту статью, историк **Ирина Павлова** пишет (**«История: Юбилейное»** — Грани.Ру, 4 июня): *«Идея необходимости нового 1937 года не нова, она давно муссируется некоторыми авторами. "Да, нам нужна новая опричнина, новый 1937-й,— писал Егор Холмогоров еще в 2003 году. — Без масштабной репрессивной политики, которая очистит воздух в современной России, невозможно ни восстановление порядка, ни, что особенно важно, формирование новой элиты... Настоящая власть, а значит, и настоящая элита начинаются со страха, который собирает в единое целое и народное требование справедливости, народное чувство мести к обидчикам, и необходимость создания чувства опасности, без которого невозможна властная иерархия". Сегодня с лозунгом "Да здравствует опричнина!" уже выходят на митинги... обслуживающие власть политтехнологи и публицисты и пробуют реакцию общества на рецепты 1937 года по очистке страны. Рассчитано это прежде всего на молодежь, которая, поддержав инициативу, выдаст власти карт-бланш на использование "ежовых рукавиц". Авторы и заказчики подобных статей, конечно, уверены, что "большая несправедливость" их не коснется».*

Оппозиция

Арсений Пригожий в статье **«Степ бай степ»** в полуофициозном Русском Журнале (1 июня) развязно и косноязычно шельмует оппозицию. Вот наиболее характерные пассажи: *«Трехголовый змей с разноцветными масками Лимонова, Каспарова, Касьянова на зеленых мордочках выбрал "единственно верную" тактику борьбы с "кровавым режимом". Называя себя оппозицией, хотя из стана "несогласных" пока не пришло ни одной здравой идеи, бежавшие из честной политики подлые какальщики стервозно перебирают ножками, привлекают к себе одиноких бледных с худобой в прозрачном теле вчерашних студентов, обращенных в журналисты новоявленными либеральными газетами и журналами. С остервенением голодного волка подручные вчерашних писателей и шахматистов осаждают префектуры и районные администрации городов, барабаня по старым выдохшимся столам слабенькими костяшками, требуя незамедлительного перекрытия центральных магистралей, чтобы они, "несогласные", прошли своим парадом, звонко*

выкрикивая в исхудавшие ржавчиной мегафоны кричалки-баяны... Выкрикивая жалобно-детское "Революция!", никто не думает об уголовных статьях, которые положены мерзавцам, пытающимся развалить страну. Или в пылу страстных походов по мостовым плюют на свободы других, прикрываясь якобы законом... "Несогласные", под брендом которых все больше и больше объединяется откровенных фашистов, не стесняющихся кричать "Хайль Гитлер!" в промежутках между "Россия без Путина!", не готовы уберечь ни одного демонстранта на митинге ни от милицейской дубинки, ни от стеклянной бутылки, летящей из рядов мальчишек-революционеров по принципу "дабы куда-нибудь в кого-нибудь"... "Несогласные" шаг за шагом пытаются нарастить облако беспричинных волнений, остановить работу главных городов страны, дестабилизировать общественный порядок, утопить экономику, с трудом поднимаемую после олигархического изнасилования... ежечасное вранье, льющееся из уст корыстных "другороссов", в эту самую минуту трансформируется в "несогласную веру", старается ярким белым шаром прошмыгнуть в каждый дом, где его давно подстерегают омытые в святой воде капканы, которые со времен княжеской Руси ставили против врагов непритворного политического пути». Упс. Ядрена Матрена.

Эскизно социальный портрет активного оппозиционера наших дней набросал **Михаил Вербицкий («Национал-оранжизм (штрихи к портрету)»** — NaZlobu.Ru, 26 июня). Он отмечает, что в 1990-е в протестной политике доминировали советские низшие классы. Они желали коммунизма (потому что привыкли) и национализма (потому что национальная травма). *«И Дугин изобрел им замечательную национал-большевистскую идеологию»*, а потом *«софт-версия национал-большевизма стала официальной философией путинской власти. Сильное, патерналистское социальное государство есть фундаментальная часть путинской пропаганды (и только пропаганды)». «С другой стороны, путинизм проповедует величие и национально-религиозную исключительность России, которая одна во всем мире противостоит растленному, безбожному Западу и противным чуркам. Национал-большевизм есть идеология пассионарного постсоветского быдлана, хулигана и болельщика. Путинизм есть идеология того же быдлана, но постаревшего, отупевшего и отрастившего брюшко. Занятно, что "Наши" переняли не только идеологию НБП, они увлеченно повторяют все акции НБП конца 1990-х и начала 2000-х. Скандалить у посольств "враждебных России" государств и закидывать послов пищепродуктами придумали именно нацболы». «Революционного быдлана 1990-х оказалось проще прикормить и взять по контракту во внутренние войска. А пассионарность прикрылась жирком, поиздержалась и протухла... Путинские подачки его устраивают, а в свободное плавание он отправляться не хочет — наплавался». «...революционер 2000-х есть нечто совершенно новое: быдлан с высшим образованием, работающий в офисе и на компьютере. И философия его совершенно другая: в ней нет места для национал-мистицизма, и для социального паразитизма тоже нет».* Каковы взгляды субъекта уличной политики середины и конца 2000-х? *«В чистом виде левым этот персонаж не является, ибо никак не сторонник мультикультурности... национал-оранжист не любит все культуры, кроме своей собственной — светской, городской, профессиональной и социально про-*

грессивной... Во всем остальном посетитель "Марша несогласных" — классический европейский левый. Сторонник неограниченных личных свобод, демократии, социального прогресса, правового государства, развития медицины, образования и наук»... Среднестатистический автор «Живого журнала».

Лейтмотив оппозиционной публицистики — ожидание близкого краха режима. Что называется, торопитесь успеть на поминки. Так, идеолог радикальной оппозиции **Владимир Голышев** в большой манифестальной статье **«Прийти в себя после глубокого обморока. Национал-демократия в современной России»** (NaZlobu.Ru, 26 июня) утверждает: *«Путинская РФ — это карикатура на СССР перед его крушением. Не надо придавать значения "нефтегазовому блеску" в глазах власти и золотой пыли, которую она пытается пустить нам в глаза. Перед нами еще более хрупкая и несовершенная конструкция, чем горбачевский СССР. Ее может убить любой "насморк": колебания нефтяных цен, внутриэлитные разборки, управленческий хаос, помноженный на ветшающую инфраструктуру — что угодно. Отрезок времени, оставшийся до его неизбежного крушения, может оказаться даже короче, чем мы думаем. Нужно торопиться, пока гадина еще дышит. Ее агония должна стать родовыми схватками новой русской политической нации. А день смерти гадины — Днем Рождения Нового Русского Национального Демократического Государства».*

Голышев ставит задачу антропореволюции и предлагает по завету преп. Серафима *стяжать дух мирен* (**«Антропореволюция»** — NaZlobu.Ru, 18 мая). Первая составляющая «духа мирна» — упразднение фиктивных границ в несистемном сегменте политического поля. Переход от «войны догм» к творческому взаимодействию разных идей и их носителей — главный признак начавшейся «антропореволюции». *«Что бросается в глаза, когда смотришь на "Другую Россию", "Марши несогласных" и людей, попавших в их орбиту? Отсутствие разделительных линий, которые еще вчера казались незыблемыми. Началось все с нацболов — бесспорного авангарда "антропореволюции" — и некоторых либералов, которые сочли для себя возможным пойти нацболам навстречу. Альянс этот казался (а некоторым до сих пор кажется) противоестественным. Его участников обвиняли (и продолжают обвинять) в беспринципности, цинизме и прочих грехах. Оно и понятно: вне логики "антропореволюции" понять происходящее невозможно. Между тем ларчик открывается просто: нацболы трансформировали свою революционность из социальной в антропологическую и постепенно "заразили" этой болезнью лучшую часть либералов».* Но это — только часть «духа мирна». Есть и другой, гораздо более тонкий и парадоксальный аспект. *«Путин со своей камарильей, куршавельские вертопрахи, кремлядь фэповская и телевизионная, менты, ворье чиновничье и прочая сволочь — все не покладая рук трудятся над тем, чтобы создать идеальные условия для нашей "антропореволюции". А значит, они — благо. Чего хочется больше всего (до зубовного скрежета), когда смотришь на весь этот шумный звериный? Разбить их самих и младенцев их о камни! Правильно ли это? Нет! Почему? Потому что это — логика революции социальной, логика идиотов-переселенцев, которые скормили своим чертовым кроликам всю траву. Но... социальная революция — как стихийное бедствие — ...никакого блага — сама по себе — она не приносит...*

Отсюда вывод: на Кремль и его окрестности надо смотреть с тихой нежностью. И жадно ловить каждый повод для самосовершенствования, которые он разбрасывает как щедрый плакатный сеятель — зерно. Времени осталось мало. Не сегодня, завтра они сами себя "свергнут" (как царь Николай или генсек Михаил), — что мы тогда делать будем? В сердцах у нас смутно и мусорно. Дух — ни фига не мирен... Очевидно, что социальная революция без революции сознания обернется в нынешних условиях либо "пересменкой" (как в 91-м), либо таким апгрейдом, от которого чертям тошно станет (как в 17-м)».

В том же духе рассуждает о новой тенденции **Василий Чертадский («Нация и свобода»** — NaZlobu.Ru, 23 июня). *«Люди выходят из "лагерных бараков" идеологий, избавляются от ярлыков. И обнаруживают, что с других флангов приходят точно такие же русские люди, с которыми им абсолютно нечего делить (кроме цепей). Что они говорят об одном и том же, только разным языком. Что идея национальной справедливости не противоречит, а логично дополняется идеей гражданских прав и свобод. Что либерализм и демократия служат не абстрактным доктринам, а интересам конкретной нации — твоей. И вслед за либералом Александром Навальным на последнем Марше несогласных я скажу: "Слава России!". И как нацбол повторю: "Нация и Свобода!"».*

Самый яркий весенний манифест оппозиции — статья **Юрия Нестеренко «Мы и они: Это война»** (NaZlobu.Ru, 17 мая). Перечислив провалы режима (в тональности: *«мы слишком долго терпели...»*) и опровергнув его мифы, автор кончает так: *«...наши враги потеряли уверенность в себе, ...они охвачены истерическим страхом даже сейчас, когда "оранжевая угроза" существует не столько на улицах, сколько в воспаленном воображении кремлевских жирных котов, знающих, чье мясо они съели, — значит, они обречены, и их крушение — лишь вопрос времени. И последнее, что им остается, — это старый жульнический лозунг "или мы, или хаос". Запугивание гражданской войной и революционным террором. Однако есть ли предпосылки для такого развития событий? Для войны требуется, как минимум, две стороны, две силы. Если первая из них — это победившая "оранжевая" (или какой там цвет мы сделаем символом свободы в России) революция, то откуда возьмется вторая? Кто-нибудь всерьез верит, что в стране найдутся желающие воевать за Путина (или там Иванова), Суркова, Сечина и прочих? Может быть, за них жаждет воевать армия, где загнанными в солдатское рабство рядовыми командуют годами мающиеся без квартир и сносных условий жизни офицеры? Или наша "доблестная" милиция, которая горазда сражаться с безоружными при соотношении сил 10:1, а стоит отношению измениться на противоположное, предпочтет, по откровенным признаниям самих же милицейских офицеров, исчезнуть с улиц, а то и присоединиться к демонстрантам, спеша продемонстрировать недовольному народу свою лояльность? А может, ФСБ? Да, эти могут. Но вряд ли захотят. Когда людей объединяет не честь, не идейность (как известно, у путинского режима, соединяющего советско-имперские мифы с худшей, государственно-олигархической, разновидностью капитализма, вообще нет сколь-нибудь внятной идеологии), а, главным образом, совместные бизнес-интересы — проще гово-*

ря, распил бабла — такие люди в период кризиса не действуют как единый слаженный механизм, а думают каждый о спасении своей шкуры. Главари, скорее всего, будут думать о бегстве за границу, низшее звено — о том, как не оказаться крайними... опыт "цветных" революций на постсоветском пространстве, не говоря уже об августе 1991 и опыте Восточной Европы, доказывает, что победа демократической революции без большого кровопролития, хаоса и гражданской войны прекрасным образом возможна, более того, именно так в современном мире и происходит (все кровопролития последних лет вызваны не политическими, а межнациональными конфликтами). Таким образом, не существует абсолютно никаких причин терпеть их и дальше. Наши враги украли у нас нашу страну. Пора вернуть эту землю себе».

Еще один манифест оппозиции на сайте NaZlobu.Ru (13 июня) — тезисы **Алексея Широпаева и Вадима Штепы**. Они предлагают строить русскую нацию на основе традиции Великого Новгорода («варяжской», «гиперборейской») — *«европейских принципов гражданского самоуправления, региональной уникальности и глобальной открытости»*, — отрекшись от московско-ордынской традиции рабства человека перед государством.

Статистика

Социологи **Константин Белоусов и Наталья Зелянская (**сайт E-generator.ru, 7 мая) представили **«Рейтинг западофобии российских СМИ»**. Авторы оговариваются: название западофобия в некотором смысле условно, поскольку оценивается не сама фобия, а степень критичности. *«Где проходит граница между здоровой и нездоровой критикой, в чем проявляются приметы критики-фобии? Полагаем, что одними из проявлений фобии становятся болезненная реакция на критику в свой адрес, приведение только тех мнений, которые "льют воду на собственную мельницу", игнорирование и замалчивание других точек зрения»*. С огромным отрывом в рейтинге лидирует таблоид «Твой день». Далее следуют «Правда», «Комсомольская правда», «Известия», «Российская газета», РТР, Первый канал, РИА Новости, «АиФ». На противоположном полюсе — «Эхо Москвы», «Коммерсант», «Независимая газета».

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Галина КЛИМОВА

КАНТОР ИЗ ХАРБИНА

Из книги «Путеводитель по семейному альбому в стихах и прозе»

Русское кладбище лежало в окрестностях Харбина на высоком открытом холме. У нас на таких холмах ставили храмы, чтоб издалека видать было, чтоб возвышались над каждой низкой жизнью, а здесь холм не пожалели под кладбище, да еще под такое небольшое и небогатое, ничего общего с Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, хотя Харбин и называли — Париж Востока.

Опрятная бедность могил, памятников и православных крестов примиряла всех, уравнивая со временем и землей. Русские имена и фамилии — Устинов, Зайцев, Кузнецова — мешались с китайскими — Иван Иванович Чжу, Цзяньпин Фомина. Над их общим покоем носились сырые ветра сиротства. И подвывали. Никого, кроме нас, на кладбище не было. Давно уже кончилась русская эмиграция. Некому больше навещать и обихаживать могилы.

Римма набрала горсть земли в целлофановый пакет, и мы молча направились к машине, поджидавшей неподалеку. Солнце заливало окрестность, и узнаваемые черты равнинного ландшафта открывались в пронзительной простоте простора. Все — как дома, и дышится также.

Галина КЛИМОВА — родилась в Москве. Окончила Географо-биологический факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, Литературный институт имени А. М. Горького, где училась в семинаре Евг. Винокурова. Работает старшим научным редактором в издательстве «Большая Российская энциклопедия». Печаталась в журналах «Дружба народов», «Арион», «Вестник Европы», «Кольцо А», «Журнал ПО», «Литературная Армения», «Иерусалимский журнал», «Радуга», «Студенческий меридиан» и др., альманахах и антологиях («Антология русского верлибра», 1991; «Библейские мотивы в русской лирике XX века», 2005, и др.). Автор четырех книг стихов. Сборники избранной лирики вышли билингва в Болгарии. Составитель антологий «Московская Муза. 1799–1997» (1998), «Московская Муза. XVII–XXI» (2004) и русско-болгарской антологии «Из жизни райского сада» (2001). Переводит болгарскую, сербскую, польскую, словацкую, армянскую и китайскую поэзию. Организатор и ведущая литературного салона «Московская Муза», который с 1998 собирается в ЦДЛ. Лауреат премии «Венец» (2004), международного фестиваля поэзии «Славянские объятья» (2007). Живет в Москве.

И вдруг всего в нескольких шагах, чуть в стороне от машины я увидела белую арку входных ворот с сиявшим на солнце могендовидом.

«Сколько у меня теток да дядьев! — как из включенной черной тарелки транслировался из детства почти дикторский голос отца. — Мой дед, а твой прадед Мойша Златкин из местечка Прянички дожил до 111 лет и народил 13 детей. Но где они? Знаю, что один в Харбине, кантором работает... кажется, Соломон. Только ты, доча, прикуси язык и никому ни полсловца не смей, а то мы все... — И полоснул по шее большим пальцем, как бритвой.

Так я впервые узнала о канторе.

И вот через десятилетия эти слова включились в памяти с новой силой, и крепко держали с того момента, когда Римма Казакова предложила мне с группой писателей лететь в Китай. И сразу же что-то затеплилось, замаячило внутри, — а вдруг?

— Смотри, еврейское кладбище... и если он умер в Харбине, то, может, лежит здесь?!

Толстые плакучие березы отбрасывали озноб ную сень, в которой в образцовом порядке расположились памятники и плиты. Чисто и тихо. И так же — безлюдно. Никто никого не ждет. На иврите и по-русски выбиты другие, но тоже привычные имена: Рабинович, Гейман, Катц, Смелянский...

— Как его фамилия? — переспросила Римма.

Разойдясь по тропинкам, мы вчитывались то в старые полуслепые, то в позолоченные новые надписи надгробий.

Второй раз я услышала о канторе в конце 1980-х, когда мама вернулась из Австралии с медицинского конгресса. Она жила там в Сиднее, в семье профессора.

— Златкина? — переспросил он, протягивая фужер шампанского. — Простите, а у вас есть родственники в Харбине?

Ударение точно упало на последний слог.

— Родной дядя моего мужа, — сделав глоток, ответила мама.

— ...кантор главной синагоги, — продолжил профессор. — Мы его знали и до сих пор вспоминаем. Чудный Соломон Моисеевич... А голос какой! Достойный оперной сцены. Он ведь и с Шаляпиным встречался, даже пел для него, когда тот в Харбине концертировал, в гостинице «Модерн» жил. Она до сих пор стоит на Большом проспекте. Федор Иванович был большой ценитель, бо-ольшой знаток искусства канторального пения. А вы сами когда-нибудь слышали кантора?

— Да что вы, откуда? Я ведь русская, крещеная, моя девичья фамилия Орешкина. Я — член партии. В синагоге даже на экскурсии не была, хотя она поблизости от нашего дома... У меня муж еврей, это он — Златкин ... Но и он не ходил в синагогу, и языка своего не знает, кроме «лехайм»... Он тоже — коммунист, ополченцем на войну пошел и воевал до последнего дня. Работает в министерстве начальником отдела капитального строительства... Очень любит петь (у него — баритон) и поет прекрасно, я бы даже сказала — артистично, это у него фамильное. Я многих певцов слышала, оперу люблю, особенно русскую, но кантора — не пришлось.

— Очень-очень жаль. Кантор — это больше чем певец. Это — камертон, настраивающий на молитву и заставляющий забыть, хоть на время, забо-

ты и скорби, и суету, и скинуть панцирь нашего невнимательного равнодушия, черствости, окаменелости нашей. Нужен невероятно подвижный голос, иначе как передать тончайшие акценты, духовные переживания, оттенки мысли... Это очень древний вид пения. Какие голоса! А пластика!? И вы, близкие родственники такого человека, такого таланта, — весь город замирал, когда он пел псалмы, — вы никогда не слышали... Ведь кантор и в театрах, и в концертах выступает... Он в некотором смысле — свободный художник, хотя в синагоге у него специальное место... Разве в Москве не так?

Маме нечего было добавить, и профессор, подливая ледяное шампанское, не прерывал свой рассказ.

— Кантор наш был, конечно, очень уважаемый, но не богатый. И, точно знаю, один из его сыновей погиб. Когда в 45-м после разгрома японцев советские войска вошли в Манчжурию, сразу начались аресты. Хватали всех, кто попадал на глаза или под руку: и русских, и евреев, и богатых, и бедных. Хватали как «японских шпионов». В Харбине тогда жили около двадцати тысяч евреев, а русских и китайцев было раз в десять больше. Сколько пропало без вести, скольких расстреляли в овраге за городом, забросали землей и камнями!? Никто не знает. Тем, к кому не было претензий, предложили выехать в СССР. Больше пятидесяти тысяч добровольно уехали.

А младший сын кантора был юношей романтичным, с убеждениями, и не скрывал своего сочувствия к Марксу и Ленину, он прямо-таки рвался в Советский Союз. А тут такой случай, вернее, судьба. И он, приличный мальчик из еврейской семьи, поехал в первых эшелонах. Энтузиасты — так ведь их у вас называли? Целыми семьями снимались на строительство новой жизни... И только много позже до нас дошли слухи, что на границе их всех обыскивали, отбирали паспорта, деньги, вещи... Якобы там ничего больше не понадобится, такой социализм. Скорей всего его расстреляли, а может, в сталинских лагерях сгнил. Со многими такая беда случилась. А вот про старшего сына ничего не знаю. Да мы сами из Харбина в 56-м без оглядки бежали, во времена культурной революции. Китайцы предоставили евреям корабли, дали возможность уехать. И кто куда: кто в Израиль, кто в Южную Америку, а мы в Австралию. Здесь, в Сиднее, большая колония харбинцев...

В Москве этот рассказ нас потряс, и мы поверили, что перестройка докатилась до нашей семьи, и уже не отрицали, что за границей есть родственники.

Больше я ничего не знала о канторе.

Бродя от могилы к могиле, вдруг поймала себя на том, что изнутри что-то дрожит, вибрирует, поднимается... мешает и дышать, и двигаться, но явно не озноб, а какой-то неизвестный согревающий трепет. Чистая метафизика. Душа? Дух? Похожее ощущение я пережила однажды в Иерусалиме, в храме Гроба Господня, когда казалось, что тела моего и в помине нет, а вместо него что-то невесомое, чем я без страха себя осознала. Несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы можно было идти дальше. Но далеко я не ушла, метров через пятьдесят на стриженом газоне лежала бедная, разбитая с края плита:

Кантор главной синагоги,
свободный художник
Соломон Мойсеевич ЗЛАТКИН
умер 24 ноября 1953 года
17-го кислов 5714 г.

Соломон, я нашла вас!

Это дух ваш звал меня, вы долго ждали, чтобы воскресла и продолжилась на земле память о вас и пролились слезы над вашей могилой.

Это вы, Соломон, разбудили мою тоску по родовому древу, и неисповедимыми путями Господь вел меня, и свершилось чудо... Не чудо ли, прилетев в Китай, приехав на поезде в Харбин, уже через пару часов найти могилу? Как песчинку в море житейском.

Божьи дела.

И в этом — все неправдоподобие жизни, которое посильней фантазий литературы.

У меня, видимо, наследственная черта — мистические совпадения и встречи.

Во время войны мой папа Даниель Федорович Златкин, воевавший на Карельском фронте, попал в Пермь. Совсем оголодав, наутро пошел на рынок, чтобы продать или обменять на продукты несколько пачек махорки. Там торговали махоркой по 800 рублей за пачку. Он стал продавать по 700 рублей. Тут же выстроилась очередь, а в очереди — женщина, и все смотрит и смотрит на него. Он не выдержал:

— Гражданочка, что вы все стоите, ничего не покупаете, а только смотрите на меня?

— Уж очень вы напоминаете моего сына, он так похож на вас, один к одному, — и расплакалась. — Кушать хотите? Пойдемте, накормлю... с дочкой познакомлю!

«Ну, прямо сваха... к дочери ведет. Неспроста все это. А что мне терять-то, солдату?»

Дом не был зажиточным, но порядок чувствовался. Их встретила девушка, перезрелая, с виноватыми еврейскими глазами. Сели за стол, пообедали. Ни как зовут, ни фамилии не спросили, ничего их не интересовало. Говорили только женщины и только о том, как страшно погиб сын, а гость поразительно похож на сына. Хозяйка, вся зареванная, ушла в соседнюю комнату:

— Вы тут посидите, познакомьтесь получше... Таня, покажи солдату альбом.

Таня листала страницы: это папа, это мама, это тот самый брат, а это моя тетя из Ленинграда, а это...

У отца перехватило дыхание, хлынули слезы, и он без стеснения зарыдал в голос и тыкал, тыкал пальцем в фотокарточку, с которой смотрели мужчина, женщина и двое детей — мальчик и девочка.

— Мама, мама, скорей, ему плохо, — закричала Таня.

Мать выскочила в одной рубашке:

— Что такое?

— Откуда это у вас? Кто это?

— Да это Файбус, мой брат Файбус, — успокаивала хозяйка.

— Значит, вы — моя тетя! Ведь это же мой отец, моя мать, сестра и я!

— Даня, так это ты? Ты? Племянничек, мальчинька, дорогой мой! Вот почему я глаз от тебя не отводила, очень уж похож на сына моего, на брата твоего бедного... материнское сердце — вещун!

Так ровно на сутки отец обрел родную тетку Геню (наверное, Генриетту) и сестру Таню и узнал заодно, что настоящее имя отца не Федя, а Файбус.

Совсем недавно, когда моя двоюродная сестра Элла уезжала с семьей на постоянное место жительства в Израиль (для чего понадобилась куча документов, подтверждающих их еврейство), мы с огромным удивлением узнали, что нашу бабушку Клару звали — Хая...

Стоя у могилы кантора, я вспомнила, как летом 53-го года, когда Соломон был еще жив, папа впервые привез меня в Николаев погостить к бабушке и дедушке. Мне было пять лет. Клара уже ждала в парадных дверях длинного каменного особняка на Фалеевской, отрывисто тронула мой лоб холодными сухими губами, отчего, вся съежившись, я очень громко спросила:

— Папа, ты здесь?

— Как ты разговариваешь? Разве тебя не учили обращаться к родителям на «вы»? — откровенно возмутилась бабушка.

Я поняла, что не понравилась с первого взгляда, и зря папа вступился, объясняя что-то про времена и нравы.

Клара была другой.

Никто из бабушек моих подруг не ходил дома в туфлях на каблуках и нарядной блузке, заколотой камеей, или в шелковом платье с медальоном. В руках почти всегда книга. Когда она успевала готовить, стирать или убираться? Казалось, что она не знала этих будней и этих забот, хотя отец рассказывал, что Клара рано осиротела, жила у родственников в большой бедности, и я, по-детски жалея ее, силилась понять, как это — быть взрослой, но оставаться сиротой... Клара никогда не гоняла в стадо коров, не доила коз, не кормила свиней и кур, как моя бабушка Феня. Никогда не рубила капусты, не солила огурцов и грибов в душистых от можжевельника кадках, рассчитывая на долгую полуголодную зиму, на большую семью и гостей. Но зато пекла штрудель и готовила фиш, зато играла на рояле и пела не русские и не украинские песни, как Феня, а *исполняла* оперным голосом то, что называлось ария, каватина, вокализ.

В девичестве Клара Теплицкая по окончании консерватории стала хористкой Одесского оперного театра, но вскоре вышла замуж за мелкого банковского служащего Федора Моисеевича Златкина, моложе ее на шесть лет. Они перебрались в соседний Николаев, и она устроила частную детскую оперу. Музыкальные постановки с костюмами и декорациями были заведомо обречены на успех, умиляя чадолюбивых родителей и сентиментальную родню и вызывая зависть у дворовых друзей юных артистов. Главные роли часто доставались Ане и Дане, детям-погодкам Клары и Феди. Сохранились фотографии спектакля на тему из древнегреческой мифологии.

Все это было до революции. А после — Клара стала неприметной учительницей музыки.

Лишь позже, в попытке объяснить что-то коренное, я ощутила себя во многом Клариной внучкой, — когда всерьез влюбилась в скрипку и чуть не стала профессиональным музыкантом, когда распевала в саду романсы и вокализы, а в четырнадцать лет стала сочинять пьесы, чтоб успеть за короткое лето поставить их в своем детском дворовом театре в Ногинске, подбирая костюмы и аксессуары из трофейного гардероба офицерских жен, когда впервые прикоснулась к стихам...

«Златкинская порода. Вся в них», — уличала Феня, сердясь на мои «художества» или гордясь успехами.

Летом душно висящими вечерами в Николаеве наслаждались холодным арбузом, запивая его ледяной газировкой. Для этого надо было купить трехлитровый бидон газировки с клюквенным сиропом, долететь до дома и успеть наполнить стаканы, пока вода еще шипела, — семья ждала за столом. На ужин часто подавали фруктовый суп с рисом (почти компот), разлитый по глубоким тарелкам. Очень смешно. Но под утро, к своему ужасу, я понимала, что теплые ласковые реки, по которым я вольно плавала во сне, — это несмываемый позор... Опять опрудонилась! И толстый Рыжик, спавший под мышкой, уходил от меня без оглядки.

Я полюбила утренние походы с дедом Федей на рынок, как на главный праздник южного города, где вполне живые в ведрах копошились раки, на прилавках таращились головастые бычки, позолоченные «скумбриевичи», вяленая ставрида, свежая килька, красовались разноцветные горы шелковицы, кукурузных початков и «синеньких». Я никогда не видела таких роскошных базаров, но запомнила и полюбила их навсегда. Дед торговался без явного интереса, почти застенчиво. Он до последнего дня был незаметным труждающимся семейным ангелом.

Файбус и Хая.

Нет, наши Федя и Клара.

Что же сделала с ними жизнь, вернее, страх перед жизнью, если родители не открывали своих имен даже родным детям? Ведь имя свято, оно в некотором роде — судьба. Выйдя за пределы черты оседлости, приспосабливаясь к новой жизни по новым правилам, они выбирали новые, хотя и чужие, имена... Под этими именами, вписанными в паспорта, они проживали, наверное, чужую жизнь. И хоронили их под чужими именами. А кто тогда проживал *их* жизнь?

Папа редко виделся с родителями и почти не писал им. Его это мучило, он казнился и каялся даже мне, особенно, когда получал письмо, обычно от отца, умолявшего черкнуть несколько слов больной матери. Клара умирала от рака легких. Она уже однажды пережила рак, ей удалили правую грудь. Меня, маленькую, это так пугало, что я не отводила глаз от того места, где твердо возвышался протез. Клара умирала в своей постели мученически. Любимая внучка Элла собиралась выходить замуж, но все тянула, все откладывала свадьбу из-за болезни бабушки. И тут Клара категорически потребовала, чтоб свадьбу не переносили и не отменяли, ей хотелось услышать через стенку крики «горько», хотелось последнего праздника в родном

доме, хотя за рояль она уже сесть не могла... Да и самого рояля в доме давно не было: все разграбили еще в войну, как только они эвакуировались на Урал.

Знаю, что Клара помогала и ближним, и совсем незнакомым, кого-то пристраивая, давая какие-то адреса, вещи и деньги вечно гонимым евреям... Может, это шло от сочувствия, от сердца, а может, увлекательные разговоры и духовная дружба со знаменитым Любавичским Ребе дали такие плоды.

Сразу же после ее смерти Рыжик исчез. Он не хотел жить без Клары.

Это было сорок пять лет назад.

И вот прошлой весной моя кузина Зина приехала в Николаев и глазам не поверила: на Клариной могиле, чудом уцелевшей от оргий местных вандалов, в тени персидской сирени лежал живой рыжий кот...

Почему все это так сильно полыхнуло во мне? Почему именно в Харбине непостижимым образом высветилась и зашумела еврейская ветвь моей судьбы? Папы уже нет в живых. За два года до смерти, в восемьдесят шесть, он крестился и принял православие. Успел-таки. Совсем не случайно, оказывается, шептал он:

— В Харбине мой дядька Соломон... кантор в синагоге.

Это — правда, папа.

Я нашла его!

Сопровождавшие нас китайцы — переводчик и миловидная Сунь Ли, главный редактор местного литературного журнала, — потрясенные находкой не меньше, чем я и Римма, времени зря не теряли: деловито щелкали фотоаппараты, они записывали в блокнотик имя и дату смерти, расспрашивали. И тут, как в плохом фильме, ниоткуда вырос энергичный пожилой мужчина в белой кипе.

— Шолом! — весело поздоровался он.

Мы выбрали язык общения — французский, и обменялись визитками. Менеджер компании «Локхид Мартин» приехал из Америки на могилы предков.

— Хотите, я прочту кадиш?

— Хочу, — согласилась я.

Он вынул карманный молитвенник и, раскачиваясь, начал читать на иврите. Мы с Риммой замерли слева и справа от него.

Я, православная христианка из Москвы, стою у могилы моего незнакомого двоюродного деда, кантора главной синагоги Харбина, и первый встречный иудей из Америки читает над ним — через сколько безмолитвенных лет? — кадиш.

Я плачу.

Вот она — воля и милость Божия.

Потом была синагога. Она уже не действует со времен культурной революции, как и все три десятка русских православных храмов, молчаливо подпирающих китайское небо. В Харбине не осталось ни одного еврея, но в синагоге — потрясающий музей истории и культуры евреев Харбина. В крупном научно-исследовательском центре изучают наследие не столь далекого прошлого. Сменилось всего пять поколений.

С азартом искателя вглядываюсь в мужские еврейские лица на фотографиях конца 19-го века и первой половины 20-го. Породистые бородатые отцы города и просто отцы семейств. Банкеты, приемы, презентации. Местные знаменитости: банкиры, фабриканты, идеологи сионизма, инженеры, врачи, музыканты, спортсмены. Их красивые жены, счастливые дети. Вместе со строителями КВЖД, вместе с белыми офицерами и эмигрантами они придали небывалую в истории значительность провинциальному Харбину, самому русскому из китайских городов. Они построили благополучный Харбин, щедро насаждая стиль модерн, до боли напоминавший родные Одессу, Ростов, Николаев, наполнив здешнюю атмосферу своими талантами и ностальгией.

Кто из этих людей мог быть мне двоюродным дедом?

Стоп! Остановила фотография, вернее, подпись: кантор.

И все. Без имени и даты.

«Как некорректно», — сработал мой внутренний редактор.

На фотографии аскетичный молодой мужчина с узким лицом и близоруким взглядом некрупных глаз. Все кажется родным. Смущают, правда, канторское облачение и головной убор, хотя разрез глаз, точно как у папы и Эллы, и Зины, как у моего сына Ярослава, у которого глаза — синие, а волосы темно-русые, но зато лицо такое же узкое, с высокими скулами.

Как мне хочется, чтобы на этом фото был Соломон!

Он пел в этих стенах. Его слушали единоверцы, жена, сыновья, друзья, соседи, поклонники. Где они все?

Наверняка, кто-то еще жив, еще может откликнуться.

Должно же остаться что-то, кроме могилы.

Может, сохранилось в архивах и ждет если не меня, то моего внука, — ведь не последним человеком был в Харбине

кантор главной синагоги,
свободный художник,
Соломон Мойсеевич ЗЛАТКИН.

Харбин — Москва, 2006

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ в зеркале прессы

(июнь – август 2007)

(Краткий обзор)

Кончина отца Георгия Чистякова

22 июня скончался священник Георгий Чистяков. Для московской церковной жизни 1990–2000-х годов имя отца Георгия чрезвычайно значимо. Немалая часть московской церковной интеллигенции считала его едва ли ни единственным настоящим пастырем. Он совмещал свое служение священника с напряженной научной деятельностью, занимал мужественную гражданскую позицию (из-за чего всегда был «под подозрением» в Чистом переулке). Отец Георгий шел по жизни всегда вперед и вверх. Он не вступал в жесткие полемические схватки, но свой демократический выбор подчеркивал всегда. Но, главное, он был человеком, который открывал для людей, ищущих Бога, красоту и радость христианства.

Христос был центром всей его жизни. К Нему отец Георгий вел своих прихожан, стараясь обойти многочисленные преграды, воздвигнутые историей. Эта устремленность была основой того экуменического диалога, который превыше всех конфессиональных перегородок, по глубокому убеждению священника, не доходящих до Небес. Так же важно для отца Георгия было чувствовать, знать, что Божественную литургию совершает не только предстоятель, но и вся церковь, все собравшиеся в храме. И как же вдохновенно служил ее он сам, с какой радостью и каким трепетом восклицал: «*Христос посреди нас*»! Одной из важнейших своих обязанностей батюшка считал проповедь Слова. Он постоянно напоминал верующим о важности ежедневного чтения Священного Писания. О том, что нужно «входить в текст». Питать свою душу святыми словами. Сам он читал Писание на многих языках, поэтому мог компетентно комментировать самые трудные места Библии.

Он не отделял себя от жизни простых прихожан. Не стремился избежать общей судьбы, как делает это сейчас большинство интеллектуалов. Он был со всеми — говоря словами Ахматовой «*там, вместе с народом, к несчастью, был*». Его голос и его дела несут печать этой общей судьбы. С ней связаны меткие суждения отца Георгия, его социальное служение, яркие публикации. При этом он признавался, что читальным залом и кабинетом были для него вагон метро, автобусная остановка или скамейка на вокзале.

Открытость Богу и людям не позволяла священнику проходить мимо неправды, которая порой встречается и в Церкви. Со злом в церковной ограде он боролся и словом, и делом. Скажем, в 1997 году, во время гонений на «кочетковцев», отец Георгий стал одним из немногих священнослужителей, переступивших порог храма Успения в Печатниках. «*Мы были с вами в радости, будем с вами и в печали*», — говорил он.

В среде «охранителей» с именем отца Георгия связан штамп «либерал». Даже сообщая о его смерти, некоторые православно-патриотические СМИ подчеркивали его «ме́невщину», напоминали о экуменизме и «филокатолицизме» этого священника. При жизни же недоброжелатели постоянно хотели извергнуть его из сана, используя, в том числе, и политический донос (сотрудничал с Соросом, отпевал Политковскую, сочувствовал Ходорковскому...).

Отца Георгия обычно называют пастырем для интеллигенции, иногда добавляя — «либеральной». И потому, что он окормлял значительную часть людей культурного сообщества, и потому, что значительную часть своих пастырских усилий он прилагал к тому, чтобы всячески поддерживал культурные инициативы внутри церковной ограды. И далеко не все знали, что на протяжении десяти лет он нес священническое служение в Российской детской клинической больнице, где каждую субботу служил литургию для детей, страдающих онкологическими заболеваниями, обходил с чашей палаты тяжелобольных — тех, кто уже не мог подняться с постели; где за эти годы крестил и соборовал бессчетное число малышей и едва ли не стольких же отпел, горько и искренне оплакав каждого вместе с осиротевшими родителями. «*Это подвиг, который мало кто смог бы понести*, — сказал на панихиде протоирей **Александр Борисов**. — *Мало кто может себе представить, что значит провожать эти маленькие гробики с телами тех, кому не удалось помочь...*» (**«Приходская газета храма св. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине»**, № 52, а также **«НГ-Религии»**, 04.07).

На исповедь к нему всегда тянулся длинный хвост. И надо было видеть, с какой любовью отец Георгий говорил, успокаивал, утешал. Для своих прихожан он был одновременно и духовником, и психотерапевтом. На нем буквально «висели» сотни сестер, которых батюшка вытаскивал из всевозможных душевных и духовным ям и колдобин. Видимо, это служение ему по наследству досталось от отца Александра Меня.

В эпоху постмодерна, когда шутовской карнавал захлестнул все и вся, отцу Георгию удавалось оставаться человеком цельным. Он не умел, да и не хотел стилизоваться под известные образцы благочестия. И внутренне всегда был совершенно свободным. Это была строгая и сосредоточенная и радостная свобода. Свобода во Христе.

Свобода и радость. Эти слова неотделимы от его образа.

«*Отец Георгий казался гостем из Вечности*, — пишет **Михаил Позднев**. — *Так легко было представить, что позавчера он встречался с Плутархом, вчера — с гениями эпохи Возрождения, сегодня с утра — с философами Серебряного века, а теперь вот запросто разговаривает с вами. При этом он вовсе не был небожителем. Выпускник истфака МГУ, он преподавал в своей alma mater, в МФТИ, РГГУ, читал лекции во Франции и Ирландии. Был членом РАЕН, профессором, издавал исторические и богословские труды, создал Центр изучения религиозной литературы*» («Гость из Вечности», **«Новые Известия»**, 25.06).

«*Он умел утешать, но не попустительствовал и не льстил своим духовным чадам. Он мог найти такое слово, которое звучало скорее как дружеский совет и именно поэтому заставляло задуматься о своей жизни. Напри-*

мер: "Не надо — это так разрушает личность"», — вспоминает на страницах **«Ежедневного журнала»** **Дмитрий Власов** («Он как ребенок любил Христа, 25.06).

Философ **Григорий Померанц** в интервью корреспонденту Интернет-издания **«Портал-Кредо»** (26.06) заметил, что «*в лице отца Георгия Чистякова смерть забрала одного из очень немногих духовных мыслителей, которые остались в нашей стране, и духовное пространство становится от этого все более пустым*».

На этом же Интернет-ресурсе появилось интервью и с переводчицей **Натальей Трауберг**. «*Отец Георгий умер во сне. Он долго хворал, лет пять. Об этом не очень говорили, видимо, просто не хотели, чтобы знали, но, судя по всему, болезнь прогрессировала. Но ушел он во сне, без мучений, хотя, скорее всего, до того были страдания*», — говорит Наталья Леонидовна.

И в заключение сюжета приведем мнение протоиерея **Бориса Михайлова** (**REGION.RU**, 26.06): «*Я думаю, что отец Георгий исполнил все, что только может желать священник. Сверх того, он оказался не в стороне от тех тяжелых церковных проблем, которые встали перед всеми нами в 90-е годы — в отличие от подавляющего, к сожалению, большинства священнослужителей града Москвы. Очень небольшая их часть восприняла адекватно все эти вызовы времени мужественно и жертвенно. Потому что мужественно высказывать свою точку зрения, которая заведомо отличается от точки зрения большей части церковного начальства,— на это нужно было решиться. А отец Георгий и не представлял себе, что можно поступить иначе. Я хочу подчеркнуть, что он поступил как человек, внутренне о Господе, о Христе, свободный*».

Конференция «"Велика жатва, а работников мало": миссия в Восточной Европе в православном контексте»

Эта международная богословско-практическая конференция состоялась в Москве в начале. Она была организована Свято-Филаретовским институтом, Всемирным братством православной молодежи Синдесмос и британской миссионерской организацией CMS при поддержке Миссионерского отдела Русской Православной Церкви.

Оценивая итоги форума, президент Всемирной конференции ассоциаций богословских институтов (WOCATI) профессор **Петрос Василиадис** в интервью газете **«Кифа»** отметил «*Я не мог себе даже представить, что конференция, настолько исполненная пророческим духом и духом откровения, может когда-нибудь произойти*<...> *Мысли, которые звучали здесь, пусть иногда даже противоречащие друг другу, исключительно важны для будущего возрождения православной церкви в самых различных контекстах.* <...> *Надеюсь, что братья и сестры из других конфессий вынесут из того, что было здесь, очень важный опыт и продолжат то размышление, которое здесь началось*».

Работа конференции подробно освещалась **сайтом Свято-Филаретовского института**. По сообщению сайта, зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ **Д. Гзгзян** в своем докладе «Экклезиологические

основы православной миссии» описал два представления о церкви — статическое и динамическое. Статическим он назвал распространенный в православном богословии образ церкви как уже данной полноты Истины, что наглядно выражается в самом факте Евхаристического собрания. При динамическом же подходе, отмечает докладчик, мы имеем дело со сложностями исторического исполнения того, что в первом случае уже имеется. Гзгзян напомнил, что существует опасность ограничиться лишь декларацией идеи общины и упустить ее реальное осуществление.

В своем докладе «Миссия в Восточной Европе в контексте всемирной миссии» миссионер Албанской Православной Церкви **Н. Хопп** рассказал о возрождении церкви в Албании, где в годы коммунистической диктатуры церковная организация была полностью уничтожена, и о практических проблемах сегодняшней миссии.

Доклад профессора-протоиерея **Василия Михока** (Румынская Православная Церковь) назывался «Таинственное служение и всеобщее священство в миссии Церкви». Докладчик напомнил собравшимся, что каждый православный мирянин только тогда может плодотворно участвовать в миссии, когда он осознает свое «*царственное священство*» (Пет 2:9).

Завершил первый день работы доклад священника **Виктора Максимовского** (Финляндская Православная Церковь) «Современная православная миссия в свете новой русской эмиграции (на примере Финляндии)». Современную русскую эмиграцию О. Виктор охарактеризовал как вызов для Финляндской Церкви. Он отметил, что на этот вызов церковное руководство ответило с десятилетним опозданием: лишь к 2000 году осознав, что новые русские эмигранты не столько укрепляют церковь, сколько сами нуждаются в миссионерском попечении и последовательном воцерковлении. При этом попытки решить проблему «сверху» с помощью государства почти не принесли успеха. Перспективу имеет соборность, созидаемая снизу, основанная на принципах общинно-братской экклезиологии.

О втором дне конференции подробно рассказала газета **«Кифа»**. Он открылся пленарным заседанием на тему: «Возможно ли межконфессиональное сотрудничество в миссии?». Со-ведущий заседания профессор-протоиерей **Владимир Федоров** энергично оспорил формулировку темы, заявив, что *миссия без межконфессионального сотрудничества попросту невозможна.* Пастор **Даррелл Джексон**, директор Центра изучения миссии в Европе в Редклиф-Колледже, в своем докладе «Вдохновляющие примеры сотрудничества в свидетельстве и миссии» привел конкретные примеры разностороннего миссионерского сотрудничества православных с другими конфессиями. При этом он отметил особое значение Миссионерской концепции и Основ социальной концепции РПЦ, создающих прочное основание для такой работы.

Диакон **Антонио Санти**, представитель Католической рабочей миссии святых апостолов Петра и Павла, представил духовное размышление на тему «Теряет время тот, кто недостаточно любит», где напомнил о непреложном принципе: *миссионер приводит человека к Богу, а не в свою конфессию.*

Профессор Аристотелевского университета в Салониках **Петрос Василиадис** в докладе «Миссия в мире и задачи православных христиан» сфор-

мулировал главную задачу миссии несколько иными словами: *не приведение в определенную конфессию, а примирение с Богом.* Он указал, что в этой связи перед миссионерами встает необходимость партнерского диалога не только с другими конфессиями, но и со светскими институциями.

Подводя итоги пленарного заседания со-ведущий профессор-священник **Георгий Кочетков** сказал: «*Господь посылает делателей на жатву, но многие боятся, уклоняются от этого служения или приспосабливают его к своим обстоятельствам*».

В рамках конференции также состоялось несколько круглых столов: «Миссия на приходе, в монастыре и в других духовных сообществах (братствах, общинах, др.)», «Миссия и богослужение», «Миссионерский приход», «Проблемы подготовки миссионеров», «Миссия и СМИ». Последний привлек особенное внимание журналистов.

Светлана Солодовник в **«Ежедневном журнале»** («Диалог — это ценность, которую мы только познаем», 05. 06) отмечает, что почти все выступающие сошлись во мнении, что «проповедь в лоб» в светских изданиях вряд ли возможна и эффективна. «*Верующему журналисту сегодня скорее подобает роль переводчика в налаживании диалога секулярного и религиозного мировоззрений*», — считает религиовед **Борис Фаликов**. **Александр Архангельский** видит свою задачу еще более скромной. На его взгляд, когда бал правит «*тотальная смысловая безответственность*», важна миссия «*не в строго религиозном понимании*», а как призыв к обществу «*возвратиться к памяти о ценностях*», как необходимость «*показать, что смысл где-то есть*». Настоятель Свято-Сретенского храма в селе Заостровье под Архангельском о. **Иоанн Привалов** из опыта сотрудничества со светскими изданиями вынес убеждение, что люди хотят знать «норму», так что задача миссии — через СМИ эту норму фиксировать, «*не ту, что мы придумали, а установленную самой жизнью*», то есть попросту называть вещи своими именами.

Продолжило тему информационное агентство **«Благовест-Инфо»** (01. 06), которое приводит ряд высказываний участников дискуссии. Так, по мнению священника **Филиппа Парфенова**, епархиальные СМИ в большинстве своем отличаются «*лакировкой действительности*», что связано, в первую очередь, с неразвитостью общинной жизни в нашей Церкви.

Главный редактор информагентства «Благовест-инфо» **Дмитрий Власов** также считает необходимым исключить «лакировку», подмену православия «*национальной или бытовой религией*», или «*трафиком святынь*». По его словам, миссионерская задача СМИ состоит в том, чтобы нести информацию о том, «*что сейчас есть Церковь, Кто такой Христос, что такое Евангелие*».

Михаил Ситников на сайте **«Портал-Кредо»** («Светлая грусть правды», 06. 06) заключает, что круглый стол стал больше пищей для души, чем для языка. «*Потому что главным его достоинством был даже не открытый диалог, где высказывались порой неожиданные, но неизменно интересные идеи, а то состояние души, которое долго не оставляло по его окончании. Это светлая грусть, рождаемая правдой о мире и обо всех нас. И неизменная Вера и Надежда, которые когда-то обязательно превратят эту грусть в несказанную радость*».

Письмо десяти академиков

В середине июля 2007 года десять академиков, в том числе лауреаты Нобелевской премии **Жорес Алферов** и **Виталий Гинзбург**, направили письмо президенту страны. В послании выражался протест против возрастающей клерикализации российского общества, внесения в перечень научных специальностей ВАК теологии и введения в школах преподавания ОПК. (С текстом письма можно познакомиться в Интернете по адресу http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=55762&topic=525.)

Практически одновременно с появлением этого обращения член Общественной палаты **Вячеслав Глазычев** призвал коллег осудить «*бурное вмешательство церкви в государственные дела*», а сопредседатель Совета муфтиев России **Нафигулла Аширов** заявил журналистам, что ему не нравятся христианство в школе и священники в армии.

«*Россия достаточно защищена от клерикализации. Любой, кто интересовался политикой, наверняка слышал о существовании в Европе христианских демократов. Но у нас такой партии нет. Предупреждая клерикализацию, в нашей стране законодательно запретили создавать политические партии по религиозному признаку, а религиозным организациям — участвовать в любых выборах. И Русская православная церковь, на которую сейчас обрушился очередной информационный удар, закон блюдет*», — отреагировала газета **«Известия»** (24.07) на письмо академиков.

«КоммерсантЪ» (24. 07) сообщил своим читателям, что православно-патриотическое движение «Народный собор» обратилось в прокуратуру Москвы с требованием привлечь к уголовной ответственности Виталия Гинзбурга «*за разжигание межрелигиозной розни*» (прокуратура отказала в этом требовании). «*Это самостийная акция, которую с нами не согласовывали*, — прокомментировал в Ъ инициативу «Народного собора» пресс-секретарь Московской Патриархии священник **Владимир Вигилянский**. — *Я не поддерживаю, но с пониманием отношусь к этому порыву людей защитить церковь от оскорблений, в том числе и в судебном порядке*». Представитель РПЦ назвал высказывания академика «хулиганством». «*Эти высказывания порочат звание академика, ученого*, — убежден отец Владимир. — *Такие вещи недопустимы*».

Ректор Свято-Филаретовского института священник **Георгий Кочетков**, откликаясь на письмо академиков (**сайт СФИ:** http://www.sfi.ru/rubrs.asp?art_id=8929&rubr_id=850), привел доводы в пользу преподавания ОПК в школе: «*Хотя государство является специфическим общественным институтом, который должен держаться на определенном расстоянии от церкви, само общество заинтересовано в повышении культуры всех верующих, т.е. большой части населения страны. Для этого ему и нужно поддерживать систему религиозного образования. Общество, частью которого является церковь как институция, заинтересовано в том, чтобы люди верующие были людьми образованными, активными, но терпимыми к другим точкам зрения, умеющими жить мирно с людьми разных вер и исповеданий. Государство, конечно же, должно способствовать интересам общества, но оно само по себе не должно служить церкви. Это соответствует, насколько мне известно, позиции высших иерархов РПЦ, чему можно только радоваться*».

«Основы православной культуры», считает о. Георгий, — замечательный предмет, который мог бы быть полезен всем, — не только христианам, поскольку история нашей страны связана непосредственно с православной культурой. Всякий культурный человек должен православную культуру знать, как и вообще любой человек в мире. Знают же люди европейской и американской культуры «Троицу» Андрея Рублева или «Владимирскую Богоматерь». Не только православные, но и католики, и протестанты, и культурные иудаисты или мусульмане, и культурные люди других духовных движений и вер знают об этом. Они могут не знать тонкостей догматики или вообще даже основных догм, но они знают какие-то вещи, которые имеют общечеловеческое значение. Однако священник заметил, что ни в коем случае нельзя превращать ОПК в «Закон Божий».

По словам священника, полемика вокруг «письма десяти» всколыхнула разные слои общества и показала все противоречия, связанные с этими проблемами. О. Георгий поддержал предложение уполномоченного по правам человека в РФ Владимира Лукина продолжить дискуссию, заметив, что следует «*провести круглый стол или несколько круглых столов, для обсуждения всех этих вопросов со стороны церкви, государства, науки и культуры*».

Глава Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата **митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл** также призвал всех академиков, подписавших «письмо десяти», вступить в диалог. «*Митрополит Кирилл в своем выступлении подчеркнул, что Церковь отнеслась бы к письму академиков по-другому, если бы подписи под ним поставили академик Андрей Сахаров и Александр Солженицын, которые в советское время возвышали голос, защищая права людей*», — сообщает **«Газета»** (14.08).

Один из «подписантов» академик **Андрей Воробьев** в интервью **«Газете»** (09.08) заявил: «*Всякие попытки религии лезть во власть кончаются гибелью религиозных деятелей, которые на это посягают. Власть злая и опасная. Она никогда не разделит ни с кем своего поприща*».

Не остался в стороне от развернувшейся полемики **Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.** Как пишет газета **«Время новостей»** (06.08), предстоятель РПЦ на встрече с президентом Удмуртии Александром Волковым заявил, что Церковь уважает Конституцию, гарантирующую светский характер Российского государства. «*Церковь не вмешивается в жизнь государства, а государство не вмешивается в дела церкви*», — подчеркнул он, сделав, однако, оговорку о том, что другое дело — отношения с обществом. По мнению владыки, «*Церковь в нашей стране не может быть отделена от общества и народа*». А российское общество становится все более воцерковленным, оставляя в прошлом общеобязательное воинствующее безбожие. Поэтому и письмо ученых, по мнению патриарха, не более чем «*отголосок атеистической пропаганды*».

Интернет-портал **«Агентство политических новостей»** (АПН, 09.08) считает, что спор академиков с православием — пример ложного конфликта. Цель этого конфликта — «*изящный «перевод стрелок*», создание легенды о том, что гибелью российской науке грозят вовсе не стратегия правящей элиты и политика власти, а некая «клерикализация» и Русская Православная Церковь в целом. Внимание научной общественности и технической

интеллигенции отвлекается таким образом от настоящего противника и переносится на фиктивного. И «*полномочные представители*» правящей элиты в научном сообществе — такие, как министр образования и науки А. Фурсенко и и.о. вице-президента РАН М. Ковальчук — получают возможность выступить в роли уже не разрушителей отечественной науки, но *спасителей* ее от «*страшной клерикальной угрозы*». Что в преддверии череды общенациональных выборов для власти чрезвычайно важно. Теперь, если Государственная Дума примет закон, фактически блокирующий преподавание «Основ православной культуры» в системе среднего образования, Фурсенко, Ковальчук и др. преподнесут это как свою (и власти в целом) большую заслугу перед наукой и научным сообществом. По-настоящему же актуальная дискуссия о судьбе российской науки и ее «несущих конструкций» уйдет на второй план.

«*В свою очередь, и православной общественности преподносится жупел «воинствующего атеизма», якобы олицетворяемый элитой российской фундаментальной науки. И отныне любая борьба правительствующей бюрократии с академическим сообществом должна, как предполагается, встречать восторженную поддержку православного клира и мирян. В этом смысле премудрые академики невольно оказались орудием манипуляции, или, как это называется на языке правящих «торговцев джинсами», разводки*», — заключает издание.

Между тем, как пишет газета **«КоммерсантЪ»** (17.08), православное молодежное движение «Георгиевцы» начало сбор подписей за введение в школьную программу предмета «Основы православной культуры» (ОПК). Руководство движения не скрывает, что на проведение акции их подтолкнуло обращение ученых к президенту России. «*Отстаивать свою точку зрения, привлекая сторонников, — право каждого гражданина*, — заявил Ъ глава Минобрнауки Андрей Фурсенко. — *Даже интересно будет посмотреть, какую эта инициатива получит поддержку*». Издание приводит мнение оппонентов «Георгиевцев», которые уверены, что цель сбора подписей и декларации о референдуме лишь повод еще раз громко заявить о себе.

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

От редакции

Двадцатый век в самом своем начале обнаружил непреодолимое влечение к иррационализму, интуитивизму, оккультизму и прочим внерассудочным практикам. Рациональное обнажило свои пределы и предстало в неожиданном бессилии; восторжествовало и инфернальным ужасом дохнуло иррациональное. Этому глобальному кризису Разума и посвящено эссе Левана Варази. Автор пишет о том, что нужно видеть и о чем нужно думать и говорить. Он характеризует симптомы и ставит диагноз. С этим диагнозом можно, конечно, спорить, но важно промерить глубину иррациональной эпохи и найти смысл в ее хаосе.

Леван ВАРАЗИ

«ПЕРВАЯ МЫРОВАЯ»

В 1900 году в столице Старого Света открылась всемирная выставка достижений науки и техники. На этой выставке еще царил жюльверновский дух безвредного человека XIX века — дух любопытства и наивного всезнания. Аппараты, построенные этим человеком, обещали ему в недалеком будущем заслуженную власть над материальной природой и способность управлять стихиями, которая должна была обеспечить ему благополучие и безопасность. Самодовольство жюльверновского изобретателя усиливало еще и то, что один из наиболее авторитетных врагов технического прогресса Фридрих Ницше, призывавший растоптанного цивилизацией европейца вернуться к стихийному, сам стал его жертвой, превратившись на двенадцать последних лет жизни в бессловесное животное.

Катастрофа произошла в символическом 1888 году: три восьмерки, как три замкнувшиеся на себе змеи, ознаменовали умственное самоубийство величайшего философа XIX века. Теперь, в конце пути, как и в его бессознательном начале, мама усаживала на горшок своего непримиримого врага,

Леван ВАРАЗИ — родился в 1970 г. в Тбилиси. Закончил режиссерский факультет ВГИКа. Работал на киностудиях «Грузия-Фильм», «Мосфильм», на телевидении. Снимал рекламные ролики и клипы, делал монтажные фильмы на основе архивных материалов «Госфильмофонда» России, писал сценарии, пьесы. Пьеса «Дали» поставлена в 1999 г. в театре имени Вахтангова Юрием Грымовым. Грымовым же поставлен фильм по мотивам повести «Коллекционер и его близкие». В 2005 г. участвовал в создании ток-шоу «Табу» на грузинском ТВ (тематика — социальные, гендерные и сексуальные проблемы, ксенофобия, религиозная нетерпимость в современной Грузии). Публиковался в грузинских журналах. Живет в Тбилиси.

утвердив заодно темную волю материнской власти над сыном. И это было настоящим поражением, тем более страшным потому, что мода на слабоумие тогда еще не наступила.

Умерев в 1888 году, скончался Ницше тоже в символическом, 1900-м, когда на парижской выставке праздновали торжество человеческой мысли. Об этой кончине узнала вся разумная Европа, и воспринималась она среди ее технократического населения как крах дионисической философии.

Тогда, в 1900-м, жюльверновский человек еще не знал, что в недалеком будущем он утонет вместе с величайшим кораблем, когда-либо им построенным. Вместе с этим кораблем пойдут ко дну и неумеренные амбиции, связанные с возможностями человеческих рук. И европеец перестанет себя уважать. Во всяком случае, так поступит честный европеец. Остальные воспользуются недоверием, возникшим с той поры в душе лучших представителей западного общества. Недоверие это усилится еще и тем, что вместе с «Титаником» разрушатся и другие иллюзии Европы. А именно — преувеличенное представление о чести и достоинстве человека XIX века.

То, что творилось на палубах одного корабля в течение двух часов крушения, скоро охватит полмира. Но если учесть, что мировые войны, затмившие собой массовую гибель полутора тысяч пассажиров корабля, были еще впереди, то крушение «Титаника» вполне можно назвать трагедией мирового масштаба для тогдашнего человека. Здесь, в ночных водах Атлантического океана, когда речь шла о спасении своих тел, можно было никого не стыдиться и ничего из себя не изображать. Аристократы и наследники рыцарских фамилий первыми бежали к шлюпкам, наступая на детей и придавливая стариков, — не важно, простолюдинов или представителей высшего света. Не важно потому, что спасать надо было свое туловище, а не свой титул.

Теперь все стало очевидным: элита европейского общества вне салона — отвратительна. И удостовериться в этом можно было уже не из романов Бальзака, а раскрыв любую газету.

Таким образом, возникла естественная потребность пересмотреть отношение к европейцу, который с тех пор, как был поставлен гуманистами в центр мироздания, сильно изменился, оставив неизменными только звание и место в обществе. Начинать этот пересмотр нужно было с себя, и, как обычно, им занялись не те, кому следовало сделать это в первую очередь, а наиболее благородные представители Европы. Многие из них благодаря особой чуткости (которую предполагает истинное благородство) разглядели признаки разложения еще до начала XX века. К их числу принадлежали Петр Алексеевич Кропоткин, отказавшийся от княжеского титула, и граф Лев Николаевич Толстой, который отказался от государственной религии.

Парадоксальное определение Цвейга, назвавшего могилу Толстого «*самой прекрасной могилой в мире*», скрывало ту особую зависть, которая отличала писателей новой эпохи: зависть к тем, кто успел вовремя умереть, кому выпало счастье не дожить до разрушения собственного мира. «*Ах, отчего я опоздал родиться!..* — говорит Михаил Булгаков. — *Придет ли старое время?.. Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его...*» И даже философ Розанов произносит крамольные для европейской философии слова: «*Я не хочу истины, я хочу покоя*».

Но отныне никому из писателей нового времени обрести покой не суждено. А многим не суждено обрести даже обычной могилы: кто-то будет закопан в общей яме; кто-то погребен на чужбине, закончив свои дни в вынужденной эмиграции; кто-то пропадет без вести в мировых войнах или в концлагерях; другие, кому не повезет умереть на войне, покончат жизнь самоубийством. Потому что старое время не придет больше никогда.

В отличие от белогвардейца Булгакова, оплакивающего прошлое, кубофутурист Маяковский, которого эго-футурист Северянин назвал «*пришедшим Хамом*», призывал сбросить Толстого и других старинных писателей с парохода современности. Но если ностальгия Михаила Булгакова была бессильной, то усилия Владимира Маяковского были бессмысленными. Потому что, во-первых, Толстой уже и так не интересовал современность, а во-вторых, тот самый корабль, который символизировал Новое Время, утонул, водрузив на прошлое Европы венец неудачи и, к тому же, наложив проклятие на ее техническое будущее. Таким образом, сбрасывать Маяковскому было некого и неоткуда.

Эпоха европейской классики завершилась независимо от призывов Маяковского, и умер Лев Толстой не от его пули, а в результате старости, от которой, собственно, закончила свое существование и христианская философская литература, основанная первым писателем Европы Святым Августином. А начиналась она с наивного самобичевания последнего, достигла зрелости через картезианский метод познания законов души, усомнилась в себе благодаря Ницше и состарилась, снова занимаясь самобичеванием. Правда, теперь оно уже было далеко не наивным. Потому что теперь самобичеванием занимался Лев Николаевич Толстой.

Так или иначе, у первооткрывателя традиции самокопания и у завершителя ее — много общего. Если не говорить о мучительном ощущении греховности и о книгах под названием «Исповедь», каковых много и у других представителей европейской литературы, Августина Аврелия и Льва Толстого объединяет особая, упрямая, почти эгоистическая замкнутость на самих себе. Это увлечение своим внутренним миром наводит на мысль о самовлюбленности, но объясняется все же другим. А именно — влюбленностью в новый объект познания, который принесла человеку новорожденная культура. Этим предметом внимательного изучения в христианском мире явилась собственная душа.

Пристально наблюдая за развитием своих душ, эти двое (своего рода два столпа, удерживающие собой мост, перекинутый от начала — к концу) буквально исполняли завещанный античностью священный долг истинного европейца. «*Познай самого себя*» — директива, на которой закончилась языческая философия; этот же приказ стал отправным пунктом рационалистической культуры Запада.

«*В моральном отношении*, — говорит о Толстом поклонник его могилы, — *он более чем кто-либо далек от эллинизма*». Неизвестно, роднил ли Цвейг Толстого с Августином, важно здесь лишь то, что он категорически отказал ему в родстве с эллинизмом.

Таким образом, европейская культура — это строгий отрезок времени, когда искусство мыслить было возведено в главное благо и добродетель человека.

Точнее, это промежуток между бессознательной античностью и бессознательным сюрреализмом, который убил мысль, разочаровавшись в ней.

Абсурд, тайно разрушающий европейский фундамент на протяжении десятилетий, стал общепризнанным фактом только в тот момент, когда вырвался наружу. Теперь, как обычно после обрушения здания, каждый его обитатель начал шарить по развалинам, — в попытке понять, что же все-таки произошло, кого еще можно спасти и что из имущества осталось невредимым.

Позже, когда стало ясным, что старое здание восстановить уже невозможно, появилось бесчисленное количество проектов, объясняющих закономерность этого крушения. С другой стороны, нужно было найти неповторимые, присущие только ей, достоинства новой жизни на обломках западного рационализма.

«*Обнаружив абсурд среди руин разума*, — пишет Альбер Камю в «Эссе об абсурде», — они (экзистенциалисты. — *Л. В.*) *обожествляют то, что сокрушает*». «*Абсурдное произведение*, — говорит он дальше, — *иллюстрирует отказ мышления от престижа*».

Так, отказав мышлению в престиже с помощью того же мышления и вступив тем самым в противоречие со сказанным, юный Камю невольно демонстрирует свою принадлежность к рационалистической традиции. Но это было всего лишь атавизмом, вполне безобидным для молодой французской философии. Гораздо более опасным было сомнение, загнездившееся в могучей бородатой голове старого русского любомудра незадолго до его смерти.

Ведь в мышлении начал разочаровываться уже и сам Толстой, увлекшийся буддизмом, цель которого — полный отказ от мышления. Но он все же остался человеком уходящей эпохи рационализма. Не случайно перед самой смертью русский мыслитель заявил, что единственным его счастьем была способность мыслить. Но счастьем Толстого было еще и то, что он успел умереть незадолго до того, как рационализм, опозорившись, подвергся всеобщему надругательству.

Способность мыслить была единственной опорой Декарта, доказавшего свое существование только благодаря существованию мысли о себе. Но теперь наступало время нового искусства, провозгласившего главным своим достоинством способность жить «без головы». Или — способность бредить. Ее культивировали в себе и те, кто еще владел классическим каноном. Таковыми были Пабло Пикассо и Сальвадор Дали, страдающие от невозможности пользоваться языком старого европейского искусства. А параноидальный критицизм Дали стал девизом XX века вообще.

Теперь жизнь была уже не сном, она была галлюцинацией. Расплывались циферблаты часов, стекали ягодицы Ленина, стояли неподвижные «облака в штанах».

Уже сумасшествие.
Ничего не будет.

Ночь придет,
Перекусит
и съест.

«*Атаки на Разум, пожалуй, никогда не были столь яростными, как в настоящее время*», — пишет Камю, один из тех, кто атакует его наиболее яростно.

Его атаки даже начинают вызывать чувство сострадания к бедному Разуму. «*Разум бессилен перед криком сердца*», — говорит он, руководствуясь все тем же Разумом, чтобы беспощадно унижать его. Если же Камю кого-то цитирует, то это тоже кто-нибудь из непримиримых врагов старой философии: «*Абсурд становится Богом,— говорит Карл Ясперс,— а неспособность понять превращается во всеосвещающее бытие*». Там же Камю приводит цитату другого своего единомышленника, русского философа первой трети XX века Льва Шестова. «*Самый универсальный рационализм всегда спотыкается об иррациональность человеческого мышления*», — пишет Шестов, для которого способность мыслить являлась настоящим проклятием.

Наказание в виде разума, не признающего Тайны мироздания, заставляет Льва Шестова испытывать мучительное чувство вины и уехать из России в Париж. Это несчастье делает его модным в литературных кругах Франции, а ненависть к классической европейской философии обеспечивает Шестову любовь и уважение западных экзистенциалистов к его собственной «фобософии».

Неизвестно, была ли лично знакома со Львом Шестовым французская писательница первой половины XX века Симона Вейль. Возможно, она просто испытала влияние экзистенциальной моды, которая, кстати, в России возникла раньше, чем во Франции. Но отличал молодую фобософку типично шестовский стыд за свой ум, который был к тому же еще и незаурядным, и обострял тем самым чувство мучительного позора.

Будучи профессором философии, Симона Вейль часто повторяла отрывок из «Федры» Расина:

> И смерть, что глаза мои света лишает,
> Оскверненному дню чистоту возвращает.

Осквернителем дня Симона Вейль называла себя и свой разум, смерть которого способна принести миру очищение. Это не мешало ей читать лекции и писать афоризмы в лучших традициях французского классического парадокса. В одном из них эта трогательная женщина, не желающая осквернять мироздание своим грустным умом, предлагает сделать то же самое Богу. «*Бог*, — пишет она, — *может присутствовать в Творении только в виде отсутствия*».

К сожалению, целенаправленно разрушая себя, Симона Вейль и правда умрет в возрасте тридцати четырех лет, оставшись присутствовать в виде книг, которые были изданы, только когда она уже отсутствовала.

Быть может, драма Льва Шестова и Симоны Вейль заключалась как раз в том, что они не могли жить «без головы», не представляли себе мира, в котором отсутствует Разум, но чувствовали, что теперь быть абсурдным необходимо, чтобы оставаться современным. И может быть стыд, который они испытывали, связан скорее с принадлежностью к старой традиции, которую они тем больше старались унизить, чем сильнее зависели от нее. Известно же, что Шестов глубоко переживал отсутствие поэтического дара, который позволил бы ему отказаться от философии и заглянуть туда, куда теперь больше не дотягивался разум, — к самому Дну Рождения явлений.

На этом Дне Рождения жил Велимир Хлебников, для которого, по словам его современника, «*крушение западноевропейской науки стало материалом*

поэтического станка». Но Хлебников был не одинок. На Дне Рождения было много именинников, которым он щедро раздаривал титул «Председателей земного шара». Точнее, каждый из них был конечно одиноким, но объединенным в союз «Председателей», напоминавший шумную шайку разбойников.

Те юноши, что клятву дали
Разрушить языки, —
Их имена вы угадали —
Идут увенчаны в венки.

Одним из юношей, увенчанных Хлебниковым, был Владимир Маяковский, пугающий людей своими разрушительными языковыми вскрытиями:

Вашу мысль,
Мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут,
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.

Другой венценосец, Даниил Хармс, «гнал хмурь» древней литературы, изобретая занимательные словесные игры. Но игры эти были не простые, а по-детски глубокие и ясные. Правда, глубина их обнаруживалась не сразу. Например, основополагающий образ европейской культуры, доктор Фауст, который олицетворял в западной мифологии могущество Разума, — для Хармса всего лишь бородатый колдун, растерянный от сознания утраты собственной силы и еще от того, что он уже ничего не может изменить.

Апостолы, поучающие с неба, отныне подобны поднебесным ветрам и тоже уже не чувствуются на земле. Теперь о суетной власти мечтают писатели, которым обессилевший Фауст говорит:

Я, поглядев на вас, нахмурил брови,
и вы почуяли мое кипенье крови.
Смотрите, сукины писатели,
не пришлось бы вам плясать ли
к раскаленной плите!

Писатели, испытывая помесь испуга с наглостью, отвечают:

Мы те-те те-те те-те
те-теперь все поняли.
Почему вы так свирепы,
не от нашей вони ли?

Только Маргарита не думает о власти. Видимо, потому, что после поражения Фауста к ней власть переходит автоматически. И дело вот в чем.

Противоположный Фаусту образ мифологии Запада, Дон-Жуан, олицетворял собой второй путь познания Истины. Если фаустовский способ ее постижения был связан с Разумом, донжуановский путь пролегал через Удовольствие. Следовательно, после поражения Разума оставался только донжуановский путь. А женщина, которая владеет монополией на удовольствие, оказывается теперь единственной обладательницей власти на земле. Поэтому Маргарита у Хармса молчит.

Молчание женщины обосновано, наверное, еще и тем, что она никогда не любила споры. Особенно — философские. Да и вообще, мироощущение ее всегда было сюрреалистическим. Но ей пришлось ждать пару тысячелетий, прежде чем на сюрреализм возникла мода. Хлебниковское «*самовитое слово вне быта и жизненных польз*» понятнее женщине, чем философские диалоги Фомы Аквинского. Наконец, женщины всегда больше любили детей, чем мужчин.

Теперь, когда мужчины обгадились, им пришлось прикидываться детьми. Больше других в этом преуспел Даниил Хармс, который умудрился еще и прикоснуться к вопросам не менее серьезным, чем те, которыми занимался Фома Аквинский. Например, у Хармса теряет власть над миром не только Фауст, но и сам Бог, который начинает бредить:

Бог:

Куф, куф, куф.
Престол гелинеф,
Херуф небо и земля.
Сераф славы твоея.

Французские интеллектуалы, в отличие от русских, оказались более упрямыми в своей верности классическому прошлому и наступившую вседозволенность воспринимали по-своему. «*Теперь человеку от свободы не спастись*», — язвительно предостерегал Жан-Поль Сартр. Но в русской литературе начала XX века творилось такое, будто Тургенев, Толстой, Чехов умерли не в прошлом году, а четыреста лет назад. Уход их из жизни напоминал уход родителей из дома, когда дети начинают бесноваться сразу же, как только захлопнется входная дверь.

Впрочем, французская чувствительность к веяниям моды все же брала верх над уважением к рационалистической философии, мода на которую в свое время возникла именно во Франции. Поэтому парижские заумники ненамного отставали от русских.

Паранойя, или систематизированный бред, воцарилась не только в искусстве. Она охватила собой и науку, которая начала испытывать милитаристское воспаление, приведшее к сверхмощному оружию. Систематизированный бред завладел и общественной жизнью, в которой царили всеобщее недоверие и мания преследования. И если один сосед не страдал паранойей, он не был уверен в том, что ею не страдает другой. Поэтому доносили все на всех — хотя бы из соображения безопасности.

В бездетном четырехугольнике — Владимир Маяковский, Лиля Брик, Осип Максимович Брик и Яков Агранов — трое доносчиков. Двое из них, Осип Брик и Яков Агранов, — бывшие сослуживцы по петроградской ЧК; третья из этого квадрата, у которой, как выразилась Анна Ахматова, «*наглые глаза на истасканном лице*», — наседка от ОГПУ. Позже Яков Агранов станет замом шефа ОГПУ-НКВД Генриха Ягоды. А Лиля Брик останется наседкой до конца своих дней. Наседкой была и ее сестра, Эльза Триоле, которая пасла Владимира Маяковского в Париже. Пока она это чудовище пасла, чудовище шлялось по бабам и писало:

Я в Париже,
Живу как денди,
Женщин имею — до ста́.
Мой член,
Как сюжет в легенде,
Переходит из уст в уста*.

Но из уст в уста переходил не только член Великана, но и каждый его шаг. Потому что параноики, которым не повезло реализоваться в современном искусстве, самовыражались через доносы на тех, кому повезло.

Паранойя XX века выражалась в идеологических войнах, в пропаганде и агитации и, конечно же, в диктаторах-параноиках. Стихийное начало, на котором настаивал Ницше, выкарабкалось наконец со дна человеческой природы. И вдруг оказалось, что оно совсем не изменилось с тех пор, как европейская этика наложила на него запрет. Оно, как пленник, который полвека просидел в крепости, выбежало в новый мир и начало хвататься за все подряд. В том числе и за опасные механизмы, изобретенные недавно, — когда Оно еще было заключено под стражу.

Теперь стало ясным, в чем заключалось упущение Ницше. Ведь говоря о раскрепощении европейского человека, он невольно подразумевал только себе подобного. Но Ницше не сказал ничего о посредственности, для которой и были придуманы нормы поведения, запретительные правила и церковь. Что будет, когда раскрепостится бездарность?

Теперь, когда просветители и борцы за свободу человеческой личности увидели наконец, что означает массовое освобождение толпы от запретов, им пришлось как-то выкручиваться. «*Я ей дам оправдание, какое и самой революции не снилось!*» — говорит Василий Розанов, выдавая этими беспомощными словами совершенную растерянность перед наступившей смутой. Николай Бердяев выглядит более уверенным в себе, но не очень оригинальным, когда называет войны основой творческого движения человечества, а основу творчества отдельного человека он видит в абсолютной свободе, «*выводимой из бездны*».

Так или иначе, произошло ли что-то страшное или вполне закономерное, отныне это было единственной реальностью, в которой нужно было както действовать. Началась настоящая эпидемия художественных деклараций и эстетических программ: представители «Левого Фронта Искусств», центральной фигурой которого был Владимир Маяковский, а теоретиком — Осип Брик, провозгласили принцип «*огазечивания и антилитературности*». В этом, наверное, пересекались интересы обоих главных ЛЕФовцев — Маяковского, хорошо понимавшего значение плоскости в современном искусстве, и ОГПУшника Брика, хорошо знавшего основной принцип диктатуры, который заключается в упрощении и общедоступности. Таким образом, эстетическая программа ЛЕФа была оптимальной со всех точек зрения. Ведь двухмерная живопись снова заняла место трехмерной живописи европейского

* Вероятно, апокрифическое (*прим. ред.*)

Возрождения, в свое время заменившей плоскость средневекового символизма. Символизм теперь вернулся в виде плаката и панно, сменивших икону и фреску. А лаконичность программы ЛЕФа вполне соответствовала духу лозунга того времени — времени, когда руководство Маяковского по сочинению стихов называлось не «Как **сочинять** стихи», а «Как **делать** стихи».

Художественная декларация Даниила Хармса менее официальна и больше походит на то, как ясно и непосредственно говорят дети о каком-нибудь сложном явлении из взрослого мира: «*Новая человеческая мысль двинулась и потекла. Она стала текучей. Старая человеческая мысль говорит про новую, что она тронулась*». В другой записи Хармс как будто говорит уже совсем как взрослый, но в конце все равно проявляет детское упрямство: «*Когда я пишу стихи, то самым главным мне кажется не идея, не содержание и не форма, и не туманное понятие «качество», а нечто еще более туманное и непонятное рационалистическому уму, но понятное мне*»

А вот по-настоящему серьезное и совсем не параноидальное заявление Велимира Хлебникова: «*Желание "умно", а не "заумно" понять слово привело к гибели художественного отношения к слову. Привожу это как предостережение*». Из этого умного предостережения заумного Хлебникова есть одно исключение. Нехудожественное отношение Франца Кафки к слову, «огазеченному и антилитературному», вызвало на свет неповторимое художественное явление: «телеграфный стиль» его литературы напрочь лишен подтекста, несмотря на то, что его там все время находят привыкшие к многозначности исследователи. Но, несмотря на все их усилия, главным достижением Франца Кафки все же остается полное отсутствие подтекста. Кафка пишет только то, что имеет в виду. Или: написанное обозначает только то, что написано.

Это явление в искусстве XX века можно назвать депрессивным. Не потому, что Кафка пишет о страшном. Страх — не главное свойство депрессии. Депрессия — это когда человек пробуждается и начинает видеть реальность. И только после этого прозрения наступает страх абсолютной пустоты. Поэтому Кафка называл себя бодрствующим среди спящих: у него больше не было сновидений наяву. Он, как Гамлет, начал видеть череп вместо шута, шлюху — вместо матери, социальный механизм — вместо общества, сограждан — вместо людей. Так, Кафка отказывается от искусства, которое, как сказал Ницше, *дано нам, чтобы не умереть от Истины*. И умирает.

Более темпераментные и менее одаренные современники Кафки, также утратившие иллюзии, убивали других. Или рушили. А еще — жгли книги. И всему находили теоретическое обоснование, иногда даже вполне научноподобное: как будто мозги современного человека, привыкшие к сложным умственным манипуляциям, продолжали усиленно работать, лишившись веры в разум; как будто заболела та самая картезианская душа западной цивилизации, которую Декарт назвал «вместилищем законов», установленных Королем Вселенной.

Поиску разумного божественного начала в себе посвятил свою долгую жизнь Лев Николаевич Толстой. Год его рождения, 1828-й, был годом рождения Жюля Верна, видевшего спасение в научной мечте. В том же, 1828

году, родился Генрик Ибсен, провозгласивший смерть Бога. Неважно, что имел в виду под этим Ибсен: сама эта констатация вселяет в человека панику. Ведь если Король умер, в его государстве начинается неразбериха, пускай даже Король этот только в голове.

Смерть Бога надолго стала главной новостью земли. О ней говорили самые разные по своему религиозному или идеологическому складу люди. Бердяев и Дмитрий Мережковский установили цель жизни в поисках Бога, за что получили название «богоискатели». Горький и Луначарский объявили предметом своего поклонения человеческое общество, которое можно заново построить, и космос, который можно освоить, и были названы за это «богостроителями». Блок, временно поверивший в революцию, назвал в «Двенадцати» новым Христом комиссара с винтовкой. А академический австриец Цвейг, так и не переживший крушения Габсбургской монархии, воспевал Карла Либкнехта, призывавшего к ее свержению, следующим образом:

Видя, как мрак застилает Вселенную,
Крикнул семи небесам Европы
С их оглохшим, с их умершим Богом,
Крикнул великое, красное слово:
«Нет!»

Василий Розанов, не употребив слова «Бог», писал тоже о смерти чего-то бессмертного: «*Я думал, что все бессмертно. И пел песни. Теперь я знаю, что все кончается. И песнь умолкла*». Может, это и кощунственно, но почему-то возникает желание поставить после этого трагического признания Розанова следующие слова: «*Все и пошло прахом. Мужики, которые пели, принесли из Москвы сифилис и разнесли по всем деревням*»... И это написал не Зощенко и не Ильф с Петровым, а Александр Блок... Но как мог иначе, если не с помощью цинизма, сохранить себя возвышенно-утонченный, почти бестелесный Блок, которому подселили в коммуналку буйного матроса-алкоголика? А Зинаида Гиппиус, узнав об этом, продемонстрировала настоящее мастерство цинизма: «*Лучше б было*, — сказала она лениво, — *если б матросов подселили двенадцать*».

Августин, равно и Толстой понимали историю человечества как результат божественного предопределения. В новых условиях обезбоженного мира человек теряет внутренний закон и превращается в машину. С одной стороны, эта машина получает теперь неограниченную власть над миром, с другой, подвержена сбоям из-за переизбытка неупорядоченной информации. Хармсовская «*Вечерняя песнь к именем моим существующей*» похожа на текстовые «глюки» зависшего церковного компьютера:

Начало и Власть поместятся в плече твоем
Начало и власть поместятся во лбу твоем
Начало и власть поместятся в ступне твоей...

Это псевдосакральное заклинание напоминает таинственный ритуал облечения властью какого-то гомункула. Или робота. Но дальше бред усиливается:

Дочь дочери дочерей дочери Пе
Дото яблоко тобой откусив тю
Соблазняя Адама горы дото тобою
Любимая дочь дочерей Пе.

Потом снова будет «тю». Это «Пе» и «тю» можно прочитать как зашифрованное имя «Петя». А если учесть, что в соответствии с одной из гипотез, псевдоним «Даниил Хармс» означает «Даниил Колдун», то можно допустить, что здесь Хармс отождествил себя с Волхвами, которые были обычными колдунами, передавшими Иисусу Христу атрибуты власти над миром. Таким образом, колдун Хармс передает власть некоему роботу Пете.

Бегал Петька
по панели
И кричал он:
«Га-ра-рар!
Я теперь уже не Петька,
разойдитесь!
разойдитесь!
Я теперь уже не Петька,
я теперь автомобиль».

Или машина. То есть робот. Тем более, что слово «робот» было придумано Карелом Чапеком примерно в то же время, когда Петя превратился в автомобиль. Правда, так Чапек назвал человекоподобную машину, а не машиноподобного человека. Но теперь это почти одно и то же.

Этот новый автомат, подверженный сбоям, совершает не действия, а манипуляции. Его творческое воодушевление превращается в биологическую активность. Труд и отдых максимально механизируются. И интересуют его теперь не предметы, а вещи.

«*Заклинило*», «*заело*», «*зациклило*», «*замкнуло*», — и множество других глаголов, заимствованных из мира автоматов, начинают объяснять человеку происходящие в нем процессы. С формальной точки зрения, они вполне соответствуют явлениям органического мира, но тем сильнее подчеркивают механистическое начало в человеке. Вернее, его механистический конец.

Само искусство становится все более формальным: в новой симфонической музыке отдельные музыканты или совсем теряют связь друг с другом, доходя до кататонического возбуждения, или поддерживают ее настолько педантично, что музыка оказывается не более чем слаженным воем станков в заводском цехе, — то есть кататоническим ступором. Точно так же «поток сознания» Джеймса Джойса и «телеграфный» стиль Франца Кафки — два противоположных проявления шизофрении. Точнее, болезни души. А если совсем точно, болезни картезианской души. Следовательно, чтобы понять, что произошло с музыкой в XX веке, можно допустить, что Малер, Шостакович, Барток, Прокофьев, Стравинский — музыканты баховского масштаба, заболевшие шизофренией.

Один из методов лечения психических расстройств — трудотерапия: простые механические действия, по закону Станиславского, навязывают с противоположной стороны определенный ритм мозгу. Мозг сам начинает

работать в том режиме мышечных систем, который обычно задает им. То есть мозг актера Станиславского начинает слушаться его, актера, тела, а не наоборот. Или — душа слушается туловища, но не туловище подчиняется душе.

На принципе биомеханики строится театр Мейерхольда, а Георгий Гурджиев считает, что, если мы вообще хотим понять, что такое человек, мы сначала должны понять, что человек есть машина. Или — биологический робот. Физиология Павлова сводит мироощущение этого робота к обмену сигналами между центральной нервной системой и внешними раздражителями, а называет он этот светофорный механизм «условными рефлексами». У павловского робота есть что-то вроде «мышечной памяти», привычки к некоторым занятиям. В том числе — к занятиям творчеством. Точно так же психоанализ Фрейда — это пережиток старого доброго европейского самокопания, с той лишь разницей, что теперь в качестве объекта рассматривается не душа человека, а психосоматика человека-машины.

Еще более прагматично рассматривал человека другой австрийский психиатр, Эуген Блейлер. Подсознание, по Блейлеру, проявляется ежеминутно и на самом бытовом уровне. Например, когда человек заходит в квартиру, открыв ключом дверь и включив свет в прихожей, он не помнит, как он это сделал. Потому что этим занималось его подсознание. Следовательно, современный Блейлеру человек бóльшую часть времени проводит в бессознательном состоянии. Ночью он теряет сознание на восемь часов сна; один час после пробуждения посвящает гигиене и завтраку, совершая все действия автоматически; потом едет в автомобиле, бессознательно нажимая на педали; если у него нет автомобиля, он едет в трамвае, автоматически распихивая пассажиров; затем, не помня, как доехал, приезжает на фабрику, где проводит весь день среди автоматов, автоматически нажимая на рычаги.

Несмотря на оригинальность и простоту трактовки Блейлера, а может быть, именно в силу чрезмерной приземленности его взгляда на бессознательное, повальное увлечение психоанализом в начале XX века в первую очередь было связано все-таки с именем Зигмунда Фрейда.

Это психоаналитическое сумасшествие еще раз подтверждало недоверие к чистому разуму нового европейского человека, слишком преувеличившего значение бессознательного, на которое оперлось современное Фрейду искусство.

Моду на психоанализ испытал на себе и Владимир Маяковский. Правда, только косвенно. Его подруга, некая Элли Джонс, в 1925 году написала ему из Парижа: «*Как-нибудь нам ОБЕИМ сходить к Freud*». То ли русская эмигрантка правда начала забывать родную речь, то ли это было кокетством; то ли она на самом деле совершила классическую «описку по Фрейду», то ли стилизовала под нее ошибку грамматическую, — это не так важно. Интереснее в этой оговорке другое.

В эпоху большой перепроверки, когда любовница Маяковского предложила ему провериться у Freud, пересмотру, естественно, подверглись и межполовые отношения. Более того, посмотреть по-новому на сексуальную жизнь стало моральным долгом человека, считающего себя современным. Иногда эта половая ревизия доходила до того, что человек с особенно развитым воображением переставал понимать, к какому именно полу он принадлежит.

И вообще, существует ли ТОЧНЫЙ пол? Этому вопросу посвящаются книга Отто Вайнингера «Пол и характер» и повесть Томаса Манна «Смерть в Венеции», герой которой задумывается о половом (или надполовом) слишком поздно, чего не может выдержать его старое традиционное сердце.

Большой перепроверке придал дополнительную энергию один из наиболее почитаемых немецких философов начала XX века, Эдмунд Гуссерль. Его феноменология допускала различные — вплоть до взаимоисключающих — отношения каждого отдельного индивида к одному и тому же явлению. Таким образом, феноменология в очередной раз отказывала миру в объективном существовании, превратив его в одну большую галлюцинацию. Вернее, во множество маленьких галлюцинаций. «*Мыслить*, — заявляет Гуссерль, — *это значит научиться заново смотреть*». С особой готовностью ухватились за это заявление художники: ведь теперь, прикрывшись авторитетом главного феноменолога Европы, можно было никак не объяснять своих ассоциаций, а просто сказать: «Я так вижу». Это вызвало определенную безответственность в изобразительном искусстве, но одновременно помогло раскрепоститься и по-настоящему выдающимся живописцам.

Экспрессионисты Эгон Шиле и Отто Дикс произвольно проецировали на реальные лица портретируемых свои личные переживания, свое ощущение современного человека, которого искренне ненавидели. И у них получались чудовища. А Рене Магритт мог теперь на мгновение задуматься о будущей смерти персонажей Эдуарда Мане и вместо счастливых родителей с детьми изобразить четыре гроба, один из которых, материнский, сидит на стуле. Но так как Магритт был великим художником, его картина случайно оказалась еще и символом смерти семейных отношений, которые отныне превратились в анахронизм.

Феноменология оказала свое влияние не только на новое искусство: теперь каждый мог поступать как заблагорассудится, в том числе и в сфере межполовых и внутриполовых отношений. Заново смотрит на любовь к женщине Владимир Маяковский, предлагая ей свое сердце следующим образом: «*Мария, дай!*» На что Мария отвечает: «*Знаете, я выхожу замуж*».

Плохо с новым взглядом на внесупружескую близость было не только у старомодной Марии. Способность к переоценке устаревших правил половой жизни хромала и у главного идеолога фашизма, отца пятерых детей, Йозефа Геббельса, который произнес перед сожжением книг Фрейда следующую возвышенную речь: «*За разрушающую душу переоценку сексуальной жизни и во имя благородства человеческого духа предаю пламени работы некоего Зигмунда Фрейда*». Но, во-первых, душа к тому времени была уже и так разрушена, и надо было навести порядок хотя бы в психике; во-вторых, кто бы говорил о разрушении душ и о благородстве человеческого духа, и, наконец, в-третьих, исчерпывающим ответом Геббельсу могла бы стать фатальная констатация популярного в начале века писателя Станислава Пшибышевского: «*Мы ничего не можем изменить в том факте, что в наше время душа проявляется только в отношениях полов друг к другу*».

«*Любить увели*», — говорит Маяковский про свою героиню. В «Помехе» Хармса ситуация чуть сложнее: Пронина и Ирину Мозер уводят в ОГПУ, помешав их совокуплению. «*Даешь на улицу*» — это последние слова, кото-

рые произносит старший ОГПУшник, вытолкнув из помещения неудачливых любовников. На этом рассказ завершается.

Как обычно у Хармса, почти идиотская ситуация оказывается сложным литературным фокусом. И только когда рассказ заканчивается, начинаешь понимать, в чем его секрет.

Конвой уводит Пронина и Ирину Мозер на расстрел. То есть он уводит их кончить в ОГПУ. Причем кончить по-большому, по-настоящему кончить. Ведь часто говорят люди после совокупления: «Сейчас бы умереть». Но это ситуация из обыденной жизни. В великую эпоху принято кончать навсегда — в ОГПУ.

В эту великую эпоху существовала даже реклама или, скорее, лозунг, призывающий к безопасному сексу. Что же иначе, если не что-то резиновое, имеет в виду Маяковский, который даже не предлагает, а приказывает с плаката:

Отправляешься к невесте?
Побывай в Резинотресте!

В антиутопии Замятина «МЫ» все дома прозрачные и существует День Совокупления. Прозрачные дома потому, что теперь человек теряет способность быть судьей самому себе: за ним необходимо следить снаружи. Следит за другими и он. Он следит за тем, хорошо ли следят другие за ним. А критерий оценки поведения отдельной особи — МЫ.

Теперь, когда Бога не стало, мир превратился в МЫР. И этим МЫРОМ управляет не Сверхчеловек, который в видениях Ницше должен был взять на себя обязанности Бога, а воплотившееся ОНО.

ОНО материализовалось в виде какого-нибудь сверхчеловечка, беспощадно манипулирующего массой, которая заслужила такое отношение к себе. Потому что сверхчеловечек, оказавшийся на вершине, олицетворял собой мечту низов. И он хорошо знал, что любой — снизу — вел бы себя точно так же, окажись он наверху — сверху человечков. Таким образом, многомиллионные жертвы войн и репрессий XX века, в принципе, не вызывали ни у кого никакого сострадания: толпа была несимпатична в любые времена, а в XX веке стали несимпатичными еще и умницы. Так как в XX веке стал несимпатичным сам ум.

Теперь никого больше не жалко. Потому что МЫР, показав осуществление самых сокровенных идей выдающихся умов Европы, оказался несостоятельным. Наиболее цивилизованные государства МЫРА — это хлебниковские Людостаны, представляющие собой совокупность законов и положений, которые все только пытаются обойти. А тот, кто, подобно Швейку, в силу врожденного идиотизма, следует им буквально и добросовестно, только доказывает нежизнеспособность этих правил. Над законопослушным кретином Швейком втайне хихикают даже сами чиновники. С помощью этого простого трюка тихий анархист-алкоголик Гашек показывает, что бы стало, если б все граждане соблюдали правила современных ему государств: они бы просто рухнули.

Но, к сожалению, не все были такими идиотами, как Швейк. Умницы, вроде Кропоткина, оттянули самоликвидацию мертвых систем. И если б

народы не буянили столько, а исполняли бы по совету Гашека все формальные правила механистических государств, те бы просто рассосались сами собой. Теперь же, из-за бесконечных пролетарских восстаний и крестьянских бунтов, под предводительством возвышенных умов, сверхчеловечки снова говорят нам: что лучше, рискованная свобода или спокойная полусвобода (здесь имеется в виду дилемма, перед которой, к сожалению, оказалась современная Россия)?

Женщина в государствах нового МЫРА, где больше нет патриархального уклада, уходит из семьи, бросая детей, как это сделала ибсеновская Нора в «Кукольном доме». Но теперь дети остаются без родителей, даже если родители не уходят. Потому что «*родителей они больше не любят, они потеряли веру в них*». Причину нелюбви и недоверия, о которых говорит Цвейг, объясняет Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце»: «*Взрослые никогда ничего не понимают сами, и детям без конца приходится им все объяснять*».

Освобождение женщины в XX веке отражается в необычном статистическом ежегоднике, издававшемся в Советской России 20-х годов. В соответствии с данными, которые в нем приводились, до 1917 года подавляющее число самоубийств были мужскими. Теперь же, к середине 20-х, женские самоубийства составили 50% от всех случаев суицида. Так, освободившаяся женщина получила еще и это серьезное преимущество, которое заключалось в праве добровольно уходить не только из дома, но и из жизни.

В этом же ежегоднике сообщается о следующем достижении нового времени: если в царской России применялись только архаические методы суицида — через повешение, вскрытие вен и т. п., то в годы советской власти использовались преимущественно новые технологии.

Родители, потерявшие мировоззрение, начинают внимательно наблюдать за детьми, учиться у них. В литературе XX века дети занимают особое место, которого прежде у них не было никогда. Может быть, образ ребенка так же часто встречается в эпоху античности, но только в качестве символа. И это тоже сближает Новое Искусство с античным больше, нежели со старым европейским. Последнее не интересовалось внутренним миром ребенка, если не считать редкие исключения, вроде повестей Чарлза Диккенса и «Алисы в стране чудес» Люиса Кэрролла (который, кстати, оказал большое влияние на Даниила Хармса). «*Мы привыкаем жить задолго до того, как привыкаем мыслить*», — пишет Камю. Поэтому ребенок не мог не интересовать экзистенциалистов. Точно так же он не мог не интересовать рационалистов. Естественный дар только что родившегося человека «заново смотреть» на окружающие явления, бессознательность первых пяти лет его жизни, его непосредственность и еще совсем недавнее пребывание на Том Свете, с которым пока не утрачена связь, не могли не вызывать уважения у обгадившегося мира взрослых. Дети, которые являются наглядным пособием становящегося Я, в лексиконе которых еще не существует слова МЫ, не могли не занять центрального места в искусстве в эпоху поголовного увлечения психоанализом.

Западная цивилизация Разума, который боготворили деятели Ренессанса, достигнув своей цели в начале XX века, принесла такое глубокое ра-

зочарование в разуме, что уважающий себя европеец готов был прикинуться полным идиотом, нежели выдать хоть малейший признак врожденного здравомыслия. «*Почему*, — возмущался Лев Шестов, — *"Я" должно подчиняться "мудрости", которая насилует самое сильное его желание?*» И это возмущение Шестова было возмущением ребенка.

Инфантилизм становится правилом нового поведения и каноном современного искусства. Детям посвящается целый цикл песен позднего Густава Малера: 12 песен из «Волшебного рога мальчика», «Песни об умерших детях», «14 песен и напевов юношеских лет». Концерты и симфонии Дмитрия Шостаковича пронизаны дадаизмом, который уже давно царит в изобразительном искусстве. Обериуты говорят только от имени ребенка, к которому относятся с уважением, как к «естественному мыслителю». А один из них, Даниил Хармс, описывает убийство «естественного мыслителя» учителем-стародумом.

В рассказе «Окно» ученица, умученная строгим педагогом, умирает в классе, «*не докончив образования*». Умирает тайком, что особенно возмущает старого педагога. Душа девочки улетает в окно. И в этом насилии над существом ребенка становится очевидной вся глубина и серьезность отвращения Хармса ко всему взрослому.

«Душа ребенка» — название повести Германа Гессе, в которой он пробует восстановить свои первые детские ощущения, заглянув в самую глубину подсознания младенца. А его интеллектуальный (точнее — «интеллигибельный») роман «Игра в бисер» унижает интеллект уже с помощью античного символа «танцующего мальчика».

Исследованию детского мира посвящены сборник новелл Стефана Цвейга «Первые переживания», рассказ Леонида Андреева «Ангелочек», пьеса Хармса «Елизавета Бам», повести Сартра «Детство вождя» и «Слова».

На Западе даже возникает отдельная область науки о детях, название которой хоть и соответствует предмету, но звучит совсем не по-детски: «педология». Основывается педология на метафизических представлениях о ребенке, из-за чего вызывает негодование в научных кругах СССР. Негодование это увенчалось постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года, и заголовок его звучал уже совершенно в духе «огазечивания и антилитературности», если не сказать — просто неприлично: «О педологических извращениях в системе наркомпросов». Наверное, если бы Владимир Маяковский не был к тому времени уже мертв, формулировку эту можно было бы вполне принять за строчку из его стихотворения. Ведь в поэзии Маяковского очень много какого-то необъяснимого, урбанистического эротизма, возникающего иногда из совершенно асексуальных атрибутов:

Я гайки делаю, а ты
Для гайки делаешь болты.

В этих «гайках и болтах» скрыта невыносимая боль, которую так никто и не смог понять. Даже самые близкие и чуткие люди были неспособны угадать ее причину, а только чувствовали ее и могли говорить только о ее проявлениях. «*Двенадцать лет подряд,* — пишет Марина Цветаева, — *человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил*».

Я человек, Мария,
Простой,
Выхарканный чахоточной ночью в грязную руку Пресни.
Мария, хочешь такого?

Интересно, как бы выглядела формулировка постановления Центрального Комитета ВКП(б) «О предсмертной воле поэта В. В. Маяковского», которая заключалась в следующем: «*Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо*». Ведь в соответствии со списком членов семьи Маяковского получалось, что у него две вдовы, и обе — замужние женщины.

«Руины», которыми Ибсен называл патриархальный Дом и которые человек его времени усиленно пытался скрыть за видимостью семейного благополучия, усложняли и так непростые отношения Толстого с собой. Его стремление к предельной честности привело писателя к смерти почти в поезде, на котором Лев Николаевич в очередной раз попытался сбежать от своей жены. Но даже если бы он умер дома, он бы умер все равно вне ибсеновского Дома.

Скитания стали крестом писателей новой Европы. Булгаков, Ремарк, Томас Манн и его брат Генрих, Герман Гессе, Сент-Экзюпери, Хемингуэй, Цвейг — их жизненный путь в самом деле был бесконечным вынужденным путешествием. «*Лишь теперь,* — пишет Цвейг во «Вчерашнем мире», — *став скитальцем уже не по доброй воле, а спасаясь от погони, я ощутил это в полной мере,— человеку нужна исходная точка, откуда отправляешься в путь и куда возвращаешься вновь и вновь*». О том же пишет в письме к сестре измученный вечным бегом Булгаков: «*Не удивляйтесь моим скитаниям, ничего не сделаешь. Никак нельзя иначе. Ну и судьба! Ну и судьба!*» А это отрывок из другого его письма: «*Недавно в поездке в Москву и Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть Все воочию видел и понял окончательно, что произошло*».

Через три года после смерти Толстого и за год до начала Первой мировой войны Казимир Малевич создает свой «Черный квадрат». Вербальным аналогом этого отсутствия изображения мог бы стать рифмованный хармсовский бред: «*Вижу мрак, вижу мрак, вижу мрак — дурак...*» Видимо, под дураком подразумевается тот, кто его не видит. А может, это сам мрак какой-то дурной. Этот дурной мрак видел Освальд Шпенглер, когда писал о закате Европы. Дурной не потому, что европейская культура должна была жить вечно, а не умереть в положенное время, как умерли культуры Египта или античности. Дурной этот мрак потому, что Шпенглер не видел никакой другой цивилизации, приходящей на смену европейской, кроме американской цивилизации комфорта. Двигателями этого нового общества были две отрицательные силы: лень и жадность. Последняя, по мнению Декарта, заставляет человека выкапывать глубокие колодцы. Что же касается лени, то она заставляет американскую цивилизацию прилагать нечеловеческие усилия, чтобы в результате отдаться ей с головой.

И лень и матерь вдохновенья
Равновеликая с трудом
С нездешней силой упоенья
Возьмет в ладонь державный лом.

Но Хлебников говорит о «нездешней», «не русской» лени. Эта лень американская — «*равновеликая с трудом*». Русская лень выражается не в любви к труду, а в любви к поучению.

«Ночь перед Советами» — этим библейским названием Хлебников озаглавил свою поэму об Октябрьской революции. Таинственная, мрачная сказочность хлебниковского названия вызывает сразу две ассоциации: «Тайная вечеря» и «Варфоломеевская ночь».

И что это за страшные Советы грядут после этой темной Ночи? Кому будут Советовать? А главное — Кто?..

В другом пророчестве будетлянин Хлебников описывает видение уже совершенно конкретного события будущего мрака:

И небоскребы тонут в дыме
Божественного взрыва
И обнят кольцами седыми
Дворец продажи и наживы.

«Небоскребы», а не «небоскреб». И не какие-нибудь небоскребы, а те, что олицетворяют собой мировую торговлю.

Дмитрий Мережковский описал иную картину грядущего мрака: он предсказал в недалеком будущем царство посредственности, которую он назвал дьяволом. Даже не тем Сатаной фаустовской культуры, который вызывает содрогание, а мелким бесом Федора Сологуба, к которому можно относиться только с огорчением. Быть может, именно в этом пересекаются два разных видения будущего мрака: педантичного — немецкого — и мистического русского. Царство обывателей, шопенгауэровских филистеров, ницшеанских домашних животных, сологубовских недотыкомок, гурджиевских машин.

На самом деле ничего неожиданного в Европе не случилось: методичная работа выдающихся европейцев принесла те самые плоды, о которых они мечтали в эпоху Возрождения. Заработали автоматы и человекокосилки Леонардо да Винчи, взлетели его крылья, застреляли его пушки. Воплотился и фантастический проект идеального общества равноправных граждан, описанный Томасом Мором в диалоге «Утопия» и в трактате Кампанеллы «Город Солнца». Правда, кампанелловский коммунизм, исключающий частную собственность, в России поняли по-своему (то есть как «идеальное общество», в котором за воровство не сажают). Осуществилась даже самая сокровенная идея Ренессанса, которая заключалась в переплетении искусства и техники: был изобретен кинематограф.

Кинематограф передвинул художника на второй план, поставив его за кинокамеру и сделав его зависимым от завода. Сколько бы мы ни говорили о неповторимом ви́дении мира каждым отдельным человеком, главной профессиональной задачей живописца до изобретения фотографии и кинема-

тографа было возможно более точное воспроизведение реальности. Стремление к абсолютной объективности как раз и отличало мастера от обычного человека: он не имел права на «свой» взгляд (так же как философ не имел права на интеллектуальный произвол). Отныне точному оптическому прибору можно было противопоставить только «капризный» реализм импрессионистов. И то, что импрессионизм возник почти одновременно с изобретением фотографии, — не простое совпадение. Потому что импрессионизм — это месть фотоаппарату. Правда, позже фотография сама стала «капризной». Тогда художники попробовали унизить ее, занявшись беспредметной живописью. Иные же, подобно Александру Родченко, вовсе бросили живопись и взялись за фотоаппарат. Но когда благодаря таким, как Родченко, фотография стала еще и беспредметной, загнанному в угол изобразительному искусству оставалось только разрушить саму основу фотографического изображения, противопоставив ему живопись гиперреализма.

Несмотря на отчаянные попытки доказать свою незаменимость, теперь живописцы были уже не так необходимы при дворах и превратились скорее в предмет роскоши. Это бесило Сальвадора Дали, объектом глубочайшей зависти которого был придворный фотограф Веласкес.

Кинематограф, в отличие от фотографии, обидел не только живописцев. Теперь, с изобретением кино, и композиторы, и писатели, и поэты ощутили себя прикладниками. То есть отдельные, самостоятельные области искусства начали служить этому сфинксу. Кроме того, фотография и особенно кино явились тем пугающим зеркалом, в котором злодеяния Первой мировой войны отражались с оскорбительной откровенностью. Теперь война — это уже не мифологизированный литературный пересказ, в котором незлопамятный писатель и время, стирающее подробности, рисуют нам героическую картину самоотверженности и отваги; это и не величественное живописное полотно, изображающее и поэтизирующее средневековую битву рыцарей при какомнибудь Гудбрандсдале. Омерзительный документализм кинохроник Первой мировой заставлял всех сколько-нибудь чувствительных людей возненавидеть реальность. Ведь если итог рационалистической культуры Европы — первая в истории человечества мировая война, то лучше бы разума не было совсем. А если он все-таки есть, от него нужно срочно отказаться.

Когда в 1910 году Лев Толстой прекратил свою разумную деятельность в результате смерти, ее прекратили и все живущие умницы новой эпохи. Разум похоронили вместе с великим мыслителем. Сделали это супрематисты, сюрреалисты, футуристы, обериуты, один из которых, Николай Заболоцкий, даже произнес возвышенную надгробную речь:

Между безумьем и умом,
В пустыне смысла мы построим дом —
Вместилище миров, невиданных доселе...
Поэзия — есть мысль, устроенная в теле.

Таким образом, если мысль еще и есть, то она — только поэзия. Или — поток сознания. Но ни в коем случае не научный трактат, не этический свод, не учение об обществе, — то есть ничего из того, чем занимались до

этого Августин, Фома Аквинский, Леонардо да Винчи, Кампанелла, Гоббс, Руссо, Маркс, Ницше или Толстой. Лучше пусть вообще не будет умниц, чем будут те, именем которых будут пользоваться негодяи, подобно тому, как использовала тексты отцов церкви и богословов инквизиция, Маркса — Ленин, Ницше — Гитлер. Лучше пусть вообще не будет изображения, нежели будет изображение оторванных конечностей в кинохронике.

Да будет «Черный квадрат»! Это высшее, что может изобразить человек. То есть ничего не изобразить. Пускай лучше на бумаге записана абракадабра, нежели хладнокровный рациональный текст о правилах ведения войны.

Никогда
Ничего не хочу читать.
Книги?
Что книги!

Позже Владимир Маяковский не захочет и писать. И вплотную приблизится к супрематизму, которым Казимир Малевич объяснил свое нежелание рисовать. Потому что «супрематизм» — производное от «супремус», что в переводе с латинского означает «наивысший». Если распространить это понятие на человеческое общество, то наивысшее общество — это общество, которого нет. «Черный квадрат» Малевича выше беспредметных композиций Кандинского, так же как высшая музыка — это не гамма, а тишина. Отсутствие разума лучше его подобия, то есть параноидального ума. Лучше, чтобы разум замолчал, чтобы наступил полный покой. А наивысшее благо — это полное исчезновение человеческого существа с лица земли.

Квадрат Малевича еще можно было бы подписать словами Поля Элюара: «*Ясновидение в наше время предвещает только тьму*».

Вторая мировая война явилась той самой «второй точкой», которая в геометрии указывает направление линии. Теперь уже Стефан Цвейг не мог сказать, что Первая мировая была «лишь сбоем в вечном движении Вперед и Вперед». И если б Цвейг не покончил с собой в 1942-м, он бы, наверное, сделал это в 1945-м, увидев ядерный взрыв, самоуверенно снятый человеком на кинопленку. Это многоточие в конце фаустовской цивилизации было еще и концом футуризма. Потому что теперь у человека не осталось ни одной мечты.

«*Но только я понял, что я вижу мир, я перестал его видеть. Я испугался, думая, что мир рухнул. Но пока я так думал, я понял, что если бы рухнул мир, то я бы так уже не думал. И я смотрел, ища мир, но не находил его. А потом и смотреть стало некуда*».

Так Даниил Хармс описывает конец своего «МЫРА».

P. S. То, что жизнь в Европе продолжается, означает, что в вышеизложенных наблюдениях многое опущено или просто упущено. Это можно объяснить максимализмом, свойственным нашему «евразийскому» мировоззрению — мировоззрению, склонному к догматизму и недиалектичности. Запутанные между Востоком и Западом и находясь из-за этого в вечно беспокойном состоянии, мы порой предпочитаем отдаться абсолютной безысходности, нежели признать скучную истину о том, что жизнь — это нечто среднее.

ФИЛОСОФСКАЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

в русской периодике второго квартала 2007 г.

Кого только ни хоронили в XX столетии!

Началось еще с Ницше, сказавшего «*Бог умер*», а дальше — цепная реакция: «умерли» автор и читатель, искусство и субъект — т.е., по сути, сам человек... Сегодня же в мире, похоже, уставшем от констатации всевозможных смертей, все более модным становится говорить о всевозможных ренессансах: религиозном, консервативном и т.п. **Станислав Яржембовский** констатирует **РЕНЕССАНС ТЕЛЕОЛОГИИ («Отчего или зачем?»** — «Звезда», № 4). Телеология — представление, согласно которому бытие целесообразно и все сущее стремится к состоянию исполненности, завершенности. Телеология, пишет автор, в известном смысле противостоит причинности. Если причинность (ищущая ответ на вопрос «*отчего*») утверждает, что настоящее «выталкивается» прошлым в будущее, то телеология (отвечающая на вопрос «*зачем*») — что настоящее «вытаскивается» будущим из прошлого. Или так: с точки зрения телеологии, не элементы формируют из себя целостность, а, наоборот, целостность в своих «высших интересах» группирует элементы. Телеология как объяснительный принцип, напоминает Яржембовский, безраздельно господствовала в религиозную эпоху, тогда этот принцип назывался «*промыслом Божьим*». Причинностные объяснения явлений природы вышли на первое место лишь с возникновением экспериментальной науки (начиная с Галилея и в особенности после Ньютона). Но вскоре везде, кроме механики, строгий причинностный детерминизм дал сбой, и чем выше поднимаемся мы по лестнице бытия, тем более сомнительным представляется принцип причинности и тем более правдоподобным — телеологический принцип: «*Подобно тому как в небытии нет никаких оснований для возникновения бытия*, — пишет автор, — *так же и в неживой природе нет ничего такого, что вынуждало бы ее создать живое, а сама жизнь совершенно не обязана автоматически порождать из себя разум*».

О телеологии говорит и современная наука — в частности, физика и биология. Получил поддержку телеологический подход и со стороны недавно осознанного антропного принципа: фундамент мироздания по непонятным причинам оказался сконструированным именно таким образом, чтобы наиболее эффективно поддерживать высшие формы бытия. Логично было бы посчитать, что такое положение сложилось в результате эволюции. Однако вот какой парадокс. Если двигателем эволюции считать способность организмов приспосабливаться к среде обитания, то слишком хорошее приспособление годилось бы лишь на малое время. При долговременной эволюции оно оказалось бы для организма фатальным: ведь состояние окружающей среды может изменяться внезапно и кардинально. То есть, оказывается, что принципом макроэволюции должна быть не максимальная, а, напротив, минимальная приспособленность организма, наличие у него «*не-*

ких невостребованных в существующих условиях качеств, не только совершенно бесполезными, но, возможно, даже и вредных для актуального приспособления».

Схожие принципы, как показывает Яржембовский, действуют и в сфере социальной жизни. Так, если религиозная эпоха связана с принципом минимальной приспособленности (человеческая жизнь — не самоцель, а приготовление к задаче поважнее, так что оптимум оказывается за пределами максимальной приспособленности к миру сему), то безрелигиозный гуманизм выдвигает максималистский ***принцип Бентама***: *максимальное благо для максимального количества людей* — причем не в отдаленном будущем, а *здесь* и *сейчас*. Но, какая бы ни была эпоха на дворе, для эффективного управления обществом необходимо найти оптимальную сумму материальных и нематериальных благ. При этом неизменно оказывается, что удовлетворить материальные потребности (даже при безграничном их росте) куда легче, чем нематериальные — хлеба всегда требуется меньше, чем зрелищ. Так что, пишет автор, сегодня принцип Бентама следовало бы переформулировать так: «*максимальное количество развлечений для максимального количества людей*», — тем более, что именно этот принцип управляет нынешним безудержным ростом поп-культуры и СМИ, он же служит и наиболее эффективным стабилизатором общества.

Религиозная же этика в бентамовскую социологию не вписывается, ибо (в отличие от законнического «права», предъявляющего нам полный каталог всех разрешенных и запрещенных поступков) «*дает человеку в качестве руководства один-единственный, но зато универсальный телеологический принцип: действуй так, чтобы твой поступок сохранял свое основание в любой другой системе отсчета, а не только связанной с твоей драгоценной личностью*». Это означает, пишет Яржембовский, что индивидуальная свобода не абсолютна, но ограничена интересами целостностей. Как «максимум максиморум» это выражается в кровной заинтересованности в исполнении божественного задания (понятное дело, — для людей религиозных), чуть ниже на этой лестнице целей и ценностей — выживание своего отечества, всей биосферы, человечества как целостности... И найти «золотую середину» между совершенно законными запросами различных иерархических структур бытия — путь по лезвию ножа.

Михаил Эпштейн, продолжающий «*исследовать Писания*», обнаружил **ЕЩЕ ОДНО ПРОЯВЛЕНИЕ ТРОИЧНОСТИ БОГА**, прежде ускользавшее от внимания даже самых авторитетных толкователей Библии (**«"И увидел, что это хорошо" (О саморадовании Творца)»** — «Слово\Word», № 54). Троичность присуща самому процессу творения, в ходе которого неизменно выявляются три стадии: «*сказал Бог*», «*сотворил Бог*», «*увидел Бог, что это хорошо*». То есть между божественным «выговариванием» мира, задумыванием его в слове и воплощением слова нет предопределенности. Отсюда и возникает необходимость третьего — *взгляда*: «*То, что труд творения затем оценивается самим Творцом, свидетельствует о непредсказуемости результата, о свободе, заложенной в самом акте творчества <...> «Хорошо» означает меру совершенства творения в соотнесении с мерой его свободы: оно «получилось», «случилось» в некоторой независимости от Творца, а затем одобрено им уже в меру*

его отдельности, самостояния, на расстоянии оценивающего взгляда». Эта троичность сотворения мира, по мнению Эпштейна, «*предвосхищает собой ту трехипостасность Бога, которая позже выявилась в христианском вероучении. Причем три ипостаси: Бог-Творец, Сын-Слово и Дух-Утешитель (тот, кто утешает, т. е. говорит «хорошо»), будучи нераздельными, вместе с тем свободны по отношению друг к другу, взаимно невыводимы и несводимы, что и объясняет троичность самого процесса миротворения*».

О том, насколько архетипически глубока и устойчива указанная троичная схема творческого акта, как считает Эпштейн, свидетельствует и то обстоятельство, что «*впоследствии она многократно воспроизводилась в светской культуре, особенно в идеологиях, сконструированных по образцу теологий*». Так, поэма Маяковского «Хорошо!» сознательно или бессознательно использует ту же библейскую формулу: революция как сотворение нового мира, который «удался», вышел на славу по слову и делу основоположников — теоретиков (Маркса-Энгельса) и практиков (Ленина-Сталина) — и теперь подлежит оценке и удостоверению самого поэта как «третьей ипостаси» единого *коммунного божества*.

«Наука немыслима без поэзии» — убежден **Александр Мелихов**, развивающий эту тему в одноименной статье («Звезда», № 5). Правда, **РОССИЙСКОЙ НАУКЕ**, не до стихов: ее ужасающее положение давно стало общим местом. Бессмысленно выяснять, *глупость это или измена*. Куда важнее ответить на вопрос «*что делать?*». Вот автор статьи и пытается понять, как обстояло дело в других государствах, какая сила заставляла и заставляет тамошние власти поддерживать науку. И замечает: эпохи подъема науки всегда бывали и эпохами огромного уважения к науке, — и не со стороны простонародья, а, прежде всего, со стороны властной и родовой аристократии. Впрочем, и ученые пеклись вовсе не об интересах масс (при том, что многие из них в буквальном смысле облагодетельствовали и современников своих, и потомков); их попросту влекло непреодолимое стремление к знанию. Наука была для них не столько полезным, сколько бессмертным и святым делом, как для поэта — его искусство, отыскание единственного и прекрасного слова. Но такого рода *поиски красоты*, оказывается, свойственны не только творцам. Мелихов утверждает, что это и есть главный рычаг давления науки на общество: она рождает восхищение и гордость за человека, в чем и состоит ее едва ли не важнейшая социальная функция. Ведь «*потребность ощущать себя красивым и значительным, причастным чему-то великому и бессмертному ничуть не менее важна, чем потребность в комфорте и безопасностиИ наука (наряду с искусством) дарит тем, кто сумеет ею очароваться, может быть, самые сильные грезы, позволяющие ощутить жизнь чем-то значительным и не заканчивающимся с нашим личным существованием*». Но если прагматизм, столько лет внедрявшийся у нас как высшая государственная и политическая мудрость, окончательно убьет в обществе остатки идеализма, то вслед за ними умрут и «*приличия, требующие этот идеализм имитировать*», то есть *исчезнут последние стимулы беспокоиться о науке и культуре*». Стало быть, возродить уважение к науке можно лишь через возрождение антипрагматической культуры. А это — задача на годы, если не на десятилетия. Причем задача именно государствен-

ная, поскольку в мнении народном, замечает Мелихов, любовь к науке несоизмеримо уступает любви к футболу. Зато правительство у нас хоть и не *единственный европеец* (как определял современную ему ситуацию Пушкин), но европеец в гораздо большей степени, чем тьмы и тьмы электората. Или, по крайней мере, больше заинтересовано в престиже страны.

На многовековую российскую традицию самодержавия, концентрации власти в одних руках указывают часто и в разной тональности: одни сетуют, что она мешает стране двигаться по пути развития, другие видят в ней государственный идеал. При этом зачастую уравниваются фигуры **МОНАРХА и ДИКТАТОРА**. Но корректно ли о любой тяге к сильной и тотальной власти говорить как о монархической традиции? И как быть в случае, когда единовластие лишено сакральных признаков монархии вроде пожизненности, престолонаследования или венчания на царство? Прояснить это пытается **Эдуард Зибницкий** (**«Монархический принцип и власть»** — «Новый мир», № 4). То, что упомянутыми признаками можно пренебречь, подтверждает, казалось бы, и такой классик монархической мысли, как Иван Ильин (1882-1954), для которого главное — не формально-юридические, а некие символические признаки, — и прежде всего *олицетворение* в фигуре монарха неких ценностей (государства, народа, высшей идеи). Но, замечает Зибницкий, олицетворял «германский дух» Гитлер, олицетворял «великую идею» Сталин; однако у Ильина оба они непоследовательно обойдены вниманием: видимо, философ предпочитает быть непоследовательным, нежели увидеть в Сталине нового царя. Стало быть, делает вывод автор статьи, олицетворение — вовсе не исключительная привилегия монархий. Что же тогда? Зибницкий таким специфическим признаком считает *публичность* жизни монархов, принципиально отличающуюся от табуированности всего, что связано с личной жизнью диктаторов. Так, в истории представителям царских фамилий далеко не обязательно обеспечивается безупречно-героическая репутация. Пример чему хотя бы Михаил Романов — согласно источникам, личность довольно заурядная, не сравнить с Кромвелем, Лениным или Сталиным (сколь тщательно скрывались от народа подробности частной жизни и малейшие, даже внешние недостатки «кремлевского горца» — известно). По мнению Зибницкого, все дело в разной природе монархии и автократии. «*Если восшествие на престол монарха — дело случая (или Высших сил), то республиканский лидер, никак не связанный с правом престолонаследия, приходит в историю потому, что он объективно востребован, и он лично адекватен возложенной на него роли и тем самым равен себе, лично, субъективно тождествен своему статусу, своему исключительному положению. Именно личность как эмансипированная социальная единица и ее буржуазные качества и добродетели становятся единственным фактором легитимности. Если монархия традиционно воплощает блистательное вселенское постоянство, вселенский универсализм, то буржуазный тип лидерства — драму борьбы, становления, преобразований и побед*». Из этого следует вывод о том, что культ личности как политический институт — явление западное, обусловленное западным рационализмом, утилитаризмом, секуляризмом и индивидуализмом. Монархия же — типологически нечто совершенно иное, поскольку она не связана с личностью властителя и воспроизводится в

бесконечной череде престолонаследников. Монархия — это культ престола, если угодно, культ места, поэтому она изначально и связана с земледельческим укладом, с землей. Существо монархии — «*странное эфемерное бытие между неестественной и страшной человеку абсолютной властью и конечностью, смертностью царя, его подверженностью всем человеческим превратностям*». Диктатор же — человек, которого «не место красит», по титулу он скромный «секретарь», «председатель», «канцлер» — все это совершенно «технические должности». И в то же время он — единичен, исключителен. Отчего и смерть диктатора, как правило, приводит к серьезному кризису власти — что, по словам Зибницкого, «*изначально призван исключить самый механизм монархии*».

Но опасен не только посмертный кризис власти. Не менее опасен и сам прижизненный культ личности, поскольку он есть не что иное, как проявление взвинченности и неустойчивости общества. Именно это имеет место сегодня: «*Культ личности Путина в России был создан бюрократией, которая соскучилась по «стабильности» — когда, фигурально выражаясь, понятно, перед кем вилять хвостом и на кого гавкать. Культ личности президента — это самый простой способ заявить о своей лояльности, когда ресурсы в стране распределяются именно по этому принципу. Но массы этот культ подхватили — значит, была психологическая потребность*, — пишет Зибницкий. — *Дело, конечно, не в монархических традициях, которых уже нет после катка большевизма, а в кризисном, болезненном состоянии общества*». У нас, замечает автор статьи, культ личности даже имеет разные уровни: на почетном месте можно узреть портрет не только президента, но, к примеру, и главы администрации района. И понятно, что объекты этого микрокульта — никакие не «национальные символы», а сам культ — не символическое олицетворение чего бы то ни было, а результат «*стихийно возникающих социальных связей по принципу ориентации на силу, характерных для хаоса и беззакония*». Нельзя не заметить, что все это очень отличается от монархии.

Минувший век иногда называют веком идеологий. Оказывается, в веке наступившем это понятие вновь востребовано. Так что же такое **ИДЕОЛОГИЯ**, каковы ее социальные функции? Во многообразии суждений по этому поводу пытается разобраться **Александр Филиппов** в интервью **Виталию Куренному** («**Эпоха карнавала**» — «Политический журнал», №13-14). Идеология, считает он, может быть частичной или тотальной, и если первая создается умышленно, вторая возникает сама собой как выражение мировоззрения эпохи. Сегодня предпосылок для возникновения и воспроизводства идеологии в классическом смысле слова нет. И не только благодаря возникшей информационной среде — своеобразному смысловому супермаркету, где индивид может сам найти удовлетворяющие его ответы, а значит, не испытывает необходимости обращаться к центрам политической или интеллектуальной мощи. Если раньше ценностные суждения, вокруг которых строились идеологии, носили характер этико-политический (идея свободы, развития человека — или, наоборот, ценности рода, расы, национальной культуры), то теперь, чтобы приобрести мобилизующие свойства, суждения такого рода должны быть *эстетическими* в примитивном смысле слова, т. е. возбуждать чувственность: «*морально-политическая концепция, которая*

вслед за Кантом пытается апеллировать к категории долга, провалится, а та, которая будет тем или иным способом работать с возбуждением чувств, с многообразием опыта, выиграет».

Почему же, тем не менее, все же озвучивается запрос на идеологию? Дело в том, считает Филиппов, что, во-первых, аппарат, по привычке пытающийся изобрести идеологию для граждан, дабы они вели себя более послушно, сам является жертвой идеологии. Кроме того, сегодня в идеологию пришлось бы включить слишком много аспектов современной жизни, которые, сосуществуя в реальности, стали бы взаимоисключающими в одной идейной системе. Например, философия демонстративного потребления в среде правящих классов и те достаточно скромно стандарты, которые могли бы стать идеалом для большей части общества.

В этой ситуации ресурсом нынешней политической борьбы становятся не целые идеологии, а их куски или обрывки. Впрочем, некоторые умельцы достигли виртуозности и здесь — так, российские коммунисты с успехом используют в своих целях то радикальный национализм, то православие. Что же касается главных игроков на политическом поле современной России, с ними тоже все ясно. *«Они нажимают на рычажок идеологии ровно тогда, когда это позволяет возбудить мотивационный ресурс у потенциальных избирателей. Если же это оказывается бесполезным, то они на него и не давят».*

Россия, убежден **Сергей Земляной**, страна идеологическая (**«Утилизация катарсиса»** — «Политический журнал», № 13–14). Лишь по причине незнания России в Конституции РФ 1993 года могла появиться известная статья 13, утверждающая идеологическое разнообразие и невозможность государственной или обязательной идеологии. Незадача получилась тут же после вступления Основного закона в силу, когда президент Ельцин внезапно заявил об острой необходимости обзавестись в нашем государственно-общественном обиходе чем-то вроде «национальной идеи». С другой стороны, пишет Земляной, в современном российском обществе с его расслоением и атомизацией отсутствует социальный носитель идеологии, могущей предложить народу систему приоритетов и ценностей. Видимо, отсюда проистекает неустойчивость идеологии, которую автор иллюстрирует на примере Союза Правых Сил, вынуждаемого поступаться либеральными принципами и идти на не совместимый с ними популизм. Чем же может и должна быть идеология сообразно вызовам эпохи? Ответ на этот вопрос, по мнению автора, дает концепция Антонио Грамши и его последователей. Согласно этой концепции, наиболее действенной идеология является при наличии двух главных условий: 1) когда она выступает в суггестивном обличье мифа; 2) когда она находит конкретное претворение в фигуре макиавеллиевского Государя — общенационального лидера — и в стоящей за ним политической партии с идеологически выдержанной программой. Однако большой политики не может быть без этико-политического пафоса, как не может быть большого искусства без совершенной художественной формы: *«Этико-политический момент является в истории тем, чем момент формы в искусстве. Это — «лиричность» истории, «катарсис» истории».* Так что, как видим, мечты о поэзии не чужды и политологам, а не только ученым (см. выше).

А вот **Алексею Чеснокову** не до прекрасных мечтаний. Он под разговоры об идеологии старательно роет могилу **ЛИБЕРАЛИЗМУ** (**«Либерализм как политическая эвтаназия»** — «Политический журнал», №13-14), в чем, впрочем, не оригинален. Для Чеснокова «*никаких внятных постулатов у самой теории либерализма нет — вся его история есть игра жаждущего то вечной славы, то временных благ ума*». Симпатии к идеям свободы, равенства, братства довели, по мнению автора, Европу до логического конца. Тут выдается весь «джентльменский набор» признаков умирания: десуверенизация и демаркация, иммиграция и обвал европейской культуры, фактическое отрицание христианства, узаконение убийства: эвтаназия и аборт, перверсии, наркотики... В общем, «*либерализм в силу своего существования практически уничтожил Европу*». А кто виноват? Правильно, США: это они сделали Европе либеральную инъекцию ради ее эвтаназии, в то время как несчастной казалось, что это ее собственный выбор. Теперь же — очередь за Россией: финансируют нехорошие американцы в ней секты да марши несогласных... В общем, старая песня, и выглядит все это до тоски замшело. Ну скучно же, господа...

Свято место пусто не бывает: хороним либерализм — воскрешаем **КОНСЕРВАТИЗМ**. Этим, впрочем, тоже не слишком оригинальным делом пытается заняться **Илья Бражников** (**«Удержание идентичности»** — «Политический журнал», № 13–14), приписывающий Сталину образ «*социалистического Константина*», осуществившего частичное соединение православия, сильной верховной власти и социализма. К Сталину Бражников вообще питает нескрываемый пиетет, поддерживая известную концепцию: «*Подмороженная политически, Россия при Сталине стремительно развивалась в других сферах. Так же стремительно (как покажут цифры) она развивалась и при других «подмороженных» режимах — в частности, при Александре III и Николае II. И остановлена была Россия на несколько лет в 1917 г. в результате политической "разморозки"*»... Почти все в статье, на самом деле, достаточно известные вещи (ибо много раз и много кем говорились), хотя и симптоматичные. Кроме «*терапии холодом*», консерватизм, по определению Бражникова, — это последовательный антиэгалитаризм: это только перед судом Всевышнего может быть равенство, во всем же остальном — неравенство, иерархия. Называет Бражников и наиболее перспективный путь утверждения консерватизма, который только и может спасти Россию как самостоятельное образование в качестве господствующего мировоззрения: «*Власть должна отказаться от «толерастической» «россиянской» риторики и открыто встать на сторону русского большинства, не ущемляя при этом интересов коренных народов России*». Та же ставка на русское большинство должна, по мысли автора, стать прививкой и от «национал-оранжизма», который, ясное дело, есть орудие врагов России.

Однако среди прочего Бражников задает вопрос явно по существу: если призвание консерватизма — развитие национальных начал, сохранение идентичности, то в чем эта идентичность состоит? Другими словами, что, собственно говоря, консерваторам «консервировать»? В самом деле, согласимся: ведь идентичность — вообще некое ускользающее понятие, поскольку реальный мир не статичен. Где, например, искать идентичность России до-

петровской, петровской и так далее, вплоть до постсоветской? Эту проблему какой-то мере чувствует и Бражников, осознавая: если консерватизм — политика преемственности неких неизменных начал, то в условиях радикального разрыва с предшествующим советским периодом, который, в свою очередь, стал результатом еще более радикального разрыва с Россией императорской, консервативное решение осуществить очевидно нелегко.

Правда, на решение тут же дается «тонкий» намек: по проанализированным авторам данным, «*абсолютное большинство граждан России разделяет консервативные ценности*». Такими ценностями являются: 1) крепкое государство; 2) национальные интересы; 3) производящая экономика; 4) русские культурные традиции; 5) нравственность. Все эти идеи легко объединяются автором в понятии «*русский консерватизм*». Возникает, однако, соблазн проанализировать и этот «джентльменский набор». Что такое, к примеру, национальные интересы? Ведь ни у кого нет монополии на их определение, и ничто не мешает считать более соответствующими интересам нации именно либеральную, а не консервативную политику. А что означает голосование большинства за нравственность в стране, где реальная нравственность тотально деформирована (скажем, по части жизни по двойным стандартам мы уж точно имеем с советским временем хорошую преемственность) — тоже очень большой вопрос. Так что прав Бражников: не так это просто — удержать идентичность. Особенно, если не вполне понятно, что это такое.

Чтобы поднять напоследок планку, обратимся к «социологической лирике» ведущего деятеля Левада-центра **Алексея Левинсона**, затрагивающей актуальную ныне тему **РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА ПО ЭТНИЧЕСКОМУ ПРИНЦИПУ («Не нация, а профессия. К разговорам об этническом предпринимательстве»** — «Неприкосновенный запас», №1 (51)). Подле каждого народа, замечает автор, есть племя, народность, нация, которая в его глазах выглядит не только национальной, но профессиональной, экономической группой. Занятия этой группы всегда — из тех, что одновременно востребованы хозяйственными, бытовыми, культурными потребностями данного народа, но отвергаются его же нравами и моралью (это может быть торговля, врачевание, гадание и колдовство, предоставление наркотиков и пр.). Сегодня отношения между национальными образованиями и группами регулируются правом на принципах равенства субъектов. Но нередко провозглашенный закон идет вразрез с установками этих групп в отношении друг друга. По большому счету, «*современное законодательство не умеет регулировать отношения, в которых субъекты — не индивиды, а коллективные образования без юридически определенных границ и с заведомо неравным статусом. Они существуют во взаимно-непризнаваемых ценностно-культурных пространствах, пересекаясь в точке практической необходимости друг в друге, она же — точка вражды. Эта вражда регулярно взрывается эксцессом: погромами и резней*». И достаточным барьером тут не может служить даже наличие высокоурбанизированной космополитической культуры, либеральной традиции, гуманистических начал — всего того, что является антиподом ненависти к национально-профессиональному меньшинству.

Похоже, пишет Левинсон, эта не отрегулированная европейской правовой культурой форма отношений внутри социума представляет собой не-

кий мощный ресурс. Инокультурные диаспоры отыскивают ниши, не занятые основным этносом (и, вероятнее всего, наименее у него популярные), — и все же чаще всего оказываются в недружественном окружении. Так что важнейшей чертой таких меньшинств становится сплоченность. Одна из наиболее частых претензий тех, кто считает себя русскими, к тем, кого они считают евреями («кавказцами», китайцами и т.д.), состоит в том, что «*они все друг за друга держатся, друг друга протаскивают, а мы все поодиночке*». А высокий уровень солидарности есть очень существенное преимущество при конкуренции на рынках.

Остается вопрос о «предпринимательской жилке». Как считается, везде и всегда «этнические предприниматели» ее имеют, а обслуживаемые ими покупатели и потребители услуг — нет. Тем гордятся, но на то и обижаются. Понятно, как такая жилка может развиться в племенах, родах, семьях, из поколения в поколение не пашущих, не сеющих, а лишь торгующих и считающих выручку. Но в современных российских городах торгуют и считают выручку люди, у себя на Кавказе и в иных местах тому не учившиеся. В чем же дело? В той же принудительной солидарности, считает Левинсон: «*Экстраординарные социальные обстоятельства способны в короткое время повлиять на культурные нормы, управляющие социальным поведением. Пример русских челноков — тысяч учительниц и инженеров, честных советских служащих, сумевших за недели превратиться в успешных торговцев кроссовками и колготками, поясняет, как может произойти включение резервных программ, оказывается, хранящихся в культурном запасе «неторгового» народа*».

Напряжение, образующееся в результате взаимодействия «этнических предпринимателей» и их клиентуры, является соблазном для политиков. Тем не менее, как видится автору, они переоценивают его значимость. «Коренное население», которому «слуги народа» хотели понравиться еще больше, не преисполнилось благодарности. По данным «Левада-центра» за январь 2007 года, только 22% опрошенных сочли, что ограничения на торговлю иностранцев на российских рынках приведут к снижению уровня преступности, 25% ответили, что к увеличению, 37% — что никак не повлияют. Выяснилось также, что снижения цен в этой связи ожидают лишь 11%, а вот роста — 49%. Резюме автора: «*За последние годы многие российские политики пришли к убеждению, что чем менее цивилизованно действовать и выступать, в том числе — по национальному вопросу, тем больше будет поддержка со стороны «народа». Похоже, что этот ресурс они исчерпали. Теперь будет выигрывать тот, кто быстрее переучится*».

Обзор подготовил Дмитрий Матвеев

Наталья ШАРОВА

СТАРИК И БОГ

Если бы не Господь был с нами...
воды потопили бы нас.

Псалом 123: 1, 4.

Всякое событие издалека — символ, на этом и основано существование «объективных» символов. Абсолютно все, что с нами происходит, можно понимать как символы, как знаки. Символы — в быту. Поэтому все события можно понимать одновременно как символические и как реальные. Джон Габриэль Боркман в одноименной драме Генриха Ибсена живет наверху, его жена — внизу. В пьесе Ибсена они действительно так и живут, но их такое расположение в доме относительно друг друга является символом — Боркман духовно выше своей жены.

Хемингуэю дали Нобелевскую премию за произведение «Старик и море»* как раз из-за смысловой вечности этого произведения. Там слишком много «объективных» символов, чтобы не признать то общечеловеческое, что в нем есть.

История о старике и море — один из «вечных» сюжетов в мировой литературе. Может быть, этот сюжет можно приравнять к мифам. Символ — это окно. В окно мы видим продолжение нашего мира. Реальность предельно обобщена. Может быть, «вечные» сюжеты можно классифицировать по тому, о каком возрасте они говорят. В таком случае «Старик и море» — это последняя часть одного-единственного «вечного» сюжета.

Главного героя автор почти всегда называет «старик», хотя у него есть имя — Сантьяго. Сам старик тоже так себя называет. Такое наименование

* Рассказ «Старик и море» был опубликован в 1952 году. А в 1954 году Хемингуэю была присуждена Нобелевская премия по литературе «*за повествовательное мастерство, в очередной раз продемонстрированное в "Старике и море", а также за влияние на современную прозу*». В своей речи при вручении премии Андерс Эстерлинг, член Шведской академии, назвал Хемингуэя «*одним из самых значительных писателей нашего времени*». Высоко оценив последнюю повесть Хемингуэя, Эстерлинг сказал, что «*в этом рассказе, где речь идет о простом рыбаке, перед нами открывается человеческая судьба, прославляется дух борьбы при полном отсутствии материальной выгоды... это гимн моральной победе, которую одерживает потерпевший поражение человек*». — http://www.hemingway.ru/awords.html (*Ред.*).

Наталья ШАРОВА — родилась в 1982 г. в Москве. Закончила Факультет журналистики МГУ. Работает в информационном агентстве. Публиковалась в «Континенте» (№ 129). Живет в Москве.

подчеркивает, что речь идет о «неком старике». («Некий человек ехал из Иерусалима в Иерихон...» — начало притчи о добром самарянине).

(«Некий») старик. Важно, что он — старик, то есть это история — о возрасте. Ему помогает мальчик, у которого, кстати, тоже есть имя, но в мальчике важно, что он — мальчик. Ребенок. Они, старик и мальчик, — старый и малый. В старости люди приближаются к детству, они так же беспомощны, как дети, они смиряются и становятся детьми Бога, то есть они и раньше были ими, но забывали каждый день надеяться только на Его милость. Мальчик в тексте — ученик старика. Сказки нужны старикам и детям. Старики рассказывают сказки, дети узнают законы мира в обобщенной сказочной форме. Старики уже знают эти законы, они их прожили, поэтому понимают сказки. Им уже не нужно знать что-то конкретное. Какое-то конкретное мастерство, — им нужно уже жить не для общества, а для Бога.

Имя старика — Сантьяго. Его имя тоже символично, хотя, с другой стороны, оно и делает его реальным, менее обобщенным «стариком». Сантьяго: сант — святой, яго=эго (шекспировский Яго как суперэгоист). Сантьяго — святой человек. Произведение «Старик и море» — о том, как Сантьяго приближается к пути, который ведет к «святости».

Только старики могут просить у моря, про себя называя его «la mar», ждать чуда и не удивляться неудачам. Море — это символ жизни. «На мистическом уровне море — это наша жизнь, наш мир», — писал отец Георгий Чистяков в «Комментариях к Новому Завету». Один из способов понимания Евангелия — символический, то есть когда в Евангелии речь идет о море, предполагается, что речь идет о жизни в целом, о нашем «плавании» по жизни. После того, как Иисус накормил народ пятью хлебами, он поднимается на гору, а его ученики плывут по морю. Поднимается шторм. Ученики беспокоятся (версия Евангелия от Марка).

Если понимать евангельский эпизод с морем как символ, то получается, что море — это жизнь. Иисус насытил своих учеников духовным хлебом и пустил их жить самостоятельно, но они не смогли — испугались, им показалось, что Иисуса нет с ними, что он ушел или что он спит (другая версия того же самого события). Но В Евангелии не только море — жизнь, вода в целом — тоже жизнь. В Евангелии от Иоанна Иисус беседует с женщиной-самарянкой у колодца и говорит ей, что кто будет пить эту воду (из колодца), тот будет жаждать, а тот, кто будет пить воду, которую Он даст, не будет жаждать никогда.

Евангелие создано для всего человечества, поэтому в нем все символы — общечеловеческие, и поэтому мы можем утверждать, что расшифровка символа моря как жизни вообще характерна для человечества, ее можно встретить и в других религиях, в мифах. Существует и традиционная метафора — «море житейское».

Можно добавить еще два мифологических плана.

В астрологии планета Нептун — женского рода (астрология все делит на Инь — женское — и Ян — мужское). Нептун — та, которая управляет морем, морская царица, золотая рыбка. Нептун — старик, управляющий морем, — это уже заимствованный элемент из «вечного» сюжета о старике и море; старик, «слитый» с морем. (Потом посмотрим, управляет ли морем наш, хемингуэевский, старик, или же нет.)

Или же — другой вариант того же «вечного» сгустка смыслов. С образом Нептуна — женщины-моря — связан миф о богине-матери, рождающей и убивающей. Эта богиня-мать — символ жизни. Вода — тоже символ жизни. Перед рождением человек проводит девять месяцев в воде, то есть он рождается из воды. Смерть тоже связана с водой (человек погружается в воду реки, языческий обычай строить погребальные плоты, острова блаженных, которые можно достичь, преодолев водную преграду).

Итак, это история о старике и жизни. О жизни старика. Не о старости — состоянии, но об отношениях старых людей с жизнью.

Чтобы лучше понять суть этих отношений, вспомним еще одно очень известное произведение о старике и море — пушкинскую «Сказку о Золотой рыбке». В этой сказке тоже есть некий старик, который просит у моря-жизни. Наш старик, как мы помним, просит большую рыбу, поймать которую для него значит исполнить то, зачем он родился. Тот старик, из сказки, просит тоже разные блага, но уже не для себя, а для старухи: он как семейный человек думает не об исполнении своего одиночного предназначения, а о благе близкого человека. Но нашему старику ведь тоже рыба нужна, чтобы ее продать и чтобы накормить многих людей. В сказке этот момент спрессован-упрощен, потому что это сказка.

Оба старика просят у моря похоже: они оба верят в тайные числа (три и восемьдесят пять, — Хемингуэй ведь писал не сказку, поэтому магия чисел в его произведении соотносится с возрастом старика). Из-за жанровых особенностей «Сказки о Золотой рыбке» появляется Золотая рыбка — морская владычица, символ морской богини, Нептуна в женском роде. В реальной истории Хемингуэя никакой владычицы нет. Там все иначе, все настоящее. Там старик просит у Бога. Он молится.

Вера — это ключевое понятие в произведении «Старик и море», мы со временем это увидим.

Золотую рыбку из языческой сказки можно понимать и как судьбу, как символ судьбы, у которой покупают. Покупка происходит в обоих случаях. Старик из сказки отпускает рыбку, потому что она говорит, что «пригодится». Может быть, конечно, он отпускает ее просто так, бескорыстно. А она потом платит ему добром за добро. Хемингуэевский старик тоже осознает факт покупки, он говорит себе: «Ты ведь хотел купить счастье за восемьдесят четыре дня, которые ты провел в море. И, между прочим, тебе его чуть было не продали...» С другой стороны, может быть, «счастье» ему тоже достается за его добродетель — силу духа...

Мораль и сказки о золотой рыбке, и притчи о старике и море тоже одинаковая: они обе о преодолении гордости и о смирении. (В сказке возгордилась, правда, старуха. Но по матриархальной логике сказки старик не мог претендовать на то, чтобы занять место морской богини.)

Хемингуэевская притча о старике и море — именно о смирении и вовсе не о силе духа.

Слово «смирение», кстати, встречается в тексте. Там сказано, что старик не помнит, когда к нему пришло смирение. Наша версия: «тогда» смирение только начало к нему приходить, а пришло оно к нему окончательно в

течение повествования. Смысл текста — описание того, как к старику пришло смирение. Эта притча — о смирении старости. Произведение «Старик и море» — развернутое описание последнего момента, когда гордость еще присутствует в душе старика.

Старик сам назвал себя «необыкновенным стариком». Если бы так о старике сказал мальчик, мы бы ему поверили. Но необыкновенные старики не говорят так о себе. Потом, в течение повествования, мы понимаем, что́ старик имел в виду: он хотел сказать, что он был всегда очень сильным человеком. У него было прозвище — чемпион. Он был очень сильным человеком, у него была очень сильная воля, и он был очень физически сильным, — значит, он никогда не болел и никогда не мог почувствовать себя слабым и зависящим от кого-то. Может быть, поэтому старик и не верил сознательно в Бога (бессознательно он в Него верил). Сильный человек Сантьяго Чемпион считал, что он не верит в Бога. И эта прежняя сила старика — тоже символ, старик — символ сильного человека в старости. Старик именно поэтому так исключительно силен, потому что если бы он не был так силен, он был бы более реальным и менее абстрактным. Его преувеличенная сила нужна, чтобы подчеркнуть его истинную слабость.

Эта притча о сильном человеке, который стал стариком, и поэтому он стал в конце концов смиренным. Тут мы наконец-то понимаем, почему же все-таки главный герой — «старик». Он уже не может сам бороться с морем, как те, которые считают море мужчиной и врагом. У него уже нет сил. Поэтому он считает море матерью (богиня-мать, рождающая и убивающая), женщиной, и просит у нее. Гордость старика не позволяет просить у мальчика, а только у нее, у матери, у женщины. И тот факт, что он просит, означает, что к нему уже начало приходить смирение.

Но гордость еще осталась в его душе — гордость своей силой, волей, выдержкой. Его лески висят прямее, чем у других, он не брезгует пить рыбий жир, он стесняется показать мальчику свою бедность, он пытается быть великим, как Ди Маджио.

Он ведь понимает, что его счастье обернулось несчастьем потому, что он слишком далеко ушел в море — гораздо дальше, чем другие. Поэтому он чуть не умер, поэтому за него волновался мальчик. Он чуть не умер из-за своей гордости. Из-за того, что ему надо было поддерживать амплуа «необыкновенного старика», он мечтал поймать большую рыбу. Его предназначение было поймать именно большую рыбу, а не маленькую, каких люди много лет ловили раньше.

И эта пойманная большая рыба оказалась даже больше, чем он о ней думал, — он думал о себе, что к нему уже пришло смирение, — с тех пор, как он стал называть себя стариком и просить у моря. Море очень доброе. Все желания сбываются. Но они искажаются нашими пороками, поэтому сбываются часто нецеликом, в искаженном виде. Бог не мог не помочь старику. Но Он помог ему не так, как старик думал, что для него будет лучше всего. Старик привез кости рыбы в город, — потому что ему была важнее его гордость, доказать себе, что он еще может, а не накормить людей. Он показал всем, что он может: люди увидели хребет рыбы. Но он не хотел на самом деле накормить и именно поэтому не смог накормить. Главное — он выжил и обрел смирение.

А еще он обрел веру. Хотя он и не прочитал сто раз «Отче наш» в пределах повествования, но он приобрел ту беспомощность, которая необходима для веры. Он понял, что надо верить не в себя (ему было важно, что мальчик в него верит, именно в него). Что нужно не «покупать» счастье у языческого моря, у языческой золотой рыбки, а другое.

Именно веру приобрел старик, а вместе с верой — смирение.

В Евангелии много раз говорится, что главное — вера. Петр не смог идти по воде (вода-жизнь), потому что в какой-то момент испугался, потерял веру. Вера — главное, что нужно, чтобы жить. Вера в Христа — это жизнь вечная.

Акулы съели рыбу, потому что дело не в везении: иногда счастье дорого стоит. Акулы съели рыбу, потому что все на самом деле не в руках старика. Потому что на самом деле не надо просить то, что не твое. Старик раскаялся в том, что он убил рыбу. Он убил рыбу, потому что возгордился, думал, что это такое его гордое предназначение. А на самом деле надо любить то, что тебе дают. Ведь Бог добрый, Он дает то, что у него просят. (Если ты попросишь рыбу, разве Он даст змею?) Но не все человек может взять.

Когда Иисус сел в лодку Петра, они поймали столько рыбы, что лодка стала тонуть, и Петр сказал, что он грешен. То есть он не мог вместить столько рыбы, столько добра, столько духовной еды. И старик, наверное, не смог. Ему дали то, что он просил, но он не смог вместить. Эпизод с Петром можно считать параллельным притче о старике и море. Петр — святой рыбак. Параллель эпизода с Петром еще раз подчеркивает «вечность» сюжета о старике и море.

Старик называет рыбу своим другом и братом. Он думал, что его гордое предназначение — бороться с другом и братом.

А оказалось, что нет.

Он в пределах рассказа и не нашел свое предназначение. Он нашел смирение. Он понял, что не надо бороться, убивать и что он не замечательный старик. Он нашел другое — смирение.

Отец Георгий Чистяков, трактуя Евангелие, пишет, что нищий духом — это и есть смиренный, тот, кто понимает, что не может без Бога. А смиренный — «это человек, готовый к духовному плодоношению, к тому, чтобы трудиться с Христом» («Комментарии к “Новому завету”»). Тот, кто в своей душе разрешил трудиться Христу.

Чистяков пишет, что «смирение — это еще и духовная детскость», понимание ограниченности своих сил, понимание того, что есть рядом Отец, который всегда поможет. Поэтому надо быть, как дети.

Мальчик и старик — символы слабости, детскости, зависимости, смирения. Мальчик плачет о старике, и правда, старика жалко, и плакать хочется. Но все же кажется, что потом все будет хорошо, спокойно. Спокойное счастье.

Оттенки смысла — в мелочах. Старику у Хемингуэя снились львы. Почему?

Во-первых, лев — символ счастья. Это гармоничное сильное животное. Во-вторых, лев — символ силы. В-третьих, лев — одно из четырех животных-символов в Апокалипсисе. И еще, Клайв Льюис в своих «Хрониках Нарнии» позаимствовал этот апокалиптический символ, придав ему завершенный смысл. У Клайва Льюиса есть Лев Аслан, — и это символ Бога.

Екатерина ИВАНОВА

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ В ПОИСКАХ ЖИВОГО СЛОВА

Возрастной подход к поэзии вызывает ряд вопросов.

В нем кроются некая несправедливость и некий соблазн. Начинающий литератор попадает в привилегированное положение не в силу своего таланта, а исключительно в силу возраста и рискует навсегда остаться в резервации «малолетних». К нему предъявляют менее строгие требования, но занижение планки, ранний успех мешают ему расти дальше. Спорным является и количественный критерий молодости: примерно от 21 до 35 лет. Однако спорность термина, разумеется, не означает, что дарование всякого дебютанта сомнительно.

Поколенческий подход исходит из предположения, что сходный социальный опыт, объединяющий поэтов одного поколения, должен формировать их в сходном ключе, то есть что результат творческого процесса заранее известен или, по крайней мере, прогнозируем... Да, действительность задает поэтам одни и те же вопросы, но ответы могут быть очень разными. Поколение объединяет единство исторического опыта. Но не опыт рождает поэтику. Поэзия сама и есть — опыт.

Сегодня, когда говорят, «молодая поэзия», имеют в виду два поколения: старшие «молодые», дебютировавшие в 90-е годы (Дмитрий Воденников, Линор Горалик, Данило Давыдов, Станислав Львовский, Кирилл Медведев), — и «младшие» молодые, чей дебют совпал с началом нового века и тысячелетия (Андрей Нитченко, Анна Русс, Ербол Жумагулов, Анна Минакова, Марат Багаутдинов, Иван Клиновой).

Есть, конечно, и поэты «просто», такие как Борис Рыжий или Максим Амелин, которые, являясь ровесниками «старших» молодых, дебютировали без скидок на молодой возраст.

«Двадцатилетние» пришли к читателю, за редким исключением, через систему премий и конкурсов, — таких как «Дебют», «Илья-Премия», премия Бориса Соколова, Форум молодых писателей в Липках. Появились коллективные сборники, новые литературные журналы, такие как «День и ночь», Интернет-журнал молодых писателей «Пролог», — ориентированные на публикацию работ дебютантов.

Екатерина ИВАНОВА — родилась в 1978 г. в Саратове. Закончила Филологический факультет Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук. Стихи и статьи публиковались в журналах «Пролог», «Наш современник», «Волга — XXI век». Работает в Музее Федина. Живет в Саратове. Первая публикация в «Континенте».

Распространенное представление о том, что молодые литераторы предпочитают дебютировать с помощью Интернета, сильно преувеличено. Специфика сетевой литературы заключается в том, что автор выходит к читателю, минуя звено редакции, что характерно для литературных сайтов самиздатского типа, таких как stihi.ru. На сайтах такого типа рейтинг определяется количественными показателями, которые целиком и полностью зависят от активности автора в сети. В интернете приветствуется количество, а не качество текстов, поэтому там процветает эстетика черновика. Становление писателя в таких условиях весьма затруднительно, а быть замеченным широким читателем — нереально, учитывая, что на сайте stihi.ru на момент 21 мая 2007 года был зарегистрирован 132021 автор.

Облик поколения двадцатилетних пока неясен, но, думается, уже можно указать на некоторые особенности их литературного поведения.

Да и время «стирать случайные черты», может быть, уже пришло,

У двадцатилетних нет никакого стремления быть *поколением*, группироваться вокруг какой-либо идеи или харизматического лидера. Их жизнь сегодня бесконечно одинока, точнее, они бесконечно одиноки в своем одиноком ремесле. Более того, у них зачастую нет общего ценностно-понятийного языка, им трудно понять друг друга, порой они друг другу просто не интересны. Особенно остро эта проблема стоит в провинции, где наладить более или менее внятную литературную жизнь практически невозможно.

Двадцатилетним, в общем, чуждо стремление к новациям или, говоря посовременному, инновационности, сам принцип новаторства потерял сегодня всякий смысл. То, что и по сегодняшний день называют новым, — ломка смысловых и синтаксических связей, неправильность языка, широкое использование ненормативной лексики, обилие прозаизмов, игра цитатами, антиэстетизм, эпатаж и т. д., — имеет чуть ли не вековую историю. Скандальная новость, повторенная дважды, уже не новость и не скандал. Двадцатилетние мыслят литературный процесс не в категориях борьбы стилей и направлений, старшего и младшего, а в категориях преемственности.

Вот пишет А. Нитченко: «*Что же назвать поэзией этого поколения? Поэзию последнего десятилетия? Почему не пятнадцати- или двадцатилетия? Смущает поколенческий подход. Литература всегда "те же и другие". Да, какими будут другие, зависит от нас. Но не нужно думать, что все непременно будет лучше. У всякой новой волны присутствует нормальное чувство: мы новое, мы идем вперед, за нами будущее etc... Но грош ей цена, если нет и чувства неудовлетворенности*».

Двадцатилетние «дебютовского» призыва — Дина Гатина, Марианна Гейде, Шиш Брянский (Кирилл Решетников), — делающие ставку на инновационные поэтические технологии, новаторами, тем не менее, не являются, так как наследуют поэтику поколения тридцатилетних, чей групповой портрет нарисован уверенной кистью Д. Кузьмина и И. Кукулина.

Д. Кузьмин формулировал задачу молодого поколения так: «*Проблема молодой поэзии, стремящейся преодолеть концептуализм, может быть сформулирована следующим образом: зная, что ничего нового и своего сказать уже невозможно,— как говорить новое и свое?*» Новый поэтический язык, по его мнению, должны характеризовать «*безóбразность, стертость языка, сполза-*

ние в банальность мыслей и переживаний, отсутствие ясно выраженной собственной позиции, принципиально не поддающиеся расшифровке элементы смысла» («После концептуализма», 2002).

Характерным примером новой «актуальной» поэзии — поэзии «постконцептуализма» — стало творчество Дмитрия Воденникова, чей литературный почерк получил название «новая искренность». «Искренность как прием», помноженная на опыт раннего футуризма и Д. Пригова, порождает такие стихи:

Да и без нас уже напичкана по горло
Земля, как курица, но вот приснилось мне,
Что мой отец (точнее папа) умер
и на прощанье — озверел во мне.

<...>

И как ни гадок мне его затылок,
Но я хочу его схватить — и не могу,
И он летит, как розовый обмылок,
Выскальзывая с криком в пустоту.

Каковы свойства «новой искренности», в чем она отличается от «искренности обыкновенной», теперь якобы невозможной? Очевидно, тем, что новое поэтическое высказывание носит демонстративный характер: эти стихи демонстративно плохи (имитируется искреннее высказывание графомана) и демонстративно циничны (имитируется состояние последней истеричной оголенности души, когда человек высказывает все свои самые мерзкие помыслы). По сути дела перед нами пародия на лирическое высказывание, но, в отличие от пародий Пригова, несмешная.

Исчерпывающую характеристику актуальной поэтики давал в «Вопросах литературы» Игорь Шайтанов: *«Давайте скажем прямо: вавилонское смешение языков — метафора-обманка. Многоязычия в Вавилоне не было. Были различные диалекты, но одного и того же языка, основанного на нескольких несложных установках: спонтанность опыта, ненормативность языка, рефлективность текста»* («Стратегия поэтического неуспеха», 2005).

Что такое спонтанность лирического высказывания, возведенная в абсолют, показывает, например, стихотворение Дины Гатиной «Комнатное анкетирование»:

в этой комнате снег снизу идет
сколько тебе лет?
а солнышко, когда есть, — будит меня,
но чаще — я его.
мои любимые таблетки глюконат кальция,
моя любимая кофта серая с капюшоном
здесь чаще всего тепло
у меня есть парень
его зовут не скажу
окна открываются и закрываются со скрипом,
но звук не пропускают, значит
на улице тоже никто не слышит.

Актуальная поэзия и актуальность в поэзии стали предметом острой дискуссии. Свой ответ оппонентам Кузьмин озаглавил весьма красноречиво: «Вопли обывателей». Его смысл состоит в том, что три свойства новейшей поэзии, выделяемые Шайтановым (спонтанность опыта, ненормативность языка и рефлективность текста), есть на самом деле универсальные качества поэзии как таковой. Ведь, оказывается, «*без этих свойств немыслима вообще поэзия последних двух столетий*». По мнению Кузьмина, Шайтанов неправильно интерпретировал все три: «*Ненормативность языка интерпретируется не как уклонение авторской индивидуальности от усредненной нормы кодифицированного литературного языка, а как тривиальная деструкция (**"как можно больше сниженной лексики"** — изящный кульбит, построенный на том, что слово "ненормативный" первым делом вызывает в сознании то специфическое значение, которым оно обладает в идиоме "ненормативная лексика"). Со спонтанностью опыта та же история: опыт, передаваемый лирическим стихотворением, спонтанен по преимуществу, даже и в философской лирике*» (2005). На самом деле «изящный кульбит» наблюдается как раз в логике рассуждений Кузьмина. Ведь «спонтанность опыта», столь характерная для «вавилибра», порождает такие квазипоэтические опусы, которые даже на звание плохой прозы не тянут:

«Хочу вам сказать, братья мои, что я не имею никакого отношения к этому поэтическому вечеру Я встретил бы поэтическое утро, но его в ближайшее время не предвидится; так что приходится одному гореть слабым лучиком. Но это я, конечно, шучу».

(Шиш Брянский).

И, конечно, обилие матерщины, столь свойственное актуальной поэзии, под скромную классификацию Кузьмина — «*уклонение авторской индивидуальности от усредненной нормы*» — никак не подходит. Вообще, в этой дискуссии поражает неутомимая энергия, я бы сказала, филологическая изощренность, с которой Д. Кузьмин защищает и пропагандирует заведомо безнадежное дело, — безнадежное потому, что опирается на ложную идею.

Большинство текстов, написанных под диктовку актуальной поэтики, беспомощны. Однако именно в этой «непоэзии» с наибольшей силой проявилась болезнь, свойственная поэтическому процессу в целом. Распад связей в мире порождает распад формы стиха. Спонтанность самовыражения, призванная имитировать искренность высказывания, становится механическим приемом, так как выражать, по сути дела, нечего. Это направление стало общедоступным, легко воспроизводимым. И именно в доступности кроется причина его популярности не у читателей, которых Кузьмин с некоторым пренебрежением называет «потребителями», а у тех, кто жаждет поэтического самовыражения. Актуальная поэзия дает конформистский ответ на вызов времени — исчезновение из жизни лирического начала. Это не проблема только сегодняшнего дня, но часть длительного процесса, который В. Вейдле назвал «умиранием искусства».

Думается, что именно сопротивление умиранию — распаду лирического «Я», параличу формы — и есть основная задача, которая стоит сегодня перед поэтом любого поколения.

Наиболее интересные поиски в этом направлении среди двадцатилетних ведут два молодых поэта, в равной степени талантливые, в равной степени органично вписанные в традицию, но абсолютно противоположные по темпераменту, а следовательно, строящие свои поэтические миры на противоположных началах, — Ербол Жумагулов и Андрей Нитченко.

Ербол Жумагулов начинает свой поэтический путь с того, что неявно сравнивает себя с «*бронзовым А. С.*», в чем заключается некий вызов, впрочем, вполне традиционный еще со времен футуристических деклараций:

Пустая площадь. Бронзовый А. С.
Сентябрь. Прохладно. Угольное небо.
Полуночного месяца надрез
плюется слабым светом, ибо невод

сезонных туч свеченье свел на нет.
Безлюдно. Лишь, слегка ссутулив плечи,
уныло курит юноша — поэт,
что крови не сумел противоречить.

Пожалуй, основной стержень поэзии Ербола Жумагулова — «поэт в России». И в утверждении своего права быть в России поэтом, который «*в каждом движении прав*», Жумагулов очень настойчив и даже агрессивен. Он с «бронзовым А. С.» на дружеской ноге, он и с «О. М.» имеет нечто общее: «*О. М. — не волк. Я тоже — не койот*».

Он безо всякой, кажется, иронии говорит о том, что оставляет *своей* стране «памятник нерукотворный»:

...я устал. Мне искать больше нечего. Ни к чему
не лежит мое сердце — ни к звуку, ни к тишине,
даже памятник нерукотворный — не по челу —
оставляю в подарок бездумной своей стране...

Разговор с Пушкиным, Мандельштамом, Маяковским ведется даже слегка свысока. В ткани стиха Жумагулова заметно влияние Иосифа Бродского[1], а также Бахыта Кенжеева, Геннадия Русакова и Бориса Рыжего. Да и «Бронзовый А. С.» шагнул в его стихи не с площади, а из раннего стихотворения Бродского: «*В такую ночь ворочаться в постели приятней, чем стоять на пьедестале*». Отметим интересную деталь: к Пушкину обращаются в стихах почти все поэты Серебряного века — Блок, Есенин, Маяковский. В представлении Маяковского и Есенина образ Пушкина уже вполне «бронзовый», но они стремятся вступить с тенью великого поэта в диалог. У Бродского, за которым следует и Жумагулов, памятник окончательно превращается в вещь неодушевленную, в символ величия, лишенный личностного содержания.

Позиция Жумагулова сегодня, когда поэзия является только частным делом пишущего человека, более чем уязвима. Он пытается восстановить серьезный статус поэзии, но говорить поэту сегодня невероятно трудно. И.

[1] Эхо Бродского более чем явно звучит в таких стихах, как «Горизонтальное» (см. «Песни счастливой зимы» и «Разговоры с богом» Геннадия Русакова), «Ars amandi» (см. «Сонеты к Марии Сюарт»), «...post» («В горах»).

Шайтанов в рецензии на сборник «новейшей поэзии» «Девять измерений» пишет о Жумагулове: «*Предмет высказывания опять, кажется, превращается в невозможность сказать, хотя и при избыточном желании говорить*:

...говори, выдыхая пары ментола с
тонким запахом недовозникших песен:
выводи на прогулку дрожащий голос,
ибо связкам весенний пейзаж полезен.

По сценарию, после у нас — разлука,
но не вздумай тушить словеса слюною.
Говори, констатируй победу слуха
над не к месту случившейся тишиною...»

Говорить — трудно, потому что его лирический опыт замкнут на опыте личном, всегда негативном. Тембр голоса поэта таков, что ему как будто необходим соответствующий этому голосу предмет высказывания — нечто очень важное, то, что даст читателю представление не только «о себе», но и «о времени». Недаром он обращается к «современнику» (а подспудно, видимо, и к потомку). Но ничего выходящего за пределы только личной драмы мы у поэта не находим. Отсюда и убивающая многие стихи ирония, направленная на дискредитацию поэтического языка в целом.

Его личный опыт сводит на нет любое положительное или хотя бы определенное высказывание об окружающем мире. Поэту не на что опереться. Ноль — это «*сумма всего, что известно о зле и добре*», а нас «*Всевышний вырвал из контекста, поскольку время минус место равно нулю в который раз». Несмотря на многословные разговоры с Богом, в конце концов выясняется, что «Бога, **наверное**, нет*» (выделение здесь и далее в цитатах мое. — *Е. И.*). А строчкой выше в этом стихотворении поэт употребляет грязное ругательство.

У Ербола Жумагулова есть замечательные строки, например, такие:

Остывает венозная ртуть,
ибо знает — смертельна простуда.
Надсадивши и горло, и грудь,
ускользаю, дружок, из отсюда...

Под фонетику утлых подошв,
господин этой осени, раб ли...
Небу впору цитировать дождь,
и запнуться на первой же капле...

Однако и его творчества коснулась отнюдь не возрастная болезнь поэзии XX века — распад стиховой формы. Часто его стихотворения «идут по нисходящей» и вместо мощного финального аккорда заканчиваются невнятным бормотанием:

не знаю минуту ли час ли
торжественно меркнет среда:
я был невнимательно счастлив
не помнится с кем и когда

среда уже кончилась вовсе
но здравствуют календари
под нищенским небом московским
(смотрите строку номер три).

писались картины с натуры
где ангелы так и снуют
под купольный свет *абажура,*
брошюра жюри парашют.

Пронзительная исповедь раздерганной души сводится к фиксации распада бытийных связей.

Красота поэзии Жумагулова идет от поэтического языка, от поэтического мифа, от умения свободно обращаться с гармоническим наследием прошлого. Но поэт не видит за красивыми словами красоты мира, не доверяет своему языку, поэтому часто одергивает себя иронией, а читателя — лихой матерной фразой. Ненормативной лексики в его творчестве не меньше, чем у самых ярых адептов «неподцензурной» лирики, но для его поэзии эти слова гораздо более разрушительны, потому что здесь есть, что разрушать.

Парадокс заключается в том, что Жумагулов романтизирует образ поэта, который есть личность особого порядка, но при этом поэт может рождать только «мертвое слово»:

Поэт стоит. Желтеют фонари.
Отравлено пространство безголосьем;
осталось лишь в ответ на «говори»
вплетать глагол в начавшуюся осень,

строчить, не поднимая головы,
о том, что нынче (выспаться бы надо)
сотрудничество грифеля с бумагой
приводит к слову — мертвому, увы...

Недоверие к языку поэзии в чем-то роднит творчество Жумагулова с эстетикой «Вавилона». И, как это ни странно, с творчеством Андрея Нитченко. Однако у Нитченко есть прямо противоположные резоны не доверять слову. Слово недостаточно одухотворено, чтобы отразить красоту этого мира. Лингвистическая сторона языка кажется поэту мертвой, ее должен одушевить человек и благословить Бог.

Человеческая речь —
Аз и Буки. Веди. Вечность.
Почему способна речь нас
убивать, лечить, беречь?

<...>

Что яснее наших слов?
Как мы четко отличаем:
вот исток, вот окончанье,
это — камень, это — кров.

Как заигран каждый слог,
перекручен, ироничен,
и бессмысленно граничат
берег, бестолочь и Бог.

При этом Нитченко наотрез отказывается романтизировать образ творца — поэта — демиурга. Многое почерпнув из поэтического мира Серебряного века, вообще из культуры модернизма, он, тем не менее, отверг ключевую для творческого ви́дения XX века мысль о том, что культура (литература) выше жизни, а демиург — выше Бога:

Ведь ты живая, наконец,
И нет строки такой,
В которой лучше, чем Творец,
Я б справился с тобой...

Но я не стану собирать
Тетрадь твоих примет,
Но я не стану запирать
Черты твои в потрет.

Очнешься вдруг во всем, во всех —
Как под рукой Творца.
Во всей печали и красе
проступишь до конца.

Прежде всего в нем поражает единство образа лирического героя и образа поэта. Как пишет в «Октябре» лауреат премии «Дебют», начинающий поэт, прозаик и литературный критик Александр Грищенко в рецензии на дебютную книгу Нитченко «Водомер», в данном случае «*эстетическим фактом становится не книга стихов... а сам поэт, Андрей Нитченко, лирический герой или героический лирик*» (2006). И в этой же статье критик, как бы противореча сам себе, замечает, что личность поэта неуловима.

Действительно, многие, в том числе и автор этих строк, отмечали, что авторское чтение стихов придает им дополнительное измерение, глубину и очарование, новый уровень личностного единства, который не замечают читатели, знакомые только с книгой и не знакомые с поэтом. Чувствуется, что Нитченко идет к этому единству непростым путем, что его стихам пока не хватает его самого. Поэт не спешит раскрыть нам свою душу, его стихи, несмотря на предельную искренность интонации, скорее наблюдение, чем исповедь.

Осмысленность мира для Нитченко очевидна и не требует поэтических доказательств. Именно уверенность в осмысленности, важности, неслучайности (неспонтанности) происходящего, а не устаревшая поэтическая техника, делает его поэзию вызывающе старомодной.

К слову сказать, Нитченко использует довольно широкий спектр поэтических размеров, не чураясь и верлибра; освоен им и такой модный «прием» актуальной поэзии, как пропуск знаков препинания, но эти поэтические открытия прошлого века он воспринимает и преподносит не как новацию, а как средство выражения поэтического взгляда на мир:

Ангел снилось за мной пришел и сказал пора
Ну пора так пора говорю тебе видней
Он крылом меня обнял укрыло тепло пера
Запах чабреца дух яблока гул морей

В голове поплыл и покой набежал летим
Несказанно легко но проснуться хотелось мне
Потому что весь путь я слышу как на земле
Кто-то плачет и спорит с ним

Внимание к зрительной, объективной стороне поэтического образа гармонично сочетается у Нитченко с чувством красоты слова, фразы, языка, однако он никогда не опускается до чисто лингвистических экспериментов. Его поэзия совмещает в себе и внимание к детали, и музыкальность, афористичность фразы, непреднамеренность взгляда.

Помнишь девочку? Ту, что кольцо
На площадке — играли в футбол —
Обронила? Десяток мальцов
Ворошили листву. Не нашел

Ни один из нас. Может и там
Ничего не терялось тогда,
Но и все же — работа ногам,
Пища зренью... Пришли холода,

Пал снежок, и никто не узнал,
Было что-нибудь, или она
Спохватилась не там. Подобрал
Кто-то после? Никто. Тишина.

Первые три четверостишия стихотворения почти дословно повторяются в прозаической части книги А. Нитченко «Водомер» (М., 2005): «Эта девушка потеряла кольцо на волейбольной площадке. Мы долго тогда искали его. Ворошили палые листья. Было ли оно там или оно потерялось где-то еще?» Перед нами пример особого рода лирического высказывания, когда материя стиха истончается, а на первый план выходит прозаическая деталь. Грань между поэзией и прозой становится почти неразличимой, а переход из одной области существования слова в другую — незаметным. Прозаизация поэзии — рискованный шаг, чреватый впадением в банальность, вроде употребления сниженной лексики, случайно выхваченных из действительности неаппетитных бытовых деталей, сознательного принижения внестиховой реальности. Ничего этого у Нитченко нет. Далее стихотворение продолжают совсем другие, интонационно более легкие строки, бытовое наблюдение приобретает неожиданное звучание:

Мы ли Бога забыли? Да нет.
Мы всю жизнь происками Его,
Как колечко в листве, как предмет,
В мире спрятанный лучше всего:

Близко, Господи мой, горячо?
Как найти — не открыл, не сказал.
И невидимый — был за плечом.
И не найденный нами — спасал.

Эти стихи уже нельзя пересказать прозой, хотя у них есть свой прозаический аналог: *«Мы ищем Бога, думая, что он просто затерялся среди видимых и невидимых предметов, сдвигаем вещи одну за другой, глядим за ними и под ними. Мы ищем его так же, как мы стали бы искать другие вещи, думая, что он просто спрятан лучше других»*.

Стихам и прозе Нитченко свойственно качество «легкой сложности». Прикосновение поэта к миру почти невесомо, неощутимо, форма высказывания прозрачна, но читать порой становится тяжело, как тяжело смотреть на мир сквозь чужие очки. Возникает чувство головокружения. Поэт стремится отстраниться от предмета описания и в то же время хочет понять его изнутри, слиться с ним, превратиться в него. Необычный ракурс не является самоцелью, — Нитченко пытается взглянуть на мир, осветить его, помня о смертном часе:

И перехватит дух: как странно — умереть,
так странно, что вопрос — не выдумка ли это?
К вам в комнату бегом — и в лица посмотреть,
к окну подвинуть стул, прикрыть глаза от света,

и в форточку осу, стаканчиком накрыв,
гудящую под ним упорнее титана,
Смотри внимательно. Как ты нетерпелив. —
А там, где только свет — и ни одной детали?

А там, где только смысл — вне мыслей и вещей?
И виден ты насквозь — и неуместно имя?

Тот же А. Грищенко пишет, что для Нитченко смерть — важнейшая тайна, и при этом отмечает, что в его поэзии нет никакого смертоборчества. В этом нет ничего удивительного, потому что Нитченко смотрит на смерть глазами христианина, поэт видит за гранью смертного часа не тьму, а свет, «где ни одной детали» — область чистого смысла. Именно измерение смерти придает его стихам, даже, казалось бы, чисто созерцательным, странную глубину:

Открыв свои глаза, деревья стали
Свидетелями собственного сна.
До самой сердцевины промерзает
Дым. Снег слепит. Но не его вина,
Что я ослеп. Так много не вмещает
Любое зренье, сколько вдруг сполна
Есть в потрясенье от его потери...

Лирический герой Нитченко как бы уже совершил этот переход. Поэтому он смотрит на мир остраненным (или здесь уместнее слово «удивленным»?) взглядом. Лучшим его стихам присуще молитвенное звучание:

Со временем смирюсь со временем
Умру — и не буду смертен.
Выговори, прошепчи меня, брось на ветер...
Господи, произнеси меня!

В отличие от «молодой поэзии» 90-х годов XX века, «молодая поэзия» начала нового века — это поэзия сопротивления всему тому, что поэзией не является, но стремится узурпировать ее права, тем представлениям, которые навязаны нам современной культурой стандартизации, но которые губительны для поэтического мышления. «Оружием» этого сопротивления является воля к форме. Это бунт гармонии против хаоса. Только так можно говорить «новое и свое», но при этом рождать не мертвое, а живое слово.

Ольга МАСЛОВА

РОМАН О ЛЮБВИ СЕГОДНЯ

Новый взгляд или вечное возвращение

Писать о любви — беспроигрышный вариант. Любовь зарождающаяся. Больная. Неистовая. Робкая. Истеричная. Убивающая. Возрождающая. Та, которая никогда не требует, всегда дает. Всегда прощает. Всегда делает первый шаг... Мужчина влюбляется в женщину. Он завоевывает ее. Она сдается. Все. Больше ничего не нужно. И, оказывается, попадаешь в самую точку читательских ожиданий.

Фредерик Бегбедер, знаток рекламной кухни, Великий Разоблачитель нравов общества потребления, сноб и романтик в одном лице, предупреждая штудии критиков, дает краткий комментарий к своим текстам. «*Сколько ни пытайся сказать новое слово формы (оригинальные словечки, англицизмы, прикольные обороты, рекламные слоганы и проч.) и содержания (найтклаббинг, секс, наркотики, рок-н-ролл), очень скоро понимаешь, что все, чего тебе хочется,— написать роман о любви очень простыми словами. В общем, самая трудная задача...*»

В одном предложении французский писатель выдает емкую характеристику не только собственному сочинению «Любовь живет три года» («романом» эту... вещицу назвать довольно трудно), но вообще современной зарубежной литературе. В частности, упоминание таких тем «жесткой» прозы, как наркотики, рок-н-ролл и т. д., приводит на ум имя шотландского писателя Ирвина Уэлша, чьи романы «Экстази», «Порно», «Кислотный дом», обладающие колоссальным воздействием, «опасны для здоровья» и «лицам до 18 лет не рекомендуются».

В отличие от Уэлша, изображающего парадоксы химической любви и смерти в рабочих окраинах Эдинбурга, Ф. Бегбедер смягчает драматизм скандального шотландца, активно включая в свои тексты «гламурный» фон. Парижские тусовки, фешенебельные отели, дорогие рестораны, магазины, специализирующиеся на продаже частных коллекций одежды (марки всегда перечислены) — вот «сценическое» пространство, в котором разворачиваются любовные перипетии Марка Марронье — кочующего из книги в книгу героя Бегбедера.

Однако в романе с затейливым названием, напоминающим рекламный слоган, а по ходу действия таковым и оказывающимся, Марк Марронье превращается... в самого Фредерика Бегбедера, заявляющего на десятой странице текста: «*Привет, я автор, добро пожаловать в мои мозги*». Создается впечатление, что писатель сочинял-сочинял свой роман, а потом — плю-

---

Ольга МАСЛОВА — родилась в 1980 г. в Ярославле. Окончила Ярославский госпедуниверситет им. К. Д.Ушинского. Кандидат культурологии. Преподает зарубежную литературу. Публиковалась в «Континенте» (№131). Живет в Ярославле.

нул, да и начал рассказывать свою биографию. Мол, это все о нем, любимце публики Фредерике Бегбедере, вздумавшем пооткровенничать.

Так что же он, и вправду был женат на девушке по имени Анна, а затем развелся ради девушки по имени Алиса? Вовсе нет. Обманул нас автор. Поймал. Подловил на любви к правдоподобию. Бегбедер — мастер на различные «обманки», «приемы», стилистические изыски, смешивающие лирический пафос, явное и скрытое цитирование, откровенную вульгарщину и банальные, отнюдь не высокохудожественные афоризмы. Бегбедер — феномен гиперреализма во плоти.

С первых страниц автор начинает провоцировать читателя всяческими сентенциями, вызывающими у одних раздражение, у других — восторг (что-то знакомое!).

Конечно, автор-шутник рассчитывает на эффект узнавания, на ассоциации с «Cosmo», «Elle», пособиями «настоящим стервам», заполненными психологическими рекомендациями незамужним, разведенным, тем, кто желал бы развестись или развести. Свои размышления по поводу брака, любви, адюльтера Бегбедер оформляет в рамку афористичных аксиом (*«Со временем любовь проходит...»; «Любовь — битва, заранее проигранная»; «У комара век один, у розы — 3, у кошки — 13 лет, у любви — 3 года»; «Брак — это колоссальная афера, чудовищное надувательство, чистой воды обман...»; «Развод — потеря духовной невинности»; «Любовь — единственное запрограммированное разочарование, единственное предсказуемое несчастье, которого хочется еще раз»; «В первом браке ищешь совершенства. Во втором хочется счастья...»; «В XX веке любовь — телефон, который не звонит»; «Любовь — источник проблем с дыхалкой»; «Мужчина — рагу. Его надо хорошенько потомить...»*, и т. д., и т. д.).

Опыт измены для Бегбедера — повод поиграть словами (*«А что если адюльтер сделал меня взрослее?»*) либо просто накидать несколько неутешительных жизненных итогов. При этом психологические открытия Марка Марронье (или Фредерика Бегбедера?!), в общем-то, рано или поздно совершает любой человек, даже не обладающий столь обширным опытом личной жизни, включающим брак, страсть, развод, новый брак, новый развод, страсть...

Наверное, даже школьник начинает догадываться, что *«когда заставляешь страдать другого, хуже всего делаешь самому себе...»*

Опять же не слишком революционной выглядит философско-психологическое умозаключение героя: *«Когда имеешь все и сразу, рано или поздно начинаешь ждать катастрофы как избавления. Уповать на беду...»*

Подключая публицистические навыки, приобретенные в период работы на TV, Бегбедер разрабатывает целую философию брака. Размышляя о распаде семьи в западном обществе — проблеме, несомненно, серьезной и драматичной, он, словно фокусник, жонглирует различными интонациями, начиная с пафосной сентенции, выдержанной в официальном стиле, и заканчивая откровенным стебом, отдающим игриво-панибратской, слегка шутливой манерой гламурного журнала: *«Брак не только стереотип, навязанный нам буржуазным воспитанием. Это еще и предмет колоссальной идеологической отработки, к которой приложили руку реклама, кинематограф, журналистика и даже литература, всеобщее охмурение, которое в результате сводит мечты прелестных барышень к колечку на пальце и белому платью...»*

Напрашивается вопрос: какая книга у нас в руках? На кого она рассчитана? Что есть Фредерик Бегбедер? Банальность? Провокация? Фарс? Отсутствие вкуса? Насмешка? Насмешка над насмешкой?

Пожалуй, все вместе, но — главное и самое замечательное, что автор прекрасно отдает себе в этом отчет. Он сам творит эклектичный текст, моделирующий сознание потребителя — не глупого, но и не интеллектуала, скорее, эрудита — человека начитанного, нахватавшегося информации и заполнившего ею свою голову.

Книга Бегбедера — это голова современного человека, в котором царит тотальная полифония. Музыка Битлз рядом с Моцартом (не самое крамольное сочетание), граф Дракула рядом с притчами царя Соломона, Ф. Саган рядом с О. де Бальзаком, телесериал «Элен и ребята» рядом с фильмами Годара...

«Перепады» интонаций и настроений — основная черта прозы Бегбедера, постоянно ускользающего от окончательной оценки. Это хорошо / это плохо? Талантливо / бездарно? Умно / глупо? Тонко / пошло?

Только мы определились и расслабились, как неумолимый Бегбедер подкидывает очередной художественный фокус.

Взять хотя бы самого героя — авторского двойника. 30-летний, немного утомленный жизнью человек, пребывающий в состоянии байронической разочарованности, погружен в мертвенное одиночество. Он признается, что праздники даны, *«чтобы скрыть, что у него на уме. Мало кто знает больше народа, чем Марк, и мало кто так одинок...»*

Бегбедер иронично обыгрывает такие расхожие в поэтике романтизма метафоры страдания и душевного томления, как «живой мертвец», «душевный холод», снижая лирический пафос повествования, словно посмеиваясь над самим собой, над своей серьезностью: *«Я мертвый человек... Я ношу траур по себе... Я больше не улыбаюсь. Я умер и похоронен. У меня нет детей. Я, наверное, самый грустный человек, которого я встречал на своем веку...»*; *«Есть зимой в Париже такие места, где как-то особенно холодно. Сколько ни пей крепких напитков, кажется, пурга насквозь продувает бары... Надвигается ледниковый период. Даже в толпе пробирает колотун...»*

Отметим, что в книгах Бегбедера отсутствует образ города. Париж становится даже не фоном, но небольшой сценической площадкой, на которой умирает от любви необъятный в своем самолюбовании и всепоглощающем сарказме герой.

О смерти он говорит как бы всерьез и в то же время с явной примесью черного юмора, составляющего контраст драматическому заявлению: *«Часто говорят, что надо спасать лицо. А я говорю: лицо надо убивать, только так и спасетесь сами... Утопиться бы в море, но слишком много народу катается на горных лыжах...»* И сразу становится ясно, что все предыдущие душевные излияния героя в гарольдовом плаще — не более, чем болтовня богемного пижона и сноба.

Кстати, герой (автор?), несмотря на масштаб своих переживаний, не забывает, что он самый модный. Любовная тоска по Алисе заставляет его ходить вокруг ее дома, посматривая на окна возлюбленной. Однако даже в такой стрессовой ситуации наш Марк-Фредерик не забывает, что курточ-

ка-то у него — фирменная! И денег у него все также много: «*...Я торчу здесь на твоей улице, перед твоим домом, и у меня сердце кровью обливается, только наружу ничего не вытекает... Прохожие оглядываются на меня... Этот небритый лохматый парень — клошар из новых? "Смотри, дорогой, в нашем квартале попадаются бродяги в куртках от 'Агнесс б', надо же!.."*»

Не без кокетства наш романтичный Марк Бегбедер в сентиментальной манере упоминает, что он «*появился на свет в день, когда дни укорачиваются... Отсюда, наверное, и природная разочарованность...*» И тут же в другой грубовато-циничной форме раскрывает суть этой «разочарованности», проявляющейся в том, что ему «*обрыдли телки, с которыми спишь, но просыпаться не хочешь...*» Это замечание демонстрирует явное несоответствие драматической темы и фривольно-глумливой интонации, в которой автор, добавляя еще и вульгарные словечки, решает прямо-таки гамлетовский вопрос в контексте нового времени и собственной ситуации: «*Что хуже — заниматься любовью, не любя, или любить, не занимаясь любовью?*» — или иной вопрос в подобном ключе: «*Надо выбирать: или ты с кем-то живешь, или ты кого-то желаешь*».

Экзистенциальные проблемы одиночества и выбора решаются в масскультовом контексте: «*Я чувствую себя как псина Милу с его нравственными терзаниями, когда, с одной стороны, ангелочек призывает его творить добро, а с другой, мини-демон побуждает делать зло. Так и у меня: мой ангелуша хочет, чтобы я вернулся к жене, а бесенок нашептывает: "Спи с Алисой"*».

Любая серьезная мысль подвергается либо осмеянию, либо опошлению. То ли автор опасается, как бы читатель не принял его текст слишком всерьез или не обнаружил в нем сентиментальный пафос, либо стремится подчеркнуть, что его герой (то ли он сам) избегает глубины и лирики, огрубляя, в общем-то, неплохо рассказанную историю любви и нелюбви. Однако надо признаться, что без этой глумливой нотки весь роман потерял бы свою перчинку и стал бы очередным масскультовым штампом.

И все же автор немного пересолил в плане использования слов типа «кончить», «трахать», «мастурбировать», «оргазм» и т. д. Все уж очень грубо, очевидно, подчеркнуто нелитературно, чтобы не было никаких сомнений в желаниях и намерениях героя.

Сам момент влюбленности сопровождается неизменной мыслью о постели («*...в ту самую минуту я понял, что все на свете отдам, лишь бы быть допущенным в ее жизнь, в ее мысли, в ее постель, да что там — во все...*»). Продолжая развивать «сексуальную» тему и посвящая ей целую — «самую важную» — главу, Бегбедер приходит к выводу, звучащему как очередная аксиома в его художественной системе: «*Если постельная история может стать историей любви, то обратный случай — большая редкость...*»

Текст Бегбедера наводнен афоризмами, которые автор создает с уверенностью опытного креатора. Чувствуется, что пишет мастер по созданию слоганов. В какой-то степени, это — один из приемов моделирования эклектичного сознания, в котором смешиваются обрывки из публицистических, художественных, научных, коммерческих текстов.

Рассказывая свою незатейливую историю о любви и разлуке, автор апеллирует к широкому читательскому багажу и создает таким образом своеоб-

разное лоскутное одеяло. Повествование пронизано скрытыми аллюзиями и прямыми ссылками на поэзию, музыкальные произведения и — в наибольшей степени — на кинематограф. Возникает ощущение, что ты не книгу читаешь, а переключаешь каналы на TV. Повествователь прячется за масками известных писателей, сценаристов, поэтому весь текст приобретает синтетический, несколько искусственный характер. Он сравнивает себя то с Альбертом Коэном («*Когда любишь, обязательно воображаешь себя Альбертом Коэном*»), то с Лакло или Мюссе («*Воображал себя Лакло, а оказался махровым Мюссе*»). Таким образом, Бегбедер расширяет диапазон читательских культурных ассоциаций.

Обилие литературных и кинематографических упоминаний создает ощущение условности повествования, которое сам-то автор не воспринимает всерьез, а посмеивается и над страданиями своего героя, и над своим текстом, творимым как бы на ходу, по мере развития событий («*...в хорошем кино я побежал бы за ее такси под дождем, и мы упали бы друг другу в объятия. И она бы вдруг передумала и умоляла шофера остановиться, как Одри Хэпберн — Холли Голайтли в фильме "Завтрак у Тиффани"...*»), и — рядом — прямо противоположная ассоциация, связанная с телесериалами: «*Выход на сцену Алисы удивил меня, как если бы одна из троицы "Смешных дам" появилась в кадре "Элен и ребята"*».

Музыкальные пристрастия героя столь же обширны. Впадая в меланхолию по поводу «коварства» Алисы, герой всякий раз обращается к Моцарту: «*К счастью, у нас всегда остается Моцарт. Скольким людям Моцарт спас жизнь...*» Вместе с тем, пребывая в гостях у своего друга, он беспрестанно крутит пластинку Rubber Soul Биттлз и упоминает «Крейцерову сонату» Бетховена наряду с песнями Ива Дютея...

Легкий налет интеллектуализма проявляется на уровне скрытых, но весьма узнаваемых цитат («*...Одиночество заставляет думать. Я — один, значит, я мыслю. Чем больше думаешь, тем становишься умнее, а значит, грустнее...*»). Слегка переиначенная хрестоматийная фраза Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую», — переплетенная с мудростью соломоновой («во многих знаниях — много печали...»), рисуют образ героя — бонвивана, вдруг задумавшегося над жизнью и сделавшего нехитрое философское открытие.

Вообще Бегбедер очень любит порассуждать — не только о браке, но и о минусах общества потребления, о возрасте, о времени... Но что примечательно, в этих рассуждениях он использует один и тот же стилистический прием — резкую смену интонаций.

Вот пишет он о времени, о вечной повторяемости событий в жизни человека. Серьезно так пишет. Конечно, не бог весть, какая новаторская мысль, но все же вполне уместная в данном контексте («*...мы живем на земле, чтобы пережить те же события, что наши родители, в той же последовательности, — и точно так же, как они до нас, совершали те же ошибки, и т. д., до бесконечности...*»). И вдруг из этого «мирного» рассуждения так неожиданно, что даже неловко, возникает итог: «*Хуже другое — когда сам регулярно вляпываешься в одно и то же дерьмо...*» Это ни с того, ни с сего всплывшее «дерьмо» так же дисгармонирует со всем предыдущим абзацем, как и грубовато-скептическое высказывание в контексте рассуждений о

проблеме «жизненного рубежа», 30-летия: «*Если мужчина после 30 еще жив, то он мудак*». Чистой воды рекламный слоган.

Та же интонационная смена в какой-то степени снижает серьезность размышлений по поводу всеобщей поверхностности. Бегбедер создает иллюзию легкой небрежной болтовни, в которой исчезает сама проблема: «*Ну, как, спрашивается, прожить всю жизнь с одним человеком в обществе тотального порхания? В эпоху, когда кумиров, президентов, пол, религию меняют как перчатки? С какой стати чувству под названием любовь быть исключением из всеобщей шизофрении?..*»

Все эти стилистические фокусы усиливают фарсовое начало повествования, условность которого постоянно подчеркивается автором. Бегбедер создает иллюзию творимого здесь и сейчас текста, допуская нас в свою творческую кухню. Он постоянно включает в текст автокомментарий *a la* «читатель ждет уж рифмы — розы...» Скандальная сцена в кафе сопровождается саркастическим замечанием: «*...Какой-никакой экшн в этой книжке все-таки есть*». Автор периодически делает акцент на самом процессе написания текста, чтобы создать иллюзию рождающегося на глазах шедевра: «*...может быть, мало кто заметил, но я не один час бился над этой фразой...*» В то же время Бегбедер не изменяет себе и напоминает нам о своей успешности и «модности», в том числе в издательских делах: «*...подумаешь, книга опубликована в издательстве "Грассе", это не значит, что в ней написана непременно правда...*»

Таким образом, автору удается постоянно балансировать на грани сентиментального пафоса и язвительности, легкости и серьезности, откровенного автобиографизма, удручающего правдоподобия и ярко выраженной условности повествования.

Бегбедер написал роман. Но что это? История о любви? О самом себе? О создании этой истории? Пожалуй, все вместе. Тематическая и стилистическая эклектика, смешение натурализма, сюра, постмодернистской иронии, интертекстуальной, правда, не слишком изысканной, игры формируют особое направление в современной французской прозе, в рамках которого творит, гримасничая и посмеиваясь, Фредерик Бегбедер.

Роман Евгения Гришковца «Рубашка» — о любви. Снова любовь! Однако, в отличие от «американских горок», организованных читателю Бегбедером, ничего подобного в прозе Гришковца нет. Все очень целостно, выдержано в одной тональности, словно мелодичная блюзовая композиция. Роман о любви, о времени, о Москве написан ясно, прозрачно. История о Реальности и Реальной любви не является реалистичной в полном смысле слова. Писатель не рассказывает о жизни «таковой, какая она есть», но моделирует сознание, через призму которого пропускается мир. Повествование строится на веренице субъективных переживаний, сновидений, откровений.

Манеру писателя можно определить как «наивный реализм»: о сложном Гришковец умеет говорить просто. Именно в этой простоте и заключается очарование его прозы («...она любит меня, — догадался я. — Я *хороший* человек. Меня можно любить... Господи! Я *хороший*». Этим же таким незатейливым, нейтральным словом характеризуется «Она»: «...они сказали,

что Она очень *хорошая*, она не замужем, у нее есть дочь 8-9 лет... И еще они сказали, что она точно очень *хорошая*...»).

Ирония, неизменно присутствующая в текстах Гришковца, очень интеллигентная. Она составляет суть мироощущения героя, затрагивает взгляд на самого себя. В этой иронии нет бегбедеровского вызова, бахвальства своим остроумием, нарочитой грубости. Ирония, свойственная для мироощущения героя, и языковая сдержанность роднят прозу Гришковца с довлатовскими историями. «Рубашка» носит черты байки и, вместе с тем, романтической притчи, плутовского романа.

И, главное, ирония не касается самой природы любви. О «Ней» — любимой женщине — говорится всегда серьезно, порой даже слишком. Любовь у Гришковца — болезненная, изматывающая, но какая-то... другая... Московская. Декабрьская. Без истерик, групповух, оргазмов и прочих физиологических подробностей, которые так любит французский автор.

«Рубашка» — история человека в момент наивысшего напряжения сил, все люди и события воспринимаются им через призму мучительного чувства любви. Как и в случае с «Марком Марронье», мир утрачивает цвета для влюбленного по-настоящему мужчины («*...ясно же, что сейчас все происходит только со мной. Мир может отдохнуть. Сейчас я в эпицентре. Точнее, эпицентр — это я*».)

Однако острота любви усиливается ощущением одиночества человека в мегаполисе. Хороший человек в Большом Городе. Образ Москвы становится не только фоном повествования, но одним из важнейших действующих лиц. Движение машин, суета в метро, заполненные людьми кафе и рестораны, тысяча предлагаемых концертов, таксисты — нервные и проницательные, умные и пронырливые, лица, лица, лица и — Кремль, «далекий и сказочный, как в детстве», — все это определяет своеобразный ритм романа. Несколько скачкообразный, но не за счет смены интонации, как у Бегбедера, смешивающего пафос и фарс, но, прежде всего, за счет необычного «освещения» событий.

Пытаясь дать передышку измученной душе и скрыться от любви, герой постоянно «уходит» в измерение своих снов и фантазий. «Вставные» эпизоды, связанные с работой подсознания героя, и постоянно присутствующий образ большого изматывающего города — границы мира (дальше — уже некуда!) — создают ощущение бесконечного дня: время в романе растягивается, выходит за рамки настоящего.

Писатель, скорее всего, непроизвольно, моделирует особенную, ветвистую временную, систему, в которой пребывает влюбленный. Организованный таким образом хронотоп расширяет тематический спектр «Рубашки». Это — роман-ощущение, роман-отношение. Отношение к женщине, к городу, ко времени. И в этом отношении сплетаются любовь, тревога, зависимость, ревность, недоверие, надежда, но — снова и прежде всего — любовь.

Именно такой, тревожной и мучительной, любовью может проникнуться взрослый мужчина к взрослой женщине, провинциал к столице, 30-летний человек к течению часов и дней.

Пространство, как и время, в какой-то степени мифологизировано. Есть Родной город (собирательный образ провинции) и есть Город (он, Моск-

ва!), в который приезжает герой, пересекающий границу, разделяющую сакральное и профанное пространства. Провинциалы в Москве — одна из важнейших тематических составляющих романа. О Москве так же, как о любви, говорится очень серьезно, но с долей самоиронии: «*...когда я приехал, мне нужно было одно — информацию из Родного города о том, что все очень плохо, все спились, опустились, после моего отъезда жизнь остановилась, и все страшно скучают, а, главное, всех преследует жуткая нищета...*»

Подкупающая честность, наивная непосредственность признаний героя производят обратное впечатление — глубокого откровения. Создается ощущение камерности, будто кто-то, очень похожий на тебя, с такими же мыслями, страхами, комплексами, делится с тобой своим опытом. При всей прямолинейности и открытости писательской манеры в тексте Гришковца сохраняется чеховская интонация недосказанности, полунамека. Его герой приходит примерно к тому же пониманию природы любви, что и многострадальный Бегбедер, констатируя: «*...любовь не может быть ни счастливой, ни несчастливой. Она невыносима в любом случае...*» И самое невыносимое в таком состоянии — это «*переходы от надежды к отчаянию, от уверенности к сомнению и обратно...*»

Перед любовью все равны: и российский архитектор, и французский креатор. Однако Гришковец рассказывает о зарождающемся чувстве, о самом начале любви, обещающей быть серьезной и долгой. Бегбедер же предлагает иной вариант развития отношений, прокладывающих свой путь к вершинам духа через адюльтер и постель.

История Гришковца воспринимается, прежде всего, в контексте Города, где любовь кажется чудом. И этот один день, проведенный человеком в тревоге и мучительном напряжении, наполнен скрытой поэзией и удивлением перед тем, чего могло бы не быть, чего не должно было быть в Таком Городе — любви!

Если роман Бегбедера — о страсти мужчины и женщины, которых сразу же представляешь в горизонтальном положении (они спят вместе, занимаются любовью, облизывают друг друга, просто лежат), то «Рубашка» — о том, как мужчина и женщина идут навстречу друг другу, останавливаются, а затем снова идут, но — вместе и в одном направлении.

Женщина, в которую влюблен герой, так и остается за кадром, на другом конце провода. Она — это, пока и для героя, и для читателя, несколько мимолетных встреч и телефонный звонок, который надо сделать, чтобы услышать ее голос. Который страшно сделать («*после таких звонков становится еще хуже*»). Которого он все время с напряжением ждет.

На авансцене повествования, словно высвеченные прожектором, фигурируют непосредственно главный герой, влюбленный архитектор Саша, и его друг Макс. В образе Макса писатель со свойственной ему ненавязчивостью воплотил черты национального характера.

Макс парадоксальным образом сочетает шутовское и драматическое начала. Немного ребячливый, задиристый, со своей дурацкой бородкой, он кажется несокрушимым оптимистом и весельчаком. Однако вдруг из глубин его странной и сложной натуры поднимается печаль и серьезность, даже с некоторым надрывом («*Садясь в машину, он сказал мне: "Что-то я*

устал, Саня...” Он сказал это так грустно и так... по-настоящему. Эта интонация никак не вязалась с его недавним весельем...»).

Макс — человек крайностей, человек с размахом. В нем сочетаются грубоватая, порой нарочитая дурашливость и тонкость, хаотичность, шумливость и какая-то внутренняя тишина, наивность и мудрость, непоседливость и усталость. И в поведении его — вечные перепады, крайности («*...чаще всего он напивался, потом коротко фонтанировал, то есть говорил тосты, задумывал какие-то дерзкие затеи, а потом раз... и уже спит где-то в уголке или исчезает бесследно...»*).

Игра в Хемингуэев, придуманная Максом, содержит двойственность, пограничность мироощущения. Обольщение, не доведенное до финальной точки. Встреча, обреченная на расставание. Флирт полунамеков на грани серьезного намерения. Это же она — невыносимая легкость бытия, выражающаяся в стремлении ускользнуть от реальности, глубоко, почти органически переживаемой Максом.

В течение описываемого дня героев Гришковца посещают духовные откровения. Макс делится со своим другом новым ощущением «реальности» жизни: «*Саня, жизнь реальна! Я это понял и так... обломился! Жизнь — реальная штука! Мне уже больше 30 лет. Я реальный... Это страшно...»*

Ощущение тяжести, угнетающей реальности собственного тела и окружающего мира свидетельствуют о переживании героем «жизненного рубежа» и сопутствующего ему психологического кризиса. Открытия реальности, совершаемые героями, носят воистину экзистенциальный характер и сартровский по типу драматизм. Герой Сартра Антуан Рокантен также внезапно наталкивается на реальность: «*...всей тяжестью навалившись на фаянсовую раму, я приближаю свое лицо к стеклу, пока оно не упирается в него вплотную. Глаза, нос, рот исчезают — не остается ничего человеческого. Коричневатые морщины по обе стороны горячечно вспухших губ, трещины, бугорки. Широкие покатости щек покрыты светлым шелковистым пушком, из ноздрей торчат два волоска: ну прямо рельефная карта горных пород. И несмотря ни на что, этот рельефный мир мне знаком...»* Рокантена, постигнувшего вдруг осязаемую и неотступную природу реальности, настигает тошнота, которая может привести либо к смерти, либо к новому рождению. Также и герои Гришковца, оказавшись на распутье (как Макс) или в момент очень сильного эмоционального потрясения — любви (архитектор), приходят к необходимости окончательного самоопределения.

Вместе с новым осознанием реальности трансформируется картина мира, восприятие людей и самого себя. Временные ориентиры (прошлое-настоящее-будущее) оказываются смещенными. Настоящее героя Гришковца вбирает и опыт прошлого, и неясное предчувствие будущего. Причем переживание прошлого носит почти прустовский характер: не воспоминания, но ощущение непреходящего детства, неизменное присутствие «того “Я”» во взрослом сформировавшемся человеке: «*...там, на скамейке, сидел тот же самый Я, что стоял, слушал песню и плакал. Все остальное во мне менялось: вес, рост, интересы, желания. А что-то не менялось. Вот это что-то смогло почувствовать время, смогло полюбить эту песню и вообще полюбить...»*

Бегбедер и Гришковец представляют различные тенденции современной прозы.

Характер зарубежной литературы еще со времен Дж. Джойса и М. Пруста в большой степени определяется открытиями фрейдизма и отличается особым вниманием к сфере подсознания и смелостью в изображении физиологии человека. Проза 90-х гг. лишь усилила акцент на изображении секса и различных отправлений, прибавив критику общества информации и потребления. Натурализм Ф. Бегбедера доведен до той точки максимальной откровенности, что начинает перетекать в сюр. В этот прозаический коктейль автор добавляет элементы постмодернистской игры с культурными аллюзиями, иронию, смену масок (автор-герой / объект-субъект). Любовь в изображении Бегбедера становится то брэндом, предназначенным для рекламной кампании, то поводом для построения довольно-таки циничной философии и морали.

Проза Гришковца менее эклектична. Сознание героя, от лица которого строится повествование, более целостно и в то же время интеллигентно.

Бегбедеру не хватает этой интеллигентности, сдержанности. Он работает на публику, находится в режиме ток-шоу, предназначенного для глаз многомиллионной аудитории.

Популярность Гришковца не исключает камерности, а, напротив, во многом объясняется ею. Его ирония тонка и неуловима. Он пишет современный роман на старую тему — о Любви в Большом Городе, и при этом приходит ощущение новизны и в то же время узнаваемости. В его прозе никто никого не тискает, не лижет, никто никому «не вставляет». Откровенную эротику вытесняет скрытый лиризм, но читать от этого не скучно. Автор предлагает натуральный художественный продукт, оставив за рамками текста химикаты и красители.

Где больше правды? Может быть, там, где больше красоты?

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

(Второй квартал 2007 г.)

А. «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь»

Важное, но недооцененное направление в современной русской литературе — **ПРОЗА РЕЛИГИОЗНОГО ГОРИЗОНТА**. Это вещи, в которых свидетельства будней не замыкаются плоскостью посюсторонности, а духовный поиск отчетливо сопрягается с чувством вечности, с попыткой нащупать путь к Богу.

Часто такая проза имеет исповедальный характер. Вот и в замечательной **повести Сергея Щербакова «Иринарховский крестный ход»** («Наш современник», № 4) участие в крестном ходе в глухой российской провинции обновляет душу уставшего и больного рассказчика, в котором без труда угадывается сам автор. Этот эпизод становится поводом исповедально рассказать о трудном личном пути к вере, к Богу — и дать понять, что путь этот (испытание и искушение), в сущности, никогда не кончается, пока человек жив. Возникают новые испытания, появляются новые соблазны. Крестный ход длится и длится. Манера Щербакова — детализированная фиксация событий и переживаний, панорамирование встреч и разговоров в попытке воссоздать факт жизни и факт веры во всей их полноте. Нередко пафос рассказчика — умиление и даже, пожалуй, религиозный восторг. Но чувство лишено фальши и уравновешено трезвым, а подчас и юмористическим взглядом на себя, людей вообще и мир, а также способностью остро почувствовать свою вину... А в **очерке** Щербакова **«У одной реки»** («Москва», № 4) дружат и спорят два писателя, живущих по соседству в небольшом поселке Борисоглеб под Ростовом. Один из них ушел из жизни, а другой сейчас вспоминает о друге, определяя для себя меру их духовной близости.

У **Марии Ботевой** из Вятки в этюде **«Много солнца»** («Октябрь», № 5) тоже возникает мотив крестного хода. Но начинающий автор сохраняет верность своей сомнительной манере — загружать читателя нечленораздельным (хотя иногда и выразительным) потоком сознания, производящим впечатление сырой заготовки к настоящей прозе. Неубедительно и неново экспериментирует Ботева.

А **Василина Орлова** в **повести «Здешние...»** («Новый мир», № 6) в очерковой манере рассказывает о молодой москвичке, которая устроилась работать в монастыре «на сайт» (тоже едва ли не нон-фикшн). Так что в ее жизни рядом с сугубо мирским — церковное, и приходится искать всему этому какое-то соединение. В общем-то, простого хронометража жизни здесь пока что гораздо больше, чем душевного проникновения и воли к духовному синтезу. Но вектор все же задан. *«Цветной киоск "Союзпечати", и взгляд*

спотыкается о фигуру человека, что лежит на асфальте. В нос шибает резкий запах. Лицо прикрыто полой куртки, а над ним нависает в сером облачении милиционер, который говорит по рации, в усы. "Мертвый",— мелькает, привнося недовольство, тень мысли, и я иду дальше: "Но ведь пять минут не много — хороша его дорога". Шагов через десять спохватываюсь: только что видела мертвого. В Москве смерть неявна. Разве что несчастная смерть — ну не успела и не спряталась».

В **повести Александра Старостина «Стрела летящая»** («Москва», № 5) главная удача — образное свидетельство томительной пустоты безбожных душ в советскую эпоху. В военную пору мальчик Санек потерял маму (она арестована), и началась его интернатская жизнь. Колоритные характеры, интересные детали. Нянька учит парнишку молитве. Кончается же все и вовсе довольно удачно: чудесным образом Санька нашел вернувшийся с фронта отец. Автор добросердечно сглаживает драматизм жизни. Сентиментализм по канве истории.

Благочестивая сентименталистская дидактика на материале войны и разных семейных коллизий отличает и наивно-трогательные **рассказы** самарского протоиерея **Николая Агафонова** («Наш современник», № 6).

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, кажется, вымывается из современной российской жизни. «Немодный», «непрестижный» статус. Однако писатели от себя не уйдут, а потому, сохраняя какие-то признаки непопулярного сословия, довольно часто свидетельствуют об его житье-бытье сегодня или вчера.

Характерен **роман Андрея Дмитриева «Бухта Радости»** («Знамя», № 4). Довольно рядовой обыватель, мелкий московский рантье Стремухин сохраняет в романе способность к интеллигентской рефлексии, отчего выглядит как сущий лох. Его и пытаются «развести». Случайная компания задумала отобрать у героя квартиру, заманив его за город и там запугав и заставив подписать нужные бумаги. Но жизнь, по Дмитриеву, строится не по плану, хаос случайных событий захватывает персонажей и несет их куда-то вдаль. Злодейский замысел провалился по мелким причинам. Расхристанность и непредсказуемость человека (если только речь не идет о патриархальных реликтах) у писателя сочетается с иррациональностью бытия, где нет ни начал, ни концов... Но роман по замыслу шире. Пляжно-развлекательная зона, бухта Радости на водохранилище под Москвой, у Дмитриева — место, где и откуда панорамируется современная жизнь с ее характерными поворотами и развязками. В общем и целом писатель фиксирует погружение общества в варварство, чему не мешает способность некоторых персонажей к добру и тяга их друг к другу. Правда, автор пытается уравновесить доминирование зла и дикости сюжетно, заканчивая роман оптимистическим аккордом — изобразив деловитую, умненькую девочку, которая и за себя постоит, и жизнь вокруг себя наладит... Тонкая, интересная проза. О ней уже писали и, в основном, критично, упрекая автора в недостаточном знании и чувствовании современности, в избыточной интеллигентности с ее комплексами (брезглив к быту, не любит жизнь, о которой пишет, и т.п.). Не думаю, что нужно требовать от писателя жесткой аналитики или эпического размаха. Дмитриев — автор гораздо более камерный, созерцатель-

лирик. Средства его подчас на грани поэзии. И если взглянуть с этой стороны, то его «поэма в прозе» может быть принята. Во всяком случае, я б говорил об удаче автора.

Отношения с дедом, крупным партийным функционером сталинской эпохи, выясняет **Илья Кочергин** в лирико-исповедальной **повести «Я внук твой»** («Знамя», № 6). Скелет извлекается из шкафа. Видно, как непросто рассказчику и стоящему за ним автору разобраться с семейным прошлым. Ему пришлось ради этого отправиться в Бельгию, где он снова и снова в процессе обсуждений и раздумий взвешивает ресурс темы (написать о деде) и ищет личное, неклишированное чувство и настроение. Вот этот риск внутренней свободы и искренности и ценен в повести.

Анатолий Азольский в романе «Посторонний» («Новый мир», № 4 — 5) изобразил рядового литератора-интеллигента позднесоветской поры, который рассказывает о себе, о своей жизни. Это проза очень «азольская»: получился очередной абсурдистский, сюрреалистический роман о хаосе жизни, об угрозах и западнях социума, о смятении и эксцентрическом изгибе душ, о страхе быть и попытке выжить во что бы то ни стало, обрекающей героя на лихорадочную активность. Поэтому правдоподобие в отдельных деталях сочетается с сущим сюром, причем писатель аккумулирует в своей новой прозе темы и мотивы старых своих вещей. Азольский — вне конкуренции как *наш современный Кафка*. Подробности советского времени (гебня и ее агенты, сочетающие в себе комплексы раба и господина; ученые с сознанием подпольщиков; развращенные лицемерием момента женщины; психиатры, производящие опыты над людьми, и т.п.) используются автором для создания гротескного образа эпохи и жизни вообще. Но в целом, в каком-то предельном заострении Азольскому удалось сказать о брежневщине, сером застойном мире позднего совка нечто очень убедительное. Это иногда даже не понять, но можно «почувствовать шерстью». Экзистенциальный ресурс такой прозы не вполне осознается. У героя (и, может быть, у автора) есть какой-то мазохистский восторг погибельности. Есть чувство (или подозрение), что мир — только условность: игра, фикция.

В отличном **рассказе Наталии Червинской «Переселение душ»** («Знамя», № 6) подкупает сочетание тихой влюбленности в героев и сугубой трезвости в их оценке — при изображении диссидентской среды эпохи застоя. Полное убедительных деталей точное и остроумное свидетельство о времени и о советских инакомыслящих с их мотивацией и пафосом, с их бытом — то, что уже начало подзабываться и что нынче нередко пытаются осудить или высмеять. Червинская же не хочет выставлять на суд и осмеяние свое прошлое и далеко не худших людей былой эпохи.

В **рассказе Леонида Юзефовича «Язык звезд»** («Знамя», № 6) в начале 90-х оставшийся без работы историк пробует подкормиться кропанием научно-популярных очерков для какого-то издания. Но время непрочное, издание то меняет концепцию, то вовсе пропадает. Попутно Юзефович пересказывает сюжет своего героя о самозваном сибирском царевиче Алексее в послереволюционную пору. И это в рассказе — самое интересное. Гибель самозванца рифмуется с житейским неустройством и хаосом социума в 90-е.

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ В ВЕРСИИ СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ

Специфический социальный пласт подняла **Ирина Богатырева** в **повести «Stop, или Движение без остановки»** («Октябрь», № 5). В поле зрения молодого прозаика — современная «Система», очередной этап хипписткого движения в России. Жизнь как странствие, и текст как хроника странствий. Автостоп как философия. Сквоты как суверенная демократия в настоящем смысле, а не в дешевом политическом маринаде. *«Мы — точки, разбросанные по дороге, романтические последователи гуру Керуака, мы братья одного ордена, и на нашем гербе можно вывести: "In via veritas" или проще: "Дорога всегда права". У нас разные цели, разные маршруты, но все мы едины в своем ощущении: только здесь, на дороге, мы становимся свободными».* К сожалению, градус духовных поисков не очень высок. Но текст интересный, перекликающийся со свидетельствами о русских хиппи 70–80-х Ремизовой и Вяльцева.

Несладкая жизнь банкира описана **Юлиу Эдлисом в *наброске романа* «Ждите ответа»** («Дружба народов», № 4). Строительство и потеря своего дела, бизнеса. Грамотное, культурное повествование по канве социально типичных перипетий и обстоятельств эпохи. Элемент фантасмагории привлечен, чтобы оттенить амбиции нуворишей и их неполную состоятельность. Взгляд автора довольно мрачен: нет прочной основы в России, нет надежной перспективы. Сегодня ты успешен, а завтра сгоришь. И останется от всего один исторический анекдотец.

Роман Дмитрия Стахова «Генеральская дочка» («Дружба народов», № 5) — современная версия (чуть ли не римейк) пушкинского «Дубровского». Генерал, разбогатевший на крышевании наркотрафика и ставший современным помещиком. Его честный друг, полковник, вздумавший поспорить с приятелем и расплатившийся за это по полному счету. Их дети — дочка и сын... Любовь и месть. Личная жизнь еще может случиться удачной, но страна... кажется, обречена. Во всяком случае, к финалу герои (кто выжил) покидают ее навсегда. Культурная, умная, красивая, отчасти вторичная проза.

Жестко и ярко портретирует хозяйку рыночного лотка **Галина Зайнуллина** в **рассказе «Торг уместен»** («Дружба народов», № 5). Хваткая женщина, которую заставляет быть безжалостной забота о детях: им нужна поддержка в Америке, куда они отправлены подальше от грубошерстной родины.

В тенденциозном **рассказе** тарусца **Сергея Михеенкова «Хрол»** («Наш современник», № 6) старик-ветеран решил лечь костьми, но не пущать в свою деревню новых собственников окрестных земель. И лег. Помер в окопе. По мрачноватой логике автора, этот старик — последний герой, в России других не осталось. Остались одни «шакалы».

«Зачистка» Николая Иванова («Наш современник», № 5) — весьма жестко идеологически сконструированная **повесть** о чеченской войне. Героизм простых солдат на фоне общего хаоса и откровенного предательства.

В **рассказе Ивана Евсеенко «Возмездие»** («Наш современник», № 5) сопоставлены два древних старика-ветерана второй мировой: немец и русский. Немец лелеет краешком души чаяние реванша, в то время как русский незлобиво-бесхитростен и ни о какой войне думать не хочет.

Повесть кубанца **Николая Ивеншева «Индекс счастья»** («Москва», № 4) — нервно-эксцентрическая история о провинциальной учительской семейной чете. Она — цепкая дама, умеющая в духе новых времен получить дивиденды от сомнительного педагогического новаторства. Он — скорее старомодный тюфяк, сломленный жестокостью, которая стала нормой в современном мире.

Два отличных **рассказа Алексея Торка** («Дружба народов», № 4) сочетают ретроспекцию с описанием современной таджикской жизни. В рассказе **«Джамшед Блистательный»** автор использует фольклорную матрицу: герой-богатырь спасает-выручает своих земляков из села на границе с Афганистаном. Поводы к спасению в изобилии создает постсоветская эпоха. Но наступает момент, когда герой уже оказывается бессилен — и тут выясняется, что сами селяне-земляки не могут сопротивляться соблазнам и капитулируют. В рассказе **«Лухтак»** офицер-пограничник в купе поезда поведал повествователю о живописном сюжете. Когда-то русская девушка была захвачена разбойниками и взята в жены афганским шейхом. Странно складывалась дальше ее жизнь, но когда она умерла, то в ее волосах нашли спрятанный крестик и поняли, что нельзя хоронить христианку в мусульманской земле... В итоге старушка, которую с немалыми перипетиями доставили в Таджикистан, была схоронена в общей яме, вместе с бомжами и прочими неведомыми гражданами. Россия про свою соотечественницу предпочла забыть. Чай не Деникин и не Каппель, чтоб возиться с ее останками.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

В **повести Александра Кормашева «Хождение по Сухой-реке»** («Москва», № 6) изображен северорусский фронтир глубокой старины. Хищные повадки, религиозные просветы. Ощущение, что Кормашев идет по следам Алексея Иванова, который в недавнее время реанимировал исторический жанр именно в таком экзотически-приключенческом повороте, с темной, но жаркой душевной жизнью.

Станислав Золотцев снова публикует (на сей раз в «Москве», № 5) историю о брате своего дяди — герое войны (**«Как погиб Гавря»**). Для тех, кто еще не читал про это в «Нашем современнике» (2006, № 11).

Роман Николая Климонтовича «Последние назидания» («Октябрь», № 4) — изобилующие мелкими подробностями воспоминания о детстве и ранней молодости. Мальчик из интеллигентной семьи. Первые любовные опыты. *«Бывало, мы с Танечкой за столом принимались целоваться, лизаться, как говорили недовольные наши товарищи, и если бы они только знали, что после пива мы с ней, удирая от них, забивались в какое-нибудь парадное и наспех предавались торопливой неловкой любви, то умерли бы от зависти. Что ж, мы тогда любили друг друга без оглядки, не думая о будущем»*

Иркутянин **Андрей Румянцев в «байкальских историях» «Моя Атлантида»** («Москва», № 5) вспоминает о жизни в сибирской деревне в середине XX века. Сельский быт, шутки-прибаутки, занятно, но без претензий на глубину и значительность. Какое-то вполне банальное «дело было в Пенькове». Ценное разве лишь тем, что мало кто уже может вспомнить про ту жизнь, о которой рискнул рассказать Румянцев.

Екатеринбуржец **Евгений Касимов** в простодушном **рассказе «Парикмахер Яша»** («Знамя», № 4) начинает с того, что описывает детскую манию — местного парикмахера Яшу мальчишки принимают за чудесно спасшегося Гитлера: усы похожи. Ну а вполне взрослые граждане смеются над Яшей: тоже вояка, брил офицеров при штабе фронта. Хорошо устраиваются евреи. ...А на самом деле скромняга Яша был на фронте разведчиком! И награжден орденом. А усики у него — чаплинские.

В **повести Леонида Костюкова «Мемуары Михаила Мичмана»** («Новый мир», № 5) герой вспоминает о Бунине и разных прочих вещах языком бунинской прозы. Умелая стилизация. Мысли, претендующие на силу и яркость. Например: *«немногим удалось прошить это поучительное столетие насквозь и выйти по другую его сторону, в мир прокладок и гамбургеров. Что ж, поживем и здесь, тем более что я всегда предпочитал фарс трагедии. Фарс представлялся мне богаче диапазоном. А тень трагедии заведомо тебя стережет — в этом плане дефициту не бывает. Другое дело, что и трагедия вблизи тоже оказывается прошита черноватой нитью смеха»*. Замысел мог бы быть связан с подведением итогов XX века. Но реально скорей все сводится к сакраментальному *«все течет...»* и к перечню знакомых рассказчика — литераторов, каждому из которых достался неброский эпизодец.

ПРОЗА РАЗНООБРАЗНЫХ ЖИТЕЙСКИХ ПЕРИПЕТИЙ. ИСТОРИИ О ЖИЗНИ, О ЧУВСТВАХ, О ЛИЧНОМ

Анна Лавриненко из Ярославля в дебютной **повести «8 дней до рассвета»** («Знамя», № 6) делится опытом первой влюбленности. Нескладные полудети. Нескладные перипетии. Все не очень ярко. Но в том, вероятно, и все обаяние этого текста: нескладно, зато искренне. Представляет и рекомендует повесть Владимир Маканин.

У более опытной беллетристки **Анны Бердичевской (рассказ «Соляной столп»**: «Знамя», № 5) и любовная история более пряная. Соседка по купе поведала рассказчице о том, как она, оскорбленная открывшейся изменой мужа, решила не отставать. Отправилась к морю, где свела знакомство с юным прекрасным диджеем из местного клуба. Дамочка успела в него влюбиться, когда узнала, что избранник-то — гей. Вот как не везет честным женщинам с мужиками! Впрочем, отношения развивались своим чередом и пришли к заветной точке, но потом избранник все-таки предпочел героине связи с мужчинами... Автору в душе жалко мальчика (или соседку?), но она толерантно на все согласна.

Еще одна любовная история с перцем рассказана **Львом Усыскиным («Длинный день после детства»**: «Знамя», № 5). Снова юг, мальчик и девочка. И, чтобы придать их отношениям остроту, сюжет об учителе наших подростков, про которого ходит слух, что ориентация у него нетрадиционная. Проба на сексуальный вкус у Усыскина выходит малость послабее, доминирует ностальгическая нотка: как хорошо любилось в юности у моря!

Наталья Смирнова в **рассказе «План огорода»** («Новый мир», № 4) также изобразила красивый южный роман. Здесь полюбили друг друга замужняя бездетная дама не первой молодости и прекрасный юноша с нудист-

ского пляжа. Смирнова вникает в переживания героини, которая отправляется на год в монастырь на послушанье, но, в конце концов (с одобрения автора), целиком отдается чувству. А в **рассказе «Соседки»** выведены семейные треволнения нестарой городской тетки. Муж ее бросил, она дурит с бандитами и секретничает с соседкой и, в общем, забавна, когда про это читаешь, но скорей всего вусмерть скучна в жизни. Мастерский сказ. С особыми красотами типа: «*Пацан травокурнутый, что с него взять, с несовершеннолетки?*» Или: «*Ирка давай ворчать: — Говорила я тебе, что в коротких юбках всю шваль соберем. Ничего она мне не говорила, может, думала, а не сказала. — Зато,— возражаю,— женщинами себя почувствовали. Она удивилась: — А не телками?*» Рассказчик Смирнова умелый, точный. Правда, темы ее на сей раз довольно банальны.

«Ледолом» вологжанина **Станислава Мишнева** («Наш современник», № 6) — история о незадачливой сельской учительнице, которая не откликнулась на неуклюжее чувство простого крестьянского парня — да так и осталась старой девой. Глупа была или судьба такая? Автор не дает окончательного ответа. **Рассказ** нестройный, но трогательный.

А в ***диалогах*** начинающего автора **Екатерины Донец «Фидель»** («Знамя», № 5) — невнятной любовной истории — главный интерес связан с умелым привлечением реалий Интернета (переписка, компромат и т. п.). Познавательно — для тех, кто пока не приобщен. Деваха пытается шантажировать своего любовника, который предпочел ей жену и карьеру в КПРФ.

Рассказы молодого **Ильдара Абузярова «Гламур в трущобах»** и **«О нелюбви»** («Октябрь», № 6) — изощренная, рафинированная, эстетская, литературно вторичная, яркая образно и лишенная глубины проза о взаимоотношениях мужчины и женщины. Одна вещь — с социальным контекстом, хотя и смазанным за счет декадентского тона и финала. Гламурная девочка описана убедительно, «подпольный человек» — никак, не знает Абузяров, что «подпольность» — это философия, а не социальная функция. Плохо в школе учился. Другой рассказ — просто затянутый психологический этюд в эффектных декорациях портового приморского города, пряной южной ночи и т. п. Эстетический перегруз все-таки очень сильно мешает, создавая впечатление, что автору сто лет в обед и он в старости смакует словами то, что ему уже недоступно в реальности.

В **рассказе Станислава Минакова «Нежный Плотов»** («Октябрь», № 4) описана любовь культурная. Точнее, нежный флирт. Сплошные нежности и деликатности. Даже до слащавости. «*Плотов был обманываться рад: ему хотелось думать, что Алина трогает его столь содержательно, как трогал бы ее он сам, но до поры не торопился. Однако потом погладил хвостик ее волос, коснулся щеки, да так и замер, потому что она удержала его руку, прижав плечом. Он потек навстречу ее склоненной набок голове, и сразу их губы встретились, забылись друг в друге. "Уста наши открыты вам, сердце наше расширено". Скажешь ли лучше апостола Павла? Или апостол говорил — о другом, внестрастном?..*»

Повесть калининградки **Екатерины Ткачевой «Я не помню»** («Октябрь», № 5) — судорожно-нервная и отчасти истерическая хроника похождений забубенной девицы, детдомовки на фоне общего непотребства. Иног-

да героиня сущая дикарка, иногда, непонятно с чего, обнаруживает признаки культурной оснастки. Зачем эта как бы правда как бы жизни — неясно. К тому же (для прикола?) то от первого лица, то от третьего. Впрочем, хэппи-энд.

Наталья Рубанова владеет жизнью в объеме 2–3 абзацев, коротких сюжетов, мелких движений чувства и т. п. Умело начириканные ею скромные девичьи **рассказы** так и названы — **«Короткометражные чувства»** («Знамя», № 4).

А у **Александра Малиновского** полюбили друг друга человек и кошка. Его **«Сергеич и Сима»** («Наш современник», № 4) — трогательная история об одиноком человеке и кошке, которая забрела на огонек, а в итоге спасла героя от смерти. Наивно-сентиментальное повествование.

«Родина и Кадет» — рассказ курганца **Алексея Еремина** («Москва», № 4) о двух робинзонах, поселившихся на острове. Они сначала вдрызг ссорятся, но когда один тяжело заболел, другой пытается спасти товарища, переступив через обиду. Сентиментальная, вязковато-монотонная проза.

«Приданое» Виталия Якушева («Москва», № 5) — психологический этюд о старой деве из захолустья. Его **«Неверка»** — еще одна история о немолодой женщине. На сей раз это таежная анахоретка со специфическими верованиями. Колоритная речь, живописные подробности.

В **рассказе Владимира Новикова «Витяня-няня»** («Наш современник», № 5) солдат-инвалид приходит домой после Чечни и понимает, что здесь он никому не нужен (а прежде всего невесте). Тогда он возвращается в военный госпиталь в Ростов, чтобы санитаром помогать еще более травмированным парням. Сентиментальная история.

«Как умирают слоны. Записки из бутылки» Игоря Алексеева («Новый мир», № 5) — собрание миниатюр, в каждой из которых центральный персонаж умирает или готовится умереть. Иногда здесь возникают религиозные аксессуары, но в целом сознание героев Алексеева (да скорей всего и его самого) глубоко безрелигиозно, отчего смерть мыслится в этой прозе и видится как отвал в небытие и вызывает разнообразные физические и душевные судороги. Коллекция такого рода выглядит едва ли не патологично.

На ощупь пробует чувства, возникающие у героя после смерти отца, **Денис Гуцко** в **рассказе «Сороковины»** («Знамя», № 5). Впрочем, чувства сминаются бытом, к тому ж герой заказывает панихиду в храме, где он ничего не знает и не понимает. Вот про это и рассказ, к финалу которого читатель, кажется, должен вместе с героем испытать облегчение от того, что перипетии остались позади.

В небольшом **рассказе Андрея Битова «Стук-грек!»** («Новый мир», № 5) смысловым средоточием становится смерть брата. В каком-то странном облике и неузнанным брат в момент своей смерти явился автору, находившемуся в тот день в бывшей Восточной Пруссии. В **рассказе «Человек, который видел Баха»** автор в Копенгагене встречает старого знакомого, талантливого органиста и житейски нескладного человека. Тот вспоминает о мистическом юношеском сне, в котором встретился с великим композитором. Возможно, нон-фикшн — но с оккультным привкусом. Проза виртуоза в жанре гениальных безделок.

Дмитрий Бавильский (**«Мученик светотени»** — «Новый мир», № 5) отправляет рассказчика из Москвы в Питер на свадьбу приятеля. Свадьба происходит в дворцовых пригородах Петербурга и оказывается затяжной, позволяя герою вспомнить папу, с которым он когда-то впервые осваивал город на Неве, поделиться культурными впечатлениями от тамошних памятников и вообще вдосталь насмотреться на окрестности, описав все по порядку. Убедительные подробности, впечатление затянутости.

У **Олега Зоберна** в **рассказе «Меганом»** («Новый мир», № 6) два приятеля путешествуют по Крыму. Описание, как почти всегда у Зоберна, сводится к фиксации происходящего: то подробной, то небрежной. Похоже на автопародию; по крайней мере, комический эффект в истории двух оболтусов, почему-то считающих себя писателями, заложен. В финале автор попытался дать экзистенциальный акцент, который сам по себе красив, но, однако ж, пришит к тексту белыми нитками.

«Короче» Линор Горалик («Новый мир», № 6) — собрание миниатюрных **рассказов**, с сюжетом или без: каждый как царапинка с психологическим, а то и социальным подтекстом. Герои Горалик — чаще всего европейцы, и темы ее импортные для нас. Остроумно и не очень глубоко.

«Роза и остальные. Маленькая трагедия» Ксении Голубович («Октябрь», № 5) — история о сломанной челюсти. Соседка по больничной палате Роза — из простых, и героине, просвещенной московской девице, почитательнице театрального гуру Анатолия Васильева и т. п., внове внимать ее рассказу о незамысловатой, но страстной жизни (совсем как у древней Медеи в васильевском спектакле). Забавная вещь. Нужно было не знающей жизни за пределами своего рафинированного мирка героине так лопухнуться со своей челюстью, чтоб узнать, что люди, бывает, живут и иначе! Культурная проза с примесью бреда.

Рассказ Евгения Москвина «Лишние мысли» («Октябрь», № 5) — довольно скучная имитация речи сумасшедшего. Герою кажется, что он попадает в Государственную Думу, а на самом деле его помещают в психушку. Подражание Гоголю, актуализация, что ли, — но далеко не на уровне оригинала.

ФИКЦИИ

У **Александра Иличевского** в **рассказе «Горло Ушулука»** («Октябрь», № 4) с великолепной пластической силой выписана довольно дурацкая и бессмысленная по сути история. Герой попадает к овцеводам, обитающим на острове в волжской дельте. Спустя некоторое время и в результате ряда перипетий оказывается, что у героя имеется двойник — маньяк... В общем, декадентская готика — если искать в этом какой-то смысл. Но смысла как раз искать не нужно. Просто читать и получать почти физиологическое удовольствие. Таков уж Иличевский в собственном, так сказать, соку: талант рассказчика, образное ви́дение у него замечательные, свежесть взгляда и сочность языка подкупают, — а сказать ему нечего. Что-то звериное есть в этой прозе. Автор работает чутьем, а область духа ему неведома, моральные вопросы смазаны, да и вообще про отношения между людьми Иличевский почти ничего не знает.

Чем-то близок прозе Иличевского **рассказ Анатолия Николина «Посвященный»** («Москва», № 6) — нескладная, но зловещая история. Европеец отправляется в командировку в казахские степи и в одну безумную ночь общается с тутошним восточным интеллектуалом и аристократом, который к утру окажется зарезан. Ну и не жалко его — зачем ругал русских?..

Привкус сюра есть и в **рассказах Бориса Бицоева** («Дружба народов», № 5) — правда, гораздо более рационалистичных. В одном (**«Как мы выиграли войну»**) некие кавказские жители, горожане, встревают в войну с индейцами. В другом (**«Гибель империи»**) — рыночный торговец глубокомысленно рассуждает на заданную в названии тему. И еще несколько отчасти парадоксальных сюжетов. ...Эффект остранения налицо, культура слога тоже, общий смысл проекта от понимания ускользает. Вероятно, подражание латиноамериканцам. И неплохое.

«Макароны по-францискански» Бориса Гайдука («Новый мир», № 4) — скучноватый набросок в форме монолога Вильгельма Баскервильского (героя «Имени розы» Умберто Эко). Куча слов по поводу приготовления макарон, и финальный аккорд, период, в котором автор намекает, что у монаха-францисканца и инквизитора пробудился некогда мужской интерес к девушке, которую он спас от сожжения на костре. Что сказать?.. Сказать нечего.

В **рассказе Дарьи Даниловой «Лев Николаевич и его дети»** («Октябрь», № 5) к Толстому является Анна Каренина и просит не лишать ее жизни. Что ли юмор? В ее **рассказе «Новых сообщений нет»** воссоздана вяловатая переписка парня с девушкой по электронной почте. Развитие отношений в вирте. В итоге оказывается, что наивный парень переписывался с придуманным, искусственным виртуальным персонажем, сочиненным немолодой дамой. Вероятно, автору хотелось поразмышлять о соотношении фантазии и реальности на разных исторических этапах.

Повесть **Сергея Солоуха «Щук и Хек»** («Октябрь», № 6) — антисоветская пародия на рассказ Гайдара «Чук и Гек». Игровой пустяк. Малолетки Щук и Хек становятся зеками и гибнут на затопленной барже. Вот финал, апеллирующий к финалу гайдаровской вещи: *«А что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Троцкисты в отсеке Щука и Хека были счастливы потому, что погибали в борьбе. Простые шпионы и вредители, уходя под воду, радовались тому, что их мучения наконец закончились. Но лучше всех было двум маленьким мальчикам, ребятишкам разоблаченного следователя Серегина. Потому что, как только волна накрыла их с головой, они оба превратились в прекрасных серебряных рыб. Щук в щуку. А Хек в хека. И уплыли они в Синее море. И живут они в нем счастливо и дружно и теперь. А вот почему в Советской стране с того дня не стало трески, салаки и даже мойвы, никто не может догадаться до сих пор».*

ОЧЕРКИСТИКА. МЕМУАРЫ

Чаще всего литераторы вспоминают своего брата-писателя. И себя самих не забывают.

Юрий Оклянский в **очерке «Переодетый генерал»** («Дружба народов», № 5) с замечательными подробностями рассказывает о писателе Петре Вершигоре, одном из руководителей партизанского движения в годы Великой

Отечественной. Благородный и честный человек, однажды вступившийся за винницких подпольщиков, на которых в 50-е годы наехало КГБ.

«Первая попытка мемуаров» писателя-шестидесятника **Анатолия Гладилина** («Октябрь», № 6) — литературные воспоминания. Москва, эмиграция. Довольно мало об идейных разногласиях с официозом или творческих проблемах, еще меньше — о личной жизни. Прежде всего — социальный статус советского писателя в 50-70-х годах, партийные органы, КГБ, газетные и журнальные редакции, гонорары, отношения писателей... Небогатый ракурс, в придачу многое не ново и известно от других, хотя есть и свежие детали.

Руслан Киреев продолжает вспоминать, как он трудился в литературе (**«Пятьдесят лет в раю»** — «Знамя», № 5–6). На сей раз речь о конце 70-х — середине 80-х. О том, как покупали хорошие книжки... История поэта Бориса Примерова... Цензурные перипетии... Аннинский, Маканин, Дедков и Проханов... Брат и другие родственники... Солженицын, Ким, Залыгин и еще много всякого... Среди прочего известная история начала 80-х: атака критика Игоря Дедкова на «московскую прозу сорокалетних», к коим был приписан и Киреев (теперь он всячески открещивается от связи с этой обоймой). Небезынтересное чтение для тех, кто жил в те времена: есть о чем вспомнить, есть с чем сравнить наблюдения и характеристики автора.

Лазарь Лазарев в записках **«В литературе тоже есть породы»** («Знамя», № 5) берет под защиту писателя Владимира Богомолова, которого не все понимали при жизни («воспел смершевцев!») и на которого ополчились критики после его смерти. Лазарев пытается воссоздать облик Богомолова во всей его противоречивости.

Ирина Муравьева в **очерке «Всего прочнее на земле — печаль»** с подзаголовком ***«Последние годы Георгия Владимова»*** («Знамя», № 4) по-женски (а иной раз и по-бабьи) рассказывает о личных перипетиях писателя, роман которого «Генерал и его армия», кстати, обличал тот же Богомолов. Не уверен, что впервые сообщенные Муравьевой подробности так уж важны читателю (хотя, с другой стороны, про личную жизнь замечательного мастера мы ведь и вообще практически ничего не знали; а теперь хоть что-то).

Замечательны конспективные записки врача **Максима Осипова «В родном краю»** («Знамя», № 5) — о провинциальной больнице, о пациентах и начальниках. Автором воссоздан и более общий план нестоличной жизни — с ее проблемами, с очевидным дефицитом смысла и кризисом нравов. Отличная вещь!

«Казаки в Приднестровье» Михаила Федорова («Наш современник», № 6) — незамысловатый, но живописный **очерк** о том, как новоиспеченные казаки в начале 90-х годов отправляются поддержать приднестровцев, воюющих с молдаванами. Автор, кажется, принимал в этом участие.

Женя Снежкина в **очерке «Люблино. Городской Романс»** («Новый мир», № 4) делится наблюдениями о банальном спальном микрорайоне Москвы. Наблюдения, однако, небанальны. И разнообразны. А итог такой: *«Люблино я так и не полюбила, не прижилась, я здесь — иностранка. Но я благодарна месту, давшему мне приют и покой. Благодарна сдержанности, с которой оно искоса, чтоб не смутить, наблюдает за моей жизнью».*

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Б. «Звезда», «Нева»

В «Звезде», № 4 публикуется долгожданное окончание **романа Александра Нежного «Там, где престол сатаны»**. Да только окончание ли это?.. Сомнительно. Основная сюжетная линия романа — история любви врача Сергея Боголюбова и милой, чистосердечной девушки Ани — здесь не завершается: так и неизвестно, поженились эти чересчур терпеливые влюбленные, нет ли. Остается неизвестным и другое — раскрутил герой до конца историю гибели своих предков, нет ли... Создается ощущение, что написание этого романа стало для автора неподъемной ношей. В повествование втягиваются все новые и новые герои, закручиваются новые сюжеты... Уже встречаются читателю и гуляющий по московским улицам «*странный и неприятный тип*» — антихрист, увезенный в младенчестве из России, и некий «топтун» по имени Володя, человек с высшим юридическим образованием, которому вещая старушка напророчила со временем стать главным человеком в России (кто бы это мог быть?), и министр финансов — грузный человек со стриженной ежиком головой, и певец Самуил Лобзон... Ширится и идейная нагрузка романа, главным образом за счет включения в него злободневных размышлений об антисемитизме и черносотенстве современного церковного мира... В общем, много чего. Тут уже тянет не на роман, а на философский многотомник. А текст тем временем усложняется и в стилистическом плане. Все больше в нем преогромнейших, на одну-две страницы, периодов, так что к конце предложения начисто забывается его начало. Надо ли повторять, что в этой гигантской круговерти исчезает несчастный влюбленный вместе со своей «горлицей», — не до них уже автору, озабоченному постановкой задач общемировых, никак не менее. Впрочем, это очень по-русски: для нас и в жизни это довольно типичная ситуация — решая масштабные задачи, забывать о конкретном человеке.

Обширный, но несколько расплывчатый **роман** под заглавием **«Наши звезды: звезда Полынь»** принадлежит перу известного фантаста **Вячеслава Рыбакова** («Нева», № 4). В этом произведении несколько пластов. Первый и главный — космический, присутствующий, правда, скорее в плане ностальгическом, как воспоминание о былом величии советской науки и вообще о временах космических свершений. Для Рыбакова это — эпоха подлинного торжества человеческого гения, ныне навсегда ушедшая. Но космос попрежнему держит и не отпускает от себя людей. Под этим знаком и происходят события в романе. Судорога, скрутившая ныне тело страны, по Рыбакову, не в последнюю очередь связана с ее *раскосмичиванием*. Людям некуда устремиться, земное же их копошение лишено перспективы, лишено *воздуха*. Это с одной стороны. С другой, все-таки Россия была, как ни крути, империей, а имперские устремления, куда бы они ни направлялись, — все равно имперские. Вот почему бескрайняя, безысходная тоска пронизывает весь роман. Злобный национализм, которым Россия сейчас так сурово наказана, в немалой степени, убежден автор, проистекает от растерянности, какой-то всечеловеческой безысходности. Потому роман населен несчастными, одинокими, запутавшимися людьми — журналистами-неудачниками, бывшими учеными, ныне выкинутыми на обочину жизни,

полунищими инженерами... Но самый, пожалуй, несчастный человек в романе — мальчишка, сын крупного в прошлом ученого, сдуру вляпавшийся в какую-то скинхедовскую компанию и едва не угодивший в колонию. Правда, автор протягивает ему дружескую руку помощи — знакомит с умной и очень хорошей девочкой. Так что, будем надеяться, выберется парень на широкую дорогу.

Любопытную, почти трагическую историю поведала **Анна Русских** в **повести «Женщина, которая все делала не так»** («Нева», № 6). Молодая, красивая, обеспеченная женщина внезапно остается вдовой. Детей у нее нет, а свою профессию она давным-давно забросила. Вот и борется с тоской и горем современным способом — до одурения сидит в Интернете. Там у нее возникают виртуальные знакомства, там же заводятся флирты. Но не может же виртуальность продолжаться до бесконечности. Один из откликнувшихся из параллельного мира оказывается неслыханным красавцем, к тому же человеком одиноким и страдающим. Она столь страстно его жалеет, что и не замечает, когда по-настоящему влюбляется. Увы, молодому человеку ни к чему запоздалая любовь героини. Жгучий красавчик, оказавшийся обычным наркоманом, обворовывает ее и исчезает. История, быть может, и банальная, но есть в ней момент глубокой тоски, рождающейся в человеке от столкновения с наступающим новым, поразительно холодным и равнодушным миром.

Трудно извлечь какой-либо смысл из запутанной и невнятной **повести Сюзанны Кулешовой «Lovец»** («Нева», № 5). Перед нами, в общем-то, тот же клубок проблем: одиночество человека перед лицом наступившей компьютерной эры, параллельное существование трепетного человеческого мира и мира машинного, сначала неудержимо влекущего к себе, а потом проглатывающего без остатка. Будь все это воплощено в живых человеческих лицах — оно было бы небезынтересно. Но смысл повествования от читателя упорно ускользает. Непросто пробиться к смыслу сквозь стилистические конструкции вроде этой: «*Идея есть первообразная и одновременно производная всех функций, поскольку несет в себе единство пустоты и множественности*» (из беседы двух школьников). А вообще, это повесть о школе, об одинокой учительнице, ее компьютерных страданиях, двух ее учениках и любящем ее Андрее. Ощущение такое, что в компьютерном мире, наделенном в повести каким-то метафизическим смыслом, прежде всего запутался сам автор.

Туманна и невнятна и **повесть Андрея Никитинского «Была весна»** («Нева», № 5). (Странная наклевывается тенденция в журнале — задрав штаны, бежать за... чуть не написалось: «*комсомолом*». Да какой там комсомол, — за каким-то неопределенных взглядов и сомнительного опыта, но зато безусловно современным беспартийным молодняком. Да, так вот бежать за всеми ними, задравши штаны, — чтобы не приняли за отстающих, несовременных, не успевающих за прогрессом.) Итак, заплеванная, замызганная петербургская коммуналка на Петроградской стороне с ее сюрреалистическим бытом и населяющими ее людьми-мутантами... Нищие обитательницы квартиры, шарящие грязными руками по чужим кастрюлям... Безумная (или нет?) женщина, родившая (удочерившая?) девочку... Бла-

готворительная фирма под названием «33 зайца»... Новый жилец, задумавший, видимо, прибрать квартиру к рукам... Кто-то здесь умирает, кто-то рождается. Рефрен: «*Была весна*».

Герой ***немного сказочной повести*** **Владимира Кантора «Гид»** («Звезда», № 6) — некий ученый из России, бывший диссидент, со временем неистово полюбивший Советский Союз, который прежде он изо всех сил обличал, а Запад решительно и бесповоротно разлюбивший. Словом, ясно. Одно время, написано в повести, он даже подрабатывал в Париже гидом, развенчивая перед простодушными русскими туристами мещанство и лживость столетиями загнивающего Запада. Триумфально вернувшись в новую Россию, он подружился с коммунистами и даже сидел в президиуме рядом с Зюгановым. Поскольку повесть сказочная, заканчивается она хэппи-эндом. Диссидент-расстрига обращается в иссохшего старикашку, его дама сердца — в ползучую гадину, а здравомыслящего рассказчика ждет Венерин Грот на острове любви.

О своем путешествии в детство, в деревню, где автор в военные годы оказался в сельском интернате, поведал петербургский ученый и писатель **Арсений Березин** в **рассказе «Тридцать лет спустя»** («Звезда», № 4). Только путешествие оказалось уж больно невеселым. 1974 год, до перестройки (о которой противники ее не устают говорить, что это она-де разрушила процветающие советские колхозы) далеко. Народ в деревне, конечно, еще есть, но занят он преимущественно пьянством. Кто помоложе и поздоровее, тот давно подался в город. Повсюду валяется заброшенная техника — останки тракторов, комбайнов, лобогреек. Есть и жертвы всеобщего озверения. И вот такой-то деревне государство ничем не помогло. А возможность такая была. «*Когда разгоняли армию за ненадобностью,* — написано в рассказе, — *то 200 тысяч офицеров пожелали стать фермерами. Армия могла дать им технику, построить дома, провести дороги, хотя бы грунтовые, могла — но не получила приказа. Россия упустила свою золотую возможность, свой шанс к возрождению крестьянства*».

Рассказ Елены Супрановой «Незапланированная жизнь» («Звезда», № 4) — горькая житейская история непутевой и распутной бабенки, то и дело рожающей в чистом поле неизвестно от кого нажитых детей. Только последнему из них повезло: отыскался-таки добрый человек, пригревший его, пусть даже вовсе ему и не отец.

Неожиданно колоритный **рассказ** под заглавием **«Сема, его дядя, мама и другие. Сценки из жизни»** вышел из-под пера петербургского врача **Мариуса Плужникова** («Нева», № 4). Хороший и добрый человек Сема, сын настоящей еврейской мамы, наконец-то женился и с некоторым страхом едет представлять жену своей родне в Молдавию. Кульминация рассказа — роскошный пиршественный стол, который все семейство во главе с еврейской мамой устроило в купе поезда: «*Домашняя буженина, прослоенная чесночком, в соусе с духмяными присыпками, на большом ломаном блюде, торжественно покоилась в окружении свежепросоленных огурчиков (Боже! и каких огурчиков). Блюдо было декорировано домашней аджикой, тонкий аромат которой разве что может сравниться с волшебными ощущениями арабских пиршеств в "Тысяче и одной ночи"*». Чем не Гоголь! Но дело-то все в том,

что в плошке, укрытые сливочным маслом, ехали в Питер утаенные от таможенников доллары...

Продолжая свою традицию привечать творцов мыльных опер, «Нева» публикует фрагмент **романа Евгения Сомова «В поисках счастья»** (№ 6). Правда, в журнале напечатано только начало. История обрывается на самом завлекательном месте: девушка уходит от любимого, но бедного, к богатому, но противному. Чем-то кончатся эти духовные искания? Узнаем, когда разрекламированный роман выйдет полным изданием в приложении к «Неве».

Интересно, что в общем-то недурная **повесть Григория Фукса «Синдром Катеньки»** («Нева», № 6) печатается в **РАЗДЕЛЕ «ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО ПРЕДСТАВЛЯЕТ»**, где издавна гнездились графоманы. Рассказывается в повести о том, как девочка-инвалид Катя Лапушкина из северного заброшенного городка пишет жалобное письмо-просьбу самому Президенту. Как водится, просит она денежек на новый спортзал, а то у них не зал, а клетушка. И так она растрогала Президента, что он прямо заболел «*синдромом Катеньки*». Да и цены буквально на все самое необходимое, как он с горечью узнал, оказывается, кусаются. И даже как будто заворочалась в президентской голове мысль вместе со всей своей камарильей поумерить свои аппетиты, а дочек посадить на щи и кашу. Но, к счастью, покуда он размышлял и мучился, Катеньку отыскал и забрал к себе ее родственник-финн. А уж у него, обычного сантехника, в персональном двухэтажном доме чего только нет. И в городе финском для инвалидов все предусмотрено, начиная от всевозможных подъемников и кончая специальными массажными креслами. А тем временем могучая Россия, «*раздув паруса, неслась вперед — без Катеньки*».

В весьма невыразительной прозе сезона отчетливее всего выделяются не художественные сочинения, а **NON FICTION** — главы из ***документальной книги* Виталия Шенталинского***. «*Государственный терроризм*», всепроникающий контроль над мыслью, безумная истерия сыска, полный крах человечности на одной шестой земного шара — вот тема **«Расстрельных ночей»** («Звезда», № 4—5). При ленинском терроре, говорится у Шенталинского, еще искали врага, «*чужого*», а при терроре Большом, сталинском, — «*даже лучше, если свой, чтобы все чувствовали себя беззащитными*». Автор прослеживает судьбы русских писателей, особо останавливаясь на тех, кто был крестьянского происхождения, *плоть от плоти* народа. Павел Васильев, Михаил Карпов, Иван Макаров, Сергей Клычков, Артем Веселый (Николай Кочкуров), Михаил Герасимов, Владимир Кириллов — все это люди с простыми русскими фамилиями, все родом из деревни. С ними вместе в 37-м («*тридцать проклятом*») расстрелян был Георгий Сергеевич Есенин, 22-летний сын поэта. Страшный год, время самоистребления партии, «*самоубийственного помешательства*» и «*людоедства*». Та же кровавая государственная мясорубка перемолола и «*литературного Швондера*», малограмотного выс-

* Полностью книга, названная автором «Преступление без наказания», выйдет в свет в московском издательстве «Прогресс—Плеяда».

кочку Леопольда Авербаха, творца лозунга «*Ударники — в литературу!*», и князя-коммуниста Дмитрия Святополка-Мирского, «последнего Рюриковича», некогда поверившего коммунистическим лозунгам и умершего на Колыме. Данные переписи населения 1937 года, пишет Шенталинский, были рассекречены и опубликованы лишь в 1996-м, уже после перестройки. «*Выяснилось, что 59 % населения страны в возрасте от 16 лет не имели образования вообще... Среднее образование имели 4,3 %, высшее — 0,6 %*». То есть Россия в массе своей оставалось темной и нищей, а Золотой и Серебряный века культуры затронули лишь верхушечный слой, почти начисто срезанный в результате революции, террора и массовой эмиграции. «*И в такой стране*, — пишет далее автор, — *власть захватил политический гангстер, без гуманистических предрассудков, семинарист-недоучка, не имевший никакой профессии. Психологические и цивилизационные корни террора — в элементарном варварстве. Идет постоянный поиск классовых врагов, люди самоутверждаются за счет их изничтожения, а не путем реализации лучших своих качеств и способностей*». Естественно, что в первую очередь уничтожались писатели. Их казни в Лефортовской тюрьме — особая тема Шенталинского. Но сгинули, исчезли и те, кто избежал государственной мясорубки: кто погиб от лишений и нищеты, кто впал в безумие, кто покончил с собой, — а кто и попросту убил себя пьянством.

Глава **«Статиръ»** («Звезда», № 6) касается уже не советского, а российского произвола. Здесь выстроена целая цепь горчайших писательских судеб, начиная от протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого и Максима Грека, *своим словом спасающих мир от небытия*, как сказано в книге. Однако стоит ли удивляться произошедшей в России катастрофе, пишет Шенталинский, если «*литературные сотрудники жандармов полагали честью, а не позором, служить в III Отделении и считали себя верными слугами царя и отечества*».

Теплые, прочувственные воспоминания об ушедших писателях, прекрасных людях — Михаиле Чулаки, Владимире Бахтине, Леониде Семенове-Спасском, Владимире Уфлянде, а также вообще об ушедшей веселой и молодой писательской жизни публикует известный петербургский прозаик **Валерий Попов** (**«Горящий рукав»** — «Звезда», № 5).

Живущая в Таллинне писательница **Елена Скульская** делится любопытными историями, приключившимися с ней и ее питерскими знакомыми (**«Поверить любовь смертью»** — «Звезда», № 4). Однажды, рассказывает она, довелось ей с приятелем, прозаиком С. Юреневым, побывать на спектакле «Анна Каренина-2» в Таллиннском русском театре. И вот что они увидели: «*Стальные двери отъехали, грохот стих, и хирург выкатил на авансцену инвалидную коляску, в которой сидела пухлая девушка с искусственным большим глазом, украшенным бриллиантом; бриллиант светился, как зеркальце во лбу отоларинголога Протезы рук были украшены кольцами и многочисленными браслетами. Это была Анна Каренина. Рядом с ней в такой же инвалидной коляске лежал некто, совершенно парализованный, но в белоснежном фраке и лаковых башмаках. Анна Каренина рассказала зрителям, что это Вронский после неудавшегося самоубийства (не того, что описано в романе, а другого). Вронский полностью парализован... Колеса разъезжаются, коляски от-*

летают друг от друга, Анна вываливается из кресла, сверкая бриллиантами, и, дав фору Маресьеву, подползает к Алексису и целует его, обдирая ему лицо искусственным глазом».

Отрывок из своей книги **«Меандр»** представляет в «Звезде», № 6 **Лев Лосев** (публикация приурочена к 70-летию автора). Это воспоминания о житье-бытье интеллигентной ленинградской семьи. О гостях, бывавших в доме, — О. Верейском, А. Чивилихине, В. Шефнере. Отдельный очерк посвящен некогда главному художнику журнала «Нева» Борису Семенову. «*При словах "душа Петербурга" я представляю себе Борю Семенова. Вот он идет в плаще и неизменной кепке, с папкой под мышкой, по набережной родного канала Грибоедова... Вот выходит он со старым приятелем, карикатуристом Владимиром Гальбой, из подвальчика Кавказского, и Гальба традиционно шутит: "Теперь на виллу Родэ!" Это шутка, понятная лишь старым петроградцам: оба в душе не прочь были бы поселиться в какой-нибудь 1913 год, когда художники, получив гонорар, могли съездить покутить на Острова*».

Борис Тимохов в **очерке «Немец вне войны»** («Нева», № 6) упорно, на нескольких страницах, доказывает, что немцы — народ очень даже неплохой, и были времена, когда в российской Академии наук из 111 членов ее 67 были немцами, так что соединять слова «фашист» и «немец» неправомерно. Приводится обширный перечень немецких имен, вошедших в русскую историю. Великолепное достижение «невской» мысли.

Обзор подготовила Евгения Щеглова

Виктор КОПЫТЬКО

ГИБЕЛЬ СТИЛЯ ПО ВЛАДИМИРУ ВЕЙДЛЕ, ИЛИ ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ ИСКУССТВА[1]

Работать в искусстве сегодня так же непросто, как и было всегда. Наша ситуация начала XXI века во многом схожа с веком XIX-м. Можно себе представить, как страшно ударили по сознанию художников и всех людей события Французской революции и последующие наполеоновские войны: Европа, утонувшая в крови. По идее, XX век должен был выполнить собирательную функцию в отношении осколков прошлого. Вместо этого он стал веком катастрофы гуманитарного, а во многом — и христианского сознания. Разочарование очевидно. И в этом положении христианское человечество напоминает ребенка, которому пообещали загородную прогулку, а тут полил дождь, и пришлось все отменить. Значит, взрослые — обманщики. Но это детская, достаточно естественная эмоция. Куда хуже то, что человек не понимает простой вещи: люди еще толком и не начали движения в сторону христианских заповедей (по крайней мере — люди гуманитарной ренессансной цивилизации), превращенных в музейную стелу с узором надписей на непонятном языке: по ним скользят взором и, полюбовавшись, проходят дальше. За две мировые войны и цепной реакцией образования и распада тоталитарных режимов мы увидели, на что способен просвещенный христианский (или буддийский, сейчас еще и магометанский) человек. И решили, что раз такое возможно, значит (говоря о христианстве) в течение последних двух

[1] Текст был написан для Конференции по творчеству В. Вейдле, состоявшейся весной этого года.

Виктор КОПЫТЬКО — родился в 1956 г. в Минске. Окончил Ленинградскую государственную консерваторию (по классу композиции проф. А. Д. Мнацаканяна). Член Союза кинематографистов и Союза театральных деятелей Беларуси, почетный член Международного Университета «Global Theatre Experience» (Латвия); в 1995 — Composer in Residence Университета им. Вашингтона и Ли (Лексингтон, США). Автор двух опер, Мессы в честь Св. Франциска, оратории «Куранты», многочисленных камерных сольных кантат, оркестровых произведений, камерной инструментальной и вокальной музыки, хоровых миниатюр и музыки для театра и кино, неоднократно отмеченной премиями на национальных и международных кинофестивалях. Живет и работает в Минске (Беларусь).

тысяч лет цивилизация была сориентирована на неверные, не способные упорядочить человеческое бытие идеалы. На людей, рассуждающих о судьбе человечества в метафизическом контексте, сегодня смотрят с недоверием, сожалением или опаской. Так когда-то смотрели и, похоже, скоро опять будут смотреть на книгочеев. Чаще всего подобная эмоция развивается в безнадежность, с которой жить совсем уже трудно.

Таков в общих чертах наш сегодняшний слушатель, зритель, читатель. И это одна из причин затруднений художественной потенции: искушение досадой на время и современников.

Для нас оказывается почти невозможно провести черту между беспокойством за судьбу социума и судьбу искусства. И все-таки следует помнить: как это ни поразительно, но человек и большинство видов искусств могут на разных этапах своего существования обходиться друг без друга. В это трудно поверить, особенно в наше время массовых коммуникаций, стадионных шоу и немыслимых тиражей, но это так. Миллионы людей рождались, жили и умирали, не зная Вермеера, Монтеверди и Пушкина. А если пели стихи Романа Сладкопевца в храме, то не подозревали, с каким структурным совершенством выполнил их автор. Так же и с другими «всеобщими» шедеврами: неискушенный слушатель вдыхает любимую 1-ю часть «Лунной», не относя эту музыку к разряду искусства; просто — воздух, просто — звучащее чудо, сродни природной красоте рассвета и заката, повседневного неба. Таков умиротворенный непосвященный человек. Людям искусства не следует относиться к нему с пренебрежением. Этот человек может быть большим мастером СВОЕГО дела, демонстрируя в нем СВОЙ божественный талант. Но нам не дает покоя память о том, как легко соблазнить непосвященного человека; как легко из мирного пахаря он становится агрессивным бандитом только потому, что ему объяснили, сколь обделен он был, не имея фаянсового унитаза в городской квартире, дискотеки в зеркальном зале и кинотеатра на ближайшей улице. Мы видели, как мстил и мстит, — и боюсь, настоящая месть началась только сейчас, на наших глазах, 11 сентября 2001 года, — мирный пахарь за разъясненную — мнимую или истинную — убогость своего существования, за обиду неприглашенности на общий праздник.

Я не ради красного словца рассуждаю по этому поводу, а потому, что это — другая ипостась «безыскуственного» человеческого существования; толпам соблазненных, ложью осчастливленных людей — немецких, советских, китайских, корейских, итальянских, камбоджийских (Господи, сколько же их было — наших толп?!) — тоже не нужно искусство. Уже не природное, с журчаньем ручья, но социально-вакхическое, эрзацрелигиозное счастье так переполняет их, что для подлинного искусства, как и для истинной — человеческой и Божьей — любви просто не остается места.

И мирное, и агрессивное состояние Человека-без-Искусства наблюдается в истории повседневно. Видимо, этому есть некое глубинно-природное оправдание, и нам придется принять такое положение вещей за данность.

Итак, причастность искусству не есть всеобщая необходимость. Истинному же искусству совсем не обязателен количественный реципиент: оно создается для Бога, для себя и для друзей, совсем немногих, прошу заметить. Все поклонники Шуберта помещались в одной комнате; Мусоргского — тоже. У

Леонардо друзей не было совсем; похоже, их не было у Пиросмани и Цветаевой. Я говорю, разумеется, о реальных, а не о тех виртуальных друзьях, которыми для художника являются коллеги всех времен и родов искусств[2].

С этими взаимно осторожными отношениями все более или менее понятно. Но повод для волнения остается. В самом деле, даже не подозревая о самом явлении искусства, прожить без *творчества* — в любой сфере человеческой деятельности — мы не сможем. Совершенно ясно, что не пресловутая палка-копалка, а именно оно создало земного человека. В творчестве мы, как нигде более, ощущаем в себе Божественное начало и предназначение, а самое главное — оправдание своему существованию, какие бы солдаты ни штурмовали сейчас нашу крепость.

И вот сегодня мы становимся свидетелями притупления творческого начала в человеке. Люди потребляют гораздо больше, чем создают. Причем, похоже, и потребляют-то по верхушкам: что ярче блестит, что сильнее пахнет, что быстрей мелькает. Массмедиа потакают им в этом (ибо оплачиваются их деньгами: больше взаимопонимания — больше дивидентов), более того — провоцируют. «Пользуйся дезодорантом UVW, и ты будешь первым!» — какая подлая, удобная простота. И когда так во всем (протянул руку — взял, достал деньги — купил, обнял деву — повел), то какова мотивация творчества? Напряжения и движения души, ума? Самое печальное, что время от времени даже в этих без конца «оттягивающихся» особях будет что-то просыпаться, будет кто-то звать, но немногие из них успеют понять — кто и куда и хотя бы просто возьмут в руки книгу. А открыв, — смогут ли прочесть? Ох, какой тоски они тогда исполнятся, не ведая ее причины... Эта ситуация отлично смоделирована в давнем романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту». Главный герой предлагает гостям жены прочитать «Берег Дувра», стихотворение Мэтью Арнольда. Реакция их замечательна: одна гостья истерично рыдает, другая требует прекратить, немедленно прекратить. ЭТО слишком глубоко входит в душу. Такое ощущение им незнакомо, оно пугает. Но это еще живая реакция: с гостями Монтэга не все потеряно[3]. А вот если просто — мимо? Я помню недоуменные телеинтервью людей, выходящих из кинозала во второй половине 80-х, когда в широком прокате были показаны шедевры западного кино времен Железного Занавеса, то есть не виданные целым поколением советских граждан. «Мы не понимаем, зачем, про что это?» — говорили они о незнакомой эстетике и логике повествования. А ведь это были «Кабаре» и «Пролетая над гнездом кукушки», не Анто-

---

[2] Имея личный 15-летний опыт писания «в стол» (случайные одноразовые исполнения не в счет), я не могу на него пожаловаться. Наверное, это извращение; наверное, так быть не должно, но ей-Богу: писалось и чувствовалось в этой ситуации мне совсем недурно.

[3] По-прежнему впечатляет и финал романа. Характерно, что цепочка людей объявляет себя культурной памятью человечества («Я — это "Республика" Платона. Мистер Симмонс — Марк Аврелий... А этот, рядом со мной, — мистер Альберт Швейцер, добрый философ... Мы также — Матфей, Марк, Лука и Иоанн»[1]) без особых надежд на новые творческие свершения. И все же эти трогательные страницы не вселяют эсхатологического ужаса. Будет жива память — оживет и творчество. Надежда, таким образом, остается.

ниони, не Куросава. Тогда же в prime time по главным каналам TV состоялся целый парад «полочных» шедевров разгромленного советского кино; боюсь, здесь все было совсем просто: переключил канал — и готово...

Вот об этом сто́ит говорить всерьез: о потере способности восприятия какой-либо информации (литературной, музыкальной, визуальной) вне потребительской традиции, вне слогана (до чего же мерзкое слово!), педального барабана, вне клипового монтажа[4]. Если бы не эта опасность, служили бы себе спокойно художники по своим кельям, отстраивали бы нити трансцендентных связей: так молитва катакомб и монастырей лечит и утешает не подозревающих об этом людей, сохраняет, несмотря ни на что, гармонию (или ее осколки) мироустройства. Настоящее искусство никогда ничему не учило, но работало, служило — всегда; творчество как богопознание и творчество как попечение (да-да, и «Шербургские зонтики» — тоже именно это, а не пресловутый легкий жанр) — вот, видимо, примерно то, чем мы занимаемся. И XX век удивительным образом не стал здесь исключением. Но об этом ниже. Разобравшись с социальными предпосылками наших творческих проблем, попробуем перейти к проблемам эстетическим.

При первом взгляде на культурную панораму XX века можно потерять голову. Никогда еще эстетическая и стилистическая картина литературы и всех искусств не казалась столь пестрой. К тому же в минувшем столетии происходит становление рожденного в самом конце XIX века совершенно нового искусства — кино; принятое поначалу кем иронично, кем тревожно, за очень короткий срок оно расцвело настолько, что стало вровень с остальными и даже оказалось способным влиять на них.

Владимир Вейдле, говоря об умирании искусства, ставит неутешительный диагноз на основании утраты стиля, подразумевая под этим словом не просто эстетическую, а вполне метафизическую категорию: «Он [стиль. — *В. К.*] — воплощенная в искусстве соборность, гаснет стиль, и не разжечь его вновь никакой жаждой, никаким заклятием» [2]. Превосходная и очень красиво оформленная мысль. Но, развивая ее, автор выстраивает несколько прямолинейную картину истории искусств. По Вейдле человеческая цивилизация все время своего существования формировала некий универсальный СТИЛЬ, постигнувший высшую гармонию, просуществовавший примерно полтысячелетия (начиная с готики) и обреченный на распад эпохой романтизма. У этой концепции есть по крайней мере два серьезных недостатка. Во-первых, ее европоцентризм (то есть стилистическое оформление

[4] Желание людей «оттопыриться» (так тоже сейчас говорят! Общайтесь с юными, сказал бы Гоголь...) понятно. Может быть, человечество и само не осознало этого до конца, но его догнали кошмары XX века и стукнули крепко. У слабых (а их большинство, хотя нынче все хотят казаться сильными) осталось одно желание: зажмуриться, заткнуть уши (так мой сын — малышом — прятался от грозы) и развлекаться, тусоваться, глазеть, спариваться, — в общем все, что положено нормальным бандарлогам. Ей-Богу, лучше бы они лечили сорванность своего сознания — сном. Но не будем торопиться пасти мирные народы. Хочется верить, что они успеют очнуться прежде, чем этот процесс станет необратимым.

отслеживается только для нашего континента): происходит пространственное упрощение, для рассуждений XX века не очень корректное. Во-вторых, временна́я линейность, идущая от европейской же идеи распространения понятия прогресса на область культуры и искусства (крайнее, как показывает опыт, заблуждение; мы не откроем Америку, если скажем: не векторная прямая, но сложная система трансцендентных приливов и отливов, рельефные вариации — вот что руководит концентрацией и рассредоточением стиля в искусстве). Именно в этом смысле В. Вейдле ощущает динамику отстраивания Стиля и оплакивает его разрушение. Но было ли отстраивание и было ли разрушение в тех масштабах, о которых он говорит?

Совершенство стиля европейского искусства, сложившегося в XIV — XVIII веках (достаточно условные временны́е рамки), действительно впечатляет. Но меньше ли нас впечатляет качественный уровень поэзии и философско-теологической мысли первого христианского тысячелетия? Совершенство музыкально-конструктивных постижений в эту же эпоху? Напомню, что система гласов церковной музыки, византийская и григорианская, сложилась именно тогда, и жива, и прекрасна по сей день. Напомню также, что системы эти оформились на основе античных ладов, а не возникли на ровном месте; таким образом, в музыке, как и других искусствах, налицо преемственность взаимоисключающих, казалось бы, культур — языческой и христианской: до конца связи не нарушались *никогда*. О совершенстве античного стиля говорить не приходится. Или все-таки стилей? Дорическая, ионическая и коринфская колонны демонстрируют нам совершенно различные ракурсы общего культурного сознания. Так и в эпоху Возрождения не наблюдается единого стилевого пространства: Леонардо написал уже практически все, но был еще жив, когда в 1515 году Матис Нитхардт по прозвищу Грюневальд исполнил Изенгеймский алтарь, многие образы которого и их решение так же отличаются от стиля Высокого Возрождения, как «Граждане города Кале» Родена от Афродиты Праксителя. Испания, Англия, Франция, Россия — все это единое географическое пространство, объединенное одной — христианской — идеей, но региональные ее решения в искусстве различны. Еще большие различия в представлениях о том, что есть искусство, а значит, что есть стиль, между Западом и Востоком; включим сюда американский и африканский континенты и получим многомерное пространство, которое и породило в конечном итоге облик искусства XX века.

В самом деле, за его внешней пестротой, мне кажется, стоит что-то достаточно серьезное, более того — вселяющее надежду. Наконец, говоря о гуманитарной катастрофе в социальном сознании прошедшего столетия, не будем забывать о том, что *качество* его искусства демонстрирует не меньшие высоты, чем прежние времена. Мысль о том, что еще живы современники написания стихов из «Доктора Живаго», что «Волшебной горе» не исполнилось и 85-ти, а Реквиему Стравинского только 40 лет, что всего четверть века назад еще работал Миро, а 15 лет назад — Кесьлевский, — мысль эта сильно поднимает настроение. Искусству нужно было обладать действительно неисчерпаемым потенциалом энергии и высочайшим уровнем, чтобы выжить в XX веке. И не оно ли самим фактом своего существования и своим качеством (немного другими словами то же можно сказать и

о христианстве) и смыслом было противопоставлено разрушительной бессмыслице войн и концлагерей? Можно ли сказать, что качество есть, а стиля нет? Может быть, качество и есть главный показатель присутствия стиля в искусстве, а все остальное — лишь внешние его атрибуты? Впрочем, я не силен в данной терминологии. С музыкой будет полегче.

Музыкальному XX веку досталось тяжелое наследство. Темпы распада логических связей внутри художественной ткани возрастали. На этом фоне сегодня уже ясно, что бóльшая часть композиторских поисков имела тогда не разрушительный, а созидательный характер.

Серийная додекафония нововенцев организовала наступивший в 10-е годы музыкальный хаос. Это было совершено на новом интонационно-интервальном уровне эмансипации диссонанса (термин Арнольда Шенберга) и получило сомнительные исторические перспективы, так как отрицание консонанса как важнейшего музыкального строительного материала идет вразрез с природным естеством[5]. Но то был поиск ПОРЯДКА. Кроме того, серийное мышление не есть нововенское изобретение: Машо и Палестрина, часто Бах, а порой и Моцарт с Шуманом мыслили интонационный комплекс не как мелодию, а как *серию* звуков, как *конструктивную* основу музыкального произведения, семя, которое даст жизнь дереву, цветку. Таким образом, мы имеем дело с традицией, а не с ее уничтожением. А традиция — не есть ли стиль?

Другая тенденция имела куда более экспериментальный характер. Но негативна по самой своей сути она только для тех, кто привык считать, что 100 человек на сцене, готовых сыграть симфонию Брамса, и 900 в зале, собравшихся послушать ее, есть высшая кульминационная точка развития мирового искусства. Эксперимент же заключался в попытке проследить (практически проследить, разумеется, в своих собственных партитурах), как далеко может завести свобода хаоса и нет ли на краю этой «земли» какой-нибудь принципиально новой художественной информации. В этом тоже не было ничего нетрадиционного: вспомним авангардные для своего времени поиски школы Ars Nova (Италия и Франция XIV века), Вичентино и Галилея-отца (XVI век в Италии); они много дали будущему искусству. Почему же сегодняшнему эксперименту мы должны отказывать в этой возможности?

Сохранительный посыл выразился в реставрационности неоклассицизма, давшего такие шедевры, как «Симфония Псалмов» и несколько инструментальных партитур Стравинского, кое-что у Прокофьева, Шостаковича, Хиндемита.

В чистом виде все вышеперечисленное просуществовало весьма недолго и, судя по всему, не имело такого намерения (только Шенберг считал, что открытием додекафонии *обеспечил немецкой музыке первенство на 100*— или 200? — *лет вперед*. Видать, выпил сильно. Серийное мышление, наполненное

[5] И снова европейский прогрессизм. Нововенцы сочли, что нижняя, консонантная часть обертонового звукоряда отработана веками, что пора взяться за его верхний, сжатый, диссонантный ярус. Причем, только за него — во имя акустического прогресса.

традицией, действительно является исключительно органичным на разных уровнях музыкальной ткани, додекафония же как доктрина давно приказала всем нам долго жить). Но роль каждой из тенденций в сохранении живого искусства огромна. И каждая из них оставила по себе весьма достойные следы: память о конструировании произведения (только сразу отошлем тех, кто говорит, что мелодия от Бога, ибо ее сама душа поет, а конструкция от лукавого, потому что плод умствования, к Окегему или Орландо Лассо, пусть с ними разбираются) из серийного Cantus Firmus в новом строгом стиле и, наоборот, свободу алеаторической игры, принесшую свежий воздух в довольно пыльную ткань европейских партитур. Неоклассицизм же не боялся этой пыли (порой — зря!) и отстоял для нас живое, рабочее отношение ко всей панораме европейской традиции, не обласкав разве что Атлантиду[6].

Еще одна особенность литературы и искусства XX века, музыкального, в частности, — пространственно-временна́я дискретность.

Долгое время она была не менее непривычна, чем гармонии Веберна. Ее приводили в пример как главный показатель распада художественного сознания, имея в виду литературные тексты Джойса, нотные — Айвза, кинематографические — Тарковского, и прочая, и прочая. Прошло время, и некоторые люди научились ценить эту многомерность, полифонию высшего порядка. Оказалось, что, приняв условия игры, мы получаем возможность не горизонтального — традиционного, а вертикального сосуществования с текстом и впечатления от него. Нагрузка на рецепторы сознания возросла, но так же возросла и отдача. Музыка первой оказала помощь в постижении новых пространственно-временны́х отношений. Полифоническое пространство знакомо ей испокон веков. Еще в древнем славянском свадебном обряде сочетались по вертикали причет невесты и лирическая песня подружек — каждая в своем тоне и темпоритме. И никому не приходило в голову называть это разложением сознания, так органично по драматургии и акустике звучало происходящее. Другой пример — из церковной практики: и респонсорное, и антифонное пение безусловно раздвигают пространство храма. Знаменитые три одновременно звучащих разноме́тровых танца в «Дон Жуане» Моцарта ошеломляют и после Айвза. А немногим ранее написанный женский дуэт с хоровыми вторжениями толпы в «Страстях по Матфею» Баха (№ 33) остается непревзойденным полифоническим и драматургическим шедевром. Включение разновреме́нных фрагментов одного сюжета, а порой и вариаций на него в одну визуальную плоскость мы можем наблюдать в самых разных культурах, от фресок древней Феры (огромная «Фреска с темой города») и критских перстней-печаток до христианской иконописи. Как видим, и здесь мы имеем дело с традицией. Но особенно помогло в ее освоении кино. Его способность одним переплывом, одной монтажной склейкой стереть любые границы (уже не в смысле эйзенштейновского парада аттракционов, а в глубоко продуманных, *сочиненных* многосмысловых рядах)

[6] Удивительно, но даже тенденцию «как ни в чем не бывало» можно было наблюдать в некоммерческом искусстве XX века. Песенное творчество умудрилось выжить в это сумасшедшее время и дать фантастической красоты результат в корпоративном музицировании гениальных «Beatles».

предоставила художникам поистине безграничные возможности воплощения эмоциональных, сознательных, а порой и надсознательных мыслительных процессов, происходящих в человеке. Не этим ли занимались ранее Толстой и Софокл, Шекспир и Достоевский? Но это, скорее, в образном смысле (хотя принцип литературной фиксации потока сознания был открыт не в XX веке, а в «Кроткой» и «Анне Карениной»; близок к нему и Пушкин в «Желанье славы»; наверняка, примеры можно поискать не только в русской литературе), а вот драматургическая техника киноперелива прекрасно отслеживается в сюжетном скольжении «Метаморфоз» Овидия; блестящий киномонтаж демонстрирует Глинка в «Руслане», может быть, именно поэтому так плохо, как правило, идущем на сцене и требующем особого режиссерского ума. Все аукается. Неужели нас не радуют эти мосты?

Да, у XX века нет единого стиля в искусстве. Но еще в 1971 году Альфред Шнитке сформулировал следующее: «Вряд ли можно было бы найти столь же убедительное музыкальное средство для обоснования "связи времен" как полистилистика»[3]. От себя добавим, что, помимо установления драгоценных временных и пространственных связей (безусловно созидательный процесс!), стилистическое многоязычие обещает еще и некий далекий итог — после долгой выварки в едином котле. И если стиль по Владимиру Вейдле — соборность, то не является ли сегодняшнее искусство не разрухой, а путем в многособорность, в литературный, музыкальный, живописный, архитектурный экуменизм с перспективой возникновения новых канонов этого нового художественного сознания? Подождем, время покажет[7]. Конечно, талантливому художнику приятнее прийти в искусство не во времена эстетических и стилистических брожений, а в эпоху сформировавшегося канона. Результаты таких пришествий нам известны: Моцарт родился через 6 лет после смерти Баха, сам же был старше Бетховена лишь на 14 лет. А рядом Телеман и Гайдн, Янич и Шуберт. Вся эта блистательная плеяда смогла столь совершенно реализоваться именно потому, что попала на оформившийся к их времени стилистический канон, в искусствоведении называемый классицистским. Жаль только, что жизнь канона недолговечна. Как и любой совершенный организм, он требует преобразований, даже взрыва — во избежание энтропии. Буддисты знают в этом толк, одним движением смахивая прекрасную мандалу, построению которой было отдано столько времени и творческих сил, чтобы создать... новую.

И еще две-три мысли напоследок.

Некоторые люди говорят, что в музыке прошедшего столетия гораздо больше хлама, некачественной работы, чем в былые времена, и что это показатель сравнительного упадка музыкального искусства. Это абсолютно неверно. Дряни во все времена писалось одинаково много, куда больше, чем хорошего, и никакая стилевая идиллия не в силах ее избежать. Просто та, древняя дрянь давно утонула в положенном месте, о ней все забыли, и слава

---

[7] Я сознательно не касаюсь в этих заметках проблем постмодерна. Не признаю я ни его, ни этих проблем. Творческая импотенция, ищущая себе оправдания, ставящая крест на возможности продолжения искусства вместо того, чтобы поставить крест на себе, сочувствия не вызывает, разве что сострадание, и то, скорее, ритуального характера.

Богу. Хлам же, произведенный вчера, еще на поверхности, хорошо виден и слышен, вот и создается впечатление о его подавляющем количестве. Что же касается настоящего... Еще немного времени, и придет понимание, что немало композиторских имен Германии — от нововенцев до Штокхаузена, Америки — от Айвза до Кейджа, России — от Рахманинова и Скрябина до Уствольской и Вустина составляют утешение двадцатому веку и нам, размышляющим о нем.

К сожалению, приятность этой мысли вполовину тает, когда мы вспоминаем о том, с чего начали разговор. Обстоятельства сложились так, что на сегодняшний день мы в значительной степени потеряли своего читателя, зрителя, слушателя. К услугам человечества нынче музыкальная культура всех времен и народов, записанная и готовая к домашнему воспроизведению в лучших исполнениях. То же можно сказать и о книжной доступности, и живописной, и архитектурной, и о домашнем кинотеатре. Добавим сюда Интернет. Эта избыточность и приводит человека к искреннему удивлению при столкновении с новым, только что созданным искусством. Он просто не понимает причин и надобностей его возникновения на фоне уже накопленного. Остается ждать, когда мы умрем: лучшее из создаваемого сегодня тогда станет классикой и получит шанс войти в обиход наравне с классикой прежних веков. Что делать, с Шуманом было так же: в России его представляли как мужа фрау Клары...

Итак, повторюсь. Нам остается — в эстетическом смысле — ждать. В социальном — надеяться. И все это время продолжать службу. Неважно, какая она: каждодневная жреческая, феноменальная пророческая или ремесленно-прикладная. Будучи вдохновенным творчеством, все это станет искусством и так или иначе даст добрые плоды. И стоит попытаться не унывать в сегодняшнем веке. Думаю, за время свидетельства актов истребления рукотворных красот — от Вавилона и Эфеса, живописных и литературных костров Флоренции и Третьего Рейха до сентябрьских Близнецов — можно было разъяснить природу антитворчества и понять, что наша постоянная война с ним — нормальная работа. Полторы тысячи лет назад ее хорошо делали рыцари Круглого Стола, собиравшие по крупицам Свет в дебрях Гиблого Леса; за то и причащал лучших из них из евхаристической чаши Грааля сам Господь.

Май 2007 года, Минск.

Примечания

[1] Цит. по изданию: «Миры Рэя Брэдбери» в 7 томах. Т. 2. «451° по Фаренгейту», роман. Перевод с английского Т. Шинкарь. Изд. «ПОЛЯРИС», 1997. С. 129.

[2] Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. Париж, 1937. Гл. IV. С. 70–101.

[3] Цит. по изданию: Беседы с Альфредом Шнитке // Сост. А. Ивашкин. Москва, 1994. С. 146.

ДНЕВНИК РЕДАКТОРА

Выпуск пятый

Июль–сентябрь 2007 г.

1. Вот и опять...

Вот и опять приходится извиняться — за положенный, но пропущенный в прошлом номере выпуск *Дневника*.

Я понимаю, конечно, что, как выражается современная молодежь, это мало кого кроме меня, *колышет*: я отнюдь не тешу себя иллюзией, что у моего *Дневника* так уж много читателей, тем более таких, которые рвут на себе волосы от горя, когда не видят в журнале очередного выпуска.

Но все же порядок, тем более обещанный, есть порядок. Как требует хорошая русская пословица, *назвался груздем — полезай в кузов*. А если почему-то никак не можешь туда залезть, то по крайней мере, извинись и объяснись. Пусть хотя бы перед собственной совестью — чтобы хоть она удостоверила перед самой собой и другими, что не по нерадению и необязательности так случилось, а по каким-то совсем другим причинам. Порядок есть порядок. А еще лучше будет (чтобы впредь не пришлось опять всякий раз, как что-то подобное произойдет, оправдываться и объясняться) попросту признать, наконец, что оказался, увы, отнюдь не самым надежным груздем. И заранее, вперед, попросить пардону сразу же за все будущие — ох, как возможные, оказывается, — пропуски, честно предупредив, что такое по самым разным причинам вполне может, вероятно, иметь место быть и в дальнейшем. И что, трезво отдав себе отчет в этом, я вынужден, увы, просить у себя и у тех немногих, кому, возможно, это не совсем безразлично, внести некоторые поправки в наш виртуальный контракт. А именно: что для каждого очередного выпуска *Дневника* я выговариваю теперь себе право устанавливать — в зависимости от текущих причинно-пространственно-временных обстоятельств — свой особый индивидуальный режим, а не загонять себя в ранжир некой обязательной и непереступаемой регулярности. Как будет, так и будет, — лишь бы очередной груздь созрел экологически натурально и нормально, без допингов и нитратов. Пусть даже в конечном счете он окажется и не груздем, а скажем, какой-нибудь волнушкой или даже сыроежкой. Вот так и надо, наверное, сказать.

Игорь ВИНОГРАДОВ — родился в 1930 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет МГУ. Литературовед, критик, публицист. Автор семи книг и многих статей по русской классической и современной литературе, по проблемам эстетики и культуры, социологии и религиозной жизни. С 1992 г. — главный редактор «Континента». Живет в Москве.

Что ж, вот так и говорю.

И на этот раз все-таки еще и объяснюсь Тем более, что кому-то, может быть, эти объяснения и в самом деле покажутся не совсем безынтересными.

Так вот, случилось-таки действительно нечто незапланированное. Закончив предыдущий *Дневник,* предназначенный для 131-го номера (он там и появился), только-только я вздохнул, было, с облегчением, решив, что теперь-то уж вполне могу считать себя на какое-то время свободным от темы, которой отдал три его последних выпуска, как судьба тут же — в который уже раз — показала мне, *кто* предполагает, а *кто* располагает. На этот раз она выступила в лице Сергея Юрьевича Юрского. Мы с ним давние друзья, к тому же он член редколлегии «Континента» (тоже давний) и к тому же мы еще и живем по соседству. Так что помимо более или менее регулярных дружеских домашних встреч мы то и дело сталкиваемся еще и на улице, когда маршруты и время наших выходов из дома или возвращения домой случайно пересекаются. И вот как-то (уже в мае) встречаемся мы таким манером на улице, перекидываемся каким-то словами, и вдруг, уже прощаясь, он говорит:

— Да, слушай, я тут дочитал на днях твой «Дневник» — о национальной идее, о Ключевском, о догоняющем развитии, ну и прочее. Интересно! Но что, — ты действительно думаешь, что спасение наше — в христианской демократии? Свободная христианская Россия? То есть российское православное государство? А по-моему, это утопия в принципе. И опасная. Могу себе представить, что это такое будет...

Я начал было что-то объяснять, но оба мы торопились. Ладно, решили, договорим как-нибудь на днях. Но «на днях» что-то не получалось — то да се, весенне-летние заботы, у меня — сдача номера, у Юрского — выпуск спектакля, потом вообще разъехались из Москвы.

Между тем разговор меня зацепил. Я все время мысленно возвращался к нему — и не то чтобы спорил с Юрским, я был убежден, что разногласий в понимании существа проблемы у нас нет и быть не может. Но я очень хорошо понимал его опасения, и чем больше о них думал, тем яснее становилось, что к теме этой стоит — и придется — вернуться и в *Дневнике.* Конечно, не теперь, не в 132-м номере — для него уже писался текст совсем на другую тему. Да и вообще, думал я, нельзя же продолжать превращать *Дневник* в то, во что он в течение последних трех выпусков практически уже почти превратился — в непрерывно продолжающийся трактат на тему т.н. *национальной идеи.* Какой же это, в самом деле, *Дневник* — при таком раскладе? Ведь я же собирался — и обещал — рассказывать о своих впечатлениях и размышлениях действительно *дневникового* характера — то есть по ходу своей собственной и около меня текущей жизни. А тут получается все одно и одно — и все мимо и мимо многого, что происходит и рядом, и со мной самим и о чем тоже неплохо было бы подумать. Нет, решил я, это и хорошо, если непрерывность одной и той же, в сущности, темы прервется, наконец, на какое-то время текстом совсем другого содержания, который и пишется для 132-го номера. А к христианской демократии вернуться можно и позже.

Но случилось так, что когда текст *Дневника* для 132-го номера был уже полностью готов, пришлось его отложить в долгий ящик. Дело в том, что

это был даже не *Дневник* в собственном своем формате и виде, а мое большое предисловие к повести одного из наших авторов, которую мы собирались печатать (а предисловию, в соответствии с его достаточно своеобразным характером, предполагалось дать подзаголовок — *Вместо пятого выпуска «Дневника редактора»*). Но в самый последний момент, учитывая резко отрицательное мнение о повести многих членов редколлегии журнала, ее решено было все-таки не печатать. Почему так было решено, что это была за повесть, в чем был смысл моего предисловия к ней, — обо всем этом когда-нибудь, возможно, я еще и расскажу — когда повесть эта где-нибудь будет-таки напечатана (в чем я почти уверен). Но сейчас я из всей этой истории имею право акцентировать только тот факт, что и предисловие мое, этот нестандартный пятый выпуск *Дневника*, тоже оказалось, таким образом, изъято из номера. И потому он и вышел с тем пробелом, в котором мне приходится теперь оправдываться.

Но, таким образом, к следующему, 133-му (то есть нынешнему) номеру я опять оказался перед необходимостью того же выбора: непосредственно продолжить всё ту же прежнюю тему, обратившись к тому ее аспекту, который был задан тревогой Юрского, или все-таки перебить эту трактатную непрерывность обращением к каким-то давно уже обступавшим меня со всех сторон и просившимся на страницы *Дневника* событиям и впечатлениям, о которых тоже имело смысл поразмышлять.

И я выбрал второе. Тем более, что в самой свежей — и очень острой, беспокойной памяти у меня все время как-то пересекались и накладывались друг на друга два особенно сильных впечатления последних месяцев — от двух встреч с явлениями, которые можно отнести к сфере искусства, хотя первое находится на той ступени, где оно скорее уже антиискусство, а второе — на той, где много больше, чем просто искусство...

Вот об этих двух встречах мне и хочется сегодня вспомнить. А диалог с Сергеем Юрским — в следующий раз. Обещаю. Во всяком случае — постараюсь, если ничто не помешает.

2. Все более обыкновенная история, к сожалению...

О выходе шестисерийного «Героя нашего времени» телевидение начало оповещать публику задолго до показа. Естественно, что я ожидал это событие — нельзя сказать, что с таким уж нетерпением, но и с немалым интересом. «Естественно» и «с интересом» — не только потому, что, как и многие мои соотечественники, очень люблю этот роман. Но еще и по той особой причине, что в свое время (...бог мой, как давно это было, уже более сорока лет назад!..) я написал о «Герое нашего времени» большую работу, которая была опубликована к 150-летию со дня рождения Лермонтова на страницах «Нового мира» А.Твардовского[1]. В той статье мне удалось, как мне кажется, показать, что за жестоким эгоизмом Печорина, для которого не существует вроде бы никаких серьезных нравственных табу, за его дер-

[1] «Философский роман Лермонтова» — «Новый мир», 1964, № 10. См. также в моей книге «Духовные искания русской литературы», М. «Русский путь», 2005.

зким и отчаянным прожиганием жизни, за его внешне пустыми и ничтожными выходками и приключениями скрывается — и при внимательном чтении отчетливо проступает перед нами в романе очень серьезный и глубокий мировоззренческий пласт — пласт мыслей, убеждений, представлений и чувств, связанных отнюдь не с одной только «гнусной российской действительностью», делавшей лермонтовского героя «лишним человеком», как это долгие годы привычно было толковать. Нет, Лермонтов воссоздает в своем Печорине строй мыслей, чувств и решений, уходящих своими корнями к самым первым, самым «проклятым» вопросам человеческого бытия — и к достаточно отчетливому их осознанию, к жажде столь же осознанно и ответить на них — ответить самой жизнью. Я попытался показать, что роман этот, традиционно числившийся по ведомству т. н. критического реализма, то есть реализма извода прежде всего *социально-психологического*, на самом деле знаменует собою самые истоки той новой великой эпохи в истории мировой культуры, которую принес в мир русский *философско-экзистенциальный* реализм, достигший своих вершин в творчестве Достоевского и Толстого. Я пытался показать, что роман Лермонтова должен быть по праву признан поэтому *первым русским философским романом* — романом именно этой новой великой традиции в русской литературе XIX века.

Здесь мне, рискуя заслужить упреки в нескромности, придется все же добавить, что статья получила впоследствии определенное признание, не раз переиздавалась, была включена в лермонтовский том известной серии историко-литературных антологий «Pro et contra», вошла в список литературы о «Герое нашего времени» в «Лермонтовской энциклопедии», равно как не была обойдена вниманием и авторами многих вузовских курсов истории русской литературы, тоже включавших ее в списки рекомендуемой литературы. Упоминаю об этом потому только, что как раз по этой причине — то есть именно как к автору этой статьи — ко мне и обратилась редакция «Московских новостей» — с просьбой написать о моих впечатлениях от будущего просмотра. И я, подумав, дал согласие.

Так появилась вторая причина, по которой в день, когда фильм вышел на экран Первого канала, я уселся перед телевизором. Причем уселся, трезво отдавая себе отчет в том, что теперь-то уж точно придется высидеть весь показ до конца — все шесть серий, какими бы они ни оказались. Одно ведь дело, когда смотришь только для себя — тут, если сразу станет ясно, что к чему, и если это «что к чему» не слишком заслуживает внимания, можно и встать, и уйти, и выключить телевизор — или переключиться на Второй канал, где в это же самое время идет сериал по Шаламову «Завещание Ленина». Но как уйдешь и выключишь, если уже обязался перед другими — публично высказаться об увиденном? Совесть же сгложет.

Вот так случилось, что я действительно — и действительно очень добросовестно — высидел-таки весь сериал до конца. И написал-таки и о своих впечатлениях от него для «Московских новостей»[2].

[2] См. «Московские Новости», № 23 за 2007 г. (15.06) — Игорь Виноградов. «Вполне обыкновенная история».

Но что мог сказать я об этой лихой пробежке «по мотивам» лермонтовского романа, даже не то что меня огорчившей, но повергшей просто в какое-то уныние?.. Хотя, повторяю, ожидал я встречи с этим новым кинематографическим прочтением лермонтовского романа действительно с немалым интересом. Тем, кстати, большим, что даже самый лучший из прежних опытов его экранизации — телеспектакль Анатолия Эфроса «Страницы журнала Печорина» с Олегом Далем в главной роли — когда-то горько разочаровал меня, — тем горше, что и режиссерская незаурядность Анатолия Эфроса, и актерский талант Олега Даля были мне очевидны и не раз радовали меня. Но телеспектакль однако — огорчил. Огорчил каким-то полным, тотальным непопаданием именно в *духовную* глубину образа Печорина, полным ее нечувствованием. А без этого весь внешний, сюжетно-событийный рисунок его судьбы, его поступков и выходок, его презрительный скептицизм, его дерзкие цинические откровенности неминуемо должны были обернуться всего лишь плоской многозначительностью, красивой романтической позой, показной бравадой. Так, увы, и случилось. Печорин в изображении Олега Даля получился, увы, просто Грушницким — даже куда более, в сущности, Грушницким, чем сам Грушницкий в исполнении Андрея Миронова. Ни он, ни режиссер не сумели не то что разглядеть, но даже почувствовать экзистенциальную сердцевину этого характера, и роль Олегу Далю решительно не далась. А с этой неудачей не удалась и вся экранизация. Никакой *трагической* глубины, никакого действительного *масштаба* личности Печорина эта попытка овладеть его образом с помощью чисто интеллигентского «гуманизма» шестидесятнически-семидесятнической выделки даже отдаленным отзвуком не доносила. И во мне, каюсь, жила-таки некая наивная надежда, что, может быть, новое поколение наших кинематографистов справится, наконец, с глубинной загадкой роли, так и не разгаданной даже Эфросом и Далем. Не говоря уж об откровенно внешних, иллюстративных провальных попытках таких их предшественников, как, скажем, И. Анненский с его «Княжной Мэри» 1955 года или С. Ростоцкий с его усеченным до трех новелл «Героем» (1967).

Увы, Печорин, предложенный нам режиссером Александром Коттом и молодым успешным актером Игорем Петренко, первой же своей серией начисто эту наивную надежду развеял. Вот уж кто вообще не имел никакого отношения к лермонтовскому Печорину — к тому Печорину, которому, согласно роману, даровано было чувствовать в душе своей *«силы необъятные»*, а жизнь приходилось разменивать *«в страстях пустых и неблагодарных»*!.. Вот уж к кому ни под каким кинематографическим гипнозом невозможно было отнести слова, которые дерзко бросил когда-то в лицо своему времени Белинский, сказавший о лермонтовском герое, что *«в этом человеке есть сила духа и могущество воли»*, что *«в самых пороках его проблескивает что-то великое»* и что *«он прекрасен, полон поэзии даже и в те минуты, когда человеческое чувство восстает на него»*...

Куда там! — какие там «силы необъятные», какая «сила духа» и какая «поэзия»?!.

Нам был предъявлен современный красавец, который охотно, радостно и простодушно демонстрировал нам на каждом шагу ту абсолютно одно-

значную в своей незамысловатости психологическую начинку, которая именно так, вполне однозначно и согласно, без сколько-нибудь существенных расхождений, и была увидена и обозначена едва ли не всеми, писавшими о сериале.

Но, пожалуй, наиболее точно и выразительно — Ириной Петровской. Как всегда язвительной и острой.

Создатели фильма, писала она в «Известиях», вместо лермонтовского *решили сделать героя НАШЕГО времени, то есть человека, который просто живет в свое удовольствие. Печорин в исполнении актера Игоря Петренко получился именно таким: легкомысленным повесой, чуждым душевных метаний.* Так что, заключала она свой диагноз, *если попытаться современным языком пересказать «содержание предыдущих серий», выйдет примерно следующее: живет себе некий чувак, скучает, праздно шатается среди таких же бездельников, решает прикола ради закадрить юную чувиху. Когда та втюривается в него и отшивает другого ухажера (кстати, приятеля этого, ну как его, Печорина), он, поматросив, бросает ее и возвращается к прежней чувихе, где его чуть не застукали...* Ну — и так далее...

Что ж, — по-моему, очень похоже. Мне, во всяком случае, тоже кажется, что для передачи самой сути того, что происходит в сериале, наиболее адекватна именно такая стилистика. Даже если «чувака» Печорина обозначить более современным «пацаном», а «чувих» Мэри и Веру «герлами». Или даже «телками». К драме, разыгрывающейся на сцене лермонтовского романа, это все равно не имеет никакого отношения.

Вот об этом я и написал несколько месяцев назад в «Московских новостях». Добавив, что, собственно, о *самом фильме* и сказать больше ничего не тянет. Хотя, наверное, с чисто профессиональной, ремесленной точки зрения тут есть что даже и похвалить — и в построении некоторых сцен, и в операторской работе, и в этнографическом антураже экранных картинок, и т.д.

Но — не тянет и сейчас. Так что если тем не менее я снова возвращаюсь сегодня к этому фильму и к своему тогдашнему от него впечатлению, то только потому, что и сегодня, как и тогда, меня больше волнует не то, что фильм получился таким, каким он получился, а то, почему и как он мог получиться таким, каким получился. Вот эта тема действительно представляется мне стоящей того, чтобы снова к ней вернуться. И поразмыслить над ней поподробнее.

Но тогда я снова должен повториться, начав с того, что уже было сказано на эту тему в «Московских новостях». Предварив, однако, этот повтор убедительнейшим заверением, что вполне отдаю себе, уважаемые господа, отчет в том, какое сокрушительное возражение может быть выдвинуто против моих претензий к образу Печорина, превращенного в этом фильме в современного гламурного повесу и любителя острых ощущений.

В самом деле — ведь если, как признает, кстати, даже и сама Ирина Петровская, в такой именно трактовке Печорина как раз и заключался сам *замысел* создателей фильма, то к чему, спрашивается, иронически побивать коттовско-петренковского Печорина лермонтовским? Разве, обращаясь пусть к самой что ни на есть почитаемой классике, современный художник *не имеет права* все начисто переиначить и предложить нам какой-то совсем

другой *нарратив,* воспользовавшись для своих целей лишь внешней сюжетной канвой первоисточника? Тем более, если так прямо и честно и предупреждается — «*по мотивам*» романа?

Господи, да разве мало мы видели тому примеров?!. Вот хоть то же знаменитое «Лебединое озеро» Мэтью Боурна, где музыка Чайковского выстраивает на сцене совсем другой, чем мы привыкли, сюжет, — из нынешней жизни, с психушками и злачными местами, с агрессивной стаей мужчин-лебедей и с гомосексуальными страстями современного Принца, околдованного главным Лебедем этой дружной птичьей компании (бывшей Одеттой-Одиллией). И ничего — мировой успех, как известно!..

Но тут вот какая закавыка. Тут ведь перед нами, не забудем, отнюдь не вольно-свободная фантазия из современной, скажем, жизни на темы, всего лишь навеянные романом Лермонтова. Перед нами прямая *экранизация.* То есть — произведение, претендующее дать нам прочтение *самого романа.*

Ведь что говорит на этот счет сам А. Котт?

«*Я не согласен,* — говорит он, — *со школьным стереотипом подачи Печорина — дескать, страдающий, мучающийся человек. В моем киноварианте это авантюрный молодой человек, желающий жить на полную катушку*».

То есть, другими словами, традиционное восприятие образа Печорина А. Котту именно потому и не нравится, что оно, с его точки зрения, не отвечает *реальности самого романа.* А вот его, коттовское, как раз и адекватно той действительной содержательности, которая, на его взгляд, представлена в романе образом Печорина.

И вот тут скажите мне, господа, — есть ли у нас хоть какие-то основания не доверять искренности этого заявления? Можем ли мы допустить, что на самом-то деле А. Котт прекрасно видит и понимает всю духовную и мировоззренческую сложность, масштабность и глубину лермонтовского героя, а делает из него этакого современного плейбоя только ради того, чтобы как-то соригинальничать, отметиться творческой дерзостью? *Право свое заявить...*

Но почему же, скажете вы мне, нельзя это допустить? Разве, скажете вы мне, такая уж это в наше время редкость — именно таким (далеко не беспроигрышным) способом отстаивать свое законное право на собственную интерпретацию любого исполняемого, инсценируемого, экранизируемого и т. д. текста?

Да, да, конечно — для нашей сегодняшней постперестроечной и суперпостмодернистской российской действительности все это давно уже стало самой заурядной обыденностью. Она знает и не такое.

Но, уважаемые господа, пока что никто все-таки не отменил еще, кажется, не только писанного, но и неписанного правила, именуемого «презумпцией невиновности». Так что какие, повторяю, есть у нас реальные и законные основания сомневаться в искренности авторских манифестов А. Котта?

Это — во-первых.

Во-вторых же, дело еще и в том, что хотя в наше время так думать, может быть, и наивно, но лично я готов все же и в самом деле верить всей душой, что в современном авантюрном плейбое, живущем *на всю катушку*, А. Котт действительно видит единственно верный ключ к разгадке реальной при-

роды лермонтовского героя. А все страдания и метания, о которых пишет Печорин в своем «Журнале», — все это соответственно и в самом деле кажется ему, по-видимому, всего лишь какой-то «литературой» — теми антуражно-романтическими фиговыми листочками, которыми Печорину доставляет просто некое дополнительное удовольствие — по моде его времени — уснащать голую правду своей брутальной неуемности. Недаром же А. Котту, как он сам же признается, всё рассказанное Лермонтовым представляется какой-то *«странной историей»*. И я верю ему — что это действительно какая-то очень для него *странная*, непонятная ему история...

Почему, однако, я готов в это *верить*, а не просто принять его заверение, что он действительно именно так понимает Печорина и отнюдь не видит в нем «страдающего, мучающегося человека», за единственно легитимную исходную точку для дальнейших размышлений, хотя бы и не веря в его искренность?

А вот почему.

Предположить, что А. Котт неискренен в манифестации своего приземления образа Печорина, то есть на самом-то деле все понимает вполне адекватно очень сложным реальностям самого романа, а свою версию предлагает просто ради того, чтобы как-то выделиться, привлечь к себе внимание неожиданной и дерзкой трактовкой классики, — предположить такое — значит, предположить абсолютную невозможность, абсолютный нонсенс. Потому что человек, способный действительно *понять и прочувствовать* весь огромный трагический смысл той духовной бездны, которая смотрит на нас из романа Лермонтова, *просто не может уже быть способен* ни на какую художественную коммерцию. Просто не может — и все. По определению. По непреложным законам духовной жизни, в пространстве которой нельзя служить сразу двум господам. Потому-то если кому-то и кажется, может быть, что ему действительно доступна и понятна некая духовная Истина, а на публике он выдает за нее что-то совсем другое только по чисто прагматическим соображениям, а не по внутреннему к ней отношению, — все равно это значит только то, что *на самом деле* он эту Истину пока еще вовсе не понимает и не чувствует. Что так ему только кажется.

Увы, в том-то и дело, что создатели фильма во главе с режиссером действительно видят и понимают Печорина — *лермонтовского* Печорина! — именно так, как показывают. И потому-то так старательно и загоняет режиссер все его горестные сентенции (которые нельзя же все-таки совсем уж игнорировать, раз претендуешь на достоверное и честное киновоссоздание романа) в те отдельные, особо выделенные для этого специальные кадры, где Печорин-Петренко прилежно склоняется при зыбком свете ночника над своим дневником, дабы аккуратно занести в него свои похождения. А заодно уж и то... что там у Лермонтова?.. — *«не угадал назначения»*? *«для чего я родился»*?..

Зато ни при каком повороте не позволяется в фильме всем этим мрачностям хоть как-то отразиться на высоком челе героя, — оно всегда, даже в неудачные минуты, девственно свободно от какой-либо мысли, улыбка белозуба и глумлива, глаз весело и остро прищурен в охоте за очередной человеческой дичью, способной обеспечить ему очередное удовольствие...

Нет-нет, по всему видно, что А. Котту и в самом деле просто нечего делать с лермонтовским Печориным. С тем, каким мы видим его, например, когда он возвращается ночью домой после поразившей его истории с Вуличем. Помните?

«Месяц полный и красный, как зарево пожара,— вспоминает Печорин в своем «журнале», — *начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов, звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, будто светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права И что ж? эти лампады, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником! Но зато какую силу воли,*— продолжает размышлять Печорин, — *придавала им уверенность, что целое небо с своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья»*

Режиссер просто не верит *такому* Печорину. То, что рассказывает тот о себе, — это, повторяю, для А. Котта и в самом деле какая-то «странная история». Потому что на самом-то деле за всеми этими умозрительными изысками скрывается, убежден он, история вполне обыкновенная, — та, которую они с Петренко и рассказывают нам. А потому, ничуть не сомневаясь, он вместе со всеми «странностями» в характере лермонтовского Печорина просто выбрасывает из фильма и эти его размышления, хотя именно в них и таится как раз истинный ключ к пониманию этого первого в русской литературе трагического героя эпохи всеобщего мирового религиозного кризиса.

И вот это-то и есть то главное, что поражает, когда размышляешь об этом фильме и о том, как он мог появиться на свет. Потому что если все это для А. Котта и вправду всего лишь пустая мишура и он искренне убежден, что именно его гламурный *нарратив* только и соответствует действительному смыслу романа, то ведь это значит, господа, что он и в самом деле *просто не видит, не слышит и не понимает* того, о чем ему рассказывает Лермонтов!

Но как же это может быть, дамы и господа, дорогие мои соотечественники?!. Как современный молодой и вроде бы образованный (ведь прежде чем за сериалы браться, кончил же он какие-то там кинематографические институты или хоть курсы!), то есть культурный вроде бы человек, — как же умудрился он сохраниться в такой невинности и чистоте, что просто не способен, оказывается, расслышать и понять то, что внесла в мировую культуру целая великая трагическая эпоха проклятых вопросов жизни и смерти, веры и безверья — эпоха, первым провозвестником которой в русской литературе как раз и стал великий лермонтовский текст?!. Чему его там, на этих курсах и в этих институтах, учили? И как умудрился он до сих пор не догадаться, что когда жестокий и страшный метафизический эгоизм превращается всего лишь в утробно-брутальный, когда человек, в котором действительно есть что-

то героическое, скукоживается до маленького духовного пигмея, а горький смех лермонтовского Печорина над самим собой трансформируется в безудержный хохот почти истерического глумливого веселья Печорина-Петренко над теми, кто полагает, будто он нуждается в утешениях, — что когда такое происходит, следить за всем этим становится просто неинтересно? То есть что даже с точки зрения чисто прагматической, коммерческой такие «дерзость» и «новаторство» просто провальны? Что и доказала реакция едва ли не большинства зрителей этой «киноверсии». Неужели А. Котт и его команда не чувствовали, не понимали всего этого? Удивительно!..

А что удивительного? — скажут мне. — Такая у нас теперь эпоха на дворе.

И верно: подумаешь — так ведь оно и есть. Куда ни глянь — всюду тому неоспоримые примеры. Хоть с фильмом о Есенине, хоть с экранизацией Булгакова, хоть Ильфа и Петрова.

Так что и случай с фильмом по роману Лермонтова — тоже, приходится признать, история вполне обыкновенная. К сожалению, — все более обыкновенная.

Но ведь это-то и страшно, господа! Потому что и обыкновенность, то есть что-то вроде бы привычное, никого особенно не задевающее, совсем вроде бы не страшное, бывает иной раз именно благодаря этой своей обыденности очень как раз страшной!

Ведь в чем самая суть, самая сердцевина всей этой и подобного рода обыкновенностей?

А в том, что накоплен вот человечеством за долгие и тяжкие тысячелетия его медленного выкарабкивания из дикости, животных инстинктов и утробных страстей, ненависти и невежества целый огромный мир всяческой премудрости, высоких духовных представлений и незыблемых ценностей, скрепляющих человечество, дающих ему возможность выбирать жизнь и пытаться жить достойно перед лицом неба и земли, — мир, именуемый нами *миром человеческой культуры*, мир, образующий нерушимую и жизненно необходимую нам *культурную память* человечества... И вот все чаще появляется на наших (да и не только наших) родных нивах какой-нибудь очередной суперсовременный молодой или не очень молодой, но почти всегда жизнерадостный варвар-новатор и говорит: а пошли вы со всей своей культурой куда подальше! Все это хлам хламов и всяческий хлам! Слушайте сюда — что я вам скажу, простой и прямой, как ваш основной инстинкт!

При этом вовсе не обязательно он такой уж вообще первобытно-необразованный, то есть даже в Белинского, к примеру, совсем не заглядывавший, одним только школьным учебником и просвещавшийся, — дело совсем не в этом. Вот Юрию Малецкому пришлось целый «*роман о романе*» написать, чтобы хоть немного разгрести то, что наворотила в своем романе «Даниэль Штайн, переводчик» прочитавшая для этого поистине целые горы книг ученая дама Людмила Улицкая, решившая провозгласить необходимость кардинальной, полной, подчистую реформы Христианской Церкви. Правда, как убедился уже, возможно, читатель, если он чтение этого номера начал именно с Малецкого, это не избавило ее от множества таких перлов учености, которым только диву даешься — как такое вообще может быть?!

Но дело не в этом, а в том, что весь этот обеспеченный вроде бы всяческой ученостью замах на самом деле имел своей задачей и целью все то же — а пошли вы все со своими святыми отцами, Евангелиями, Преданиями, догматами, Церквами, кардиналами, папами и даже вашим Христом! Слушайте сюда — я скажу вам, какой должен быть Христос, как надо верить или не верить в Него и каким должен быть настоящий священник!

И притом все ведь вроде бы во имя самого святого — Любви. Правда, именно в том ее «простом как правда» изводе, в каком вдохновенными ее носителями были и прежние любимые герои Улицкой — тот же *Кукоцкий* и даже *искренне ваш Шурик*, весь смысл жизни которого состоял именно в том, чтобы радостно и охотно, от всего сердца, переполненного состраданием к бедным обделенным мужской любовью женщинам, бежать к каждой из них, а если бы можно, то и ко всем вместе, по первому страдающему их зову, дабы горячей и искренней мужской своей самоотверженностью хоть немного заплатить неизбывный долг перед ними нашего черствого человечества... Вот и Даниэль Штайн занимается в новом романе нашей именитой писательницы исполнением совершенно такого же по своей сути закона и долга любви — разве только в тех лишь пределах, к которым обязывает его зачем-то принятый им монашеский сан. Хотя он ему совсем, в сущности, не нужен. А так бы... Вот потому-то роман и мог бы вполне назваться не как он называется, а — «*Искренне ваш Даник*». И это было бы правильнее — ближе к его смыслу...

Так вот — Георгий Федотов писал когда-то в своей знаменитой статье «Трагедия интеллигенции», что главная трагедия русской интеллигенции — в ее «беспочвенности», в отрыве от народной культуры, от народной жизни, быта — вообще от народа. Но отрыв этот, считал он, все-таки мог быть еще не окончательным до тех пор, пока у интеллигенции оставался какой-то идеал, уходивший корнями в основную ценностную почву человеческой культуры.

Но вот теперь, похоже, у нашей нынешней интеллигенции в ее массовом, «обыкновенном» типе и от этой «идеальной» почвы остались уже только рожки да ножки. Вернее, и тех не осталось.

А когда такое происходит, «обыкновенным» становится все что угодно. Тогда все позволено. Тогда на политической арене начинают изгаляться перед нами самые нахальные, откровенные и циничные политические шуты вроде Жириновского или Митрофанова. Тогда именно их и им подобных будут раз за разом тащить на свои интеллектуальные игрища и самые наши раскрученные и авторитетные телеведущие — от молодых и ранних до увенчанных разнообразными почетными званиями и государственными орденами. Тогда очередная раскрученная современная беллетристка будет, презрительно морща губки, делится с почтительно берущими у нее интервью тележурналистами: «*Солженицын?.. Ну разве это литература?*» Тогда народ начнут учить жить «без комплексов», и какой-нибудь очередной наш народный заступник на каком-нибудь очередном популярном ток-шоу будет прилюдно, на глазах у всей полунищей страны, плакаться по поводу собственной журналистской бедности — вот-де, даже каких-нибудь 30000 свободных долларов нет для более или менее *приличной* машины... Тогда один канал, чтобы перебить рейтинг у другого (всё бабки, бабки!), не усомнится в то же самое время, когда у соперника будет идти сериал, который действительно стоило бы посмо-

треть нашему замороченному обществу, запустить на свой экран какую-нибудь пошлую развлекаловку или того же брутального Печорина.

Вот так вот, господа хорошие.

И тогда — как это там у Олейникова?..

Страшно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют, —
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут...

Вот-вот.

И правда ведь страшно. Страшнее некуда, когда не только волки зайчика грызут, но Котт — Лермонтова, Боурн — Чайковского, Толстая — Солженицына, а Улицкая...

А Людмила Улицкая — так и Самого... страшно даже сказать, Кого...

И вот тут, простите, самое время перейти мне уже и ко второй дарованной мне несколько месяцев назад встрече с миром прекрасного. Встрече, впечатления от которой каким-то непонятным, загадочным для меня самого, но несомненным образом переплелись во мне с впечатлениями от коттовской «киноверсии» романа Лермонтова, наложились на них неотделимо и странно...

3. А если и десяти не сыщется?..

Собственно, это была уже не только не первая, а бог знает уже какая по счету, но поистине неожиданная встреча.

Неожиданная — потому что когда я в конце июня выбрался-таки в новую Третьяковку на выставку «Европа — Россия», которая уже два месяца как была открыта, я никак почему-то не ожидал увидеть здесь, в первом же зале, в небольшом ряду древних русских икон и «Троицу» Рублева.

Но — увидел. И застыл перед ней. И опять, в какой уже раз, но все с той же *«дрожью сокровенной»* пережил то пронзительнейшее от нее впечатление, которое всегда потрясало меня и о котором я и хочу теперь рассказать. Это трудно, но я все же попробую. Заранее предупредив, однако, что я не искусствовед, не богослов и ни в какой мере не берусь заступать на их территорию даже как дилетант. Я просто более или менее вменяемый, как хотелось бы надеяться, человек своего времени и не претендую ни на что большее, чем попытаться передать только то, как именно я, сам, лично, вижу, понимаю и чувствую эту поразительную икону. Тем более, что вполне отдаю себе отчет, насколько расхожусь с привычным ее восприятием и толкованием. Я имею в виду то толкование этой иконы, которое дал когда-то о. Павел Флоренский, не раз восхищенно писавший о рублевской «Троице», — оно-то, это толкование и восприятие и утвердилось едва дли не как общепризнанно-истинное.

С него поэтому и начну.

Нас умиляет, поражает и почти ожигает в произведении Рублева, — писал о. Павел Флоренский в работе «Троице-Сергиева Лавра и Россия», — *вовсе не сюжет, не число «три», не чаша за столом и не крила, а внезапно сдерну-*

тая пред нами завеса ноуменального мира <...> то, что он воистину передал нам узренное им откровение. Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безмирия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольнем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струящийся широким потоком прямо в душу созерцающего от Троицы Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь — более небесную, чем само земное небо, да, эту воистину пренебесную лазурь, несказанную мечту протосковавшего по ней Лермонтова, эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг перед другом покорность — мы считаем творческим содержанием Троицы. Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни — деревом и земля — скалою,— все мало и ничтожно пред этим общением неиссякаемой, бесконечной любви...

Какие сильные слова — не правда ли? Недаром так завораживали они целые поколения смотревших на рублевскую «Троицу», задавая им духовный алгоритм ее восприятия. И оно-то и стало ныне уже как бы само собой разумеющимся, всеобщим, общепризнанно истинным. Не случайно ведь, кстати, именно на нем построен и великий фильм Андрея Тарковского об Андрее Рублеве — его знаменитый цветной финал, взрывающийся мощным красочным контрастом к черно-белым кадрам всего предыдущего киноповествования, которыми обрушивались на нас одна за другой потрясающие, леденящие сердце картины всеобщего одичания, растлившего Русь. И вдруг, после всего — ликующая светоносная симфония рублевских красок, рублевских иконных ликов — их, вот именно, неземная, надмирная красота...

Да, все это так — без *этого*, как говорит Флоренский, *творческого* своего содержания рублевская «Троица» действительно не стала бы тем откровением, каким она стала для человечества.

Но не знаю как Вы, мой читатель, а меня всякий раз, как я вижу ее перед собою, она пронзает отнюдь все-таки не одной лишь благодатной силой этого высшего надмирного совершенства и гармонии. Она поражает меня — одновременно — еще и какой-то не отделимой от этой надмирной тишины, от этой пренебесной лазури, но и не исчезающей в ней, столь же пронзительно ощутимой *высшей печалью*, — какой-то столь же, если хотите, надмирной, *высшей грустью* — не знаю уж, какими человеческими словами передать это ощущение, струящееся мне в сердце и от этих, совершенных и покойных, но словно и никнущих друг к другу взаимных склонений, от этих безмолвно обращенных не только друг к другу, но как бы и внутрь самих себя, *к какой-то общей и совсем не радостной думе*, прекрасных ликов. Она утешает и утоляет — но в то же время рвет сердце...

Нет, совсем не одной только ликующей безмятежностью некоего абсолютно невозмутимого высшего покоя веет на меня от всей этой действительно совершенной гармонии и красоты, — нет, словно и какая-то невидимая, но глубинная трещина проходит в духовном пространстве рублевской «Троицы», через самую ее сердцевину...

Не потому ли это так, что когда я стою перед «Троицей», я никак не могу забыть о том ветхозаветном сюжете, который положен в ее основу? Да и можно ли о нем забыть? И не заставляет ли она и о нем тоже помнить?

О. Павел Флоренский уверен и настаивает, что не заставляет. Его мысль в том, что в образе трех путников, которых встретил когда-то у мамврийского дуба ветхозаветный Авраам, Рублеву даровано было узреть Самое Пресвятую Троицу — Отца, Сына и Святого Духа. И что поэтому «Троица» Рублева не имеет уже никакого существенного внутреннего отношения к древнему сюжету «праотеческого гостеприимства», заимствуя из него лишь «исторические формы». А потому при восприятии иконы они и должны быть просто элиминированы нами. Отношение иконы к мамврийскому эпизоду — это, считает Флоренский, «уже рудимент».

Но разве суть этого «рудимента» в одном лишь «праотеческом гостеприимстве»?

Вспомним это место из Библии: ведь Авраам встречает и приглашает отдохнуть у своего шатра трех мужей, Господа и двух Ангелов, *когда они направляются к Содому и Гоморре! Направляются, чтобы* ***истребить*** *эти два развратных города, преступивших всякую черту растления...* И, стоя перед лицом Господа, праведный Авраам молит Его: неужели Ты истребишь праведного с нечестивым и не пожалеешь место сие, если найдется в нем хотя бы пятьдесят праведников?.. А если сорок пять?.. А тридцать?.. Двадцать?.. Хотя бы десять... И Господь отвечает — не истреблю и ради десяти.

Но и десяти не нашлось...

Так что же — в рублевской «Троице» нет памяти и об этой готовности Господа внять мольбе Авраама и Его скорби о развратном роде людском, вопль от непотребствах которого восходит к Нему и требует Его Гнева и Суда? Нет памяти об этом Гневе Божием, когда Господь не нашел кроме Лота и его семьи ни одного праведника?.. И что же — Андрей Рублев, все содержание вся полнота, весь смысл, все наполнение жизни которого состояли в преодолении тогдашних собственных российских чудовищных Содома и Гоморры, забыл и не помнил об этом сюжете, когда создавал свою «Троицу»?

Но тогда бы, наверное, и не было в ней этой не отделимой от высшей пренебесной красоты и тишины, гармонии и любви трех мужей, присевших у мамврийского дуба Авраама, столь же пронзительной надмирной их грусти и печали, обращенной к миру земному, глубинной трещиной проходящей через сердце Божие, измученное несовершенствами, ненавистью и непотребствами рода людского...

«Троица» Андрея Рублева — это для меня один из самых глубоких, таинственных и потрясающих иконописных символов-откровений одновременно и высшей красоты, гармонии и совершенства «горнего мира», и бесконечного Божиего милосердия, и бесконечной же Божией печали о нашем земном мире, — той бесконечной уязвленности небесного нашего Отца, Господа нашего Иисуса Христа и Господа нашего Духа Святого нашей падшестью, без которой не было бы страшной искупительной жертвы единородного Сына Божия, не было бы милосердного и утешительного для нас нисхождения к нам Духа Святого, но не было бы и того Гнева Господ-

ня, само понятие о котором — и память о нем — так усиленно вытравляет из наших сердец наше «просвещенное», наше «гуманное», наше «цивилизованное время». Признаем: приложило руку к этому и то, по выражению Бердяева, *стилизованное православие* начала XX века, которому отдал-таки свою дань и о. Павел Флоренский.

Но Андрей Рублев, этот совсем не надмирно-безоблачный, как его часто изображают, а поистине величайший трагический художник-иконописец, рожденный своим страшным и великим временем, — Андрей Рублев к этому забвению непричастен.

И этим, мне кажется, он как раз особенно и близок нашему времени, когда происходит окончательное расставание с последними розовыми иллюзиями о возможности успешного построения Царства Божия на земле. И когда мы вновь учимся жить в ситуации исторической и вселенской катастрофы.

И в ней исполнять свой человеческий и христианский долг.

Тот долг, исполнение которого невозможно, если в сердце нашем будет отсутствовать память о Божией уязвленности и то животворное и живоносное чувство Страха Божия и памяти о Гневе Господнем, которое не имеет ничего общего со страхом шкурным, «иудейским» и совершенно неотделимо от истинной и бескорыстной любви к Богу как к абсолютному началу всякого Добра, Света, Красоты, Истины и Любви... И — от упования на него — и на его любовь, и на Его милосердие даже и тогда, когда среди нас и десяти не отыщется...

Ну а чем же все-таки это ваше «прочтение» рублевской «Троицы», спросят, может быть, меня, пересекается, как вы сами же сказали, с вашими впечатлениями от последней экранизации «Героя нашего времени»?

А вот догадайтесь с первого раза, как любит повторять в своем «романе о романе» один из самых ценимых мною современных русских прозаиков Юрий Малецкий. И мне доставляет истинное удовольствие еще раз аукнуться с ним хотя бы таким вот коротким перекликом, — благо мы с ним расположились хоть и на разных страничных краях журнала, но все же совсем рядом, в пределах одного номера. И, разумеется, в пределах одного мировидения и миропонимания.

А потому и отвечу напоследок только одним советом — почаще вспоминать рублевскую «Троицу». Эту высшую, пренебесную, надмирную красоту, гармонию и грусть трех склоненных друг к другу прекрасных ликов. И держать в памяти хотя бы самую суть всей огромной культурной памяти человечества, которая запечатлена и удержана в этой прекрасной трагической иконе. И памяти дорублевских тысячелетий. И собственно рублевского времени. И культурной памяти всех последующих веков, гением Рублева предугаданной.

В том числе — и нашего времени.

Корректор *Ю.Н. Маслов*

ЛР № 06669

Подписано в печать 17.09.2007. Формат 60×90/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс», Печ. л. 30,00. Тираж 2600 экз. Заказ № 1699

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка)*, 73218

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых выпусков.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается:

"AD MARGINEM" – 1-й Новокузнецкий пер., 5/7; тел. 951.93.60
"BILINGUA" – Кривоколенный пер., 10 стр. 5; тел. 623.66.92
"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.27.97
ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК "НОВОЙ ГАЗЕТЫ" – Страстной бульвар, 8
"ЛЕТНИЙ САД" – ул. Воздвиженка, 3; тел. 622.83.53
ЛИТИНСТИТУТ книжная лавка – Тверской бульвар, 25; тел. 694.01.98
"ПИРОГИ" – Никольская, 19/21; тел. 621.58.27
"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12 стр. 2; 627.56.09
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 699.52.83
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск – ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 623.03.80
"УМНАЯ КНИГА" – ул. Покровка, д. 27, стр. 1; тел. 916.28.14
"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27; тел. 504.47.95
ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ – Столешников пер., 2; тел. 629.52.62
ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ – Газетный пер., 15; тел. 962.05.63

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

КНИЖНЫЙ КЛУБ НА АВСТРИЙСКОЙ ПЛОЩАДИ – Каменноостровский пр., 13/2; тел. (812)232.33.07
"ЛЕТНИЙ САД" – Большой Проспект ПС, 82; тел. (812) 232.21.04

2007
№3

«КОНТИНЕНТ» № 133, 480 стр., подписные индексы в каталоге Роспечати 73218, 71682 и 18047 (для библиотек)